

ПРИШЕЛЬЦЫ С НЕБЕС

КЛАССИКА ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОЙ ФАНТАСТИКИ

А.Е. Ван Вогт

Джеймс Шмиц

Л. Спрэг де Камп

Джек Вэнс

С.М. Корнблат

Ли Брэкет

Мюррей Лейнстер

Пол Андерсон

Гордон Р. Диксон

Кордвайнер Смит

Брайан Олдисс

Бим Пайпер

Урсула Ле Гуин

Фриц Лейбер

Роджер Желязны

Джеймс Типтри-младший

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

ПРИШЕЛЬЦЫ С НЕБЕС

КЛАССИКА ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ

EDITED BY

Gardner DOZOIS

THE GOOD OLD STUFF

СОСТАВИТЕЛЬ

Гарднер ДОЗУА

ПРИШЕЛЬЦЫ С НЕБЕС

СТАРАЯ ДОБРАЯ ФАНТАСТИКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2002

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44
П75

Серия основана в 1999 году

THE GOOD OLD STUFF
Edited by Gardner Dozois
1998

Перевод с английского

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Печатается с разрешения литературных агентств Virginia Kidd
и Александра Корженевского

Подписано в печать 09.11.01. Формат 84×108 $^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 35,28. Тираж 15 000 экз. Заказ № 4219.

Пришельцы с небес: Старая добрая фантастика: Сб.: Пер.
П75 с англ. / Сост. и предисл. Г. Дозуа. — М.: ООО «Издательство
АСТ», 2002. — 666, [6] с. — (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-005709-1

Перед вами — сборник, составленный Гарднером Дозуа — самым признанным знатоком англоязычной научной фантастики, главным редактором журнала «Asimov's SF» и составителем авторитетнейших антологий «Лучшая фантастика года».

Перед вами — ЛУЧШИЕ ИЗ ЛУЧШИХ повестей за всю историю американской приключенческой фантастики. Произведения, выдержавшие проверку временем и доказавшие свою неподвластность старению!

Поклонники фантастики!

Возможно, какие-то из этих повестей вы уже читали в каких-то сборниках?

Но — как насчет того, чтобы ВСЕ ЭТО было собрано в ОДНОЙ КНИГЕ?!

Не пропустите!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44

© Ed. by Gardner Dozois, 1998
© ООО «Издательство АСТ», 2002

Посвящается Дженет Каган и Бобу Уолтерсу — любителям старой доброй фантастики

Предисловие*

Короче говоря, мы утверждаем, что, постепенно поднимаясь от простого к сложному, достигли нынешнего просветления. Это неправда. Мы читали дешевые журнальчики и «Эстаундинг» параллельно и с одинаковой жадностью — это были две стороны одной медали, и наши отношения с тем чтивом были куда более захватывающими, живыми и в каком-то смысле более искренними, чем респектабельные отношения с «Эстаундинг». А наше нынешнее просветление — которое, не приходится сомневаться, в ретроспективе сильно потускнеет, — не выросло так прямо из ASF, а возникло из сложных взаимодействий любви-ненависти между чтивом и «современной научной фантастикой» в нашем собственном сознании.

Алгис Бадрис,
The Magazine of Fantazy & Science Fiction,
январь 1977 г.

Научная фантастика может показывать нам миры, которые мы бы никогда иначе не увидели, существ, о которых никогда не узнали бы. Она может наводить на такие мысли о внутреннем устройстве нашего общества, которые по-иному найти было бы трудно, открывать новые точки зрения на общественные нравы и на саму человеческую природу — настолько новые, что без нее их бы не было. НФ бывает неоценимым инструментом, с помощью которого разбирают

* Gardner Dozois. «Preface» © Gardner Dozois, 1998.
© Перевод. Левин М.Б., 2001

на кирпичики предвзятые понятия и заемную мудрость, чтобы выложить их новым способом; она может готовить людей к неизбежным и иногда очень печальным переменам, смягчать удары Бурь Грядущего. Она умеет устрашать и предостерегать, бывает очищающей и гневной, грустной и элегичной, мудрой и глубокой. Все это так, но иногда она бывает просто *занимательной.*

Иногда она «всего лишь» развлечение. Иногда фантастика бывает «приключенческой» и в ней описываются *приключения,* которые больше нигде не найдешь. Там открываются новые планеты, еще не найденные и не исследованные, там чудовищные угрозы, и не снившиеся нам на нашей привычной Земле, встают перед нами на каждом шагу.

Развлечение — об этом понятии в наше время и в нашем обществе — стремительном, спешащем, озабоченном, серьезном (чтобы не сказать «мрачном») — говорят не много. Люди нервно оглядываются, пугаясь обвала акций, атомной бомбежки, столкновения с астероидом, лихорадки «Эбола», течения «Эль-Ниньо», глобального потепления, разрушения озонового слоя, кислотных дождей, канцерогенных веществ в еде, коровьего бешенства, микроволнового излучения, эрозии почв, похитителей с летающих тарелок, зловещих заговоров в правительстве, разорения корпораций и прочих бесчисленных дамокловых мечей, висящих у нас над головами на тончайших нитях. А занимательность — это постыдная слабость, и ей нет места, когда речь идет о Серьезных Вещах.

Но ни один самый серьезный человек не может быть серьезен двадцать четыре часа в сутки. Иногда надо отдохнуть и развлечься.

То же самое относится и к научной фантастике как к жанру, какой бы серьезной, глубокой и глубокомысленной она ни была. Бывает, что писатель создает вещь просто для развлечения — стремительную, чисто *приключенческую,* просто для удовольствия, где все серьезные мысли и социальные вопросы (а они обязательно возникают, даже в самых легкомысленных историях) уходят в подтекст, а на переднем плане

остаются действие, цвет, образ и (еще одно почти полностью вышедшее из моды понятие) — приключение.

Вот именно такие произведения имеются в виду, когда говорят: «теперь такого больше не пишут». Да нет, пишут, как я надеюсь показать антологией, следующей за той, которую вы сейчас держите в руках. Она будет называться «Отличная новая фантастика». Но сейчас, когда приключенческая НФ (хоть и существует) меньше всего занимает мысли читателей и ниже всего ценится критиками из всех видов НФ, мне кажется правильным дать несколько классических рассказов приключенческой научной фантастики. Эти рассказы до сих пор захватывают читателя и не отпускают его внимания, будто написаны сегодня, и в то же время это те самые рассказы, которые заложили основы этого направления и фактически создали его; в них заключены семена многих произведений, написанных после — да и тех, что еще будут написаны.

Как и другие свои антологии — «Современная классика научной фантастики», «Современные классические повести научной фантастики» и «Современная классика фэнтези», — эту я составлял главным образом для того, чтобы не забывалась история жанра, что, как мне кажется, происходит все быстрее с каждым годом, и то, что выходило всего лишь в начале восьмидесятых, уже не переиздается и забыто. Время жизни книги стало очень коротким, переиздания выходят крайне редко, а старые журналы и книги трудно найти даже в специальных магазинах научной фантастики, и потому молодые читатели вряд ли имели случай прочесть собранные здесь рассказы — даже те, которые были знамениты в свое время, даже удостоенные премии «Хьюго». Бывает, что молодые читатели даже не слышали имен *авторов* этих вещей, как я, к своему ужасу, обнаружил в разговорах с умными и образованными молодыми людьми, считающими себя поклонниками НФ. Да-да, они никогда не слышали имена Кордвайнера Смита, Альфреда Бестера, Фрица Лейбера, Ли Брэкет, Джеймса Шмица, Мюррея Лейнстера или А.Е. Ван Вогта (а те, кто имена слышал, авторов не читал). Эта

книга, как и аналогичные — переиздание классических работ, которые все-таки иногда выпускаются издательствами вроде «NESFA Press», «Tor and Tachyon Press» и «White Wolf», — не более чем пластырь на зияющую рану — но увы, в данный момент лучшего средства, кажется, нет.

К своему удивлению, я обнаружил, что людям, в общем, все равно, можно ли сейчас где-нибудь достать старую фантастику, и все равно, читали они ее или нет. Они считают, будто все, что не печатается пять лет, не стоит того, чтобы об этом вспоминать. Какая разница, можно ли прочесть пачку заплесневелых старых книг?

К сожалению, при этом выкидывается на помойку большой кусок истории жанра, а не знать прошлого — значит не уметь понять (и оценить) *настоящее*, не говоря уже о том, что при этом совершенно невозможно предвидеть, как и почему жанр будет развиваться в будущем.

А я к тому же и не считаю, что эти старые книги — заплесневелые. На самом деле я думаю, что почти все читатели от них получат не меньше, если не больше удовольствия, чем от любой современной книги. Старое вино — не обязательно лучшее, но все же оно не уксус.

Но, как обычно, когда я приступил к созданию такой ретроспективной антологии, оказалось, что мне хочется включить сюда гораздо больше рассказов, чем в ней может поместиться. Потребовался суровый отбор.

Хотя конкретно научно-фантастический приключенческий рассказ возник из более обширной и более ранней приключенческой литературы вообще, наиболее характерной для научной фантастики постепенно стала форма космических приключений (которую следует отличать от произведений о затерянных мирах и затерянных народах, уходящих корнями в девятнадцатый век, а также от более серьезных по стилю и медленных по темпу рассказов и романов о «визите в будущее», которые в больших количествах издавались Хьюго Гернсбеком. Они, особенно после Уэллса, скорее относятся к жанру социально-полемической утопии).

Хотя приключенческий научно-фантастический рассказ развивался (и развивается) в разных направлениях, все же наиболее характерными для НФ остаются космические оперы. Таким образом, определился жанр рассказов, которые я в основном и отобрал для этой антологии (хотя сюда включен и рассказ, где действие происходит на Альтернативной Земле, и другой рассказ, описывающий опустошенную Будущую Землю после атомной катастрофы, и я мог бы сделать вид, что включил их ради того, чтобы отразить все направления, но если правду сказать, то это просто настолько хорошие рассказы, и они настолько нравились мне в детстве, что я просто не устоял). И еще я решил, что, насколько бы ни были захватывающими приключения в рассказе, он все же должен быть настоящей Научной Фантастикой, безупречной с точки зрения эстетики и научных знаний своего времени. Мне не нужны были стереотипные истории в стиле Бэта Драстона — переложение ковбойских рассказов с заменой слов: «лошадь» — «звездолет», «шестизарядный кольт» — «бластер» и так далее. Это условие оставило за бортом основную массу рассказов из «Weird Tales» тридцатых и «Planet Stories» сороковых — почти все это были страшные рассказы а-ля «меч и магия», переделанные под научную фантастику аналогичной заменой. Любые приключения на планетах, космические приключения и космические оперы годились только, если это были не просто переложения авантюрных сюжетов, общих для всех легких жанров, если в них было *что-то* — точка зрения, дух, намерение, делавшее их специфическими рассказами НФ, которые невозможно перевести — по крайней мере без потери воздействия на читателя — в другой жанр.

(Конечно, такие критерии субъективны. Я считаю себя способным уловить тонкую вкусовую разницу между космическими приключениями, космической оперой, инопланетной романтикой и приключениями на иных мирах — а во втором томе я считаю себя способным определить различия между киберпанком, «жесткой» фантастикой, радикально «жесткой» фантастикой и новой космической оперой стиля

барокко, как различаю вкус ванильного, сливочного и шоколадного мороженого, — но различие вкусов вещь тонкая и трудноформулируемая, и то, что мне кажется сливочным мороженым, другому покажется ванильным.)

Но даже после такого отбора рассказов, которые мне хотелось включить в сборник, оставалось втрое или вчетверо больше, чем места на страницах. Если бы я мог выпустить многомерную, бесконечно расширяемую идеальную антологию, я бы с удовольствием оставил бы их все, отразив достаточно полную историю развития жанра, которой он вполне заслуживает — начав с периода «сверхнауки» двадцатых—тридцатых годов. К сожалению, в нашем реальном мире один том содержит лишь конечный объем материала, и приходится искать иной выход. Снова вышло на сцену сито отбора, и снова пришлось принимать решения — воистину драконовские — насчет того, какие исторические периоды будут отражены в книге, а какие — *не будут*.

Чтобы эти решения были более понятны, надо бы вспомнить полную историю развития жанра космических приключений — от начала в «Amazing Stories» Гернсбека в конце двадцатых и до самых девяностых, но на это у нас нет места. Достаточно будет сказать — и это будет безжалостно спрессованная и искаженная версия правды, не учитывающая десятков исключений и противоречий, — что к тому времени, когда самые ранние из приведенных здесь рассказов впервые увидели свет (после Второй мировой войны), научная фантастика миновала период, впоследствии названный «сверхнаучным» и приходящийся на двадцатые и тридцатые годы, период первого Великого Века космической оперы, когда такие писатели, как Э.Э. «Док» Смит, Рей Каммингс, Раймонд З. Голлан, Эдмонд Гамильтон, Джон У. Кэмпбелл, Джек Уильямсон, Клиффорд Д. Саймак, и многие другие невероятно расширили сцену, на которой разыгрывались приключения научной фантастики. Скажем, до Э.Э. Смита авторы редко выбирали место действия за пределами Солнечной системы, но к концу «сверхнаучной» эры сценой стала вся Галактика — да и остальная вселен-

ная. Вырос также масштаб приключений и стоящие на кону ставки — не зря же Эдмонда Гамильтона называли Сокрушителем миров и Уничтожителем планет. Космические флоты, состоящие из дредноутов в милю длиной, с их супероружием, разносящим планеты в пыль, бороздившие глубокий космос на протяжении всей истории научной фантастики (и попавшие из книг и журналов в телевизионные передачи и компьютерные игры), впервые ушли в полет со страниц журналов двадцатых и тридцатых годов.

Но к 1948 году — когда появился самый ранний из рассказов сборника, «Рулл» Ван Вогта, — уже произошла кэмпбелловская революция в научной фантастике. Джон У. Кэмпбелл, новый редактор журнала «Astounding», волевым решением (подкрепленным примером радикально новых писателей, таких как Роберт А. Хайнлайн и Айзек Азимов) резко изменил критерии «хорошей» научной фантастики. Отбросив безвкусное и мелодраматическое массовое чтиво ради более мастерски написанного, более осмысленного материала, строго выдержанного с точки зрения науки, он поставил себе целью добиваться таких произведений, «которые могли бы быть напечатаны в журнале двухтысячного года» как написанные современником, без восторженных ахов, где автор «просто воспринимает технику как данность». (Конечно, постоянно бывали исключения, и в «Astounding» продолжали появляться довольно аляповатые космические оперы, как и потом в «Аналоге», когда журнал поменял название — поступок, символичный для желания Кэмпбелла уйти от низкопробности к респектабельности, цель, которую он ставил себе на протяжении всей жизни, но такую цель часто ставят. Однако Кэмпбелл, хотя и соблазнялся иногда быстро разворачивающимся широким полотном приключенческой истории — скажем, «Дюной» Фрэнка Герберта, которая, несмотря на некоторые осторожные размышления о природе общества, из тех, что как раз и нравились Кэмпбеллу, все же в основе своей является барочной космической оперой неслыханного в эру сверхнауки масштаба, — постоянно направлял журнал этим курсом.)

Одним из результатов кэмпбелловской революции (самое смешное, что Кэмпбелл был одним из известнейших «разрушителей планет» в эру сверхнауки) стало некоторое пренебрежение космическими приключениями и космической оперой: они стали «не комильфо», чем-то вышедшим из моды, устаревшим, пройденным, уже не Передним Краем, не злобой дня. Сам термин «космическая опера» — вброшенный в 1941 году Уилсоном Таккером (по образцу более ранних и тоже негативно звучащих терминов «мыльная опера» и «ковбойская опера») для описания «неуклюжей, грубой, тягомотной стряпни с космолетами» — до сих пор несет несколько презрительный оттенок. Даже сегодня космическая опера — это нечто не слишком уважаемое, Не-То-Что-Надо, и люди, которым она нравится, слегка стыдятся это признавать, будто их поймали за каким-то неприличным занятием, за таким, которое нам нравится, хотя мы знаем, что оно Вредное и, быть может, Политически Некорректное, вроде как объедаться картофельными чипсами или шоколадным мороженым; будто их застали в момент, когда они заказывают себе на обед жирный вредный гамбургер вместо здорового диетического салата или смотрят по телевизору повторение «Порохового дыма» вместо «Театральных шедевров». (Парадоксально, но, быть может, именно этот душок и привлекает новых писателей, ищущих способа поднять на мачте пиратский флаг и оказаться вне закона.)

Эффект кэмпбелловской революции обострился в начале пятидесятых из-за создания двух новых больших журналов научной фантастики: «Galaxy» и «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», редакторы которых еще сильнее сдвинули принятую модель научной фантастики в сторону психологической и социологической зрелости, литературной утонченности стиля и концептуализации — иногда даже сильнее, чем хотел бы сам Кэмпбелл, и тем отодвинули ее еще дальше от привычного легкого жанра авантюрного рассказа, а тот из-за этого стал еще более «не комильфо».

И еще один парадоксальный эффект кэмпбелловской революции: после создания журналов «Galaxy» и «The

Magazine of Fantasy & Science Fiction» литературные стандарты возросли во всем жанре, даже в таких журналах, как «Planet Stories», «Thrilling Wonder Stories» и «Startling Stories», читатели которых тоже хотели получать продукт, написанный лучше... и потому даже на рынке приключенческого чтива плохо написанная вещь, которая без труда бы прошла в тридцать пятом году, в пятьдесят пятом уже вряд ли попала бы в печать, а уровень, необходимый, чтобы напечататься в главных журналах, резко взлетел вверх. Ставки за вход в игру повысились во всем жанре, как на «низкопробном» участке рынка, так и на «изысканных». (А на этом «низкопробном» конце рынка, когда приключенческий жанр развивался в борьбе за существование, появлялись произведения Джека Вэнса, Рея Брэдбери, Чарльза Харнесса, Теодора Старджона и других, в те времена не получившие широкого признания, но в ретроспективе видно, что они не хуже, если не лучше, большинства «респектабельных» вещей, печатавшихся в больших журналах.)

Эти соображения дали мне еще один критерий отбора. Мне не хотелось создавать сборник запыленных музейных экспонатов, литературных курьезов, настолько устаревших по стилю и эстетике, что могут вызвать лишь ностальгическое удовольствие, я хотел сделать книгу, которая *порадует* современного читателя; чтобы рассказы были такими же занимательными и живыми, как любые другие, которые можно найти сейчас на книжных полках, — а это значило, что требуется установить какой-то средний уровень мастерства. Дело в том, что большинство классических вещей двадцатых и тридцатых годов, хоть и содержат в себе зародыши многих будущих работ, написаны так плохо (даже если не топорно, то настолько устаревшим стилем), что современный читатель их практически не воспримет. И потому я решил не отражать в сборнике эру сверхнауки (уже и без того широко представленную в антологиях Азимова «До золотого века» и Деймона Найта «Фантастика тридцатых годов»), а ограничиться тем, что выходило после Второй мировой войны — период быстрого изменения и вынужденной эво-

люции на рынке журнальной литературы, когда эстетические уроки кэмпбелловской революции уже были усвоены и претворялись в жизнь. Кроме того, «после Второй мировой войны» — четкая и очевидная начальная точка: после войны изменился сам мир научно-фантастических произведений, и некоторые авторы, которые начали печататься до войны, например, Джек Уильямсон и Клиффорд Саймак, резко изменили стиль и подход.

«После Второй мировой войны» — это, конечно, ограничивающий параметр, но все равно оставалось представить почти пятьдесят лет развития жанра, что в одном томе сделать невозможно. И потому книгу надо было разбить на два тома, что я и сделал, назвав будущий второй том «Старая добрая фантастика. Новые имена». Оставался только вопрос: где разбить?

Приключенческая научная фантастика, в частности, ее виды, известные как космические приключения и космическая опера, развивалась в тепличных условиях в пятидесятых годах и в начале и середине шестидесятых. При взгляде назад это время кажется вторым Великим Веком космической оперы, хотя и тогда, и сейчас больше внимания уделялось работе, делавшейся вне горячего цеха космических приключений, в частности, авторами «Galaxy». И все же те годы были временем наибольшей продуктивности для таких авторов, как Пол Андерсон, Джек Вэнс и Джеймс Шмиц; Л. Спрэг де Камп выпускал свои рассказы, Кордвайнер Смит создавал свою историю будущего (Instrumentality), Брайан Олдис участвовал в создании современной формы «научной фэнтези» с выпуклыми, цветными приключениями (на которые шумно нападали за то, что они невозможны с точки зрения науки — и так оно, конечно, и было, хотя это к делу не относится) своей серией «Теплица» (Hothouse); Роберт А. Хайнлайн разбавлял (с переменным успехом) космические приключения до той степени, чтобы они стали приемлемы для читателей «Сатердей Ивнинг Пост», и одновременно писал романы для юношества, приучая целое новое поколение читателей к этой форме (тем

же занималась и Андре Нортон); Хол Клемент написал две свои лучшие книги — яркие приключения на далеких планетах: «Экспедиция «Тяготение» и «Огненный цикл», Альфред Бестер поднял планку барочной космической оперы, выпустив в 1956 году «Звезды — моя цель» (вещь, которая до сих пор остается одним из наиболее значительных произведений НФ, когда-либо написанных, и подходила для «Galaxy» Г. Л. Голда, где упор обычно делался на зубастую социальную сатиру, не более чем «Дюна» Фрэнка Герберта для «Analog» — против хорошей приключенческой вещи трудно устоять!), а потом Фрэнк Герберт в «Дюне» снова поднял эту планку, по крайней мере в том, что относится к сложности социального фона, потому что у Бестера больше напора и блеска.

В середине шестидесятых даже снова появился журнал («Planet Stories», «Thrilling Wonder Stories» и «Startling Stories» к концу пятидесятых исчезли вместе с десятками других, появившихся во время бума пятидесятых), специализировавшийся, хоть и де-факто, на простых приключениях: «World of If» Фредерика Пола. Он задумывался как журнал для второсортной литературы — хорошей, но недостойной публикации в главном журнале Пола — «Galaxy»; это была «свалка отходов «Galaxy», по грубому выражению самого Пола, но для меня «World of If» всегда был более живым, свободным и занимательным, чем его несколько сероватый старший брат, и, к неудовольствию Пола, он постоянно получал «Хьюго» за лучший журнал, оттесняя более респектабельный «Galaxy». Помимо запоминающихся работ, развивающих космические приключения и написанных Харланом Эллисоном, Сэмюэлем Р. Дилэйни, Джеймсом Типтри-младшим, Робертом Силвербергом, Филипом К. Диком, Р.А. Лафферти и другими, «World of If» также публиковал ранние рассказы серии «Известный космос» Ларри Нивена и длинный цикл «Берсеркер» Фреда Саберхагена; а кроме того, породил мини-бум в еще более специализированном жанре «межзвездного шпионажа», который открыл Кейт Лаумер *пародийной* серией «Ретиф»,

хотя впоследствии вещи этой серии почти превратились в копии прототипов своих пародий, сохранив лишь тень насмешки; и эта серия стала одной из наиболее популярной в «If». Потом появились и похожие серии — уже без пародийности, — написанные Колином Мак-Аппом и другими; можно к этой же категории отнести некоторые произведения Саберхагена из «Берсеркера». Этот жанр стал популярен в мире научной фантастики середины шестидесятых — достаточно вспомнить романы Пола Андерсона о Доминике Флэндри и Джека Вэнса о принцах демонов, и возникает мысль, не сказалось ли тут влияние романов Флеминга о Джеймсе Бонде, которые в то время не выходили из списков бестселлеров.

Но можно обоснованно возразить, что истинным домом научной фантастики в США в середине шестидесятых были не журналы, а издательство «Ace Books», особенно его серия «Ace Doubles», где помимо переиздания почти полного Эдгара Райса Берроуза под редакцией Доналда А. Уоллхейма, выходил большой цикл дешевых (доступно даже подросткам, вот в чем цель!) приключенческих книг в ярких обложках: Пол Андерсон, Джон Браннер, Андре Нортон, Джек Вэнс, Гордон Р. Диксон, Кеннет Балмер, Г.К. Эдмондсон, Кейт Лаумер, А. Бертрам Чандлер, Мэрион Зиммер Брэдли, Аврам Дэвидсона и десятки других авторов, среди которых к концу шестидесятых появились Сэмюэл Р. Дилэйни и Урсула Ле Гуин.

Однако в конце шестидесятых и начале семидесятых, может быть, из-за бурной революционной «новой волны» в научной фантастике, требовавшей вещей более глубоких, стилистически «экспериментальных», с одной стороны, и более непосредственно отвечающих социологически и политически бурным событиям современности — с другой (критики вроде Олдиса призывали больше уделять внимания Вьетнаму, молодежному движению, экологии, сексуальной революции, психоделике и так далее, а в Англии Майкл Муркок выдвигал свое знаменитое требование «на-

стоящих наркотиков, настоящего секса, по-настоящему потрясающих мыслей об устройстве общества»), а может быть, из-за полученных доказательств, что другие планеты Солнечной системы вряд ли пригодны для *какой бы то ни было* жизни, не говоря уже о кислорододышащих гуманоидах, с которыми можно сражаться на мечах или крутить любовь; может быть, потому что более привычной стала теория относительности, из-за которой еще более цветистая идея межзвездной империи также перешла в разряд невозможных (были люди, даже авторы НФ, говорившие, что и сам *межзвездный полет* — тоже мечта идиота, и хватит уже о межзвездных империях!), и научная фантастика как жанр отошла от космических приключений, устаревших, вышедших из моды и еще более низкопробных, чем когда бы то ни было.

И лишь стойкие бойцы вроде Пола Андерсона, Джека Вэнса и Ларри Нивена продолжали удерживать позиции (появилась, правда, и еще одна книга, содержащая зародыши будущих произведений, в самом конце шестидесятых — «Нова» Сэмюэла Р. Дилэйни, — книга, влияние которой сказалось не сразу, а лишь в более поздних космических операх восьмидесятых и девяностых), но в последующее десятилетие космических приключений стали писать гораздо меньше, чем в любой другой период истории научной фантастики. Писатели нового поколения, например, пришедшие в литературу в конце шестидесятых и начале семидесятых, почти их не писали. Действие почти всех произведений этого периода происходили на Земле, как правило, в недалеком будущем. Даже планеты Солнечной системы редко выбирались местом действия, куда уж там говорить о далеких звездах.

И только к концу семидесятых интерес к космическим приключениям стали проявлять новые писатели, такие как Джон Варли, Джордж Р.Р. Мартин, Брюс Стерлинг, Майкл Суэнвик и другие. К девяностым уже нарастал новый бум барочной космической оперы, и создали его такие

авторы, как Иен М. Бэнкс, Дэн Симмонс, Пол Макоули, Орсон Скотт Кард, Вернор Виндж, Стивен Бакстер, Стивен Р. Дональдсон, Александр Яблоков, Чарлз Шеффилд, Питер Ф. Гамильтон и многие другие. Так возник Третий Великий Век космической оперы.

Но это уже тема для следующей антологии. Становится очевидным, что этот вот том должен кончиться началом семидесятых, когда истории о космических приключениях стали временно иссякать... и здесь я его и окончу. Следующий том, «Старая добрая фантастика. Новые имена», будет начинаться с вещей, написанных после этого затишья, в середине семидесятых.

Трудно было бы отрицать, что одной из причин составления этого сборника была ностальгия. Ксерить рассказы из старых растрепанных журналов и сборников, разглядывать кричащие картинки на обложках с их ядовитыми цветами, стирать с пальцев дешевую типографскую краску, ощущать неповторимый и сразу распознаваемый запах старой, хрупкой пожелтевшей бумаги — все это дает такой наплыв ностальгии, что иногда я забывал, где я нахожусь и что делаю. Я перечитывал какой-нибудь рассказ впервые за последние тридцать—сорок лет, и само чтение уже наполняло меня потоком образов, неземных пейзажей, странных персонажей, причудливых созданий, непривычных понятий, живых красок, бешеного действия.

Но еще я, перечитывая эти рассказы снова и снова — а это мне не раз приходилось делать, готовя книгу к печати, — бывал поражен тем, как они отлично написаны, даже по сегодняшним меркам. Во всем сборнике нет рассказа, который я не принял бы к печати, если бы он впервые попал ко мне на стол. А потому я не думаю, что эта книга — *всего лишь* приступ ностальгии стареющего читателя, хотя и это, конечно, тоже. Мне кажется, что выбранные мною рассказы — как и любые хорошие рассказы — времени не подвластны. И я надеюсь, что эта книга — давно уже переставшая печататься, пылящаяся на полке у букиниста, может быть, потрепанная

и без обложки, ждущая покупателя, достаточно любопытного или скучающего, чтобы стряхнуть с нее пыль, — по-прежнему будет готова занять и развлечь читателя через пятьдесят лет от *сегодняшнего дня.*

Итак, садитесь в удобное кресло, вскройте пакет чипсов или рожок с мороженым (или налейте себе рюмку бренди, если вам так больше нравится) и получайте удовольствие. Очень мало вещей (если вообще они есть), написанных в любом приключенческом жанре, лучше тех, что вы сейчас прочтете. Они выковывались в кузнице того рынка, где рассказы конкурируют друг с другом по *занимательности*, а если ее нет — их не купят.

Вот вам Старая Добрая Фантастика. Читайте и наслаждайтесь.

Гарднер Дозуа

А. Е. Ван Вогт

Об авторе*

А.Е. Ван Вогт одним из первых опубликовал настоящую научно-фантастическую *книгу* в то время, когда научная фантастика еще не существовала как коммерческая категория, и почти все писатели НФ — даже такие впоследствии общепризнанные гиганты, как Роберт Хайнлайн, — могли публиковать свои романы только главами в журналах. Ван Вогт был одним из тех авторов, к которым обратились издатели в первых неуверенных попытках превратить научную фантастику в жизнеспособный публикуемый жанр — свидетельство его престижа и популярности в те времена. Ирония судьбы в том, что сейчас его вещи почти полностью забыты читателями того жанра, который он помог сформировать.

Рассказы Ван Вогта были более сложны, изощренны и трудны для понимания, чем произведения многих его предшественников из сверхнаучных тридцатых годов: своему знаменитому совету авторам НФ — вводить в текст новую идею через каждые пятьсот слов — он сам старался неукоснительно следовать. Ван Вогт застолбил место для космической оперы в конце сороковых — в начале и середине пятидесятых такими работами, как «Путешествие «Космической гончей», «Оружейные лавки Ишера», «Мир Нуль-А», «Слэн» и «Война против руллов». Он резко поднял ставки воображения, которые надо сделать, чтобы войти в настоящую Большую Игру, — как подняли их после него

* © Перевод. Фрибус Е.А., 2001.

Альфред Бестер и Джек Вэнс в конце пятидесятых, Кордвайнер Смит и Фрэнк Герберт в середине и Сэмюэль Дилэйни в конце шестидесятых. И все же никто из них — разве что Бестер (писавший под явным влиянием Ван Вогта) в своем романе «Место назначения — звезды» — даже не приблизился к стремительности, головокружительной скорости или к наэлектризованному до искрения, параноидальному напряжению произведений Ван Вогта... что будет более чем очевидно в предлагаемом рассказе, где представлена классическая для НФ ситуация: человек, противостоящий чужому в безвыходной ситуации, где проиграть — значит умереть и где *оба* противника готовы на все, чтобы *победить*...

Ван Вогт является автором шестидесяти пяти книг, включая в добавление к вышеперечисленным такие, как «Империя атома», «Чародей Линна», «Игроки Нуль-А», «Нуль-А три», «Книга Пта», «Создатели оружия», «Дом, который стоял неподвижно», «Повелители времени», «Творцы Вселенных», «В поисках будущего», «Компьютерный мир», и многие другие. В 1996 году он был удостоен сильно задержавшейся премии «Небьюла» за достижения в области научной фантастики. Многие вещи Ван Вогта больше не издаются, и их трудно найти, но вскоре после того, как вы прочитаете эти строки, будет переиздан один из самых известных его романов, «Слэн», а «Путешествие «Космической гончей» — очень заметный роман, который, среди прочего, был одним из главных источников вдохновения для создателей телевизионного сериала «Звездный путь» и чье влияние сильно прослеживается в фильме «Чужой», — выйдет под одной обложкой с двумя другими романами — Пола Андерсона и Барри Мальцберга. Мы можем только надеяться, что и другие книги Ван Вогта будут переизданы. (Сам я, в частности, буду рад увидеть переизданной «Войну против руллов» — одну из моих любимейших книг Ван Вогта, — хотя большое дело было бы сделано, если бы были переизданы и полдюжины других книг.)

Рулл*

1

Этот космический корабль Тревор Джемисон заметил краем глаза. В это время он сидел в ложбине в десятке ярдов от края обрыва рядом с входом в свою шлюпку и заполнял бортовой журнал, записывая на диктофон комментарии относительно Лаэрта-III. Планета была так близка к невидимой границе между людьми и руллами, что ее открытие само по себе давало огромные преимущества в войне.

Он диктовал: «Тот факт, что корабли, размещенные на этой планете, могут нанести удар по любому из густонаселенных районов Галактики, *рулловскому* или *человеческому*, дает ей приоритет АА по отношению ко всем существующим видам оружия. Передовые подразделения для защиты планеты необходимо разместить на горе Монолит, где я сейчас нахожусь, в течение ближайших трех недель...»

Как раз в этот момент, вверху и чуть левее, он и заметил чужую шлюпку, подлетающую к плоскогорью. Взглянув на нее, Джемисон замер на месте, разрываемый двумя противоположными побуждениями. Его первым импульсом было броситься к люку своего корабля — но остановило понимание, что электроника чужого корабля сразу засечет его передвижение. Одно мгновение его тешила слабая надеж-

---

* A.E. van Vogt. «The Rull». © A.E. van Vogt, 1976.
© Перевод. Фрибус Е.А., 2001.

да, что, если не высовываться, чужаки не заметят ни его, ни шлюпку.

Но, даже застыв в нерешительности, он напряженно рассматривал чужой корабль и заметил рулловские опознавательные знаки и хищные обводы. Хорошо зная технологию руллов, он понял, что это исследовательский бот.

Исследовательский бот. Руллы открыли систему Лаэрта. Это могло значить, что за этим маленьким суденышком идут эскадры военных крейсеров, а он здесь один. «Орион» сбросил его вместе со шлюпкой в парсеке отсюда и пошел дальше на антигравитационных скоростях. Это было сделано, чтобы следящие устройства руллов не могли его засечь. Сейчас «Орион» направлялся к ближайшей базе, собираясь загрузить на борт вооружение для защиты планеты, и должен был вернуться через десять дней.

Десять дней. Джемисон про себя застонал, подогнул ноги и тяжело опустил руку на бортовой журнал. Конечно, есть шанс, что его шлюпку, спрятанную среди деревьев, не заметят, если он будет сидеть тихо. Он приподнял голову, взглянул на чужой корабль и заставил себя отвернуться. В бессильном ожидании снова ему представились возможные последствия катастрофы.

Рулловский бот был уже на расстоянии ста ярдов и, похоже, не собирался менять курс. В течение нескольких секунд он достигнет рощицы, где спрятана шлюпка.

Джемисон порывисто вскочил с кресла и быстро нырнул в открытый люк своей шлюпки. И только люк успел захлопнуться, как шлюпка содрогнулась, будто по ней ударил великан. Потолок прогнулся вниз, а пол, наоборот, вспучился, воздух стал горячим и наполнился дымом. Задыхаясь, Джемисон скользнул за пульт управления и включил главную аварийную систему. Скорострельные бластеры встали на боевые позиции и заработали с рокотом и низким гудением. Взвыли вентиляторы, по телу прошла волна холодного воздуха. Все это произошло так быстро, что только секунду спустя Джемисон сообразил, что атомные

двигатели не отвечают на запрос. И что шлюпка, вместо того чтобы уже скользить по небу, бессильно лежит, открытая для удара.

Он бросил взгляд на мониторы. Потребовалось мгновение, чтобы засечь рулловский бот. Он находился у нижнего края экрана и медленно уходил из поля зрения. Пока Джемисон смотрел, корабль исчез за деревьями в четверти мили отсюда, потом из динамиков донесся характерный грохот аварийной посадки.

Наступившее облегчение было отягощено ужасной реакцией. Джемисон откинулся в кресле, ослабев после чудом избегнутой опасности. Но слабость резко отступила, как только новая мысль осенила его. Слишком гладка была траектория падения вражеского корабля. *Руллы на борту не погибли при падении.* Джемисон остался один в поврежденной шлюпке на неприступной горе наедине с самыми безжалостными существами из всех, которых знала вселенная. Десять дней ему придется драться и не терять надежды, что люди сумеют отвоевать самую ценную планету, открытую за последние полвека.

Джемисон открыл люк и вышел на плато. Его все еще била дрожь, но быстро темнело, и время было дорого. Он стремительно пошел к ближайшему холму в ста футах от корабля, последние несколько футов пройдя на четвереньках. Осторожно он выглянул из-за края: отсюда было видно почти все плато. Оно представляло собой неровный овал шириной ярдов восемьсот в самом узком месте, заросший кустами и усыпанный камнями. Кое-где росли группы деревьев. Ничто не двигалось, и не было признаков рулловского корабля. Только пустота, только полная тишина необитаемой пустыни.

Солнце уже опустилось за юго-западный край обрыва, и сумерки еще больше сгустились. И хуже всего в этом было то, что для руллов с их более широким диапазоном зрения и более совершенным оборудованием темнота ничего не значила. Всю ночь ему предстояло ждать атаки существ, у которых нервная система лучше во всех отношениях — кроме,

возможно, разума. По разуму и только по разуму человек мог претендовать на равенство. Само это сравнение показывало, что положение отчаянное. Нужно что-то, чем можно воспользоваться. Если удастся добраться до корабля руллов до наступления темноты и нанести какой-то удар, пока они не оправились от падения... это могло бы решить вопрос жизни и смерти.

Такой шанс нельзя было упускать. Торопясь, Джемисон сполз с холма и, встав на ноги, пошел по неглубокой промоине. Ему мешали идти камни, острые грани скал, узловатые корни и переплетения скудной растительности. Дважды он падал, в первый раз глубоко поранив правую руку. Рана мешала и двигаться, и думать. До сих пор ему не приходилось бегать по дикому бездорожью этого плато. За десять минут он сумел преодолеть не более нескольких сотен ярдов. Джемисон остановился. Одно дело — рисковать жизнью в отчаянной игре ради победы, совсем другое — пожертвовать ею бессмысленно и безрассудно. Его поражение будет поражением всего человечества.

Остановившись, он заметил, насколько похолодало. Поднялся ледяной ветер с востока. К полуночи температура упадет до нуля. И Джемисон направился обратно. До ночи надо было установить еще несколько защитных устройств-дефензоров, так что следовало поторопиться. Часом позже, когда безлунная ночь тяжело опустилась на гору гор, Джемисон напряженно сидел перед экранами. Человеку, которому нельзя было спать, предстояла долгая ночь. Где-то после полуночи Джемисон заметил движение в углу одного из экранов. Положив палец на спуск бластера, он ждал, пока объект не войдет в зону более четкой видимости. Но этого не случилось. Холодный рассвет застал его перед экранами — вопреки усталости, Джемисон бдительно следил за врагом, действующим так же осторожно, как и он. Джемисон подумал, не почудилось ли ему это движение.

Он проглотил еще одну таблетку стимулятора и опросил атомные двигатели более детально. Не понадобилось много времени, чтобы подтвердить прежний диагноз. Главный

гравитационный реактор был начисто заглушен. Пока он не будет активизирован на «Орионе», двигатели бесполезны. Этот вывод заставил Джемисона собраться с силами. Смертельной битвы на плато было не избежать. Мысль, всю ночь крутившаяся в его голове, зазвучала отчетливо. Впервые в истории рулл и человек встретятся лицом к лицу на ограниченном поле действия и не тогда, когда один из них — пленник. В больших космических битвах сражаются корабли с кораблями, флоты с флотами. Уцелевшим или удается скрыться, или их подбирает победившая сторона.

Сейчас (если только он не будет побежден прежде, чем сумеет это организовать) выпадала бесценная возможность провести кое-какие тесты над руллами — и без промедления. Каждое мгновение дневного света должно быть предельно использовано.

Джемисон надел специальное «защитное» снаряжение и вышел из корабля. Рассвет становился все ярче с каждой минутой, и открывавшиеся с появлением солнечного света виды завораживали даже в этот момент напряжения перед предстоящим боем. Почему, подумал он внезапно с острым любопытством, это должно было случиться на самой причудливой горе, какие только есть на свете?

Гора Монолит отвесно возносилась над планетой на высоту восьми тысяч двухсот футов. Это был самый величественный пик во всей известной части вселенной, его считали одним из ста чудес природы во всей галактике.

Джемисону случалось бывать на планетах за сотни тысяч световых лет от Земли, на палубах огромных кораблей, выхваченных из тьмы вечной ночи сияющим светом солнц желтых и белых, оранжевых и фиолетовых, солнц таких прекрасных и разных, что никакое воображение не могло предвосхитить действительности.

И вот теперь он стоит на горе далекого Лаэрта, человек, вынужденный обстоятельствами собрать все силы, чтобы в одиночку противостоять неизвестно скольким сверхразумным противникам — руллам.

Джемисон угрюмо встряхнулся. Настало время начать атаку — и разведать, что мог предпринять противник. Это был Шаг Первый, и очень важно было сделать так, чтобы он не оказался Шагом Последним. К тому времени, когда солнце Лаэрта поднялось над горой, наступление началось. Автоматические дефензоры, которые он установил ночью, перемещались с позиции на позицию впереди передвижного бластера. Джемисон предусмотрительно позаботился о том, чтобы одно из трех устройств прикрывало его с тыла. Для лучшей защиты он переползал с места на место под прикрытием выступающих скал. Механизмы управлялись с крошечного ручного пульта, соединенного с мониторами шлема. Глаза напряженно следили за колеблющимися стрелками, которые показали бы любое движение противника и отметили бы, если бы дефензоры наткнулись на силовое поле.

Но ничего этого не случилось. Когда показался корабль руллов, Джемисон остановился, обдумывая, что может значить отсутствие защиты. Оно настораживало. Возможно, конечно, что все руллы погибли при падении, но Джемисон в этом сомневался.

Джемисон внимательно осмотрел упавший корабль через телескопические глаза дефензора. Бот лежал в неглубокой впадине, зарывшись носом в гравий. Нижние пластины его обшивки искорежились и смялись. Единственный вчерашний выстрел Джемисона нанес по кораблю сокрушительный удар.

Корабль производил впечатление полной безжизненности. Если это ловушка, то весьма искусная. К счастью, была возможность произвести проверку, не окончательную, но наглядную и показательную.

Тишину, окружавшую самую удивительную гору во вселенной, нарушило жужжание передвижного бластера, постепенно перешедшее в рев, когда реактор разогрелся и вышел на максимальную цифру активности. Корпус вражеского судна задрожал и чуть-чуть изменил цвет. И только. Через десять минут Джемисон выключил бластер и уселся в раздумье и нерешительности.

Защитные экраны рулловского корабля были включены полностью. Включились ли они автоматически после его вчерашнего выстрела? Или они были задействованы намеренно, чтобы предотвратить атаку, подобную этой? Нельзя было сказать точно. Это-то и было самое плохое — он ничего не знал наверняка.

Рулл мог быть мертв. (Странно, он начинал думать в единственном числе, а не во множественном, но степень предосторожностей противной стороны — если таковая существовала — совпадала с его собственной. Осторожность одинокого космонавта, действующего в условиях неизвестности.) Рулл мог быть и ранен, лишен способности что-либо предпринять. Он мог провести всю ночь, чертя на плато гипнотизирующие линии — Джемисону пришлось бы тщательно следить, чтобы ненароком не глянуть прямо на землю, — или он мог просто дожидаться прибытия большого корабля, с которого был сброшен его бот.

Последний вариант Джемисон не стал рассматривать. Такой вариант означал верную смерть без малейшего шанса на спасение. Нахмурившись, он принялся изучать повреждения корабля. Пробоин нигде не было видно, но дно было смято в нескольких местах от одного до четырех футов в глубину. Радиация должна была проникнуть в корабль, но что именно она могла повредить? Джемисон исследовал десятки захваченных рулловских кораблей, и если этот был построен по той же схеме, то впереди должна быть главная рубка с герметизированным бластерным отсеком, сзади машинное отделение, два цейхгауза — один с запасами топлива и оборудования, другой — с запасами пищи и...

Запасы пищи. Джемисон вздрогнул и, широко открыв глаза, заметил, что этот отсек поврежден больше других. Да, конечно, туда должна была проникнуть радиация, отравляя пищу, разрушая ее, ставя рулла с его ускоренным обменом на грань гибели.

Джемисон вздохнул, охваченный надеждой, и приготовился к отступлению. Повернувшись к скале, за которой он скрывался от возможного огня противника, Джемисон

почти случайно взглянул на ее поверхность. Взглянул и увидел вычерченные на ней линии. Запутанные линии — результаты изучения человеческой психики нечеловеческим разумом. Джемисон узнал их и замер в ужасе. «Куда меня ведут?» — подумал он.

Эта система воздействия была открыта после его путешествия на Миру-23. В отчете он рассказал, что был мгновенно загипнотизирован — эти линии заставляли человека двигаться в определенном направлении. Здесь, на этой фантастической горе, это мог быть только обрыв. Но который?

Воля Джемисона была подавлена, но он боролся, чтобы продержаться еще мгновение. Он постарался снова увидеть линии и увидел мельком пять волнистых линий по вертикали и над ними — три горизонтальные линии, указывающие своими волнистыми концами на восток. Давление внутри него нарастало, но он все еще боролся за свои мысли. Боролся, чтобы вспомнить, не было ли рядом с восточным краем обрыва широкого карниза. Был. Он вспомнил это в последней агонии надежды. Там, думал он, тот, вон тот. Пусть я упаду на него. Он старался удержать в сознании образ этого карниза и повторял много раз команду, которая может спасти его жизнь. Его последняя отчаянная мысль была о том, что он нашел ответ на свой вопрос. Рулл *был жив*. И тогда наступила тьма, укрывшая его покрывалом самой сущности ночи.

2

Из далекой Галактики пришел он — холодный, безжалостный Вождь Вождей, *йели*, Мииш, Йин Риа, великий Аайш Йила. И прочие титулы, и прочие звания, и власть. О, велика была его власть над смертью, власть над жизнью и власть над кораблями Лирда.

В великой ярости прибыл он, чтобы разобраться, почему не выполнена его воля. Много лет назад был отдан приказ:

«Завоевать Вторую Галактику». Почему те-кто-не-был-таксовершенен медлили в выполнении этих инструкций? В чем сила этих двуногих, с бесчисленными звездолетами, с неприступными планетными базами, с сильными союзниками, остановившими тех-кто-обладал-высочайшей-в-Природенервной-системой?

«Достать мне живого человека!»

Команда прозвучала по всем уголкам Галактики. И доставили тупого моряка с земного крейсера, человека с КИ равным 96 и индексом страха равным 207. Это существо после нескольких попыток самоубийства и судорог на лабораторном столе наконец сумело умереть, когда ученые еще только начали эксперименты, которые *он* приказал провести перед его глазами.

«*Разумеется, это не противник*».

«Сир, нам удается захватить живыми очень немногих. Они, как и мы, закодированы на самоубийство при угрозе плена».

«Значит, среда должна быть другой. Мы должны создать ситуацию, когда пленный не знает, что он попал в плен. Есть такие возможности?»

«Проблема будет исследована».

Он прибыл, чтобы следить за ходом эксперимента, к звезде, возле которой семь периодов назад заметили человека. «Человек в маленькой шлюпке, — рапортовали наблюдатели, — неожиданно появился из подпространства в районе звезды. Тот факт, что он не использовал энергии, вызвал подозрения на нашем корабле-наблюдателе, который в противном случае не обратил бы внимания на столь маленький механизм. Таким образом, поскольку исследования были проведены немедленно, у нас возникла совершенно новая возможность в идеальной для эксперимента ситуации. Мы еще не высаживались на планету, как вы и приказывали, и наше присутствие не обнаружено. Мы можем предположить, что люди уже бывали на третьей планете, потому что подопытный сразу же высадился на вершине странной горы. Повторяем, обстановка идеальна для эксперимента».

Группа боевых кораблей патрулировала пространство вокруг солнца. Но *он* спустился в маленьком боте — и поскольку он презирал врага, то пролетел над горами, разрядил свой бластер в шлюпку противника, а затем был подбит неожиданным ответным выстрелом, который привел его бот к неминуемому падению. Смерть почти настигла его в эти секунды. Но он выполз из своего кресла в рубке, пострадавший, но все еще живой. Внимательно исследовал объем повреждений. Отдал команды, которые должны были вызвать большой корабль. Но связи не было — рация вышла из строя и не поддавалась ремонту. Его ждало еще одно неприятное открытие — пища была отравлена.

Он быстро оценил новую ситуацию. Эксперимент будет продолжен — но с одной оговоркой. Когда необходимость в пище станет неотложной, он убьет человека и выживет до тех пор, пока командиры кораблей не встревожатся и не спустятся, чтобы узнать, что случилось.

Он провел часть темного периода суток, исследуя край обрыва. Затем прошел по периметру обороны противника, изучая его шлюпку и обдумывая варианты действий, которые может предпринять против него человек. Наконец, с неустанным терпением он обследовал подходы к своему кораблю. В ключевых точках он нарисовал линии-которые-могут-подчинить-разум-человека. Он почувствовал удовлетворение, когда вскоре после восхода солнца увидел врага «пойманным» и «подчиненным». Но его удовлетворение было омрачено — он не мог воспользоваться преимуществом ситуации так, как хотел. Трудность заключалась в том, что бластер человека остался нацеленным на главный шлюз корабля. Сейчас он не излучал, но рулл не сомневался, что он автоматически откроет огонь, едва распахнется люк.

Однако самым серьезным осложнением ситуации было то, что аварийный люк оказался заклинен. Этого раньше не было. Со свойственной его народу предусмотрительностью он проверил люк сразу после падения. Тогда он открылся, сейчас — нет. Должно быть, корабль осел за то

время, пока он был снаружи в темный период. Вообще-то причина поломки теперь не имела значения. Имело значение только то, что он был заперт в корабле как раз тогда, когда надо выйти наружу. Он не собирался убивать человека сразу. Если он сможет захватить человека и получить его пищу, то человека можно оставить в живых. Но тем не менее необходимо принять решение, пока человек беспомощен. И еще *йели* омрачала мысль о том, что *эллед* мог погибнуть при падении. Он не любил неожиданных нарушений своих планов.

С самого начала дела приняли злополучный оборот. Он был захвачен неподвластными ему силами, элементами пространства и времени, которые всегда принимал во внимание как теоретически возможные, но никогда не рассматривал как относящиеся лично к нему.

Ради этого и бились в глубинах космоса корабли Лирда, раздвигая границы совершенной жизни. За этими границами обитали существа, порожденные природой до того, как было сотворено существо с высшей нервной системой. Все обитатели этих планет подлежали уничтожению, потому что необходимость в них отпала и потому что своим существованием они могли случайно нарушить баланс жизни *йели*. Случайности в Риа были исключены.

Рулл очистил свой разум от подобных отвлекающих мыслей. Он решил не пытаться открыть аварийный люк и вместо этого направил луч бластера на трещину в полу. Глушители радиации продували место работ потоками газов, а насосы улавливали радиоактивные частицы и направляли в специальный контейнер. Но отсутствие открытой двери в качестве аварийного клапана делало работу опасной. Много раз приходилось останавливаться и ждать, пока очистится воздух и можно будет выйти из защитной камеры, куда он забирался, когда начинало жечь от жары его нервные окончания — более надежная диагностика, чем любые приборы.

Солнце миновало зенит, когда металлическая плита наконец поддалась и открылся выход к гравию и камням внизу.

Проложить туннель к открытому пространству не представлялось сложным — просто требовало затрат времени и сил. Весь в пыли, злой и голодный, рулл выбрался наружу из дыры рядом с центром группы деревьев, за которой упал его корабль.

Его план продолжать эксперимент потерял свою привлекательность. Он был по натуре упрям, но рассудил, что ситуацию можно будет воспроизвести на более цивилизованном уровне. Нет нужды рисковать или терпеть неудобства. Он убьет человека и химически трансформирует его в пищу, чтобы выжить до прихода помощи. Голодным взглядом он обшарил неровный зазубренный утес, вглядываясь в уступы, быстро сползая на карнизы, пока не облазил практически все плато. Он не нашел ничего определенного. В одном или двух местах земля выглядела так, как будто была примята телом, но более внимательное обследование не позволило установить, был ли здесь кто-нибудь на самом деле.

В мрачном расположении духа рулл пополз к кораблю человека. С безопасного расстояния исследовал его. Защитные экраны были включены, но невозможно было определить, произошло ли это перед утренней атакой, или позднее, или экраны включились автоматически при его приближении. Нельзя было сказать наверняка. В этом и была проблема. Плато было пустынным, необитаемым, не похожим ни на что, привычное для рулла. Человек мог быть мертв, и его исковерканное тело могло лежать у далекого подножия горы. Он мог находиться в корабле, серьезно раненный, у него, к сожалению, *было* время, чтобы добраться до безопасного убежища в корабле. Он мог поджидать внутри, собранный, агрессивный, знающий о нерешительности своего врага и готовый в полной мере воспользоваться этой нерешительностью.

Рулл установил следящее устройство, которое известит его, когда откроется люк. Затем он вернулся в туннель, ведущий к входу в его корабль, с трудом прополз по нему и решил переждать критическую ситуацию. Голод был все-

поглощающей силой, час от часу становясь все невыносимее. Настало время прекратить передвижения. Ему потребуется вся его энергия, чтобы пережить кризис. Так проходили дни.

Джемисон очнулся, охваченный болью. Сначала она была всепоглощающей, перекатываясь мучительной волной от головы к ногам и бросая его в пот, но постепенно локализовалась в левой ноге внизу. Пульсация боли отбивала ритм в нервах. Через несколько минут, превратившихся в часы, он понял, что растянул лодыжку. Конечно, это было не все, но главное. Вынуждение, которое привело его сюда, уменьшило его жизненные силы. Как долго он лежал там, наполовину без сознания, Джемисон не знал, но когда наконец открыл глаза, то увидел солнце почти в зените.

Сначала он с бездумностью мечтателя смотрел на солнце, медленно уходившее за нависающий край обрыва, и только когда на его лицо легла тень утеса, он пришел в полное сознание, внезапно вспомнив о смертельной опасности. Ему понадобилось некоторое время, чтобы стряхнуть с себя последствия действия гипнотических линий. И хотя это было нелегко, он постарался обдумать трудности своего положения. Он упал с края обрыва на крутой откос. Угол наклона уступа был около пятидесяти пяти градусов, и спасло его то, что при падении его тело задержало переплетение растительности на краю. Должно быть, его нога запуталась в тех корнях и именно так он растянул лодыжку.

Проведя инспекцию телесных повреждений, Джемисон собрался. Он был спасен. Он не смирился с поражением, и его усиленная сосредоточенность на этом уступе, его отчаянное желание упасть именно сюда сработали. Он полез вверх. На уступе, хотя он и был крут, лезть помогали шершавая почва и чахлые растения. А вот на нависающем десятифутовом обрыве над уступом растянутая лодыжка дала о себе знать в полной мере. Четыре раза Джемисон сползал вниз, пока наконец на пятой попытке его пальцы не нащупали прочный корень и не ухватились за него. В приливе

торжества Джемисон подтянулся и выбрался на безопасную вершину плато.

Теперь, когда звуки борьбы за жизнь прекратились, только его тяжелое дыхание нарушало безмолвие пустоты. Беспокойным взглядом он обшарил неровный рельеф. Нигде ни силуэта, ни движения. На краю плато виднелась шлюпка, и Джемисон ползком направился к ней, стараясь прижиматься к камню. Он не знал, что сталось с руллом. И в течение нескольких дней, пока нога продержит его внутри корабля, его враг может тоже мучиться неизвестностью.

Становилось темно, и когда он наконец забрался в шлюпку, сварливый голос прозвучал в его ухе: «Когда мы поедем домой? Когда меня накормят?»

Это был плоянин с его вечным вопросом о возвращении на Плою. Джемисона охватило чувство вины. Он все эти долгие часы ни разу не вспомнил о своем спутнике.

«Накормив» его, Джемисон задумался над давно мучившим его вопросом — как объяснить этому наивному существу суть войны между руллами и людьми? А тем более их нынешнее затруднительное положение.

Он сказал вслух: «Не волнуйся. Оставайся со мной, и я прослежу, чтобы ты добрался до дома». Этого — в сочетании с едой — было достаточно, чтобы успокоить существо.

А Джемисон задумался над тем, как использовать плоянина против рулла. Но его основная способность не была нужна. Не было смысла сообщать голодному руллу, что противник владеет способом сбить с толку электрическую систему его корабля.

3

Джемисон лежал в койке и думал. Тишина была такая, что он слышал стук своего сердца. Потом он вылез из койки, и все его движения тоже слышались. Он включил рацию — тишина. Ни помех, ни попыток настроиться на

волну. На таком расстоянии даже подпространственное радио не работало. Он прослушал частоты, на которых обычно работали руллы. Но и здесь было молчание. Конечно, будь они поблизости, они бы тоже не включали вещание. Джемисон был отрезан от мира, на крошечной шлюпке с неработающими моторами на этой необитаемой планете. Он попытался отогнать эту мысль и взглянуть на ситуацию другими глазами. Здесь, сказал он себе, есть уникальная возможность для проведения эксперимента, и его потянуло к этой идее, как мотылька к пламени. Живого рулла почти невозможно захватить в плен, а здесь сложилась идеальная ситуация. *Мы оба пленники.* Он постарался думать об этом именно так. Пленники среды, пленники случая и, таким образом, в каком-то смысле пленники друг друга. Только каждый был свободен от внушенной необходимости совершать самоубийство.

В этой ситуации человек может узнать многое. Великая загадка для людей — мотивы действий руллов. Почему они полностью уничтожают другие расы? Зачем они бессмысленно жертвуют ценными кораблями, атакуя земные суда, вторгшиеся в их сектора космоса, когда знают, что земляне все равно покинут этот участок космоса через несколько недель?

Возможности, открывающиеся в этом сражении человека против рулла на одинокой горе, будили воображение Джемисона, лежащего в койке; он вертел проблему так и сяк. Иногда он вползал в кресло пульта управления и по целому часу наблюдал за местностью по мониторам. Он видел плато и большое пространство за ним. Он видел небо Лаэрта-III, бледно-лиловое, беззвучное и безжизненное. Тюрьма. И он — заключенный в этой тюрьме, думал он мрачно. Он, Тревор Джемисон, к чьему тихому голосу прислушивался научный Совет Земной Галактической Империи! А теперь он один, лежит в койке, ждет, пока заживет нога, чтобы он мог провести эксперимент над руллом. Это казалось невероятным. Но шли дни, и он начинал в это верить.

На третий день он почувствовал себя в состоянии перетащить несколько тяжелых предметов. Немедленно он принялся работать над киноэкраном и закончил его на пятый день. Затем записал сценарий. Это было легко. Каждый кадр был так четко продуман, пока он лежал в постели, что не составляло никакого труда все это записать.

Он установил экран в двухстах ярдах от шлюпки, позади деревьев. Коробку с едой он бросил в десяти футах сбоку от экрана.

Прошел остаток дня, шестого с момента прибытия рулла, пятого с того момента, как он растянул лодыжку. Наступила ночь.

4

Скользящей тенью под звездами Лаэрта-III прошмыгнул рулл к экрану. Он так ярко светился во тьме, лежащей на плато, капля света в черной вселенной неровной земли и карликовых кустарников. Подойдя к экрану на сотню футов, рулл почуял пищу — и понял, что это ловушка. Шесть дней без еды означало для рулла колоссальную потерю энергии, цветовую слепоту на десятке уровней, потерю некоторых способностей. Нервная система рулла походила на разряженный аккумулятор, от которого по мере падения уровня энергии один за другим отключались органические «инструменты». *Йели* осознал с трудом, но с нарастающей тревогой, что самые тонкие способности его нервной системы могут никогда больше полностью не восстановиться. Нужно было спешить. Еще несколько ступенек вниз, и заложенный давным-давно рефлекс обязательного самоубийства сработает и у него, великого Аайша Йила.

Его тело, покрытое сетчатым узором, застыло. Визуальные центры, расположенные по всему телу, воспринимали свет, идущий с экрана, в узком диапазоне. С начала и до конца он смотрел, как разворачивается история, потом

смотрел снова, страстно желая повторения с восторгом первобытного существа.

Картина начиналась с изображения глубокого космоса, где шлюпка человека покинула борт эсминца. Эсминец ушел к военной базе, где принял на борт припасы и вооружение и начал обратное путешествие. Картинка переключилась на изображение шлюпки, приземляющейся на Лаэрт-III, показывая все, что произошло дальше. Ситуация казалась безнадежной для них обоих — но экран показал единственно верное решение. В финальной сцене каждого показа появлялся рулл, который подходил к ящику слева от экрана и открывал его. Технология открывания была показана детально, как и изображение рулла, поедающего заключенную в ящике еду. Каждый раз, когда показывалась эта сцена, рулл замирал от напряжения, от желания претворить этот показ в жизнь. Во время седьмого показа он проскользнул вперед, покрывая расстояние, отделявшее его от коробки. Он знал, что это была ловушка, возможно, смертельная, но это не имело значения. Чтобы выжить, он должен был использовать этот шанс. Только так, рискнув съесть содержимое этой коробки, он мог надеяться остаться живым в течение необходимого времени.

Неизвестно, сколько будут ждать командиры кораблей там, в черноте космоса, до каких пор они не посмеют нарушить его приказ. Но они придут. Даже если они, не смея нарушить его строгие приказания, будут ждать до тех пор, пока к планете не подойдут вражеские корабли, они все равно придут. Ведь тогда они смогут спуститься, не опасаясь его гнева. А до этого времени ему будет необходима вся пища, которую он сможет достать. Рулл осторожно протянул присосок и активизировал автоматическое открывание ящика.

Около четырех часов утра Джемисон проснулся от тихого звонка сигнала тревоги. Снаружи была тьма — день на Лаэрте длился двадцать шесть сидерических часов и до рассвета было еще три часа. Он не вскочил сразу. Сигнал сработал при открытии ящика с пищей. Он продолжал

звенеть пятнадцать минут, и это было восхитительно. Датчик сигнала был настроен на волну, испускаемую ящиком с момента открытия и до тех пор, пока в нем оставалась пища. Таким образом, сигнал показывал время, которое требуется руллу, чтобы одним из своих ртов поглотить три фунта приготовленной пищи. Пятнадцать минут существо расы руллов, смертельный враг человека, подвергалось гипнотическим ментальным вибрациям, перекликающимся с его собственными мыслями. Это были вибрации, на которые откликались нервные системы других руллов в лабораторных экспериментах. К несчастью, те, другие, убивали себя по пробуждении, поэтому определенных результатов получить не удавалось. Но с помощью экфориометра было доказано, что в этих экспериментах затрагивался именно подсознательный, а не сознательный разум. Это было начало гипнотического внушения и контроля.

Джемисон снова лег на койку, улыбаясь своим мыслям. Он был слишком взволнован, чтобы уснуть. Произошло величайшее событие в истории войны с руллами — его нельзя было не отметить. И Джемисон вылез из постели и налил себе выпить.

Попытка рулла атаковать его через подсознание заставила Джемисона разработать свои действия в этом направлении. Каждая раса знала слабые стороны другой. Руллы применяли это знание для истребления всех прочих рас, люди — для установления хороших отношений с надеждой на сотрудничество. Обе расы были одинаково безжалостны, жестоки и беспощадны в своих методах. Постороннему наблюдателю иной раз трудно было бы отличить их друг от друга. Однако цели людей и руллов разнились, как черное и белое, как тьма и свет. Сейчас существовала только одна трудность — теперь, когда у рулла была пища, он мог начать строить свои планы.

Джемисон вернулся в постель и улегся, вглядываясь в темноту. Он не недооценивал возможностей рулла, но, поскольку решил поставить эксперимент, никакой риск нельзя было считать слишком большим. Наконец он за-

снул сном человека, уверенного в том, что дела приняли нужный для него оборот.

Утром Джемисон надел костюм с электроподогревом и вышел в зябкий рассвет. Снова он наслаждался тишиной и атмосферой пустынного величия. Сильный ветер дул с востока, и льдинки оседали на его лице. Но он не замечал этого. Нужно было многое сделать в это утро. И он собирался сделать это с обычной осторожностью.

В окружении дефензоров и передвижного бластера он направился к металлическому экрану, стоявшему на возвышении, так что его было видно отовсюду, и, насколько он видел, экран не был поврежден. Джемисон еще раз проверил автомат спуска и на всякий случай прогнал весь фильм от начала до конца.

Он уже поставил другой ящик с пищей на траву неподалеку от экрана и повернулся, чтобы уйти, но тут заметил что-то странное. Металлический каркас экрана казался отполированным.

Он стал рассматривать это явление с помощью деэнергизирующего зеркала и увидел, что металл был покрыт прозрачной субстанцией, похожей на лак. Смертельная слабость охватила его, когда он понял, что это такое. Мелькнула паническая мысль: если это приказ не стрелять, то я не сделаю этого. Я выстрелю, даже если бластер обернется на меня.

Он соскоблил немного «лака» и вернулся в шлюпку, при этом со злостью думая: «Где он взял эту дрянь? Она не входит в оборудование исследовательского бота».

Тогда, возможно, все происходящее не было случайностью.

Джемисон стал обдумывать возможные последствия этой посылки, и тут увидел рулла. В первый раз за много дней на плато он увидел рулла.

Так каков же приказ?

Едва насытившись, рулл вспомнил свою цель. Вначале это было туманное воспоминание, но потом оно стало четче. Это не было просто ощущение возвращающейся энер-

гии. Его визуальные центры стали воспринимать больше света. Освещенное звездами плато стало ярче, не таким ярким, каким могло бы быть для него, и на приличную долю не таким, но мир становился ярче, а не тусклее. Ему неописуемо повезло, что все не так уж плохо.

Рулл скользил по краю пропасти. Теперь он остановился, чтобы взглянуть вниз. Даже с не полностью восстановившимися способностями по восприятию света вид был захватывающим. До дна было далеко, очень далеко. С корабля эффект высоты смазывался. Но при взгляде вниз с этой каменной стены рождались потрясающие ощущения. Они подчеркивали, как сильно он пострадал, насколько попал в зависимость от случая. И они напомнили ему, что он делал перед голодом. Он отвернулся он обрыва и поспешил туда, где его разбитое судно собирало пыль в течение всех этих дней — помятое и искореженное, наполовину погруженное в твердую землю Лаэрта-III. Он скользнул к смятым пластинам, внутри одной из которых почувствовал накануне пульсацию антигравитационных волн — крошечную, мощную, огромную частичку колебаний, которую можно было использовать.

Рулл трудился неутомимо и целенаправленно. Пластина была крепко приварена к каркасу корабля. Первым делом, самым трудным делом, было отсоединить ее. Прошло несколько часов.

Пластина со скрежетом отвалилась, уступив изменению нуклонной структуры. Изменение было бесконечно малым, частично потому, что направляющая нервная энергия его тела не пришла в норму, а частично — потому, что оно и должно было быть очень маленьким. Если перестараться, можно было освободить энергию, чтобы взорвать гору.

Он понял, что пластина сама по себе безопасна, понял в тот момент, когда взобрался на нее. Ощущение энергии, пульсирующей в ней, было настолько малым, что он сомневался, сможет ли она хотя бы подняться над землей. Но все-таки энергия не истощилась до конца. Испытание подъемом на семь футов дало ему оценку ограниченной силы,

бывшей в его распоряжении. Достаточно только для одной атаки.

Рулл не испытывал сомнений. Эксперимент был окончен. Его единственной целью должно быть убить человека, так что вопрос был только в том, чтобы человек в это время не убил его. Но как этого добиться? Лак!

Он нанес его старательно, высушил, затем поднял пластину и отнес ее на заранее выбранное место. Спрятавшись там вместе с пластиной под опавшей листвой в кустах, он успокоился. Он понял, что налет цивилизации слетел с него. Это потрясло его, но не вызвало сожаления. Давая ему пищу, двуногое создание, очевидно, что-то делало с ним. Что-то опасное. Единственным выходом из этого эксперимента на плато было убить человека без промедления. Он лежал, напряженный, жестокий, отринув все ненужные мысли, и ждал человека.

То, что случилось потом, было таким же отчаянным мероприятием, как и виденные Джемисоном в Службе Безопасности. В обычной ситуации он бы действовал более профессионально. Но сейчас он напряженно ждал, когда его охватит паралич. Паралич от лака. И потому обычные действия рулла застали его врасплох. Он вылетел из рощи верхом на антигравитационной пластине. Удивление Джемисона было так велико, что рулл почти преуспел. По показаниям приборов, в пластинах не осталось энергии еще в первое утро. Но одна пластина была жива и светилась тем свечением антигравитации, которое ученые руллов довели до совершенства.

То, что плита двигалась в сторону Джемисона, было, разумеется, связано с вращением планеты вокруг своей оси. Скорость ее движения, начавшись с нуля, хоть и не достигла восьмисот миль в час — то есть скорости вращения Лаэрта-III вокруг оси, но была очень высока. Появившийся сетчатый рулл верхом на металлической пластине обрушился на него. Джемисон поднял бластер — но ему пришлось преодолевать внутреннее сопротивление. *Не убивай!*

Это было трудно, очень трудно. Ему пришлось преодолевать столь жесткое ограничение, что за те секунды, когда он боролся с собой, рулл приблизился на расстояние десяти футов. Джемисона спасло лишь давление воздуха под пластиной. Воздух подбросил пластину, как крыло взлетающего самолета. Джемисон выстрелил наконец в днище металлической пластины, расплавив его. Пластина упала в кустарник футах в двадцати справа. Джемисон нарочито медлительно подошел посмотреть на свой успех, но когда он приблизился к кустам, рулл был уже в пятидесяти футах за ним и исчезал в небольшой рощице. Джемисон его не преследовал и не стал стрелять во второй раз. Вместо этого он осторожно выволок из кустов пластину и осмотрел ее.

Непонятно, как рулл сумел воспользоваться ею без необходимых приборов? И если он способен сам сделать такой «парашют», почему же он не спустился на нем с горы в лес внизу, где есть пища и где он будет вне досягаемости своего врага? Ответ на второй вопрос Джемисон получил тотчас, едва прикинул вес пластины. Она была уже нормального веса, энергия в ней закончилась после сотни футов полета. Очевидно, что на ней нельзя было совершить путешествие в полторы мили до леса и равнины внизу.

Джемисон не хотел рисковать. Он сбросил плиту в ближайшую пропасть, полюбовавшись на ее падение. Только в шлюпке он вспомнил про «лак» и исследовал пробу, которую принес с собой. Химически это была простая смола, используемая для изготовления лака. На атомном уровне она была стабилизирована. На электронном уровне лак превращал свет в электромагнитные волны той же частоты, на которой работал мозг человека. Что же было там записано? Он составил графики каждого материального и энергетического уровня. Как только он установил, что изменения были внесены на электронном уровне — это было очевидно, но все еще нуждалось в подтверждении, — он поместил образы в записывающее устройство. В результате получилась мешанина фантастических картин.

Символы. Он достал книгу под названием «Символическая интерпретация подсознательных образов». Там открыл главу «Запрещающие символы». Найдя там полученные образы, он прочел: «Не убивай!»

— Чтоб мне... — громко сказал Джемисон в тишине. — Так вот оно что...

Он чувствовал облегчение и в то же время сомневался в себе. Ведь он и в самом деле пока еще не хотел убивать. Но рулл не знал об этом. Этот изощренный запрет подавлял сопротивление даже при смертельной угрозе. Да, проблема. Он выбрался из этой ситуации, но не организовал ничего успешного взамен. У него оставалась надежда, но этого не достаточно.

Он больше не имеет права рисковать. Эксперимент придется отложить до прибытия «Ориона». Человеческие существа в некоторых отношениях просто слишком слабы. Импульсы их нервных клеток могут быть нарушены. Можно было не сомневаться, что рулл в конце концов попытается подтолкнуть его к самоуничтожению.

5

На девятую ночь, ночь перед возвращением «Ориона», Джемисон не поставил у экрана коробки с пищей. На следующее утро он потратил полчаса у рации, пытаясь связаться с эсминцем. Он подготовил к передаче детальный отчет о том, что случилось, и описал свои планы, касающиеся проверки рулла с целью выяснить, насколько его способности пострадали от периода голода.

Эфир молчал. Ни даже импульса вибраций в ответ на вызов. Наконец Джемисон прекратил попытки установить связь, вышел наружу и быстро установил приборы, необходимые для проведения эксперимента. Плато было пустынным и диким. Он протестировал оборудование, потом посмотрел на часы. До полудня оставалось одиннадцать минут. Внезапно начав

нервничать, он решил не ждать эти несколько минут. Поколебавшись, он нажал кнопку. Источник рядом с экраном передавал ритм высокоэнергетичных волн, действию которых рулл подвергался уже четыре ночи. Джемисон неторопливо пошел к шлюпке. Он хотел снова попытаться связаться с «Орионом». Оглянувшись, он заметил рулла, выскользнувшего из зарослей и направившегося прямиком к источнику вибраций. Как только Джемисон зачарованно остановился, взревела корабельная сирена. Ее звук перекликался с жуткими завываниями ледяного ветра. Включился его наручный радиоприемник, автоматически синхронизировавшийся с сигналом со шлюпки:

— Тревор Джемисон, говорит «Орион». Мы слышали ваши вызовы, но не отвечали, так как в окрестностях планеты курсирует целый флот руллов. Приблизительно через пять минут мы попробуем вытащить вас отсюда. *Бросьте все и приготовьтесь.*

Джемисон рухнул на землю — реакция чисто физическая, не сознательная. Краем глаза он заметил движение в небе: две темные точки, быстро растущие до угрожающих размеров. С ревом над ним пронеслись вражеские линкоры. Ураганный ветер чуть не оторвал его от земли, и он отчаянно ухватился за корни переплетенных кустов. На огромной скорости, скорее всего используя антигравитацию, линкоры сделали плавный разворот и вернулись к плато. Джемисон приготовился к смерти, но огонь прошел мимо. Затем на него обрушилась ударная волна, почти лишив его сознания. Его шлюпка! Они стреляли в его шлюпку.

Он застонал, представив себе шлюпку, разметанную огнем противника. А потом времени на раздумья и переживания не осталось.

Появился третий корабль, но не успел Джемисон определить чей, как тот развернулся и снова исчез.

Включился наручный приемник:

— Не можем вам помочь. Спасайтесь, как можете. Четыре наших линкора и сопровождающие их эсминцы вступят в бой с флотом руллов и попытаются заманить его к

большой боевой группе, курсирующей рядом с Бьянкой, тогда сно...

Огненная вспышка далеко в небе оборвала передачу. Прошла минута, прежде чем холодный воздух Лаэрта-III донес до Джемисона звук взрыва. Звук замер медленно, неохотно, как будто маленькие отзвуки его прилипли к каждой молекуле воздуха. Наступившая тишина была зловещей, молчаливо-спокойной, живой от неизмеримой угрозы.

Джемисон поднялся на ноги. Настало время оценить степень свалившейся на него опасности. Огромной опасности, о которой он не осмеливался подумать. Сначала он направился к шлюпке. Ему не пришлось проделывать весь путь. Большая часть скалы была просто срезана. Он ожидал этого, но оцепенел от шока осознания реальности. Он припал к земле как животное и посмотрел в небо. Ни движения, ни звука, только вой восточного ветра. Он был один во всей вселенной между небом и землей, человеческое существо, балансирующее на краю пропасти.

В мозгу его, напряженно работающем, родилось понимание. Корабли руллов просто вели разведку и заодно попытались уничтожить его. Равно озадачило и обеспокоило его понимание, что линкоры последнего поколения рисковали, чтобы защитить его врага на этой изолированной горе.

Ему нужно было спешить. В любой момент они могли рискнуть одним из своих эсминцев и попытаться приземлиться. На бегу он почувствовал, как сливается. Он знал это чувство, ощущение возвращающейся первобытности в моменты возбуждения. Он чувствовал это во время сражений, и важно было отдать всего себя, все тело и всю душу, этому ощущению. Нельзя было сражаться половиной тела и половиной разума — требовалось все целиком.

Он ждал падений, и он падал. Каждый раз он поднимался, почти не чувствуя боли, и бежал дальше. Он добежал весь в крови, не обращая внимания на десяток порезов. А небо оставалось спокойным.

Под прикрытием линии кустов он посмотрел на рулла. Пленный рулл, *его* рулл, с которым он мог делать все что

угодно. Смотреть, принуждать, обучать — самое быстрое обучение в истории мира. Не было времени для ленивого обмена информацией. Из своего убежища он манипулировал управлением экрана.

Рулл двигался вперед и назад перед экраном. Он двигался то быстрее, то медленнее, затем снова заторопился в соответствии с желанием Джемисона.

Почти тысячу лет назад, в двадцатом веке, было сделано классическое и не устаревающее открытие, которым воспользовался Джемисон. Ученый по имени Павлов кормил лабораторную собаку через равные промежутки времени, сопровождая кормление звонком. Вскоре пищеварительная система собаки начала выделять желудочный сок по звонку, независимо от того, кормили собаку или нет. Сам Павлов только в конце жизни осознал всю важность своего открытия. Но то, что началось в тот далекий день, завершилось созданием науки, которая могла промывать мозги и животным, и существам другой расы, и людям. Только руллы раньше не поддавались экспериментам. Пораженные волей к смерти всех захваченных в плен руллов, ученые предсказали, что Земная Галактическая империя обречена, если не будет найден способ проникновения в сознание руллов. И Джемисону дико не повезло, что сейчас у него не было времени на это проникновение. Промедление было смерти подобно.

Но даже минимум того, что он должен был сделать, займет время. «Вперед, назад, вперед, назад», — диктовал ритм. Изображение рулла на экране трудно было отличить от настоящего. Оно было трехмерным, его движения были автоматическими. Затрагивались основные нервные центры. Рулл так же не мог не идти в ритм, как не мог противостоять пищевому импульсу. После того как рулл бездумно повторял движения своего изображения на экране в течение пятнадцати минут, меняя скорость в соответствии с указаниями Джемисона, он заставил рулла и его образ взбираться на деревья. Вверх, затем вниз, пять раз. Теперь появилось изображение человека.

Напряженно косясь все время одним глазом в небо, а другим на то, что происходило перед ним, Джемисон следил за реакциями рулла. Через несколько минут после того, как он ввел изображение человека, он понял, что рулл временно утратил свою обычную ненависть и стремление к самоубийству при виде человека.

Теперь, достигнув стадии полного контроля, Джемисон заколебался. Надо было сделать еще одно дело. Можно ли тратить на это время? Он понял, что должен это сделать. Другой такой возможности может не представиться за сотни лет.

Когда он закончил работу двадцать пять минут спустя, он был бледен от возбуждения. «Вот оно, — думал он. — Мы сделали это». Он потратил десять бесценных минут на то, чтобы передать сообщение о своем открытии по наручной рации — надеясь, что передатчик в шлюпе пережил падение с горы и передает его сообщение в подпространство. Но ответа не последовало.

Понимая, что сделал все, что было в его силах, Джемисон направился к краю обрыва, который выбрал как отправную точку. Он взглянул вниз и содрогнулся, затем вспомнил, что сказали с «Ориона»: «Курсирует целый флот звездолетов руллов...»

Быстрее!

Он спустил рулла на первый уступ. Мгновением позже он обвязался веревкой и шагнул в пропасть. Спокойно и без усилия рулл схватил другой конец веревки и спустил его на нижний уступ. Они продолжали двигаться все ниже и ниже. Это была трудная работа, хоть они и использовали очень простую систему. Длинная пластиковая веревка соединяла их, а металлический скальный крюк удерживал позицию за позицией, пока веревка делала свое дело.

На каждом уступе Джемисон вбивал крюк все ниже в толщу скалы. Веревка скользила в направляющих блока, когда он и Рулл по очереди спускались все ниже и ниже. Когда они оба оказывались в безопасности на уступе, Джемисон взрывом вытаскивал штырь из камня, и тот падал

вниз, снова готовый к работе. День погружался во тьму, как усталый человек в сон. Все мускулы Джемисона ныли от усталости.

Он видел, что рулл все более осознает его присутствие. Он все еще сотрудничал, но взгляд его становился все более осмысленным каждый раз, когда Джемисон опускал его. Состояние подчинения заканчивалось. Рулл выходил из транса. Процесс завершится до наступления ночи.

Был момент, когда Джемисон отчаялся спуститься до темноты. Для этого фантастического спуска он выбрал западную, солнечную сторону отвесного, коричневого с черным обрыва, не похожего ни на какой другой во всей вселенной. Оказываясь на одном уровне с руллом, Джемисон кидал на него быстрые, нервные взгляды.

В четыре часа пополудни Джемисон был вынужден сделать перерыв. Он отошел по краю утеса подальше от рулла и рухнул на камень. Небо над ним было тихим и безветренным; покрывало, наброшенное на черноту космоса, скрывало самую крупную битву между руллами и людьми за последнее десятилетие. Нужно отдать должное пяти земным кораблям — ни одно рулловское судно не попыталось спуститься на плато за руллом. Впрочем, возможно, они не хотят выдавать присутствие на планете своего.

Джемисон оставил бесполезные рассуждения. Он прикинул высоту пройденного обрыва, сравнив ее с глубиной, остававшейся внизу. Получалось, что они прошли около двух третей расстояния. Рулл повернулся к долине. Джемисон тоже взглянул туда. Зрелище даже с такого расстояния было захватывающим. В четверти мили от края обрыва начинался лес, лес буквально без конца и края. Он перекатывался через холмы и опускался в низменные долины. Лес задумался на берегу широкой реки, потом перемахнул на ту сторону и раскинулся снова, взбираясь на вершины видневшихся вдали гор, укрытых дымкой.

Пора было продолжать путь. В половине седьмого Джемисон и рулл достигли уступа на высоте ста пятидесяти футов над холмистой долиной. Веревку пришлось вытравить

полностью, но операция по опусканию рулла прошла успешно. Джемисон с любопытством посмотрел на него. Что он будет делать теперь, оказавшись на просторе?

Рулл просто ждал. Джемисон оцепенел. Такого варианта он не учел. Повелительно махнув рукой, он достал бластер. Рулл отступил, но только под прикрытие кучи камней. Кроваво-красное солнце опускалось за горы. Тьма надвигалась на равнину. Джемисон поел и, заканчивая обед, увидел движение внизу. На его глазах рулл скользнул у подножия обрыва и исчез за скальным выступом.

Джемисон немного подождал, потом повис на веревке. Спуск отнял все его силы, но внизу ждала твердая земля. В трех четвертях пути он поранил палец о веревку, которая вдруг стала очень грубой. Спустившись на землю, он заметил, что палец становится каким-то серым. В полутьме он выглядел странно и нездорово. Краска отхлынула от его лица. Он понял в мучительной ярости, что рулл отравил веревку, пока они спускались.

Острая боль пронзила его тело, за ней последовало чувство оцепенения. Задыхаясь, он вцепился в бластер, собираясь застрелиться. Рука замерла на полпути. Он бревном рухнул на землю, не в состоянии помешать этому падению, почувствовал удар о твердую землю и потерял сознание.

Воля к смерти присуща всему живому. Каждая органическая клетка скрывает в себе энграммы, унаследованные от ее неорганического источника. Пульс жизни — это лишь тонкий слой на неорганической материи, столь сложной в ее равновесии различных энергий, что жизнь сама по себе есть лишь краткая и бесплодная попытка борьбы с этим равновесием. На один миг вечности возникает узор. Он принимает различные формы, но это лишь видимость. Настоящая форма — это всегда время, а не пространство. Это волнистая линия. Вверх и вниз. Вверх из тьмы к свету, а потом обратно во тьму.

Лосось-самец кладет свои молоки на икринки самки. И мгновенно его охватывает смертная тоска. Трутня отбрасывает из объятий выигранной им царицы обратно в неорга-

ническую форму, из которой он выкарабкался на одно краткое мгновение экстаза. В человеке роковой шаблон отпечатывается снова и снова в бесчисленных недолговечных клетках, но только шаблон выживает.

Ученые руллов, испытывая различные субстанции, которые могли бы отбросить нервную систему человека к примитивным формам, давно открыли секрет желания смерти у человека.

Йели, Мииш, скользя к Джемисону, не думал об этом процессе. Он ждал возможности, и она представилась. Он проворно схватил бластер человека, затем поискал ключ от шлюпки. Потом он протащил Джемисона четверть мили вокруг основания утеса к тому месту, куда выстрелом рулловского корабля отбросило шлюпку. Пять минут спустя мощная радиостанция из шлюпки передала на волне руллов срочный приказ флоту.

Мгла. Внутри и снаружи. Джемисон ощутил, что лежит на дне колодца и смотрит из тьмы в сумерки. Что-то постепенно наполняло этот колодец, поднимая Джемисона кверху. На последних футах подъема он, преодолевая забытье, заглянул через край и пришел в сознание.

Он лежал в какой-то комнате на высоком столе. На уровне пола были отверстия, похожие на рты, и они вели в другие помещения. Двери, понял он, странной формы, чужие, нечеловеческие. Джемисон съежился от страха, когда понял, где он. В корабле рулла.

Он не знал, движется ли сейчас корабль, но скорее всего да. Рулл не стал бы надолго оставаться вблизи планеты.

Джемисон смог повернуть голову и увидел, что его не держит ничто материальное. О таких вещах он знал не меньше любого рулла и потому сразу нашел вверху взглядом источник гравитационных волн, прижимающих его к столу.

Он с горечью понял, что это открытие имеет лишь абстрактную ценность, и стал мысленно готовиться к той смерти, которой следовало ожидать. Смерти в мучительном эксперименте.

Это была простая процедура. Учеными было обнаружено, что если человек заранее представит себе каждую из возможных пыток и свои действия в этом процессе и вызовет у себя ярость вместо страха, то сможет держаться на самой грани смерти с минимальными болевыми ощущениями.

Джемисон торопливо составлял список пыток, которым его могут подвергнуть, когда вдруг в его ухе прозвучал печальный голос:

— Поехали домой, а?

Понадобилось мгновение, чтобы прийти в себя от неожиданности и осознать, что плоянин, очевидно, оказался неуязвим для энергетических залпов руллов, разрушивших шлюпку. И почти минута прошла, прежде чем Джемисон тихо спросил:

— Ты можешь кое-что для меня сделать?

— Конечно.

— Войди в этот ящик и замкни энергию на себя.

— Здорово. Мне и самому хотелось туда войти.

Мгновением позже источник гравитонных лучей замкнулся на другой канал. Джемисон смог сесть. Он быстро отодвинулся от ящика и позвал:

— Выходи.

Понадобилось позвать несколько раз, чтобы привлечь внимание плоянина. Затем Джемисон спросил:

— Ты ознакомился со звездолетом?

— Да, — ответил плоянин.

— Есть ли здесь секция, через которую проходит вся электроэнергия?

— Да.

Джемисон глубоко вздохнул.

— Зайди туда, замкни энергию на себя и возвращайся сюда.

— Ты так добр ко мне, — ответил плоянин.

Джемисон предусмотрительно и быстро нашел неметаллический предмет, чтобы встать на него. Он был в дюйме от смертельной опасности, когда сто тысяч вольт пронизали корабль.

— Что дальше? — сказал плоянин пару минут спустя.

— Осмотри корабль и посмотри, сколько руллов выжило.

Почти немедленно плоянин доложил, что около сотни руллов все еще живы. Согласно его докладу, уцелевшие руллы избегали контакта с металлом. Джемисон стал думать. Затем он описал плоянину устройство радиооборудования и закончил:

— Как только кто-нибудь захочет его использовать, входи в него и замыкай ток на себя, понятно?

Плоянин согласился, и Джемисон добавил:

— Сообщай мне время от времени, но только в те моменты, когда кто-то попытается воспользоваться радио. И не входи в главный пульт без моего разрешения.

— Считай, что это уже сделано, — ответил плоянин.

Пять минут спустя плоянин нашел Джемисона в оружейной.

— Кто-то пытался воспользоваться радио, но в конце концов сдался и ушел.

— Отлично, — сказал Джемисон. — Продолжай смотреть — и слушать — и присоединяйся ко мне, когда я здесь закончу.

Джемисон имел преимущество перед выжившими руллами — он знал, когда можно было прикасаться к металлу. Им придется соорудить какие-нибудь приспособления, чтобы можно было передвигаться.

В оружейной он торопливо, но эффективно поработал энергетическим резаком. Его целью было вывести из строя гигантские бластеры так, чтобы понадобился полный ремонт схем управления.

Когда работа была закончена, он направился к ближайшей спасательной шлюпке. На выходе к нему присоединился плоянин.

— Сюда идут руллы, — предупредил он. — Нам лучше уходить.

Они без приключений добрались до шлюпки. Через несколько минут они стартовали, но подобрали их только через пять дней.

Великого Аайша Йила не было на корабле, который захватил Джемисона. Потому его не было и среди погибших, и узнал он о побеге пленника только некоторое время спустя. Когда ему доложили о происшедшем, его подчиненные ожидали, что выжившие с эсминца подвергнутся жестокому наказанию.

Но вместо этого он сказал задумчиво:

— Значит, это и есть наш враг? Действительно опасное существо.

Он вспомнил неделю испытанных им страданий. Он уже восстановил почти все свои способности — и потому оказался способен на весьма необычную мысль для рулла столь высокого положения.

Он сказал, используя световой передатчик:

— Кажется, это первый случай, когда Верховный Рулл лично посетил линию фронта. Так?

Это было именно так. Предводитель покинул штаб и прибыл на линию фронта. Командующий оставил скрытую и тщательно защищенную планету и рисковал своей настолько ценной шкурой, что вся Риа содрогнулась, когда об этом стало известно.

Верховный Рулл продолжал свои рассуждения:

— У меня создается мнение, что сведения нашей разведки о людях не были безупречно точны. Выясняется, что была сделана попытка недооценить их возможности, и хотя усердие и храбрость, проявленные в подобных попытках, заслуживают самой высокой моей оценки, я в то же время считаю, что данная война не приведет к решительному успеху ни в каком смысле. В силу этого я прихожу к заключению, что Центральный Совет должен пересмотреть стратегический план. Я не имею в виду немедленное прекращение военных действий. Они будут сокращаться постепенно, по мере того как мы займем оборонительную позицию в этом секторе космоса и, возможно, перенесем внимание на другие Галактики.

А далеко от него, за много световых лет Джемисон рапортовал августейшему Галактическому Собранию:

— Это был, вероятно, очень важный деятель среди руллов, и поскольку я держал его в течение некоторого времени под полным гипнозом, думаю, мы добились желательной реакции. Я внушил ему, что руллы недооценивают людей, что война не может быть успешной, и предложил направить внимание на другие Галактики.

Должны были пройти годы, пока люди убедятся, что война с руллами закончилась. В данный же момент члены Собрания были восхищены тем, как использовали читающего мысли малыша эзвала, чтобы установить контакт с невидимым плоянином, и тем, как этот новый союзник помог человеку бежать с корабля руллов с такой бесценной информацией.

Это было оправданием всех трудных лет, когда человек терпеливо пытался проводить политику дружбы с другими расами. Подавляющее большинство членов Собрания решило создать для Джемисона специальную должность, названную «Администратор Народов».

Он вернулся на планету Карсона как высший авторитет по чужим расам, не только по эзвалам — формулировку его назначения стали интерпретировать так, словно Джемисон был парламентером Человечества у руллов.

А пока все это происходило, всегалактическая война людей с руллами завершилась.

Джеймс Шмиц

Об авторе*

Покойный Джеймс Шмиц, хотя ему и не хватало параноидальной напряженности Ван Вогта или византийской изощренности сюжета, значительно лучше описывал *людей*, создавая даже отрицательных персонажей сложными и нестандартными личностями, полными сюрпризов и ведущими себя неожиданно для книги в жанре космической оперы. А его вселенные, даже со своим набором чудовищ и зловещих опасностей, выглядят более привлекательно, чем большинство вселенных космической оперы; это места, где можно вести обычную добропорядочную жизнь, пока сюжет не призовет вас на смертельную битву с Ужасным Безжалостным Чудовищем. Шмиц симпатизирует *чудовищам*, которые в конце произведения часто оказываются вовсе не чудовищами, а скорее существами со своими предпочтениями, точками зрения, и с этих точек зрения их поступки вполне оправданны и иногда достойны восхищения — терпимое отношение, почти не встречающееся среди современных произведений в жанре космической оперы, большинство из которых проникнуты махровой ксенофобией.

Точно так же Шмиц на десятилетия обогнал всех в своих женских образах — за годы до того, как феминистское движение семидесятых решило поднять (или попытаться поднять) сознательность среди писателей НФ. Шмиц не только делал женщин героинями головокружительных ис-

---

* © Перевод. Фрибус Е.А., 2001.

торий о межпланетных приключениях (само по себе почти неслыханно в то время), но и ставил их полностью наравне с героями-мужчинами, выводя их такими же храбрыми и сообразительными (и безжалостными, если необходимо), не обременяя их «женскими слабостями» — стремлением упасть в обморок в условиях сильного стресса или поискать защиты за мускулистым торсом Крутого Мужчины, что сильно портило женские образы у многих авторов в последующие годы. (Женщина Шмица, к примеру, так же сильна и умна, как женщина Хайнлайна — которая, если быть честным, тоже не торопится падать в обморок в критических обстоятельствах, — но *не имеет* ее раздражающей тенденции думать, что во всей вселенной нет ничего важнее, чем выйти замуж за Своего Мужчину и нарожать столько детишек, сколько получится.) Например, в ярком и захватывающем рассказе, который следует дальше, главная героиня не просто женщина, но *старая* женщина — выбор, который мало кто из авторов мог бы сделать даже *сейчас*, в 1998 году, не то что в пятидесятом — а именно тогда это сделал Шмиц!

Роман «Ведьмы Карреса» обычно считается лучшей работой Шмица, но лично мне больше нравятся рассказы из серии «Вега» («Вторая ночь лета» — один из них), напечатнные в книге «Агент Веги», которая, увы, давно не переиздавалась, но которая — если вы сумеете ее найти — гарантирует вам такой чистый глоток Чуда Широкоэкранной Космической Оперы, какой вы не найдете больше нигде. Также нетипично для писателя в жанре космической оперы то, что лучшие работы Шмица — это короткие рассказы, такие, как «Дедушка», «Сбалансированная экология», «Проигравший лев...», «Зеленое лицо», «Искатель», «Ветры времени», «Хранитель», и десятки других, плюс большое количество рассказов о приключениях парапсихологически одаренного подростка по имени Тэлзи Амбердон. Рассказы Шмица были собраны в книгах «Прекрасный день для того, чтобы покричать», «Отборные чудовища» и в последней — посмертном сборнике под названием «Из-

бранное Джеймса Шмица»; рассказы о Тэлзи Амбердон были собраны во «Вселенной против нее» и в «Игрушке Тэлзи». Среди других книг Шмица стоит упомянуть «Демоническое поколение», «История о двух часах» и «Вечные границы».

Большинство книг Шмица давно не переиздаются, хотя экземпляры «Ведьм Карреса» все еще время от времени встречаются в книжных магазинах. Если вы хотите познакомиться с его творчеством, лучшим выбором будет, вероятно, самая последняя его книга, «Избранное Джеймса Шмица», в которой собрано несколько лучших рассказов.

Вторая ночь лета*

В ночь, следующую за тем днем, когда на земле Венд, на планете Нурхат, официально наступило лето, в большой низине к востоку от фермы отца Гримпа снова видели сияющие огни.

Гримп из своей комнаты наверху следил за ними больше часа. Дом был погружен в темноту, но из окна на первом этаже доносились случайные обрывки голосов. Все обитатели фермы смотрели на огни.

На соседних фермах и в поселке, занимающем весь холм и две мили долины, все, кто только мог добраться до окна, выходящего на долину, тоже, наверное, на них смотрели. Некоторое время с холма отчетливо доносился возбужденный вой большого пса Стража Поселка, но внезапно пес умолк — или скорее всего его *заставили* умолкнуть, как предположил Гримп. Страж был решительно настроен про-

* James H. Schmitz. «The Second Night of Summer». © James H. Schmitz, 1960.

© Перевод. Фрибус Е.А., 2001.

тив каждого поднимающего шум насчет огней — это относилось и к псу.

Однако возбуждение пса было вполне оправданно. Из своего окна Гримп видел, что огней было гораздо больше, чем в предыдущие годы — большие, ярко-синие пузыри, медленно и беззвучно плывущие, опускающиеся и поднимающиеся по всей низине. Иногда один из них поднимался вверх на несколько сотен футов или двигался от края низины на такое же расстояние и неподвижно висел несколько минут, а затем плыл к остальным. На большее расстояние они от низины не удалялись.

На самом деле шаровым детекторам халпа не было нужды уходить дальше, чтобы собрать необходимую информацию для тех, кто их послал, кто сейчас слушал равномерный поток кратких сообщений на некоем халповском эквиваленте человеческого мыслеязыка:

«Признаков враждебных действий поблизости от точки прорыва не наблюдается. Оружие и силовые установки в сфере доступа отсутствуют. Существенных изменений с момента последнего обследования не наблюдается. В сознании наблюдающих за нами наличествует острое любопытство, следы тревоги и подозрительности. Но откровенной враждебности нет».

Сообщения шли без перерывов, в них автоматически повторялись одни и те же биты информации, пока шары беззвучно плыли по низине.

Гримп смотрел на них, то и дело сонно моргая, пока растущее сияние над краем низины не возвестило о том, что Большая Луна Нурхата медленно поднимается, чтобы, подобно Стражу Планеты, произвести свой собственный осмотр огней. Шары начали тускнеть, как и во все предыдущие годы на восходе луны, и раньше чем верхний край желтого диска Большой Луны показался над холмами, низина погрузилась во тьму.

Гримп услышал, что по лестнице поднимается мать, и быстро забрался в постель. Ночное представление закон-

чилось, а еще нужно было успеть подумать о множестве приятных вещей перед тем, как заснуть.

Теперь, когда показались огни, скоро появится и его хорошая подруга Бабушка Эриза Ваннаттел со своим грузом патентованных лекарств. Где-нибудь в конце завтрашнего дня на дороге, ведущей из города, покажется большой фургон. Потому что именно после огней приезжала Бабушка Ваннаттел последние четыре года — с тех пор как огни впервые стали появляться над низиной на несколько ночей каждый год. А поскольку четыре года составляли ровно половину всей жизни Гримпа, появление Бабушки стало для него математической достоверностью.

Конечно, другие люди, такие, как Страж Поселка, могли недолюбливать Бабушку, но вертеться вокруг нее, ее фургона и гигантского пони-носорога экзотического внешнего вида, который тянул фургон, было, по мнению Гримпа, даже гораздо лучше цирка.

А еще послезавтра каникулы! Будущее представлялось вереницей приятных вещей, открывающихся в перспективе летней бесконечности.

Гримп заснул счастливым.

Примерно в то же время, хотя и на расстоянии большем, чем Гримп мог себе вообразить, восемь больших кораблей один за другим вышли из тьмы между звездами, бывшей их морем, и легли на тщательно рассчитанные орбиты. Они оставались настолько далеко, что никакие приборы дальнего обнаружения не могли бы заподозрить, будто Нурхат может быть центром их интересов.

Но это было именно так. И хотя члены команд восьми кораблей ничего не имели против обитателей Нурхата, груз, который был у них на борту, не сулил Нурхату ничего хорошего.

Семь из них были вооружены редко используемым газом. Это был очень летучий смертельный катализатор, который опускался к твердой поверхности планеты и быстро рассеивался настолько, что его присутствие становилось невозмож-

но зарегистрировать никакими химическими средствами. Тем не менее его способность почти незаметно отнять жизнь у всех кислорододышащих существ существенно не уменьшалась с падением концентрации.

Восьмой корабль был оснащен группой торпед, которые обычно выпускались через несколько часов после того, как носители газа рассеют свою невидимую смерть. Это были довольно маленькие торпеды, поскольку их единственным заданием было воспламенить поверхность планеты, обработанную катализатором.

Все эти вещи вскоре могли произойти с Нурхатом. Но они произойдут, только если определенное сообщение будет передано с его поверхности на курсирующую эскадру — сообщение о том, что Нурхат захвачен смертельным врагом, распространения которого на другие обитаемые миры нельзя допустить — теперь уже любой ценой.

На следующий день, сразу после школы, Гримп, в ожидании прохаживаясь по изгибу дороги у края фермы, наткнулся на деревенского полицейского, сидящего на камне и со слезами на глазах глядящего на дорогу.

— Привет, Сопливчик, — сказал обеспокоенный Гримп. В свете тех разговоров, что он случайно услышал сегодня утром в деревне, присутствие полицейского не сулило Бабушке ничего хорошего. И вообще никому не сулило ничего хорошего.

Полицейский достал из кармана носовой платок, высморкался, вытер глаза и одарил Гримпа недовольным взглядом.

— Не смей называть меня Сопливчиком, *ты!* — сказал он, убирая носовой платок. Как и Гримп, как и большинство обитателей Нурхата, полицейский был смуглым и темноглазым, обычно довольно привлекательным молодым парнем. Но сейчас его глаза опухли и покраснели, а нос, который и так был чуть больше среднего, тоже был красным, опухшим, и из него, несомненно, текло. У полицейского была сильная сенная лихорадка.

Гримп извинился и задумчиво уселся на камень рядом с полицейским, который был одним из его многочисленных кузенов. Он хотел упомянуть, что случайно услышал, о чем говорила Веллит, когда они с полицейским вчера вечером проходили через большой цветник за фермой — совсем не таким неторопливым шагом, как обычно. Но он передумал. Веллит встречалась с полицейским почти весь год, но каждый год во время цветения травы разрывала помолвку и начинала называть его «кузен», а не «дорогой».

— Что ты здесь делаешь? — напрямик спросил Гримп.

— Жду, — ответил полицейский.

— Чего? — с замирающим сердцем спросил Гримп.

— Ту же самую женщину, что и ты, я думаю, — сказал полицейский, снова вытаскивая платок. Он высморкался. — В этом году ей придется отправиться туда, откуда приехала, или ее арестуют.

— Кто это сказал? — нахмурился Гримп.

— Страж, вот кто, — ответил полицейский. — Тебе достаточно?

— Он не имеет права! — горячо сказал Гримп. — Это наша ферма, а у Бабушки есть все лицензии.

— У него был целый год, чтобы обдумать новый список того, что у нее должно быть, — сообщил полицейский. Он пошарил в нагрудном кармане мундира, вытащил сложенный лист бумаги и развернул. — Он внес сюда тридцать четыре пункта того, что я должен проверить — она наверняка хотя бы один из них пропустит.

— Это подло! — сказал Грим, быстро просматривая как можно больше пунктов списка.

— Побольше уважения к Стражу Поселка, Гримп! — сказал полицейский угрожающе.

— Угу, — пробурчал Гримп. — Конечно... — Если бы только Сопливчик убрал с текста свой большой палец. Но что за список! Фургон, пони-носорог (животное, тяжеловоз, импортирован), патентованные лекарства, домашняя утварь, предсказания, домашние животные, травы, чудесные исцеления...

Полицейский опустил глаза, увидел, чем занимается Гримп, и поднял бумагу, чтобы Гримп не мог читать дальше.

— Это официальный документ, — сказал он, одной рукой отстраняя Гримпа, а другой пряча бумагу. — Давай-ка уберем от него свои грязные лапы.

Гримп быстро обдумывал ситуацию. Ошиваясь в фургоне Бабушки Ваннаттел, Гримп видел лицензии в рамочках на некоторые предметы, но, конечно же, не все тридцать четыре.

— Помнишь того большого веррета без кожи, которого я поймал в прошлом сезоне? — спросил он.

Полицейский коротко взглянул на Гримпа, снова отвернулся и задумчиво вытер глаза. Сезон лова верретов откроется на следующей неделе. Сопливчик был самым страстным рыбаком во всей деревне — а прошлым летом гигантский веррет Гримпа побил двенадцатилетний рекорд долины.

— Некоторые, — сказал Гримп лениво, скользя взглядом по дороге до того места, где она исчезала в лесу, — стали бы много дней следить за человеком, поймавшим большого веррета, надеясь, что он будет настолько туп, что снова пойдет к тому омуту.

Полицейский вспыхнул и осторожно приложил платок к носу.

— Некоторые даже стали бы сидеть в стогу сена с биноклем, даже если от сена начинают чихать как сумасшедшие, — спокойно продолжал Гримп.

Полицейский залился краской еще сильнее и чихнул.

— Но тот человек не настолько туп, — сказал Гримп. — Тем более что он знает еще о двух верретах, на шесть дюймов больше, чем тот, которого он поймал.

— *На шесть дюймов?* — повторил полицейский немного недоверчиво — но заинтересованно.

— Точно, — кивнул Гримп. — Я на прошлой неделе снова ходил на них смотреть.

Теперь настала очередь полицейского задуматься. Гримп лениво вытащил рогатку, выудил из специального кармашка

камешек и сшиб головку цветка в двадцати футах. Потом зевнул со скучающим видом.

— Ты неплохо обращаешься с рогаткой, — отметил полицейский. — Не хуже того хулигана, который на той неделе запулил в сторожевую башню на крыше школы и включил пожарную тревогу.

— Действительно, отличный выстрел, — признал Гримп.

— И который потом, — продолжал полицейский, — набросал перца на свой след, так что пес чуть не выкашлял все внутренности, когда понюхал. Страж, — добавил он многозначительно, — не отказался бы выяснить, кто был этот хулиган, кстати говоря.

— Конечно, конечно, — сказал Гримп скучающе. Полицейский, Страж и, наверное, даже пес прекрасно знали, кто был этот хулиган, но они не смогли бы доказать это и за двадцать тысяч лет. Сопливчику просто придется осознать, что угрозы ни на дюйм не приблизят его к рекордному веррету.

Очевидно, он это осознал; он снова сел для очередного раунда раздумий. Гримп, заинтересованный в том, что полицейский выдаст на этот раз, решил просто не мешать...

И вдруг Гримп вскочил с камня.

— Вон они! — закричал он, размахивая рогаткой.

В полумиле от них на дорогу выехал, покачиваясь, большой, крашенный серебряной краской фургон Бабушки Ваннаттел, влекомый пони-носорогом, и повернул в сторону фермы. Пони увидел Гримпа, поднял свою длинную голову и проревел громогласное приветствие. Бабушка Ваннаттел привстала с козел и помахала зеленым шелковым платочком.

Гримп со всех ног побежал по дороге.

Трюк с верретами должен сработать — но лучше предупредить Бабушку Ваннаттел, прежде чем она столкнется с Сопливчиком.

Бабушка Ваннаттел слегка стегнула вожжами покрытый роговыми пластинами круп пони, уже почти поравнявшись

с полицейским, который ждал на обочине дороги с проверочным списком Стража в руке.

Пони сорвался на тяжелую рысь. Фургон пронесся мимо Сопливчика к изгибу дороги, где и остановился уже на территории фермы. Гримп с Бабушкой слезли, и она быстро распрягла пони. Пофыркивая, он вразвалочку сошел с дороги на большой заболоченный луг над лощиной. Здесь он спокойно встал, охлаждая ноги.

Гримп почувствовал себя немного лучше. Фургон находился не на территории общины, и это давало Бабушке техническое преимущество. Родные Гримпа благоволили ей, и они были крепкими ребятами, которые любили послать Стража куда подальше в любой момент, когда у него не было в запасе закона, чтобы прикрыть свои тылы. Но по пути к ферме она призналась Гримпу, что, как он и боялся, у нее нет тридцати четырех лицензий. А теперь полицейский шел к ним по изгибу дороги, прочищая нос и хмурясь.

— Дай я одна с ним разберусь, — сказала Бабушка Гримпу уголком губ.

Он кивнул и побрел на луг, чтобы провести время с пони. У нее был большой опыт разбирательств с полицейскими.

— Так-так, молодой человек, — услышал Гримп обращение Бабушки к своему кузену. — Похоже, у тебя страшная простуда.

Полицейский чихнул.

— Хотел бы я, чтобы это была простуда, — сказал он покорно. — Это сенная лихорадка. Ничего не могу с этим поделать. Так, у меня тут есть список...

— Сенная лихорадка? — сказала Бабушка. — Зайди-ка в фургон на минутку. Мы это вылечим.

— Насчет этого списка... — начал Сопливчик и остановился. — А что, у вас есть что-то, что может это вылечить? — спросил он скептически. — Я счет потерял докторам, к которым ходил, и ни один не смог помочь.

— Доктора! — сказала Бабушка. Гримп услышал, как ее каблуки стучат по металлическим ступенькам фургона. — Иди сюда, это не займет много времени.

— Ну... — сказал Сопливчик с сомнением, но последовал за ней внутрь.

Гримп подмигнул пони. Первый раунд остался за Бабушкой.

— Привет, пони, — сказал он.

Беспокойство не могло уменьшить его восхищения невероятным талантом Бабушки управляться с животными. Частично, само собой, он восхищался, потому что пони был такой огромной скотиной. Длинный и круглый бочонок его туловища покоился на коротких ногах с широкими плоскими ступнями, которые сейчас были погружены глубоко в жидкую грязь на лугу. С одной стороны находился покрытый колючками хвост, а с другой — большая клиновидная голова, увенчанная тупым неровным рогом, расположенным между носом и глазами. От носа и до хвоста по всему телу пони был покрыт толстыми прямоугольными роговыми пластинами коричнево-зеленого цвета.

Гримп любовно похлопал зверя по твердому боку. Больше всего он любил пони за то, что тот был самым уродливым существом на Нурхате. Бабушка рассказывала, что купила его у обанкротившегося цирка, а цирк импортировал его с планеты под названием Трибел; а Трибел вроде как был миром, полным горячих болот, неистощимых, постоянно активных вулканов и сернистой вони.

Можно было предположить, что пони, всю жизнь прожив возле расплавленной лавы и под дождями из светящегося пепла, считает Нурхат спокойным местечком. И хотя у твердого выроста кости в центре его морды, изображающего рог, было не так много возможностей для самовыражения, Гримп полагал, что он выглядит вполне довольным, что его ноги погружены в прохладную грязь Нурхата.

— Ты большая толстая свинья! — сказал он нежно.

Пони высунул длинный слюнявый фиолетовый язык и аккуратно облизнул Гримпу волосы.

— Прекрати! — сказал Гримп. — Фу!

Пони довольно фыркнул, обвил язык вокруг кустика травы, вытащил его и забросил в пасть — вместе с корнями и грязью. Потом принялся жевать.

Гримп взглянул на солнце и обеспокоенно обернулся, чтобы посмотреть на фургон. Если она не отделается от Сопливчика в ближайшее время, его позовут домой ужинать до того, как они с Бабушкой смогут наконец поговорить. И его не выпустят из дома вечером, когда будут светящиеся огни.

Он шлепнул пони на прощание, тихо вернулся на дорогу и сел так, чтобы его не было видно из задней двери фургона, но было слышно, что там делается.

— ...так что единственное, что сейчас сможет повесить на вас Страж, — говорил полицейский, — будет обвинение в Общественной Угрозе. Если в этом году будут какие-нибудь неприятности от огней, он это попробует. Видите ли, он неплохой Страж, но он убедил себя в том, что вы вроде как виноваты в появлении этих огней каждый год.

Бабушка хихикнула.

— Ну, я пытаюсь поспеть сюда вовремя каждое лето, чтобы их увидеть, — признала она. — Но понимаю, почему он так думает.

— И, само собой, — сказал полицейский, — мы стараемся о них не шуметь. Если пойдут слухи, сюда из города ринется народ — просто поглазеть. Никто, кроме Стража, не возражает, чтобы вы были здесь, просто никому не хочется, что вокруг его фермы бродили толпы народа.

— Конечно, — согласилась Бабушка. — И, само собой, я никому про них не рассказывала.

— Все говорят, — добавил полицейский, — что прошлой ночью огней было в два раза больше, чем прошлым летом. Вот из-за чего Страж так разволновался.

Все больше нервничая с каждой минутой, Гримп затем вынужден был выслушать вежливый спор о том, сколько Сопливчик хочет заплатить Бабушке за лекарство от сенной лихорадки, тогда как она настаивала, что он вообще ничего ей не должен. В конце концов Бабушка сдалась, и полицейский заплатил — слишком много для друга семьи Гримпа. Бабушка сопротивлялась до конца. А потом наконец-то этот добродетельный блюститель порядка спустился по ступеням фургона, а Бабушка провожала его до двери.

— Как я выгляжу, Гримп?

Он радостно улыбался.

— Так, как будто тебе стоит иногда умываться, — бестактно ответил Гримп, потому что он быстро терял терпение с Сопливчиком. Но затем его глаза изумленно расширились.

Похоже, под слоем желтой грязи нос Сопливчика принял свою первоначальную форму, а его веки совсем не были распухшими! Более того, эти части лица теперь были не огненно-красными, а только бледно-розовыми. Короче говоря, Сопливчик снова стал почти красивым.

— Здорово, а? — сказал он. — С первого раза. И мне всего-то нужно еще раз помазаться этой мазью через час. Правильно я говорю, Бабушка?

— Правильно, — улыбнулась Бабушка от дверей, тихонько перекладывая монеты Сопливчика из одной руки в другую. — Будешь как новенький.

— И к тому же здоровенький, — сказал Сопливчик. Он благосклонно погладил Гримпа по голове. — А на следующей неделе мы пойдем ловить веррета, да, Гримп? — добавил он жадно.

— Я думаю, да, — сказал Гримп немного суховато. Он надеялся, что Сопливчик удовлетворится лекарством от сенной лихорадки и забудет о верретах.

— Договорились! — Сопливчик счастливо кивнул и, насвистывая, потащил свою грязную личность по дороге. Гримп, нахмурившись, посмотрел ему вслед и почти собрался достать рогатку и, не сходя с места, запульнуть средних размеров камешком в нижнюю заднюю часть мундира. Но, наверное, этого все-таки лучше не делать.

— Что ж, вот и все, — спокойно сказала Бабушка.

В этот момент над долиной разнесся звук пастушьего рога.

— Проклятие, — сказал Гримп. — Я знал, что становится поздно, а он только и делал, что трепал языком! Теперь меня зовут ужинать. — На глазах его выступили слезы разочарования.

— Не позволяй себе из-за этого расстраиваться, — сказала Бабушка утешительно. — Прыгай-ка сюда на минутку и закрой глаза.

Гримп запрыгнул в фургон и в ожидании закрыл глаза.

— Протяни руки, — услышал он голос Бабушки.

Он протянул руки, и она сложила их лодочкой. Затем что-то маленькое, легкое и пушистое скользнуло в них, ухватилось за большой палец Гримпа крошечными прохладными пальчиками и чирикнуло.

Глаза Гримпа широко распахнулись.

— Это лортел! — прошептал он ошеломленно.

— Это тебе! — лучезарно улыбнулась Бабушка.

Гримп потерял дар речи. Лортел смотрел на него большими голубыми глазами, расположенными на маленьком черном человеческом личике, дважды обвив своим длинным пушистым хвостом Гримпово запястье, вцепившись своими пальчиками в его большой палец, широко улыбаясь и попискивая.

— Он замечательный! — выдохнул Гримп. — А вы и правда можете научить его говорить?

— Привет, — сказал лортел.

— Пока он умеет говорить только это, — сказала Бабушка. — Но, если ты будешь терпелив, он научится.

— Я буду терпелив, — пообещал пораженный Гримп. — Я видел одного в цирке этой зимой, в Лагганде, ниже по реке. Говорили, что он умеет разговаривать, но он не сказал ни слова, пока я там был.

— Привет, — сказал лортел.

— Привет, — сдавленно выдохнул Гримп.

Снова прозвучал пастуший рог.

— Я думаю, тебе стоит бежать на ужин, а то твои рассердятся, — сказала Бабушка.

— Я знаю, — ответил Гримп. — А что он ест?

— На воле — жуков, цветы, мед, фрукты, яйца. Но ты просто давай ему то, что ешь сам.

— Ну, до свидания, — сказал Гримп. — И, черт побери, спасибо, Бабушка!

Он выпрыгнул из фургона. Лортел выбрался из его ладони, вскарабкался вверх по руке и уселся на плече, обвив свой хвост вокруг шеи Гримпа.

— Он тебя уже знает, — сказала Бабушка. — Он не убежит.

Гримп осторожно протянул руку и погладил лортела.

— Я вернусь рано утром, — сказал он. — В школу не идти... Меня не выпустят после ужина, пока здесь появляются эти огни.

Рог пропел в третий раз, очень громко. И на этот раз он обещал взбучку.

— Ну, до свидания, — поспешно повторил Гримп. Он побежал, а лортел болтался на воротнике его рубашки и пищал.

Бабушка посмотрела ему вслед, затем перевела взгляд на солнце, которое своим нижним краем уже коснулось вершин холмов.

— Да и мне не помешает слегка перекусить, — отметила она, вроде бы ни к кому не обращаясь. — Но после этого мне нужно будет прошвырнуться и учинить небольшую диверсию.

Лежа бронированным брюхом в грязи, пони покачал своей большой головой, глядя на нее. Его маленькие желтые глаза смотрели вопросительно.

— А почему ты думаешь, что потребуется диверсия? — прозвучал его голос у нее в ухе. Способность к чревовещанию была одним из талантов, которые более чем оправдывали значительные расходы Бабушки на содержание пони.

— Ты разве не слушал? — спросила она сварливо. — Полицейский сказал мне, что после ужина Страж собирается вывести на холм деревенское подразделение защиты и приказать им обстрелять шаровые детекторы халпа, как только они покажутся.

Пони выругался — бессмысленно для каждого, кто не вырос на планете Трибел. Он встал, потянулся и с чмокающими звуками принялся вытаскивать из грязи ноги.

— У меня не было ни часа покоя с тех пор, как ты восемь лет назад уговорила меня шляться с тобой! — пожаловался он.

— Но ты видишь жизнь, как я и обещала, — улыбнулась Бабушка.

Пони ухватил последний огромный пучок мокрой травы.

— Вот все, что я вижу! — сказал он выразительно.

Жуя, он вышел на дорогу.

— Я буду посматривать по сторонам, пока ты ужинаешь, — сказал он.

Когда двенадцать человек из подразделения защиты, все в мундирах, стройно маршировали по дороге из деревни, чтобы занять стратегическую позицию вокруг низины на ферме отца Гримпа, неподалеку внезапно прозвучал небольшой взрыв.

Страж, который маршировал во главе отряда с ружьем на плече, ведя на поводке пса, резко остановился. Отряд сломал ряды и столпился позади него.

— Что это было? — поинтересовался Страж.

Все вопросительно смотрели на зеленые холмы долины, уже покрытые вечерними тенями. Пес сел перед Стражем, повернул морду к темному лесу и зарычал.

— Смотрите! — сказал кто-то, указывая в том же направлении.

На дороге, у самого входа в лес, вспыхнула искра ярко-зеленого света. Она быстро росла в размере, стала размером с человеческую голову — а потом еще больше! Из нее выливались дымящиеся зеленые потоки...

— Пожалуй, пойду-ка я домой, — прозвучал в этот момент чей-то благоразумный голос.

— Стоять на месте! — приказал Страж, почувствовав, что за его спиной начинается общее движение к отступлению. Старый солдат, он сорвал с плеча ружье и прицелился. Его пес встал на все свои шесть лап и вздыбил шерсть.

— Стоять! — закричал Страж зеленому свету.

Свет быстро вырос до размеров бочки, новые полосы выстреливались из него и извивались вокруг, как голодные щупальца.

Страж выстрелил.

— *Бежим!* — закричали все. Пес отпрыгнул назад к ногам Стража, опрокинул его и помчался вслед отступающе-

му отряду. Зеленый свет разрастался рывками, стал похож на многорукую, извивающуюся морскую звезду и почти заслонил деревья. Потом этот свет двинулся по направлению к Стражу, издавая глубокие гудящие звуки.

Страж встал на одно колено и на одном дыхании послал все тринадцать зарядов в середину морской звезды. Она загудела громче, беспорядочнее задвигала щупальцами и продолжала приближаться.

Тогда Страж быстро встал, закинул ружье на плечо и присоединился к отступлению. Когда отряд достиг первых домов деревни, он снова был в первых рядах. А несколько минут спустя он, задыхаясь, построил своих солдат по той же тактике, которая оправдала себя девять лет назад при налетах лаггадских бандитов.

Но морская звезда не делала попыток последовать за людьми в долину. Она все еще находилась на дороге в том месте, где Страж видел ее в последний раз, размахивая конечностями и угрожающе гудя на безмолвные деревья.

— Это должно сработать, я полагаю, — сказала Бабушка Ваннаттел. — Прежде чем погаснет первая проекция, следующая в цепочке появится там, где ее можно будет увидеть из деревни. Будет уже за полночь, когда кто-нибудь снова вспомнит о шарах. Тем более что сегодня шаров быть не должно — если мы правильно поняли стратегию атаки халпа.

— Хотел бы я, чтобы все это было уже позади, — обеспокоенно сказал пони-носорог. Он стоял на дороге рядом с фургоном, темным силуэтом выделяясь на фоне красного вечернего неба как массивная статуя. Его голова была поднята, как будто он прислушивался. Так оно и было — он по-своему старался уловить все, что происходит в ложбине.

— Что толку в таких желаниях? — заметила Бабушка. Она сидела на камне на обочине дороги неподалеку от пони, с маленькой черной сумочкой, висящей через плечо. — Мы подождем здесь еще час, пока не стемнеет, а затем спустимся в лощину. Прорыв должен начаться где-то через пару часов после темноты.

— И почему опять этим должны заниматься мы? — проворчал пони. При своих размерах он отнюдь не был флегматиком и воспринимал все довольно нервно. И хотя работать с зональным агентом Ваннаттел значило не вылезать из тревожных ситуаций, пони не мог вспомнить ни одной настолько тревожной, как эти предстоящие ночные часы. На далеком мире Веги под названием Джелтад, в кабинетах планирования Департамента Галактических Зон приняли решение поставить Нурхат на карту в одном раунде ужасной войны человечества против чуждых и таинственных халпа — решение столь же горькое, сколь и неизбежное. Но пони не мог подавить в себе чувство, что горечь была бы чуть острее, если бы принявшие решение начальники стояли сейчас здесь, ожидая критического момента.

— Я бы тоже ничего не имела против, если бы Штаб не выбрал нас для этой операции, — признала Бабушка. — Нас и Нурхат...

Потому что, как это ни удивительно, если учесть сложившуюся ситуацию, долина была еще и Бабушкиной родиной. Когда-то, достаточно давно, Бабушка появилась на свет у подножия плотины в ста восьмидесяти милях вверх по великой реке Венд, давшей этой земле имя и почти всю используемую энергию.

С тех пор Эриза Ваннаттел много где еще побывала, поняв, что ее разнообразные способности и тяга к приключениям нуждаются для своего применения в более разнообразных задачах, чем те, которые мог предложить Нурхат, спокойно развивавшийся в мирную и уравновешенную планетную цивилизацию. Но ей все еще нравилось считать долину реки Венд своим домом и возвращаться туда всякий раз, когда позволяла работа. Она хорошо знала образ мыслей и действий местных жителей и понимала, за какие ниточки кого и как дергать. При случае это могло оказаться очень полезным.

В любом другом месте ответом на способ, которым Бабушка прогнала из лощины Стража и его отряд, была бы паника или появление вооруженных кораблей и лучевых пу-

шек, готовых расстрелять все живое. Но для жителей долины это была всего лишь очередная тревога. Деревенский бронзовый колокол возвестил осадное положение, а рога передали это сообщение на отдаленные фермы. Через несколько минут фермеры уже неслись по дорогам к деревне с семьями и оружием, и очень скоро все снова успокоилось. Выставили сторожевые посты, женщины и дети разместились в центральных зданиях, а вооруженные мужчины повели наблюдение за наведенными Бабушкой иллюзиями с благоразумного расстояния, отмеченного границей деревни.

Если больше ничего не случится, то до утра жители деревни ничего иного предпринимать не будут, а утром начнут осторожное выяснение обстоятельств. Припомнят загадочные голубые огни, безобидно танцевавшие вокруг фермы отца Гримпа последние четыре лета, и решат, что в этих местах почему-то появляются огненные видения. Даже если жители окажутся чересчур предприимчивы, безобидные Бабушкины видеонаводки им ничем не грозят.

Так что в результате Бабушка собрала всех там, где хотела, и лишила возможности действовать.

Во всех других отношениях долина представляла собой исключительно мирное зрелище. Ничто не выдавало того, что это была единственная в настоящий момент точка контакта между двумя силами, участвующими в войне межгалактического значения — войне призрачной, но вдвойне смертельной из-за того, что за тысячу с лишним лет ни одна из сторон не узнала о другой почти ничего, кроме беспощадной и опустошительной окончательности ее форм нападения. Между человечеством и халпа никогда не было настоящих сражений, только обоюдные и очень тщательные избиения — и все на территории человечества.

Потому что только у халпа были знания, которые позволяли войти в контакт с противником, и в этом была вся беда. Но, как можно было заключить из опыта, для нападения халпа требовались крайнее напряжение всех сил и

условия, выпадающие раз в три столетия и держащиеся всего несколько лет.

Очень трудно было бы найти у халпа какие-либо достоинства, кроме настойчивости. Каждые триста лет они пунктуально использовали этот краткий период, чтобы нанести очередной удар, тщательно подготовленный, спланированный и выполненный с невероятной внезапностью, против какого-нибудь форпоста человеческой цивилизации, — и в этот раз атака должна была пройти через Нурхат.

— Что-то начало двигаться в низине! — внезапно объявил пони. — Это не шаровой детектор.

— Я знаю, — пробормотала Бабушка. — Это передовые отряды самих халпа. Похоже, они точно по расписанию. Но не нервничай. Они безвредны, пока передатчик их не оживит. Теперь нам придется быть предельно осторожными, чтобы не спугнуть их. Они, похоже, гораздо чувствительнее к эмоциональному напряжению среды, чем шары.

Пони ничего не ответил. Он знал, что было поставлено на карту и для чего восемь больших кораблей сегодня ночью кружатся на орбите возле Нурхата вне досягаемости систем дальнего обнаружения. Еще он знал, что корабли начнут действовать, только если выяснится, что миссия Бабушки провалилась. Но...

Пони беспокойно потряс головой. Обитатели Трибела не доросли до такой степени цивилизованности, чтобы рассматривать возможность рассчитанного риска в планетарном масштабе — не говоря уже о том, что жизнь пони и Бабушки в этом расчете тоже учитывалась. Восемь лет он был ее спутником в путешествиях и за это время привык полагаться на ее умение понимать ситуацию и принимать решение. Но все равно мысль о том, чтобы спугнуть халпа, если это все еще возможно, казалась пони очень здравой.

По сути дела, как Бабушка хорошо знала, сейчас это еще можно было сделать, запустив в низину маленькую шутиху. До захвата плацдарма на планете халпа проявляли крайнюю осторожность. Стоит им засечь присутствие ядерного оружия в сотне миль от точки высадки, или признаки аг-

рессии, или даже долгосрочное наблюдение — и попытка вторжения на Нурхат будет отменена решительно и сразу.

Но одной из главных причин, почему Бабушка здесь оказалась, была необходимость проследить, чтобы эту попытку *ничто* не остановило. Иначе направление удара будет всего лишь перенесено на какой-нибудь другой мир, и вполне вероятно, на такой, где значение следящих шаров-детекторов не будет понято вовремя. Лучшая информационная система в Галактике могла выделить для слежения за такой угрозой лишь малую часть своих сил.

Бабушка резко встала, и в тот же момент пони отвернулся от низины. Оба постояли, поворачивая головы, как сбитые со следа гончие, ловящие запах дичи верхним чутьем.

— Это Гримп! — воскликнула Бабушка.

Пони-носорог тихо фыркнул.

— Это его мыслеобразы, точно, — согласился он. — Похоже, у него такое чувство, будто тебе нужна защита. Ты можешь определить, где он?

— Пока нет, — озабоченно сказала Бабушка. — А, вот. Он идет через лес по той стороне низины, слева. Вот чертенок! — Она заторопилась обратно к фургону. — Вот что, мне придется сесть на тебя верхом. Фургон тащить с собой нельзя — уже почти темно.

Он присел перед фургоном, а она с верхней ступеньки быстро ухватилась за седло. В роговую спину пони было вварено шесть металлических колец, так что сесть было просто. Бабушка вскарабкалась наверх, цепляясь за эти кольца.

— Обходи низину подальше! — предупредила она. — А то можно все испортить. А шуметь можешь посильнее. Халпа не обращают внимания на шум, если в нем нет эмоциональной окраски, а чем быстрее Гримп нас обнаружит, тем легче будет его найти.

Пони уже спешил вниз по лугу с удивительной скоростью — чтобы таскать такое тяжелое тело по глинистым болотам Трибела, нужны сильные мускулы. Он по дуге обежал низину и то, что там находилось, пересек мелководное

болото за лугом, поднимая шум, как торпедный катер в момент атаки, и вышел к лесу.

Здесь ему пришлось замедлить ход, чтобы Бабушку не смело ветками.

— Гримп где-то за тем откосом, — сказала Бабушка. — Он нас услышал.

— А они здорово шумят! — Мысль Гримпа донеслась неожиданно и чисто. Похоже, он с кем-то разговаривал. — Но мы их не боимся, правда?.

— Пиф-паф! — послышался другой возбужденный мыслеголос.

— Это лортел, — хором сказали Бабушка и пони.

— Вот это здорово! — продолжил Гримп одобрительно. — Мы их всех перестреляем из рогатки, если они не поберегутся. Но лучше нам поскорее отыскать Бабушку.

— Гримп! — закричала Бабушка. Пони поддержал ее ревом.

— Привет! — пришла мысль лортела.

— Это пони там орет? — спросил Гримп. — Ну хорошо, пошли в ту сторону.

— Мы здесь, Гримп! — кричала Бабушка, пока пони спускался по крутому склону оврага, просто соскальзывая по камню.

«Это Бабушка!» — подумал Гримп.

— Бабушка! — закричал он. — Берегись! Здесь повсюду монстры!

— А что ты пропустила! — вскричал Гримп, пританцовывая вокруг пони, пока Бабушка Ваннаттел с трудом сползала с седла. — Вокруг деревни полно монстров, и Страж убил одного, а я подстрелил из рогатки другого, и он погас, а я пошел тебя искать...

— Твоя мать будет волноваться! — начала Бабушка, когда они поспешили в объятия друг к другу.

— Нет, — широко улыбнулся Гримп. — Все дети спят в школе, и она не узнает до утра, а учитель сказал, что все монстры были, — он предусмотрительно заговорил медленнее, — го-лю-цинацами. А Страж ему сказал, что может

показать ему такого монстра, а он не пошел смотреть и из кровати не вылез. Но Страж молодец — он убил одного, а я подстрелил из рогатки другого, а лортел выучил новое слово. Скажи «пиф-паф», лортел! — попросил он.

— Привет! — пискнул лортел.

— Ох, — сказал Гримп разочарованно. — А раньше говорил. А я пришел отвести вас в деревню, чтобы монстры до вас не добрались. Привет, пони!

— Пиф-паф, — сказал лортел отчетливо.

— Вот, видите! — вскричал Гримп. — Он совсем не испугался — он очень храбрый лортел! Если мы увидим монстров, вы тоже не пугайтесь, потому что у меня есть рогатка, — сказал он, кровожадно ею размахивая, — и два полных кармана камешков. Поубиваем их всех, и дело с концом!

— Мысль отличная, Гримп, — согласилась Бабушка. — Но ты ужасно устал.

— И вовсе нет! — сказал Гримп удивленно. Тут у него закрылся правый глаз, потом левый; он с усилием открыл их и посмотрел на Бабушку.

— И правда, — признал он. — Я...

— На самом деле, — сказала Бабушка, — ты спишь!

— Нет, я не... — запротестовал Гримп и начал падать. Бабушка его подхватила.

— Вообще-то мне не хотелось этого делать, — пропыхтела она, затаскивая мальчика на пони, который лег и распластался как только мог, чтобы облегчить ей работу. — Ему бы, наверное, понравилось. Но мы не можем рисковать. И тяжелый же он, чертенок, — простонала она, делая последний толчок, — а тут еще эти полные карманы боеприпасов! — Она вскарабкалась наверх сама и заметила, что лортел обернулся у нее вокруг шеи воротником.

Пони осторожно встал.

— Что дальше? — спросил он.

— Можно пойти прямо в низину, — сказала Бабушка, тяжело дыша. — Нам, вероятно, придется прождать там несколько часов, но если мы будем осторожны, вреда не будет.

* * *

— Ты нашел хороший глубокий пруд? — спросила Бабушка у пони чуть погодя, когда он, мягко прохлюпав по лугу, присоединился к ней на краю ложбины.

— Да, — ответил пони. — Ярдах в ста отсюда. Это должно быть достаточно близко. Как ты думаешь, сколько нам еще придется прождать?

Бабушка слегка пожала плечами. Она сидела на траве, выбрав место, откуда при дневном свете открывался бы хороший вид на низину. Гримп спал, положив голову ей на колени, а лортел, поймав в траве несколько жуков и съев их, угомонился на ее плече и тоже задремал.

— Не знаю, — сказала она. — Остается три часа до восхода Большой Луны, а это должно произойти чуть раньше. Теперь, когда ты нашел воду, мы просто посидим тут и подождем. Единственное, о чем следует помнить: нельзя из-за них волноваться. Они почуют.

Пони стоял рядом с ней, огромный и нескладный, передними ногами на краю низины, и смотрел вниз. По его бугристым бокам стекала грязная вода. Он принес собой теплые илистые запахи летнего пруда, наполнившие воздух.

В низине происходило смутное темное постоянное движение. Едва заметное шевеление в большом омуте, полном темноты.

— Если бы я был один, — сказал пони, — я бы слинял отсюда! Я знаю, когда надо бояться. Но ты ведь взяла мои реакции под психологический контроль?

— Да, — ответила Бабушка. — Хотя мне будет легче, если ты поможешь в меру своих сил. Настоящей опасности не будет, пока их передатчик не окажется здесь.

— Если только, — сказал пони, — они за последние пару сотен лет не придумали новых приемов.

— Это так, — признала Бабушка. — Но они пока еще не меняли приемов, которые используют против нас. Если бы атаковали *мы*, мы бы все время разнообразили способы. Но, похоже, мы с халпа ни о чем не думаем одинако-

во. Они не были бы столь осторожны, если бы не понимали, что в этом их уязвимое место.

— Надеюсь, в этом они правы! — кратко сказал пони.

Затем он повернул голову, следя за движением чего-то, что выплыло, колыхаясь, из глубин низины, проплыло вдоль дальнего ее края и снова опустилось. У обитателей Трибела ночное зрение лучше, чем у Бабушки Ваннаттел, но она тоже увидела этот силуэт.

— Не на что смотреть, — отметил пони. — Больше всего похоже на большой темный кожаный лоскут.

— Их физическая структура считается довольно простой, — неторопливо согласилась Бабушка. Пони снова начинал нервничать, так что надо было его отвлечь болтовней на любые темы. Это всегда помогало, хотя пони, отлично зная Бабушку, понимал, что это психологический прием.

— Ты же знаешь, что многие вполне эффективные формы жизни имеют несложное физическое строение, — продолжала она, убаюкивая его тревогу спокойным журчанием голоса. — Паразиты, например. Известно также, что у халпа разум роевой, и потому то, что служит нервной системой у тех, кого нам посылают, может быть всего лишь вторичным передатчиком рефлексов...

Тут Гримп пошевелился во сне и что-то пробормотал. Бабушка посмотрела на него.

— А ну-ка спи! — строго сказала она, и он так и поступил.

— У тебя планы насчет этого мальчишки, не так ли? — сказал пони, не отводя взгляда от низины.

— Я давно к нему присматриваюсь, — призналась Бабушка, — и я уже порекомендовала Штабу за ним понаблюдать. Но я не собираюсь ничего решать насчет Гримпа до следующего лета, когда у нас будет больше времени, чтобы его изучить. А пока что посмотрим, что он естественным образом воспримет от лортела с помощью телепатического общения и сверхчувственного восприятия. Кажется, Гримп из тех, кто нам годится.

— Да, он подойдет, — согласился пони с отсутствующим видом. — Чуточку кровожаден, как почти все вы...

— Он это перерастет! — сказала Бабушка, слегка раздраженно, поскольку они с пони часто спорили на тему человеческой агрессивности. — Такие вещи нельзя торопить. Весь народ Нурхата должен перерасти эту стадию в ближайшие несколько сотен лет. Сейчас они как раз в поворотной точке...

Тут они придвинулись друг к другу — что-то очень похожее на большой темный лоскут кожи, колыхаясь, выплыло из низины и повисло над ними в темном воздухе. Представители противостоящих сил, столкнувшихся на Нурхате этой ночью, замерли, оценивая противника.

Халпа был около шести футов в длину, два в ширину и значительно меньше дюйма в толщину. Он уверенно плыл в воздухе, чуть подрагивая, как летучая мышь размером с человека. Потом внезапно расширился со звуком хлопка и натянулся, как выгнутый ветром парус.

Пони невольно всхрапнул. Тень, почти не имеющая очертаний, повернулась к нему и опустилась на несколько дюймов ближе. Поскольку ничего больше не произошло, халпа снова повернулся и тихо уплыл обратно в низину.

— Он мог решить, что я испугался? — с трудом спросил пони.

— Ты реагировал как надо, — успокаивающе сказала Бабушка. — Встревоженная подозрительность сначала, потом просто любопытство, а затем опять испуг, когда он сделал тот прыжок. Ожидаемая реакция для существ, которые могут случайно здесь находиться. Мы для них вроде коров. Они судят о предметах не по их виду, как мы...

Но ее тон был задумчивым. На самом деле она испугалась сильнее, но не хотела, чтобы пони это заметил. В поведении халпа было что-то неуловимо зловещее и самонадеянное. Почти наверняка он всего лишь хотел спровоцировать реакцию вражеского интеллекта, вероятнее всего,

пытаясь выяснить, нет ли у противника оружия, опасного для него и его народа.

Но существовал шанс — крошечный, но ужасающий шанс, — что эти твари все-таки *выработали* какую-то радикально новую форму атаки со времени их последнего прорыва и теперь уже *они* контролируют ситуацию...

Если так, то ни Гримп, ни вообще никто на Нурхате уже никогда ничего не перерастет.

Каждая из тысячи ста семнадцати планет, отданных халпа, прокладывала свой огненный страшный путь через космос, вырванная у захватчиков только ценой создания на ней — людским же оружием — условий, которых ни одна известная форма жизни не может выдержать.

И последние четыре года Бабушку преследовала мысль о том, что эта чудовищная угроза нависла над Нурхатом. Из почти полусотни миров, где были обнаружены шаровые детекторы халпа, исследующие возможные пункты вторжения, Штаб в конце концов выбрал Нурхат как наиболее подходящий по местным условиям для успешной обороны. То есть такой, которая позволит уничтожить единственное настоящее средство вторжения противника — пресловутый таинственный передатчик халпа. Халпа, способные, несомненно, на большее, в прошлом явно показали, что могут — или хотят — в каждой атаке использовать только один такой прибор. Таким образом, уничтожив передатчик, человечество выиграет еще несколько столетий, чтобы найти способ добраться до халпа раньше следующей попытки.

Так что на всех планетах, кроме Нурхата, шаровым детекторам осторожно подкидывали информацию для докладов об опасном состоянии боевой готовности и хорошо вооруженном населении. На Нурхате же, наоборот, их все время успокаивали... и так же, как ее родной мир был выбран наиболее подходящим местом для столкновения, была выбрана и сама Эриза Ваннаттел как наиболее подходящий представитель сил человечества в местных условиях.

Бабушка тихо вздохнула и снова напомнила себе, что вряд ли Штаб ошибся как в расчетах общей вероятности

успеха, так и в выборе человека, который должен его обеспечить. Существовала лишь исчезающе малая, чисто теоретическая вероятность, что события выйдут из-под контроля и Бабушка закончит свою длинную карьеру, совершив ошибку и убив свой родной мир.

Но все же такая вероятность была.

— Похоже, с каждой минутой их становится все больше, — сказал пони.

Бабушка глубоко вздохнула.

— Сейчас их должно быть несколько тысяч, — прикинула она. — Вообще-то уже почти время прорыва, но это только передовые силы. — Затем она добавила: — Ты видишь там, внизу, поближе к середине, что-то вроде свечения?

Пони приглядывался с минуту.

— Да, — сказал он. — Но я думал, что для тебя это находится в невидимой части спектра, ниже красного. Ты это видишь?

— Нет, — ответила Бабушка. — У меня есть только ощущение вроде тепла. Это передатчик начинает проходить. Кажется, они попались!

Пони медленно переступил с ноги на ногу.

— Да, — сказал он покорно. — Или это мы попались.

— Не думай об этом, — резко приказала она и наложила еще один ментальный блок на туманный темный страх, клубящийся и корчащийся в подсознании, грозящий в последний момент вырваться и парализовать ее действия.

Она открыла свою черную сумку и принялась неспешно собирать нечто, состоящее из нескольких кусков дерева, проволоки и довольно тяжелой и жесткой пружины...

— Просто будь готов, — добавила она.

— Я уже целый час как готов, — ответил пони и хмуро переступил с ноги на ногу.

После этого они не разговаривали. Вся долина затихла. Но низина перед ними медленно заполнялась черным шевелящимся скользящим приливом. От него отрывались дрожащие куски, повисали, дрожа, в нескольких ярдах над общей массой и опять успокаивались.

Внезапно в центре низины оказалось что-то еще.

* * *

Бабушка Ваннаттел поняла, что пони увидел это первым. Он смотрел в этом направлении уже почти минуту, прежде чем она смогла различить нечто похожее на группу стройных миниатюрных шпилей. Полупрозрачные в темноте, по углам показались четыре маленьких купола, а один побольше — в центре. Центральный купол был около двадцати футов в высоту и очень строен.

Вся конструкция начала быстро уплотняться...

Появление халповского передатчика, хрустально-легкого, было, быть может, самым захватывающим моментом всего зрелища, потому что вызывало ощущение черной дали, лежащей за всеми далями вселенной, того таинственного места, откуда он появился. В этом неизвестном далеке необыкновенно одаренные и решительные существа в течение человеческих столетий кропотливо готовили и наводили на цель некое колоссальное оружие... и затем переносили его на колоссальное расстояние, не используя ничего более существенного, чем этот серебристый кусок стекла, внезапно материализовавшийся на земле Венд.

Но им действительно нужен был только передатчик. Его смертельный яд лежал вокруг ленивой, почти неподвижной массой. Через несколько минут он пробудится к жизни, так же как пробуждались другие такие же передатчики в другие ночи на тех потерянных и горящих мирах. Еще несколько минут спустя эта хрупкая машина забросит захватчиков халпа на каждый квадратный метр поверхности Нурхата — уже не инертной, но быстрой, всепожирающей, почти неуничтожимой формой вампирической жизни, делящейся снова и снова в своем невероятно быстром цикле размножения, спеша опять есть, расти и снова размножаться...

Распространяясь на этой стадии гораздо быстрее, чем может уничтожить любое оружие, кроме абсолютного.

Пони внезапно шевельнулся, и Бабушка почувствовала охвативший его страх.

— Это действительно передатчик, — быстро сообщила она ему мысленно. — Таким его описывали два прежних ра-

порта. Но мы не можем быть уверены, что он *здесь*, пока он не начнет заряжаться. Тогда он засветится — сначала по краям, потом в центре. Спустя пять секунд после того, как зажжется центральный шпиль, он наберет слишком много энергии, чтобы они могли утянуть его обратно. По крайней мере они не смогли утянуть его назад после этого в последний раз, когда их наблюдали. И вот тогда-то мы должны быть готовы...

Пони все это слышал раньше. Но сейчас он успокоился, слушая.

— А ты будешь спать! — мысленно приказала Гримпу Бабушка Ваннаттел. — Что бы ты ни услышал, что бы ни случилось, ты будешь спать и ни о чем не думать, пока я не разбужу тебя...

Внезапно в передатчике появился свет — сначала в четырех внешних шпилях, а мгновение спустя мрачным красным светом зажегся большой центральный шпиль. Низина озарилась туманным светом. Пони сделал два испуганных шага назад.

— Пять секунд! — мысленно прошептала Бабушка. Она снова залезла в свою черную сумку и достала маленький пластиковый шарик. Он отразил свет из низины тусклыми красными отблесками. Бабушка аккуратно заложила его в устройство, которое собрала из дерева и проволоки. Он с щелчком встал на место напротив конца сжатой пружины.

Внизу, в долине, халпа стелились над сырой землей ковром пятнадцати футов толщиной, как большие черные мокрые листья, сметенные в круглые кучи с краев низины. Края и верхушки куч шевелились и дрожали, начиная скользить в сторону передатчика.

— ...пять. Огонь! — сказала Бабушка громко и подняла деревянную катапульту к плечу.

Пони отчаянно потряс из стороны в сторону своей тупорогой головой, издал задушенный вопль, прыгнул вперед и бросился по крутому склону низины в жуткой спешке.

Бабушка внимательно прицелилась и выстрелила.

Одеяло из тварей, похожих на мертвые листья, поднялось вверх навстречу наступлению пони невесомым и безмолвным водоворотом тьмы, закрывшим от взгляда и светящийся передатчик, и фигуру пони. Пони заревел, когда чернота сомкнулась над ним. Секунду спустя раздался звон, как будто разбилось стофутовое зеркало, — и приблизительно в тот же момент пластиковый шарик Бабушки взорвался где-то в центре шевелящейся массы.

Низвергающиеся фонтаны белого пламени заполнили всю низину. Вся в огне, плотная масса тварей бешено извивалась и корчилась, как горящие лохмотья. Там, где вскипела неистовая огненная роза, раздавались крики невыносимо страдающих умирающих созданий. Пони топтал разрушенный передатчик, чтобы уничтожить его наверняка.

— Лучше уходи оттуда! — тревожно крикнула Бабушка. — Все, что от него осталось, все равно сейчас расплавится!

Она не знала, слышит он ее или нет. Но несколько секунд спустя он уже тяжело взбирался по склону низины. Пылая от носа до крестца, он протопал мимо Бабушки, пересек луг за ее спиной, роняя лепестки белого огня, которые взрывали болотную траву в его следах, и рыбкой бросился в найденный заранее пруд. Громкий всплеск дополнили резкие шипящие звуки. Пруд и пони скрылись из виду под поднимающимися облаками пара.

— Горячо! — достигла Бабушки его мысль.

Она глубоко вздохнула.

— Горячо, как в вулкане! — подтвердила она. — Если бы ты провозился там подольше, обеспечил бы деревню жареным мясом на год вперед.

— Я останусь здесь на некоторое время, пока немножко не остыну, — сказал пони.

Бабушка обнаружила, что что-то ее душит, и это оказался хвост лортела. Она осторожно его размотала. Но лортел немедленно заякорился в ее волосах всеми четырьмя лапками. Она решила оставить его там. Он выглядел ужасно расстроенным.

Гримп тем временем продолжал спать. Придется повозиться, чтобы отвезти его до утра назад в деревню незамеченным, но она что-нибудь придумает. Низина засасывала холодный ночной воздух ровным потоком и извергала его кипящими вертикальными колоннами невидимого жара. Похоже, на дне роскошного пламени, которое она зажгла, твари все еще двигались — но очень медленно. Да, халпа — стойкие организмы, но когда их поджаривают по-настоящему хорошим огоньком, им далеко до жителей Трибела.

Нужно будет еще проверить низину на рассвете, когда земля достаточно остынет, — но бабушкин столетний период войны с халпа был закончен. По крайней мере его оборонительная фаза...

Чавкающие звуки, раздающиеся из пруда, дали понять, что пони достаточно остыл, чтобы проявить интерес к вареной растительности, плавающей на поверхности. Все было в порядке.

И потому Бабушка, стараясь не беспокоить Гримпа, легла на спину в высокую луговую траву и позволила себе ненадолго задремать.

На восходе солнца фургон Бабушки Ваннаттел с патентованными лекарствами находился в девяти милях от деревни, степенно катясь через лес на юг по деревенской дороге. Как обычно, она уезжала в тревожной обстановке.

Гримп и полицейский пришли с утра пораньше ее предупредить. Страж пытался извлечь выгоду из ночных беспрецедентных событий и продавить через совет деревни решение предъявить Бабушке обвинение в создании Общественной Опасности; а поскольку жители деревни все еще были взволнованы и взбудоражены, у него был неплохой шанс собрать большинство голосов.

Гримп проводил ее достаточно далеко, чтобы объяснить, что такое положение дел не будет постоянным. Он все продумал.

Иммунитет Сопливчика против сенной лихорадки привел за эту ночь к полному взаимопониманию между ним и

прекрасной Веллит; они собираются пожениться через пять недель. Как женатый мужчина, Сопливчик сможет баллотироваться на пост Стража Поселка на выборах осенью — а при поддержке родственников Гримпа и Веллит Сопливчик наверняка будет избран. Так что когда Бабушка следующим летом снова соберется посетить долину, ей не придется больше беспокоиться о вмешательстве полиции или официальном осуждении...

Бабушка одобрительно кивала. Примерно в такую соседскую политику сама она начала играть в возрасте Гримпа. Теперь она была уверена, что Гримп в конечном счете станет ее преемником и стражем не только Нурхата и звездной системы, к которой принадлежит Нурхат, но стражем очень многих звездных систем, помимо этой. При тщательном обучении он будет готов к работе как раз ко времени, когда она захочет выйти в отставку.

Спустя час после того, как Гримп с неожиданно грустным видом отправился назад на ферму, фургон свернул с деревенской дороги на узкую лесную тропинку. Здесь пони увеличил шаг, и меньше чем через пять минут они въехали в извилистый овраг, в дальнем конце которого лежало нечто, что Гримп немедленно бы опознал как маленький космический корабль — он видел точно такой же, когда единственный раз ездил в ближайший портовый город.

Когда Бабушка и пони приблизились, в борту открылся большой круглый люк. Пони остановился. Бабушка слезла с козел и отвязала пони. Он вошел в люк, а фургон оторвал колеса от земли и вплыл вслед за ним. Последней вошла Бабушка Ваннаттел, и люк тихо закрылся за ее спиной.

Мгновение корабль спокойно лежал, а затем внезапно исчез. Мертвые листья некоторое время танцевали по оврагу, потревоженные дыханием его отбытия.

Очень далеко, так далеко, что ни Гримп, ни его родители, ни кто угодно в деревне, за исключением школьного учителя, никогда об этом месте даже не слышали, загудела

приборная стойка, привлекая внимание. Кто-то подошел и включил связь.

Бабушкин голос отчетливо сообщил:

— Зональный агент Ваннаттел сообщает об успешном завершении операции халпа на планете Нурхат...

Высоко над небом Нурхата восемь больших кораблей немедленно покинули свои наблюдательные позиции на орбитах над планетой и растворились в черноте безграничного космоса, который был их морем и их домом.

Л. Спрэг де Камп

Об авторе*

Л. Спрэг де Камп — одна из основополагающих фигур жанра, карьера которого распространяется почти на все развитие современной научной фантастики и фэнтези. Большей частью блеска своего «золотого века» конца тридцатых — сороковых годов журнал «Эстаундинг» обязан присутствию на своих страницах именно де Кампа наряду с его великими современниками Робертом А. Хайнлайном, Теодором Старджоном и Ван Вогтом. В то же самое время он помог создать совершенно новый, современный стиль фэнтези — забавный, причудливый и озорной — для братского журнала «Эстаундинг», журнала фэнтези «Анноун», и сам же стал наиболее заметным представителем этого стиля. (Рассказы де Кампа для «Анноун» до сих пор числятся среди лучших рассказов в стиле фэнтези, среди которых такие классические вещи, как «Колеса Если», «Не по правилам», «Штабель дров» и — в сотрудничестве с Флетчером Прэттом — знаменитый цикл «Гарольд Ши», который впоследствии вошел в сборник «Полный обольститель». В жанре научной фантастики им создан «Да не опустится тьма», на мой взгляд, один из трех-четырех лучших романов об альтернативных мирах за всю историю фантастики (переиздан в 1996 году в «Бэйн Букс» вместе с романом Дэвида Дрейка «Принести свет»), а также довольно неоднозначный для своего времени ро-

* © Перевод. Малахов В.И., 2001.

ман «Лукавая королева» (хотя в наши дни он выглядит достаточно банальным) и ряд добротных научно-фантастических рассказов, таких, как «Судный день», «Разделяй и властвуй», «С ружьем на динозавра» и «Аристотель и оружие».

В наше время де Камп известен, пожалуй, в основном как юморист, которого вспоминают прежде всего, наверное, по рассказам из «Анноун» и рассказам о Гарольде Ши, но во всем, что он пишет, велика доля динамичных приключений, хотя большинство его головокружительных, отчаянных приключений содержит добрую толику юмора. Его самый значительный вклад в развитие космической оперы — цикл «Viagens Interplanetaries» («Межпланетные туры» по-португальски, поскольку на Земле будущего, по де Кампу, доминирующей политической и экономической державой станет Бразилия), ряд рассказов и романов (иногда называемый циклом «Кришна», по имени планеты, на которой происходит действие многих из них), где детально описаны замысловатые, а иногда противоречивые взаимоотношения землян и разумных обитателей близлежащих пределов космоса. Интеллектуальностью — наряду с юмором — пронизаны все рассказы де Кампа, и космическая опера де Кампа просто *умнее*, чем произведения его современников в этом жанре: легко увидеть, как его изощренный ум разрабатывает детали фона и структуру вероятного межзвездного общества, а также все неизбежные последствия, сохраняя при этом логичность, последовательность и точность, даже когда речь идет о межзвездном авантюристе (например, во вселенной «Межпланетных туров» не допускаются такие вещи, как, например, путешествия на сверхсветовой скорости, — и *это* порождает некоторые неизбежные и удивительные последствия, над которыми немногие из авторов, работающих в жанре космических приключений, стали бы ломать голову...). Интеллектуальность концепций, положенных в основу рассказов из цикла «Межпланетных туров», проявляется во всем, и не в последнюю очередь в предсказании де

Кампа о том, что Бразилия станет доминирующей державой на Земле к середине XXI века, когда бывшие сверхдержавы истощатся и обанкротятся; причем это предсказание казалось нелепым и экстравагантным, когда де Камп его сделал, то есть в 1950-х, но в наши дни оно выглядит все более правдоподобным и делает эти рассказы вполне современными, хотя им уже почти полвека. Кроме того, несмотря на всю интеллектуальную чистоту, вложенную в них, они вовсе не кажутся скучными или неспешными — напротив, они продолжают оставаться в одном ряду с наиболее красочными и живыми рассказами о межпланетных приключениях всех времен; очевидное тому доказательство — представленный здесь озорной рассказ с лихо закрученным сюжетом.

Рассказы о межпланетных турах представлены в книге «Создатели континентов и другие истории» (к сожалению, сборник опубликован давно, но его еще можно встретить в библиотеках). Среди романов этого или «кришнаитского» цикла, некоторые из которых недавно переизданы, «Рука Зеи», «Башня Занида», «Королева Замбы», «Дева Зеша», «Узник Жаманака» и «Заложник Зира». Лучший из этих романов, на мой взгляд, «Рука Зеи», который является хорошим введением в серию и который до сих пор можно найти в букинистических магазинах. Де Камп продолжал время от времени писать романы «кришнаитской» серии до самых 90-х, и самые последние из них «Кости Зоры», «Камни Номуру» и «Мечи Зинджахана» написаны в соавторстве с его женой, Кэтрин Крук де Камп.

Среди прочих книг де Кампа — «Былая слава», «Великий фетиш» и «Сопротивляющийся король», а также дополнение к книгам о Гарольде Ши — «Карнельский куб», «Страна неразумных», а также сборник «Рассказы из бара Гэвэгена»; вместе с Кэтрин Крук де Камп, в дополнение к их совместным «кришнаитским» романам, были написаны «Включенный рыцарь» и «Чокнутая принцесса»; а еще де Камп написал множество романов про Конана в посмертном соавторстве с Робертом Говардом. Еще он напи-

сал продолжительный цикл расхваленных критиками исторических романов, в том числе «Бронзовые боги Родоса», «Слон для Аристотеля», «Дракон ворот Иштар» и «Стрелы Геракла», а также множество книг на научные и технические темы, литературные биографии, такие, как кропотливое исследование жизни Г.Ф. Лавкрафта «Лавкрафт: Биография», «Судьба темной долины: Жизнь Роберта Говарда» и критико-биографические исследования жанра и авторов фэнтези, например, «Литературные меченосцы и волшебники». Еще он был редактором антологий «Мечи и волшебство», «Чары семи», «Фантастические меченосцы» и «Волшебники и воины». Его рассказы представлены в сборниках «Лучшее Спрэга де Кампа», «С ружьем на динозавра», «Пурпурные птеродактили» и «Реки времени». Де Камп отмечен премиями: «Небьюла» — Великий мастер и «Гэндальф», или Великий мастер фэнтези, а также престижной премией Всемирной конвенции фэнтези за общий вклад в развитие жанра. В 1997-м награжден премией «Хьюго» за автобиографию «Время и перемены».

Свисток Гальтона*

Эдриан Фроум очнулся под резкие согласные звуки речи дзлиери. Попытавшись двинуться, он обнаружил, что вишнувианские кентавры привязали его к дереву и теперь эти твари скачут вокруг него, поигрывая оружием и ликуя.

— Думаю, — сказал один из них, — нам надо аккуратно содрать с него кожу и вывалять в соли.

Другой заметил:

---

* L. Sprague de Camp. «The Galton Whistle». © L. Sprague de Camp, 1971. ©Перевод. Малахов В.И., 2001.

— Лучше вскроем ему брюхо и постепенно вытащим потроха. Обдирать — дело ненадежное: эти земляне часто дохнут, когда дело сделано всего наполовину.

Фроум видел, что его коллеги-разведчики действительно исчезли, оставив после себя лишь двух мертвых зебр (из шести, с которыми они отправлялись в путь) и какую-то разбитую аппаратуру. Голова у него страшно болела. Должно быть, Куинлен шарахнул его сзади, пока Хаятака валялся без сознания, а потом собрал манатки и смылся, забрав раненого шефа, но оставив Фроума.

Дзлиери перекрикивались друг с другом, пока один не сказал:

— Да провалитесь вы со своими выдумками! Никакой медленной смерти! Просто пристрелим его, чем одновременно избавимся от него и потренируемся. Первыми выйдут лучники. Что скажете?

Последнее предложение прошло. Они растянулись, насколько позволяла густая растительность.

Дзлиери не были кентаврами в смысле сходства с прекрасными греческими скульптурами. Если вообразить торс гориллы, взгроможденный на туловище тапира, можно получить приблизительное представление об их внешности. У них были большие подвижные уши, покрытые рыжей шерстью, карикатурные подобия человеческих лиц, четырехпалые руки и пучковатые хвосты. Тем не менее тот факт, что у каждого из них было по две руки и по четыре ноги, вынуждал людей, которые находили их собственное название трудноватым, именовать их кентаврами, хотя от их наружности у Фидия или Праксителя душа ушла бы в пятки.

— Готовы? — спросил поклонник стрельбы из лука. — Цельтесь пониже — его голова пополнит нашу коллекцию, если вы ее не подпортите.

— Обождите, — сказал другой. — У меня мысль получше. Один их миссионер рассказывал мне земную легенду про человека, которого господин заставил сбить какой-то плод с головы его сына. Поэтому давайте-ка лучше...

— Нет! Тогда ты точно испортишь голову!

И вся шайка возобновила галдеж.

Господи, подумал Фроум, как они говорят! Он проверил свои узы, убедившись, что кто-то хорошо потрудился, связывая его. Но, хоть он и был крепко напуган, он собрался с духом и взял себя в руки.

— Эй, ребята, я вас спрашиваю: вы чего затеяли?

Они не обратили на него ни малейшего внимания, пока партия Вильгельма Теля не взяла верх и один из них, с украденным у торговца ружьем, болтавшимся на плече, не приблизился к нему с плодом размером с небольшую тыкву.

— А твое ружье стреляет? — поинтересовался Фроум.

— Да, — ответил дзлиери. — И пули подходящие для него есть!

Фроум имел сомнения на этот счет, но все же сказал:

— Может, устроим настоящие спортивные соревнования? Каждый из нас поставит себе на голову плод, а другой постарается его сбить.

Дзлиери издал булькающий звук, изображавший смех.

— Чтобы ты мог нас подстрелить? Ты нас за придурков держишь?

Фроум решил, что отвечать на этот вопрос не слишком тактично, и продолжал настаивать с искренностью отчаяния:

— А знаете, если вы меня убьете, у вас будут сплошные проблемы, а вот если отпустите...

— Проблем мы не боимся, — прорычал подносчик фруктов, пристраивая плод на голове у Фроума. — Думаешь, мы так просто упустим такую красивую голову? Ни разу не видели мы землянина с желтыми волосами на голове и лице.

Фроум проклял про себя свою масть, которой он до сей поры лишь гордился, и попытался подыскать очередные аргументы. Думать среди такого гама было затруднительно.

Псевдотыква свалилась с глухим стуком. Дзлиери взвыли, и тот, который ее устанавливал, вернулся и залепил Фроуму по физиономии добрую оплеуху.

— Это чтоб ты не дергал головой!

Затем он крепко привязал плод лианой, пропустив ее под подбородком Фроума.

Трое дзлиери получили команду выйти для первого выстрела.

— Ну смотрите, друзья, — сказал Фроум. — Сами знаете, на что способны земляне, если их...

Твинк! Раздались щелчки тетивы — стрелы с резким свистом сорвались с луков. Фроум услышал двойной удар. Тыква дернулась, и он ощутил острую боль в левом ухе. Что-то липкое капало на его голое плечо.

Дзлиери загалдели:

— Первый раунд выиграл Этснотен!

— Здорово придумал — пришпилить его ухо к дереву!

— Для второго выстрела — становись!

— Эй! — Послышался стук копыт, и в поле зрения появилось еще несколько дзлиери.

— Что тут такое? — спросил один из них в латунном шлеме с гребнем.

Ему пояснили, причем болтали все одновременно.

— Значит, — произнес тот, что в шлеме, которого все называли Мишинатвен (Фроум понял, что это, должно быть, вождь мятежников, отколовшийся от старого Камато-бдена. Ходили слухи насчет войны...), — второй землянин оглушил этого, связал и оставил нам? Убив наших ребят, что лежат в кустах?

Он указал на тела двоих дзлиери, попавших под пулемет в предшествовавшей схватке.

Затем Мишинатвен обратился к Фроуму на бразило-португальском, распространенном в космосе, но говорил очень ломано:

— Кто ты есть? Какое имя?

— Я говорю на дзлиери, — ответил Фроум. — Меня зовут Фроум, я из топографической группы из Бембома. Ваши соплеменники сегодня утром без всякого повода напали на нас, когда мы разбивали лагерь, и ранили нашего начальника.

— Ага. Один из тех, кто измеряет и размечает нашу землю, чтобы ее у нас забрать?

— Ничего подобного. Мы только хотим...

— Не надо споров. Думаю, надо доставить тебя к Богу. Может, ты сможешь что-нибудь добавить к нашим сведениям о магических знаниях землян. Например, что это?

Мишинатвен показал на обломки, оставленные Куинленом.

— Это штуковина для разговоров на расстоянии. Боюсь, она разбита настолько, что ремонту не подлежит. Это прибор для определения направления, тоже сломан. А это (Мишинатвен показывал на радарный отражатель, алюминиевую конструкцию, напоминавшую одновременно и бумажного змея, и дорожный указатель)... это... это что-то вроде тотемного столба, который мы хотели установить на горе Эртма.

— Зачем? Это моя территория.

— Чтобы, наблюдая за ней из Бембома при помощи радара... Знаете, что такое радар?

— Конечно: магическое око, чтобы видеть сквозь туман. Продолжай.

— Так вот, дружище, чтобы, наблюдая за этим объектом из Бембома при помощи нашего радара, мы могли определить расстояние до горы Эртма, направление и использовать эту информацию на наших картах.

Немного помолчав, Мишинатвен сказал:

— Для меня это слишком сложно. Что касается гибели двух моих подданных, мы должны учесть тот факт, что они охотились за головами, что запрещено Богом. Только Бог может решить этот вопрос.

Затем он обратился к остальным:

— Соберите вещи и отнесите в Амнаирад на хранение. — Он вывернул стрелу, пригвоздившую ухо Фроума, и перерезал путы землянина коротким крючковатым мечом, напоминавшим огромный нож для резки линолеума. — Залезай ко мне на спину и держись.

Хотя Фроуму уже приходилось ездить на зебрах по бездорожью (компания подобрала особую породу зебры Грэви, большую, с узкими полосками на крупе, наиболее подходящую для передвижений на Вишну, где механический транспорт был

нецелесообразен), он еще не испытывал ничего подобного этой бешеной езде без седла. По крайней мере он еще был жив и надеялся узнать, кто такой «Бог». Хотя Мишинатвен использовал выражение *джимоа-бртскван* — «верховный дух», религия дзлиери представляла собой смесь демонологии и магии низшего порядка, и во главе их пантеона не было даже какого-нибудь кентаврообразного бога-создателя. Или, может, с беспокойством подумал он, «доставить к Богу» означало, что его просто хотят предать смерти в ходе какого-то сложного обряда?

Что ж, хоть исследования и накрылись на какое-то время, может, ему удастся что-нибудь узнать насчет пропавшей миссионерши и торговца. Он вышел с Хаятакой, старшим топографом, и Питом Куинленом, новичком, у которого почти не было прошлого, а приличных манер и того меньше. Они с Куинленом действовали друг другу на нервы, хотя Фроум старался сглаживать острые углы. Хаятака, несмотря на все свои технические знания и опыт, был слишком мягким и терпеливым человечком, чтобы держать в узде столь своенравного, как Куинлен, подчиненного.

Сначала сбежал проводник-дзлиери, и Куинлен завел волынку насчет тоски по дому. Однако Хаятака и Фроум решили попробовать добраться до Эртмы по компасу, хотя путешествие по этой напоминающей бурлящий котел планете с ее непроходимыми джунглями и почти беспрерывными дождями было не слишком приятным.

О пропавших землянах они узнали вчера, когда Куинлен вызвал по радио самого команданте Сильву: «...и когда вы войдете на землю дзлиери, ищите следы Сирата Монгката и Элены Миллан. Сират Монгкат — коммерсант, в основном занимавшийся у дзлиери металлоломом, и о нем ничего не слышно уже целый вишнувианский год. Элена Миллан — миссионер космотеистов, от которой нет вестей шесть недель. Если они в беде, постарайтесь им помочь и сообщите нам...»

Закончив сеанс, Куинлен сказал:

— Ни черта себе. Будто нам мало здешнего климата, насекомых и туземцев, так еще и искать пару идиотов. Как первого зовут? Что-то не очень похоже на земное имя.

Хаятака ответил:

— Сират Монгкат. Он из Таиланда — это у вас называется Сиамом.

Куинлен громко расхохотался:

— Ты имеешь в виду пару сросшихся близнецов?

А сегодня утром на лагерь налетел отряд дзлиери, следовавших запрещенному старинному обычаю охоты за головами. Они продырявили Хаятаке дротиком обе икры и смертельно ранили двух зебр, прежде чем Фроум уложил из ручного пулемета двоих и рассеял остальных.

Однако Куинлен запаниковал и побежал. Фроум старался быть справедливым и не слишком винил парня: во время своей первой экспедиции он и сам ударился в панику. Но когда Куинлен все-таки потихоньку вернулся, Фроум спустил на него всех собак и пообещал сделать уничтожающую запись в его личное дело. Потом они перевязали раны Хаятаки, дали старшему топографу таблетку снотворного и стали готовиться к возвращению в Бембом.

Должно быть, Куинлен, поразмыслив о крахе своей карьеры, оглушил Фроума и оставил его дзлиери, а сам поволок находившегося без сознания шефа обратно в Бембом.

После пары часов скачки по пересеченной местности отряд, который вез Фроума в Амнаирад, начал пользоваться дорогами. Сейчас они проезжали расчищенные участки, где дзлиери выращивали похожие на салат-латук растения примерно в человеческий рост, которые они употребляли в пищу. Затем они въехали в «город», который человеку показался бы скорее рядом загонов, дополненных конюшнями. Это и был Амнаирад. Позади виднелись очертания горы Эртмы, вершину которой закрывали облака. Фроум с удивлением заметил в одном из загонов с полдюжины зебр: это говорило о присутствии людей.

Они подъехали к центру территории и приблизились к скоплению «зданий» — закрытых сооружéний из столбов с натянутыми между ними циновками. Кавалькада прогарцевала к самому большому сооружению. Вход преградили несколько дзлиери с копьями, щитами и в шлемах.

— Скажите Богу, у нас для него кое-что есть, — сказал Мишинатвен.

Один из охранников удалился внутрь и вскоре вышел обратно.

— Входите, — сказал он. — Только ты и двое твоих воинов, Мишинатвен. И землянин.

Когда они шли по лабиринту переходов, Фроум слышал шум дождя на циновках сверху. Он отметил, что это странное жилище устроено более цивилизованно, чем можно было ожидать от дзлиери, которые, хоть и обладали некоторым интеллектом, были слишком порывисты и сварливы, чтобы воспользоваться плодами цивилизации. Они пришли в помещение, задрапированное шторами из местных тканей и украшенное несколькими кучками развешанного крест-накрест оружия дзлиери — луков, копий и тому подобного.

— Слезай, — велел Мишинатвен. — Бог, это землянин по имени Фроум, которого мы нашли в лесу. Фроум, это Бог.

Фроум покосился на Мишинатвена, чтобы понять, надо ли простираться ниц на глинобитном полу или нет. Но поскольку дзлиери взирал на свое божество вполне буднично, Фроум обратил взгляд на невысокого коренастого человека с плоским восточным лицом, вооруженного пистолетом и сидевшего в старом кожаном кресле, изготовленном явно человеческими руками.

Фроум кивнул и сказал:

— Приятно познакомиться, старина Бог. Вас, случайно, не... до обожествления вас звали Сират Монгкат?

Человек слегка улыбнулся, кивнул и обратил свое внимание на трех дзлиери, которые, перекрикивая друг друга, пытались рассказать историю обнаружения Фроума.

Сират Монгкат выпрямился и достал из нагрудного кармана небольшой предмет, висевший у него на шее на веревочке: медная трубка, размером и формой напоминавшая сигарету. Засунув конец трубки в рот, он дунул в нее, причем его желтоватое лицо покраснело от натуги. Фроум не услышал никакого звука, но дзлиери тут же притихли. Сират убрал трубку обратно в карман, из которого осталась торчать бечевка, и сказал по-португальски:

— Расскажите нам, как вы попали в такой переплет, сеньор Фроум.

Фроум, не найдя в себе сил придумать ложь, заменившую бы простую правду, рассказал Сирату о ссоре с Куинленом и о том, что за этим последовало.

— Да уж, — произнес Сират. — Можно подумать, что вы просто пара моих дзлиери. Впрочем, мне известно, что среди землян иногда возникает такая враждебность, особенно когда несколько человек вынуждены находиться рядом в течение длительного времени. Каковы были бы ваши действия, если бы я вас освободил?

— Думаю, попытался бы пробраться обратно в Бембом. Если бы вы одолжили мне зебру и немного еды...

Сират покачал головой, продолжая улыбаться улыбкой Чеширского Кота.

— Боюсь, это за пределами целесообразности. Но почему вы так торопитесь вернуться? После размолвки, о которой вы уведомили меня, вас вряд ли ожидает теплый прием: ваш коллега изложит свою историю таким образом, чтобы представить вас в самом невыгодном свете.

— И что же тогда? — поинтересовался Фроум, подумав, что коммерсант, похоже, в юности проглотил целый словарь. Ему пришло в голову, что Сират решил его не отпускать, а, наоборот, использовать. Хотя в перебежчики Фроум не собирался, большого вреда не будет, если он поводит коммерсанта за нос, пока не разберется, что к чему.

— Вы инженер с высшим образованием? — спросил Сират.

Фроум кивнул:

— Лондонский университет. Гражданское строительство.

— С механической мастерской управитесь?

— Я не специалист по машинам, но основы знаю. Вы меня нанимаете?

Сират улыбнулся.

— Насколько я понимаю, вы, как правило, предвосхищаете меня на несколько шагов. Грубо говоря, именно это я и имел в виду. Мои дзлиери достаточно неплохо работают с металлом, однако им не хватает прилежания; более того, я нахожу затруднительным разъяснять более сложные действия созданиям из домашинной эры. И наконец, сеньор, вы прибыли сюда в не слишком благоприятный для вас момент, когда я работаю над проектами, вести о которых я не хотел бы распространять. Вы меня понимаете?

Фроум с ходу прикинул, что Сират нарушает Инструкцию Межпланетного Совета номер 368, раздел 4, подраздел 26, параграф 15, которая запрещает передавать техническую информацию разумным, но отсталым и воинственным существам типа дзлиери без особого на то разрешения. Сильва об этом должен знать. Впрочем, высказался он кратко:

— Посмотрю, что смогу сделать.

— Хорошо. — Сират поднялся. — Я подлатаю вам ухо, а затем сам покажу мастерскую. Проводи нас, Мишинатвен.

Сиамец шел впереди по лабиринту выложенных из циновок проходов, пока они не вышли в крытый переход, соединявший «дворец» со скоплением построек поменьше, в которых кто-то колотил по наковальне, кто-то работал напильником, а еще кто-то раздувал мехи в примитивной кузнице.

В большом помещении несколько дзлиери работали с металлическими деталями на станках местного изготовления, в том числе токарном, приводимом в действие кривошипом, и сверлильном. В одном углу громоздилась куча поломанного местного оружия и инструментов. Оглядев помещение, Фроум увидел стойку с несколькими десятками двуствольных ружей.

Сират подал одно из них Фроуму.

— Двухсантиметровые, гладкоствольные, простейшей конструкции. Мои дзлиери пока еще не доросли до усложненных автоматических устройств, не говоря уж о шокерах, парализаторах и тому подобном оружии. Поэтому ружья, которые они экспроприируют у торговцев, редко остаются в употреблении надолго. Они не чистят оружие, не верят, что каждому ружью нужны соответствующие боеприпасы. Поэтому ружья вскоре выходят из строя, а они не способны осуществлять ремонт. Но с учетом того, что мы еще не доросли до нарезных стволов и что в джунглях ограниченная видимость, подобный образец с восьмимиллиметровой картечью столь же эффективен, как и современное оружие.

— Так вот, — продолжал он, — я подумываю о том, чтобы назначить вас старшим в моих мастерских. Сначала вы пройдете курс подготовки, поработав в каждом отделении по очереди в течение нескольких дней. Что касается вашей лояльности — тут я надеюсь, что здравомыслие не позволит вам попытаться отбыть из этих угодий. Сегодня вы начнете с сортировки лома, а по завершении урочных часов Мишинатвен проводит вас в вашу обитель. Поскольку мои дзлиери еще не доросли до монетарной экономики, вы будете вознаграждены медными слитками. И, наконец, надеюсь провести сегодня вечерний досуг в вашем обществе.

Помещение для сортировки было завалено кучами лома, как человеческого, так и туземного происхождения. Сортировщик Идзнамен обрушил на Фроума элементарные вещи, вроде того как отличить латунь от железа. Когда Фроум нетерпеливо сказал: «Да-да, я это знаю», — Идзнамен окинул его сердитым взглядом и продолжал в том же духе. Тем временем в душе у Фроума нарастало негодование. В целом он был покладистым человеком, но щепетильным в отношении своих прав, и теперь в нем кипела ярость по поводу того, что его, гражданского служащего могущественной компании, удерживает какой-то перебежчик.

Во время лекции Фроум рыскал по кучам, переворачивал обломки. Ему показалось, будто он узнал якорь мото-

ра, недавно пропавший из Бембома. Потом ему попался огромный медный чайник с пробитым дном. Наконец, он обнаружил оборудование своей топографической группы, включая радарный отражатель.

Несколько часов спустя его, уставшего и грязного, отпустили, и Мишинатвен отвел его в небольшую комнатенку в том же здании. Здесь он обнаружил кое-какие простые приспособления для мытья. Он решил было избавиться от рыжей щетины в связи с предстоящим ужином у Бога, но Мишинатвен не знал, что такое бритва. Дзлиери никуда не отходил, не выпуская Фроума из виду. Сират, очевидно, ничего не хотел пускать на самотек в отношениях со своим новым помощником.

В назначенное время Мишинатвен проводил его во дворец, в столовую Сирата, убранную весьма изящно. Кроме нескольких охранников-дзлиери, там было уже двое людей: Сират Монгкат и невысокая смуглая девушка, изящно сложенная, но одетая в очень простой земной наряд, состоявший из большего числа предметов, чем люди обычно носили на этой бурлящей планете.

Сират сказал:

— Дорогая, позвольте представить сеньора Эдриана Фроума. Сеньор, с невыразимым удовольствием представляю вам сеньориту Элену Миллан. Не желаете выпить? — добавил он, предлагая бокал *мойхады*.

— Не возражаю, — ответил Фроум, примечая, что у Сирата уже есть бокал, а вот у мисс Миллан нет.

— Это противоречит ее убеждениям, — сказал Сират. — Надеюсь исцелить ее от столь неоправданного экстремизма, но на это требуется время. А теперь изложите нам свои недавние приключения еще раз.

Фроум подчинился.

— Что за история! — заметила Элена Миллан. — Итак, ваша красивая североевропейская масть чуть не привела вас к смерти! Вам, северянам, лучше держаться холодных планет типа Ганеши. Хотя я вовсе не верю в дурацкую теорию Жункейроша о превосходстве средиземноморской расы.

— Возможно, здесь есть здравое зерно в том, что касается Вишну, — ответил Фроум. — Я замечаю, что здешний климат тяжелее действует на таких, как Ван дер Грахт и я, чем на уроженцев тропиков вроде Мехталала. Но мне, наверное, лучше выкрасить волосы в черный цвет, чтобы у этих парней не возникало желания позаимствовать мою голову в качестве сувенира.

— Я искренне сожалею о данном инциденте, — сказал Сират. — Но, возможно, в этой неудаче есть и толика удачи. Кажется, есть поговорка насчет того, что нет худа без добра? Зато теперь, как вы можете заметить, я располагаю опытным механиком и еще одной представительницей рода человеческого, с которой могу общаться. Представить себе не можете, что за тоска — видеть одних только инопланетян.

Фроум внимательно на них посмотрел. Так вот она, пропавшая миссионерка! Во всяком случае, у нее дружелюбная улыбка и низкий приятный голос. Он без обиняков поинтересовался:

— А как сюда попала мисс Миллан?

Ответила Элена Миллан:

— Я продвигалась с группой дзлиери в глубь территории Мишинатвена, когда на мой отряд напало какое-то чудовище и сожрало одного из проводников. Наверное, оно сожрало бы и меня, не появись мистер Сират, который пристрелил зверюгу. И вот теперь...

Она взглянула на Сирата, а тот заметил со своей обычной улыбкой:

— И вот теперь она считает для себя затруднительным свыкнуться с мыслью о том, чтобы стать основательницей династии.

— То есть? — не понял Фроум.

— О, разве я не поставил вас в известность? Меня обуревают значительные амбиции — благородного свойства, можно сказать, пожалуй. Ничего такого, на мой взгляд, что потребовало бы от меня иметь дело с Бембомом, но надеюсь, что еще до истечения значительного срока под моим

суверенитетом окажется значительная территория. Я уже управляю народом Мишинатвена во всех практических делах и через несколько недель намереваюсь аннексировать и земли старика Каматобдена. Затем очередь дойдет до племени ромели, что живет за Бембомом...

Он имел в виду еще один вид разумных существ на этой планете, обезьяноподобных с шестью конечностями, которые постоянно враждовали с дзлиери.

— Вы видите себя императором планеты? — спросил Фроум. — Об этом непременно следует срочно доложить его начальству в Бембоме!

Сират изобразил протестующий жест.

— Мне не следует применять столь экстравагантный термин — пока по крайней мере. Это планета с большой площадью суши. Однако... вы правильно поняли идею в целом. Под объединенным правлением я смогу привить истинную культуру дзлиери и ромели, которой они никогда не достигнут, оставаясь враждебными племенами. — Он хохотнул. — Один психолог как-то заявил, что у меня комплекс власти вследствие небольшого роста. Возможно, он был прав; но разве это повод отказаться от использования этого свойства ради благой цели?

— А при чем тут мисс Миллан? — поинтересовался Фроум.

— Мой дорогой Фроум! Эти первобытные существа в состоянии понять династический принцип, но они слишком отсталые для ваших маловразумительных демократических идеалов, что отчетливо показал провал попыток научить их управлению. Следовательно, нам необходима династия, и я избрал мисс Миллан, дабы она помогла мне основать ее.

Поведение Элены изменилось резко и заметно.

— Никогда, — ледяным голосом заметила она. — Если я когда-нибудь и выйду замуж, то это случится не раньше, чем Космос повлияет на мою духовную сущность Лучом своей Священной Любви.

Фроум подавился выпивкой, поразившись, что такая милая девушка способна нести такую чушь.

Сират улыбнулся.

— Она изменит свое мнение. Бедное дитя, она еще не осознает, что для нее является благом.

Элена же на это сказала:

— Он блуждает во тьме кармы, накопленной в течение многих жизней, мистер Фроум, а потому не способен постичь духовные истины.

Сират широко ухмыльнулся.

— Просто какой-то ослепленный старый невежда. Надеюсь, любовь моя, вы найдете нашего гостя более податливым в отношении ваших духовных призывов?

— Судя по цвету его ауры, да. — (Фроум при этом нервно оглянулся). — Если сердце его исполнено Космической Любви, я могла бы направить его стопы на Семиступенную Тропу к Единению с Бесконечностью.

Фроум чуть не заявил, что не станет безучастно смотреть, как земная женщина подвергается принуждению — по крайней мере пока он здоров, — но передумал. Подобная несдержанность могла принести больше вреда, чем пользы. Тем не менее Эдриан Фроум мысленно поклялся помочь Элене, поскольку, хоть он и напускал на себя маску прожженного циника в отношении к женщинам, в глубине души оставался сентиментальным чудаком, когда ему хоть слегка казалось, что некая дама попала в беду.

— Вернемся к менее возвышенным материям, — сказал Сират. — Как обстоят дела в Бембоме, мистер Фроум? Информация, доставляемая мне моими дзлиери, нередко доходит в искаженном виде.

После этого ужин протекал достаточно спокойно. Фроум заключил, что Сират, несмотря на свою чрезвычайно напыщенную манеру говорить, проницательный и довольно обаятельный человек, хотя явно из тех, кто не терпит никаких препятствий на своем пути. Девушка тоже очаровала его. Казалось, в ней соединились два совершенно разных человека: милая симпатичная девушка, весьма привлекательная, на его взгляд, и жрица темных сил, внушавшая ему чуть ли не страх.

Когда Сират отпустил гостей, дзлиери вывел их из комнаты. Мишинатвен дождался, пока Фроум не уляжется (Фроуму пришлось несколько раз передвигать кровать, чтобы дождевая вода не капала сквозь потолок из циновки), прежде чем его покинуть. А сам Фроум настолько устал, что ему было уже все равно, приставили к нему охрану или нет.

В последующие дни Фроум узнал побольше о работе мастерской и освежил свои слесарные навыки. Еще он привык к тому, что за ним по пятам ходит Мишинатвен или какой-нибудь другой дзлиери. По его мнению, ему надо было разрабатывать побег, и он чувствовал себя виноватым за то, что толковый план никак не приходил в голову. Сират держал при себе охрану, а Фроум находился под постоянным наблюдением.

И если бы даже Фроум мог улизнуть от своих стражей, что дальше? Даже если дзлиери его при этом не поймают (а они наверняка его схватят), если его не сожрет какой-нибудь хищник здешних джунглей, без компаса он безнадежно заблудится, не пройдя и километра, и вскоре умрет от авитаминоза, неизменно поражавшего землян, пытавшихся питаться исключительно вишнувианской пищей.

А пока ему нравилось возникающее от прикосновения к прочному металлу ощущение своего мастерства, а встреченных здесь людей он нашел вполне сносными в общении.

Как-то вечером Сират сказал:

— Эдриан, я хочу взять вас завтра с собой, чтобы вы стали свидетелем планируемых мною учений.

— С удовольствием, — откликнулся Фроум. — А вы, Элена, поедете?

— Не желаю наблюдать за приготовлениями к жестокому преступлению, — ответила она.

Сират рассмеялся.

— Она все еще надеется превратить дзлиери в пацифистов. С тем же успехом можно учить лошадь играть на скрипке. Она попыталась сделать это с вождем Каматобденом, и тот просто счел ее умалишенной.

— И все же я принесу просвещение этим заблудшим душам, — твердо сказала она.

Учения проходили на большой просеке неподалеку от Амнаирада. Сират восседал на оседланной зебре, наблюдая, как эскадроны дзлиери осуществляют маневры с головокружительной скоростью: у некоторых было туземное оружие, другие были снабжены новыми ружьями. Подразделение копейщиков цепью с топотом проносилось через поле; затем на поле выбегали мушкетеры, залегали за пнями и изображали стрельбу, а потом они вскакивали и рассыпались по окружающим зарослям, чтобы вновь собраться в другом месте. Была и стрельба по мишеням, напоминающим тарелочки, но беспорядочной пальбы не наблюдалось: Сират держал боеприпасы к новым ружьям под замком и выдавал их только для конкретных задач.

Фроум не думал, что Сират собирается нападать на Бембом — пока. Но, несомненно, он вполне мог обрушиться на соседние вишнувианские племена, войска которых являли собой крикливые шайки по сравнению с его войсками. А потом... Сильва *должен* узнать об этом.

Казалось, Сират руководит передвижениями по полю, хотя он не подавал знаков и ничего не говорил. Фроум подобрался к нему достаточно близко, чтобы увидеть у него во рту маленькую медную трубочку, в которую он дул. Фроум вспомнил: это же свисток Гальтона! Он выдает ультразвук, и на Земле кое-кто подзывает им собак. Должно быть, верхний предел слуха у дзлиери выше двадцати тысяч герц.

За ужином в тот вечер он спросил Сирата, каким способом тот подает сигналы.

— Так и думал, что вы будете строить догадки по этому поводу. Я разработал систему сигналов, что-то вроде азбуки Морзе. Нет особого смысла использовать свисток против враждебных дзлиери, поскольку они тоже способны его воспринимать, но вот с людьми или ромели... Представьте, например, неких злонамеренных землян, задумавших напасть на меня в моей резиденции в отсутствие охраны.

Один свисток — и дзлиери сбегутся, а негодяи даже не будут знать, что я их позвал.

— Это напоминает мне о том, — продолжал авантюрист, — что я хотел поручить вам начать завтра делать еще двадцать таких же для моих офицеров. Я решил научить и их пользоваться этим приспособлением. И должен попросить поторопиться, поскольку на ближайшее будущее я замыслил большой поход.

— Поход на Каматобдена? — спросил Фроум.

— Можете думать так, если вам угодно. Не следует бояться, Элена: я буду осторожен. Ваш рыцарь вернется.

Возможно, подумал Фроум, именно этого она и опасается.

Фроум осмотрел свисток Гальтона, оставленный ему Сиратом. Теперь уже он отвечал за всю мастерскую и знал, где можно найти кусок медной трубки (наверное, от топливной системы какого-то вертолета), подходящий для изготовления дубликатов свистка.

С помощью одного туземца к вечеру он выполнил заказ, а еще один свисток дзлиери испортил. Сират пришел из дворца и сказал:

— Отлично, дорогой Эдриан. Вместе мы далеко пойдем. Вы должны простить меня за то, что я не пригласил вас поужинать со мной сегодня, но я вынужден провести совещание с моими офицерами. Может быть, вы с мисс Миллан поужинаете в мое отсутствие?

— Конечно, дом Сират, — ответил Фроум. — С удовольствием.

Сират погрозил пальцем:

— Однако позвольте предостеречь вас от излишне настойчивых попыток употребить свое обаяние в отношении моей подопечной. Столь неопытная девушка может счесть высокого молодого англичанина весьма привлекательным, а итоги могут оказаться *весьма* плачевными для всех, имеющих к этому отношение.

Когда подошло время ужина, Фроум занял свое место за столом напротив Элены Миллан. Она сказала:

— Будем говорить по-английски, поскольку некоторые наши друзья (она имела в виду вездесущих охранников-дзлиери) тоже немного знают португальский. О Эдриан, я так боюсь!

— Чего? Сирата? Что-то еще случилось?

— Он намекает, что если я не соглашусь с его династическими планами, он прибегнет к принуждению. Вы понимаете, что это значит.

— Да. И вы хотите, чтобы я вас спас?

— Я... я была бы очень благодарна, если бы вы смогли это сделать. Хотя нас учат смиряться с подобными несчастьями и относиться к ним как к заслуженному в прошлых инкарнациях, вряд ли я это выдержу. Я убью себя.

Фроум немного подумал.

— Не знаете, когда он отправляется в поход?

— Послезавтра. А завтра вечером дзлиери будут пировать.

Это означало дикую оргию, и Сират может воспользоваться этим случаем для продолжения династии. Кроме того, всеобщая сумятица давала шанс на удачный побег.

— Попробую что-нибудь придумать, — сказал Фроум.

На следующий день Фроум обнаружил, что его помощники беспокойны и непослушны больше обычного. Около полудня они его покинули.

— Будем готовиться к пиру! — крикнули они. — К черту работу!

Мишинатвен тоже исчез. Фроум остался один, погрузившись в раздумья. Потом он прошелся по мастерской, перебирая куски материала. Он заметил свисток Гальтона, лежавший там, куда он его забросил накануне, оставшийся кусок медной трубки, из которой он делал свистки, и большой медный чайник, который он так и не удосужился отскрести или починить. Идея начинала постепенно приобретать очертания.

Фроум отправился в кузницу и разжег печку, а когда она достаточно нагрелась, он припаял толстую заплату на дырку в чайнике изнутри, где будет самое большое давление. Проверив чайник, он больше не обнаружил протечек. Отпилив затем кусок медной трубки, он изготовил еще один свисток Гальтона, использовав испорченный в качестве образца.

В помещении, где были свалены разные обломки, он подобрал кусок пластика, из которого изготовил герметичную прокладку, чтобы установить ее между чайником и крышкой. Сняв с чайника дужку, он изготовил ручку покороче и присоединил ее так, чтобы она прижимала крышку к прокладке. Под конец он сделал из листовой меди небольшой конический переходник, припаял его к носику чайника, а к переходнику припаял свисток. У него получился герметичный чайник, носик которого заканчивался свистком.

Подошло время ужина.

У Сирата было шумное и веселое настроение, и мойхады он выпил больше обычного.

— Завтра мы бросим жребий, — сказал он. — Какой там древний полководец что-то сказал насчет жребия, переправляясь через реку? Наполеон? Как бы там ни было, выпьем за завтрашний день! — Картинным жестом он поднял кубок. — Так вы не изменили решения, Элена? Прискорбно: вы не знаете, чего лишаетесь. Что ж, давайте приступим к трапезе, пока мой повар не сбежал к бражникам.

Снаружи донеслось пьяное пение дзлиери и шум драки. По дворцу разнесся пронзительный визг самки-дзлиери и топот и гогот преследовавшего ее самца.

Эти беспокойные звуки помешали продолжать беседу с прежним блеском, которым она обычно отличалась. По окончании ужина Сират сказал:

— Эдриан, вы должны меня простить: мне еще предстоит чрезвычайно ответственное дело. Прошу вас вернуться в свои апартаменты. Но вас, Элена, покорно прошу остаться на месте.

Фроум посмотрел на них, потом на охранников и вышел. Минуя переход, он заметил толпу дзлиери, отплясывавших вокруг большого костра. Сам дворец выглядел почти опустевшим.

Вместо того чтобы пойти к себе, Фроум отправился в мастерскую. Запалив факел, чтобы освещать дорогу, он пошел с чайником к колонке и до половины налил в него воды. Вернувшись в мастерскую, он водрузил чайник на топку сверху, придавил крышку, помешал угли и качал мехи, пока огонь не разгорелся.

Порывшись в той части мастерской, где находились инструменты и оружие, он подобрал себе копье с трехметровым древком и широким полуметровым наконечником с заточенными краями. С ним он вернулся в кузницу.

После долгого ожидания в воздухе перед носиком чайника появилось небольшое облачко пара, переросшее в длинную, с силой вырывавшуюся струю. Фроум ничего не слышал, но прикосновение куском металла к носику показало ему, что свисток вибрирует с огромной частотой.

Помня о том, что ультразвук имеет направленное действие, Фроум рассек циновки стен наконечником копья, открыв кузницу в нескольких направлениях. Затем он вернулся во дворец.

Он уже хорошо ориентировался. Личные покои Сирата, состоявшие из гостиной, спальни и ванной, располагались ближе к центру лабиринта. Пройти туда можно было лишь через постоянно охраняемый вход в гостиную.

Фроум прошел по коридору вдоль покоев и завернул за угол, к двери, ведущей в гостиную. Он прислушался, приложив ухо к циновке. Хотя из-за шума на улице трудно было что-нибудь разобрать, ему показалось, будто он слышит в покоях Сирата звуки борьбы. А из коридора послышались голоса дзлиери.

Он подкрался к углу коридора и услышал:

— ...Не иначе как демоны наслали на нас этот звук. От него у меня голова чуть ли не раскалывается!

— Это похоже на свисток Бога, — откликнулся другой голос, — за исключением того, что доносится не из его палат и звучит постоянно. Попробуй заткнуть уши вот этим.

Первый голос, очевидно, принадлежавший одному из постоянных стражников, сказал:

— Это почти не помогает. Постой тут на страже, а я поищу нашего лекаря.

— Постою, но пришли кого-нибудь вместо себя, поскольку Бог нас не поймет, если увидит только одного. И побыстрее — этот звук сводит меня с ума!

Звук копыт дзлиери удалился. Фроум ухмыльнулся. Он мог бы напасть на оставшегося охранника, но раз уж у этого парня в ушах затычки, можно сделать проще. Спальню Сирата от гостиной отгораживали жалюзи, заменявшие двери.

Фроум отсчитал шаги, чтобы наверняка оказаться напротив спальни. Затем он всадил в циновки копье, рассек наконечником сверху вниз и через разрез ворвался в спальню размером с баскетбольную площадку.

Сират Монгкат поднял голову, оторвавшись от своего занятия. Он уже привязал руки Элены к стойкам в изголовье кровати так, что она лежала навзничь, и теперь, несмотря на ее сопротивление, привязывал ее лодыжку к стойке у изножья. Он являл собой картину завоевателя, решившего положить начало своей династии со всеми удобствами.

— Эдриан! — вскричала Элена.

Рука Сирата метнулась к бедру — и в ней ничего не оказалось. Самая большая надежда Фроума оправдалась: он предполагал, что Сират на этот раз может отложить пистолет. Фроум рассчитывал, что если застанет Сирата вооруженным, то метнет в него копье, теперь же он мог действовать наверняка.

Держа огромное копье обеими руками, словно винтовку со штыком, он устремился на Сирата. Тот вскочил на кровать и спрыгнул на пол с противоположной стороны, пытаясь нашарить свисток. Фроум вслед за ним запрыгнул на кровать, но споткнулся о привязанную ногу Элены и чуть не растянулся во весь рост. Равновесие он восстановил,

лишь проскочив чуть ли не половину комнаты. Тем временем Сират, увернувшийся от броска Фроума, поднес свисток к губам, и его большие щеки надулись от усилия.

Фроум приготовился к следующему броску. Сират продолжал дуть, причем выражение его лица менялось от самоуверенного до тревожного, поскольку никто не появлялся. Фроум знал, что ни один дзлиери в округе ничего не услышит из-за постоянного звука, исходившего от свистка на чайнике. Но Сират, который никак не мог слышать в ультразвуковом диапазоне, не подозревал, что его сигналы заглушаются.

Когда Фроум снова двинулся на Сирата, тот швырнул стул, пролетевший со страшной силой: одним краем он скользнул по костяшкам пальцев Эдриана, а другим — нанес удар в лоб, от которого он отлетел назад. Сират снова метнулся по комнате на коротких ножках и рванул со стены кучку туземного оружия, которым он украшал дворец.

На пол с грохотом свалились пара перекрещенных боевых топоров, гисарм и медный щит. Когда Фроум оправился от столкновения со стулом, Сират уже вооружился щитом и топором. Он крутанулся и поднял щит, чтобы закрыться от удара копьем, а затем ударил топором, не попал и чуть не потерял равновесие. Фроум успел отскочить назад.

Сират преследовал его, продолжая наносить удары. Фроум отступал, не отражая удары, поскольку опасался, что противник может разрубить копье, а потом снова пошел в наступление, делая выпады в сторону головы Сирата, ног, незащищенной руки. Они стали кружить, и копье время от времени ударялось о щит. Фроум обнаружил, что может держать Сирата на расстоянии, но обойти щит оказалось непросто. Так они и кружились, осыпая друг друга ударами.

Сират на мгновение замешкался, и Фроум направил копье в его левое бедро, прямо над коленом... Но недостаточно точный удар лишь сильно порвал Сирату штаны и нанес ему скользящую рану. Сират прыгнул вперед, размахивая топором, и прижал Фроума почти к стене, прежде чем тот смог остановить его контрвыпадами.

Они снова закружились. Потом Сират, оказавшийся вдруг между Фроумом и дверью в гостиную, стремительно швырнул топор в Фроума, бросил щит, развернулся и рванулся к закрытой шторой дверью с воплем «На помощь!».

Фроум увернулся от топора, который все же сильно ударил его в плечо. Оправившись, он увидел, что Сират уже почти ускользнул и вот-вот откинет штору. Он никак не мог перехватить сиамца до того, как тот выскочит в гостиную и призовет на помощь своих нерадивых стражей.

Фроум метнул копье словно дротик. Древко промелькнуло в воздухе, острие вонзилось в широкую спину Сирата и наполовину вошло в тело.

Сират упал вперед лицом вниз, судорожно цепляясь за ковер и хватая воздух. Изо рта у него хлынула кровь.

Фроум подскочил к тому месту, где лежал несостоявшийся император, и выдернул копье. Он занес его, готовый ударить снова, но Сират перестал шевелиться. Эдриан почти сожалел о случившемся... Но времени на гамлетовские раздумья не оставалось. Вытерев наконечник об одежду Сирата, он подошел к кровати и перерезал острым краем наконечника путы Элены. Не дожидаясь ее объяснений, он сказал:

— Если поторопимся, то сможем уйти, пока они не спохватились. И то если только стражники не слышали шума.

— Они подумают, что это я и он, — ответила она. — Прежде чем он заволок меня сюда, он велел им не входить, что бы они ни услышали, если только он не свистнет.

— Поделом ему. Я схожу разыщу пару зебр. Где его чертов пистолет?

— В этом ящике, — сказала она, показывая. — Он запер его туда, поскольку, наверное, боялся, что я могу выхватить у него оружие и пристрелить его — как будто я могу убить хоть какое-то разумное существо.

— А как мы туда... — заговорил Фроум и умолк, увидев на ящике наборный замок. — Боюсь, не выйдет. А ящик с боеприпасами в кладовке?

— Там тоже кодовый замок.

Фроум выругался.

— Похоже, нам придется отправляться в путь без оружия. Пока меня не будет, постарайтесь собрать на кухне в мешок еду и все, что покажется вам полезным.

И он выскользнул через разрез в стене.

Выбравшись из дворца, он постарался изобразить, будто направляется куда-то по самым обычным делам. Дзлиери, сбросив остатки сдержанности, слишком отдались веселью, чтобы обращать на него особое внимание, хотя один или два прорычали что-то вроде приветствий в его адрес.

Поймать зебр, однако, оказалось непросто. Животные метались по загону, легко уворачиваясь, когда он пытался схватить их за уздечки. В конце концов он окликнул одного знакомого дзлиери:

— Мзумелитсен, помоги, если можешь. Бог хочет прокатиться.

— Подожди, пока закончу то, чем занимаюсь, — ответил дзлиери.

Фроум дождался, пока Мзумелитсен закончит то, чем занимался, и подошел помочь отловить трех зебр. После этого животные довольно смирно последовали за Фроумом во дворец. Привязав их к ограде с обратной стороны, он отправился в мастерскую, где рылся, пока не нашел мачете и топорик. Еще он прихватил радарный отражатель, который хоть и был слегка помят, но имел вполне рабочий вид.

Вернувшись, он обнаружил, что Элена набрала мешок продуктов, взяла запас спичек и еще кое-что. Погрузив все это на одну из зебр, они оседлали двух других.

Когда они выехали из Амнаирада, буйное веселье у дзлиери было в самом разгаре.

На следующий день, когда они начали подниматься по склону горы Эртмы, Фроум поднял руку и сказал:

— Послушайте!

Сквозь густые заросли вишнувианских джунглей они услышали громкие голоса дзлиери. Затем до них донеслись звуки толпы, двигавшейся по тропе.

Фроум и Элена быстро переглянулись и пустились в галоп.

Преследователи, похоже, двигались тоже быстро, поскольку доносившиеся от них звуки становились все громче и громче. Фроум заметил позади блеск металла. По возгласам дзлиери он понял, что и они их увидели.

— Вы поедете дальше, а я уведу их от тропы и постарюсь от них оторваться, — сказал Фроум.

— Нет! Я вас не оставлю!

— Делайте, что говорю!

— Но...

— Вперед! — рявкнул он так яростно, что она подчинилась. Потом он сидел, дожидался, когда они появятся в поле зрения, стараясь побороть страх, поскольку не питал никаких иллюзий насчет своих шансов «оторваться» от дзлиери в их родных джунглях.

Они толпой неслись по тропе в его сторону с ликующими криками. Если бы только у него было ружье... Во всяком случае, похоже, у них тоже нет. У дзлиери было в наличии всего несколько стреляющих ружей (не считая дробовиков, патроны для которых оставались под замком), и им пришлось разделить оружие между многочисленными маленькими отрядами, отправившимися на поиски во все стороны от центра.

Фроум повернул зебру в сторону джунглей. Здесь, слава богу, заросли были не такими густыми, как внизу, где джунгли в стороне от троп были практически непроходимыми.

Он ударил пятками своего скакуна, и тот помчался неровным галопом. Фроум безуспешно пытался закрыть лицо от веток. Его кожу раздирали колючки, а правой ногой он крепко ударился о ствол дерева. Когда дзлиери рванулись с тропы вслед за ним, он направил зебру по широкой дуге вокруг них, чтобы снова выйти на тропу уже позади преследователей.

Когда он достиг тропы и мог уже открыть глаза, он увидел, что вся толпа, возглавляемая Мишинатвеном, его догоняет. На повороте приспешник Сирата срезал угол и

выскочил на тропу рядом с землянином. Фроум нащупал мачете, болтавшееся у левой ноги. Дзлиери приближался к нему справа, подняв копье для удара.

— Обманщик! Богоубийца! — завопил Мишинатвен, скакавший рядом, и ударил. Но Фроум успел разрубить древко, и наконечник, царапнувший Эдриана по руке, упал на землю.

Мишинатвен с размаху ударил Фроума остатком древка по плечам. Эдриан нанес ответный удар и услышал звон подставленного щита. Мишинатвен выхватил короткий меч. Фроум отбил первый удар, потом ударил по руке дзлиери с мечом и почувствовал, что клинок попал в кость. Меч выпал.

Тогда Фроум схватился левой рукой за щит, дернул его вниз и продолжал наносить удары, пока его противник не рухнул на землю вместе со щитом.

Остальные продолжали преследование. Оглянувшись, Фроум увидел, что они остановились возле павшего вождя.

Фроум натянул поводья. Лучшая защита — это нападение. Если их сейчас атаковать... Он развернул зебру и с диким криком поскакал на них, размахивая окровавленным клинком.

Не успел он до них добраться, как они с отчаянными воплями рассыпались по зарослям. Он продолжал скакать уже среди них, вверх по длинному подъему, пока они не остались далеко позади, а ему пришлось замедлить ход из-за усталости зебры.

Когда он наконец догнал Элену Миллан, она посмотрела на него с ужасом. Он не понял почему, пока не сообразил, что, забрызганный кровью, представляет собой устрашающее зрелище.

Несколько оставшихся километров они прошли пешком, обводя зебр вокруг огромных валунов, усеявших вершину, и подстегивая животных, чтобы заставить их вскакивать на крутые склоны. Добравшись до самого верха, они привязали зебр к кустам и растянулись на земле, чтобы отдохнуть.

— Слава Космосу, добрались! — сказала Элена. — Я больше не в состоянии сделать ни шагу.

— Еще не все, — заметил Фроум. — Как только немного отдышимся, надо установить отражатель.

— Но здесь мы в безопасности?

— Ни в коем случае. Эти дзлиери вернутся в Амнаирад, приведут все племя и обложат гору кругом, чтобы мы не ускользнули. Нам остается надеяться лишь на то, что отражатель спасет нас вовремя.

Он тут же заставил себя подняться и приступил к работе. Через полчаса ему удалось с помощью Элены установить отражатель на столбе и закрепить растяжками, чтобы он мог выдержать порывы ветра.

Потом Эдриан Фроум снова рухнул на землю.

— Бедняга! — произнесла Элена. — На вас места живого нет.

— А то я не знаю! Но могло быть гораздо хуже.

— Позвольте хотя бы промыть царапины, чтобы не было заражения.

— Не стоит, вишнувианские микробы землянам не страшны. Но раз уж вы настаиваете...

Голос его сонно затих.

Проснувшись через несколько часов, он увидел, что Элена развела костер, несмотря на моросящий дождь, и выложила еду.

— Чтоб я сдох, вот это да! — воскликнул он. — То есть я хотел сказать, вы отличная спутница!

— Ничего особенного. Это вы великолепны. Подумать только, я всегда с предубеждением относилась к светловолосым мужчинам, потому что в испанских романах негодяй всегда изображается блондином!

Сердце Фроума, никогда не отличавшееся черствостью, как бы он ни старался это изобразить, затрепетало.

— Может, сейчас и не самый подходящий момент для этого... Должен сказать, особой духовностью я не отличаюсь, но я вас люблю.

— Я вас тоже люблю. Космос ниспослал Луч Любви...

— Только не это! — Напоминание о другой Элене было слишком резким. — Хватит, моя девочка. Иди ко мне.

Что она и сделала.

Когда Питер Куинлен вернулся в Бембом с поправляющимся Хаятакой, команданте Сильва внимательно слушал рассказ Куинлена, пока тот не дошел до бегства с территории Мишинатвена.

— Мы вышли, когда Хаятака был еще без сознания, — рассказывал Куинлен. — И тогда они напали снова. Я уложил троих, но они успели убить Фроума копьями. Как только мы их отбили, я похоронил...

— Минутку! Так вы сказали, Фроум убит?

— Точно так.

— И вы вернулись сюда, не добравшись до Эртмы?

— Конечно. А что я мог сделать?

— Кто же тогда установил на горе радарный отражатель?

— *Что?*

— А то. Вчера мы направили радары по основной оси, и на приборах был отчетливо виден отражатель.

— Не понимаю, — пробормотал Куинлен.

— Я тоже, но скоро мы все узнаем. Дружище, — обратился Сильва к сержанту Мартинсу, — передайте авиагруппе приказ: срочно готовиться к вылету на Эртму.

Когда вертолет, ориентировавшийся по радарному отражателю, вынырнул из облаков, пилот увидел на самой высокой точке горы Эртма установленную на столбе полигональную конструкцию, похожую на воздушного змея. Рядом со столбом на скале виднелись две сидящие человеческие фигурки, а неподалеку пощипывали травку три стреноженные зебры.

Люди вскочили на ноги и отчаянно замахали руками. Пилот развернул машину, стараясь удержать ее на порывистом ветру, грозившем разбить вертолет о скалы, и сбросил из люка веревочную лестницу. Мужчина прыгал в разные стороны, как рыба из воды за мошкой, пытаясь поймать лестницу, пока ему это не удалось.

В это самое время из-за деревьев показалась группа дзлиери. Они размахивали руками, галдели, а потом поскакали к людям, потрясая копьями.

Меньшая из двух фигур уже вскарабкалась по лестнице на несколько ступенек, когда фигура побольше, только что начавшая забираться, заорала, перекрывая рокот лопастей и рев ветра:

— Поднимайся! Быстрее!

На открытое место высыпало еще несколько десятков дзлиери — откуда-то послышался ружейный выстрел. Пилот, в глубине души довольный тем, что это не он болтается на веревочной лестнице среди вихря воздушных потоков, устремил машину вверх, пока облака под ними не закрыли вершину.

Люди уже взобрались в кабину, тяжело дыша от долгого подъема по лестнице. Это были миниатюрная смуглая женщина и высокий мужчина со светлой бородой, выпачканной запекшейся кровью. Они были почти обнажены, не считая обтрепанных полотняных башмаков на ногах и пары обрывков ткани, прикрывавших прочие места, и забрызганы наполовину подсохшей грязью. Пилот узнал геодезиста Эдриана Фроума.

— Жми домой, Хайме, — сказал Фроум.

Фроум, чистый, выбритый и снова похожий на себя прежнего, за исключением свежего шрама на левом ухе, сел за стол напротив Сильвы, который сказал:

— Не понимаю, почему ты именно сейчас просишь о переводе на Ганешу. Ты — герой Бембома. Я могу выбить для тебя постоянную должность разряда П-5, может, даже П-6. Куинлена доставят на Кришну, где его будут судить; Хаятака выходит на пенсию, и геодезистов мне будет не хватать. Так зачем тебе уходить?

Фроум улыбнулся смущенно и неуверенно.

— Вы справитесь, шеф. Еще остаются Ван дер Грахт и Мехталал — оба хорошие ребята. Но я уже окончательно решил и могу сказать почему. Когда мы с Эленой забрались на гору, мы находились в довольно эмоциональном со-

стоянии, а еще я вдобавок уже несколько недель не видел другой женщины... Короче говоря, я сделал ей предложение, и она согласилась.

Сильва поднял брови.

— Неужели? Мои наилучшие поздравления! Но какое это имеет отношение...

— Обождите, дайте закончить. Поначалу все было ясно как божий день. Она заявила, что впервые в жизни целовалась, и я, опираясь на некоторый опыт, могу предположить, что так оно и было. Однако вскоре она стала высказывать мне свои идеи. Этот брак должен быть прежде всего духовным, и цель его должна состоять в том, чтобы я направил свои стопы на Семиступенную Тропу просветления и в следующем воплощении мог бы стать кем-нибудь поприличнее, чем простым инженером, — миссионером Космотеизма, к примеру. Как вам это нравится?

Поначалу я думал, что это блажь, с которой я со временем справлюсь, — ведь мы в конце концов не позволяем нашим женщинам вить из себя веревки, как это бывает у американцев. Но потом она начала проповедовать мне Космотеизм. И за те два с половиной дня, что мы там были, могу поклясться, она и на пять минут не умолкала, разве что когда спала. Вряд ли вы слышали большую чушь — лучи там всякие, космическая любовь, вибрации, астральные уровни и прочее. В жизни мне так тоскливо не было.

— Понимаю, — заметил Сильва. Ему в жизни тоже приходилось страдать.

— И вот, — заключил Фроум, — примерно в это время я стал жалеть, что не могу вернуть ее Сирату Монгкату. Я чуть ли не раскаивался, что убил этого типа. Хотя от него были бы сплошные проблемы, останься он в живых, но при всем при том в мерзавце было какое-то обаяние. И вот я торчу тут с постылой невестой и просто *не в состоянии* объяснить ей простейшие вещи. Она как-то сказала в шутку, что мне было бы лучше на Ганеше, и провалиться мне на месте, если она не права. И если вы подпишете мое заявление... О, премного обязан, сеньор Аугусто! Если поспешу, еще успею на корабль до Кришны. Счастливо оставаться!

Джек Вэнс

Об авторе*

Подобно тому как многие нынешние авторы, пишущие о феноменологии или природе реальности, неизбежно подпадают под влияние Филипа К. Дика, так и те, кто описывают отдаленные миры или инопланетные общества с необычными традициями, испытывают влияние Джека Вэнса. Никто из разрабатывающих эту тему не привнес в нее больше интеллекта, воображения и неисчерпаемой изобретательности, чем Вэнс, и даже в конце девяностых годов, в таких книгах, как «Ночная лампа», столь же затейливых и богатых выдумкой, как и работы пятидесятых, его искрометный талант не выказывает никаких признаков упадка; даже такие на первый взгляд проходные работы, как «Планета приключений», наполнены живыми и подробными описаниями инопланетных обществ, а также отличаются необычными — и часто весьма необычными — взглядами на то, каким образом человеческая психология может измениться, погрузившись в инопланетные ценности и культурные системы. Никто лучше Вэнса не умеет донести до читателя то основополагающее «ощущение чуда», присущее научной фантастике, и при прочтении его произведений в памяти навеки остаются запоминающиеся образы.

Подобно своим коллегам, таким как Л. Спрэг де Камп и Фриц Лейбер, Вэнс создал лучшие свои работы за последние пятьдесят лет в различных жанрах, что имеет

* © Перевод. Малахов В.И., 2001.

огромную ценность для развития и жанра фэнтези, и современной научной фантастики. В фэнтези его классический роман «Умирающая земля» наряду со связанными с ним произведениями оказал огромное влияние на будущие поколения писателей в жанре фэнтези. (Можно спорить — что и происходит, — не являются ли эти произведения на самом деле скорее научной фантастикой или по крайней мере гибридом, называемым «научной фэнтези», чем чистой фэнтези, поскольку действие там происходит в будущем, отдаленном на столько миллионов лет, что технические достижения становятся неотличимыми от магии, как гласит известное высказывание Артура Кларка. Подобные аргументы не лишены оснований, и их трудно опровергнуть — но тем не менее тот, кто следит за жанром фэнтези последние несколько десятилетий или хотя бы читал критические статьи, вряд ли сможет отрицать влияние Вэнса на фэнтези, что бы ни говорили любители поковыряться в мелочах.) Точно так же его наиболее знаменитые научно-фантастические романы — «Властители драконов», «Последний замок» , «Большая планета» , «Эмфирио», пятитомник «Принцы демонов» (более известный как «Звездный король» и «Машина-убийца»), «Синий мир», «Аном», «Языки Пао», а также многие другие оказали немалое влияние на несколько поколений фантастов. А его влияние на особую форму космических приключений или космическую оперу (в отличие от научной фантастики в целом) трудно переоценить — пожалуй, никто, разве что Пол Андерсон, не писал так, как Джек Вэнс, и с таким качеством.

Джек Вэнс родился в Сан-Франциско в 1920 году. Во время 2-й мировой войны он служил в торговом флоте США. Большинство рассказов, впоследствии объединенных в его первый роман «Умирающая земля», были написаны во время его службы на флоте — он не мог их никому продать, так же, как и саму книгу, поскольку рынок фэнте-

зи в то время практически не существовал. «Умирающая земля» в итоге была опубликована практически незамеченным изданием в 1950 году небольшим полупрофессиональным издательством и не переиздавалась более десяти лет. Тем не менее книга стала подпольной культовой классикой, и ее воздействие на будущие поколения писателей, как в жанре фэнтези, так и в прочих, трудно переоценить: например, в числе многих других роман «Умирающая земля» оказал огромнейшее влияние на книгу Джина Вульфа «Книга нового солнца» (Вульф, например, сказал, что «Книга Золота», упомянутая Северьяном, является «Умирающей землей»).

В научной фантастике, особенно в 50—60-е годы, Вэнса часто критиковали за недостаток «строгости» в его произведениях, за обращение скорее к «космической опере», чем к «настоящей» научной фантастике; я подозреваю, что в основном из-за этого он не работал с журналом «Эстаундинг», основным рынком того времени (большинство его работ для «Эстаундинг» были бы слишком мягкими, на взгляд Вэнса, и лишь один рассказ, более поздняя новелла «Чудотворцы», представляет собой полновесное футуристическое барокко в вэнсовском стиле — несколько нетипичный стиль для «Эстаундинг», и я не могу не теряться в догадках по поводу того, уж не взял ли Джон В. Кэмпбелл этот рассказ в основном потому, что центральная тема там псионика — в то время любимое дитя Кэмпбелла). Вместо этого он стал отдавать основную часть своих работ в такие низкогонорарные «бросовые» издания, как «Триллинг Вандер Сториз» и «Стартлинг Сториз», — последнее прибежище для рассказа, прежде чем засунуть его в ящик. И действительно, очень мало четких научных ограничений в его фантастических мирах, в которых люди на небольших корабликах легко и свободно рассекают бескрайние космические просторы, приводятся в действие огромные силы и возможности, а вселенная до отказа

заселена и удивительными обитателями других планет, и странным образом мутировавшими потомками рода человеческого (это одна из основных тем Вэнса: насколько пластична и изменчива людская природа; как черты, которые мы считаем неотъемлемо «человеческими», подобно воску принимают любые формы под влиянием окружающей среды, причем нередко с обескураживающими результатами), и в его работах немногое напоминает политическую сатиру, столь популярную в «Гэлекси» при Г.Л. Голде, или холодные размышления о влиянии научного развития на современное человеческое общество, которым отдавалось предпочтение в «Эстаундинг». Забавно, что в конечном итоге то, что он писал для «низкопробных» журналов, выглядит столь же — если не более — значительным, как и большая часть работ, опубликованных в более респектабельных журналах, якобы стоявших на передовых рубежах жанра.

И Вэнс действительно написал некоторые из своих лучших ранних произведений в середине пятидесятых годов. для журналов, таких как «Триллинг Вандер Сториз» и «Стартлинг Сториз», а также для недолго существовавшего «Уорлдс Бийонд»: «Пять золотых лент», «Станция Эберкромби», «Дома Изма», «Воины Кокода» и другие рассказы серии «Магнус Ридолф», а также журнальную версию «Большой планеты» и другие.

Представленный здесь рассказ «Новый Премьер» — один из лучших рассказов Вэнса этого периода, очередное доказательство легкости и богатства его воображения; вместо того чтобы изобразить *один* фон для этого рассказа, как то не преминули бы сделать большинство фантастов, Вэнс, упиваясь своими талантом и изобретательностью, дает нам *пять* декораций, каждая из которых не уступает другой по насыщенности и затейливости и каждая из которых сама по себе могла бы послужить рядовому писателю фоном для целого

романа. Но Вэнс, как вы убедитесь, писатель не рядовой...

К концу пятидесятых — началу шестидесятых Вэнс работал над рядом новых произведений, и лучшие из них вошли в новый журнал Пола «Гэлэкси» и «Фэнтези энд Сайенс Фикшн» — «Люди возвращаются», недооцененный «Языки Пао» (одна из немногих, даже на сегодняшний день, книг, где речь идет о семантике как науке; из более поздних образцов можно назвать «Вавилон-17» Дилэйни и «Вложение» Йена Уотсона), замечательный «Звездный король» и «Машина-убийца» (эти две книги относятся к лучшим на сегодняшний день романам, сочетающим в себе научную фантастику, мистику и шпионский роман), «Зеленая магия», «Голубой мир», «Повелитель драконов» и многие другие. В семидесятых и восьмидесятых годах из-под его пера продолжал выходить поток заметных произведений, включая блестящий «Эмфирио», «Эном», «Труллион: Аластор 2262», серия «Планета приключений», «Лицо», «Книга снов» и не меньше десятка других.

По иронии судьбы, к девяностым годам изменение издательской среды полностью вытолкнуло с рынка массовой литературы Вэнса, когда-то считавшегося королем книг в бумажных обложках. Хотя большинство работ Вэнса до сих пор публикуется, они в основном продаются в дорогих изданиях с твердыми обложками специализированных малотиражных издательств, таких как «Андервуд-Миллер» (ныне — «Чарльз Ф. Миллер», после разрыва партнерских отношений), которым удалось кое-чего добиться, перепечатывая романы Вэнса с изданий в мягких обложках; это забавный разворот практически на сто восемьдесят градусов по сравнению с былыми временами, когда почти ни одного произведения Вэнса нельзя было встретить в твердой обложке — почти все издавались в мягких.

Новый Премьер*

Музыка, карнавальные огни, шарканье ног по натертому дубовому полу, приглушенные разговоры и смех.

Артур Кэвершем из Бостона двадцатого века ощутил на коже дуновение воздуха и обнаружил, что он совершенно голый.

Это был выходной бал Дженис Пэджет: он находился в окружении трех сотен гостей в строгих вечерних туалетах.

Какое-то мгновение он не ощущал никаких эмоций, кроме легкого смущения. Его присутствие казалось венцом цепи логических событий, однако он никак не мог обнаружить какой-то определенной привязки к реальности.

Он стоял немного в стороне от толпы прочих кавалеров, смотревших в сторону красной с золотом каллиопы там, где сидели музыканты. Справа от него находился буфет, чаша с пуншем, тележки с шампанским, обслуживаемые клоунами; слева через откинутую полу циркового шатра виднелся сад, расцвеченный гирляндами разноцветных огней — красных, зеленых, желтых, голубых, — а за лужайкой он заметил карусель.

Почему он тут? Он ничего не помнил, не чувствовал в этом никакого смысла... Вечер выдался теплым: он подумал, что прочим молодым людям, полностью одетым, должно быть довольно жарко... Какая-то мысль с трудом пробивалась где-то в уголке сознания. Во всем этом деле есть некая важная сторона, которой он не улавливает.

Он заметил, что молодые люди, находившиеся поблизости, отошли от него подальше. Он слышал сдавленные смешки, удивленные возгласы. Двигавшаяся мимо в танце девушка увидела его из-за плеча партнера: она изумленно пискнула, быстро отвела глаза, хихикнув и залившись румянцем.

---

* Jack Vance. «The New Prime». © Jack Vance, 1969.
© Перевод. Малахов В.И., 2001.

Что-то было неправильно. Эти молодые мужчины и женщины были изумлены видом его обнаженной кожи чуть ли не до испуга. Сигнал тревоги стал ощутимее. Он должен что-нибудь предпринять. Столь остро воспринимаемые табу не могут нарушаться без неприятных последствий, насколько он понимал. У него не было одежды: он должен ее добыть.

Он огляделся вокруг, рассматривая молодых людей, наблюдавших за ним с непристойным восхищением, отвращением или любопытством. К одному из последних он и обратился:

— Где я могу раздобыть какую-нибудь одежду?

Молодой человек пожал плечами:

— А где вы оставили свою?

В шатер вошли двое крупных мужчин в синей униформе; Артур Кэвершем видел их краем глаза, и его мозг работал с отчаянной быстротой.

Этот молодой человек выглядит вполне типично в сравнении с окружающими. Что для него имеет значение? Его, как любого человека, можно побудить к действию, если задеть нужную струну. Чем его можно тронуть?

Сочувствие?

Угрозы?

Возможные выгоды?

Кэвершем все это отверг. Нарушив табу, он отказался от права на сочувствие. Угроза вызовет насмешки, а предложить ему нечего. Стимул должен быть потоньше... Он вспомнил, что молодые люди обычно сбивались в тайные общества. На примерах тысяч культур он убедился, что это — почти непреложная истина. Дома совместного проживания, наркотические культы, тонги, обряды сексуального посвящения — как бы это ни называлось, внешние проявления были почти одинаковыми: болезненное посвящение, тайные знаки и пароли, единообразие поведения в группе, обязательство подчиняться. Если этот юноша состоит в подобном сообществе, ссылка на групповой дух вполне может найти отклик у него в душе, и Артур Кэвершем сказал:

— Это братство поставило меня в такое положение, что я вынужден нарушить табу. Во имя братства, найдите мне подходящее одеяние.

Молодой человек ошарашенно уставился на него.

— Братство? Вы имеете в виду общество? — Лицо его озарилось. — Это что-то вроде обряда посвящения?

Он рассмеялся:

— Ну, коли так, вам предстоит пройти все до конца.

— Да, — подтвердил Артур Кэвершем. — Мое общество.

— Тогда нам сюда — и поспешите, сюда идет полиция. Мы пролезем под шатром. Я одолжу вам свое пальто, чтобы вы могли добраться до дому.

Двое в униформе, неторопливо пробиравшиеся через толпу танцующих, почти добрались до них. Молодой человек поднял полог шатра, и Артур Кэвершем нырнул туда, а его новый приятель последовал за ним. Вместе они пробежали через разноцветные тени к стоявшей почти рядом с шатром небольшой будке, выкрашенной в ярко-красную и белую полоску.

— Оставайтесь тут, чтоб никто не видел, — сказал юноша. — А я пойду поищу пальто.

— Отлично, — отозвался Артур Кэвершем.

Молодой человек замешкался.

— А где вы живете? Где учитесь?

Артур Кэвершем отчаянно искал в уме ответ. На поверхность всплыл один-единственный факт.

— Я из Бостона.

— Бостонский университет? МТИ? Или Гарвард?

— Гарвард.

— Ясно. — Молодой человек кивнул. — А я из Вашингтона. А где ваш дом?

— Я не должен говорить.

— Ага, — произнес юноша, озадаченный, но вполне удовлетворенный ответами. — Ну ладно, подождите минутку...

Бирвальд Хэлфорн остановился, оцепенев от отчаяния и изнеможения. Уцелевшие из его отряда упали на землю

вокруг него и смотрели назад, где мерцал сполохами огня ночной горизонт. Многие деревни, многие фермерские дома с деревянными фронтонами были преданы огню, и брэнды с горы Медальон упивались людской кровью.

Пульсирование далекого барабана коснулось кожи Бирвальда, низкое, почти неслышное «бум-бум-бум». Гораздо ближе он услышал хриплый человеческий вопль ужаса, а потом — ликующий клич убийцы, принадлежавший уже не человеку. Брэнды были высокими, черными, имеющими человеческое обличье, но это были не люди. Глаза их напоминали горящие красные светильники, зубы были ярко-белыми, и сегодня они, похоже, решили истребить весь род людской на свете.

— Пригнись, — прошипел Кэноу, его правый оруженосец, и Бирвальд присел. На фоне зарева проходила колонна высоких воинов брэндов, беспечно покачиваясь, не проявляя ни малейшего страха.

— Ребята, нас тринадцать, — вдруг заговорил Бирвальд. — Мы беспомощны, сражаясь врукопашную с этими чудовищами. Сегодня ночью все их силы спустились с горы: в их улье скорее всего почти никого не осталось. Что мы теряем, если попытаемся сжечь дом-улей брэндов? Разве что жизнь, а чего теперь стоят наши жизни?

— Наши жизни — ничто, — произнес Кэноу. — Отправимся сейчас же.

— Да будет великим отмщение, — сказал Броктан, левый оруженосец. — Да обратится улей брэндов в белый пепел уже этим утром.

Гора Медальон виднелась вверху; овальный улей находился в долине Пэнгхорн. У входа в долину Бирвальд разделил отряд на две части и поставил Кэноу в авангарде второй группы.

— Передвигаемся тихо в двадцати ярдах друг от друга: если одна группа наткнется на брэнда, другая сможет атаковать с тыла и убить чудовище, пока вся долина не всполошится. Все поняли?

— Поняли.

— Тогда вперед, к улью.

В долине воняло чем-то вроде сырой кожи. Со стороны улья доносился приглушенный звон. На мягкой, покрытой мхом почве шаги были совершенно бесшумными. Прижавшись к земле, Бирвальд видел силуэты людей на фоне неба — темно-синие с фиолетовыми контурами. Багровое зарево горящей Эчевазы виднелось на юге, вниз по склону.

Какой-то звук. Бирвальд шикнул, и обе группы застыли на месте. Послышались глухие шаги — потом хриплый крик ярости и тревоги.

— Убейте, убейте тварь! — взревел Бирвальд.

Брэнд взмахнул дубиной, словно косой, поднял одного из людей и перебросил его через себя. Подскочив к нему, Бирвальд нанес удар мечом, ощутив, как лезвие рассекает сухожилия, почуяв горячий запах хлынувшей крови брэнда.

Звон со стороны улья прекратился, и в ночи разнеслись крики брэндов.

— Вперед, — рявкнул Бирвальд. — Доставайте трут, поджигайте улей. Сжечь его, сжечь дотла...

Уже без всяких уловок он устремился вперед, где вырисовывался темный купол. Навстречу с писком и пронзительным визгом выскочили брэнды-детеныши, а с ними — матки, двадцатифутовые чудовища, которые ползли на руках и ногах, похрустывая и пощелкивая суставами.

— Всех убивать! — заорал Бирвальд. — Убейте их! Поджигай! Поджигай!

Он метнулся к улью, присел, высек искру на трут, подул. Тряпка, пропитанная селитрой, вспыхнула; Бирвальд сунул в нее соломы и швырнул в улей. Затрещали прутья и тростниковая масса.

Он вскочил, на него бросилась ватага юных брэндов. Его клинок взлетал вверх и опускался; он разваливал их на куски, испытывая ни с чем не сравнимое бешенство. Подползли три огромные, брюхатые матки брэндов, издававшие мерзкий запах, ударивший ему в ноздри.

— Потушите огонь! — завопила первая. — Тушите огонь. Великая Мать заключена внутри: она слишком отяжелела, чтобы двигаться... Огонь, враг, разрушение!

И все они взвыли:

— Где могучие? Где наши воины?

Послышался грохот барабанов. По долине прокатилось эхо хриплых голосов брэндов.

Бирвальд стоял спиной к огню. Он бросился вперед, отсек голову ползущей матке, отскочил назад... Где его люди?

— Кэноу! — позвал он. — Лейда! Тейят! Гиорг! Броктан!

Вытянув шею, он заметил мерцающие огоньки.

— Ребята! Убивайте ползущих маток!

И он снова прыгнул вперед, нанес несколько ударов, и еще одна матка выпустила воздух, издала стон и распласталась неподвижно на земле.

В голосах брэндов послышался оттенок тревоги; торжествующая барабанная дробь смолкла; глухая поступь стала слышнее.

Спиной Бирвальд ощущал приятное тепло от горящего улья. Изнутри донеслись пронзительные причитания, вопль ужасной боли.

В свете разгорающегося пламени он увидел приближающихся воинов брэндов. Глаза у них светились янтарным блеском, а зубы сверкали, словно белые искры. Они наступали, размахивая дубинами, а Бирвальд покрепче сжал меч: он был слишком горд, чтобы бежать.

Посадив воздушные сани, Систан оставался на месте еще несколько минут, разглядывая мертвый город Терлатч: стена из земных кирпичей высотой в несколько сотен футов, запыленные ворота и несколько обвалившихся крыш, видневшихся над укреплениями. Пустыня за городом раскинулась и вблизи, и посередине, и вдали до затянутых дымкой очертаний гор Аллюна, розовевших при свете двух солнц — Мига и Пага.

Осмотрев город сверху, он не заметил никаких признаков жизни, да и не ожидал их увидеть после тысячи лет безлюдья. Может быть, несколько песчаных пресмыкающихся греются на древней базарной площади. А в остальном — его появление будет для здешних улиц большой неожиданностью.

Соскочив с воздушных саней, Систан направился к воротам. Он прошел под аркой, с интересом глядя по сторонам. В этом зное кирпичные здания могли стоять чуть ли не вечно. Ветер сглаживал и закруглял углы; стекло потрескалось из-за перепадов дневной и ночной температуры; проходы были занесены кучами песка.

Три улицы вели от ворот, и Систан никак не мог выбрать между ними. Все они были пыльными, узкими и заворачивали, теряясь из виду, ярдов через сто.

Систан задумчиво почесал подбородок. Где-то в городе находится окованный медью сундук с Короной и Охранным Пергаментом. Этот документ, в соответствии с традицией, устанавливает прецедент для освобождения владельца вотчины от налога на энергию. Глэй, сеньор Систана, сослался на этот пергамент в оправдание неуплаты, и от него потребовали доказательств. Теперь он в тюрьме по обвинению в неподчинении, и утром его привяжут к днищу воздушных саней и отправят парить на запад, пока Систан не вернется с пергаментом.

Оснований для оптимизма маловато, ведь тысяча лет прошло, подумал Систан. Однако лорд Глэй — справедливый сеньор, и Систан перевернет тут каждый камень... Если только этот сундук существует, он скорее всего так и лежит себе в Доме Архивов и Решений, Мечети, в Зале Реликвий или, возможно, в Налоговой Службе. Он будет искать везде, выделив по два часа на каждое здание: восемь часов закончатся как раз к концу розового дня.

Он наугад пошел по средней улице и вскоре вышел на площадь, в дальнем конце которой высился Дом Архивов и Решений. Перед фасадом Систан помедлил, поскольку внутри было темно и мрачно. Ни звука не доносилось из пыльного

пространства, не считая вздохов и шепота сухого ветра. Он вошел внутрь.

В огромном зале было пусто. Стены украшали фрески в красных и синих тонах, таких ярких, словно их рисовали вчера. На каждой стене было по шесть композиций, верхняя часть которых изображала преступление, нижняя — наказание.

Миновав зал, Систан вошел в расположенные сзади комнаты, где не нашел ничего, кроме пыли и запаха пыли. Спустился он и в подземные крипты, куда свет попадал сквозь узкие амбразуры. Здесь было много каменных обломков и всякого хлама, но никакого медного сундука.

Он поднялся, вышел на открытый воздух и зашагал в сторону Мечети, в которую он прошел под массивным архитравом.

Зал Нунциатора раскинулся широко, здесь было пусто и чисто, поскольку сильный сквозняк промел мозаичный пол. На низком потолке были тысячи отверстий, каждое из которых соединялось с ячейкой наверху; так было сделано, чтобы верующие, проходя внизу, могли испросить совета у Нунциатора, не нарушая своего молитвенного настроения. В центре павильона находилась ниша, покрытая стеклянным диском. Ниже стоял ящик, а в ящике — окованный медью сундук. Систан, ощутив прилив надежды, сбежал по ступеням.

Но в сундуке лежали драгоценности — тиара Старой Королевы, нагрудные знаки Корпуса Гонвандов, огромный шар — наполовину изумрудный, наполовину рубиновый, — который в древности перекатывали по площади в ознаменование окончания года.

Систан бросил все обратно в ящик. Реликвии планеты мертвых городов не имели никакой ценности, а искусственные драгоценности обладают куда большим блеском и чистотой.

Выйдя из Мечети, он проверил положение солнц. Миновав зенит, розовые огненные шары клонились к западу. Он остановился, нахмурился и, помаргивая, разглядывал

земляные стены, размышляя о том, что, возможно, и сундук, и пергамент — всего лишь легенда, одна из многих, связанных с мертвым Терлатчем.

По площади пронесся порыв ветра, и Систан сглотнул пересохшим горлом. Он сплюнул, ощутив на языке едкий привкус. В стене неподалеку показался старый фонтан; он жадно осмотрел его, но даже воспоминаний о воде не осталось на этих мертвых улицах.

Снова откашлявшись, он сплюнул и направился в сторону Зала Реликвий.

Он вошел в огромный неф мимо квадратных колонн из глиняного кирпича. Лучи розового света струились из трещин и расселин на крыше, и он в этом обширном пространстве казался мелкой букашкой. Со всех сторон виднелись ниши, закрытые стеклом, каждая из которых содержала объект поклонения древних: доспехи, в которых Предупрежденный возглавлял Синие Флаги; диадему Первой Змеи; коллекцию черепов древних Падангов; подвенечное платье принцессы Термостералиамы из тканой палладиевой паутинки, такое же безупречное, как в день свадьбы; оригиналы Табличек Законов; огромный ракушечный трон древней династии; десяток других предметов. Но сундука среди них не было.

Систан поискал вход возможного тайника, но пол был гладким, за исключением следов, оставленных потоками пыльного воздуха на порфире.

И снова на мертвые улицы, где солнца уже скрылись за полуразрушенными крышами, отбрасывая на город пурпурные тени.

Со свинцовыми ногами, пересохшим горлом и ощущением поражения, Систан направился к Сумптуару, крепости. Вверх по широким ступеням, под выкрашенным ярью-медянкой портиком в зал, разрисованный яркими фресками. Здесь были изображены девушки древнего Терлатча за работой и развлечениями, в радости и печали; стройные создания с короткими черными волосами, сияющей матовой кожей, грациозные, словно бабочки, округлые и вос-

хитительные, словно чермоянские сливы. Систан миновал зал, беспрестанно озираясь по сторонам и размышляя о том, что эти исполненные неги создания теперь — лишь прах у него под ногами.

Он прошел по коридору, огибавшему здание по кругу, из которого можно было попасть в палаты и помещения Сумптуара. Обрывки роскошного ковра шуршали у него под ногами, а на стенах висели затхлые ошметки того, что когда-то было гобеленами чудесной работы. У входа в каждую палату виднелась фреска с изображением девы Сумптуара и знака, которому она служила; у каждой палаты Систан останавливался, делал беглый осмотр и переходил к следующей. Пробивавшиеся сквозь трещины лучи служили ему мерилом времени по мере того, как они становились все более пологими.

Палата за палатой, палата за палатой. В одних стояли сундуки, в других — алтари, коробки с документами, триптихи и купели — в третьих. Но нигде не было сундука, что он искал.

А впереди был зал, через который он вошел в здание. Оставалось осмотреть еще три палаты, а потом уже наступит темнота.

Он вошел в первую, и здесь обнаружил новую занавесь. Отодвинув ее, он вдруг увидел перед собой двор, наполненный длинными лучами двойного солнца. По ступеням из нежно-зеленого нефрита струилась вода, попадая в сад, нежный, свежий и зеленый, как любой сад на севере. И с ложа поднялась встревоженная дева, столь же живая и восхитительная, как на фресках. Волосы у нее были короткие и темные, а лицо такое же чистое и нежное, как и белый жасмин у нее над ухом.

Какое-то мгновение Систан и дева смотрели в глаза друг другу; потом тревога отошла, и она стыдливо улыбнулась.

— Кто ты? — в изумлении спросил Систан. — Ты дух или живешь в этой пыли?

— Я настоящая, — сказала она. — Дом мой на юге, в оазисе Пальрам, а сейчас у меня период отшельничества,

который проходят все девушки нашей расы, когда им пора получить Указания свыше... Поэтому ты без страха можешь приблизиться ко мне, выпить фруктового вина и стать моим собеседником на эту ночь, поскольку это последняя неделя моего отшельничества и я устала от одиночества.

Сделав шаг вперед, Систан в нерешительности остановился.

— Я должен выполнить свой долг. Я ищу сундук, где лежат Корона и Охранный Пергамент. Ты не знаешь о нем?

Она покачала головой:

— В Сумптуаре этого нет. — Она встала, потягиваясь, словно кошечка. — Оставь свои поиски и позволь мне вдохнуть в тебя бодрость.

Систан посмотрел на нее, посмотрел на угасающий свет дня, посмотрел на коридор и две двери, которые оставалось обследовать.

— Вначале я должен закончить поиски; я обязан моему господину Глэю, которого пригвоздят к воздушным саням и отправят на запад, если я не успею с помощью.

И тогда молвила дева, надув губки:

— Иди тогда в свою пыльную палату, иди туда с пересохшим горлом. Ты ничего не найдешь, и коль ты так упрям, меня не будет, когда ты вернешься.

— Да будет так, — произнес Систан.

Развернувшись, он зашагал по коридору. Первая палата была пустой и иссохшей. Во второй и последней в углу валялся человеческий скелет, который Систан увидел в последних розовых лучах двойного солнца.

Здесь не было ни медного сундука, ни пергамента. Значит, Глэй должен умереть, и на сердце Систана легла тяжесть.

Он вернулся в палату, где до этого встретил деву, но та исчезла. Фонтан иссяк, и влага лишь тонким налетом покрывала камень.

Систан окликнул:

— Дева, где ты? Вернись: мои обязательства закончились...

Ответа не последовало.

Пожав плечами, Систан повернул к залу и покинул здание, чтобы брести по пустынному сумеречному городу к воротам, где он оставил свои воздушные сани.

Добнор Даксат сообразил, что здоровяк в черном плаще с вышивкой обращается к нему.

Сориентировавшись в окружающей обстановке, которая показалась ему знакомой и чужой одновременно, он сообразил и то, что голос мужчины звучит снисходительно и высокомерно.

— Вы соревнуетесь в весьма высоком классе, — сказал он. — Восхищен вашей... э-э-э... самоуверенностью.

И он окинул Даксата пристальным, изучающим взглядом.

Опустив глаза в пол, Даксат нахмурился при виде своей одежды. На нем был длинный плащ из черного с пурпурным бархата, свисавший колоколом вокруг щиколоток. Штаны на нем были из алого вельвета, облегающие в талии, бедрах и на икрах, со свободной зеленой вставкой между икрой и щиколоткой. Одежда явно принадлежала ему; она выглядела подходящей и неподходящей одновременно, как и узорчатые золотые гарды на его руках.

Здоровяк в темном плаще продолжал, глядя куда-то поверх головы Даксата, словно Даксата не существовало.

— Клауктаба много лет выигрывал призы Имаджистов. Бел-Уашаб был победителем Корси месяц назад; Тол Морабейт — признанный мастер этой школы. А еще есть Гизель Ганг из Вест-Инда, которому нет равных в создании огненных звезд, а также Пулакт Хавьорска, чемпион Островного царства. Так что, возникают вполне обоснованные сомнения в том, что вы, неопытный новичок, не обладающий запасом образов, способны на нечто большее, чем всего лишь разочаровать нас своей духовной нищетой.

Тем не менее мозг Даксата боролся с замешательством, и он не испытывал особой обиды в ответ на явное презрение здоровяка. Он сказал:

— Ну и что из всего этого следует? Я вполне осознаю свое положение.

Человек в черном плаще насмешливо посмотрел на него.

— Итак, теперь вы начинаете испытывать беспокойство? Вполне резонно, должен вас заверить. — Он со вздохом взмахнул руками. — Что ж, молодежь всегда отличалась порывистостью, и вы, возможно, подготовили образы, которые сочли не слишком позорными. Как бы там ни было, публика не заметит вас на фоне знаменитых геометрических фигур Клауктабы и звездных взрывов Гизеля Ганга. Я вам вполне серьезно советую оставить ваши образы небольшими, неяркими и ограниченными: таким образом вы сумеете избежать напыщенности и диссонанса... А теперь вам пора идти к вашему Имаджикону. Вон туда. Не забудьте: серые, коричневые, лавандовые, возможно, немного охры и коричневого — тогда зрители поймут, что вы участвуете лишь ради обучения, а не бросаете вызов мастерам. В эту сторону...

Открыв дверь, он провел Добнора Даксата вверх по лестнице и на ночной воздух.

Они стояли на огромном стадионе, перед шестью огромными экранами в сорок футов высотой. А дальше в темноте ряд за рядом сидели тысячи и тысячи зрителей, и издаваемые ими звуки доносились приглушенным гулом. Даксат повернулся, чтобы их разглядеть, но их лица, их индивидуальные черты слились в нечто единое.

— Сюда, — сказал здоровяк, — вот ваша установка. Садитесь, а я подгоню церетемпы.

Даксат позволил усадить себя в массивное кресло, мягкое и глубокое настолько, что ему показалось, будто он плывет. К голове, шее и переносице что-то приладили. Он ощутил резкий укол, давление, пульсацию, а потом — умиротворяющее тепло. Откуда-то послышался голос, перекрывающий шум толпы:

— Две минуты до серого тумана! Две минуты до серого тумана! Имаджисты, внимание, до серого тумана две минуты!

Над ним завис здоровяк.

— Хорошо видите?

Даксат немного приподнялся.

— Да... все видно.

— Отлично. При «сером тумане» загорится эта маленькая лампочка. Когда погаснет, значит, экран ваш, и тогда вы должны имаджинировать на полную катушку.

Дальний голос произнес:

— Минута до серого тумана! Порядок следующий: Пулакт Хавьорска, Тол Морабейт, Гизель Ганг, Добнор Даксат, Клауктаба и Бел-Уашаб. Никаких ограничений: разрешены любые цвета и формы. Тогда расслабьтесь, напрягите свои способности, а теперь — серый туман!

На пульте перед креслом Даксата вспыхнула лампочка, и он увидел, как пять из шести экранов освещаются приятным жемчужно-серым светом, который слегка колыхался, словно его помешивали. Лишь экран, что был перед ним, оставался темным. Здоровяк, стоявший сзади, дотянулся до него и толкнул:

— Серый туман, Даксат. Вы что, оглохли или ослепли?

Даксат подумал про серый туман, и экран тут же ожил, показав облако серебристо-серого цвета, чистого и прозрачного.

Здоровяк хмыкнул.

— Несколько мрачновато и лишено интереса... но, пожалуй, достаточно неплохо... Посмотрите, как Клауктаба уже поигрывает намеками на страсть, трепещет эмоциями.

И Даксат, взглянув на экран справа, убедился, что это правда. Серый цвет, не обладавший определенным оттенком, тек и расплывался, словно заливал широкий поток света.

А теперь, на дальнем экране слева — экране Пулакта Хавьорски — распустились цвета. Это был пробный образ, скромный и ограниченный — зеленый самоцвет рассыпается дождем синих и серебристых капель, падающих на черную землю и разлетающихся крошечными оранжевыми взрывами.

Потом осветился экран Тола Морабейта: черно-белая шахматная доска, отдельные квадраты которой вдруг полыхнули зеленым, красным, синим и желтым — теплыми, проникновенными цветами, чистыми, словно полоски радуги. Образ исчез во вспышке розового и голубого.

Гизель Ганг сотворил круг затрепетавшего желтого цвета, изобразил зеленое гало, которое, в свою очередь, вздулось, уступив место ослепительно черно-белой широкой полосе, в центре которой появился сложный калейдоскопический узор. Узор внезапно исчез в ослепительной вспышке света. Ропот зрителей приветствовал этот tour de force.

Огонек на пульте Даксата потух. Он ощутил толчок сзади.

— Пора.

Даксат пристально вглядывался в экран, ощущая полное отсутствие мысли. Он скрипнул зубами. Что-нибудь. Хоть что-нибудь. Картина... он представил вид лугов у реки Мелрами.

— Гм, — произнес здоровяк за спиной. — Приятно. Приятная фантазия и довольно оригинальная.

Озадаченный Даксат рассмотрел картину на экране. Насколько он видел, это было вялым воспроизведением пейзажа, который он хорошо знал. Фантазия? Этого от него ожидали? Отлично, сделаем фантазию. Он представил луга сияющими, расплавленными, добела раскаленными. Растительность, древние каменные холмики растворились в вязкую, бурлящую массу. Поверхность разгладилась, превратившись в зеркало, отражавшее Медные скалы.

Сзади досадливо крякнул здоровяк.

— Последний вид несколько тяжеловат, и этим вы нарушили очарование тех неземных цветов и форм...

Даксат откинулся в кресле, нахмурился, готовый вступить, когда снова подойдет его черед.

Тем временем Клауктаба создал нежный белый цветок с пурпурными тычинками на зеленом стебле. Лепестки увяли, а тычинки рассыпались облаком взвихренной желтой пыльцы.

Затем Бел-Уашаб, находившийся в конце ряда, окрасил экран светящейся зеленью подводного мира. Она покрылась рябью, вздулась, и на фоне ее появилась черная неровная клякса, из центра которой текла струйка расплавленного золота, сначала сеткой, потом — мраморными разводами покрывшая черное пятно.

Таким был первый пассаж.

Пауза продолжалась несколько секунд.

— Вот теперь, — выдохнул голос за спиной Даксата, — теперь начинается состязание.

На экране Пулакта Хавьорски появилось бурное море цвета: волны красного, зеленого, синего — уродливая пестрота. В нижнем правом углу показался эффектный желтый силуэт, заливавший хаос. Он растекся по экрану, и середина его окрасилась в лимонный цвет. Черный силуэт раздвоился, мягко и легко разойдясь по обе стороны. Затем оба силуэта развернулись и удалились на задний план, перекручиваясь, изгибаясь легко и грациозно. В далекой перспективе они слились и устремились вперед, подобно копью, растеклись множеством дротиков, образовав косой узор из узких черных полосок.

— Превосходно! — прошипел здоровяк. — Какое чувство времени, ритма, какая точность!

Тол Морабейт ответил темно-коричневым полем, испещренным малиновыми линиями и пятнами. Слева появилась вертикальная зеленая штриховка, сместившаяся по экрану вправо. Коричневое поле выгнулось вперед, вздулось сквозь зеленые линии, сжалось, рассыпалось, и осколки полетели вперед, чтобы исчезнуть с экрана. На черном фоне позади зеленой штриховки, которая растаяла, появился человеческий мозг, розовый и пульсирующий. Мозг выпустил шесть лапок, как у насекомого, и, словно краб, пополз назад, вдаль.

Гизель Ганг выпустил одну из своих огненных вспышек — небольшой ярко-голубой шарик, разлетевшийся во все стороны, и кончики язычков взрыва пробивались, извиваясь, сквозь чудесные пятицветные узоры — синие, фиолетовые, белые, пурпурные и светло-зеленые.

Добнор Даксат, напрягшись как струна, сидел, стиснув руки и крепко сжав зубы. Пора! Неужели его мозг хуже, чем у этих, из дальних земель? Пора!

На экране появилось дерево, расцвеченное зелеными и синими красками, а каждый листок представлял собой язычок пламени. От этих листьев исходили струйки дыма, образовавшие в вышине облако, которое двигалось и кружилось, а потом пролилось дождем на дерево. Язычки пламени исчезли, и вместо них появились белые цветы-звездочки. Из облака низверглась стрела молнии, разбив дерево на мелкие стеклянные осколки. Другая молния ударила в хрупкую груду, и экран взорвался огромным бело-оранжево-черным пятном.

Голос здоровяка выражал сомнение.

— В целом сделано неплохо, но не забывайте, о чем я предупреждал, и создавайте образы поскромнее, поскольку...

— Тихо! — резко оборвал его Добнор Даксат.

И состязание продолжалось, одни картины сменялись другими; некоторые из них были сладкими, словно канмеловый мед, другие — бурными, словно бури, опоясывавшие полюса. Один цвет вытеснял другой, узоры рождались и менялись, иногда — в размеренном ритме, иногда — рвущим душу диссонансом, необходимым, чтобы подчеркнуть силу образа.

И Даксат создавал видение за видением, избавившись от напряжения, и забыл обо всем, кроме картин, мелькающих у него в мозгу и на экране, и его образы стали столь же сложными и изысканными, как и у мастеров.

— Еще один пассаж, — произнес здоровяк за спиной у Даксата.

Теперь имаджисты показывали свои лучшие видения: Пулакт Хавьорска — расцвет и закат прекрасного города; Тол Морабейт — спокойную бело-зеленую композицию, на которой появилось войско марширующих насекомых, оставлявших за собой грязный след, а потом в битву с ними вступили люди в раскрашенных кожаных доспехах и высоких шлемах, вооруженные короткими мечами и цепами.

Насекомые были разбиты и изгнаны с экрана; убитые воины превратились в скелеты, растаявшие в мерцающей голубой пыли. Гизель Ганг сотворил три огненных взрыва одновременно, совершенно разных, являвших собой великолепное зрелище.

Даксат представил гладкий камешек, увеличил его в мраморную глыбу и обтесал, изобразив головку прекрасной девы. Какое-то мгновение она смотрела перед собой, и разнообразные чувства отражались на ее лице — радость внезапно обретенного существования, меланхоличные раздумья и, наконец, испуг. Глаза ее приобрели мутно-голубой оттенок, лицо превратилось в хохочущую сардоническую маску с прорезью искривленного усмешкой рта. Голова качнулась, рот плюнул в воздух. Голова слилась с плоским черным фоном, брызги слюны сверкнули, как огоньки, превратились в звезды и созвездия, одно из которых расширилось и превратилось в планету с очертаниями, дорогими сердцу Даксата. Планета умчалась в темноту, созвездия погасли. Добнор Даксат расслабился. Это его последний образ. Он вздохнул, чувствуя себя совершенно выжатым.

Здоровяк в черном плаще снял с него ремни, храня полное молчание. В конце концов он спросил:

— Планета, которую вы представили напоследок, это ваше творение или воспоминание о реальности? У нас, в нашей системе ничего подобного нет, и в ней ощущалась отчетливость правды.

Добнор Даксат озадаченно посмотрел на него и неуверенно произнес:

— Но ведь это — родина! Этот мир! Разве то был не здешний мир?

Здоровяк странно на него посмотрел, пожал плечами и пошел прочь.

— Сейчас будет объявлен победитель наших состязаний и вручена драгоценная награда.

День был ветреным и пасмурным, галера — черной и низкой, с экипажем гребцов из Белаклоу. Эрган стоял на

корме, разглядывая отделенное двумя милями бурного моря побережье Рэкленда, не сомневаясь, что оттуда за ними смотрят остролицые рэки.

В нескольких сотнях ярдов за кормой появился сильный всплеск.

Эрган обратился к рулевому:

— Их орудия имеют большую дальность, чем мы рассчитывали. Отойдем от берега еще на милю, а там нам поможет течение...

Не успел он договорить, как послышался протяжный свист, и он увидел черный остроносый снаряд, падавший прямо на него. Снаряд ударил в середину галеры и взорвался. Повсюду разлетались доски, тела, куски металла. Галера легла на развороченный борт, переломилась и затонула.

Эрган, успевший спрыгнуть, избавился от меча, шлема и наголенников почти в то же мгновение, когда коснулся студеной серой воды. Задохнувшись сначала от холода, он плавал кругами, то ныряя, то вновь появляясь на поверхности; затем он обнаружил бревно и вцепился в него.

От берега отошел баркас и направился к месту крушения, поднимаясь и опускаясь на волне, взбивая носом белую пену. Отпустив бревно, Эрган изо всех сил поплыл прочь от обломков. Лучше утонуть, чем попасть в плен: скорее пощадят хищные рыбы, которыми кишели здешние воды, чем безжалостные рэки.

Он хотел уплыть подальше, но течение влекло его к берегу, и в конце концов, когда у него уже почти не осталось сил сопротивляться, его вынесло на усыпанный галькой берег.

Здесь его обнаружила группа юных рэков и препроводила до ближайшего командного пункта. Здесь его связали, бросили в повозку и отвезли в город Корсапан.

В сером помещении его усадили напротив офицера разведки секретной службы рэков, человека с серой лягушечьей кожей, влажным серым ртом и острым, пытливым взглядом.

— Вы — Эрган, — заявил офицер. — Эмиссар, направленный к Барочнику из Саломдека. Какое у вас задание?

Эрган смотрел ему прямо в глаза, надеясь ответить что-нибудь беззаботное и убедительное. Он ничего не придумал, а сказать правду — значит спровоцировать немедленное вторжение рослых, узкоголовых воинов-рэков в черных мундирах и черных башмаках и в Белаклоу, и в Саломдек.

Эрган не сказал ничего. Офицер подался вперед.

— Спрашиваю еще раз; потом вас доставят в нижнюю комнату.

Слова «нижнюю комнату» он произнес, словно они писались с большой буквы, и в голосе его звучал оттенок удовольствия.

Эргана прошиб холодный пот, поскольку он знал о пытках рэков, и он сказал:

— Я не Эрган, меня зовут Эрвард. Я — честный торговец жемчугом.

— Это неправда, — возразил рэк. — Мы поймали вашего помощника, и с помощью компрессионного насоса он выложил ваше имя вместе со своими легкими.

— Я — Эрвард, — повторил Эрган, ощутив холод в животе.

Рэк подал знак:

— Отведите его в нижнюю комнату.

Тело человека, обладающее нервами, которые предупреждают об опасности, словно специально предназначено для боли и великолепно взаимодействует с мастерством мучителя. Специалисты рэков изучили эти свойства организма, а другие особенности нервной системы были открыты случайно. Выяснилось, что определенные сочетания давления, нагрева, напряжения, трения, скручивания, импульсов, рывков, звукового и визуального шока, паразитов, зловония и мерзостей создают условия для целенаправленного воздействия, в то время как избыточное применение единственного метода вело к снижению эффективности.

Все эти знания и навыки были брошены на штурм твердыни нервов Эргана, и на него обрушили целый арсенал

боли: острые рези, тупые продолжительные боли, от которых не спят по ночам, ослепительные вспышки, бездны разврата и непристойности, перемежаемые непродолжительными сеансами доброты, позволявшими ему заглянуть в тот мир, который он оставил.

Потом — снова в нижнюю комнату.

Но он твердил лишь одно:

— Я — Эрвард, торговец.

И он все время пытался заставить свой разум переступить через плоть к смерти, но разум все время останавливался у последней черты, и Эрган продолжал жить.

Рэки пытали в соответствии с заведенным порядком, и поэтому ожидание, приближение назначенного времени приносило не меньшие мучения, чем сами пытки. А потом — тяжелые, неспешные шаги рядом с камерой, его тщетные метания в поисках выхода, хриплый хохот тех, кто загонял его в угол и уводил, а потом — хриплый хохот три часа спустя, когда его, всхлипывающего и скулящего, бросали на кучу соломы, служившую ему постелью.

— Я Эрвард, — твердил он, тренируя рассудок, чтобы самому в это поверить, чтобы его не застали врасплох. — Я — Эрвард! Я — Эрвард, торговец жемчугом.

Он попытался забить себе горло соломой, но за ним всегда следил раб, и это ему не позволили.

Он пытался умереть от удушья и был бы рад, если бы это удалось, но как только он впадал в блаженное забытье, разум его расслаблялся, и организм возобновлял бессмысленное дыхание.

Он ничего не ел, но для рэков это не имело никакого значения, поскольку они делали ему инъекции тонизирующих, укрепляющих и стимулирующих составов, чтобы поддерживать его рассудок на должном уровне.

— Я — Эрвард, — говорил Эрган, и рэки злобно скрипели зубами. Теперь речь шла о принципе; он бросил вызов их изобретательности, и теперь они долго и тщательно придумывали очередные изощрения и усовершенствования, металлические орудия новых форм, новые типы веревок для

рывков, новые точки приложения напряжения и давления. Даже когда война вспыхнула вновь и было уже не важно, Эрган он или Эрвард, его содержали и поддерживали в нем жизнь ради проблемы самой по себе, в качестве идеального подопытного; поэтому его охраняли и берегли пуще прежнего, чтобы палачи рэков могли отрабатывать свои приемы, изменяя и улучшая их.

И однажды к берегу пристали галеры Белаклоу, и воины с плюмажами из перьев взяли штурмом стены Корсапана.

Рэки с сожалением разглядывали Эргана.

— Нам надо уходить, а ты никак не сломаешься.

— Я — Эрвард, — прохрипело существо, лежавшее на столе. — Эрвард, торговец.

Сверху послышались треск и грохот.

— Нам пора уходить, — сказали рэки. — Твой народ взял город приступом. Если скажешь правду, останешься жив. Если солжешь, мы тебя убьем. Выбор за тобой. Твоя жизнь в обмен на правду.

— Правду? — пробормотал Эрган. — Это хитрость...

И тут он услышал победную песнь воинов Белаклоу.

— Правду? Почему бы и нет? Очень хорошо.

И он сказал:

— Я — Эрвард.

Поскольку уже сам верил в то, что это правда.

Галактический Премьер был худощавым человеком с рыжеватыми редкими волосами на черепе красивой формы. Лицо его, ничем иным не примечательное, носило отпечаток властности, придаваемой большими темными глазами, мерцающими подобно огню в тумане. Физически он миновал пик молодости: руки и ноги его были тощими и гибкими; голова его клонилась вперед, словно под тяжестью сложнейшей механики его мозга.

Поднявшись с ложа, он с легкой улыбкой посмотрел через галерею на одиннадцать Старейшин. Они сидели за столом из полированного дерева, спиной к стене, обвитой лозой. Это были степенные люди, неторопливые в движениях, и лица

их выражали мудрость и проницательность. Согласно установленной системе Премьер был главой исполнительной власти вселенной, а Старейшины составляли совещательный орган, наделенный определенными ограничительными полномочиями.

— Ну что?

Главный Старейшина неспешно поднял глаза от компьютера.

— Вы первым поднялись с ложа.

Премьер бросил взгляд на галерею, продолжая слегка улыбаться. Остальные возлегали в различных позах: некоторые — неподвижно застыв, стиснув руки; другие — свернувшись калачиком. Один наполовину сполз с ложа на пол; глаза его были открыты, взор устремлен в пустоту.

Премьер снова перевел глаза на Главного Старейшину, наблюдавшего за ним со сдержанным интересом.

— Оптимальный уровень установлен?

Главный Старейшина заглянул в компьютер.

— Оптимальный уровень — двадцать шесть, тридцать семь.

Премьер выждал, но Главный Старейшина больше ничего не сказал. Премьер шагнул к алебастровой балюстраде позади лож. Наклонившись вперед, он посмотрел вдаль — солнечная дымка на много миль, а ближе к горизонту переливающееся море. В лицо ему подул ветерок, растрепав редкие рыжеватые пряди. Он глубоко вдохнул, размяв пальцы и кисти, поскольку в памяти у него еще свежи были воспоминания о пытках рэков. Через мгновение он развернулся и откинулся назад, опершись локтями о балюстраду. Он еще раз взглянул на ряд лож: кандидаты по-прежнему не подавали признаков жизни.

— Двадцать шесть, тридцать семь, — пробормотал он. — Возьму на себя смелость оценить свой уровень как двадцать пять, девяносто. В последнем эпизоде, насколько я помню, имело место неполное сохранение личности.

— Двадцать пять, семьдесят четыре, — произнес Главный Старейшина. — Компьютер расценил как нецелесо-

образный последний вызов Бирвальда Хэлфорна воинам брэндов.

Премьер немного подумал.

— Мнение обоснованное. Упорство бесполезно, если не служит заранее определенной цели. Это недостаток, который я постараюсь изжить.

Он посмотрел на Старейшин, переводя взгляд с одного лица на другое.

— Вы не выносите никаких суждений, вы удивительно молчаливы.

Он выждал; Главный Старейшина ничего не ответил.

— Могу я поинтересоваться, каков высший уровень?

— Двадцать пять, семьдесят четыре.

Премьер кивнул:

— Да, это мой.

— У вас высокий уровень, — заметил Главный Старейшина.

Улыбка исчезла с лица Премьера, на лице его появилось озадаченное выражение.

— И несмотря на это, вы все же не желаете подтвердить мои полномочия на второй срок. Вас все еще гложут сомнения.

— Сомнения и опасения, — ответил Главный Старейшина.

Премьер поджал губы, хотя лицо сохранило выражение вежливого недоумения.

— Ваше отношение ставит меня в тупик. Мой послужной список свидетельствует о беззаветном служении. Уровень интеллекта у меня феноменальный, а в этом испытании, которое я затеял, чтобы рассеять ваши последние сомнения, я добился высшей оценки. Я подтвердил свое социальное чутье и гибкость, лидерские качества, преданность долгу, воображение и решимость. По всем мыслимым аспектам я отвечаю высшим стандартам занимаемой должности.

Главный Старейшина оглядел коллег. Никто из них не изъявлял желания говорить. Главный Старейшина выпрямился в своем кресле и откинулся на спинку.

— Наше мнение трудно выразить. Все так, как вы говорите. Ваш интеллект не вызывает сомнений, ваш характер уникален, вы отслужили свой срок с честью и достоинством. Мы понимаем также и то, что вы стремитесь остаться на второй срок из достойных побуждений: вы считаете себя человеком, наиболее подходящим для координации сложнейших галактических проблем.

Премьер угрюмо кивнул:

— Но вы думаете иначе.

— Пожалуй, наша позиция не столь однозначна.

— Так в чем же она заключается, ваша позиция? — Премьер обвел рукой ложа. — Взгляните на этих людей. Это лучшие в галактике. Один погиб. Тот, что шевелится на третьем ложе, лишился рассудка: он — сумасшедший. Остальные пережили страшное потрясение. И не забывайте, что это испытание было задумано специально, чтобы определить качества, важные для Галактического Премьера.

— Испытание представляло для нас огромный интерес, — мягко заметил Главный Старейшина. — Оно в значительной степени повлияло на наш образ мысли.

Премьер подумал, взвешивая скрытую подоплеку сказанного. Он прошел вперед и сел напротив Старейшин. Он пристально рассмотрел их лица, постукивая пальцами по полированной столешнице, затем откинулся в кресле.

— Как я уже отметил, испытание выявило у каждого кандидата конкретные свойства, оптимально необходимые для исполнения должности, следующим образом: Земля двадцатого века — планета замысловатых условностей; на Земле от кандидата — под именем Артура Кэвершема — потребовалось воспользоваться социальным чутьем, качеством, в высшей степени полезным в этой галактике, состоящей из двух миллиардов солнц. На Белотси Бирвальд Хэлфорн подвергся испытанию на смелость и способность к положительным действиям. В мертвом городе Терлатч, на планете Пресипи-Три, кандидат под именем Систан подвергся проверке на преданность долгу, а под именем Добнор Баксат он получил возможность участвовать в конкурсе «Имаджи-

кон» и испытать свои творческие возможности в состязании с наиболее выдающимися талантами современности. Наконец, под именем Эрган, на планете Ханкозар, он сумел испытать до крайних пределов свои волю, упорство и характер.

Каждый из кандидатов помещен в аналогичные обстоятельства с помощью темпорального, пространственного и нейроцеребрального совмещения, слишком сложного для данного обсуждения. Достаточно сказать, что каждый из кандидатов получил объективные оценки за свои действия, вследствие чего результаты вполне сравнимы.

Премьер сделал паузу, обведя проницательным взглядом невозмутимые лица.

— Должен подчеркнуть, что, хоть именно я задумал и организовал это испытание, при этом я не получил никаких преимуществ. Мнемонические наводки были полностью исключены в каждом из эпизодов, и лишь основные личностные свойства кандидатов играли роль. Все подверглись испытанию при совершенно равных условиях. По моему мнению, уровни, зарегистрированные компьютером, являются объективным и надежным показателем способности кандидата исполнять весьма ответственные обязанности главы исполнительной власти Галактики.

— Уровни действительно имеют большое значение, — заметил Главный Старейшина.

— Тогда... вы одобряете мою кандидатуру?

Главный Старейшина улыбнулся.

— Не так быстро. Вы, конечно, умны; вы, несомненно, многое сделали, исполняя обязанности премьера. Но многое еще предстоит сделать.

— Вы предполагаете, что другой сделал бы больше?

Главный Старейшина пожал плечами.

— У меня нет реального способа это узнать. Я отмечаю ваши достижения, такие как цивилизация Гленарт, Время Рассвета на Масилисе, правление короля Карала на Эвире, подавление восстания аркидов. Таких примеров много. Но есть и недостатки: тоталитарные правительства на

Земле, зверства на Белотси и Ханкозаре, столь очевидно показанные вашим испытанием. Кроме того, имеет место упадок планет в скоплении тысяча сто девять, возвышение священников королей на Фиире и многое другое.

Премьер стиснул зубы, и огоньки в его глазах вспыхнули ярче.

Главный Старейшина продолжал:

— Одним из наиболее примечательных явлений в Галактике является тенденция человечества растворить и проявить личность Премьера. По-видимому, существует некий резонанс, который исходит от мозга Премьера и через умы людей Центра распространяется до самых окраин. Эта проблема должна быть изучена, проанализирована и поставлена под контроль. Результат состоит в том, что каждая мысль Премьера как бы увеличивается в миллиарды раз, словно его настроение задает тон тысяче цивилизаций, а каждая грань его личности отражает этические воззрения тысячи культур.

Премьер сказал ровным голосом:

— Я обратил внимание на это явление и много о нем думал. Указания Премьера распространяются таким образом, чтобы оказать скорее мягкое, чем прямое воздействие; возможно, в этом-то и состоит суть проблемы. Как бы там ни было, сам факт такого воздействия является лишь очередным доводом в пользу избрания на должность человека, проявившего свои лучшие качества.

— Хорошо сказано, — сказал Главный Старейшина. — Ваш характер воистину безупречен. Однако нас, Старейшин, беспокоит нарастание волны авторитаризма на планетах галактики. Мы подозреваем, что это — следствие указанного принципа резонанса. Вы обладаете сильной, несгибаемой волей, и мы чувствуем, что ваше влияние невольно провоцирует распространение автаркии.

Премьер немного помолчал.

Он посмотрел на ряд лож, где в себя приходили другие кандидаты. Это были представители различных рас: бледнокожий норткин из Паласта, коренастый рыжий хаволо,

сероволосый сероглазый островитянин с планеты Морей — каждый из них был выдающимся представителем своей родной планеты. Те, к кому вернулось сознание, сидели тихо, собираясь с мыслями, или лежали на ложах, пытаясь выбросить из головы воспоминания об испытании, за которое была заплачена немалая цена: один лежал бездыханным, другой лишился рассудка и теперь скрючился рядом со своим ложем и всхлипывал.

Главный Старейшина сказал:

— Пожалуй, именно это испытание наилучшим образом выявило вызывающие возражения свойства вашего характера.

Премьер открыл было рот, но Главный Старейшина остановил его, подняв руку.

— Позвольте, я договорю. Постараюсь быть к вам справедливым. Когда я закончу, вы сможете сказать, что посчитаете нужным. Повторяю: основные тенденции проявились в деталях испытания, вами же изобретенного. Проверке подверглись качества, которые вы считали наиболее важными, то есть это те идеалы, которыми вы руководствуетесь в жизни. Я уверен, что такой порядок был установлен совершенно ненамеренно, вследствие чего получены исчерпывающие данные. Вы относите к важнейшим характеристикам Премьера социальное чутье, агрессивность, лояльность, воображение и крайнее упорство. Будучи человеком с сильным характером, вы стремитесь своим поведением давать примеры воплощения этих идеалов; поэтому нет ничего неожиданного в том, что в задуманном вами испытании, с системой оценки, вами же разработанной, ваш уровень должен быть самым высоким.

Позвольте аналогией пояснить свою мысль. Если бы орел проводил испытание на право считаться Царем зверей, он проверял бы кандидатов на их способность летать и непременно бы выиграл. При этом крот счел бы важнейшим качеством умение рыть землю: при разработанной им системе испытаний он непременно стал бы Царем зверей.

Премьер отрывисто рассмеялся, провел ладонью по редким волосам.

— Я — не орел и не крот.

Главный Старейшина покачал головой:

— Нет. Вы обладаете упорством, чувством долга, воображением, неутомимостью — все это вы продемонстрировали как содержанием испытаний по этим качествам, так и высоким уровнем, достигнутым в ходе этих же испытаний. Но верно и обратное: самим отсутствием других испытаний вы продемонстрировали то, чего вам недостает.

— А именно?

— Сочувствия. Сострадания. Доброты. — Старейшина откинулся на спинку кресла. — Странно. Один из ваших предшественников обладал этими свойствами в избытке. За время его правления по вселенной распространились великие гуманистические идеалы, основанные на братстве людей. Еще один пример резонанса... Но я отвлекаюсь.

Премьер произнес с сардонической усмешкой:

— А позволено мне будет спросить: вы уже избрали следующего Галактического Премьера?

Главный Старейшина кивнул:

— Конкретный выбор уже сделан.

— И каков результат его испытания?

— По вашей системе подсчета — семнадцать, восемьдесят. Он неудачно выступил в роли Артура Кэвершема: он пытался объяснить полицейскому преимущества наготы. Он не сумел быстро придумать какую-нибудь уловку; у него нет вашей реакции. В роли Артура Кэвершема он оказался голым. Он искренен и прямолинеен, поэтому постарался подобрать положительную мотивацию своего состояния, а не изобретать способ уйти от наказания.

— Расскажите о нем подробнее, — бросил Премьер.

— В роли Бирвальда Хэлфорна он повел свой отряд к улью брэндов на горе Медальон, но вместо того, чтобы сжечь улей, он воззвал к королеве, умоляя ее положить конец бессмысленным убийствам. Она высунулась из входа, затащила его внутрь и убила. Он потерпел неудачу, но компьютер тем не менее высоко оценил его решительность.

В Терлатче он вел себя столь же безупречно, как и вы, а его выступление на «Имаджиконе» было вполне достойным. Вы же подошли вплотную к уровню признанных имаджистов, что является очень высоким достижением.

Пытки рэков оказались самым нелегким испытанием. Вы хорошо знали, что можете сопротивляться боли неограниченно, поэтому решили, что все прочие кандидаты должны обладать тем же свойством. Тут у нового Премьера большие пробелы. Он очень чувствителен, и одна мысль о том, что человек способен умышленно причинять боль другому человеку, для него невыносима. Могу добавить, что ни один из кандидатов не получил высшей оценки в последнем эпизоде. Еще двое получили такие же оценки, как и вы...

Премьер оживился:

— И кто же?

Главный Старейшина указал на них — высокого мускулистого мужчину с грубым, словно высеченным из камня лицом, стоявшего у балюстрады и задумчиво смотревшего в солнечную даль, и человека среднего возраста, сидевшего со скрещенными ногами и созерцавшего с совершенно безмятежным видом какую-то точку футах в трех от него.

— Один из них крайне упорен и тверд, — сказал Главный Старейшина. — Он не проронил ни слова. Другой же признает объективную реальность, когда с ним происходит что-то неприятное. Остальные кандидаты прошли испытание не слишком удачно: почти всем им требуется лечение.

Они перевели глаза на умалишенного с пустым взглядом; он ходил по проходу вперед-назад и что-то тихо бубнил и бормотал про себя.

— В любом случае испытания трудно переоценить, — сказал Главный Старейшина. — Мы очень многое узнали. По вашей системе подсчета вы добились очень высокого уровня во время испытания. Но по критериям, которые установили мы, Старейшины, ваше место гораздо ниже.

Поджав губы, Премьер поинтересовался:

— И кто же этот образец человеколюбия, доброты, сострадания и великодушия?

Идиот подошел поближе, опустился на четвереньки и с хныканьем прошел до стены. Прижавшись лицом к холодному камню, он посмотрел на Премьера. Челюсть у него отвисла, с подбородка стекала слюна, а глаза двигались явно независимо друг от друга.

Главный Старейшина сочувственно улыбнулся и погладил умалишенного по голове.

— Это он. Это тот, кого мы избираем.

Бывший Галактический Премьер сидел безмолвно, поджав губы, а глаза его горели, словно отдаленные вулканы.

У его ног новый Премьер, Владыка Двух Миллиардов Солнц, нашел увядший листок, сунул его в рот и начал жевать.

С. М. Корнблат

Об авторе*

Покойный С.М. Корнблат начал печататься как подросток-вундеркинд в 1940 году, продав свой первый рассказ в «Супер Сайенс Сториз», и написал порядочное количество журнального чтива под различными псевдонимами в годы перед Второй мировой войной, теперь в подавляющем большинстве прочно забытого. Только после войны во время бурного расцвета научной фантастики в начале пятидесятых Корнблат начал привлекать к себе серьезное внимание. Как писатель С.М. Корнблат приобрел широкую известность романами, написанными в соавторстве с Фредериком Полом, включая «Космических торговцев» (один из самых знаменитых научно-фантастических романов пятидесятых годов), «Гладиатора на судебной арене» (книга, которая все меньше и меньше выглядит сатирой, всякий раз, когда вы включаете телевизор), «Обыщите небо» и «Аконит» (быть может, лучший из романов Пола и Корнблата, который, на десятилетия опережая время, описал людей, превращенных в части инопланетного органического компьютера); кроме того, он написал пару довольно стандартных романов в соавторстве с Джудит Меррил под псевдонимом Сирил Джад — «Аванпост на Марсе» и «Артиллерист Кейд», которые в то время были приняты с умеренной теплотой, но к настоящему времени позабыты, как и два романа в соавторстве с Полом, когда-то бывшие на гребне волны. Без соавторов — вдоба-

* © Перевод. Гурова И.Г., 2001.

вок к нескольким романам в главной струе жанра, но под несколькими псевдонимами — он создал три интересных, но практически не имевших успеха больших произведений («Не этот август» — слегка «холодной войны» о завоевании США военными силами СССР, «Синдик», едкая, но в конечном счете легковесная сатира в духе «Гэлекси» о будущей Америке, управляемой гангстерами, и самый слабый из трех — «Взлет», в те дни теоретический роман о завоевании космоса), но они никак не воздействовали на современную научную фантастику.

Однако сильнейшее воздействие на нее оказали рассказы и повести Корнблата. Он был мастером рассказов, вкладывая в них мастерство, зрелость, изящество и тонкость, какие редко встречаются в этом жанре, — и теперь, как тогда, был одним из тех ключевых авторов (тут на ум приходят Деймон Найт, Теодор Старджон, Альфред Бе́стер, Алгис Будрис и еще некоторые), которые в пятидесятых успешно демонстрировали, что еще можно извлечь из инструмента, известного под названием «научная фантастика», и невероятно расширили ее возможности. В годы перед своей трагической смертью в 1958 году (на пути в Манхэттен на встречу, целью которой было предложить ему пост главного редактора «Мэгезин оф Фэнтези энд Сайенс Фикшн», кстати сказать — какая интересная тема для произведения об альтернативных мирах! Невольно задаешься вопросом, какие произведения он печатал бы и какое воздействие он, как редактор ведущего журнала, оказал бы на эволюцию научной фантастики...) Корнблат создал некоторые из лучших рассказов пятидесятых, включая классический «Черный чемоданчик», «Дебилы на марше», «Корабль-акула», «Два рока», «Червь духа», «Гомес», «Последний человек, оставшийся в баре», «Появление двенадцатого канала», «Рукопись, найденная в китайском пирожке с предсказанием судьбы», «Этими руками» и десятки других...

...Включая следующую ниже чрезвычайно занимательную историю, несколько для Корнблата нетипичную, по-

скольку, если не считать этого знаменитого рассказа (и двух-трех исключений вроде куда более слабого «Раба»), Корнблат редко писал чисто приключенческие рассказы, во всяком случае за подписью Корнблата, а уж тем более космическо-приключенческие, битком набитые рискованными, алчными, жесткими, стремительно разворачивающимися событиями, как этот, где остроглазые, хладнокровные авантюристы-предприниматели торгуются, и буйствуют, и прокладывают себе путь через вселенную, опережая своих противников, и одурачивая их, если оказываются загнанными в угол. «Та доля славы», короче говоря, такой совершенный рассказ для «Эстаундинга», такой платоновский идеал рассказа для «Эстаундинга» Джона Кэмпбелла того периода, что я невольно прикидываю, не писал ли Корнблат его с затаенной усмешкой, или же он расчетливо (с хладнокровием персонажей рассказа) сочинял то, что, как он знал, «нажмет на все кэмпбеллские кнопки», — очень популярная игра среди писателей тех лет. Однако, если даже правда и то и другое, это ни малейшего значения не имеет. Возможно, Корнблат уверял своих друзей или даже самого себя, что занимается такой вот мистификацией, но в его голосе тут слишком много увлеченности, и результат так хорош, что я не могу поверить, будто ему самому рассказ не нравился, как бы он там ни распинался, что уж лучше было бы выпить. Какой бы саркастический и пресыщенный вид он на себя ни напускал (чем славился), только Истинно Верующий в сердце своем, только тот, кто в глубине души все еще лелеет мечту о приключениях среди чудес и ужасов глубокого космоса на пути к неведомым звездам, был способен написать то, что ждет вас дальше...

При жизни Корнблат не получил ни одной престижной премии, но «Встреча», его рассказ, завершенный по черновикам Фредериком Полом через годы после его смерти, завоевал премию «Хьюго» в 1972 году. Рассказы Корнблата были собраны в «Исследователях», «На милю дальше Луны», «Дебилы на марше», «Тринадцать часов и другие нулевые часы», а также в «Лучшее С.М. Корнблата».

Рассказы, написанные Полом и Корнблатом в соавторстве, были собраны в «Эффекте чуда», «Критической массе», «Прежде Вселенной» и «Наше лучшее». До недавнего времени мне пришлось бы сказать, что Корнблат давно не печатается, но, к счастью, «НЕСФА-Пресс» в 1996 году, опубликовала большой ретроспективный сборник Корнблата «His Share of Glory: The Complete Short Fiction of C. M. Kornbluth (NESFA Press, P.O. Box 809, Framingham, MA 077101-203, www.nesfa.org $27.00), — сборник, который, точно отвечая своему названию «Его доля славы», все рассказы С.М. Корнблата», действительно включает практически все, что Корнблат когда-либо публиковал под собственной фамилией, и заслуживает почетного места в библиотеках серьезных любителей научной фантастики.

Та доля славы*

Юный Ален, один из тысячи в огромной трапезной, машинально жевал под голос чтеца, монотонно звучавший в глубокой тишине зала. Нынешний урок сводился к списку слов из лексикона мореходов планеты Фетида VIII.

— «Тлон» — корабль, — бубнил чтец.

«Ртло» — несколько кораблей без указания числа.

«Лонг» — несколько кораблей, число которых известно и модифицируется кардинально.

«Онгр» — корабль в скоплении других кораблей и модифицируется ординарно.

«Нгрт» — первый корабль в скоплении кораблей, исключение к «онгр».

К Алену на цыпочках приблизился брат трудник.

* C.M. Kornbluth. «That Share of Glory». © C.M. Kornbluth, 1952. © Перевод. Гурова И.Г., 2001.

— Тебя призывает ректор, — шепнул он.

У Алена не хватило времени впасть в панику, хотя вызов послушника к ректору был веской причиной для паники. Он выскользнул из трапезной, вошел в северо-направленный коридор и вышел у двери своей кельи через минуту и четверть мили от трапезной. Торопливо, но тщательно он сменил серый балахон на костюм герольда посреди каморки, которая могла похвастать табуреткой, рукомойником, конторкой и парой пресс-папье. Ален, разумный молодой человек, не думал, что нарушил какое-либо правило сложного устава Ордена, но ведь он мог сделать это по неведению. Не исключено, пришло ему в голову, что келью он видит в последний раз.

Он обвел ее взглядом — авось все-таки не последним! — с любовью задержав его на стеллажике с кассетами. Там выстроились «Никольсон о марсианских глаголах», «Новый оксфордский венерианский словарь», внушительный шестикассетный «Немецко-ганимедианский разговорник», опубликованный давным-давно и далеко отсюда в Лейпциге. Но имелись и более современные работы: «Языки Галактики — эссеистическая квалификация», «Полная грамматика цефейского», «Словарь венерианского II с самопроизношением» — десятки и десятки, ну и конечно, заигранная кассета макиавеллиевского «Князя».

Ну, будет, будет! Ален расчесал аккуратно бородку и вышел в юго-направленный коридор. На первом же пересечении перешел в восточно-направленный и минуту спустя уже стоял перед светским секретарем ректора.

— Лучше освежи в памяти неправильные лирские глаголы, — панибратски сказал секретарь. — Там торговец, который подыскивает дешевого герольда для поездочки на Лиру IV.

Вот так Ален без проволочек узнал, что его не вышвыривают из Ордена, а повышают до статуса Действующего Герольда. Но, как и полагается герольду, он ничем не выдал своего глубочайшего облегчения. Однако советом секре-

таря воспользовался и благоразумно настроился на лирский язык.

Пока он мысленно барахтался в склонении существительных, означающих только неодушевленные предметы, голос ректора — и каким же медовым был этот голос! — зазвучал из внутреннего телефона на секретарском столе.

— Впустите послушника Алена, — распорядился Великий Герольд.

Быстро одернув одеяние, юноша вошел в гигантский кабинет ректора, над письменным столом которого пылала бриллиантами печать Ордена. Там он увидел незнакомого человека и заключил, что это и есть торговец — чернобородый типчик в веганском плаще, который облегал его коренастую фигуру очень и очень неэлегантно.

И сказал ректор:

— Послушник, венцом твоих стараний будет, если ты будешь сочтен пригодным... — Он учтиво обернулся к торговцу, который досадливо пожал плечами.

— Мне все одно, — пробормотал чернобородый. — Кто-то подешевле, кто-то знающий феню лирского жулья, богатеющего на драгоценных камнях, а главное, кто-то без проволочек. Накладные расходы высасывают из меня кровь, пока корабль торчит без толку в поле. А когда мы выйдем в космос, моя безмозглая команда, уж конечно, будет почем зря жечь бесценные литры моего топлива. А когда мы прибудем, бесчестные лиры, само собой, довершат мое разорение, присвоив даже ту крохотную прибыль, на какую я рассчитываю. Почтенный Великий Герольд, сдайте мне этого желторотика подешевле, и я пожелаю вам счастливо оставаться.

Мохнатые брови ректора сурово насупились.

— Торговец, — произнес он звучно, — нашей миссии утилитарнской галактической культуры нет дела до твоей прибыли. Я прошу тебя испытать этого юношу и, если ты найдешь его готовым, предложить ему должность твоего герольда в твоем полете. Он будет хорошо тебе служить, ибо был обучен тому, что коммерция и слова — ее посредни-

ки, суть связующие узы, которые в грядущем объединят космос в единое человечество. Не внушай себе, будто Колледж и Орден Герольдов всего лишь пособники в твоем коммерческом предприятии.

— Ну, ладно, — проворчал торговец и задал Алану вопрос на ломаном лирском: — Парень, ты сделать вегские камни трех огней, чтобы лирские женщины понравиться и приходить покупать и опять покупать?

Ален ответил без запинки:

— Веганские троепламенные камни пользуются особым успехом на Лире, и особенно среди ее женщин, когда они вделаны в стеклянные ножные браслеты, если крупные, и когда вделаны лирской «счастливой пятеркой» в перстень для больших пальцев, если мелкие. — Про себя он ликовал, что случайно прочел — и по железному правилу Ордена запомнил чуть не наизусть — развлекательный роман, в котором бегло упоминалась лирская торговля драгоценными камнями.

Торговец что-то пробурчал и перешел на цефейский, видимо, свой родной язык:

— Это было сказано хорошо, герольд. Ну а теперь скажи мне, хватит у тебя духа стать к прыскалке, если на пути отсюда к Лире нас перехватят подлые грабители, именующие себя сборщиками пошлин Владения Эйолфа?

Ален чувствовал на себе взгляд ректора.

— Благодарная миссия нашего Ордена, — сказал он, — запрещает мне пользоваться каким-либо оружием кроме истины для созидания космической утилитарианской цивилизации. Нет, почтенный торговец, я не встану к вашим боевым орудиям.

Торговец пожал плечами.

— Что же, придется взять, что дают. Почтенный Великий Герольд, назови мне цену.

Ректор сказал небрежно:

— Я рассматриваю это как стажировку для нашего послушника, и гонорар будет минимальным. Ну, скажем,

двадцать пять процентов твоей чистой выручки после отлета с Лиры согласно аудиту Действующего Герольда Алена.

Вопль ярости торговца эхом раскатился под сводами огромной комнаты.

— Это вымогательство, — взревел он. — Кто, кроме вас, нечестных на руку подлецов, с вашим Ордером и приемчиком обучать их с младенчества, может овладеть всеми языками галактики? Какой шанс есть у честного торговца, занятого прибылью и убытками, научиться лопотать на наречиях всех рас от Сириуса до Угольного Мешка? Это вымогательство! Да, вымогательство, и я скажу то же на смертном одре!

— Умри снаружи, если наши условия ты находишь неприемлемыми, — сказал ректор. — Ордер не торгуется.

— Мне ли не знать! — уныло вздохнул торговец. — И чего я не ограничился своей собственной системой и насосами фабрики моего дорогого отца! Так нет! Надо было подвернуться этой сделке с драгоценными камнями на Веге! Ну да хватит об этом. Тащите свой контракт, я подпишу.

Мохнатые брови ректора поднялись.

— Мы не заключаем контрактов, — сказал он. — Взаимное доверие между герольдом и торговцем — вот краеугольный камень, на котором будет создана всекосмическая дружба и взаимопонимание.

— При двадцати пяти процентах за не проверенного в деле щенка, — пробормотал себе под нос чернобородый по-цефейски.

Никто из его наставников не сыграл Полония, пока Ален с печатью «Действующий Герольд» на лбу собирал вещи к отлету и освобождал свою келью. Ну да, решил он, либо, считают они, двадцать лет обучения вполне достаточны сами по себе, либо нет.

Торговец, увозя Алена на поле, где ждал его корабль, оказался не столь мудрым.

— Секрет успешных переговоров, — внушительно сообщил он своему герольду, — заключается в добровольных уступках. Тебе это может показаться парадоксом, но в этом истинный ключ к тому успеху, с каким я поддерживал

прибыльность торговли насосами моего дорогого отца. Секрет в том, чтоб уступить, скорбно восхищаясь своим противником... но *только в несущественных мелочах.* Затем спорь из-за даты доставки или об условиях кредита и дай ему настоять на своем. Но ни на волосок не отступай от своей цены, кроме как...

Ален предоставил ему разглагольствовать, пока они проезжали через дворы Колледжа. К его радости, машина была открытой: ведь впервые низшие ломали перед ним шапки — незыблемое право герольда, — а равные величаво ему кивали. Пятилетние неофиты, увидев печать у него на лбу, сдергивали свои шапочки с комичной быстротой, а послушники, всего несколько часов назад равные ему, обнажали головы, будто он был сам ректор.

Эти почтительные приветствия вывели торговца из себя. Когда с заключительным поклоном страж-трудник выпустил их за ворота внешней стены, он сказал с некоторым ехидством:

— Они вроде бы очень тебя уважают, парень.

— Меня полагается называть «герольд», — невозмутимо сообщил Ален.

— Чума побери Колледж вместе с Орденом! Ты что, считаешь меня невежей? Конечно, я называю герольда герольдом, но нам предстоит жить бок о бок, и ты будешь работать на меня. Что произойдет с корабельной дисциплиной, если я начну стучать перед тобой лбом?

— Все будет нормально, — сказал Ален.

Чернобородый буркнул себе под нос и нажал на акселератор.

— Вон мой корабль, — сказал он наконец. — «Песнь звезд». Веганская приписка — это может помочь при пролете Владения Эйольфа, хотя регистрация меня чуть не разорила на взятках. Команда из восьмерых ленивых, никчемных бездельников... Р-р! Глазам своим не верю!

Машина встала как вкопанная перед громадой корабля, и чернобородый взлетел по трапу и скрылся в люке за деся-

тую долю секунды. Подобрав полы своего одеяния, Ален последовал за ним.

Торговец яростно отчитывал старшего механика, посмевшего включить космический двигатель для обогрева корабля. Он разглядел еле заметное марево у кормовых дюз.

— Для этого, олух, у нас имеется электричество. Ты когда-нибудь про него слышал? Тебе известно, что главная обязанность старшего механика — это эффективное и экономичное использование двигателя его корабля?

Чиф, запуганного вида цефеец, с облегчением увидел Алена и сдернул свою видавшую виды шапку. Геральд солидно кивнул в ответ, и торговец взорвался:

— Чтоб в полете никаких этих приседаний и поклонов! — объявил он.

— Конечно, конечно, сэр, — сказал чиф. — Да, конечно же. Я просто приветствовал герольда у нас на борту. Добро пожаловать к нам на борт, герольд. Я чиф Элвон, герольд. Я рад, что с нами летит герольд. — Он исподтишка покосился на торговца. — Мне приходилось летать с герольдами и без них, и должен сказать, что с тобой на борту я чувствую себя куда надежнее.

— Нельзя ли проводить меня в мое помещение? — спросил Ален.

— Твое... — ошеломленно начал торговец, но чиф тут же его перебил:

— Я устрою тебе каюту, герольд. У нас есть парочка запасных переборок, и уж я выгорожу уютненькую каюточку. Не очень просторную, но на небольшом корабле вроде этого в самый раз.

Чиф поспешил на корму, Ален последовал за ним, а торговец бессильно плюхнулся на ближайшее сиденье.

— Герольд, — сказал чиф с некоторым смущением, когда изловил двух матросов и отдал им необходимые распоряжения, — ты уж извини нашего доброго шкипера. Он еще между звездами не летал и толком не знает, что к чему. Ну да вместе мы его обучим.

Ален осмотрел сооруженную для него каморку и решил, что она обеспечит ему достаточное уединение. Кивком отпустив чифа и матросов, он расположился на койке.

За маской железного спокойствия, которое ему прививали столько лет, его терзали страх и ощущение полного одиночества. Даже старина Макиавелли, казалось, не мог предложить ни совета, ни утешения.

«Ничто не начинается столь трудно, не ведется с такой опасностью и дает так мало надежды на верный успех, как попытка возглавить введение нового порядка вещей», — говорилось в шестой главе.

Но что говорилось в двадцать шестой главе? «Где велика воля, трудности не бывают великими».

Назвать «Песнь звезд» счастливым кораблем было никак нельзя: мелочная скаредность чернобородого нависла на командой как грозовая туча, но Ален делал вид, что ничего не замечает. Он регулярно два часа в день расхаживал от носа к корме, здороваясь с матросами на их родных языках, а затем облекался сдержанностью и отчужденностью, каких требовал Орден, хотя ему нестерпимо хотелось здороваться с ними как с равными, есть в их обществе, болтать с ними об их родных планетах и об их прошлых неудачах, которые привели их на борт неприглядной «Песни звезд», об их надеждах на будущее. Устав Колледжа и Ордера Герольдов все это воспрещал. Когда они обнажали перед ним головы, он отвечал кивком и пытался радоваться тому, что их благоговейное уважение к нему росло — начиная от живого одобрения, с каким чиф Элвон относился к учености герольда, и кончая суеверным преклонением смазчика Джаккла. Джаккл был низколобым существом с одной из планет захиревшей системы Сириуса. В неряшестве он превзошел все рекорды чисто мужской команды на грузовом корабле — неряшестве, какого Ален не мог себе позволить. Значительную часть своего бодрствования он проводил взаперти, в своей каморке, начищая металлические пуговицы и отглаживая одеяние. Наружность герольда должна всегда неизменно свидетельствовать, что ему чужды любые слабости простых смертных.

Даже сам чернобородый не устоял и начал угрюмо прикладывать руку к шапке. Вероятно, не столько из-за величавых манер Алена, сколько из уважения к точной и молниеносной проверке бухгалтерских книг корабля, которую проводил герольд, — до нелепости сложных книг с десятками и десятками копий счетов для такой простой, казалось бы, операции — скупить камни по дешевке на Веге и зафрахтовать корабль в надежде дорого продать их на Лире. Запутанные книги, перекрещивающиеся счета отражали истинное положение вещей, но при этом ревизор очень легко мог бы впасть в ошибку и прийти к выводу, что расходы были много выше, чем на самом деле. Однако Ален в эту ловушку не попался.

На пятый день полета чиф Элвон почтительно, но настойчиво постучал в дверь каморки Алена.

— Герольд, — сказал он просительно, — ты не поднялся бы на мостик?

Сердце Алена екнуло, но он сказал важно:

— Мои медитации не могут быть прерваны. Я поднимусь к вам на мостик через десять минут — И десять минут он старательно полировал потемневшее звено в массивной золотой цепи, скреплявшей его корабельный плащ, в чем и заключалась «медитация». Затем он облекся в плащ — тон чифа указывал на дело, требующее полной парадной формы.

Торговец был багровым от бешенства. Чиф Элвон с несчастным видом листал свой журнал. Астронавигатор Хафнер набирал на компьютере траектории полета и тут же их убирал. С одного взгляда Ален понял, что все они — скоростные траектории стремительного ухода от погони.

— Герольд, — сказал торговец угрюмо, — мы задели чью-то систему обнаружения. — Он ткнул большим пальцем в сторону мигающей красной лампочки.

— Думаю, нас скоро возьмут на абордаж. Ты готов заработать свои двадцать пять процентов выручки?

Ален пропустил эту грубость мимо ушей.

— У вас имеется цветное видение, негоциант? — спросил он.

— Имеется.

— Тогда я готов сделать для своего клиента то, что в моих силах.

Он сел в кресло, установил связь и покосился на пока еще темный экран. Отразившееся там лицо его подбодрило, хотя он и пожалел, что забыл расчесать бородку.

Вспыхнула еще одна лампочка, и Хафнер, покинув компьютер, наклонился над детекторной панелью.

— Большой, мощный и приближается, — сказал он напряженно. — Сейчас сканирует нас, устанавливая направление. Тратит большое количество энергии...

Заговорил динамик переговорного устройства «корабль—корабль».

— Кто вы? — Вопрос был задан на веганском языке. — Мы таможенный крейсер Владения Эйолфа. Кто вы?

— Поставь команду к прыскалкам, — шепнул торговец чифу.

Элвон взглянул на Алена, который покачал головой.

— Извините, сэр, — сказал старший механик виновато, — но герольд...

— Мы грузовой корабль «Песнь звезд» веганской приписки, — сказал Ален в микрофон под гневный хрип торговца. — С грузом веганских драгоценных камней для Лиры.

— Они нас зачалили, — с отчаянием сказал астронавигатор, глядя на свои приборы. Экран видео «корабль—корабль» засветился, на нем возникло надменное лицо с тяжелым подбородком, увенчанное потрепанной флотской фуражкой.

— Ах на Лиру? У нас есть свои планы насчет Лиры. Немедленно ложитесь в дрейф... — скомандовал офицер с экрана, но тут он заметил Алена. — Прошу прощения, герольд, — сказал он иронично. — Герольд, будь так добр попроси, шкипера лечь в дрейф и приготовиться к досмотру. Мы желаем определить размер пошлин и взыскать их. Вам, разумеется, известно, что ваш корабль находится в пространстве Владения.

Произношение офицера разило Альголем IV. Ален перешел на этот малоизвестный язык, чтобы сказать:

— Нам это не было известно. А вам известно о существовании торгового договора между Веганской системой и Владением, который устанавливает, что груз в веганских трюмах облагается пошлиной, только если предназначен для портов Владения?

— Ты говоришь на алгольском, а? Да, вас, герольдов, хвалят не зря, но не рассчитывай вывернуться с помощью лжи. Мы произведем досмотр вашего корабля, как я сказал, сделаем оценку и взыщем пошлину. Да, мне известен договор, про который ты упомянул. Если, к сожалению, произошла какая-то ошибка, вы, разумеется, в полном праве потребовать от Владения компенсации. А теперь ложитесь в дрейф.

— Я не намерен лгать. И говорю святую правду: мы будем сражаться до последнего человека при любой вашей попытке подняться к нам на борт и ограбить нас.

Мысль Алена бешено металась по каталогу народных обычаев всех планет, которые он заучил согласно Уставу. Алголь IV — культ предков, почитание матери, поединки на ножах, церемониальное приветствие: «Да никогда ты не сразишь слабейшего врага», фольклорный герой Гаарек ложно обвинен в убийстве калеки и изгнанный, но это была вражеская интрига...

По лицу офицера скользнула тень растерянности, пока Ален продолжал импровизировать:

— Конечно, вы поубиваете всех нас. Но прежде я сообщу Колледжу и Ордену Герольдов все факты с просьбой, чтобы твоя семья была поставлена в известность о них. Твое имя, думается, будут помнить столь же долго, как и имя Гаарека, — но, конечно, совсем по-другому. Алголец, чей военный крейсер с экипажем в сто человек уничтожил практически невооруженный грузовой корабль с командой из восьми человек...

Лицо офицера почернело от бешенства.

— Ты дьявол! — рявкнул он. — Не смей вмешивать мою семью! Я взойду на борт и сражусь с тобой один на один, если у тебя хватит духа!

Ален с сожалением покачал головой.

— Устав моего Ордена воспрещает применение насилия, — сказал он. — Единственное оружие, дозволенное нам, это истина.

— Мы взойдем на борт, — мрачно сказал офицер. — Я прикажу моим людям не причинять вреда вашим людям. Просто соберем пошлину. Если ваши люди начнут стрелять первыми, мои только разоружат их, и все.

Ален улыбнулся и произнес парочку фраз по-алгольски.

У офицера отвалилась челюсть, и он кое-как прохрипел после паузы:

— Я тебя на куски изрублю! Ты не смеешь говорить такое про мою мать, ах, ты... и он выплюнул в ответ несколько слов, употребленных Аленом.

— Успокойся, — наставительно сказал герольд. — Я прошу прощения за мои гнусные и негерольдские слова. Я просто хотел дать наглядный пример. Ты убил бы меня, если бы мог: я вызвал реакцию, заложенную в тебе твоей культурой. И сумею вызвать ее у твоих людей, едва они взойдут на борт. Для каждой расы существует непереносимое оскорбление, которое можно смыть только кровью. Пошли своих людей к нам с приказанием не убивать, если хочешь, но я пробужу в них неукротимую жажду убивать. Мы будем убиты, вина падет на тебя, ты будешь опозорен, и вся твоя планета от тебя отречется.

Ален отчаянно надеялся на то, что экипажи военного флота Владения действительно так жестоки и недисциплинированны, как о них говорят...

Видимо, говорили о них правду, и гордый алголец не решился рискнуть. Он снова выплюнул на своем родном языке «ты дьявол», а затем перешел на веганский:

— Грузовой корабль «Песнь звезд», — сказал он грубо, — оказывается, мой фиксатор пространства дал неверные цифры и вы не находитесь в пределах Владения. Можете продолжать путь.

Астронавигатор поднял голову от детекторной панели, словно не веря глазам.

— Он отцепляется. Он выпустил нас. Он начинает удаляться. Герольд, что такого ты ему наговорил?

Однако реакции чернобородого была даже приятнее для самолюбия Алена, — онемев, торговец сдернул шапку. Ален ответил на приветствие важным кивком и пошел в свою каморку. Все-таки хорошо, думал он, что торговец понятия не имеет о том, как его жизнь и его корабль были поставлены на карту, когда от их имени был брошен вызов на смертельный бой боевому крейсеру с экипажем в сто человек.

Главный космопорт Лиры был весь в выбоинах, но в целом они приземлились вполне удачно. Ален в полном геральдическом облачении спустился по трапу «Песни звезд» приветствовать горстку портовых служащих.

— Есть на борту какие-нибудь металлы? — требовательно спросил один.

— Не для продажи, — сказал герольд. — У нас груз веганских драгоценных камней, главным образом троепламенных. — Он знал, что эта невзрачная планетка испытывает недостаток в металлах и, превратив необходимость в добродетель, почему-то смотрит косо на их импорт.

— Пусть ваша команда перенесет груз на таможенный склад, — сказал портовый чиновник, просматривая документы «Песни звезд». — А вы все ждите тут.

Все они — за исключением Алена — начали перетаскивать перенумерованные мешки и ящики с драгоценными камнями в низкое кирпичное строение, на которое им указали. Торговцу было разрешено взять горсть в качестве образцов, а затем склад запечатали — процедура довольно-таки сложная. Над простенькой щеколдой из древесины железного дерева, которая запирала дверь из того же материала, на цементном растворе закрепили кирпич, к кирпичу прилепили шматок глины, а на нем выдавили портовую печать. Механик, вооруженный приспособлением вроде горелки для обжига глиняных горшков, работающей на угольной пыли, направил струйку пламени на глиняную пломбу, пока она не раскалилась докрасна, чем все и завершилось.

— Герольд, — сказал портовый чиновник, — скажи торговцу расписаться вот тут и поставить отпечатки своих пальцев.

Ален проштудировал документ, который оказался просто приемочной квитанцией. Чернобородый расписался протянутым ему тростниковым пером и прижал рядом с подписью подушечки своих пальцев. После двух недель в космосе особой надобности смазывать их сажей не возникло.

— Теперь скажи ему, что мы выдали камни по его подписанному и припечатанному распоряжению тому гражданину Лиры, которому он их продаст. И объясни, что такая система введена для предотвращения контрабанды металлов. Пожалуйста, очистите свою одежду от всех металлов и спрячьте их у себя на корабле. Тогда мы запечатаем и его и оставим под стражей, пока вы не будете готовы к отлету. Мы сожалеем, но нам придется обыскать вас, прежде чем предоставить вам свободу передвижения, но мы не можем подвергать свою экономику риску дестабилизации из-за безответственного ввоза металлов.

Алену и в голову не приходило, что положение на Лире настолько скверно.

После тщательнейшего обыска, приведшего к конфискации забытых часов и булавок, портовые чиновники обменяли пачки веганских банкнот, обеспечиваемых ураном, на лирские ассигнации, обеспечиваемые человекочасами. Чернобородый выплатил команде часть оговоренной суммы, пожелал им вволю посвободничать и велел явиться в порт на закате следующего дня для возможного отлета.

Ален и торговец отправились в город в необыкновенном экипаже, двигателем которого служила керамическая турбина. Водитель, когда они оказались в безопасности открытого шоссе, вполголоса осведомился, нет ли у них при себе какого-нибудь металла, который они хотели бы выгодно сбыть.

Торговец спросил резко на своем ломаном лирском:

— Что ты делать получать металл? Где продать, для чего?

Водитель, следуя вселенской манере общения с иностранцами, плохо владеющими языком, повысил голос и принялся коверкать родной язык:

— Черный рынок которые ученые платить много за малый кусочек металл. Для изучать, строить. Политики дали закон: нет металл, а мне плевать на политиков. Но вы не доносить, господа хорошие?

— Нет, мы не донесем, — сказал Ален. — Но металла для тебя у нас нет.

Водитель философски пожал плечами.

— Как ты это толкуешь, герольд? — спросил торговец.

— Я не знал, что это политическая проблема. Мы изучаем основные тенденции поведения народонаселения, а не политику каждого дня. Эта планета лишена тяжелых металлов, и, следовательно, в распоряжении первобытных лирцев металлов не было. Более легкие металлы не существуют в природе в чистом виде или в просто расщепляемых соединениях. И вместо металлов они построили свою культуру на керамике и до известного предела как будто вполне преуспели. Но, разумеется, без электричества, авиации и освоения космоса.

— И, — сказал торговец, — естественно, что люди, которые фабрикуют такие вот драндулеты или горелки, одну из которых мы видели сегодня, трясутся от страха, что начнется импорт металлов и они разорятся. И, естественно, они проводят законы, запрещающие этот импорт.

— Естественно, — сказал герольд, сверля торговца взглядом. Но чернобородый тут же вновь вернулся к своей роли.

— Возмутительно! — проворчал он. — Диктовать человеку, что он может и чего не может ввозить, когда ему открывается случай получить честную прибыль.

Водитель высадил их возле дешевой гостиницы. Второй этаж был бревенчатым, что, видимо, считалось более шикарным, чем простой кирпич. Полы были из листового стекла, рифленого настолько, что по нему можно было ходить не скользя. Ален снял для них двойной номер с видом.

— А это что за штука? — спросил торговец, озирая предложенный вид.

«Штука» высоко торчала над черепичными и шиферными городскими крышами — круглая кирпичная башня первые двадцать пять метров, а на ней деревянная еще на пятнадцать. Вдруг у них на глазах башня навострила пару ушей и принялась отчаянно ими махать.

— Сигнальный телеграф, — сказал Ален.

Минуту спустя торговец жалобно воззвал из ванной:

— Как пустить воду из этого крана? Я его по-всякому нажимал — и ничего.

— Его надо повернуть, — сказал Ален и продемонстрировал. — А эту штуковину надо резко дернуть вниз, подержать и отпустить.

— Ну и варвары, — пробормотал торговец.

Вошла пожилая горничная, чтобы показать им, как вешаются их гамаки, и спросить, не найдется ли у них, случаем, кусочка металла — ей на память. Они отослали ее и, чтобы не спускаться в обеденный зал, поужинали собственными запасами, а потом легли спать.

Все идет хорошо, подумал Ален, задремывая, очень даже хорошо.

Внезапно он проснулся, но сохранил полную неподвижность. В двойном номере стояла непроницаемая тьма, а где-то совсем рядом слышались осторожные приглушенные звуки. В его голове промелькнули сотни мыслей о лиранском коварстве и двойной игре. Он слегка приоткрыл веки и увидел на чуть более светлом фоне большого окна какую-то фигуру. Если это был грабитель, то редкостный недотепа.

Соседний гамак — торговца — качнулся. С хриплым ревом чего-то вроде «воровские рожи» чернобородый выпрыгнул из гамака на незваного гостя, но его ступни запутались в сетке, и он хлопнулся животом об пол.

Грабитель — если это был грабитель — не скользнул уверенно к двери. Он выпрямился — все еще на фоне окна — и сказал со вздохом:

— Вам нечего опасаться. Я не окажу сопротивления.

Ален спрыгнул с гамака и помог торговцу встать.

— Он сказал, что не хочет драться, — сообщил он торговцу.

Чернобородый ухватил неизвестного за плечи и встряхнул, будто крысу.

— Так, значит, подлый негодяй, еще и трус! — загремел он. — Посвети нам, герольд.

Ален достал неспешную спичку, вздул огонек, со скрипом подкачал паяльную лампу, пока из-за носика не вырвалась струйка угольной пыли, и зажег ее. Еще десяток качков — и жар от огня обеспечил поддержание давления.

Тем временем торговец спрашивал на своем ломаном лирском:

— Что делать тут, вор? Какой причин воровать наш комнат?

Герольд поднес шипящую лампу к окну и осветил лицо, совсем не похожее на землистую физиономию преступника с бегающими глазками. Тонкие черты говорили о дисциплине и умении мыслить.

— Что тебе понадобилось здесь? — спросил Ален.

— Металл, — просто сказал незнакомец. — Я думал, у вас найдется кусочек железа.

В первый раз лирец назвал определенный металл. Разумеется, он употребил веганское название железа.

— Ты разборчив, — сказал герольд. — Почему именно железо?

— Я слышал, что оно обладает некоторыми особыми свойствами — может быть, вы объясните их мне, прежде чем сдадите меня полиции? Правда ли, что, как мы слышали, масса железа, чьим кристаллам резкий удар придал определенное направление, притянет другой кусок железа с силой, зависящей от расстояния между ними?

— Это правда, — сказал герольд, изучая лицо незнакомца, которое загорелось энтузиазмом, и добавил: — Это направление достигается гораздо проще и обязательно, если поместить массу железа в электрическое поле — то есть в

пространство, окружающее прохождение потока электронов через проводник.

Ему пришлось часто прибегать к веганским терминам. На лирском не было слов «электрический», «электрон», «проводник».

Лицо незнакомца вытянулось.

— Я пытался осмыслить феномены, о которых ты говоришь. Но они выше моего понимания, — признался он. — Я расспрашивал других межзвездных путешественников, и они тоже говорили об этом, но я не в силах понять... От души благодарю тебя, ты был очень любезен. Однако я не стану больше докучать вам, пока вы не вызовете стражу.

— Ты слишком легко сдаешься, — сказал Ален. — А уж для ученого даже чересчур легко. Если мы сдадим тебя страже, последует разбирательство, дача показаний и все такое прочее. Наше время на вашей планете ограничено, и не думаю, что для нас имеет смысл тратить его на разбирательства с тобой.

Торговец выпустил плечо своего пленника и проворчал:

— Почему ты не спросить, есть мы железо. Я сказать тебе нет. Обыск, обыск, забирать все металл. Мы не даем тебя полиция. Жалею повреждать твою руку. Вот для тебя, — чернобородый вытащил горсть своих образчиков и выбрал троепламенный камень покрупнее. — Ты не будь сердит меня, — сказал он, вкладывая камень в руку лирца.

— Я не могу... — сказал ученый.

Чернобородый загнул его пальцы на камне и пробурчал:

— Я давать, ты брать. Может, купить железо на, э?

— Это верно, — сказал лирец. — Благодарю вас обоих, господа. Благодарю...

— Ты иди, — сказал торговец. — Ты иди, мы еще спать.

Ученый с достоинством поклонился и вышел.

— Боги космоса! — вздохнул торговец. — Подумать только, что Джаккл, всего только смазчик на «Песне звезд», знает про электричество и магниты больше такого вот мозговитого парня.

— А ведь это ключи к физике, — задумчиво произнес Ален. — Здешний ученый находится в вечном тупике, потому что все его материалы — изоляторы! Стекло, глина, дерево.

— Чудно́, как ни посмотри, — зевнул торговец. — А ты видел, как я его ухватил, едва вскочил на ноги? Ловко, э? Спокойного сна, герольд. — Покряхтывая, он забрался в гамак, предоставив Алену гасить шипящий свет и закрывать неспешную спичку ее перфорированным колпачком.

На завтрак в общем столовом зале они получили какую-то жареную птицу. Устав требовал, чтобы Ален отказался от полагавшегося к ней красного вина. Торговец одобрительно его прихлебывал.

— Солидные, хотя и отсталые люди, — сказал он. — А теперь, если ты узнаешь у управляющего, где собирается их жулье, торгующее драгоценными камнями, мы бы занялись нашим делом и, может, сумеем улететь завтра на заре.

— Так быстро? — спросил Ален, чуть было не выдав своего удивления.

— «Песнь звезд», почтенный герольд, я зафрактовал на тридцать дней, но кто знает, что может приключиться в космосе? А тогда придется платить пени, которые поглотят всю крохотную прибыль, которую я, быть может, сумею получить.

Ален узнал, что биржей драгоценных камней служит «Таверна Громенга», и они покатили туда, по выложенным кирпичом улицам в еще одном такси с керамической турбиной.

«Таверна» оказалась унылым кирпичным сараем с крохотными окошками, возле которых болтались без дела дюжие личности. Один конец был занят столиками, а в другом расположилась кухня. За столиками сидело десятка два мужчин похилее с острыми чертами лица. Они прихлебывали вино и болтали.

— Я Действующий Герольд Ален, — звонко объявил Ален, — с веганскими камнями для продажи.

Последовало подчеркнуто равнодушное молчание, потом один из перекупщиков сплюнул и пробурчал:

— Веганские камешки! Никакого спроса. Забирай их отсюда, герольд.

— Идемте, почтенный торговец, — сказал Ален по-лирски. — Перекупщикам камней на Лире ваш товар не требуется. — И он направился к двери.

Другой перекупщик небрежно протянул:

— Погоди-ка. Я как раз свободен. Раз уж вы проделали такой путь, так уж и быть, покажите свой товар.

— Ты оказываешь нам великую честь, — сказал Ален, и они с чернобородым сели за столик подозвавшего их перекупщика. Торговец вынул горсть образчиков, тщательно пересчитал и положил на столик.

— Ну, — сказал перекупщик, — уж не знаю, то ли посмеяться, то ли рассердиться. Я Гарткинт, занимаюсь драгоценными камнями, а не веду оптовую торговлю бисером. Ну да я не обиделся. Кружечку для твоего хмурого друга, герольд? Я знаю, вы-то, благородные герольды, не потребляете.

Кружечка уже стояла перед торговцем, принесенная дюжим охранником.

Ален придвинул торговцу кружку Гарткинта, вежливо объяснив:

— На родном Цефе почтенного торговца обычай требует, чтобы гость воздал честь хозяину, пригубив вино из его чаши и никакой другой. Умилительный обычай, не правда ли?

— Умилительный, хотя и не гигиеничный, — пробормотал перекупщик... и не прикоснулся к напитку, который заказал для чернобородого.

— Я ни единого слова не понял, уж очень вы цветисто изъясняетесь. Этот крысенок что — хотел меня опоить? — спросил чернобородый по-цефейски.

— Нет, — сказала Ален, — просто напоить, — а Гарткинту он объяснил на лирском: — Почтенный торговец сказал, что хочет сейчас же удалиться, и я с ним согласен.

— Ну, — сказал Гарткинт, — пожалуй, я возьму парочку-другую ваших стекляшечек. На дешевый перстенек для мальчишки, который строит из себя щеголя.

— Он клюнул, — сказал Ален чернобородому.

— Давно пора, — пробурчал тот.

— Почтенный торговец попросил меня поставить вас в известность, — сказал Ален, снова переходя на лирский, — что у него нет возможности продавать партиями менее пятисот камней.

— Очень экономный язык — цефейский, — сказал перекупщик, сощурившись.

— И очень, — невозмутимо согласился Ален.

Перекупщик выкатил указательным пальцем особенно хороший троепламенник.

— Полагаю, — процедил он, — этот можно назвать самым лучшим в этой кучке. Так мне любопытно узнать, какую цену вы назначите за пятьсот равных по качеству и размеру этому жалкому камешку?

— Почтенный торговец, — сказал Ален, — впервые привез свой товар на вашу восхитительную планету. Он хочет, чтобы его запомнили и радостно встречали всякий раз, когда он надеется вновь ее посетить. Поэтому он назначает смехотворно низкую цену, полагая, что добрые отношения важнее выгодной сделки. Две тысячи лирских ассигнаций.

— Чушь! — фыркнул Гарткинт. — С вами нельзя вести дело. Либо вы алчны до безумия, либо жалко заблуждаетесь относительно цены своего товара. Я известен своей добротой, а потому сочту, что верно второе. Уповаю, вы не слишком упадете духом, когда я объясню вам, что пятьсот этих мутных, мелких, бесформенных осколков стоят не больше двухсот ассигнаций.

— Если ты говоришь серьезно, — сказал Ален с подчеркнутым изумлением, — мы ни в коем случае не станем злоупотреблять твоей добротой. При названной тобой цене нам проще ничего не продавать, а вернуться на Цефей и подарить камешки уличным мальчикам, пусть позабавятся. По-

чтенный перекупщик камней, прости, что мы отняли у тебя столько времени, и прими нашу благодарность за радушие, с каким ты угостил нас вином. — Обернувшись к цефейцу, он сказал: — Мы уже торгуемся. Две тысячи против двухсот. Вставай, нам пора сделать вид, что мы уходим.

— А что, если он нас не остановит? — пробурчал чернобородый, но тем не менее грузно поднялся из-за стола и повернулся к двери. Ален встал следом за ним.

— Почтенный торговец разделяет мои сожаления, — сказал герольд на лирском. — Прощай.

— Погоди минутку, — сказал Гарткинт. — Я славлюсь своей добротой к чужестранцам. Сострадательный человек может даже дать пятьсот и понести неизбежные убытки. И если вы когда-нибудь вернетесь с приличной партией настоящих драгоценных камней, то мне пойдет на пользу, если вы припомните, кто обошелся с вами столь щедро, и предоставите мне право первого выбора.

— Благодарны, лирец, — сказал Ален, словно бы потрясенный таким великодушием. — Как смогу я забыть такое сочетание деловой сметки и доброты, как у тебя. Это урок всем торговцам. Это урок мне. Я не стану, нет, не стану настаивать на двух тысячах и перережу глотку моим надеждам на прибыль, снизив цену до тысячи восьмисот ассигнаций, хотя, право, не знаю, как у меня достанет духа сказать ему об этом.

— Что теперь? — осведомился чернобородый.

— Пятьсот и тысяча восемьсот, — сказал Ален. — Можем снова сесть.

— Вверх — вниз, вверх, — вниз, — пробурчал чернобородый.

Они сели, и Ален сказал на лирском:

— Почтенный торговец нежданно согласился на эту скидку. Он говорит: лучше потерять часть, чем все. Старинная цефейская пословица. Но он решительно запретил дальнейшие скидки.

— Да ладно тебе, — улещивал перекупщик. — Будем практичными людьми. Надо немножко давать, немножко

брать. Любой знает, что ему не удастся всякий раз настаивать на своем. Я предложу отличную цену — кругленькие восемьсот, и ударим по рукам, э? Пилкис, принеси-ка перо и бумагу. — Но верзила был уже рядом с чернильницей и тростниковым пером. Гарткинт достал из кармана своей туники бланк таможни и энергично заполнял его, указывал величину, число и огненность камней, которые ему следовало получить.

— Сколько теперь? — спросил чернобородый.

— Восемьсот.

— Соглашайся!

— Гарткинт, — с сожалением сказал Ален, — ты слышал твердость и решительность в голосе почтенного торговца? Что я могу? Я ведь только говорю за него. Он упрямый человек, но, может быть, мне удастся убедить его после. Предлагаю тебе камни по убыточной цене в полторы тысячи ассигнаций.

— Подели разницу, — сказал Гарткинт, смиряясь.

— Договорено на одной тысяче ста пятидесяти, — сказал Ален. Чернобородый понял.

— Молодчина! — грянул он басом, глядя на Алена, и отхлебнул из кружки Гарткинта. — Пускай поставит «мешок семнадцатый» в своей бумажонке. В нем пятьсот камней этого качества.

Перекупщик отсчитал двадцать три ассигнации, достоинством в пятьдесят каждая, и чернобородый подписал квитанцию и прижал к ней пальцы.

— А теперь, — сказал Гарткинт, — будьте так любезны, подождите здесь, пока я не съезжу в космопорт за моей покупкой.

Трое-четверо охранников внезапно оказались совсем рядом.

— Ты убедишься, — сухо сказал Ален, — что наши нормы коммерческой этики не ниже твоих.

Перекупщик вежливо улыбнулся и вышел.

— Кто следующий? — спросил Ален, ни к кому не обращаясь.

— Пожалуй, я погляжу на ваши камни, — сказал другой перекупщик, садясь за их столик.

Теперь, когда лед тронулся, сделки заключались быстрее. И к тому времени, когда вернулся первый покупатель, Ален продал десяток партий.

— В ажуре, — сказал Гарткинт. — Нас уже не один раз надували, но ваши камни соответствуют образцу. Поздравляю тебя, герольд, с отлично заключенной сделкой по честной цене.

— Это значит, — сказал Ален с сожалением, — что мне следовало запросить больше.

Охранники снова болтались по углам, и вид у них был совсем не угрожающий.

Они пообедали и продолжали заключать сделки. На закате Ален устроил заключительный аукцион, чтобы распродать остатки, и получил настойчивое приглашение отужинать.

Чернобородый пересчитывал огромный пук лирских ассигнаций, обеспечиваемых человекочасами, замотал головой.

— Нам надо взлететь до зари, герольд, — сказал он Алену. — Время — деньги, время — деньги.

— Они очень настойчивы.

— А я очень упрямый. Поблагодари их, и пойдем, прежде чем что-нибудь приключится и увеличит мои накладные расходы.

И что-то изменилось в лице городского стражника с расквашенным носом и разбитой губой. Он грозно спросил герольда:

— Вы отвечаете за цефейского чумового, который носит имя Элвон?

Гарткинт скользнул к Алену и шепнул ему на ухо:

— Поосторожнее с ответом.

Ален в предупреждениях не нуждался. В программу его обучения входили и лирские юридические принципы. А на отсталой планетке, сохраняющей много реликтов феодализма, «отвечаете» могло подразумевать очень многое.

— Что сделал чиф Элвон? — парировал Ален.

— Сам видишь, — мрачно ответил стражник, указывая на свою физиономию. — И то же самое с еще тремя, прежде чем мы вытащили его из разнесенной вдребезги винной лавки и доставили в зáмок. Так вы за него отвечаете?

— Разреши мне минуту поговорить с почтенным торговцем. А тем временем не выпьешь ли ты вина? — Он сделал знак, и охранник принес кружку.

— Не откажусь, — сказал стражник. — В самый раз будет.

— У нас неприятности, — сказал Ален чернобородому. — Чиф Элвон в замке — в тюрьме — за нарушение общественного порядка в пьяном виде. Ты, как его шкипер, по лирскому закону считаешься ответственным за его поведение. Ты обязан уплатить наложенный на него штраф либо отбыть наказание, к которому он будет приговорен. Или ты можешь отречься от него, что считается неблаговидным, но иногда бывает необходимо. За уплату штрафа или отбытие наказания за него ты получаешь преимущественное право на бесплатное пользование его услугами, но, конечно, за пределами Лиры оно неосуществимо.

Чернобородый слегка вспотел.

— Узнай полицейского, сколько на все это уйдет времени. Я не хочу бросать Элвона здесь, но я хочу, чтобы мы улетели как можно быстрее. Займи его, пока я обделаю кое-какое дело.

Торговец отошел в самый дальний угол темной таверны, поманив за собой Гарткинта и одного из охранников. Ален вернулся к стражнику.

— Добрый блюститель мира, — сказал он, — ты не откажешься еще от одной?

Он не отказался.

— Почтенный торговец хочет узнать, к каким наказаниям может быть приговорен злосчастный чиф Элвон?

— Думаете от него отделаться, а? — спросил стражник с некоторым вызовом. — Хорошенького же хозяина ты себе нашел.

Один из перекупщиков негодующе поддержал стражника:

— Если вы, иностранцы, не готовы исполнять свои обязанности, зачем вы вообще сюда прилетаете? Что произойдет с коммерцией, если хозяин сможет посылать своего слугу красть и обманывать, а потом заявлять: «Я тут ни при чем, это он виновен!»

Ален терпеливо объяснил:

— На других планетах, почтенный лирец, узы между хозяином и слугой не столь крепки и слуга не обязан подчиняться, если ему прикажут красть или обманывать.

Все вокруг закачали головами, возмущенно переговариваясь. Неслыханно!

— Почтенный стражник, — не отступал герольд, — почтенный торговец вовсе не хочет отрекаться от чифа Элвона. Не можешь ли ты сказать мне, какое возмещение потребуется... и как долго все это займет?

Стражник отхлебнул из третьей кружки, которую Ален заказал незаметным знаком.

— Да трудно сказать, — внушительно начал он. — За мои повреждения я попрошу по меньшей мере сто ассигнаций. Трое других членов караула, которых потрепал ваш чумовой, попросят не меньше. А винная лавка пострадала не меньше чем на пятьсот ассигнаций. Ее владелец был избит, но это, конечно, значения не имеет.

— Но не заключение в тюрьму?

— Ну, порка, конечно. (Ален вздрогнул, но тут же вспомнил, что «порка» подразумевала несколько легких символических ударов по плечам поверх одежды.) А вот заключение — нет. Его милость судьи Крарл по ночам суд не вершит. Судья Крарл из этих, из реформаторов, чужестранец. Он настаивает, что штрафование неправосудно, что оно позволяет богачам совершать преступления и оставаться безнаказанными.

— Но ведь так же и есть? — спросил Ален, невольно отвлекшись от своей задачи. Вокруг послышались презрительные смешки.

— Вот послушай, — любезно объяснил кто-то из перекупщиков. — Почтенный стражник потерпел от побоев, чу-

мовой цефеец или его хозяин оштрафован для возмещения ущерба, стражник компенсируется за нанесенные ему телесные повреждения. А какой толк стражнику, если чумовой цефеец или его хозяин посидят в тюрьме без уплаты штрафа?

Стражник одобрительно кивнул.

— Отлично сказано, — похвалил он перекупщика. — К счастью, ночью судит судья старой закалки, его милость судья Трил. Строгий, но справедливый. Вы бы его послушали! «Пятьдесят ассигнаций! Сто ассигнаций и плеть! Ограбил корабль, э? Две тысяч ассигнаций!» — Стражник перешел на свой обычный голос и добавил с благоговением: — Убийство он никогда не оценивает ниже десяти тысяч ассигнаций!

Если же убийца не мог заплатить, он, как было известно Алену, становился «подопечным общества», «ответственным перед государством», то есть рабом. Если же заплатить он мог, то тут же освобождался.

— И сегодня судит его милость судья Трил? — спросил Ален настойчиво. — Так не могли бы мы предстать перед ним, заплатить штрафы и улететь?

— Само собой, чужестранец. Я же не дурак ждать до утра, верно? — Вино развязало ему язык немножко слишком, и, видимо, он это понял. — Ну, хватит болтать. Твой хозяин достойно берет на себя ответственность за цефейца? Если так, идемте со мной, вы оба, и мы быстренько с этим покончим.

— Благодарю, почтенный стражник. Мы идем.

Он подошел к чернобородому, который теперь сидел в углу совсем один.

— Все в порядке. Мы можем уплатить... что-то около тысячи и улететь.

Торговец сердито пробурчал:

— Лирские законы там или не законы, а деньги я вычту из жалованья Элвона. Дурак чертов!

Он тряслись по темным улицам в турбинном фургоне: стражник сидел впереди с водителем, а торговец с геральдом позади.

— Что-то горит, — сказал Ален торговцу, нюхая воздух.

— Да эта вонючая колымага... — начал чернобородый. — У-ух! — Перебил он сам себя и захлопал ладонями по своему плащу.

— Разреши мне, почтенный торговец, — сказал Ален, откинул полу плаща, лизнул большой палец и затер ползущую дугу искорок, уже съевших несколько сантиметров шелковой подкладки. И уставился на причину крохотного пожара. Это была плохо накрытая неспешная спичка, торчавшая из кобуры, прячущей, без всяких сомнений, какое-то ручное оружие.

— Купил у одного из ихних охранников, пока ты точил лясы с полицейским, — смущенно объяснил чернобородый. — Никак в толк не брал, чего я хочу. Ну да этот парень, Гарткинт, помог. — Он туго навинтил на неспешную спичку перфорированный колпачок.

— Жалкая пукалка, а не оружие, — продолжал он, укрыв кобуру под полой. — Спусковой крючок не спусковой крючок, предохранитель не предохранитель. Покачиваешь крючком, пока не создашь давления, и тут струйка воздуха зажигает спичку. Тогда снимаешь колпачок и взводишь курок, а в ствол входит дротик. Тогда жмешь на предохранитель, он вдувает угольную пыль в боевую камеру, одновременно поворачивая неспешную спичку к запальному отверстию. Пуф — и дротик летит в цель. Если, конечно, ты не пропустил какую-нибудь из операций или не перепутал их. К счастью, у меня кроме того есть нож. — Он провел ладонью по шее и добавил: — Они здесь носят их вот так. Маленькие ножны между лопатками — очень удобно, чтобы выхватить и метнуть. Хотя, закидывая руку, открываешься больше, чем мне по вкусу. Нож из черного стекла. Отличные лезвия, и сбалансирован — лучше некуда. И воры-лирцы знали, что ухватили меня там, где болит. Семь тысяч пятьсот за нож и пистолет, если эту дрянь можно назвать так. Ну и кобура с ножнами. По справедливости мне бы отдать им Элвина, дурака чертова. Но все-таки лучше выкупить его, чтобы нас тут лихом не поминали, а, герольд?

— Несравненно лучше, — сказал Ален. — И я изумлен, как тебе вообще пришла мысль о вооруженном сопротивлении! Ну и что, если чифу Элвину придется посидеть в тюрьме? Неужто то было бы хуже, чем закрыть себе доступ на планету и чтобы все иностранные торговцы на Лире стали бы персонами нон грата? Почтенный торговец, не надейся провести суммы, потраченные тобой на оружие по графе накладных расходов. Я не допущу этого, ревизуя твои книги. Неразумная выходка, на которую ты потратил свои личные средства, никак не касается Колледжа и Ордена Герольдов.

— Так вы же, — заспорил чернобородый, — вроде бы распространяете утилитаристскую цивилизацию, верно? А бросить механика тут — это по-утилитаристски?

Ален пропустил этот ребяческий довод мимо ушей и сердито умолк, мрачно взвешивая, какое, собственно, отношение к цивилизации могут иметь этот торговый вояж и его участие в нем? Неужели клеветники правы? И Колледж с Орденом просто сборище оболваненных дурачков, которыми манипулируют старики, цинично помышляющие только о власти и жизни в роскоши?

Подобные мысли не приходили ему в голову уже давно. Слишком он был занят забиванием ее галактическими языками, народными приметами, этическими системами, нравами, обычаями, скрытыми пружинами сотен культур народов, разбросанных по галактике... И ради чего? Чтобы этот пентюх получил прибыль, а Колледж и Орден — четверть этой прибыли? Утвердиться на Лире цивилизация может только через металлы. Раз лирцы не желают пользоваться металлами, их надо принудить.

Что говорит Макиавелли? «Основа основ всех государств это хорошие законы и хорошее вооружение; а поскольку не может быть хороших законов там, где государство плохо вооружено, отсюда следует, что в хорошо вооруженных государствах законы хорошие». Странно, как наставники затушевывали такую основополагающую идею, вместо этого всячески подчеркивая духовное величие невооруженных Колледжа и Ордена... А может быть, не так уж и странно?

Нараставшее в нем разочарование было устрашающим.

— Зáмок, — сказал стражник через плечо, и их фургон остановился, задребезжав перед массивным, но невпечатляющим кирпичным зданием в пять этажей.

— Ты ждать, — сказал торговец водителю, когда они вылезли, и протянул ему две ассигнации с цифрами «50». — Ты ждать, ты получать денег много, очень много больше. Ты понимать? Ждать!

— Я ждать много-много! — радостно воскликнул водитель. — Я ждать всю ночь, весь день. Ты замечательный хозяин. Ты великий, великий хозяин. Я ждать...

— Ну, ладно, — буркнул торговец, прерывая поток его красноречия. — Ты ждать.

Стражник провел их через вестибюль, освещенный шипящими лампами и небрежно охраняемый тремя-четырьмя приставами в ливреях и с дубинками. Затем он распахнул дверь относительно небольшой комнаты, хорошо освещенной, где находилось человек двадцать, и испустил глухой стон.

Персона в кресле, смахивавшем на трон, нетерпеливо спросила:

— Это звездные путешественники? Так не торчи там, введи их.

— Слушаю, ваша милость, судья Крарл, — уныло сказал стражник.

— Не тот судья! — прошипел Ален на ухо торговцу. — Этот дает тюремные сроки.

— Сделай, что сумеешь, — угрюмо отозвался чернобородый.

Стражник подвел их к персоне в кресле, указав на два низких табурета, поклонился в сторону кресла и отошел к задней стене.

— Ваша милость, — сказал Ален, — я Действующий Герольд Ален, герольд при торговце...

— Говори, когда с тобой говорят, — свирепо сказал судья. — Сэр, с обычным наглым высокомерием богачей вы заставили нас ждать. Но я не принимаю этого на свой счет —

с тем же успехом ждать пришлось бы судье Трилу, которого — к вашему видимому огорчению — я заменил по случаю его болезни, или любому другому члену коллегии. Но, как оскорбление нашему правосудию, оно не подлежит извинению. Сэр, считайте, что вам сделано замечание. Займите свои места. Стражник, введи цефейца.

— Садись, — шепнул Ален торговцу. — Дело скверно.

И в комнату ввели чифа Элвона. Глаза у него были мутными, вид взъерошенным, а на лице красовалось несколько синяков. Он виновато ухмыльнулся Алену и торговцу, когда стражник усадил его на табурете рядом с ними. Торговец ответил ему злобным взглядом.

Судья Крарл забубнил небрежно:

— Пусть тяжущиеся в этом споре сойдутся в поединке, пусть никто не ставит под сомнение наше беспристрастие в присуждении победы... скажите сейчас, если вместо... положитесь на наш приговор. Ну?! Говорите. Вы, стражники!

Стражник, сопровождавший герольда и торговца, вздрогнул и ответил из глубины комнаты:

— Я полагаюсь на приговор вашей милости.

Три других стражника и сильно измордованный хозяин винной лавки промямлили в свой черед: «Я полагаюсь на приговор вашей милости».

— Герольд, отвечай за обвиняемого, — рявкнул судья.

Ну, подумал Ален, попытаюсь.

— Ваша милость, — сказал он, — хозяин чифа Элвона не полагается на приговор вашей милости. Он готов сойтись в поединке с другими тяжущимися в этом споре или с их хозяевами.

— Что это еще за дерзость? — взвизгнул судья, взвившись со своего трона. — Варварские обычаи других миров в этом суде не принимаются во внимание! Кто говорил о поединке... — Он лязгнул зубами, захлопнув рот, видимо, внезапно осознав, что о поединке говорил он сам, отбарабанивая древнюю формулу, которая восходила к самой заре правосудия на Лире. — Судья сел и сказал Алену более спокойно: — Тебя ввела в заблуждение формальная фраза.

Это не было подлинным предложением... — Совершенно явно ему самому не слишком понравились собственные слова, но он продолжал: — Теперь скажи: «Я полагаюсь на приговор вашей милости», и мы сможем перейти к делу. К твоему сведению, судебные поединки не практикуются на нашей просвещенной планете уже много поколений.

Ален сказал почтительно:

— Ваша милость, многие обычаи Лиры мне неизвестны, однако наш превосходный Колледж и Орден Герольдов ознакомил меня с принципами. Насколько помню, одна из ваших самых священных юридических максим гласит: «Наистрашнейшее преступление против человеческого общества это нарушение обещания».

Судья взревел, багровея:

— Ты смеешь толковать мне законы, ты, скользкоязычный иностранец? Ты смеешь обвинять меня в тяжком преступлении — в нарушении обещания? К твоему сведению, обещание заключается в предложении что-то сделать или чего-то не делать в обмен на определенное вознаграждение. Оно подразумевает пять компонентов: обещающего, получающего обещание, предложение, предлагаемое и вознаграждение.

— Простите иностранца, — сказал Ален, внезапно вновь ощутив почву под ногами, — но я утверждаю, что вы предложили тяжущимся ваши услуги для присуждения победы.

— Абсурдный довод, — презрительно фыркнул судья. — Поскольку подкрепленное предложение от кого-то без вознаграждения для кого-то не составляет обещания, как и ничем не подкрепленное предложение от кого-то кому-то за вознаграждение не составляет обещания, то и мое предложение не было обещанием, ибо ни о каком вознаграждении и речи нет.

— Ваша милость, должен ли обещающий получать вознаграждение от того, кому дается обещание?

— Конечно, нет. Вознаграждение может обеспечить третья сторона.

— Тогда я со всем уважением утверждаю, что ваше предложение являлось обещанием, поскольку третья сторона,

правительство, обеспечивает вас вознаграждением в виде жалованья и привилегий в обмен за предложение ваших услуг тяжущимся.

— Стражники, очистите зал от посторонних, — хрипло распорядился судья. Пока стражники выполняли приказание, Ален быстро объяснил суть торговцу и Элвону. Чернобородый ухмыльнулся при упоминании о поединке, а механик заметно встревожился.

Когда двери закрылись и они остались вдевятером, судья сказал кисло:

— Герольд, где ты научился такой дьявольской казуистике?

И Ален ответил ему:

— Мой Колледж и Орден дали мне глубокие знания. Подобная ситуация существовала на планете, называемой Англия в эпоху, известную как «Викторинская». Судебные поединки давно ушли там в прошлое, как и здесь, но официально отменены не были — как и здесь. Тяжущийся выиграл безнадежную тяжбу, вызвав своего противника на бой и явившись на назначенное место в полном вооружении. Его противник вызов проигнорировал, а потому проиграл за неявкой. Английский диктатор, некий Дизраели, поспешно созвал свой парламент для отмены судебных поединков.

— И вот, — задумчиво произнес судья, — меня в моем собственном суде обвиняют в тяжком преступлении, если я не дам позволения вам, пятерым, перерезать друг друга и не назову победителя.

Лавочник, всхлипывая, забормотал, что он человек мирный и не хочет, чтобы его изрубил этот чернобородый кровожадный звездный купец.

— Молчать! — прикрикнул судья. — Никакого поединка, конечно, не будет. Ты, лавочник, и вы, стражники, удовлетворитесь достаточной финансовой компенсацией?

Они сказали, что удовлетворятся.

— Герольд, можешь торговаться с ними.

Четверо стражников твердо потребовали по сотне на каждого, и получили их. Перепуганный лавочник обрел второе дыхание и потребовал тысячу. Ален объяснил, что его чернобородый хозяин с грубой и несдержанной планеты, возможно, не сумеет справиться с яростью, когда он, Ален, переведет ему это требование, и, не заботясь о последствиях, оставит от него, лавочника, мокрое место. Запрошенная цена мгновенно снизилась до разумных пятиста, которые и были уплачены. Лавочник получил от судьи разрешение удалиться и вышел, пятясь и отвешивая поклоны.

— Видишь, почтенный торговец, — сказал Ален чернобородому, — что не для чего покупать оружие, когда...

— А теперь, — сказал судья злорадно, — мы легко покончим с этой дилеммой. Стражники, арестуйте трех иностранцев и заприте их в клетках.

— Ваша милость! — возмущенно вскричал Ален.

— Тут вам деньги не помогут. Я обвиняю вас в оскорблении государства.

— Но эта статья давно вышла из употребления... — начал герольд с жаром, но умолк, когда ему стал ясен тот мстительный ход.

— Да, верно. И согласно одному из ее вышедших из употребления пунктов такое обвинение рассматривается парламентом на календарных его заседаниях, ближайшее из которых состоится через двести дней. Тогда вас освободят, а мне будет поставлено на вид, но, клянусь головой, у вас будет двести дней, чтобы раскаиваться в том, как вы одурачили меня. Уведите их!

— Высосанное из пальца обвинение против нас. Тюремное заключение на двести дней, — быстро сказал Ален торговцу, когда стражники направились к ним.

— Для чего покупать оружие? — насмешливо сказал чернобородый, оскаливая зубы. Его левая рука взметнулась вверх, вниз, воздух пронизала черная молния... судья был пришпилен к спинке своего трона черным стеклянным ножом, и торжествующая злорадная усмешка застыла у него на губах.

Торговец еще прежде, чем нож нашел свою цель, вытащил неуклюжий пистолет уже без колпачка на раскаленной спичке и со взведенным курком. Наверное, он поставил его на взвод под плащом, растерянно подумал Ален и без подсказки приказал стражникам:

— К стене и повернуться спиной!

Они подчинились. Они хотели жить, а скалящийся чернобородый, который прикончил судью одним движением руки, навел на них дикий ужас.

— Молодец, Ален, — сказал торговец. — Забери их дубинки, Элвон. Две тебе, две герольду. Ален, не возражай! Мне пришлось убить судью, чтобы он не поднял тревогу. Таких, как он, заставить замолчать может только смерть. И тебе, возможно, придется убить кого-нибудь, прежде чем мы выберемся из этой кутерьмы. Забери дубинки. — Он отдал несуразный пистолет Элвону и сказал: — Держи их спины под прицелом. Штука вроде предохранителя — это спусковой крючок. Всади дротик в первого, кто вздумает сбежать. Ален, скажи крайнему, чтобы он повернулся и медленно подошел ко мне.

Ален отдал команду. Чернобородый быстро раздел стражника, разорвал его одежду на полосы, связал его и засунул ему в рот кляп. Меньше чем за десять минут той же процедуре подверглись и остальные стражники.

Торговец убрал пистолет в кобуру и перекатил стражников в угол, невидимый из дверей. Он вытащил свой нож и вытер его о рубашку судьи. Алену пришлось помочь ему укрыть труп за высокой спинкой трона.

— Спрячьте дубинки, — сказал чернобородый. — Лица спокойные. Ну, идем.

Они вышли гуськом, только слегка приоткрыв створку двери. Ален, шедший последним, сказал приставу в ливрее, оказавшемуся рядом:

— Его милость судья Крарл не желает, чтобы его беспокоили.

— Скажи что-нибудь поновее, — сардонически ухмыльнулся пристав и положил руку на локоть герольда. — Толь-

ко вчера он из меня котлету сделал, когда я принес ему кружку воды, которую он сам потребовал. Возмутительное нарушение разбирательства, вот как он меня обозвал, а ведь сам потребовал воды. Как это тебе?

— Ужас! — поспешно ответил Ален, высвободил руку и нагнал торговца с механиком у выхода. Они зашагали к ждущему фургону под любопытными взглядами зевак.

— Я ждать! — громогласно оповестил их водитель. — Я ждать долго, много. Вы платить больше, больше?

— Мы платить больше, — сказал торговец. — Ты ехать.

Водитель достал тлеющий кусок ветоши, зажег паяльную лампу, поднял широкую панель в полу фургона, открыв керамическую турбину, и прогрел ее струйкой пламени. Потом со скрипом несколько минут подкачивал, крутя маховик другой рукой, и, наконец, ротор начал вращаться без посторонней помощи. Панель водворилась на место, пассажиры водворились на сиденья.

— Космопорт, — сказал Ален.

Со скрипом грифеля по доске водитель поставил скорость, и они покатили.

Пока все это продолжалось, торговец игнорировал вопросы чифа Элвона, сыпавшего их отчаянным шепотом. Механик не желал иметь ничего общего с убийствами, а уж тем более судей.

— Пересядь вон туда, — пробурчал торговец, — и поглядывай, не гонятся ли за нами. Не напугай водителя. А если мы доберемся до космопорта и улетим, держи язык за зубами. — Он расположился поудобнее на заднем сиденье рядом с Аленом и хранил угрюмое молчание. Юный герольд испытывал такой благоговейный страх к этому незнакомцу, столь неожиданно доказавшего свою компетентность в различных формах насилия, что не осмеливался рта открыть.

До космопорта они доехали без всяких помех и нашли команду на таможенном складе, из которого перекупщики с квитанциями уже забрали все камни. Они развели костерок, чтобы согреться.

— Мы желает улететь немедленно, — сказал торговец портовому чиновнику. — Ты не мог бы обменять мои лирские ассигнации?

Чиновник извиняющимся тоном забормотал, что час поздний и хранилище уже запечатано на ночь...

— Ничего. Обменяю на Веге. Они перешлют их вам. Отзови стражников и распечатай наш корабль.

Они пошли за чиновником к смутно маячившей на поле «Песни звезд». Чиновник разбил дубинкой пломбу, которую осветил паяльной лампой один из стражников.

Ален не переставал обливаться потом. Когда они пошли через поле, он заметил низко над горизонтом в стороне города две зеленых звезды, расположенные близко друг от друга. Внезапно они задвигались вверх и друг к другу, описывая маленькие дуги. Сигнальный телеграф!

Сигнальщик в административном здании порта, конечно, записывает сигналы, однако на поле все были слишком заняты приготовлениями к взлету и как будто ничего не заметили.

Огоньки качались туда-сюда. Ален не знал этого кода, о чем горько пожалел. После примерно двадцати сигналов огоньки снова замерли в положении покоя, а чиновник бубнил и бубнил правила взлета: направление, высота над населенными районами, допустимое использование атомного топлива в атмосфере... И тут Ален увидел, что кто-то выбежал из административного здания и повернул в их сторону. Стражники опирались на свои длинные, очень грозного вида винтовки.

Ален незаметно отделился от группы, толпившейся у «Песни звезд», и торопливо зашагал по темному полю навстречу приближающейся фигуре. Когда они сблизились, он негромко произнес по-лирски приветствие младшего в чине старшему.

— Сержант, — негромко сказал офицер-сигнальщик, — пойти и отведи стражников на несколько шагов от звездных торговцев. Скажешь им, что корабль не должен взле-

теть, что они должны держать их под прицелом и стрелять, если...

Ален ошеломленно уставился на неподвижно распростертое тело сигнальщика. Потом быстро спрятал дубинку и направился назад к кораблю, гадая, раскроил он череп лирцу или нет.

Люк уже был открыт, и команда поднималась по трапу. Он был последним.

— Быстрей герметизируйте, — сказал он торговцу, — мне пришлось...

— Я тебя видел, — буркнул чернобородый. — Сигнальный телеграф? — Говоря это, он передвигал рычаги, и металлическая крышка люка встала на место.

— Астронавигатор и механик, приступайте, — скомандовал он.

— Команда, по койкам! — распорядился астронавигатор. — Взлет!

Ален скрылся в своей каморке и пристегнулся. Грохот взлета оглушил его, кости у него залязгали о кости, и его стошнило. Все как обычно. После словно бы бесконечных мучительных часов они, несомненно, вышли в открытый космос, плавно набирая скорость, и тошнота улеглась.

Чернобородый постучался, вошел и расстегнул его ремни.

— Готов к аудиту книг? — спросил торговец.

— Нет, — слабым голосом пролепетал Ален.

— Торопиться некуда, — сказал торговец. — Да и книги не так уж и важны. Мы предотвратили страшнейшую войну.

— Войну? Предотвратили? Мы?

— Войну между Владением Эйолфа и Вегой. Во всех канцеляриях и торговых представительствах давно поговаривают, что оба правительства равно зарятся на Лиру, что они планируют подчинить себе ее экономику, экспортируя металлы на планету, лишенную металлов, — силой, если понадобится. Ален, мы покончили с предлогом, прикрываясь которым Владение Эйолфа и Вега попытались бы захватить

Лиру, что неизбежно привело бы к войне между ними. А сейчас Лира получает свои металлы без каких-либо империалистических притязаний.

— Я там никаких металлов не видел, — растерянно сказал герольд.

— Ты не понимал, почему я так торопился убраться с Лиры и почему я не оставил там Элвона. А потому, что наши веганские камушки были далеко не обычными драгоценными камнями. В технике я разбираюсь мало, но насколько я понял, это подлинные камни, только обработанные для создания определенного эффекта, который они в настоящее время и создают.

Чернобородый взглянул на хронометр у себя на запястье и сказал мечтательно:

— Лира получает металлы. Там, где находится хотя бы один наш камушек, керамика разлагается на составляющие элементы — алюминий, кремний и кислород. Обливы и полевые шпаты разлагаются в кальций, цинк, барий, калий, хром и ЖЕЛЕЗО. Здания разваливаются, штаны падают, потому что рассыпаются керамические пряжки...

— Но это же несет хаос! — возразил Ален.

— Это несет цивилизацию и мир. Назревало беспощадное столкновение. — Чернобородый помолчал и добавил многозначительно: — «Если ничто не грозит их имуществу и чести, люди в большинстве довольны своей жизнью».

— «Князь», глаза девятнадцатая. Так вы...

— Это путешествие имело еще одну важную цель, — сказал торговец, широко улыбнувшись. — Тебе будет интересно вот это. — И он вручил Алену большой сложенный лист, на котором, когда он его развернул, стояла печать Ордена.

Ален читал, как во сне: «Экзаменатор девятнадцать ректору, завершающая рекомендация послушника...»

Он с гордостью перечел абзац, в котором говорилось, как он «спокойно и с большой изобретательностью» предотвратил таможенный досмотр космолета боевым крейсером Владения, «легко овладев сложной ситуацией, которая требовала не только физического мужества, но и молние-

носной работы памяти, обзора сведений о культуре третьестепенной планеты и умелого их использования».

Без особой гордости он прочел: «...склонен к некоторой помпезности в манере держаться, довольно смешной в его возрасте, хотя ему и удалось в какой-то мере произвести впечатление на членов команды...»

«И крайне выгодная продажа наших камней; немаловажное достижение, поскольку наш Орден как-никак должен сам себя содержать.

И «...взял последний и критически-важный барьер; не без душевного смятения, насколько я могу судить, но взял. После двадцати лет внушения ему теорического понятия о ненасилии этот юноша оказался в положении, которое категорически требовало применения насилия, правильно оценил его и применил насилие в форме удара дубинкой по голове лирского сигнальщика, тем самым продемонстрировав способность к обучению и здравый смысл, столь же драгоценный, как и редкий».

И простое заключение: «Рекомендуется для прохождения обучения».

— Обучения? — охнул Ален. — То есть надо еще учиться?

— Далеко не всем, мальчик. Далеко не всем. В подавляющем большинстве мы то, чем кажемся: елейные, чурающиеся оружия, абсолютно необходимые приложения к коммерции, которые зарабатывают проценты на благо Ордена. Проценты эти нам необходимы, и нам необходимы герольды, чурающиеся оружия.

Ален медленно процитировал: «В довершение всех зол, которые навлекает на тебя безоружность, она вызывает презрение к тебе».

— Глава четырнадцатая, — машинально сказал чернобородый. — Мы оставляем такие подсказки возле их кроватей на протяжении двадцати лет, а они их не замечают. Но для тех немногих из нас, кто заметит, — продолжение обучения.

— А я научусь метать нож, как вы? — спросил Ален, которого мысль об этом одновременно и влекла и отталкивала.

— Факультативно, если захочешь. В основном же это этика и мораль, чтобы ты был способен взвешивать значимость метания ножей и тому подобного.

— Этика! Мораль!

— Мы ведь, знаешь ли, начинали как миссионеры.

— Это все знают. Великая Утилитарианская Реформа...

— Кое-кто из нас, — сухо сказал чернобородый, — думает, что она не великая, не утилитарианская и не реформа.

Сокрушительная идея.

— Но мы же распространяем утилитарианскую цивилизацию, — заспорил Ален. — А если нет, какой во всем этом смысл?

И чернобородый объяснил ему:

— У нас у каждого свои побуждения. Один — искренний утилитарианец, другой — любитель риска и счастлив, когда ему угрожает опасность, и он весь в напряжении. Еще кто-то высокомерен, и ему нравится водить людей за нос. Но найдется немало таких, кто считает себя слугами человечества. Ну а теперь отдохни.

Он встал.

— Ну а вы? — с запинкой спросил Ален.

— Я? Ты найдешь меня в главе двадцать шестой, — улыбнулся чернобородый. — И, может быть, найдешь там кого-нибудь еще.

Он закрыл за собой дверь.

Ален мысленно пробежал двадцать шестую главу, продолжая недоумевать, и тут... да-да!

Так странно и неизбежно знакомо, будто он всегда знал, что с радостью произнесет эти слова вслух вот в этой тесной каморке на борту видавшего виды космолета.

— Бог не хочет делать все сам, отнимая таким образом у нас свободу воли и ту часть славы, которая принадлежит нам.

Ли Брэкет

Об авторе*

По каким-то причинам — а кстати, по каким? — они не вырастают из традиции детских приключений, и их не вдохновляет литературная традиция «молодых взрослых». Они более вдумчивы или эмоционально более зрелы, чем мужчины? Воротилы рынка (то есть редакторы-мужчины) не поощряют их в этом? Или дело в циклах солнечной активности? Как бы там ни было, а старая добрая приключенческая НФ, особенно космические приключения, и уж тем более космическая опера, была, в общем, епархией писателей мужского пола. Были, конечно, исключения и тогда (К.Л. Мур, Кэтрин Маклин, Андре Нортон), и сейчас (К. Дж. Черри, Элеанор Арнасон, Дженет Каган, Лоис Мак-Мастер Буджолд), но общее правило остается в силе: если по имени не удается определить пол автора космической оперы, считайте, что это мужчина. И даже сегодня, когда среди Главных Имен научной фантастики есть женщины, среди авторов космических опер мужчин куда больше, и этот крен даже усилился по сравнению с сороковыми — пятидесятыми годами.

Так вот, одним из самых очевидных «исключений» из этого правила была покойная Ли Брэкет. Даже в мире господства мужчин, в тех самых сороковых и пятидесятых, в насыщенном тестостероном царстве журналов «Planet Stories», «Thrilling Wonder Stories» и «Startling Stories»,

* © Перевод. Левин М.Б., 2001.

когда и сомнения не было, что читательская аудитория состоит из столь же насыщенных тестостероном мальчиков-подростков, даже в эпоху, когда женщине полагалось торчать на кухне, а пишущую машинку вообще не трогать, никто и сомнения выразить не мог, что Ли Брэкет завоевала право играть в Настоящую Мужскую Игру. Оказалось, что написанное ею было популярнее работ почти всех ее соотечественников и куда больше повлияло на развитие этого направления фантастики, чем написанное ими, — исключение, возможно, составляют Рей Брэдбери и Джек Вэнс. Не приходится сомневаться, что она в этот период была Королевой Планетной Романтики, особенно после того, как в середине сороковых К.Л. Мур, ее главная соперница за обладание этим титулом (хотя ее работы для журналов вроде «Weird Tales» в тридцатых всегда уходили корнями в литературу ужасов), ушла от приключенческого чтива в более респектабельные области классической НФ, работая для «Эстаундинг». (Иногда она писала со своим мужем, Генри Каттнером, но там ее вклад часто был скрыт, поскольку работы подписывались лишь его именем.)

Первый рассказ Брэкет появился в 1940 году, а к концу сороковых — началу пятидесятых она стала одним из главных авторов журналов «Planet Stories», «Startling Stories», «Astonishing Stories» и «Thrilling Wonder Stories». Первым в этом списке заслуженно указан «Planet Stories», где появилось большинство ее лучших произведений. Хотя вершиной ее работы надо бы назвать зрелый и вдумчивый роман «Долгое завтра» — вообще один из лучших романов НФ пятидесятых годов *любого рода*, — для нее это произведение было нетипично. Более обычной для нее продукцией — и более популярной — были серии рассказов о необузданном, сумасбродном и полудиком Эрике Джоне Старке — этаком Конане космических дорог с некоторыми чертами Тарзана с Меркурия. Они выходили в журналах, потом превраща-

лись в книги вроде «Тайна Синхарата» или «Люди талисмана». Среди других книг, столь же густо насыщенных романтикой, можно назвать «Меч Рианнона» и «Немезида с Терры». Ею написаны стандартные межзвездные космические оперы, в том числе «Звездные люди с Ллирдиса», «Большой прыжок» и «Альфа Центавра — или смерть!». Романы вполне профессиональные, но им не хватает той необычайной яркости и густой романтики, что есть в ее работах направления «планета-и-меч».

Брэкет увидела и показала нам глубокую осень, упадок умирающего Марса, заброшенность Затерянных Городов, слабеющие сверхцивилизованные Старшие Расы так ярко, что породила одну из трех концепций, надолго определивших изображение Красной Планеты в НФ. Первые две концепции — это, конечно, «Барсум» (Barsoom) Эдгара Райса Берроуза и Марс Рея Брэдбери из «Марсианских хроник». (Марс Берроуза создавался под сильным влиянием и Брэкет, и Брэдбери, но хотя схожесть их представлений о Марсе очевидна — Марс Брэдбери и Марс Брэкет если не родные братья, то двоюродные, — вопрос о степени взаимного влияния Брэдбери и Берроуза, а также о том, *кто на кого* влиял, остается открытым: они тесно сотрудничали, обсуждая рассказы друг друга, и публиковали их приблизительно одновременно, иногда в одних и тех же журналах, начиная с 1941 года.) Трудно определить, что в позднейших книгах о Марсе идет от Брэкет, а что — от Брэдбери и Бэрроуза, и любое такое суждение будет в какой-то мере субъективным, но я полагаю, что влияние Марса Брэкет прослеживается, в частности, в знаменитой вещи Желязны «Роза для Экклезиаста», а может быть, даже и у Хайнлайна в романах «Красная планета» и «Чужак в чужой стране». Влияние Брэкет на Урсулу Ле Гуин несомненно, как и на писателей семидесятых, включая Джона Варли, Джорджа Р.Р. Мартина и Элизабет А.

Линн. Возможно, это влияние можно проследить и до девяностых, если посмотреть на работы Элеанор Арнасон. (Конечно, когда речь идет о писателях нового поколения, следует учесть возможность *опосредованного* влияния через книги Урсулы Ле Гуин, во многом определившие направление современной НФ.)

Нигде и никогда у Брэкет картина Марса не была дана более ясно и более концентрированно, чем в предлагаемом рассказе — глубоком, мрачном и печальном, в котором землянин, имеющий самые лучшие намерения, случайно становится причиной гибели невероятно древней цивилизации.

К середине пятидесятых Брэкет ушла в детективный жанр. Она писала сценарии для кино и телевидения («Рио-Браво», «Эльдорадо», «Хатари!», «Рио-Лобо» и «Долгое прощание». (Существует легенда, что Говард Хокс, прочитав ее роман «Нет добра от трупа», велел ассистенту «связаться с этим самым Брэкетом», чтобы «он» с Уильямом Фолкнером сделал свой первый полнометражный фильм «Большой сон» — классика 1946 года.) К середине семидесятых Брэкет ненадолго вернулась к научной фантастике и попыталась оживить своего прежнего героя, Эрика Джона Старка, в романах «Звезда с изюминкой», «Гончие Скейта» и «Корсары Скейта». Но к тому времени космические зонды определили, что в Солнечной системе нет планет, пригодных для жизни, и Брэкет чувствовала, что вынуждена оставить Марс, Венеру и Меркурий — сцену прежних подвигов Старка — и перенести действия на планеты других звезд. Почему-то оказалось, что это уже не то. Не было блеска наивной фантазии ранних романов, и серия скончалась, прожив всего три выпуска. Примерно в то же время писательница составила антологию рассказов из журнала «Planet Stories» — «Избранное из «Planet Stories» №1", которая, как следует из названия, предполагалась первой в серии антологий, но и эта

серия умерла, не дожив даже до второго выпуска. Последней работой Брэкет, оказавшей серьезное влияние на научную фантастику, был сценарий потрясающе успешного фильма «Империя наносит ответный удар», за который она посмертно получила «Хьюго» в 1980 году — единственную свою большую премию. Многочисленные рассказы Брэкет — лучшее, что она сделала в жанре НФ (за существенным исключением «Долгого завтра»), — выходили в сборниках «Пришествие Терран», «Хафлинг и другие рассказы» и «Избранное Ли Брэкет» — последний по времени, 1977 год. Почти все работы Брэкет сейчас не переиздаются.

Последние дни Шандакора*

1

В винный погребок вошел незнакомец в темно-красном плаще. Лицо его было скрыто низко надвинутым капюшоном. В дверях он на миг остановился, и одна из изящных темных хищниц, что всегда обитают в подобных местах, подошла к нему, позвякивая серебряными колокольчиками — кроме них на ней почти ничего не было.

Я видел, как женщина улыбнулась человеку в плаще. И вдруг улыбка застыла на ее лице, а с глазами как будто что-то случилось. Она больше не смотрела на незнакомца, она смотрела сквозь него, причем возникало странное впечатление, что он просто стал невидим.

---

* Leigh Brackett. «The Last Days of Shandakor». © Better Publications, Inc., 1952.

© Перевод. Рогулина А.Н., 2001.

Женщина прошла мимо. Я не заметил, подала ли она какой-нибудь знак окружающим, но вокруг незнакомца мгновенно образовалось пустое пространство. И никто на него не смотрел. Люди не отворачивались, они просто не замечали вошедшего.

Незнакомец начал пробираться сквозь толпу. Он был очень высоким и двигался с плавной и мощной грацией. Люди словно случайно отходили с его пути. Воздух казался густым от резких запахов и пронзительного смеха женщин.

Два высоких, сильно захмелевших варвара затеяли драку, вспомнив о какой-то давней межплеменной вражде, и ревущая толпа расступилась, чтобы очистить для них место. Серебряная свирель, барабан и местная арфа наполняли комнату древней дикой музыкой. Гибкие коричневые тела мелькали и кружились среди смеха, криков и дыма.

Незнакомец шел, не обращая внимания на шум, не касаясь никого, невидимый, одинокий. Проходя мимо, он взглянул в мою сторону — быть может, потому, что я один из всей толпы не просто видел его, а смотрел, не отрывая глаз. Его черные глаза сверкнули из-под капюшона, как горящие угли. В них читались страдание и гнев.

Я мельком увидел скрытое капюшоном лицо. Только мельком, но этого было достаточно. *Зачем ему понадобилось показывать мне свое лицо в барракешском винном погребке?*

Незнакомец прошел дальше. В темном углу, куда он направлялся, не было места, но оно немедленно образовалось: целое кольцо свободного места, отделяющий незнакомца от толпы ров вокруг замка. Я видел, как он сел и положил монетку на край стола. Подошла служанка, взяла монетку и поставила на стол кружку вина. Выглядело это так, будто она обслуживала пустой стол.

Я повернулся к Кардаку, своему главному погонщику, типичному *шани* с массивными плечами и гривой нестриженых волос, завязанных замысловатым узлом — знаком его племени.

— Что все это значит?

Кардак пожал плечами:

— Кто знает? — Он встал, приглашая меня последовать своему примеру. — Пойдем, Джонросс. Пора возвращаться в караван-сарай.

— У нас еще куча времени до выхода. И не лги мне, я не первый день на Марсе. Кто этот человек? Откуда он?

Барракеш — ворота между севером и югом. Давным-давно, когда на южном и экваториальном Марсе еще существовали океаны, когда Валкис и Джекарра были оплотом империи, а не воровскими притонами, через Барракеш, лежащий на краю Пустынных Земель, шли и шли в обе стороны огромные бесчисленные караваны, и так в течение многих тысячелетий. Барракеш всегда был полон чужеземцев.

На изъеденных временем каменных улочках можно встретить высоких келшиан — жителей холмов, кочевников с высоких равнин Верхнего Шана, темнокожих поджарых южан, выменивающих сокровища разграбленных храмов, прожженных бродяг космоса из Кахоры и торговых городов, где есть космопорты и прочие блага современной цивилизации.

Незнакомец в красном плаще не был похож ни на кого из них.

Лишь на миг он показал мне свое лицо, но я — планетарный антрополог. Предполагалось, что я составляю этнологическую карту Марса. Я действительно этим занимался и даже чудом сумел получить грант от Земного Университета, где никто не сообразил, как безнадежна эта задача на Марсе с его необозримой историей.

В Барракеше я готовился к годичной экспедиции по изучению племен Верхнего Шана. И тут мимо меня проходит человек с золотистой кожей и не по-марсиански черными глазами, человек, лицо которого не принадлежит ни к одному из известных мне типов. Оно немного напоминало каменные лица фавнов.

— Время идти, Джонросс, — повторил Кардак.

Я посмотрел на незнакомца, пьющего свое вино в молчаливом одиночестве.

— Ладно, спрошу у него самого.

Кардак вздохнул:

— Земляне обделены мудростью...

Он повернулся и ушел, оставив меня одного.

Я пересек комнату и подошел к незнакомцу. Очень учтиво на древнем марсианском языке, которым пользуются во всех городах Нижних Каналов, я спросил у него разрешения присесть.

Незнакомец посмотрел мне прямо в глаза своим гневным страдающим взглядом. В нем горели ненависть, презрение и стыд.

— Какого ты племени, человек?

— Я землянин.

Он повторил это слово с таким видом, будто слышал его раньше и пытается вспомнить, что же оно значит:

— Землянин... Тогда правду разносят ветры пустыни о том, что Марс мертв и люди других миров оставляют следы в его пыли.

Чужак оглядел винный погребок и всех тех, кто не признавал его существования.

— Перемены, — прошептал он. — Смерть и перемены. Ничто не вечно.

Мускулы на лице незнакомца напряглись. Он выпил, и теперь я заметил, что пьет он уже давно — несколько дней, а быть может, и недель. Тихое безумие владело им.

— Почему люди избегают вас?

Он засмеялся сухо и горько:

— Только человек с Земли может не знать ответа.

Новая, неизвестная раса! — думал я. Я грезил о славе, которая ждет человека, открывшего что-то новое, о Кресле (с большой буквы!) заведующего кафедрой, которое станет моим, если я добавлю еще одну яркую страницу в призрачную мозаику марсианской истории. К тому времени я уже немного перебрал. Кресло мне виделось высотой в милю и из чистого золота.

— Я побывал, наверное, во всех трактирах, какие есть в этой пыльной дыре под названием Барракеш. Везде одно и то же — меня больше нет. — Под тенью капюшона блеснu-

ли белые зубы. — Мой народ... они были мудрее. Когда умрет Шандакор, мы все умрем, и не важно, живы ли наши тела.

— Шандакор? — спросил я. Это имя прозвучало как звон дальних колоколов.

— Откуда землянину знать? Да, Шандакор! Спроси у людей из Келша и Шана! Спроси королей Мекха, там, за полсвета отсюда! Спроси у всех людей на Марсе — они не забыли Шандакор! Но тебе они ничего не скажут. Это имя для них — горечь и стыд.

Он смотрел поверх толпы, клубящейся в тесной комнате и выплескивавшейся на шумную улицу.

— И вот я здесь, среди них — погибший.

— Шандакор мертв?

— Умирает. Нас было трое — тех, кто не хотел умирать. Мы пошли на юг через пустыню. Один повернул назад, один погиб в песках, а я пришел сюда, в Барракеш.

Металлический кубок согнулся в руках незнакомца.

— И вы жалеете, что пришли, — произнес я.

— Мне надо было остаться и умереть вместе с Шандакором. Теперь я знаю. Но вернуться не могу.

— Почему?

Я все думал, как будет смотреться имя Джона Росса среди начертанных золотом имен первооткрывателей.

— Пустыня велика, землянин. Слишком велика для одиночки.

И тогда я сказал:

— Мой караван сегодня ночью уходит на север.

Глаза моего собеседника полыхнули странным смертельным огнем, таким, что я даже испугался.

— Нет, — прошептал он. — Нет!

Я сидел молча, глядя на толпу, забывшую обо мне, потому что я сел рядом с незнакомцем. Новая раса, думал я, неизвестный город. И я был пьян.

После долгого молчания незнакомец спросил меня:

— Что нужно землянину в Шандакоре?

Я рассказал ему, и он рассмеялся.

— Ты изучаешь людей! — сказал он и снова засмеялся, да так, что красный плащ пошел рябью.

— Если вы хотите вернуться, я возьму вас с собой. Если нет — скажите мне, где находится Шандакор, и я найду его. Ваша раса и ваш город должны занять свое место в истории.

Он ничего не ответил, но вино сделало меня проницательным, и я мог видеть, что творится у него в душе. Я поднялся с места.

— Имейте в виду. Вы можете найти меня в караван-сарае у северных ворот до восхода малой луны.

— Подожди. — Незнакомец схватил меня за руку и больно стиснул.

Я взглянул на его лицо, и мне не понравилось то, что я там увидел. Но, как сказал Кардак, я обделен мудростью.

— Твои люди, — сказал незнакомец, — не пойдут дальше Колодцев Картедона.

— Тогда мы пойдем без них.

Долгая-долгая пауза. Затем он промолвил:

— Да будет так.

Я знал, о чем думает незнакомец, так же ясно, как если бы он произнес это вслух. Он думал, что я всего лишь землянин и что он убьет меня, как только покажется Шандакор.

2

У Колодцев Картедона караванные пути разветвлялись. Один шел на запад, в Шан, другой — на север, в ущелья Дальнего Кеша. Но был еще и третий, самый древний; он шел на восток и был совершенно заброшен. Глубокие вырубленные в скалах колодцы высохли. Исчезли поглощенные дюнами каменные навесы. Задолго до того, как дорога достигала подножия гор, пропадали всякие воспоминания о воде.

Кардак вежливо отказался идти за Колодцы. Он подождет меня здесь, сказал погонщик, подождет достаточно дол-

го, и, если я вернусь, мы пойдем в Шан. Если нет — что ж, причитающаяся ему плата находится у местного вождя; он заберет деньги и отправится домой. Кардаку не понравилось, что я взял с собой незнакомца. Он удвоил цену.

За весь долгий путь от Барракеша до Колодцев я не смог вытянуть ни слова о Шандакоре ни из Кардака, ни из его людей. Незнакомец тоже молчал. Он сообщил мне только свое имя — Корин — и ничего больше. Завернувшись в свой плащ с капюшоном, чужак ехал один и размышлял. Душу его терзали все те же страсти, к ним лишь прибавилась еще одна — нетерпение. Он загнал бы нас всех до смерти, если бы я это позволил.

Итак, мы с Корином вдвоем отправились на вооток от Картедона, ведя в поводу двух марсианских мулов и столько воды, сколько могли унести. И теперь я уже был не вправе его сдерживать.

— У нас нет времени останавливаться, — говорил Корин. — Остались считанные дни. Время не ждет.

Когда мы достигли гор, из четырех мулов у нас оставалось только три, а первый гребень мы пересекли уже пешком, и весь оставшийся запас воды легко нес последний мул.

Теперь мы шли по дороге. Местами прорубленная в скалах, местами протоптанная, она вела все дальше и дальше, через нагие безмолвные горы. И никого вокруг — только красные скалы, которые ветер сделал похожими на лица.

— Здесь проходили великие армии, — сказал Корин. — Короли и караваны, нищие и рабы из людских племен, певцы, танцовщицы и княжеские посольства. Дорога в Шандакор.

Мы мчались вперед как сумасшедшие.

Последний мул сломал себе шею, оступившись на скользких камнях. Единственный оставшийся мех с водой мы понесли сами. Это была не слишком тяжелая ноша, и чем дальше, тем легче она становилась. Под конец воды оставалось лишь несколько капель.

Однажды днем, задолго до заката, Корин внезапно сказал:

— Остановимся здесь.

Дорога перед нами круто поднималась вверх. Вокруг царило все то же безмолвие. Корин уселся на занесенный пылью дорожный камень. Я тоже присел, стараясь держаться подальше от него. Я внимательно следил за ним, но он молчал, и лицо его было скрыто капюшоном.

В узком глубоком ущелье постепенно сгущались тени. Полоска неба над головой засветилась шафраном, потом багрянцем, а потом на небе показались яркие холодные звезды. Ветер продолжал точить и полировать камень, бормоча про себя свои жалобы, — стародавний одряхлевший ветер, вечно недовольный собой. Едва слышалось сухое щелканье падающих камешков.

Моя рука под плащом сжимала холодную сталь пистолета. Стрелять мне не хотелось. Но не хотелось и умирать здесь, на безмолвной дороге, по которой в незапамятные годы проходили армии, короли и караваны.

Луч зеленоватого лунного света пополз по стенам ущелья. Корин поднялся.

— Я дважды ошибся. Теперь наконец я понял, в чем правда.

— Ты о чем?

— Я думал, что смогу убежать от смерти. Это была ошибка. Потом решил, что смогу вернуться и разделить общую участь. Но и тут я ошибался. Теперь я вижу правду. Шандакор умирает. Я бежал от смерти, которая ожидает город и весь мой народ. Это бегство покрыло меня вечным позором — я никогда не смогу вернуться назад.

— Что же ты будешь делать?

— Я умру здесь.

— А я?

— Не думал же ты, — произнес Корин тихо, — что я позволю чужестранцу прийти и смотреть, как умирает Шандакор?

Я рванулся с места первым и бросился ничком на пыльные камни дороги, не зная, какое оружие он может прятать в складках своего темно-красного плаща. Что-то полыхнуло

светом и пролетело над моей головой с шипением и грохотом, а в следующий момент я уже бросился Корину под ноги. Он упал, а я навалился на него сверху.

Корин упорно сопротивлялся — мне пришлось дважды стукнуть его головой о камень, прежде чем я смог отобрать у него маленькую смертоносную игрушку из металлических стержней и отбросить ее подальше. Больше никакого оружия у него не было — только кинжал. Его я тоже отобрал. Потом встал на ноги.

— Я отнесу тебя в Шандакор.

Корин лежал тихо — неподвижная фигура, завернутая в разорванный плащ. Дыхание со свистом вырывалось из его груди.

— Да будет так, — прошептал он. А потом попросил воды.

Я подошел к меху с водой и встряхнул его, надеясь, что там осталась хотя бы чашка. Я не слышал, как Корин пошевелился. Все было проделано беззвучно, с помощью какого-то острого украшения. Я принес ему воду — нашу последнюю воду — и попытался приподнять его. Он встретил меня удивительным сияющим взглядом и прошептал три слова на неизвестном мне языке. Потом он умер.

Я опустил тело на камни. Кровь Корина стекала в дорожную пыль. И даже в свете луны было заметно, что это не человеческая кровь.

Я долго сидел неподвижно, охваченный какой-то странной слабостью. Потом откинул с головы Корина темно-красный капюшон. У него была очень красивая голова. Я никогда не видел ее раньше — иначе не пошел бы вдвоем с ним в горы. Я многое понял бы, если бы мне раньше довелось взглянуть на этот череп. Ни за какую славу и ни за какие богатства я не пошел бы в Шандакор.

Череп был узким и куполообразным, очень изящно слепленным. Сверху он был покрыт короткими вьющимися волокнами, отливавшими металлом в серебряном свете луны. Они пошевелились под моей рукой, реагируя на прикосновения чужака, — маленькие, шелковистые, похожие на

электрические провода. А когда я отнял руку, блеск угас, и фактура волокон изменилась.

Я вновь прикоснулся к голове Корина, но на этот раз волокна уже не шевелились. Уши у него были острые, с маленькими серебристыми кисточками на концах. Уши, руки и грудь были покрыты чем-то вроде чешуек — сияющая пыльца на золотистой коже. Я осмотрел его зубы — они тоже не были человеческими.

Теперь-то я понял, почему Корин рассмеялся, когда услышал, что я изучаю людей.

Было очень тихо. Я слышал, как катятся с утесов маленькие камешки, как шуршит пыль, стекая вниз по трещинам. Колодцы Картедона остались далеко позади. Слишком далеко для пешего путника с единственной чашкой воды.

Я посмотрел на узкую крутую дорогу впереди. Посмотрел на Корина. Поднялся холодный ветер, лунный луч угасал. Мне не хотелось оставаться в темноте наедине с Корином.

Тогда я встал и пошел по дороге, ведущей в Шандакор.

Подъем был крутым, но не длинным. Наверху дорога прошла между двумя скальными выступами. За этими естественными воротами, далеко внизу, в свете двух маленьких, быстро бегущих по небу марсианских лун лежала горная долина.

Когда-то вокруг высились покрытые снегом вершины. В черных и красных скалах гнездились летающие красноглазые ящеры, похожие на ястребов. Чуть ниже скал горы были покрыты лесом — багряным, зеленым и золотистым, а внизу, на дне долины, лежало черное озеро. Но то, что открылось моему взору, было мертвой долиной. Пики обрушились, леса исчезли, а озеро превратилось в черную яму в голой скале.

И среди этого запустения стоял город-крепость, сияя мягкими разноцветными огнями.

Черные массивные стены не давали прохода наползающей пыли, а внутри них был оазис — остров жизни. Ни одна из высоких башен не была разрушена. Между ними горели огни, а на улицах города кипела жизнь.

Живой город — а Корин сказал, что Шандакор умирает. Богатый, полный жизни город.

Я ничего не понимал. Но я знал одно: те, кто ходит сейчас по далеким улицам Шандакора, не люди.

Я стоял и глядел вниз, дрожа на холодном ветру. Яркие огни города манили к себе, хотя было что-то неестественное в этой освещенной ярким светом жизни среди мертвой долины. А потом я подумал, что, люди они или нет, обитатели Шандакора могут продать мне воды и мула, чтобы нести эту воду, и тогда я выберусь отсюда и вернусь назад, к Колодцам.

На спуске дорога стала шире. Я беззаботно шел по самой ее середине. Внезапно откуда-то появились двое и преградили мне путь.

Я вскрикнул и отпрыгнул назад. Меня прошиб холодный пот, сердце отчаянно заколотилось. В лунном свете блеснули мечи, а загородившие мне путь рассмеялись.

Один был высоким рыжеволосым варваром из Мекха — чтобы попасть в его родные края, надо пройти на восток почти полпланеты. Другой — смуглый и худощавый — был жителем Таарака, который находится еще дальше.

Я был напуган, разозлен и потрясен, поэтому задал им глупейший вопрос:

— Что вы тут делаете?

— Мы ждем, — ответил человек из Таарака. Он сделал плавный жест рукой, указывая на темные склоны долины. — Из Кеша и Шана, из всех стран Норланда и с Границ собрались люди и ждут. А ты?

— Я заблудился, — сказал я. — Я землянин и не хочу ни с кем ссориться.

Меня все еще трясло, но теперь уже от облегчения. Мне не придется идти в Шандакор! Раз здесь собралась целая армия, значит, есть и припасы, а стало быть, можно приобрести все необходимое у варваров.

Я рассказал им, что мне нужно.

— Я заплачу за все, хорошо заплачу!

Они переглянулись.

— Хорошо. Пойдем, ты сможешь поторговаться с вождем.

Мы пошли: я в середине, они — по краям. Но не сделали мы и нескольких шагов, как я уже лежал лицом в пыли, а оба варвара набросились на меня, как дикие коты. Когда они закончили обыск, к ним перешло все, чем я владел, не считая нескольких предметов одежды, которые им были не нужны. Я встал, выплевывая кровь изо рта.

— Для пришельца, — сказал человек из Мекха, — ты дерешься неплохо.

Он несколько раз подбросил на ладони мой кошелек, прикидывая вес, потом протянул мне кожаную фляжку со своего пояса.

— Пей, — сказал он. — В этой малости я не могу тебе отказать. Но нашу воду приходится привозить сюда из-за гор, и у нас нет излишков, чтобы тратить их на землянина.

Я был не гордым и осушил фляжку, раз уж ему так этого хотелось. А человек из Таарака произнес, ухмыляясь:

— Ступай в Шандакор. Может быть, они дадут тебе воды.

— Но вы забрали мои деньги!

— Они все богачи там, в Шандакоре. Им не нужны деньги. Пойди попроси у них воды!

Они стояли и смеялись над своей непонятной шуткой, и мне не нравился этот смех. Я готов был убить обоих и сплясать на их останках, но они не оставили мне никакого оружия, а что я мог сделать голыми руками? Поэтому я повернулся и ушел, а они скалились надо мной в темноте.

Дорога вела вниз и дальше, по дну долины. Я чувствовал на себе взгляды часовых, наблюдавших за мной со всех склонов в слабом свете лун. Стены города становились все выше и выше, они скрыли все, кроме вершины самой высокой башни, увенчанной странным приплюснутым шаром. Во все стороны из него торчали какие-то кристаллические стержни. Шар медленно вращался, и кристаллы поблескивали чуть заметными белыми искрами.

Мощеная дорожка стала подниматься к Западным воротам. Я шел вперед медленно и неохотно. Теперь было вид-

но, что ворота открыты. Открыты — в осажденном-то городе!

Некоторое время я простоял, пытаясь решить эту загадку — армия, которая не атакует, и город с распахнутыми воротами. Но так ничего и не понял. На стенах было полно солдат, сидевших, лениво развалясь, под яркими знаменами. Внутри, за воротами, бродило множество людей, но все они были заняты своими собственными делами. Их голосов не было слышно.

Я заставил себя приблизиться к воротам. Ничего не произошло. Часовые не окликнули меня, никто не заговорил.

Вы знаете, как нужда заставляет человека поступать против собственной воли и здравого смысла?

Я вошел в Шандакор.

3

За воротами оказалась квадратная площадь, открытое пространство, способное вместить целую армию. Со всех сторон ее окружали палатки купцов с навесами из дорогих тканей, а товаров таких Марс не видал уже много веков.

Там были фрукты, вина и пряности, редкие меха и неблекнущие краски, секрет которых давно утерян, изысканные ткани и мебель из древесины вымерших деревьев. В одной из палаток торговец с дальнего юга продавал церемониальный коврик, сплетенный из блестящих длинных волос девственниц, — новый, совершенно новый!

Все купцы были людьми. Одни принадлежали к известным мне народам, о других я хотя бы слышал. Об остальных понятия не имел.

В толпе, клубившейся вокруг палаток, тоже были люди: купцы, пришедшие заключить сделки, рабы, которых вели на аукцион. Но людей было немного. А остальные...

Я стоял, вжавшись в темный угол ворот, и холод пронизывал меня с головы до ног — холод, причиной которому был не только ночной ветер.

Лордов Шандакора с золотистой кожей и серебряным гребнем на голове я теперь знал благодаря Корину. Я говорю «лордов», потому что они держали себя как лорды, гордо проходя по своему городу в окружении рабов человеческой расы. А те люди, что не были рабами, почтительно уступали им дорогу. Они знали, какую честь им оказали, позволив войти в город.

Все женщины Шандакора были очень красивы — изящные золотистые эльфы с лучистыми глазами и острыми ушками. Но были еще и другие — какие-то стройные создания с огромными крыльями. Одни гибкие и пушистые, другие, наоборот, лысые и безобразные — они даже летали как-то неровно, зигзагами, а были и такие странные формы, об эволюции которых я и предположить ничего не мог.

Вот они — давно исчезнувшие с лица планеты народы. Древние расы, чья гордость и сила остались лишь в полузабытых легендах, в рассказах стариков марсианских захолустий. Даже я, специалист по антропологической истории, слышал об этих народах только обрывки легенд и сказаний — так на Земле помнят гигантов и сатиров.

Однако все они были здесь. Причудливые тела их были увешаны роскошными украшениями, им прислуживали обнаженные рабы-люди в кандалах из драгоценных металлов. И купцы склонялись перед этими созданиями так же низко, как перед соплеменниками Корина.

Кругом горели разноцветные огни — но не факелы, к которым я уже успел привыкнуть на Марсе: холодным светом сияли хрустальные шары. Стены окружавших торговую площадь зданий были облицованы редкими сортами мрамора, а венчавшие их башенки инкрустированы бирюзой и киноварью, янтарем, нефритом и удивительными кораллами южных морей.

Обладатели великолепных нарядов и обнаженные рабы кружились в пестром водовороте торговых рядов. Они покупали и продавали, и я видел, как раскрываются их рты, видел, как смеются женщины, однако на всей огромной площади не было слышно ни звука. Ни голоса, ни шарка-

нья ног, ни звона доспехов. Стояла мертвая тишина, тишина покинутого города.

Я начал понимать, почему не было нужды закрывать ворота. Ни один суеверный варвар не отважится войти в город призраков.

А я... я цивилизованный человек. Я ученый. И все же, если бы не жестокая нужда в воде и провизии, я стремглав убежал бы прочь. Но бежать мне было некуда, и потому я остался, цепенея от липкого страха.

Кто они, эти безмолвные создания? Призраки? Отражения? Люди и нелюди, древние, горделивые, давно забытые существа... что означает их присутствие здесь? Может, это какая-то странная форма жизни, о которой я ничего не знаю? Способны ли они видеть меня так же ясно, как я вижу их? Есть ли у них собственная воля, собственные мысли?

В пользу их существования говорило то прозаическое занятие, которому они с таким пылом предавались. Призраки не торгуют. Они не дарят своим женщинам драгоценные ожерелья, не спорят о цене кованых доспехов.

Такое основательное занятие — и мертвая тишина. Это было ужасно. Если бы я услышал хоть один живой звук...

«Город умирает, — сказал Корин. — Остались считанные дни». А что, если их уже не осталось? Что, если город умер и я один среди каменных стен, в лабиринте незнакомых улиц и переходов, один среди всех этих огней и призраков?

Скверная штука — ужас в чистом виде. Его-то я и испытывал.

Медленно и осторожно я начал продвигаться вдоль стены. Мне хотелось уйти подальше от оживленной площади. Вот лысое летучее создание покупает девочку-рабыню — рот девочки раскрылся в беззвучном крике. Я отчетливо видел каждый мускул на ее лице, видел, как судорожно дергается горло. И ни единого звука.

Я нашел улицу, ведущую параллельно городской стене, и двинулся вдоль нее. В освещенных окнах мелькали человеческие фигуры. Иногда кто-нибудь проходил мимо, и я

прятался. По-прежнему стояла мертвая тишина. Я осторожно передвигал ноги, стараясь не шуметь. Почему-то мне пришло в голову, что если я наделаю шума, то случится что-то ужасное.

Навстречу прошла компания купцов. Я отступил назад, в проем арки, и внезапно из-за моей спины появились три увешанные блестящими побрякушками женщины из караван-сараев. Я попал в ловушку.

Мне не хотелось, чтобы ко мне прикасались эти безмолвные смеющиеся женщины, поэтому я отскочил назад, на улицу, и все купцы повернули головы в мою сторону. Я решил, что они заметили меня, и остановился. Женщины подошли ближе. Тела их были расписаны узорами, блестели красные губы, сверкали накрашенные глаза. Они прошли сквозь меня.

Я закричал — во всю силу своих легких. А женщины пошли дальше. Они заговорили с купцами, купцы рассмеялись, и все вместе двинулись куда-то вдоль по улице. Они меня не видели и не слышали. А когда я оказался у них на пути, они меня не заметили — я был для них не плотнее облака.

Я сел прямо на каменную мостовую и долго сидел, пытаясь собраться с мыслями. Мужчины и женщины проходили через меня, как будто я был бесплотной тенью. Я пытался вспомнить ощущение внезапной боли, которая могла бы послужить причиной моей смерти, — так мгновенно и незаметно убивает попавшая в спину стрела. Ибо из всего следовало, что призрак — это я.

Но вспомнить не удавалось. Мое тело было так же материально, как камни, на которых я сидел. Это были очень холодные камни, и именно холод согнал меня наконец с места. Больше не было причин прятаться, поэтому я шел по самой середине улицы и постепенно привыкал не уступать никому дороги.

Снова передо мной выросла стена — она шла под прямым углом к первой обратно в город. Я зашагал вдоль нее, и вскоре стена плавно повернула и снова вывела меня на

торговую площадь — к дальнему от входа концу. Там были еще одни ворота, отделявшие торговую площадь от остального города. Древние свободно проходили внутрь, но ни один человек не приближался к воротам — только рабы. Я понял, что нахожусь в гетто — районе, отведенном для людей, прибывших в Шандакор с караванами.

Я вспомнил, как относился ко мне Корин, и подумал, что жители города вряд ли придут в восторг от моего вторжения, при условии, конечно, что я все еще жив, а в Шандакоре есть жители, для которых я — не призрак.

Посреди площади стоял фонтан. Струи воды рассыпались брызгами в свете разноцветных огней и падали вниз, в широкий каменный бассейн. Мужчины и женщины подходили и пили эту воду. Я тоже подошел, но когда опустил руки в бассейн, то почувствовал, что он давно высох и наполнен пылью. Когда я поднял руку, пыль вытекла между пальцами. Я видел ее очень отчетливо — но воду я тоже видел. Какой-то ребенок подбежал и начал брызгать водой в прохожих. Сорванца наказали, он заплакал, и все это — без единого звука.

Я покинул площадь и прошел через запретные для людей ворота.

Там были широкие улицы. Там были деревья и цветы, просторные парки и окруженные садами виллы, высокие и великолепные. Там был гордый, прекрасный город, древний, но не разрушенный, красивый, как Афины в пору расцвета, только гораздо богаче и совсем непохожий на земные города. Можете себе представить, каково это — бродить в безмолвной толпе, где нет ни единого человека, и видеть совершенно чужой город во всей его славе?

Башни из нефрита и киновари, золотые минареты, огни и цветные шелка, радость и сила. О народ Шандакора! Как бы далеко ни были сейчас их души, они никогда не простят меня.

Не знаю, как долго я бродил. Мой страх почти исчез, уступив место восхищению тем, что я видел вокруг. И вдруг среди мертвой тишины я услышал звук — тихое шарканье обутых в сандалии ног.

4

Я остановился, где был, на середине площади. Высокие лорды с серебряными гребнями пили вино в тени темных деревьев; несколько крылатых девушек, прекрасных, как лебеди, исполняли какой-то странный танец, больше похожий на полет. Я огляделся — вокруг полно народу. Как же узнать, кто из них шумел?

Тишина.

Я повернулся и побежал по мраморной мостовой. Я бежал со всех ног, потом остановился, прислушиваясь. Снова это тихое шарканье, не более чем шепот, легкий и еле заметный. Я завертелся на месте, однако звук затих. Все те же призраки беззвучно бродили по площади, танцоры кружились и раскачивались, простирая белые крылья.

Кто-то наблюдал за мной. Одна из безразличных теней на самом деле не была тенью.

Я двинулся дальше. Несколько широких улиц разбегались в разные стороны от площади — я выбрал одну из них и попробовал идти, меняя скорость. Дважды или трижды мне удавалось услышать эхо чьих-то чужих шагов. В какой-то момент я понял, что шумели нарочно. Кто бы за мной ни шел, он делал это беззвучно, смешавшись с толпой молчаливых призраков, полностью скрытый толпой, — и шумел он только затем, чтобы я знал о его присутствии.

Я попытался заговорить с ним, но в ответ услышал лишь гулкое эхо своего собственного голоса, отражавшегося от каменных стен. Все вокруг были заняты своими делами, никто и не думал мне отвечать.

Я стал бросаться на прохожих с расставленными руками — каждый раз в моих объятиях оставался один только воздух. Я хотел спрятаться, но не мог найти укрытия.

Улица оказалась очень длинной, но таинственный преследователь не отставал. В окнах домов горел свет, мелькали чьи-то лица... Стояла могильная тишина. Можно было, конечно, спрятаться в одном из этих зданий, но я не мог заставить себя

остаться в замкнутом пространстве стен наедине с безмолвными призраками.

Улица вывела меня на круглую площадь с огромной башней в центре. К ней стекались несколько таких же широких улиц. Эту башню с огромным вращающимся шаром наверху я уже видел. Куда теперь идти? Кто-то всхлипывал, и я понял, что этот кто-то — я сам. Я задыхался. Пот стекал по моему лицу и попадал в уголки рта, холодный и горький.

К моим ногам упал камешек, тихо щелкнув о мостовую.

Я бросился бежать. Меня гнал беспричинный ужас, как кролика, застигнутого на открытом месте. Раз пять я менял направление, потом остановился, прижавшись спиной к резной колонне. Откуда-то донесся смех.

Я закричал. Не помню, что было потом, но когда я замолчал, то опять остался один среди безмолвной призрачной толпы. Только теперь мне казалось, будто вокруг звучит неразличимый для уха шепот.

Второй камешек стукнулся о колонну над моей головой. Третий попал в меня. Снова раздался смех, и я побежал.

И опять — множество улиц, огней, лиц. Это были странные лица странных существ, и ночной ветер развевал их одежды и алые занавеси носилок. Проезжали красивые экипажи, похожие на колесницы, — их везли животные. Все это проходило через меня как туман, как дым, беззвучно и неосязаемо. Смех преследовал меня всюду, и я бежал.

Четверо жителей Шандакора загородили мне дорогу. Я продолжал бежать, но их тела сопротивлялись, их руки схватили меня...

Я пытался сопротивляться, но внезапно стало очень темно.

Тьма окутала меня и повлекла куда-то. Вдали слышались голоса. Один из них был звенящим и молодым, очень похожим на тот смех, который гнал меня по улицам. Я возненавидел звук этого голоса, так возненавидел, что попытался вырваться из тащившей меня черной реки. Яркий свет, звук и не желающая уступать тьма вихрем закружились вокруг, а потом все успокоилось, и мне стало стыдно за свою слабость.

Я находился в комнате. Она была большая, очень красивая и очень древняя — первое увиденное мной в Шандакоре

место, имевшее по-настоящему древний вид. По-марсиански древний — эта комната существовала уже тогда, когда земная история еще не началась. И пол, выложенный неизвестным мне великолепным камнем цвета безлунной ночи, и бледные тонкие колонны, поддерживавшие сводчатый потолок, — все было отшлифовано временем. Роспись на стенах потемнела и потускнела, а ковры, яркими пятнами выделявшиеся на темном полу, были истерты до толщины шелка.

В комнате стояли и сидели мужчины и женщины древнего народа Шандакора. Но в отличие от уличных прохожих эти дышали, разговаривали и были живыми. Одна из них, девочка-подросток со стройными ногами и маленькими острыми грудками, прислонилась к колонне недалеко от меня. Ее черные глаза, полные пляшущих огоньков, не отрывались от моего лица. Увидев, что я очнулся, она улыбнулась и бросила мне под ноги камешек.

Я поднялся с пола. Мне хотелось встряхнуть это золотистое тело, хотелось заставить ее кричать от боли. А девочка сказала на древнемарсианском языке:

— Ты — человек? Никогда раньше не видела человека так близко!

— Тихо, Дуани.

Мужчина в темном плаще подошел и встал рядом со мной. Оружия у него, похоже, не было, но оно было у остальных, и, вспомнив смертоносную игрушку Корина, я взял себя в руки и не стал ничего предпринимать.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он меня.

Я рассказал о себе и о Корине, умолчав лишь о той стычке, которая предшествовала его смерти. Рассказал, как меня ограбили варвары.

— Они послали меня сюда, — закончил я, — просить у вас воду.

Кто-то безрадостно засмеялся. Мужчина сказал:

— Над тобой зло пошутили.

— Но вы же можете выделить мне немного воды и мула!

— Все наши животные давно убиты. А что касается воды... — Он помолчал и горько спросил: — Разве ты не понял? Мы все здесь умираем от жажды!

Я взглянул на него, на лукавого бесенка по имени Дуани, на остальных мужчин и женщин в комнате.

— По виду не скажешь!

— Ты видел людские племена, собравшиеся подобно волкам на склонах холмов. Как ты думаешь, чего они ждут? Год назад они нашли и перерезали подземный водопровод, снабжавший Шандакор водой с полярной шапки. Теперь все, что им нужно, — это терпение. И их время почти пришло. Запас воды в наших цистернах подходит к концу.

Я разозлился на эту покорность.

— Почему же вы остаетесь здесь умирать, как мыши в мышеловке? Вы могли бы сражаться, могли бы выйти отсюда! Я видел ваше оружие!

— Наше оружие очень старое, а нас самих — лишь малая горстка. И потом, пусть даже кто-нибудь и выживет — напомни мне еще раз, землянин, как жил Корин в мире людей? — Мужчина покачал головой. — Когда-то, во времена своего расцвета, Шандакор был великим городом. Людские племена со всего света платили нам дань. Мы — лишь тень своей великой расы, но мы ничего не станем просить у людей!

— Кроме того, — тихо сказала Дуани, — где же еще нам жить, если не в Шандакоре?

— А кто эти, другие? — спросил я. — Те, что молчат?

— Они — прошлое, — ответил мужчина в темном, и его голос прозвучал как далекие трубы.

Яснее не стало — я вообще ничего не понимал. Но не успел я задать следующий вопрос, как вперед выступил другой мужчина:

— Рул, он должен умереть.

У Дуани задрожали кисточки на ушах, а серебристые кудри встали дыбом.

— Нет, Рул! — закричала она. — Ну хотя бы не сейчас!

Остальные зашумели; я услышал звуки непонятной скачущей речи, которая существовала еще тогда, когда людских наречий не было и в помине.

Тот, кто подошел к Рулу, повторил:

— Он должен умереть. Ему нет места здесь. И мы не можем тратить на него воду.

— Я могу поделиться с ним своей, — сказала Дуани. — Пока.

Я не хотел принимать ее подачек, о чем немедленно и сообщил:

— Я пришел сюда за необходимыми мне припасами. У вас их нет, поэтому я уйду. Все очень просто!

Да, варвары отказались продать мне воду и мула, но всегда можно попытаться украсть.

Рул покачал головой:

— Боюсь, что все совсем не просто. Нас здесь только горстка. Уже многие годы единственной защитой нам служат живые тени прошлого, которые бродят по улицам и стоят на стенах. Варвары верят этим чарам. Но если ты войдешь в Шандакор и выйдешь отсюда, варвары поймут, что тени не могут убивать. Тогда им незачем будет ждать.

Я был испуган и ответил почти сердито:

— А какая вам разница? Вы же все равно собираетесь умереть в ближайшее время!

— Но мы умрем так, как хотим, землянин, и тогда, когда захотим. Возможно, ты, человек, не можешь этого понять. Это вопрос гордости. Закат древнейшей расы Марса будет таким же прекрасным, каким был рассвет.

Он отвернулся и кивнул головой — и без слов ясно: это означало «убейте его».

Я увидел, как они поднимают свое странное оружие.

5

Следующая секунда показалась мне вечностью. Я успел подумать о многом, но ничего хорошего в голову не приходило. Умереть в этом проклятом месте, где нет ни единого человека, где даже похоронить меня будет некому!..

И тут Дуани кинулась ко мне и обвила меня руками.

— Вы все только и думаете о смерти и великих вещах! — закричала она. — У всех у вас есть пары, кроме самых старых! А каково мне? Даже поговорить не с кем! Я так устала бродить в одиночестве по улицам и думать о том, что скоро умру! Можно я возьму его себе, хоть ненадолго? Я разделю с ним свою воду, я же говорила!

Так на Земле дети просят за беспризорную собаку. А как сказано в одной древней книге, «живой пес лучше мертвого льва». Я надеялся, что они позволят ей сохранить мне жизнь.

Так они и поступили. Рул бросил на Дуани взгляд, исполненный усталого сочувствия, и поднял руку.

— Подождите! — обратился он к тем, кто поднял оружие. — Я придумал, чем этот человек может быть нам полезен. У нас осталось так мало времени, что жаль терять даже малые его крохи, а мы должны постоянно следить за машиной. Пусть чужак выполняет за нас эту работу. К тому же человеку для жизни нужно очень мало воды.

Они обдумали это. Некоторые начали спорить — их волновало даже не то, что мне достанется их вода, а то, что человек вторгся в Шандакор в его последние дни. Корин говорил то же самое. Но Рул был очень стар. Кисточки на его ушах стали бесцветными, как стеклянные нити, время изрезало лицо многочисленными морщинами и оставило в награду горькую мудрость.

— Да, если это человек из нашего мира. Но перед нами — землянин, а люди с Земли станут новыми правителями Марса, такими же, как мы когда-то. И на Марсе их будут любить не больше, чем нас, потому что они такие же чужаки. Нет ничего страшного в том, что он увидит наш конец.

Это их удовлетворило. Думаю, они подошли так близко к концу, что им все уже было безразлично. По одному и по двое все стали покидать комнату. Они и так уже потеряли слишком много времени и спешили вернуться к тем чудесам, которые ждали на улицах. Несколько мужчин продолжали держать меня под прицелом, пока другие принесли драгоцен-

ные цепи вроде тех, что носили все рабы в этом городе. Они надели оковы на меня, и Дуани рассмеялась.

— Пойдем, — сказал Рул. — Я покажу тебе машину.

Мы вышли из комнаты и начали подниматься вверх по винтовой лестнице. В стенах зияли узкие амбразуры — выглянув в одну из них, я понял, что нахожусь на нижнем этаже той самой высокой башни с шаром наверху. Должно быть, меня отнесли обратно в башню, когда я сбежал от Дуани с ее смехом и камешками.

Я взглянул на ярко освещенные улицы, безмолвные и великолепные, и спросил у Рула, почему нет призраков в башне.

— Ты видел наверху шар с кристаллическими стержнями?

— Да.

— Мы находимся в тени его ядра. Должно быть какое-нибудь убежище, где мы могли бы взглянуть в глаза реальности. Иначе пропадет смысл грез.

Крутая лестница шла все вверх и вверх. Цепь на моих лодыжках музыкально позвякивала. Несколько раз я спотыкался об нее и падал.

— Ничего, — сказала Дуани. — Ты скоро привыкнешь.

Наконец мы поднялись в круглую комнату, где-то на самом верху башни. Я остановился и замер, уставившись на открывшуюся моим глазам картину.

Большая часть комнаты была занята хитросплетением металлических балок, поддерживавших огромную светящуюся ось. Ось выходила куда-то наверх через отверстие в потолке. Она была недлинной, но очень массивной и вращалась плавно и бесшумно. Еще несколько отверстий служили для дополнительных осей и вращавших их зубчатых колес. Через одно из них вела наверх приставная лесенка.

Ни на одной из металлических поверхностей не было видимых следов коррозии. Я не смог понять, что это за сплав, и спросил об этом Рула, но он лишь печально улыбнулся в ответ.

— Знаниями овладевают, — сказал он, — лишь затем, чтобы вновь их утратить. Даже мы, в Шандакоре, забыли.

Почти все марсианские народы обрабатывают металл. У них к этому особый талант, а поскольку они никогда не были и, по-видимому, не будут технической цивилизацией вроде той, что сложилась у нас, на Земле, они находят металлу такие применения, какие бы нам и в голову не пришли.

Но сооружение, которое я видел перед собой, было вершиной искусства металлообработки. А когда я осмотрел нижнюю часть машины — маленькую, очень простенькую силовую установку и систему передачи вращения с гораздо меньшим количеством движущихся частей, чем это, на мой взгляд, возможно, я проникся еще большим уважением к ее создателям.

— Сколько же ей лет?

И опять Рул покачал головой:

— Первой записи о ежегодном Посещении Призраков уже несколько тысячелетий, но это было не первое Посещение.

Он жестом показал мне, чтобы я поднялся по лесенке вслед за ним, и строго приказал Дуани оставаться внизу. Впрочем, она не послушалась.

Наверху была открытая огороженная платформа, прямо над которой и висел огромный шар с непонятными светящимися кристаллами. Под ногами у нас лежал яркий многоцветный ковер Шандакора, а на темных склонах долины расположилась многоплеменная армия — они ждали, когда погаснет свет.

— Когда не останется никого, чтобы следить за машиной, она остановится сама, и люди, которые ненавидели нас так долго, войдут в Шандакор и возьмут себе все, что хотят. Только страх сдерживает их все это время. Богатства всего мира стекались к нашему городу...

Рул посмотрел на шар.

— Да, — сказал он. — Мы владели знанием. У нас, наверное, было больше знаний, чем у всех народов Марса, вместе взятых.

— Но вы ими не поделились.

Рул улыбнулся:

— А ты отдал бы детям оружие, которым они могут тебя уничтожить? Мы подарили людям более совершенные плу-

ги и более яркие краски. Когда они изобретали свои машины, мы не препятствовали им. Но мы не стали искушать людей грузом чуждых знаний. Им вполне хватает мечей и копий — и удовольствия от битвы больше, и убитых меньше. Да и мир остался цел.

— А вы — как вы воевали?

— Мы защищали свой город. У людских племен нет ничего, чему мы могли бы позавидовать, поэтому нам незачем было на них нападать. А когда нападали они, мы побеждали.

Рул помолчал.

— Другие древние расы оказались более глупыми — или менее удачливыми. Они погибли давным-давно.

Он снова заговорил о машине:

— Она получает энергию прямо от солнца. Часть солнечной энергии преобразуется в свет и сохраняется внутри Шара. Другая часть передается вниз и используется для вращения оси.

— Что, если Шар остановится, пока мы все еще живы? — спросила Дуани. Она вздрогнула, глядя вниз, на освещенные улицы.

— Не остановится — если землянин хочет жить.

— А чего я добьюсь, если остановлю его? — спросил я.

— Ничего. Именно поэтому я тебе доверяю. Пока Шар вращается, варвары не доберутся до тебя. А когда мы уйдем, у тебя будет ключ к богатствам Шандакора.

Рул не сказал, как же я выберусь отсюда со всем этим богатством. Он снова указал мне на лестницу, но я спросил:

— А что такое Шар, Рул? Как он создает... Призраков?

Он нахмурился:

— Боюсь, то, что я могу рассказать тебе, — не истинное знание, а всего лишь предание. Наши мудрецы глубоко проникли в тайну природы света. Они узнали, что свет оказывает определенное влияние на твердую материю, и решили, что в силу этого эффекта камень, металл и кристаллические структуры должны сохранять «память» о том, что когда-то «видели». Почему это так, я не знаю.

Я не сделал попытки объяснить ему, что такое квантовая теория и фотоэффект, не стал рассказывать об опытах

Эйнштейна, Милликена и их последователей. Во-первых, я сам в этом плохо разбираюсь, а во-вторых, в древнемарсианском языке отсутствует необходимая терминология. Я только сказал:

— Мудрецы моего мира тоже знают, что свет, падая на поверхность, выбивает из нее маленькие частицы.

Я начал понимать, в чем тут дело. В электронной структуре металла «записаны» световые картинки, так же как на пластинках, которые мы изготовляем, записан звук, и нужно лишь подобрать правильную «иголку», чтобы прочитать эту запись.

— Они изготовили Шар, — сказал Рул. — Я не знаю, сколько поколений трудилось над ним, не знаю, сколько было проведено неудачных опытов. Но им удалось найти невидимый свет, который заставляет камни отдать свои воспоминания.

Иначе говоря, они нашли свою иголку. У меня не было способа узнать длины волн света, испускаемого кристаллами Шара. Но там, где этот свет падал на каменные стены и мостовые Шандакора, появлялись запечатленные в камнях образы — так считывающая игла может извлечь целую симфонию из маленького диска.

Интересно, как им удалось достичь выборочности и последовательности образов. Рул сказал что-то на тему о том, что «воспоминания» имеют разную глубину. Может, он имел в виду глубину проникновения. Камням Шандакора было уже много веков, верхние слои, должно быть, истерлись, и ранние «записи» могли перемешаться или превратиться в едва различимые обрывки.

Возможно, сканирующие лучи разделяли перекрывающиеся изображения по этой ничтожной разнице в их глубине... Как бы там ни было, призраки золотого прошлого бродили по улицам Шандакора, а последние представители его народа спокойно ждали смерти, вспоминая былую славу.

Рул снова отвел меня вниз и показал, в чем состоит моя задача — что и как смазывать какой-то странной смазкой и как

следить за силовыми кабелями. Я должен был находиться около машины большую часть своего времени, но не постоянно. В свободное время Дуани могла брать меня с собой, куда пожелает.

Старик ушел. Дуани прислонилась к балке и рассматривала меня с живым интересом.

— Как тебя звать? — спросила она.

— Джон Росс.

— Джонросс, — повторила девочка и улыбнулась. Она обошла вокруг меня, прикасаясь то к моим волосам, то к рукам и груди, радуясь как ребенок, когда обнаруживала очередное отличие между ней самой и тем, что мы зовем человеком.

И потекли дни моего плена.

6

И были дни и ночи, скудная пища и еще меньше воды. И была Дуани. И был Шандакор.

Страх я потерял. Доживу я до того, чтобы занять свое вожделенное Кресло, или нет, в любом случае здесь было на что посмотреть. Дуани была моей постоянной спутницей. Я с уважением относился к своим обязанностям — еще бы, ведь от этого зависела моя шея! — но оставалось время и для того, чтобы просто побродить по улицам, поглядеть на пышный карнавал жизни, которой не было, и почувствовать тишину и запустение, столь ужасающе реальные.

Я начинал понимать, что это была за культура и как народ Шандакора смог покорить весь мир, не прибегая к силе оружия.

Мы заходили в Зал Правительства — здание из белого мрамора с великолепными строгими фризами, — и я видел там церемонии выборов и коронации правителя. Мы посещали учебные заведения. Я видел молодых людей, обученных военному делу не хуже, чем мирным искусствам. Я

видел прекрасные сады и места развлечений: театры, форумы, спортивные площадки; видел кузницы и ткацкие станки, где мужчины и женщины Шандакора творили красоту, чтобы потом обменять ее на необходимые им вещи из мира людей.

Рабов людской расы продавали в Шандакор такие же люди. С ними хорошо обращались — как обращаются с полезным животным, которое стоит денег. Рабы выполняли свою работу, но это была лишь малая часть всех трудов Шандакора.

В Шандакоре делали вещи, каких не встретишь на всем остальном Марсе, — инструменты, ткани, украшения из металла и драгоценных камней, стекло и тонкий фарфор, — и народ Шандакора гордился своим искусством. Научные достижения они оставляли для себя — кроме тех, которые касались медицины, сельского хозяйства или архитектуры.

Они были законодателями и учителями. Люди брали то, что им давали, и ненавидели дающих. Как долго развивалась эта цивилизация, чтобы достичь такого расцвета, Дуани не могла мне сказать. Не знал и старый Рул.

— Известно, что у нас было правительство, письменность и система счета задолго до того, как они появились у людей. Мы унаследовали все это у другой, более древней расы. Не знаю, правда это или легенда.

В дни своего расцвета Шандакор был огромным процветающим городом, насчитывавшим десятки тысяч жителей. И никаких признаков нищеты и преступности. Во всем городе я не смог найти ни одной тюрьмы.

— За убийство карали смертью, — сказал Рул, — но случались убийства крайне редко. А воровали только рабы — мы до этого не унижались.

Он взглянул на мое лицо и снисходительно улыбнулся:

— Удивляешься — огромный город, где нет ни преступников, ни потерпевших, ни тюрем?

Я должен был признать, что действительно удивлен:

— Хоть вы и древняя раса, мне все равно непонятно, как вам это удалось. Я изучаю культуру — здесь и в своем родном мире. Я знаю все теории развития цивилизации, я ви-

дел образцы, подтверждающие эти теории, но вы не подходите ни под одну из них!

Улыбка Рула стала шире.

— Хочешь знать правду, человек? — спросил он.

— Конечно!

— Тогда я скажу тебе. Мы развили способность мыслить.

Сначала мне показалось, что он шутит.

— Постойте! — возразил я. — Человек — мыслящее существо, на Земле даже единственное разумное существо.

— Не знаю, как на Земле, — вежливо ответил Рул, — но здесь, на Марсе, человек всегда говорит: «Я мыслю, я высшее существо, я обладаю разумом». И он очень гордится собой, потому что он мыслит. Это знак его избранности. Находясь в убеждении, что разум действует в нем автоматически, он позволяет управлять собой эмоциям и суевериям. Человек верит, ненавидит и боится, руководствуясь не разумом, а словами других людей или традициями. Он говорит одно, а делает другое, и разум не объясняет ему, чем факты отличаются от вымысла. Он ввязывается в кровопролитные войны, подчиняясь чьим-то пустым прихотям, — вот почему мы не даем человеку оружия. Величайшие глупости кажутся ему проявлениями высшего разума, подлейшие предательства он считает благородными поступками — вот почему мы не учим его правосудию. Мы научились мыслить. А человек научился только болтать.

Теперь я понимал, почему людские племена так ненавидят народ Шандакора. Я ответил сердито:

— Возможно, на Марсе это и так. Но только мыслящие существа способны развить высокие технологии, и мы, земляне, намного вас в этом обогнали. Да, конечно, вы знаете некоторые вещи, до которых мы еще не додумались, — кое-что из оптики, электроники, да, может, еще несколько отраслей металлургии. Однако...

Я начал перечислять известные нам вещи, которых не было в Шандакоре:

— Вы пользуетесь лишь вьючными животными и колесницами. А мы давно уже изобрели летательные аппа-

раты. Мы покорили космос и планеты. Скоро мы завоюем звезды!

— Быть может, мы были неправы, — кивнул Рул. — Мы остались здесь и завоевали самих себя.

Он взглянул на склоны холмов, на ожидающую армию варваров и вздохнул:

— В конце концов, теперь уже все равно.

Так проходили дни и ночи. Дуани приносила мне пищу, делилась своей порцией воды, задавала вопросы и водила меня по городу. Единственное, что она мне не показывала, было какое-то место под названием «Дом Сна».

— Скоро я буду там, — сказала она как-то и поежилась.

— Скоро? — переспросил я. Лучше было не спрашивать.

— Рул следит за уровнем воды в цистернах, и когда придет время... — Девочка сделала рукой неопределенный жест. — Пойдем на стену.

Мы поднялись на стену, пройдя между призрачных солдат и знамен. Снаружи царили тьма, смерть и ожидание смерти. Внутри сиял огнями Шандакор в своем последнем гордом великолепии, как будто не чувствуя надвигающейся гибели. Жутковатая магия действовала мне на нервы. Я смотрел на Дуани. Она перегнулась через парапет и глядела наружу. Ветер шевелил ее серебристый гребешок, прижимал к телу легкие одежды. В глазах Дуани отражался лунный свет, и я не мог прочесть ее мыслей. Потом я увидел, что глаза ее полны слез.

Я обнял ее за плечи. Она была только ребенком, ребенком чуждой мне расы, такой непохожей на мою...

— Джонросс...

— Да?

— Так много осталось вещей, о которых я никогда не узнаю.

Я впервые прикасался к ней. Ее странные кудри шевелились под моими пальцами — живые и теплые. Кончики острых ушей были мягкими, как у котенка.

— Дуани!

— Что?

— Я не знаю...

Я поцеловал ее. Она отстранилась и испуганно посмотрела на меня своими сияющими черными глазами. Внезапно я перестал считать ее ребенком, забыл, что она не человек, — это было не важно.

— Дуани, послушай! Тебе не надо уходить в Дом Сна!

Она смотрела мне прямо в глаза. Плащ ее распахнулся от ночного ветра, руки упирались мне в грудь.

— Там, снаружи, целый мир, в котором ты сможешь жить. А если он тебе не понравится, я возьму тебя с собой на Землю. Тебе незачем умирать!

Она продолжала молча смотреть на меня. Внизу, на улицах, горели яркие огни и бродили безмолвные толпы. Дуани перевела взгляд на мертвую долину за стенами города и холодные враждебные скалы.

— Нет.

— Но почему? Из-за Рула и всей этой болтовни о гордости расы?

— Такова правда. Корин понял это.

Я не хотел думать о Корине.

— Он был один, а ты — нет. Ты никогда не будешь одинока.

Дуани подняла руки и ласково провела ладонями по моему лицу.

— Вот он, твой мир, — та зеленая звезда. Представь себе, что он должен исчезнуть и ты останешься последним человеком Земли. Представь, что ты вечно будешь жить со мной в Шандакоре, — разве тебе не будет одиноко?

— Это не важно, если рядом будешь ты!

— Это очень важно. Наши расы так же далеки друг от друга, как звезды. У нас нет ничего общего.

Я вспомнил все доводы старого Рула, разозлился и наговорил ей гадостей. Она дала мне выговориться, потом улыбнулась и сказала:

— Все не так, Джонросс. — Она повернулась, чтобы взглянуть на город. — Это мой мир, и другого не будет. Когда он умрет, я умру с ним.

И тогда я возненавидел Шандакор.

После этого разговора я потерял сон. Каждый раз, когда Дуани уходила, я боялся, что она уже не вернется. Рул ничего не говорил, а я не осмеливался спрашивать. Часы летели как секунды, и Дуани была счастлива, а я — нет. Мои оковы запирались на магнитный замок. Я не мог открыть его и не мог порвать цепи.

Однажды вечером Дуани пришла ко мне с таким лицом, что я понял правду еще до того, как заставил ее рассказать, в чем дело. Она уцепилась за меня и не хотела разговаривать, но в конце концов произнесла:

— Сегодня мы бросали жребий, и первая сотня ушла в Дом Сна.

— Это только начало.

Дуани кивнула:

— Каждый день будет забирать с собой следующую сотню, и так пока все не уйдут.

Не в силах больше выносить эту пытку, я оттолкнул от себя Дуани и вскочил на ноги.

— Ты знаешь, как отпереть замок. Сними с меня цепи!

Она покачала головой:

— Давай не будем ссориться сейчас, Джонросс. Пойдем. Я хочу побродить по городу.

Но мы все же поссорились и ссорились этой ночью еще много раз. Она не хотела покидать Шандакор, а я не мог увезти ее силой, потому что был скован цепями. Освободиться же от них я смогу лишь тогда, когда все, кроме старого Рула, уже уйдут в Дом Сна, достойно завершив долгую историю Шандакора.

Мы с Дуани проходили мимо танцоров, рабов и князей в ярких плащах. В Шандакоре не было храмов. Если этот древний народ и поклонялся чему-то, то только красоте, и весь город был их святыней. В глазах Дуани светилось восхищение. Мысленно она теперь была очень далеко от меня.

Я держал ее за руку и смотрел на башни, украшенные бирюзой и киноварью, на мостовые из розового кварца и мрамора, на розовые, белые и алые коралловые стены, и все они казались мне безобразными. Призрачные толпы были только пародией на жизнь, роскошные миражи были ужасны, это был наркотик, западня.

А все эта их «способность мыслить», подумал я и не увидел разума в этих словах.

Я взглянул на огромный шар, медленно поворачивавшийся в небе, Шар, который поддерживал все эти иллюзии.

— Ты видела когда-нибудь город таким, какой он на самом деле — без Призраков?

— Нет. По-моему, только Рул, старший из нас, помнит, как это выглядело. Думаю, им было очень одиноко тогда — ведь даже в те времена нас оставалось меньше трех тысяч.

Да, им должно было быть одиноко. Наверное, Призраки требовались для того, чтобы заполнить пустые улицы, а не только чтобы отпугнуть суеверных врагов.

Мы долго шли молча. Я продолжал смотреть на Шар. Потом сказал:

— Мне пора возвращаться в башню.

Дуани нежно улыбнулась:

— Скоро ты избавишься от работы в башне и от этого. — Она прикоснулась к моим цепям. — Не надо, не грусти, Джонросс. Ты будешь вспоминать меня и Шандакор, вспоминать, как сон.

Она подняла вверх лицо — такое милое и такое непохожее на мясистые лица земных женщин, и глаза ее светились темным огнем. Я поцеловал ее, а потом подхватил на руки и отнес обратно в башню.

В той комнате, где вращалась большая ось, я опустил ее на пол и сказал:

— Мне надо проверить, как дела внизу. Иди наверх, на платформу, Дуани, оттуда видно весь Шандакор. Я скоро поднимусь к тебе.

Не знаю, поняла ли Дуани, что у меня на уме, или это неизбежность скорой разлуки заставила ее взглянуть на меня

так, как она взглянула. Я думал, она что-нибудь скажет, но она промолчала и послушно направилась к лесенке. Я смотрел, как ее золотистая фигурка исчезает в открытом люке. Потом спустился вниз.

Там был тяжелый металлический брус — деталь системы ручного управления скоростью вращения. Я вытащил его из гнезда. Потом повернул выключатели на силовой установке. Я вырвал все провода, разбил брусом все соединения, сокрушил все зубчатые колеса и малые оси, стараясь проделать это как можно быстрее. Потом снова поднялся в комнатку с большой осью. Она все еще вращалась, но медленнее, гораздо медленнее.

Сверху раздался крик, и я увидел Дуани. Я подскочил к лесенке и заставил ее подняться обратно на платформу. Шар еще вращался, но вот-вот должен был остановиться. Белые огоньки поблескивали на кристаллических выступах. Я вскарабкался на перила, цепляясь за стойки. Цепи на запястьях и лодыжках мешали мне, но до Шара я все же смог дотянуться. Дуани пыталась стащить меня вниз. По-моему, она кричала. Я подтянулся и разбил столько кристаллов, сколько смог.

Больше не было ни движения, ни света. Я спрыгнул обратно на платформу и уронил брус. Дуани забыла обо мне — она смотрела на город.

Разноцветные огни еще горели — темно и тускло, как тлеющие угли. Башни из бирюзы и нефрита все так же возвышались в свете лун, но теперь было видно, что они растрескались и потемнели от времени, и все их великолепие пропало. Они выглядели покинутыми и очень печальными. Ночь сгущалась у их подножия. Улицы, площади и торговые ряды опустели, мраморные мостовые лежали безжизненные и заброшенные. Со стен города исчезли все солдаты и знамена, и никакого движения не было видно у ворот.

Рот Дуани открылся в беззвучном крике. И как будто в ответ со всех окрестных холмов раздался протяжный вой, похожий на волчий.

— Зачем? — прошептала Дуани. — Зачем?

Она повернулась ко мне, и на лице ее была жалость. Я привлек ее к себе.

— Я не мог позволить тебе умереть! Умереть за видения, за тени, ни за что! Посмотри, Дуани! Посмотри на Шандакор! — Я хотел заставить ее понять. — Шандакор разрушен, безобразен и пуст. Это мертвый город, а ты — живая! Городов на свете много, а жизнь у тебя только одна!

Дуани продолжала смотреть на меня, но я не мог заглянуть ей в глаза. Она сказала:

— Все это мы знали, Джонросс.

— Дуани, ты только ребенок и рассуждаешь, как ребенок. Забудь о прошлом, думай о завтрашнем дне! Мы сможем пройти мимо варваров. Корин же смог. А потом...

— А потом ты останешься человеком — а я никогда им не буду.

Снизу, с темных пустых улиц, донесся плач. Я пытался удержать Дуани, но она выскользнула у меня из рук.

— Я даже рада, что ты человек... Ты никогда не поймешь, что ты наделал.

И она убежала вниз по лестнице — убежала прежде, чем я успел ее остановить.

Я спускался следом за ней, звеня своими цепями, вниз по бесконечным лестницам. Я выкрикивал ее имя, но изящная золотистая фигурка мелькала далеко впереди на темных пустых улицах — все дальше и дальше... Цепи волочились за мной по земле и мешали идти. Ночь поглотила ее.

Я остановился. Гнетущая тишина пустого города обрушилась на меня, и я испугался этого незнакомого мертвого Шандакора. Я звал Дуани и искал ее повсюду на темных разрушенных улицах. Теперь я понимаю, как долго я ее искал.

Потому что когда я нашел ее, она была уже вместе с остальными. Последние обитатели Шандакора, мужчины и женщины, молча шли, растянувшись длинной цепочкой по направлению к зданию с плоской крышей — очевидно, это и был Дом Сна. Женщины шли впереди.

Они шли умирать, и на их лицах больше не было гордости. Там была боль, боль и усталость, и они шли медлен-

но, не глядя по сторонам, не желая смотреть на жалкие полуразрушенные улицы, которые я лишил славы и великолепия.

— Дуани! — закричал я и рванулся вперед, но она не обернулась и не покинула свое место в цепочке. Я увидел, что она плачет.

Рул обернулся ко мне с выражением усталого презрения на лице, и это было хуже самых страшных проклятий.

— К чему нам убивать тебя теперь?

— Но это я сделал все это! Я!

— Ты всего лишь человек.

Длинная очередь подвинулась еще немного, и маленькие ножки Дуани оказались на целый шаг ближе к последней двери. Рул поднял голову и взглянул на небо:

— До рассвета еще есть время. По крайней мере женщины будут избавлены от копий варваров.

— Позвольте мне пойти с ней!

Я попытался последовать за Дуани, найти себе место в их цепочке, и тогда поднялась рука Рула с оружием. А потом осталась только боль. Я лежал, как лежал когда-то Корин, а они молча уходили в свой Дом Сна.

Меня нашли варвары, когда пришли в город после восхода солнца, все еще не веря своим глазам. Думаю, они боялись меня. Скорее всего они сочли меня колдуном, который неизвестно как сумел уничтожить весь народ Шандакора.

Потому что они разбили мои цепи, залечили раны и даже дали мне потом ту единственную вещь из всей их добычи, которую я хотел получить, — фарфоровую головку молодой девушки.

Я сижу в своем Кресле в Университете, в том, которого я так жаждал, мое имя занесено в списки первооткрывателей. Я знаменит, меня уважают — меня, человека, уничтожившего величие целой расы!

Почему я не пошел за Дуани в Дом Сна? Я мог бы вползти туда! Я мог подтащить свое тело к двери. И, о Боже, как бы мне хотелось, чтобы я это сделал!

Я хотел бы умереть вместе с Шандакором.

Мюррей Лейнстер

Об авторе*

Мюррей Лейнстер — один из псевдонимов покойного Уильяма Фитцджеральда Дженкинса, писавшего также под именем Уилл Ф. Дженкинс и еще полудюжиной псевдонимов. Он усердно работал и в других жанрах, выдавая миллионы слов чтива, но сегодня мало что известно из его вещей, кроме написанных в жанре НФ под именем Мюррея Лейнстера, и мало какие из его произведений, помимо научно-фантастических, привлекали внимание *даже* при его жизни. Но в качестве Мюррея Лейнстера Дженкинс оказал на развитие научной фантастики очень глубокое влияние, и оно сказывается до сих пор.

Лейнстер опубликовал первый свой научно-фантастический рассказ в «Argosy» в 1919 году, публиковался потом в «Amazing» Хьюго Гернсбека в двадцатых и был одним из основных авторов эпохи «золотого века» журнала «Эстаундинг» Джона У. Кэмпбелла в сороковых и пятидесятых — в этом журнале появились почти все его лучшие произведения. Почти все романы Лейнстера датированы древними годами и давно забыты; он один из немногих, кто заработал себе имя рассказами. Почему-то романы ему не удавались и считались хуже его рассказов даже при его жизни, зато лучшие из рассказов остаются и сегодня свежими и современными. В своих рассказах Лейнстер открыл некоторые разновидности жанров, существующие и сейчас: например, счи-

* © Перевод. Левин М.Б., 2001.

тается, что он был основоположником Альтернативной Истории в рассказе «Объезды во времени» и автором одного из первых рассказов о Первом Контакте — знаменитый «Первый контакт». Оба эти рассказа сейчас являются примером наиболее глубокого проникновения в тему. Среди его самых знаменитых вещей числится и захватывающий, полный напряжения и действия рассказ, который предлагается читателю, — «Исследовательский отряд», принесший Лейнстеру его единственную премию «Хьюго» в 1956 году. Это произведение — образец того, как надо писать умные приключенческие рассказы о чужих мирах. Рассказ, который повлиял на бесчисленные романы и рассказы на ту же тему, если не прямо вдохновил их, не говоря уже о телепередачах и фильмах, созданных в последующие годы. Никто до Лейнстера не писал о земных исследователях, сражающихся на чужой враждебной планете, и я вот что скажу: за прошедшие сорок лет никто не написал об этом лучше Лейнстера.

Наверное, лучшим романом Лейнстера можно назвать «Плачущий астероид» — вещь выше среднего уровня его романов по воображению и в смысле возбуждения мысли читателя, с хорошо сделанной проработкой деталей. Среди других его романов можно назвать «Пираты Зана», «Забытая планета», «Греки приносят дары» и «Война со штучками». Рассказ «Исследовательский отряд» с другими рассказами о группе наблюдения вошел в один из лучших сборников Лейнстера «Колониальная служба». Серия «Медицинская служба», менее удачная, чем серия о группе наблюдения, но все же представляющая интерес, вошла в сборники «С.О.С с трех миров» и «Доктор для звезд»; есть также романы на эту тему — «Оружие-мутант» и «Этот мир — табу». Другие сборники рассказов — «Монстры и прочее в этом роде» и «Мюррей Лейнстер: Избранное».

Почти все книги Лейнстера уже давно не переиздаются, и их практически невозможно найти. Больше всего шансов, наверное, купить в каком-нибудь букинистическом магазине сборник Лейнстера «Избранное», изданный в 1978 году, но и это вряд ли. К счастью, сейчас издательство «НЕСФА-Пресс» выпускает большую ретроспективу «Первый контакт: Лучшее из Мюррея Лейнстера», где есть почти все его лучшие рассказы. Рекомендуем купить, пока еще есть возможность, потому что нигде больше его произведений не найти.

Уилл Дженкинс, человек с разнообразными способностями, скрытый за псевдонимом Мюррея Лейнстера, был не только писателем, но и изобретателем. Он изобрел, среди прочего, метод фронтальной проекции для создания фона в фильмах, и этот способ до сих пор используется в кинопромышленности под названием «Проектор Лейнстера». Во время Второй мировой войны он предложил способ маскировки кильватерного следа перископов подводных лодок, и этот метод спас жизнь тысячам подводников. Умер он в 1975 году.

Колониальная служба*

I

Небесное тело неправильной формы двигалось по небу со скоростью воздушного экспресса, затемняя звезды на своем пути. Очевидно, это был заселенный астероид. До-

* Murray Leinster. «Exploration Team». © Street & Smith Publications, Inc., 1956.

© Перевод. Овчинникова А., 2001.

налд Хайдженс проводил его равнодушным взглядом. Ему хватало забот с данными замеров влажности и температуры, которые он методически вводил в компьютер, — странное занятие для человека, с юридической точки зрения преступившего закон. Поскольку таковым был он, отсюда следовал вполне логический вывод, что вся его работа на Лорене тоже была преступлением. Но Хайдженс не считал свою работу чем-то странным, так же как не было ничего странного в комнате со стальными шторами и в огромном плешивом орле, дремавшем на трехдюймовом насесте.

Единственного помощника Хайдженса после схватки с «ночным бродягой» корабль «Кодиус Компани» увез туда, откуда тайком приходили все эти корабли. И теперь Доналд должен был трудиться за двоих. Забавно было сознавать, что он сейчас единственный человек на этой планете!

Единственный человек — но далеко не единственное здесь разумное живое существо.

Внизу в загоне похрапывали медведи. Ситка Пит тяжело поднялся и побрел к своей миске. Он с жадностью полакал охлажденную воду, а потом громко чихнул. Проснулся Сурду Чарли. Спустя некоторое время Доналд услышал рычание и возню.

— Потише там! — крикнул Хайдженс и снова углубился в работу.

Пока компьютер обрабатывал данные о климате, Доналд определил количество оставшихся запасов и принялся за отчет.

«Ситка Пит, — сообщал он, — по всей вероятности, разрешил проблему борьбы с отдельными экземплярами сфиксов. Он понял, что не имеет смысла душить их, так как когти не могут пробить даже верхний слой их шкуры. Сегодня Семпер оповестил нас, что стая этих мерзких тварей пронюхала дорогу на станцию. Ситка, спрятавшись с наветренной стороны, ожидал их прихода. Затем он сзади напал на сфикса и обрушил на его голову два страшных удара, сила которых была, вероятно, равна силе двух обрушившихся с большой высоты скал. Такой удар расплющил

череп, как яйцо. Затем Ситка такими же мощными шлепками убил еще двух сфиксов. Сурду Чарли индифферентно наблюдал за схваткой, но когда проклятые чудовища набросились сзади на Ситку, поспешил ему на выручку. Я не мог стрелять, так как боялся попасть в медведей, но тут из медвежьего загона выскочила Фаро Нелл. Ее появление отвлекло внимание сфиксов и дало возможность Ситке еще раз применить свою новую технику боя. Поднявшись на задние лапы, он наносил свои ужасающие удары направо и налево. Битва закончилась быстро. Семпер все время с криком летал над дерущимися, но, как обычно, не присоединился к ним.

Примечание: Наджет пытался ввязаться в драку, но мать пинками отогнала его. Сурду и Ситка, как всегда, не обращали на него никакого внимания».

Снаружи доносились ночные звуки, среди которых можно было различить похожие на протяжные аккорды органа голоса поющих ящериц, хихиканье «ночных бродяг», звуки, напоминавшие удары молотка, а также скрип несмазанных дверей. Со всех сторон слышалось икание в разных тональностях. Это трещали крыльями крошечные существа, которые на Лорене заменяли земных насекомых.

Хайдженс продолжал: «Ситка еще долго хорохорился после окончания битвы. Он хотел показать Сурду Чарли свой новый способ драки. Он поднимал головы раненых и мертвых сфиксов и с двух сторон лапами наносил удары. Медведи страшно рычали, когда тащили трупы к мусоросжигательной печи. И мне показалось, что...»

Внезапно раздался сигнал прибытия, заставив Доналда оторваться от отчета. Семпер приоткрыл ледяной глаз, взглянул на хозяина и снова закрыл его. Снизу доносился спокойный глубокий храп медведей. «Ночной бродяга» пронзительно закричал в чаще. Икание, стук молотка, звуки органа... И — новый настойчивый сигнал прибытия, перекрывший все привычные ночные звуки.

Итак, какой-то корабль уловил сигнальный луч, о существовании которого могли знать только корабли «Кодиус Компани», и теперь сообщал о том, что приземляется. Но Хайджекс знал, что сейчас в этой звездной системе никаких кораблей быть не должно.

Лорен — единственная обитаемая планета у Нерри, звезды класса Солнца, и официально она считалась «непригодной для жизни людей из-за населявшей ее вредоносной фауны». Так со свойственной ему безапелляционностью и дубоватой прямотой формулировок заключил Колониальный Надзор, ставя вето на колонизацию Лорена. Под «вредоносной фауной» имелись в виду, конечно же, в первую очередь сфиксы. Заселение Лорена было категорически запрещено три года тому назад, и, основывая здесь экспериментальную станцию, «Кодиус Компани» грубо нарушала закон. Едва ли существовало более тяжкое преступление, чем самовольный захват планеты, запрещенной для колонизации всемогущим Колониальным Надзором.

Тревожный звук прозвучал в третий раз.

Хайджекс громко выругался, протянул было руку, чтобы выключить световой сигнал, но тут же понял, что это бесполезно. Локатор неизвестного судна уже зафиксировал его расположение на карте. И теперь корабль сможет отыскать это место и днем, и ночью и преспокойно сюда опуститься.

— Дьявол!

Не двигаясь, Доналд молча слушал настойчивую трель сигналов. Наконец голос, искаженный расстоянием, отчетливо произнес:

— Вызываю Землю! «Одиссей», корабль компании «Крит Лайн», вызывает Землю! К вам спускается один пассажир в посадочном челноке. Включите опознавательные огни!

Хайджекс чуть не саданул кулаком по динамику, из которого слышался голос. Единственный корабль, для которого он с радостью включил бы огни, был корабль «Кодиус Компани». Колониальная Служба была здесь самым неже-

ланным гостем — потому что ее люди наверняка уничтожат и колонию, и Ситку, и Сурду, и даже маленького Наджета, а его самого привлекут к суду за незаконную колонизацию планеты.

Правда, «Крит Лайн» — торговая компания... Но Хайдженс не особенно обольщался на этот счет: чиновникам Колониального Надзора нередко приходилось пользоваться и торговыми, и пассажирскими кораблями, если по каким-то причинам эти суда могли доставить их на нужную планету быстрее, чем корабль с изображением дурацкой пальмы на борту — эмблемы Колониального Надзора.

Доналд обреченно включил огни на посадочной площадке, увидел, как ярко осветилось поле, и принялся за обычное для всех застигнутых на месте преступления дело — лихорадочное уничтожение улик. Он вложил все диски и прочие материалы в специальный сейф, стер с винчестера записи, свидетельствующие о том, что «Кодиус Компани» поддерживала станцию на Лорене, и полностью уничтожил контрольные программы.

Теперь оставалось только найти кнопку на незаметной дверце в стене и, выбрав код, превратить в прах содержимое сейфа, но он никак не решался это сделать. Если бы твердо знать, что корабль принадлежит Колониальной Службе, он без колебания нажал бы кнопку и обрек себя на долгие годы тюремного заключения. Но торговый корабль «Крит Лайн», чем бы ни объяснялось его появление в этой системе, не был опасен для Хайдженса.

В конце концов Доналд решился.

Он отошел от сейфа, взял бластер, спустился вниз, где находился медвежий загон, и нажал кнопку выключателя. Звери, разбуженные ярким светом, удивленно посмотрели на него.

Ситка Пит сел и смешно замигал. Сурду Чарли лежал на спине, задрав вверх все четыре лапы, — так было спать значительно прохладней. Он с шумом перекувырнулся и засопел в знак дружеского расположения к Хайдженсу.

Фаро Нелл проковыляла к дверям своей отдельной клетушки, сделанной специально для того, чтобы Наджет не путался под ногами и не раздражал взрослых медведей.

Хайдженс, единственный человек на этой планете, осматривал своих четвероногих подопечных — основную рабочую и боевую силу. Все они были видоизмененными потомками Чемпиона Кодьяка, в честь которого называлась компания. Ситка Пит, самый большой самец, весил двадцать две сотни фунтов, Сурду Чарли — почти столько же, а Фаро Нелл, в которой удивительно сочетались страшная свирепость с материнской добротой, достигала восемнадцати сотен фунтов. И даже в маленьком резвом медвежонке Наджете, высунувшем любопытную мордочку из-за мохнатого бока матери, было уже не меньше шестисот фунтов.

Звери выжидающе смотрели на Хайдженса. Они хорошо знали, что означало, когда на плече у хозяина сидел Семпер.

— Пошли! — скомандовал Хайдженс. — Уже темно. К нам пожаловал гость, и, боюсь, у нас будут из-за него неприятности.

Он снял запоры с наружной двери загона. Ситка Пит неуклюже проковылял через нее, Сурду вперевалочку последовал за товарищем.

Судя по поведению медведей, снаружи все было спокойно. Ситка встал на задние лапы и потянул носом воздух. Сурду, переваливаясь с боку на бок, подошел к нему и тоже стал нюхать. Последней вышла Фаро Нелл и предостерегающе зарычала на Наджета, сунувшегося к Сурду.

Доналд стоял в дверях, держа наготове бластер и поправляя ружье за плечами. Он чувствовал себя неловко из-за того, что отправил вперед медведей. Но им нужно было пройти через две чащи, а уже наступила ночь. Звери прекрасно чуяли опасность, далеко превосходя человека обонянием и зоркостью.

Огни, зажженные на широкой тропинке, ведущей к посадочному полю, освещали таинственным голубым светом

все вокруг — ажурные арки гигантских папоротников, стройные колонны деревьев над ними, причудливые ветви стрельчатых кустов. Листва четко выделялась на фоне черного неба.

— Вперед! — скомандовал Хайдженс, махнув рукой. — Хоп!

Он с силой захлопнул дверь загона, и процессия двинулась к посадочному полю через полосу освещенного леса. Два гигантских кодьяка ковыляли впереди. Ситка крадучись шел по дорожке, за ним, переваливаясь из стороны в сторону, брел Сурду Чарли. Хайдженс шел следом, настороженно вслушиваясь в темноту, а Фаро Нелл с Наджетом замыкали шествие.

Они составляли великолепный боевой отряд, хорошо приспособленный для передвижения по этой полной опасности чаще. Ситка и Чарли всегда были в авангарде. Фаро Нелл защищала тыл. Наджет шел рядом с матерью. Он требовал постоянной заботы, поэтому медведица постоянно была начеку. Разумеется, Хайдженс являлся главной ударной силой: разрывные пули ружья могли поражать даже сфиксов, а светящийся конус фонаря, укрепленного на длинном дуле, который включался, как только стрелок дотрагивался до спускового крючка, хорошо освещал цель. Это было совсем не похоже на обычное плазменное оружие, но обитатели Лорена тоже ничем не напоминали обыкновенных земных зверей. Например, «ночные бродяги» боялись света. И в то же время могли напасть в состоянии истерии, которое вызывалось у них слишком уж ярким освещением...

Хайдженс быстро шел к посадочной площадке, желая как можно скорее прояснить ситуацию.

У «Кодиус Компани» имелись серьезные причины, побудившие фирму создать эту станцию, но вся работа по ее оборудованию была проделана в полнейшей тайне. И если незваный гость окажется чиновником Колониального Надзора, Хайдженс должен будет успеть вернуться и уничтожить содержимое сейфа, чтобы спасти тех, кто прислал его сюда.

Пробираясь сквозь освещенную чащу, Доналд слышал отдаленный рев двигателей. По мере того как они приближались к ракетодрому, шум, создаваемый посадочным челноком, становился все громче. Два огромных кодьяка всем своим видом выражали беспокойство.

Наконец отряд вышел к краю залитого слепящим светом поля. Мощные лучи косо уходили вверх, так чтобы приборы корабля могли легко установить место посадки. Старое доброе посадочное поле, давным-давно уже не применяющееся на большинстве обжитых планет — с тех пор как повсюду были внедрены посадочные ловушки, эти мощные сооружения, которые с необычайной легкостью и осторожностью поднимали и спускали звездолеты. Но когда-то такие примитивные посадочные поля верно служили пионерам космоса.

Сейчас эти допотопные площадки еще можно было встретить либо на планетах, где велись исследовательские работы (чаще всего по бактериологии или экологии), либо в только что основанных колониях, еще не успевших построить типовой ракетодром. Однако спускаться на подобные площадки могли либо легкие посадочные челноки, либо корабли, оборудованные специальными двигателями... Такими, как у некоторых кораблей «Кодиус Компани», но отнюдь не у большинства торговых, грузовых и пассажирских кораблей, снующих взад-вперед по освоенной человеком части Вселенной.

Ночные обитатели Лорена уже успели слететься на свет, как мошкара на Земле. Их было бесчисленное множество, всевозможного типа и размера — от белых маленьких ночных мошек и многокрылых летающих червей до непрерывно вращающихся, довольно больших тварей, которые могли бы сойти за ощипанных летающих обезьян. Все они жужжали, плясали и описывали в воздухе сумасшедшие круги. Их было так много, что они почти полностью закрыли небо над площадкой. Взглянув наверх, Хайдженс сквозь завесу из крыльев и тел не сразу увидел ракетобот.

* * *

Светящаяся точка тем временем увеличилась до размеров большой звезды, затем до размеров очень яркой луны и, наконец, превратилась в безжалостно слепящий шар. Хайдженс отвернулся. Тяжелый неуклюжий Ситка Пит благоразумно последовал примеру хозяина и стал смотреть на темную чащу. Сурду, казалось, не замечал все усиливающегося глухого рева ракеты. Он все время осторожно нюхал воздух. Фаро Нелл, прижав голову Наджета огромной лапой, старательно вылизывала его перед приходом гостей. Наджет дергался, как капризный ребенок.

Рев перешел в чудовищные громовые раскаты. С посадочной площадки потянуло горячим ветром. Ракетная лодка метнулась вниз, ее пламя пробило брешь в стене летающих существ. Затем все покрылось облаком пыли, середина поля ярко вспыхнула, что-то быстро скользнуло в огонь, примяло его и прочно утвердилось в нем.

И когда пламя исчезло, Хайдженс увидел челнок. Он покоился на хвосте, устремив нос вверх.

Наступила мертвая тишина, затем постепенно стали возвращаться ночные звуки.

Боковая дверца в корпусе лодки открылась, оттуда показался трап, по которому достаточно ловко сбежал человек с небольшим саквояжем в руке. Нежданный гость направился к краю расчищенной посадочной площадки, затем повернулся и махнул рукой кому-то в челноке.

Трап тут же исчез внутри ракетобота. Из-под хвостового оперения вырвалось пламя, за ним столбы удушливой пыли, и под невыносимый гулкий рев челнок взвился над посадочным полем. Вскоре маленькая светящаяся точка в небе уходила все дальше и дальше на восток, где ее ждал корабль.

Из чащи снова неслась какофония самых разных звуков — жизнь на Лорене протекала независимо от людских дел, — и под всхлипывания, вскрики и скрип ночных существ человек с саквояжем в руках удивленно оглядывался вокруг.

Его удивление сменилось явным испугом, когда от кромки поля к нему медленно двинулась группа встречающих.

Как всегда, Сурду и Ситка шли впереди, за ними двигался Хайдженс, а Фаро Нелл плелась по пятам за хозяином, не спуская заботливого материнского ока со своего сына.

Человек на площадке оторопело смотрел на этот парад. Не очень-то приятно ночью на незнакомой планете вдруг очутиться лицом к лицу с семейством гигантских медведей. Одинокая фигура Хайдженса совсем затерялась среди компании его друзей.

Прибывший невольно отшатнулся, когда Сурду и Ситка приблизились к нему вплотную.

— Привет! Не бойтесь медведей. Это мои друзья, — поспешил прояснить ситуацию Хайдженс.

Ситка осторожно обнюхал приезжего с ног до головы. Запах был вполне удовлетворительный, знакомый запах человека. Затем медведь грузно опустился прямо в грязь, не спуская дружелюбного взгляда с незнакомца. Сурду усиленно обнюхивал край площадки.

Хайдженс завидовал деловитому спокойствию своих медведей. Перед ним стоял офицер Колониальной Службы (причем, судя по знакам отличия на форме, — не из низших чинов). Что ж, его худшие опасения подтвердились.

Так что теперь он смотрел на незнакомца едва ли не в большем замешательстве, чем тот на него, и не мог решить, каков должен быть его следующий шаг.

Незнакомец первым оправился от шока.

— Н-ну, — слегка дрожащим голосом произнес он, — и где же ваши роботы? Какого черта здесь делают эти медведи? И почему вы перенесли станцию?

Ситка, уловив недовольство в голосе незнакомца, заворчал на очень низких, почти неслышных тонах. Офицер Колониальной Службы смолк.

— П-простите, — наконец сказал он, пытаясь отодвинуться от зверя. — Кажется, я забыл представиться? Меня зовут Дэниэл Бордман. Я прибыл сюда, чтобы составить отчет о вашей колонии.

— О какой колонии?

Оказавшись на безопасном расстоянии от Ситки, Бордман натолкнулся на Сурду и нервно подскочил.

— Как «о какой»? Робот-Пункт на Лорене...

Он бросил рассеянный взгляд по сторонам и снова уставился на Хайдженса.

— Только не говорите мне, что идиот шкипер доставил меня не на ту планету! Это ведь Лорен, правда? Лорен в системе Нерри? Но где же тогда ваши роботы? По плану колонизации вы уже давно должны были закончить возведение посадочной ловушки. А вместо ловушки я вижу здесь какое-то допотопное посадочное поле, на которое мне пришлось опускаться в челноке... Что здесь происходит, в конце концов? И... на кой дьявол здесь эти звери?

Доналд усмехнулся.

Несмотря на отчаянность ситуации, оторопелые вопросы чиновника Надзора начали его забавлять. Но все же он решил не отказывать бедняге в разъяснениях — что толку водить этого типа за нос!

— Вы находитесь, — сказал Хайдженс вежливо, — в нелегальном, незаконном поселении и, следовательно, разговариваете с преступником. А эти звери — мои сообщники. Зря вы так быстро отпустили челнок, не попытавшись сначала разобраться в положении дел на этой планете... И теперь вам придется воспользоваться нашим гостеприимством.

Во взгляде офицера Надзора возмущение и недоверие смешалось с крайним изумлением. Впрочем, испуга в этом взгляде не было — пока. Значит, надо сделать так, чтобы он там появился.

— Если хотите, то можете отклонить мое предложение и обосноваться на этом поле, но я ручаюсь, что вне стен моего жилища вы не доживете до утра, — с неким садистским удовольствием сообщил Доналд.

Вместе со вполне понятным страхом на лице непрошеного визитера отобразилось и возмущение — причем возмущения было куда больше, чем страха.

«А этот человек, хоть и не может похвалиться косой саженью в плечах, не из самых трусливых», — подумал Хайджженс и уже мягче сказал:

— Пойдемте на станцию, Бордман. Там мы сможем спокойно обо всем поговорить, и у меня будет время обдумать, что делать дальше... Честно говоря, у меня есть все основания вас убить. — Последняя фраза вырвалась у него не из желания вконец запугать незваного гостя, а от полной безысходности ситуации.

Звери почувствовали замешательство своего хозяина. Ситка и Сурду бок о бок встали справа от Хайджженса, Фаро Нелл поднялась на задние лапы слева от него.

Только Наджет не чувствовал напряженности момента. Он был еще ребенок и поэтому настроен весьма дружелюбно. Наджет давно уже рвался к новому человеку и теперь, когда мать отвлеклась, получил долгожданную возможность познакомиться. Мелкими шажками он стал приближаться к гостю, застенчиво ворча, и вдруг чихнул от смущения. Мать одним прыжком очутилась рядом и отвесила ему шлепка. Наджет отчаянно завизжал. Визг маленького кодьяка весом в шестьсот фунтов звучал весьма внушительно.

Бордман быстро попятился, но как только Наджет умолк, решительно шагнул вперед.

— Думаю, нам и вправду лучше всего беседовать не здесь. Но предупреждаю заранее: если это нелегальная колония, вы будете арестованы. Учтите — все, что бы вы ни говорили, может быть использовано против вас.

Доналд широко ухмыльнулся.

— Спасибо за предупреждение. А теперь держитесь поближе ко мне, если хотите прибыть на станцию живым. Я бы поручил Сурду тащить ваш саквояж, он любит носить вещи, но боюсь, что в дороге ему могут понадобиться зубы. До станции почти что миля.

И он повернулся к медведям со словами:

— Ну, пошли. На станцию! Хоп!

Ситка Пит послушно занял свое обычное место впереди, за ним с ворчанием последовал Сурду. Хайджженс и Борд-

ман шли бок о бок перед Фаро Нелл и Наджетом: только так на Лорене можно было пробираться по лесу в полумиле от укрепленного жилища. На пути они столкнулись с «ночным бродягой», яркий свет посадочной площадки привел его в состояние безумия. «Бродяга» с диким смехом стремительно понесся через чащу, и Сурду ударом лапы свалил его на землю в десяти ярдах от Хайдженса. Наджет ощерился при виде мертвого зверя. Он даже сделал вид, что собирается напасть, но мать отогнала его.

Лицо у Бордмана было отчаянно бледным даже в мертвенных лучах подсветки лесной дороги.

II

Из загона долго доносились шум и возня, наконец звери успокоились.

Хайдженс ввел гостя в жилую комнату, и Бордман вздрогнул при виде орла, который холодно посмотрел на разбудивших его людей.

— Не пугайтесь. Это Семпер, — представил своего приятеля Доналд. — Семпер Тираннис. Он тоже житель Лорена. Но он не ведет ночной образ жизни и поэтому не вылетел вас приветствовать.

Бордман, приоткрыв рот, смотрел на огромную птицу, сидящую на насесте.

— Орел? — наконец переспросил он. — То медведи, видоизмененные, если вам верить, но все же медведи, а теперь еще и орел! Да, тут собран неплохой зверинец... И вы утверждаете, что это ваш боевой отряд?!

— Медведи к тому же еще и вьючные животные, — сообщил Хайдженс. — Они могут тащить на себе до сотни фунтов и при этом не терять своих боевых качеств. И питание для них не проблема. Они кормятся в чаще. Не сфиксами, конечно. Такую тварь есть невозможно.

Достав бутылку и стаканы, он гостеприимно пригласил Бордмана к столу. Тот поставил свой саквояж на пол и взял стакан.

— Интересно, — спросил он так, как будто это единственное, что требовало объяснений, — почему у орла такое странное имя — Семпер Тираннис? Я еще могу понять такие имена, как Ситка Пит или Сурду Чарли. Очевидно, они названы в честь родных мест их предков.

— Семпер — летающий разведчик, — ответил Хайджженс. — Я научил его разыскивать сфинксов и вовремя извещать об их приближении. Во время полета он несет на себе крошечный телепередатчик. Пользы от него много, но все же ему далеко до медведей.

Бордман сел и отпил из стакана.

— Любопытно... очень любопытно, — сказал он, задумчиво глядя на Семпера. — Значит, это — нелегальное поселение. А я — офицер Колониальной Службы. Мое дело составить отчет о ходе работ согласно плану, но в данной ситуации я обязан вас арестовать. Вы, кажется, говорили о том, что собираетесь прикончить меня? Скормить меня вашим медведям?

Хайджженс посмотрел на чиновника ледяным взглядом Семпера Тираннис:

— Я буду рад, если вы найдете какой-нибудь другой выход, Бордман. Я попал в очень скверную историю, если учесть тяжесть наказания за незаконную колонизацию... Самое логичное — убить вас, вы согласны?

— Пожалуй, в чем-то вы правы, — медленно проговорил Бордман. — Но если уж вы так со мной откровенны, могу признаться в ответ, что дуло моего бластера направлено из кармана прямо на вас.

Доналд пожал плечами.

— Вы же понимаете, что мои четвероногие сообщники явятся сюда раньше ваших друзей из Надзора. Клетки не смогут надолго их удержать. И, боюсь, вы окажетесь в незавидном положении, если они застанут вас сидящим верхом на моем трупе.

Бордман кивнул:

— Тоже верно. Очень может быть, что ваши мохнатые земляки не оставят от меня ни кусочка. А вы, как я вижу, не из тех, кто теряется, даже когда на вас направлен бластер. Но, с другой стороны, вы легко могли меня убить, когда ушел ракетобот. Я тогда ни о чем не подозревал. Почему вы этого не сделали?

Хайдженс закусил губу.

Он не сделал этого потому, что еще ни разу в жизни не убивал людей — даже чиновников ненавистного Колониального Надзора. Мысль об убийстве отчаянно претила ему. Доналд наверняка не способен был убить ни в чем не повинного человека даже ради спасения собственной свободы... Но сейчас речь шла не только о свободе, но и о жизни его четвероногих друзей, безмятежно похрапывавших там, внизу; и еще об очень важных вещах, куда более важных, чем его свобода и даже жизнь! И Хайдженс до сих пор не мог решить, как ему следует поступить в этой отчаянной ситуации.

— Знаете, — заметил Бордман, — часто секрет хороших отношений между людьми кроется в том, что ссоры откладываются на потом. Давайте отложим пока обсуждение вопроса, кто кого убьет. Говорю вам честно, я собираюсь при первой же возможности отправить вас в тюрьму. Незаконная колонизация — скверная штука. Но вы, как я понимаю, тоже не собираетесь сидеть сложа руки, и на вашем месте я, очевидно, поступил бы точно так же. А сейчас я предлагаю заключить временное перемирие.

Хайдженс молчал.

— Ладно, тогда беру это на себя, — сказал Бордман. — Итак... — Он вытащил руку из кармана и положил на стол бластер, затем вопросительно посмотрел на Хайдженса.

— Лучше держите его при себе, — буркнул тот. — Лорен — не то место, где человек может жить без оружия... Хотите есть? — после паузы поинтересовался гостеприимный хозяин.

— Не откажусь! — Бордман впервые улыбнулся, и, хотя Хайджекс был вправе ждать от этого человека всяческих неприятностей, его улыбка неожиданно понравилась ему.

Бордман молча наблюдал за приготовлением нехитрого ужина. Хайджекс был на добрую голову выше его, Бордмана, но при этом очень худ и жилист, а его порывистые движения были движениями человека, чья жизнь зачастую зависит от его молниеносной реакции. На загорелом лице ярко блестели светло-голубые глаза, в которых достоинство сочеталось со спокойным юмором — так, должно быть, выглядели пионеры, осваивавшие когда-то просторы американских прерий на старушке Земле...

Черт возьми, несмотря на то что Хайджекс был преступником, которого следовало немедленно арестовать и судить, он вызывал невольную симпатию. Дэниэл то и дело напоминал себе, что этот голубоглазый верзила, деловито накрывающий на стол, — самый злостный нарушитель закона, с каким ему приходилось иметь дело за свою более чем десятилетнюю службу в Колониальном Надзоре!

Бордман дождался, пока Доналд разложит еду по тарелкам и займет свое место за столом, и тогда осторожно спросил:

— Но все-таки, что же произошло со здешней законной колонией? Разрешение на колонизацию было дано Надзором восемнадцать месяцев назад. Здесь высадили колонистов со всем необходимым оборудованием и запасами продовольствия. С тех пор на Лорене побывало четыре корабля. На планете сейчас должно находиться несколько тысяч управляемых людьми роботов, готовящих все необходимое к прилету основной части колонистов. К этому времени полагалось очистить и занять сотни квадратных миль леса, построить посадочную ловушку — а я не заметил даже сигнального маяка, указывающего место посадки. С высоты совсем не видно вырубленных участков. Корабль «Крит Лайн» находился на орбите целых три дня в поисках места, куда мог бы спустить меня. Представляете, в каком бешенстве был шкипер! Ваш сигнальный

луч — мы засекли его совершенно случайно. Так что же все-таки произошло?

Хайдженс молча жевал.

— Лорен — большая планета, — наконец задумчиво произнес он. — На ней могут быть сотни колоний, которые ничего не знают о существовании друг друга. Честно говоря, до вашего прибытия я был уверен, что я — единственный человек, кто ступал по этой земле. Но если все действительно обстоит так, как вы сказали, легко можно догадаться о том, что случилось с роботами. Подозреваю, что они столкнулись со сфиксами.

Бордман застыл с вилкой в руке.

— Я много читал об этой планете, когда готовился к докладу, — проговорил он. — Сфиксы — это наихудшие представители местной фауны, очень свирепые, холоднокровные плотоядные с особыми генами, слегка похожими на гены нашей ящерицы. Охотятся всегда стаями. Вес взрослого экземпляра от семи до восьми сотен фунтов. Очень многочисленны и смертельно опасны. Именно поэтому людям когда-то была запрещена колонизация Лорена. А потом было решено сначала заселить эту планету роботами, в задачу которых входило сделать ее пригодной для жизни людей. Роботы могут существовать здесь, так как они машины. А какое животное станет нападать на машину?

— А какие машины могут напасть на животных? — пожал плечами Хайдженс. — Сфиксы, разумеется, не станут беспокоить роботов, но разве роботы могут справиться со сфиксами?

Бордман кивнул:

— Я согласен с вами — невозможно создать охотящегося робота. Машина может различать цель, может воспринимать угрозу, но принимать самостоятельные решения она не может. Вот почему людям не угрожает опасность бунта роботов: они просто не способны на действия без предварительных указаний. Но эта колония была запланирована с полным учетом возможностей именно роботов! Когда участок очистили, его обнесли электрическим забором, кото-

рый зажарил бы любого сфикса, если бы тот попытался перелезть через него.

Хайдженс молча резал мясо. После небольшой паузы он сказал:

— Высадка колонистов происходила зимой. Думаю, это было именно так, судя по тому, что колония некоторое время еще продержалась. И ручаюсь, что последний корабль был здесь до весеннего таяния снегов. Год здесь длится восемнадцать месяцев, как вам известно.

Бордман опять кивнул:

— Да. Высадка была зимой. А последний звездолет опустился до наступления весны. Идея состояла в том, чтобы открыть рудники, очистить поля и обнести все электрической изгородью до возвращения сфиксов из тропиков. Как я понимаю, они там зимуют?

— А вы видели когда-нибудь сфиксов? — осведомился Хайдженс, но тут же добавил: — Нет, конечно, вы не могли их видеть. Если взять ядовитую кобру, скрестить ее с дикой кошкой, выкрасить в рыжий и синий цвета и еще наделить ее водобоязнью и маниакальной жаждой убийства, то вы получите сфикса, но сфикса как индивида. Гораздо более страшная вещь — стая сфиксов. Кстати, они прекрасно лазают по деревьям, никакой забор их не остановит.

— А электрическая изгородь! Через нее никто не сможет перелезть!

— Ни одно животное — кроме сфикса. Но сфиксы — это особая категория. Запах мертвого сфикса заставляет целое стадо метаться с налитыми кровью глазами в поисках его убийцы. Оставьте труп сфикса на шесть часов, и вокруг него соберутся десятки его сородичей. А если вы оставите его на два дня, то их будут сотни. Они будут выть над трупом, а потом...

Дэниэл отложил вилку, чувствуя, что ему больше не хочется есть.

Зато Хайдженс с аппетитом жевал, а затем продолжил:

— Легко можно себе представить, что произошло с колонией. За зиму роботы очистили участок для лагеря и сде-

лали электрический забор. Затем настала весна, и вернулись сфиксы. Вдобавок к своим прочим качествам они чертовски любопытны. Сомнительно, чтобы сфикс мог пройти мимо забора и не влезть на него для того, чтобы поглядеть, что за ним делается. Его убило током. Запах трупа привлек других сфиксов, разъяренных смертью собрата. Некоторые из них, конечно, попытались влезть на изгородь и погибли. И снова на запах мертвечины сбежались новые сфиксы, и в конце концов забор рухнул под тяжестью висящих на нем тел, а может быть, из трупов получилось нечто вроде моста, по которому орда обезумевших чудовищ обрушилась на лагерь и с визгом кинулась на поиски жертв. Очевидно, их было немало.

Бордман отодвинул свою тарелку. Он был очень бледен.

Доналд молча окончил ужин, поднялся и положил тарелки в мойку. Через минуту чистые тарелки были убраны в шкаф.

— Умиляюсь последовательности Колониального Надзора, — ядовито заметил он. — Сначала вы решаете, что планета непригодна для жизни, потом меняете свое решение — и с самоуверенностью идиотов посылаете несколько десятков человек на верную смерть. Нельзя ли посмотреть ваши материалы по этой колонии? Мне интересно, какого типа поселение было у этих роботов.

Дэниэл без колебания открыл свой саквояж и дал Хайджензу несколько дисков. Это были подробно разработанные планы и описание необходимого оборудования для колонии роботов, начиная от строительного материала и сырья и кончая организацией управленческого аппарата колонией. Но Доналд искал что-то другое. Наконец он нашел нужную информацию и долго вчитывался в текст на экране дисплея.

— Роботы, роботы, — ворчал он. — Почему вы не держите их там, где они на месте, в больших городах для грязных работ? Еще их можно использовать на безатмосферных планетах, где все заранее известно и не может произойти ничего неожиданного. Роботы не годятся для освоения но-

вых, кишащих враждебной жизнью планет. Уж вам ли это не знать — хваленому Колониальному Надзору!

Бордман молчал. Он все еще был смертельно бледен.

— Подумать только! — с убийственным сарказмом продолжал Хайдженс. — Защита колонистов целиком зависела от машин! Да если человек поживет подольше в обществе роботов, мир покажется ему таким же ограниченным, как эти автоматы. Вот подробный план по устройству управляемой защиты. — Он грубо выругался. — Самодовольные, безмозглые идиоты!

— Роботы не так уж плохи. — Бордман решился на дискуссию. — Мы не могли бы без них создать цивилизацию... Нынешнюю цивилизацию, я имею в виду.

— Я тоже имею всех вас в виду — вас, тупых чинуш из Колониального Надзора! — грубо прервал его Хайдженс: очевидно, информация, с которой он знакомился, все больше разъяряла его. — Вы высадили дюжину людей и пятьдесят роботов, которые должны были начать строительство. В следующей партии их было уже не менее пятнадцати тысяч. И держу пари, что потом корабли привезли бы еще!

— Так все и было, — пробормотал Дэниэл.

Он все еще находился в таком шоке, что ругательства Хайдженса не задевали его.

— Чертовы машины! — рявкнул Хайдженс. — Да, вы создали неплохую могилу для тех, кого заслали на Лорен. Отличную, обнесенную током могилу! А вместо надгробных памятников там будут стоять ваши любимые хваленые безмозглые роботы! Чертовы механические куклы, как я их ненавижу! Должно быть, такие же чувства испытывали древние к своим рабам. Они заставляли их делать работу, которую мог сделать для себя каждый человек, но считал это ниже своего достоинства, — самую унизительную работу! И в конце концов оказывались в зависимости от них...

— Ваши взгляды вполне аристократичны, — тихо возразил Бордман. — Но, насколько я понимаю, именно роботы чистят медвежий загон.

— Нет, — отрезал Хайдженс. — Это делаю я. Медведи — мои друзья, они дерутся за меня, часто рискуя при этом жизнью. Ни один робот не вычистит хорошо их помещение.

Он долго хмуро молчал, вслушиваясь в ночной концерт за стеной — теперь многоголосицу дополнял почти правдоподобный визг ржавого насоса.

— У вас есть здесь записи о рудных разработках? — наконец спросил он, снова поворачиваясь к экрану. — Если у них были открытые шахты, то не о чем и говорить. Но если они вырыли туннель и оттуда наблюдали за роботами, есть надежда, что хоть кто-то из людей мог уцелеть...

— К черту! — встряхнувшись, вдруг резко прервал его Бордман. — Я — инспектор Колониальной Службы и уже говорил вам, что мой долг — отправить вас в тюрьму. Вы рисковали жизнью миллионов людей, поддерживая бескарантинный контакт с незаконно заселенной планетой. И даже если бы вы спасли кого-нибудь из колонистов, это не облегчило бы, а только ухудшило ваше положение. Тогда появились бы весьма нежелательные свидетели вашего пребывания здесь...

Дэниэлу не нравилось то, что он говорит, но он не мог остановиться — напряжение, не отпускавшее его с момента высадки на планету, напряжение, достигшее апогея при известии о страшной судьбе колонии на Лорене, разряжалось теперь в этих бессмысленно-угрожающих фразах. Но Хайдженс как будто не слышал его, продолжая сосредоточенно искать нужную информацию. Вдруг он замер и пробормотал:

— Они проложили туннель.

Затем громко добавил:

— А о свидетелях я буду думать, когда для этого придет время.

Он открыл дверцу шкафа и достал ящик, наполненный всякой всячиной. Там был целый набор проволоки, болтов, шурупов, разных винтиков — вещей, необходимых в хозяйстве человека, который считает себя единственным жи-

телем Солнечной системы, своего рода Робинзоном Крузо этой планеты.

— Что это вы собираетесь делать? — спросил пристально наблюдавший за его действиями Бордман.

— Попытаюсь узнать, остался ли кто-нибудь из колонистов в живых. Я сделал бы это и раньше, если бы знал о существовании колонии. Пока я не могу доказать, что они погибли, я буду исходить из того, что кто-то там еще жив. До колонии полторы недели пути. Странно, что мы оказались так близко друг от друга. — Он деловито отбирал нужные ему инструменты.

Бордман молча наблюдал за этими сборами, но когда Доналд принялся возиться с каким-то диковинным электронным аппаратом, не выдержал и спросил:

— Что это за штуковина? Зачем она нужна?

— Вы когда-нибудь думали о том, что такое поиски потерпевших аварию? — спросил Хайджженс, не оборачиваясь. — Есть планеты, площадь которых составляет миллионы квадратных миль. Вам известно, что корабль приземлился, но нет никаких сведений, где он находится. Вы считаете, что у тех, кто уцелел, есть запас горючего, так как без него не может долго существовать ни один цивилизованный человек с тех пор, как он научился обрабатывать металл. Для светового сигнала нужны очень точные вычисления и инструменты. Смастерить их самим невозможно. Так что, по-вашему, будет делать потерпевший аварию цивилизованный человек, чтобы спасательный корабль отыскал его на клочке земли в одну квадратную милю?

Бордман молча развел руками.

— Человек начнет с того, что вернется к первобытному состоянию, — наставительным тоном сказал Хайджженс, — он будет жарить мясо на костре, как и его далекие предки. Он наладит очень примитивную сигнализацию. Без станков и специальных приборов больше ничего сделать нельзя. Потерпевший аварию должен наполнить эфир сигналами, чтобы его услышали люди, отправившиеся на поиски. Вы согласны со мной, Бордман? Он сделает искровой передат-

чик и настроит его на выход самых коротких волн, какие только ему удастся получить, примерно от пяти до пятидесяти метров. Некоторые сигналы облетят вокруг всей планеты под ионосферой, и любой корабль, проходящий ниже ионосферы, примет их, зафиксирует место, откуда они исходят, и направит путь прямо туда, где потерпевший аварию в самодельном гамаке посасывает жидкость, которую ему удалось извлечь из местных растений. Эта, как вы выразились, «штуковина» принимает только короткие волны. Я могу поменять тут несколько деталей, чтобы настроить ее на более длинные. И если в эфире есть сигналы бедствия, то мы их услышим. Но не думаю, что они есть.

Он продолжал работать, а Дэниэл в смятении наблюдал за ним.

Внизу раздавался равномерный храп Сурду Чарли и сонное ворчание Ситки. Ему, очевидно, приснился сфикс. Семпер с шумом встряхнулся, встопорщив перья, сунул голову под гигантское крыло и снова заснул. Звуки из чащи проникали даже сквозь стальные шторы. Бордман сердито сказал:

— Послушайте, Хайдженс! У вас есть все основания меня убить. Но, очевидно, вы не намерены так поступать. Вам было бы выгоднее оставить в покое эту колонию роботов, а вы собираетесь помочь попавшим в беду людям. И все-таки вы преступник! Я в этом уверен, так как именно с таких планет, как Лорен, были завезены опасные бактерии, и это стоило жизни миллионам людей. Но все-таки вы — подобные вам — продолжаете рисковать. Для чего вы это делаете? Для чего вы совершаете поступки, которые могут стать причиной гибели многих людей?

Доналд усмехнулся:

— Не могу ответить за всех подобных преступников, но что касается моего Ужасного Преступления, то не следует считать, будто не было принято никаких санитарных и карантинных мер предосторожности. Все было сделано по всем правилам. Что же касается остального... А, вы все равно не поймете!

— Да, я не понимаю. Но это еще не доказывает, что я не могу понять. Скажите все-таки, почему вы пошли на преступление?

Хайдженс осторожно вынул маленький электронный блок и начал ввинчивать новый, значительно большей мощности.

— Я преступник потому, что эта роль меня вполне устраивает. Каждый старается вести себя согласно своим представлениям о себе самом, правда, далеко не каждому это удается. Вот вы — порядочный гражданин, честный служащий и считаете себя разумным цивилизованным человеком. А ведете себя совсем не так, как надлежало бы таковому. Вы напоминаете мне о необходимости вас убить или сделать что-нибудь подобное, в то время как любое разумное животное сделало бы все, чтобы заставить меня забыть об этом моем намерении. Ну, и я совершаю поступки, на которые не решилось бы ни одно разумное животное, просто потому, что таково мое представление о том, как должен вести себя человек, стоящий гораздо выше разумного животного.

Он тщательно укрепил один за другим все винты.

— Да это целая религия, — задумчиво произнес Бордман.

— Самоуважение, — поправил Хайдженс. — Я не люблю роботов. Они слишком похожи на разумных животных. Робот будет делать все, что он может, если этого потребует от него человек. А просто разумное животное сделает то, что потребуют обстоятельства. Я уважал бы робота, если бы он ударил меня, не желая подчиниться моему приказу и делать то, что он не хочет. Вот возьмите медведей внизу. Это вам не роботы, а вполне достойные и заслуживающие уважения звери. Они бы разорвали меня в клочья, если бы я попытался заставить их что-нибудь сделать, что идет вразрез с их представлением о достоинстве. Фаро Нелл вступила бы в единоборство со мной, да и со всем человечеством, попытайся я обидеть Наджета. С ее стороны это было бы неразумно, бессмысленно и нелогично. Она бы, конечно, проиграла и погибла. Но я именно за это ее люблю. И я тоже бы вступил в единоборство с вами и со всем человечеством, если бы вы попытались заставить меня сделать что-нибудь

против моей природы. И я тоже вел бы себя глупо, неразумно и нелогично... — Помолчав, Хайдженс добавил: — И вы тоже. Только вы не сознаетесь в этом.

Он закрепил регулятор.

— А кто заставлял вас сделать это? Ну, поселиться на запрещенной для колонизации планете? — Вопрос был задан с искренним любопытством. — Почему вы стали нарушителем закона? Против чего вы взбунтовались?

Хайдженс нажал кнопку и начал поворачивать регулятор своего перестроенного приемника.

«Такие штуковины, — подумал Дэниэл, — я видел только в музее истории техники».

— Против чего я взбунтовался? — переспросил Хайдженс насмешливо. — Знаете, когда я был молод, все вокруг пытались сделать из меня сознательного гражданина и порядочного служащего. Они хотели превратить меня в высокоинтеллектуальное разумное животное и ни во что больше. Разница между нами, Бордман, в том, что я это понял вовремя, и естественно, что я взбун...

Он не закончил фразу. Слабое потрескивание вдруг донеслось из динамика передатчика, приспособленного для приема волн — когда-то их называли «короткими».

Хайдженс вскинул голову, напряженно вслушиваясь и медленно поворачивая регулятор. На фоне треска и свиста стало доноситься какое-то бормотание. Когда Доналд изменил настройку, бормотание стало явственнее, и, наконец, они услышали ряд последовательных звуков, какое-то нестройное жужжание. Три отрывистых жужжащих звука. Затем пауза в две секунды, три долгих звука, снова пауза и три коротких сигнала. Потом молчание, длящееся пять секунд, — и все сигналы повторились сначала.

— Дьявол, — выругался Хайдженс. — Вам когда-нибудь приходилось такое слышать?! Это старинный сигнал бедствия — SOS. Кто-то там, должно быть, в свое время начитался романов, раз он знает о нем. Значит, в вашей законной, но ныне не существующей колонии, кроме ро-

ботов, есть люди. И они просят о помощи, в которой, полагаю, здорово нуждаются.

Он пристально посмотрел на Бордмана.

— Самым разумным было бы сидеть и ждать, когда появится корабль с вашими или моими друзьями. Корабль поможет пострадавшим лучше, чем это сделаем мы, и, разумеется, куда быстрее их отыщет. Но, возможно, этим бедолагам дорога каждая минута. Поэтому я собираюсь взять медведей и попытаться добраться до них. Вы можете нас здесь подождать, если хотите. Честно говоря, путешествие на Лорене — отнюдь не увеселительная прогулка. Нам придется отвоевывать каждый фут пути: слишком уж много здесь «вредоносной фауны»!

— Не дурите. — Бордман встал. — Конечно, я тоже пойду. За кого вы меня принимаете? И вдвоем у нас будет в два раза больше шансов...

Хайдженс усмехнулся:

— Не совсем так. Вы забыли про Ситку, Сурду Чарли и Фаро Нелл. Если вы пойдете, нас будет пятеро вместо четырех. И Наджета, конечно, тоже нужно будет взять. Помощи от него немного, но нельзя ведь оставить малыша одного! И еще у нас есть Семпер... Да, вы не удвоите наших возможностей, Бордман, но раз вам так хочется быть глупым, неразумным и нелогичным, я буду рад, если вы присоединитесь к нам.

III

Огромный острый каменный уступ навис над речной долиной. Внизу широкий ручей стремительно бежал на запад, к морю. В двадцати милях к востоку прямо на фоне неба поднималась гряда гор. Их вершины, расположенные на одном уровне, сливались вместе, образуя сплошную стену.

Точка в небе быстро росла. Захлопали огромные крылья, Семпер приземлился и, резко крутя головой, стал обозре-

вать немигающим взглядом скалы. На груди у него был прикреплен маленький аппарат. Орел поднялся по гладкому камню к вершине утеса и застыл там — гордая и одинокая фигура на фоне серых туч.

Послышались треск, рычание, а затем сопение. Ситка Пит вперевалочку вышел из-за поворота. На спине он нес поклажу. Сбруя сложной конструкции должна была удерживать на спине тюк и во время сражений, когда медведю приходилось пускать в ход передние лапы. Ситка прошел по открытой площадке к утесу и посмотрел вниз. Он явно кого-то высматривал, а когда вплотную приблизился к Семперу, орел раскрыл свой огромный изогнутый клюв и издал негодующий клекот. Ситка и ухом не повел, удовлетворенно вздохнул и сел. Его задние лапы смешно разъехались, как у игрушечного мишки.

С шумом и сопением появился Сурду Чарли, он тоже тащил тяжелый тюк. За ним шел Бордман с Наджетом и Фаро Нелл — к ее сбруе была привязана туша какого-то животного, похожего на оленя.

Доналд сбросил на землю свой заплечный мешок, достал самодельный приемник и установил его на земле. Натянув воздушную антенну, он закопал большой кусок гибкой проволоки и размотал маленькую направленную антенну. Дэниэл тоже снял с плеч мешок и внимательно наблюдал за действиями Хайдженса, который уже надел наушники.

— Следите за медведями, Бордман, — велел он. — Ветер дует в нашем направлении. Медведи по запаху чувствуют, если кто-то идет по следу. Они дадут нам знать.

Хайдженс извлек из мешка инструменты и снова занялся приемником. Из аппарата отчетливо донеслись свистящие потрескивающие звуки: три коротких сигнала, затем три длинных и опять три коротких. Три точки. Три тире. Три точки. Снова и снова SOS, SOS, SOS...

Сделав отметку в своем блокноте, он передвинул направленную антенну на тщательно отмеренное расстояние. Затем снова отметил место и записал показания приемника. Доналд

проверил направление сигналов не только по громкости, но и по силе, с максимальной точностью, возможной для его портативной аппаратуры.

Сурду тихо заворчал. Ситка Пит понюхал воздух и поднялся на ноги. Фаро Нелл дала шлепок Наджету, и он, скуля, отлетел в самый дальний конец площадки. Медведица замерла, ощерившись. Она смотрела на тропинку, по которой только что поднялся их боевой отряд.

— Проклятие! — буркнул Хайдженс.

Он встал с земли и махнул рукой Семперу, который, услышав шум, повернул голову. Орел пронзительно закричал, нырнул со скалы и через мгновение был уже в воздухе. Пока Доналд доставал оружие, Семпер отлетел на сотню футов и стал описывать в воздухе причудливые фигуры. Когда он снизился, Хайдженс посмотрел на свою ладонь. Маленькая пластинка отражала все, что фиксировала телевизионная камера на груди Семпера, — кусок качающейся земли с какими-то движущимися между деревьями точками.

— Сфиксы. Восемь штук. И не ищите их на дороге, Бордман. Они бегут параллельно нам, по обеим сторонам тропинки. Они всегда пытаются неожиданно напасть с флангов. Слушайте, Бордман! Медведи прекрасно сами справятся со сфиксами, которые нападут на них. Наша задача — помочь им и подстрелить остальных. Цельтесь в туловище, ясно? Не тратьте заряды на лапы и башку. И будьте спокойны, не дергайтесь!

— Я спокоен, — сквозь зубы ответил Дэниэл. — Я совершенно спокоен!

— Не хотел вас обидеть, дружище, но ведь это ваш первый бой здесь, — прислонясь спиной к скале, улыбнулся Доналд. — А в первом бою людям свойственно делать глупости. Так вот, самое главное — не попадите сгоряча в медведей, ясно? Можете не подстрелить ни одного сфикса, но упаси вас бог ранить кого-нибудь из медведей!

Он сдвинул предохранитель своего верного ружья.

Фаро Нелл с громовым рычанием встала между Ситкой и Сурду. Ситка посмотрел на нее и презрительно засопел, как бы насмехаясь над ее страшными криками, от которых кровь застывала в жилах. Он и Сурду отодвинулись подальше от Нелл. Пока все было спокойно. Мертвую тишину нарушали лишь крики лоренских «птиц» и рычание Фаро Нелл.

Бордман стиснул рукоятку бластера. Стоя плечом к плечу с Хайджексом, он старался быть спокойным — абсолютно спокойным! И все-таки его слегка трясло.

Семпер снова закричал и, захлопав крыльями, резко снизился над деревьями...

А в следующий миг восемь сине-рыжих дьяволов рысцой выбежали из-за кустов. Торчащие рога и острые шипы создавали впечатление, что эти создания вырвались прямиком из ада. Бордман вжался в скалу до боли в спине. До сих пор он видел только голограммы и не подозревал, до чего они далеки от кошмарной внешности оригиналов.

Разбрызгивая слюну, сфиксы бросились на медведей с визгом, похожим на крики дерущихся котов. Хайджекс быстро поднял ствол. Пуля настигла сфикса и свалила его под ноги сородичей.

Фаро Нелл, ужасное воплощение ярости, первой вступила в бой. Бордман наконец пришел в себя и тоже выстрелил, но луч отклонился, разрезав ствол дерева в полуфуте от ближайшего сфикса. Ситка Пит, стоя на задних лапах, наносил во все стороны мощные удары. Бордман выстрелил еще раз, на этот раз удачнее — сфикс, в которого он целился, упал на бок. Сурду Чарли с громовым рыком всей тяжестью навалился на двухцветное чудовище и покатился с ним по земле, царапая его лапами. Кожа на брюхе сфикса оказалась податливее, чем остальная шкура. Вереща от боли, волоча за собой внутренности, сфикс пополз в сторону... Далеко уползти ему не удалось.

Одна из тварей, воспользовавшись суматохой, приготовилась прыгнуть на Ситку сзади, но Хайджекс одним метким выстрелом уложил ее. Два сфикса атаковали Фаро Нелл.

Одного убил Бордман, другого почти пополам разорвала в ярости медведица. Ситка выпрямился, пытаясь стряхнуть с себя сразу нескольких чудовищ. Сурду кинулся к нему, стащил одного из сфиксов и задушил. Так же он разделался и с остальными.

И неожиданно Хайдженс и Бордман увидели, что целиться им больше не в кого.

Звери, ощетинившись, бродили между трупами. Ситка с ворчанием поднял безжизненную голову сфикса и нанес удар, затем другой. Так он расправился со всеми сфиксами и успокоился только тогда, когда увидел, что все враги лежат совершенно неподвижно. Семпер, хлопая крыльями, слетел вниз. Во время битвы он все время с криками летал над головами спутников, но его присутствие почти не ощущалось в горячке боя.

Хайдженс по очереди подходил к медведям и ласково говорил с ними, стараясь их успокоить. Труднее всего было утихомирить Фаро Нелл. Она со свирепой страстностью вылизывала Наджета и не переставая рычала.

— За работу! — наконец скомандовал Хайдженс.

Он видел, что Ситка собирается снова сесть.

— Сбросьте трупы со скалы! Ситка! Сурду! Хоп!

Бордман, облизывая губы, смотрел, как огромные медведи потащили к утесу мертвых сфиксов. Кувыркаясь в воздухе, пестрые чудовища полетели вниз, в долину.

— Теперь, — заметил Хайдженс, — их ближайшие приятели соберутся вокруг и устроят плач, если не нападут на наш след. Если бы мы были у реки, я бы отправил трупы вниз по течению, и тогда пусть их родственники искали бы место для оплакивания. Дома же я всегда сжигаю трупы около станции.

Доналд развязал мешок, который нес Сурду, и вытащил вату и бутыль с антисептической жидкостью. Он промыл все раны и царапины у медведей и пропитал их шерсть жидкостью в тех местах, где могли быть следы ядовитой крови сфиксов.

— Это средство хорошо еще и тем, что уничтожает запах, — сказал он, — не то все сфиксы побегут по нашим следам. Когда мы двинемся, я смажу медведям лапы.

Бордман молчал, злясь на себя за первый неудачный выстрел. Да, в конце битвы он стрелял очень неплохо, но тем не менее чувство досады не проходило. Он с горечью сказал:

— Если вы решите проинструктировать меня, как действовать в случае вашей гибели, то, по-моему, не стоит стараться. Все равно не поможет.

Хайдженс ухмыльнулся и хлопнул его по плечу.

— Поздравляю, Бордман! Вы только что получили боевое крещение! Теперь вы полноправный член нашего отряда. Поздравляю!

Дэниэл только вздохнул и махнул рукой, но в глубине души ему было приятно это слышать. И он не смог не ответить улыбкой на дружескую улыбку Хайдженса.

Порывшись в мешке, Хайдженс достал пачку увеличенных стереоснимков той части планеты, на которой они находились. Он сориентировал карту по местности и аккуратно провел линию через все фото.

— Сигнал SOS доходит из какого-то места недалеко от колонии роботов, — задумчиво произнес он. — Мне кажется, немного южнее колонии. Может быть, из шахты, которую они вырыли на окраине плато. Видите на карте две отметки? Одна от станции и вторая отсюда. Я нарочно отклонился от прямого пути, чтобы поймать сигналы и тем самым получить два направления к передатчику. Если раньше можно было предполагать, что сигналы идут с другого конца планеты, то теперь я твердо знаю, что это не так.

— Но эти сигналы с тем же успехом могут исходить не из колонии роботов, — возразил Бордман.

— Все может быть. Ведь в колонию приходили корабли. Один из них мог потерпеть катастрофу...

Доналд упаковал всю аппаратуру и сделал знак медведям. Отведя их за поле битвы, Хайдженс смазал им антисептической жидкостью лапы, на которых оставались следы

крови сфиксов. Затем поманил рукой Семпера, летающего над скалами.

— Двинулись, — сказал он кодьякам. — Вперед! Хоп!

Отряд спустился с горы и вошел в лес. Теперь настала очередь Сурду идти первым. Ситка ковылял за ним. Фаро Нелл с Наджетом шла за людьми. Она не спускала глаз с медвежонка, еще совсем маленького, несмотря на свои шестьсот фунтов. Над головой хлопал крыльями Семпер, выделывая гигантские круги и спирали. Он никогда далеко не отлетал. Хайджинс время от времени проверял на пластинке изображения, которые фиксировал аппарат, прикрепленный на груди у Семпера. Это был неплохой способ воздушной разведки.

Прошло порядочно времени, прежде чем Доналд сказал:

— Мы отклонились вправо. Но прямо идти опасно. Похоже, что стая сфиксов кого-то поймала и теперь пожирает добычу.

— Скопление такого количества плотоядных, — проговорил Бордман, — противоречит всем научным законам. Ведь на каждое плотоядное обычно приходится довольно большое количество других животных. Если их разведется очень много, они уничтожат всю дичь и сами погибнут от голода.

— Они уходят на всю зиму, — терпеливо объяснил Хайджинс. — А зима здесь не такая суровая, как могло бы казаться. Многие животные здесь размножаются, когда сфиксы уходят на юг. У этих тварей есть какое-то время «пик», а потом целыми неделями вы можете не встретить ни одного сфикса. И вот — трам-пам-пам! — глядь, все леса снова кишат ими. Сейчас они движутся на юг, очевидно, переселяются... Непонятно только, почему именно в этом направлении. Впрочем, на этой планете почти не было натуралистов. Ведь здесь вредоносная фауна, — добавил он язвительно.

Бордману следовало бы парировать этот выпад в сторону Колониального Надзора, но он почему-то не рассердился. Он был старшим офицером Колониальной Службы, ему не

раз приходилось высаживаться на незнакомых планетах для обследования колоний, которые создавались на новых, зачастую самых диких территориях, но он впервые попал в такую враждебную для себя обстановку. Сейчас его жизнь зависела от прихотей незаконного колониста. Он оказался втянутым в безумное по своей рискованности предприятие только потому, что механическая искровая сигнализация продолжала все еще действовать — хотя те, кто создал ее, наверняка погибли. Да и своей жизнью он обязан трем гигантским медведям и плешивому орлу. Если им удастся добраться до колонии роботов, вряд ли они сумеют справиться с ордой разъяренных сфиксов.

И... И он чертовски устал, карабкаясь по горам и пробираясь сквозь лес вслед за Хайджексом, которому, похоже, не была знакома эта местность.

Да, многие понятия Бордмана о возможностях цивилизованного человека перевернулись. Роботы — великолепное изобретение для выполнения заранее намеченного плана, точного подчинения инструкциям, но они совершенно не были подготовлены к встрече со случайностями, если же сталкивались с чем-нибудь непредусмотренным, то оказывались совершенно беспомощными перед лицом необычных обстоятельств. Цивилизация, создаваемая роботами, могла существовать только в среде, где вся жизнь протекала по намеченному плану, там, где от роботов не могли потребовать ничего нового, а здесь...

Сейчас он чувствовал себя сбитым с толку роботом — ему ведь тоже никогда еще не приходилось сталкиваться с чем-нибудь подобным. Это было отвратительное ощущение...

Бордман вдруг обнаружил, что рядом с ним — и, похоже, уже давно — бежит Наджет. Медвежонок прижал уши и заскулил, поймав на себе взгляд человека. А ведь, пожалуй, Наджет получает с воспитательной целью не меньше шлепков, чем он сам, — хотя пока страдает только лишь его самолюбие! Эта забавная мысль заставила Дэниэла улыбнуться.

— Я тебя понимаю, друг, — сказал он грустно.

Наджет радостно взбрыкнул в надежде, что человек поиграет с ним. Даже на четвереньках он достигал четырех футов.

Бордман протянул руку и осторожно погладил медвежонка по голове. Впервые в жизни он приласкал животное. Но раздавшееся сзади рычание, от которого по спине побежали мурашки, живо заставило его пожалеть о том, что он сделал.

Бордман отпрянул от Наджета, обернулся — и в десяти шагах от себя увидел Фаро Нелл, которая смотрела ему прямо в глаза. Холодный пот выступил на лбу Бордмана, во рту пересохло. Но глаза медведицы были странно спокойными, и она рычала совсем не так, как тогда, на утесе, когда почуяла, что Наджету грозит опасность. Минуту спустя она отвернулась и стала обнюхивать скалы.

Отряд продолжал свой путь. Наджет теперь не отходил от Бордмана. Время от времени он тыкался мордой ему в бок и смотрел на него полным обожания взглядом. Бордман уже еле переставлял ноги, но время от времени поднимал руку, чтобы приласкать Наджета.

Фаро Нелл, казалось, была довольна тем, что так надежно пристроила своего медвежонка и может теперь спокойно отходить от него.

— Похоже, медведица приставила вас пестуном к Наджету, — хмыкнул Хайдженс, обернувшись раз, потом другой.

— Пестуном? — раздраженно переспросил Бордман, поспешно отдергивая руку от головы медвежонка. — Что-то я не помню, чтобы я баллотировался на такую странную должность!

— Когда у медведицы рождается новый медвежонок, она заставляет прошлогоднего медвежонка-подростка присматривать за своим несмышленым братцем или сестрицей, — весело объяснил Хайдженс. — А Фаро Нелл явно решила доверить эту почетную должность вам.

— Я ее об этом не просил. — Бордман оттолкнул морду ласкающегося к нему Наджета.

— Да шлепните его несколько раз, и он вернется к матери, — посоветовал Хайдженс.

— Вот еще! Если уж в остальном от меня пользы немного, пусть я хотя бы побуду пестуном!

Хайдженс остановился и внимательно посмотрел на него.

— Устали?

— Нет! — быстро солгал Дэниэл.

На самом деле он боялся, что долго не протянет. Человек, привыкший полагаться на услуги роботов, не очень-то приспособлен к многомильному путешествию по полным опасностей диким лесистым горам.

— Нам нужно торопиться, — сказал Доналд. — Но как только стемнеет, мы устроим привал. Держитесь, осталось уже немного!

Бордман молча оттолкнул его, прошел вперед и услышал, как Хайдженс негромко рассмеялся за его спиной.

Когда наконец наступила ночь, Хайдженс дал сигнал к остановке, но из опасения перед ночными обитателями Лорена не стал разжигать костра. Впрочем, в темноте тоже было небезопасно, так как «ночные бродяги» с вечера выходили на охоту. Он устроил заграждение из колючих кустов, открыл пару банок консервов, но Бордман был так измучен, что повалился спать, отказавшись от ужина. Вскоре улегся и Хайдженс, пристроив под рукой бластер. Медведи чутко дремали, просыпались и снова начинали храпеть. Семпер сидел неподвижно на сухой ветке, спрятав голову под крыло.

А потом ночной концерт как-то неожиданно стих, и наступила чудесная, полная утренней прохлады тишина, мир вокруг расцвел под утренними лучами солнца, пробивающегося сквозь чащу. Они быстро поднялись и тронулись в путь. После отдыха Бордман чувствовал себя куда бодрее.

Днем они вынуждены были остановиться на два часа, чтобы сбить с толку сфиксов, напавших на след медведей.

— Почему бы не придумать надежное средство, уничтожающее запах? — сказал Бордман. — Если изобрести средство, мешающее сфиксу учуять запах жертвы, люди куда

свободнее смогут передвигаться по этой планете. Что скажете, Хайдженс?

— Великолепная мысль! Вот и займитесь этим, когда вернетесь в свое Колониальное Управление!

Дэниэл промолчал. Он не был уверен, что вернется.

Ночью они снова сделали привал и лишь на третий день добрались до подножия плато, которое издали напоминало горную гряду. На самом деле оно оказалось пустынным плоскогорьем. Странно, что пустыня лежала так высоко над уровнем моря, в то время как низкая впадина обильно смачивалась дождями. Но на четвертый день им стала ясна причина этого явления. Далеко впереди на краю огромного плато они увидели каменную глыбу. Она была похожа на нос большого судна. Хайдженс сразу обратил внимание на то, что гора лежала на пути ветров и разрезала их, как нос корабля режет волну. Несущие влагу воздушные потоки с двух сторон обмывали плато, поэтому середину его палящие лучи солнца превратили в выжженную пустыню.

Этот четвертый день чуть не доконал Бордмана. Несколько часов ушло на то, чтобы подняться до середины заваленного камнями склона. Семпер дважды во время подъема летал над большим скоплением сфиксов, которые бежали параллельно дороге то с одной, то с другой стороны.

Хайдженс никогда прежде не видел столько чудовищ, обычно в стае их было не больше дюжины. Он не отрывал взгляда от маленького экрана, отражающего то, что видел Семпер на расстоянии от четырех до пяти миль. Сфиксы длинной вереницей двигались вверх по направлению к плато.

Пятьдесят, шестьдесят... семьдесят лазурно-рыжих обитателей ада!

— Я с ужасом думаю о том, что эта свора может напасть на нас, — признался Хайдженс. — Боюсь, что тогда мы окажемся в незавидном положении.

— Вот здесь бы нам пригодился бронетанк, управляемый роботами, — прохрипел Бордман. Он радовался каждой, даже самой маленькой остановке.

— Да, что-нибудь бронированное не было бы лишним. Один человек может уцелеть на такой станции, как моя. Но если он убьет сфикса — все пропало. Он будет осажден, и ему придется долго просидеть в своей норе, вдыхая запах дохлого сфикса, пока аромат не улетучится. И ни в коем случае нельзя больше убить ни одного зверя, так как иначе придется сидеть в крепости до самой зимы.

Они взбирались по склону, круто поднимавшемуся вверх под углом примерно в пятьдесят градусов; медведи шли очень легко, Бордман пыхтел громче любого из них. Хайдженс не спускал глаз с телепластинки.

— Ну и дьявольский подъем, — сказал он, отдуваясь. — Пожалуй, нужно передохнуть...

— Если это из-за меня, — строптиво отозвался Бордман. — То я еще полон сил и...

— Вы-то, может быть, и полны. Но я отнюдь не железный. И медведи тоже, особенно Наджет.

Дэниэл посмотрел на Наджета с особой симпатией, снова подумав о нем как о товарище по несчастью.

Звери радостно улеглись отдыхать, едва их хозяева остановились, но чувствовалось, что они все время настороже.

— А медведи у вас здорово вышколены, — пробормотал Бордман, борясь с желанием заснуть. — Я вполне понимаю Семпера, у которого не хватает терпения...

— Не я их вышколил, — ответил Хайдженс, внимательно рассматривая изображение на пластинке. — Это ведь видоизмененная порода, и все их качества передаются по наследству. Ученые на моей родной планете разумно учли психологический фактор, когда выводили новую породу. Им нужны были животные, которые могли бы драться как дьяволы, жить вдали от родных мест, таскать тяжести и по-собачьи быть преданными человеку. Люди с давних времен делали попытку добиться необходимой степени физического развития у животных, обладающих высокой духовной организацией. В результате должна была получиться гигантская собака. Но на моей планете лет сто тому назад такой опыт решили проделать с медведями. Опыт оказался удач-

ным. Первый медведь, названный Чемпионом Кодьяка, обладал уже всеми качествами, которые вы можете найти у его потомков.

— Но на вид они вполне нормальные медведи... — У Дэниэла едва хватало сил следить за рассказом.

— Они абсолютно нормальные. — В голосе Хайдженса появились теплые нотки. — И ничем не хуже обычного пса. Их даже не нужно обучать, как Семпера. Они сами всему учатся.

Он снова посмотрел на лежащую у него на ладони пластинку, на которой отражалась верхняя часть склона.

— Семпер — ученая, но недалекая птица, хорошо тренированный разведчик, и только. А медведи стараются дружить с людьми. Они зависят от нас в эмоциональном отношении, как и собаки. Если Семпер слуга, то они помощники и друзья. Служить человеку орла вынудили обстоятельства, а медведи нас любят. Семпер, не задумываясь, оставил бы меня, если бы понял, что может прожить один. Но он уверен, что может есть только то, что ему дают люди. А медведи не ушли бы от меня. И я к ним очень привязан. Может быть, за то, что они меня так любят.

— И кто вас дергал за язык? — Бордман рассерженно смотрел на своего собеседника. — Ведь я офицер Колониальной Службы. Все равно рано или поздно я должен буду вас арестовать. А вы рассказали мне все факты, по которым я легко смогу установить, кто вас сюда прислал. Мне теперь нетрудно навести справку о том, на какой планете выращивали видоизмененных медведей и где остались потомки медведя по имени Чемпион Кодьяка. Теперь я могу узнать, откуда вы прибыли.

Хайдженс поднял голову от пластинки, на которой покачивалось крошечное телевизионное изображение, и Дэниэл отвел глаза под его спокойным взглядом.

— Ничего страшного. Там меня тоже считают преступником. Официально записано, что я похитил этих медведей и скрылся с ними. А на моей родине это самое страшное преступление, которое только может совершить человек.

Это даже хуже, чем было конокрадство на Земле в старые времена. Родственники моих медведей очень высоко ценятся. Так что и дома я тоже преступник.

— Вы их украли? — удивленно спросил Бордман.

— Если говорить откровенно, — вздохнул Хайджженс, — я их не крал. Но подите докажите это. — Он подмигнул Бордману и добавил: — Взгляните-ка на пластинку. Хотите знать, что видит Семпер на краю плато?

Бордман посмотрел на пластинку, которую протянул ему Хайджженс. Она была размером четыре на шесть дюймов, совершенно гладкая и блестящая. Изображение на пластинке двигалось и поворачивалось, на мгновение на экране мелькнули крутой горный склон и на нем черные точки. Это были люди и медведи. Затем появилась вершина плато, и на ней они увидели сфиксов.

Около двухсот чудовищ рысцой бежали по направлению к пустынному ложу плато. Объектив повернулся — и Бордман увидел еще одну стаю сфиксов. Птица поднялась выше. По краю плато двигались все новые и новые орды чудовищ.

Плато кишело дьявольскими отродьями. Издали они напоминали стада, рассыпавшиеся по пастбищу. Трудно было представить, где они находили достаточное количество пищи.

— Переселяются. — Хайджженс взял пластинку из рук Бордмана. — И идут в какое-то определенное место. Я не уверен, что сейчас мы сможем пересечь плато, когда там такое скопление сфиксов.

Бордман выругался.

— Но сигналы по-прежнему доходят, — сказал он. — А вдруг в колонии кто-то еще жив? Можем ли мы ждать до тех пор, пока кончится переселение? Как долго оно будет происходить?

Хайджженс устоял под градом вопросов.

— Понятия не имею! Так же как не знаю, какие у тех бедняг условия и смогут ли они продержаться неделю, день или всего лишь час. Ясно одно: им очень нужна помощь. И мы во что бы то ни стало должны до них добраться. Но в то же время... — Он посмотрел на Сурду

Чарли и Ситку, терпеливо сидевших на склоне, пока люди отдыхали и разговаривали. Ситка ухитрился даже принять любимую позу — лапами вверх. — В то же время сделать это будет нелегко, — медленно закончил он. — Бордман, как вы? Сможете идти?

— О чем это вы? — высокомерно осведомился Дэниэл, поспешно поднявшись. — Кажется, пока я не был вам обузой!

— Да, в мужестве вам не откажешь. — Хайдженс улыбнулся. — Скажите, вы не думали о том, чтобы заняться чем-нибудь более путным, чем Колониальный Надзор? Человек с вашими качествами мог бы...

— Если вы пытаетесь склонить меня к тому, чтобы стать вашим сообщником...

— Об этом мы еще поговорим, когда закончим наше маленькое предприятие. — Хайдженс махнул рукой, указывая новое направление.

— В путь! — крикнул он медведям. — Вперед! Хоп!

IV

Они шли по склонам, не поднимаясь до верхнего уровня плато, по которому двигались сфиксы, что значительно замедляло продвижение отряда. Людям казалось, что они забыли, как ходят по ровной земле. Семпер днем парил над людьми и медведями, не отлетая от них далеко. Когда же наступала ночь, он спускался за едой, которую Хайдженс доставал из тюка.

— У медведей осталось совсем мало еды. — Хайдженс тяжело вздохнул. — Но они проявляют благородство по отношению к нам, добывая себе пищу самостоятельно, а не клянча ее у нас. Вот у Семпера такого благородства нет. Он слишком туп, к тому же его приучили думать, что он может есть только из рук человека. Медведи все лучше пони-

мают, но тем не менее они бескорыстно нас любят. За это они мне и нравятся.

Дэниэл задумчиво посмотрел на Наджета и, улучив момент, когда Хайдженс отвернулся, быстро сунул медвежонку свой кусок.

В следующий раз они расположились на отдых на вершине, высоко торчащей над гористой каменной стеной. Здесь едва-едва хватило места для всего отряда. Фаро Нелл заволновалась и стала пристраивать Наджета в самый безопасный уголок около горного склона. Казалось, она готова столкнуть людей с камня, чтобы поудобнее устроить медвежонка, но Наджет вдруг заскулил и стал проситься к Бордману. И когда наконец он добился своего и прижался к боку Дэниэла, медведица, смирившись, отодвинулась и зарычала на Ситку и Сурду. Они потеснились и пропустили ее к самому краю скалы.

Это был невеселый привал. Все были голодны: уже третью ночь не было никакой дичи, и Хайдженс ничего не предпринимал, чтобы достать еду. Бордман не жаловался. Он тоже начал ощущать то особое родство между медведями и людьми, которое делало животных не рабами, заставляло как-то по-иному относиться к ним. И это было какое-то новое, очень непривычное чувство.

— Мне кажется, — сказал он мрачно, — что если сфиксы не охотятся по пути наверх, то где-то должна быть и дичь. По-моему, сейчас они ни на что не обращают внимания.

Доналд задумался. Обычно в бою сфиксы выстраиваются цепью, чтобы в любую минуту окружить жертву. Если противник сопротивляется, они нападают с флангов. Но на сей раз они поднимались в гору, выстроившись цепочкой, один за другим, уверенно следуя по привычному пути. Ветер дул со склонов, и запах медведей доходил до сфиксов. Но они не сворачивали с намеченной дороги. Длинная процессия сине-рыжих дьяволов упорно лезла вверх.

— По этой дороге прошли тысячи тварей. Мне кажется, они идут уже несколько дней или даже недель. На пластинке мы видели не менее десятка тысяч. Пересчитать их

невозможно. Первые партии, очевидно, сожрали все, что нашли, а остальные...

Бордман запротестовал:

— Не может быть в одном месте такого количества плотоядных. Я знаю и вижу, сколько их здесь... но этого не может быть!

Видно, такова была его натура — постоянно оспаривать очевидные факты.

— Ведь они холоднокровные. — Хайдженс пожал плечами. — И им не нужны калории для поддержания температуры тела. Кроме того, многие животные могут долгое время обходиться без еды. Даже медведи погружаются в зимнюю спячку.

Он начал устанавливать приемник. Бордман не понимал, для чего Хайдженс это делает. Передатчик был на другой стороне плато, которое кишело самыми свирепыми и опасными зверями из всех обитателей Лорена. Всякая попытка пересечь плато равнялась бы самоубийству.

После настройки приемника сразу же послышался резкий треск. Затем сигнал: три точки, три тире, три точки. Три точки, три тире, три точки. Снова и снова. И так без конца. Хайдженс выключил приемник и задумчиво почесал подбородок.

— Почему вы не ответили на их сигнал перед тем, как ушли со станции, чтобы подбодрить их? — спросил Бордман.

— Потому что не сомневался, что у них нет приемника. Они не ждут, что им ответят, уже в течение многих месяцев. Если они живут в шахте, то, наверное, иногда делают короткие вылазки, чтобы достать какую-нибудь пищу. И не думаю, что у них есть время и силы для того, чтобы делать сложные приемники и реле.

— Мы должны достать еду для медведей. — Бордман пристально смотрел на своего собеседника. — Наджет ведь только-только бросил сосать. Он голодный.

— Да, следует попытаться, — кивнул Хайдженс. — Может быть, я и ошибаюсь, но мне кажется, что сфиксов становится меньше, чем вчера или позавчера. Когда мы будем

за пределами их обычных маршрутов, то снова поищем кого-нибудь вроде «ночного бродяги». Боюсь, что сфиксы уничтожили все живое на своем пути.

Однако оказалось, что Хайдженс был не совсем прав. Ночью людей заставило вскочить рычание медведей, а потом в темноте раздались звуки смачных шлепков. Порыв ветра ударил по лицам, тряхнул фонарь, подвешенный к дереву. Все вокруг было окутано беловатой дымкой, и вдруг чья-то тень метнулась в сторону... А вскоре несколько больших летающих белых существ атаковало людей.

Ситка Пит зарычал во всю мощь своей огромной глотки, его поддержал бас Фаро Нелл. Она высоко подпрыгнула и кого-то схватила, но свет погас, прежде чем Хайдженс понял, что произошло. Он громко крикнул:

— Не стреляйте, Бордман!

Люди прислушались и услышали в темноте хруст мерно работающих челюстей. Потом все стихло.

— А ну, посмотрим! — проговорил Хайдженс.

Снова вспыхнул фонарь, и Бордман увидел, что какое-то существо странной формы быстро приближается к нему, а за ним еще... Господи, сколько же здесь этих тварей?! Четыре, пять, десять...

Огромная мохнатая лапа появилась в освещенном круге и выхватила из него летающее «привидение». Затем вторая огромная лапа проделала то же самое. Хайдженс сорвал с ветки фонарь и поднял его повыше. Три огромных кодьяка, стоя на задних лапах, смотрели на странных ночных гостей, которые дрожали, будучи не в силах преодолеть притяжения лампы. Они вращались с бешеной скоростью, и поэтому было невозможно подробно их рассмотреть. Это были те самые отвратительные ночные животные, чем-то напоминающие ощипанных обезьян, которых Хайдженс окрестил «ночными бродягами».

Медведи спокойно, с удивительным знанием дела хватали «бродяг» и отправляли их в пасть. У ног каждого уже образовались маленькие живописные холмики из останков.

И вдруг все исчезло, ночные гости пропали, словно по волшебству, и Хайдженс спокойно потушил фонарь. Медведи в темноте продолжали деловито дожевывать ужин.

— Эти существа — кровопийцы, — зевая, пояснил Хайдженс, — они высасывают кровь у жертвы, причем ухитряются при этом не будить ее, а когда жертва уже мертва, вся братия пожирает труп. Кроме того, «ночные бродяги» всеядны и могут есть всех здешних существ, за исключением сфиксов. Но у медведей густая шерсть, и они просыпаются от малейшего прикосновения. Я уверен, что наши ночные гости пришли подкрепиться, но вместо этого сами оказались лакомым блюдом для медведей...

Бордман прервал его объяснения громким вскриком. Он включил маленький фонарь и уставился на свою окровавленную руку.

— Это вовсе не смертельно, не бойтесь! — быстро успокоил его Хайдженс. — В отличие от сфиксов эти твари не ядовиты.

Хайдженс вынул из кармана перевязочный пакет и ловко забинтовал небольшую ранку, из которой, однако, успело вытечь порядочно крови.

И только сейчас Бордман заметил, что Наджет что-то жует. Когда зажгли яркий свет, медвежонок уже делал конвульсивные глотательные движения. Он, очевидно, поймал и съел «вампира», присосавшегося к Бордману. К счастью, рана оказалась пустяковой, и утром они снова двинулись вдоль крутого откоса плато.

Бордман был предельно молчалив, а если разговаривал, то только с Наджетом.

Краем уха Хайдженс поймал обрывок одного из этих откровений:

— Роботы не справились бы с этими «вампирами», Наджет. Им бы это было не по силам, верно?

— Да, но вполне возможно сконструировать специального робота, который следил бы за «ночными бродягами», — вместо медвежонка утешил Бордмана Хайдженс. — Впрочем, я тоже предпочитаю полагаться на медведей.

Доналд шел впереди: здесь не нужно было сохранять строй, необходимый для путешествия по лесу. Звери легко брали крутые подъемы, так как толстые подушки на лапах помогали им удерживаться на скользких скалах. Люди с трудом волочили ноги. Дважды Хайдженс останавливался и осматривал в бинокль местность у подножия гор. Высокий пик, торчащий, как нос корабля, на краю плато, заметно приблизился. В полдень они увидели его над горизонтом в пятнадцати милях от места стоянки отряда. Это был их последний привал.

— Проход свободен. Внизу нет больше сфиксов, — весело объявил Хайдженс. — И даже не видно их цепочек на склонах. Теперь нам нужно воспользоваться тем, что одна партия прошла, а вторая еще не появилась. Мне кажется, что мы обошли их дорогу. Посмотрим, что там у Семпера.

Он поманил рукой орла, который тотчас же поднялся в воздух.

Хайдженс принялся смотреть на пластинку. Изображение на экране все время переворачивалось. Через несколько минут Семпер летел над краем плато. Там уже была растительность. Затем земля на пластинке быстро завертелась, и они увидели пятна кустарника. Орел поднялся еще выше. На экране появилась пустыня, лежащая в середине плато. Нигде не было ни следа сфиксов. Только один раз, когда птица резко накренилась и аппарат запечатлел плато во всю длину, Хайдженс увидел сине-рыжие точки. Мелькнули какие-то темные пятна, похожие на сгрудившееся стадо, но ясно было, что это не сфиксы, так как они никогда не собирались в такие стада.

— Лезем прямо наверх, — скомандовал Доналд. — Мы пересечем плато здесь. И думаю, что по дороге к вашей колонии мы узнаем нечто интересное.

У Бордмана уже не было сил, чтобы поинтересоваться, на что именно он намекает.

Хайдженс сделал знак медведям, и они послушно стали карабкаться выше.

* * *

Через несколько часов, незадолго до захода солнца, отряд достиг вершины. И здесь на зеленой, покрытой травой и кустарником окраине пустыни они увидели каких-то животных. Не очень много, но все же по виду они были вполне съедобны. Хайджекс подстрелил косматое жвачное, которое никак не могло быть жителем пустыни. Он зажарил его на костре еще до наступления ночи и заставил Бордмана проглотить солидную порцию довольно вкусного мяса. Остатки ужина людей достались медведям.

К ночи похолодало. Температура здесь была значительно ниже, чем на склонах, и воздух очень разрежен.

Бордмана вдруг осенила интересная догадка. В «носовой» части горы воздух стоял совершенно неподвижно, там не было ни единого облачка. Тепло, исходящее от земли, попадало в пустое пространство. Ночью, по-видимому, там было страшно холодно. Он сказал об этом Хайджексу.

— Да, и очень жарко днем, — ответил Доналд. — Днем здесь земля накаляется, как поверхность безатмосферной планеты. На солнце, должно быть, не меньше ста сорока — ста пятидесяти градусов, а ночью очень холодно.

Они вскоре убедились в этом. Температура упала ниже нуля, и можно было спокойно спать, не опасаясь ночных гостей — «бродяги» не переносили такой холод.

Хотя всю ночь стоянку обогревал костер, к утру люди совершенно закоченели, но медведи спокойно храпели, а когда Хайджекс поднял их, довольно бодро двигались. Казалось, им доставляла удовольствие утренняя прохлада. Ситка и Сурду так развеселились, что начали бороться, награждая друг друга тумаками, способными размозжить любой череп, кроме черепа медведя-кодьяка. Наджет внимательно следил за состязанием, то и дело чихая от возбуждения. Фаро Нелл смотрела на медведей с чисто женским осуждением во взгляде. Тоже мне, нашли время, чтобы заниматься подобными глупостями!

Наконец двинулись дальше, но к этому времени Семпер стал каким-то вялым. После каждого полета он отдыхал на

тюке, который нес Ситка. Орел сидел на нем с важным видом и упорно не желал взлетать. Парящие птицы не любят летать, когда нет ветра, облегчающего их движение.

Хайдженс показал Бордману на увеличенном стереофото дорогу, по которой они шли, и место, откуда доносились сигналы о бедствии.

— Вы все это мне объясняете на случай, если с вами что-нибудь произойдет? — спросил Дэниэл. — Наверное, это имеет смысл, но чем я смогу помочь этим оставшимся в живых людям, если даже доберусь до них без вас?

— Пригодятся ваши познания о сфиксах, — без всякой иронии ответил Хайдженс. — И медведи будут вам хорошими помощниками. Я оставил записку на станции. Всякий, кто приземлится на посадочном поле — ведь сигнальные огни включены, — найдет указания, как добраться до вас.

— Прекратите! — резко прервал Бордман. — С вами ничего не случится, нечего морочить мне голову! Вместе мы начали эту авантюру и вместе ее закончим. Больше я не хочу разговаривать на эту тему!

Доналд улыбнулся и молча пошел вперед.

Бордман брел следом, с трудом поспевая за ним. Узкая зеленая полоса границы плато осталась позади, и они шагали по песку, напоминавшему порошок.

— Меня интересует одна вещь, — вдруг сказал Бордман. — Вы говорили, что вас считают похитителем медведей на вашей родной планете, но сами сознались, что это ложь. А теперь вы каждую минуту рискуете жизнью из-за незнакомых вам людей. Большой риск оставить меня в живых. Но еще больший риск спасать тех, кто сможет подтвердить впоследствии, что вы преступник. Для чего вы все это делаете?

Хайдженс усмехнулся:

— Мистер Бордман, вам когда-нибудь уже говорили, что вы зануда?

— Говорили. Не раз. Так зачем вы все-таки это делаете?

— А о том, что вы — тупица, неспособный запомнить самое простейшее объяснение, вам уже кто-нибудь говорил?

— Раз или два — но не отвлекайтесь от темы. Так зачем вы это делаете, Хайдженс?

Доналд расхохотался и хлопнул Бордмана по плечу.

— Потому что я не люблю роботов. Мне противно думать о том, что они командуют людьми, заставляя их подчиняться себе.

— Во-первых, мне никогда не приходилось сталкиваться с ситуацией, когда роботы подчинили бы людей себе, — своим самым лучшим занудным тоном проговорил Бордман. — Бунт роботов — это сюжет из фантастического романа, но не из жизни! А во-вторых, я не понимаю, как ваша антипатия к роботам могла толкнуть вас на преступление.

— Нет, люди подчиняются роботам, и делают это постоянно, — упрямо повторил Хайдженс. — Я, конечно, человек с причудами, но счастлив, что могу жить на этой планете по-человечески и делать все, что захочу, не соизмеряя свои поступки с присутствием механических рабов. Медведи — мои друзья и помощники, но не рабы, от которых я все больше и больше зависел бы, как другие люди зависят от роботов. Скажите честно, если бы попытка создать колонию роботов не потерпела неудачи, разве люди смогли бы жить здесь так, как им хочется? Едва ли. Они строили бы свою жизнь под диктовку роботов. Они вынуждены были бы вечно находиться за заборами, построенными роботами; они всегда ели бы только ту пищу, которую им выращивают роботы. Человек не может даже подвинуть кровать поближе к окну, потому что роботы, занимающиеся домашней работой, наверняка переставили бы ее обратно. Роботы хорошо обслуживают людей — им положено это делать, но в результате люди должны только тем и заниматься, чтобы служить роботам.

Бордман покачал головой.

— Ну что ж! Такова плата за удобства. Пока люди пользуются услугами роботов, они должны довольствоваться тем, что роботы могут им дать. А если вы отказываетесь от этих услуг...

— Я хочу иметь возможность решать самому, а не быть ограниченным в выборе того, что мне предлагают. На моей родной планете когда-то почти добились с помощью оружия и собак права принимать решения самостоятельно. Потом начали приручать медведей, которые частично избавили нас от услуг роботов. Но позже, когда настала угроза перенаселения для медведей и собак, да и для людей, нам стало ясно, что нужно поискать новые миры, где мы могли бы существовать — без помощи механических рабов. На большинстве освоенных людьми планет человек все больше и больше попадает во власть роботов и вынужден пользоваться тем, что ему может предложить цивилизация роботов. Чем больше мы зависим от них, тем ограниченней наш выбор. Но мы — обитатели моей родной планеты — не хотим, чтобы наши дети зависели от этих машин и страдали из-за того, что роботы не могут обеспечить их всем необходимым. Мы хотим, чтобы они выросли полноценными мужчинами и женщинами, а не способными только нажимать кнопки управления роботов, без чего они не смогут существовать. И вы считаете, что все это не есть подчинение роботам?

— Но ведь ваши доводы чисто субъективны, — не соглашался Бордман. — Не все же чувствуют так, как вы.

— А я чувствую именно так, — отрезал Хайдженс. — И не только я. Наша Галактика велика, и в ней много неожиданного. Можно с уверенностью сказать, что роботы и человек, который зависит от них, совершенно не подготовлены к столкновению с непредвиденными обстоятельствами и им не под силу будет справиться с этими неожиданностями. Недалек час, когда нам понадобятся люди, способные преодолеть любые препятствия. На моей планете многие просили разрешить им колонизацию Лорена. Нам было отказано. Считается, что это слишком опасно. Но люди, если они настоящие люди, могут освоить любую планету. Я поселился здесь для того, чтобы изучить условия местной жизни. Особенно меня интересуют сфиксы. Со временем мы собирались вторично просить разрешения, уже после того

как у нас будут доказательства возможности жить на этой планете и справиться даже с этими чудовищами. Я уже добился кое-каких успехов. И вот Колониальная Служба дает разрешение на создание колонии роботов — и где же эта колония?

Бордман не сдавался.

— Вы выбрали неверный путь, построив нелегальную станцию. Ваш исследовательский пыл, конечно, не может не вызывать восхищения, но, к сожалению, он был направлен не туда, куда нужно. Я хорошо понимаю, что именно такие пионеры-энтузиасты, как вы...

Сурду вдруг встал на задние лапы и понюхал воздух. Хайдженс придвинул к себе бластер, а Бордман даже снял предохранитель, но тревога оказалась ложной. Все было тихо.

— Собственно говоря, — продолжал Бордман раздраженно, — вы говорите о свободе и равенстве, о вещах, которые многие считают областью политики. Вы даже утверждаете, что это больше, чем политика. Принципиально я с вами согласен, но у вас все это звучит как какой-то религиозный выверт.

— Самоуважение, — таков был краткий ответ.

— Может быть, вы...

Фаро Нелл зарычала и стала носом подталкивать Наджета поближе к Бордману. Она фыркнула на него и рысцой пустилась бежать туда, где уже выстроились Ситка и Сурду мордами к широкой части плато, на которой ранее скапливались сфиксы.

Хайдженс, приставив ладонь к глазам, стал вглядываться в том направлении, куда смотрели медведи.

— Они что-то учуяли! — сказал он тихо. — Но, к счастью, ветра нет. Впереди какой-то холм. Пошли туда.

Он не пошел, а побежал вперед. Бордман с Наджетом последовали за ним. Они быстро взобрались на невысокий, поросший кривыми колючими кустами холмик, торчавший

на высоту шести футов из окружающего песка. Хайдженс в бинокль оглядел местность.

— Один сфикс, — сказал он. — Всего один. Это не менее странно, чем огромные стаи от сотни до тысячи голов, которые мы видели.

Он послюнил палец и поднял его.

— Ни малейшего ветерка.

Потом снова приложил к глазам бинокль.

— Сфикс не знает о том, что мы здесь, он удаляется. И больше ни одного не видно. — Хайдженс стоял в нерешительности, покусывая губы.

— Послушайте, Бордман, — сказал он наконец. — Мне бы хотелось убить этого одинокого сфикса и выяснить одну вещь. И половина шансов за то, что удастся сделать очень важное открытие. Я хочу попробовать, но придется бежать туда, и очень быстро. Если окажется, что я прав, — он взглянул на часы... — то нельзя терять ни минуты. Все должно быть сделано в темпе, поэтому я хочу добраться туда верхом на Фаро Нелл. Ситка и Сурду без меня здесь не останутся. Но Наджет не может так быстро бегать. Вы не побудете с ним, Бордман?

У Бордмана перехватило дыхание. Но он спокойно сказал:

— Вы ведь всегда хорошо знаете, что следует делать, Хайдженс. Только... Только смотрите там в оба.

— Вы тоже. Если что-нибудь увидите вдалеке, стреляйте, и мы моментально вернемся. Не ждите, пока опасность будет близко, стреляйте сразу.

Дэниэл кивнул. Ему было трудно говорить.

Хайдженс подошел к приготовившимся к бою животным и, оказавшись на спине Фаро Нелл, крепко ухватился руками за густую шерсть.

— Ну, пошел! — крикнул он. — Хоп!

Три кодьяка понеслись с бешеной скоростью. Хайдженс трясся и подпрыгивал на спине у Фаро Нелл. Неожиданный старт поднял Семпера с места. Он изо всей силы захлопал

крыльями и взлетел вверх, а затем неохотно последовал за медведями, летя над самой головой Хайдженса.

Дальнейшие события разворачивались очень быстро. Кодьяк, когда это необходимо, может бегать со скоростью лошади. Медведи мгновенно одолели полукилометровое расстояние, отделявшее их от сине-рыжего дьявола. Сфикс встретил их рычанием, Хайдженс выстрелил, не слезая со спины Фаро Нелл. Огромное рогатое чудовище подпрыгнуло и испустило дух.

Хайдженс соскочил с медведицы и стал что-то делать на земле, где лежал мертвый сфикс. Семпер, перевернувшись в воздухе, лег на крыло и стал снижаться; он внимательно наблюдал за Хайдженсом.

Бордман тоже не отрываясь следил за движениями Хайдженса. Ситка и Сурду безучастно бродили вокруг, в то время как Фаро Нелл с любопытством смотрела на хозяина, который производил какую-то непонятную операцию над трупом сфикса.

На холме тихо скулил Наджет. Бордман потрепал его по голове. Наджет заскулил еще громче. Бордман видел, как Хайдженс выпрямился и шагнул к Фаро Нелл, как он влез на нее. Кажется, все было в порядке, и Бордман шумно перевел дух. Он сам удивился тому, как волнуется за Хайдженса.

Ситка повернул голову и стал смотреть в ту сторону, где стоял Бордман. Затем отряд двинулся обратно к холму. Семпер бешено хлопал крыльями и кричал, хотя воздух был совершенно неподвижен. Перевернувшись несколько раз, он опустился на плечо Хайдженса и вцепился в него когтями.

И тут вдруг Наджет истерически завыл и прижался к Бордману, как щенок, который в минуту опасности старается найти защиту у матери. Не успев даже толком осознать, что делает, Бордман упал и увлек за собой медвежонка. Он успел увидеть, как мелькнула чешуйчатая шкура, и в ту же секунду воздух огласился резкими пронзительными визгами сфикса, гигантскими прыжками приближавшегося к Бордману и Наджету. Но последний прыжок зверя был

слишком мощным, и чудовищная пятнистая тварь с раздирающим уши визгом перемахнула через человека и медвежонка.

Бордман и Наджет мгновенно вскочили на ноги. Дэниэл судорожно схватился за оружие — а Ситка и Сурду уже летели обратно со скоростью ракеты, за ними с громким воем неслась Фаро Нелл, и мохнатый медвежонок, спотыкаясь, со всех ног бежал к матери. Бордман дрожащими руками поднял бластер, выстрелил — и промахнулся, хотя сфикс был совсем близко. Пригнувшись, хищник пристально наблюдал за удирающим медвежонком, явно готовясь его преследовать. Его не отвлек выстрел, его не отвлек стоящий рядом с ним человек: как и все хищники, самой соблазнительной жертвой сфикс считал движущуюся добычу.

Тогда, едва ли понимая, что делает, Бордман стал размахивать бластером перед носом сфикса, а затем яростно ударил его по голове. Сфикс круто развернулся и сбил Бордмана с ног. Трудно удержаться на ногах, когда адское чудовище весом в сотни фунтов с яростью и злобой дикой кошки со всей силой ударяет тебя в грудь.

Пытаясь обеими руками оттолкнуть от себя дико визжащую смерть, Бордман отвоевал себе три или четыре секунды жизни...

А потом рядом появился Ситка Пит. Огромное животное встало на задние лапы и с громовым рычанием смело сфикса с его беспомощной жертвы. Вторым подоспел Хайджженс и бешено выругался, не решаясь стрелять: Бордман был слишком близко от чудовища.

Фаро Нелл мотала головой и ревела, раздираемая, с одной стороны, желанием успокоить Наджета, а с другой — разорвать обидчика, осмелившегося напасть на ее чадо.

Сидя на спине у Фаро Нелл с Семпером, идиотски цепляющимся за его плечо, Хайджженс беспомощно смотрел на сфикса, бросающегося на Ситку, и на Бордмана, лежащего в футе от поля боя. Хищнику стоило только протянуть лапу — и от Бордмана ничего бы не осталось.

Но тут на помощь товарищу прибыл Сурду — двадцать две сотни фунтов ярости, рева и мощных, как тараны, когтистых лап обрушились на сфикса и превратили его в безжизненный изувеченный труп. Только тогда Хайдженс спрыгнул со спины медведицы и подбежал к Бордману.

— Как вы, дружище?!

— Со мной все в порядке. — Бордман пытался приподняться. — Как Наджет? Как остальные медведи?

— Все живы, — заверил Хайдженс и отшвырнул в сторону бластер, который все еще сжимал в руках. — Не двигайтесь, Бордман, дайте мне осмотреть ваши раны!

— Я же сказал — со мной все в порядке. — С этими словами Бордман опять попытался привстать и потерял сознание.

V

Они поспешили уйти от этого места, едва только Бордман очнулся.

Не так-то легко оказалось оторвать Сурду от его жертвы: медведь крепко зажал сфикса в зубах и пытался с размаху ударить его о землю. Он, казалось, был вдвойне разъярен из-за того, что сфикс осмелился обидеть человека, с которым медведи теперь сроднились так же, как и с Хайдженсом.

Доналд обработал глубокие рваные царапины на груди Бордмана и попытался подсадить его на спину Ситки, но Дэниэл сердито запротестовал:

— Черт возьми! У Ситки раны куда пострашнее моих.

— Ситка пострадал куда меньше всех, за исключением Наджета и Фаро Нелл, — резко возразил Хайдженс. — Нам нужно как можно быстрее убираться отсюда, пока не прибыли «плакальщики», иначе всех нас изорвут на клочки! Не спорьте, Бордман, сейчас вы не сможете идти!

Бордман покорился, потому что понимал, что Хайдженс прав.

Он устроился на мохнатой спине медведя, раздалось знакомое «Хоп!», и отряд продолжал свой путь.

Они прошли не более двух миль, когда Бордман начал сползать со спины Ситки. Наджет хромал и повизгивал от усталости, и Фаро Нелл то и дело подталкивала его головой.

— Что ж, придется передохнуть, — сказал Хайджженс. — К счастью, сейчас нет ветра и основная масса этих тварей на плато.

Он помог Бордману слезть с медведя и добавил:

— Не знаю, чем плато так привлекает сфиксов, но, похоже, они чем-нибудь очень заняты там и потому ослабили бдительность. Однако... — Он открыл притороченный к Сурду вьючный тюк и вытащил антисептический пакет и банку с мазью.

— Сначала Ситку, — прохрипел Бордман. — Я могу потерпеть.

Хайджженс промыл раны огромного медведя. Они оказались пустяковыми. Ситка был испытанным бойцом.

Затем Хайджженс снова смазал все раны на груди Бордмана. Мазь пахла озоном и жгла так сильно, что у Дэниэла захватывало дух, но он мужественно вытерпел все.

— Я сам виноват, — сказал он, как только смог заговорить. — Я следил за вами, вместо того чтобы смотреть по сторонам. Никак не мог понять, что вы там такое делали.

Хайджженс озабоченно посмотрел на него.

— Я сделал вскрытие, — объяснил он. — К счастью, сфикс оказался самкой, как я и думал. Она собиралась откладывать яйца. Теперь я наконец знаю, куда они двигаются и почему они здесь не охотятся. — Он наложил пластырь на грудь Бордмана и решительно сказал:

— Мы остановимся здесь на ночь. Вам надо как следует отдохнуть.

— Но я...

— Да-да, знаю, вы «в полном порядке». — Хайджженс уже распаковывал тюки. — Но если мы сейчас отправимся дальше, вас начнет лихорадить, и неизвестно, чем все это закончится.

Бордман облизнул губы. Его уже лихорадило, и довольно сильно. Вряд ли он удержится сейчас на спине у медведя.

— Но когда мы доберемся до этой несчастной колонии, вы нужны мне будете в полном здравии, Бордман, — говорил Хайдженс, между тем умело готовясь к ночлегу. — Мне придется полагаться на вашу поддержу так же, как я полагаюсь на поддержу каждого из моих медведей. Мы должны составлять отлично слаженный боевой отряд, вы понимаете? Поэтому спите и набирайтесь сил... Кстати, Наджету это тоже не помешает.

— Знаете, Хайдженс, — пробормотал Бордман, — а ведь для вас было бы куда лучше, если бы я загнулся сейчас... С вашей стороны это не было бы убийством, зато идеальным выходом из чертовски трудной ситуации...

Доналд молча взглянул на него, потом достал из тюка флягу с водой и поднес ее к губам Бордмана.

— Простите, я сказал глупость. Подлую глупость... Не сердитесь!

От жажды у него пекло в груди, но вместо того чтобы прижаться губами к горлышку фляги, Дэниэл умоляюще смотрел на Хайдженса.

— Все в порядке, дружище, — спокойно уверил Хайдженс. — Это еще не самая большая глупость, какую я слышал от вас за время нашего знакомства. Пейте и спите. Я, медведи и Семпер будем караулить по очереди.

Бордман пил до тех пор, пока фляга не опустела; потом Хайдженс укрыл его теплой попоной.

Рядом с Бордманом растянулся Наджет, прижался к нему мохнатым боком, и почти сразу Бордман то ли заснул, то ли снова потерял сознание.

Он проспал до полудня, а проснувшись, обнаружил, что может встать и идти.

И они снова двинулись на восток, оставив позади мертвых сфиксов. Семпер летал над головой и хлопаньем крыльев выражал свое возмущение тем, что ему не разрешили ехать на спине у Ситки.

— Я уже вскрывал их и раньше, — продолжал Хайдженс. — О них почти ничего не известно. А ведь необходимо получить целый ряд сведений, чтобы люди когда-нибудь смогли здесь жить.

— И медведи? — понимающе спросил Бордман.

— Да, конечно. Дело в том, что сфиксы приходят сюда, в пустыню, размножаться. Они здесь спариваются и откладывают на солнце яйца. Это их заветное место. Ведь тюлени всегда возвращаются в одно и то же место для спаривания. Их самки в это время неделями не едят. Кета для размножения тоже возвращается в родные реки. Рыбы голодают и в конце концов после нереста погибают, а угри (я привожу примеры из жизни на Земле, Бордман) проплывают не одну сотню миль до Саргассова моря, чтобы вывести потомство и погибнуть. К несчастью, сфиксы не умирают после спаривания, но совершенно очевидно, что у них тоже есть унаследованное еще от предков место размножения и они приходят сюда, на плато, класть яйца.

Дэниэл внимательно слушал, стараясь не морщиться от боли в груди. Он был сам виноват во всех своих неприятностях, потому что забыл об элементарной предосторожности. Он слишком расслабился в этом чужом мире, так как привык к таким условиям жизни, которые окружают людей цивилизации, создаваемой роботами. Он не реагировал, когда даже медвежонок почувствовал опасность.

— А теперь, — Хайдженс улыбнулся, — мне не мешало бы иметь оборудование, которое было у ваших роботов. С помощью техники, я уверен, мы сделаем первые шаги к освоению этой планеты и созданию нормальных условий жизни на ней.

— С помощью чего? — Бордман подумал, что ослышался.

— Техники, — нетерпеливо повторил Хайдженс. — Мы найдем в колонии роботов много машин. Роботы оказались беспомощными, потому что не могли активно бороться со сфиксами. Они и впредь будут вести себя не лучше. Но если убрать роботов, машины будут вполне пригодны для работы. Они ведь не чувствительны к смене температуры.

Бордман надолго замолчал.

— Вот уж не думал, что вам понадобятся машины, сделанные руками роботов, — наконец сказал он.

Хайдженс весело подмигнул ему.

— Ну а что в этом ужасного? Я не против того, чтобы люди заставляли машины выполнять свои желания. И роботы, когда они используются по назначению, не так уж плохи. Но есть вещи, с которыми роботам не справиться. Только человек может управлять огнеметными орудиями и стерилизаторами почвы, чтобы как следует выжечь все вокруг и уничтожить семена ядовитых растений. Мы сюда еще вернемся, Бордман, и уничтожим посев этих дьяволов. И если каждый год мы будем стерилизовать почву, то со временем сотрем сфиксов с лица планеты. Я уверен, что у них есть другие места для откладывания яиц. Мы все их отыщем и превратим Лорен в планету, где люди смогут жить по-человечески.

Бордман задумчиво, но с иронией заметил:

— Если вы уничтожите сфиксов, то тем самым обезвредите планету для роботов.

Хайдженс рассмеялся.

— Вы видели только одного «ночного бродягу». И совсем забыли об обитателях горных склонов. Они вполне в состоянии выпустить из вас кровь, а потом устроить пиршество над вашим трупом. Сознайтесь, Бордман, могли бы вы отправиться в путешествие по Лорену с роботом в качестве телохранителя? Сомневаюсь. Люди не смогут жить на этой планете, если их защита будет зависеть от роботов. Вы еще вспомните мои слова.

Бордман вспоминал эти слова не раз — за время их трудного пути им пришлось выдержать еще три схватки со сфиксами.

И только через десять дней они нашли наконец колонию.

То, что в официальных документах Колониального Надзора именовалось «колонией», меньше всего походило на таковую. Скорее всего это напоминало круги дантова ада — и

Бордману никогда не забыть медленное шествие по этим кругам.

Но, то и дело вступая в бой с кошмарными пятнистыми дьяволами — смотрителями здешней преисподней, — «боевой отряд» Хайдженса в конце концов все-таки обнаружил в туннеле трех уцелевших людей, истощенных, но живых. И услышали их рассказ...

Когда упал электрический забор (все произошло именно так, как предполагал Доналд), двое из них находились под землей в туннеле, где устанавливали новый пульт управления роботами, которые должны были работать в шахтах. Третий надзирал за рудными разработками. Обеспокоенные тем, что связь с колонией прервалась, они направились в бронированной машине к лагерю, чтобы выяснить, что произошло.

На территории колонии они нашли невероятное количество бесновавшихся сфиксов. Звери сквозь броню почуяли людей, но пробить ее все-таки не смогли. Колонисты решили использовать для борьбы со сфиксами управляемых на расстоянии роботов, но те не смогли справиться с незнакомым заданием.

Людям удалось забаррикадироваться в туннеле. Остатки топлива они сохранили для поддержания радиопередачи на тот случай, если их будет разыскивать корабль. Строго распределив оставшиеся запасы пищи и топлива, колонисты ждали спасения, почти утратив на него надежду, и с ненавистью созерцали неподвижные поблескивающие фигуры металлических роботов.

Хайдженс дал людям оружие, которое достал из мешка, и они двинулись по территории мертвой колонии. По дороге они убили шестнадцать сфиксов, а на расчищенной роботами площадке, уже начинающей зарастать травой, обнаружили еще четырех. В самых разных местах лежали останки несчастных колонистов.

В бараках и на складах удалось найти небольшие запасы пищи. Сфиксы уничтожили почти все пластикатовые пакеты со стерилизованными продуктами, но не тронули металлических ящиков. Топливо, к счастью, было цело. Повсюду сто-

яли и лежали роботы, готовые в любую минуту приступить к работе.

Люди перешагивали через роботов с такой же гадливостью, как через останки сфиксов.

Возможность отомстить за смерть товарищей преобразила почти потерявших человеческий облик колонистов, и, едва отдохнув и подкрепившись, они с каким-то яростным вдохновением принялись за работу. Переоборудовав огнеметы так, чтобы ими можно было управлять без помощи роботов, они наполнили их доверху горючим, затем отыскали и привели в порядок гигантский стерилизатор, специально сконструированный для уничтожения тех растений, которые роботы не могли выполоть. Закончив все приготовления, отряд направился к плато.

За несколько дней пути колонисты совсем избаловали Наджета. Медвежонок настолько привык к всеобщим знакам внимания, что его мать не знала, как приструнить отбившееся от лап чадо, а Бордман поглядывал на ласкающих Наджета людей с затаенной ревностью. Впрочем, в этой ревности он не признался бы даже самому себе.

По следам сфиксов они наконец добрались до вершины плато. Семпер помогал выслеживать чудовищ. Мерзкие твари с визгом и воем нападали на отряд, но медведи ловко отражали их атаки, в то время как Хайдженс и Бордман пускали в ход свое новое оружие. Стерилизатор оказался пригодным и для уничтожения яиц сфиксов. Его диатермические лучи безошибочно попадали в цель.

Груды опаленных трупов привлекали сфиксов со всего плато, даже когда не было ветра. Они приходили выть над своими мертвыми сородичами, и кровь стыла в жилах от этих ужасных звуков.

Колонисты расположили орудия вокруг скопища мертвых исчадий ада и потоками огня встречали вновь пришедших. По расчетам Хайдженса, они уничтожили большинство сфиксов в этой части пустыни. Очевидно, в других местах их еще оставалось немало, но на очищенной территории уже можно было спокойно жить, не опасаясь новых нашествий, так как

лучи стерилизатора проникали через толстый слой песка и навсегда обезвреживали смертоносные яйца.

К тому времени, как были закончены работы, Хайдженс и Бордман устроили на краю плато лагерь и поселились там вместе с медведями, предоставив колонистам возможность мстить дальше за убитых товарищей.

Однажды вечером, сидя у костра, Дэниэл долго наблюдал за языками пламени, а затем с усилием заговорил:

— Пора нам потолковать о наших делах. Я — инспектор Колониальной Службы, а вы нелегальный колонист. Мой служебный долг арестовать вас.

Доналд непритворно зевнул.

— Люблю знакомые напевы, — проговорил он. — Насколько я понимаю, вы предлагаете мне отступного, если я выдам своих сообщников? Или мне нужно будет доказывать, что я не обязан давать показания против своей совести?

— Оставьте этот тон. — Бордман выглядел как никогда мрачным. — Всю жизнь я был честным человеком, но вы убедили меня, что роботы пригодны далеко не везде. Здесь не место для них. Все было с самого начала сделано неверно. Сфиксы уничтожили колонию, потому что роботы не смогли с ними справиться, и... И, может быть, часть вины за эту трагедию лежит на Колониальном Надзоре.

Хайдженс молча слушал, не думая подтвердить или опровергнуть слова Бордмана, а тот продолжал:

— На Лорене действительно должны жить люди — и непременно медведи. В противном случае людям придется проводить всю жизнь за специальными заборами. А здесь очень много интересного, и колонисты будут лишены всего этого, оказавшись на положении узников. Мне... Мне кажется, что жить на таких планетах, как Лорен, в полной зависимости от роботов — значит проявлять неуважение к себе.

— Надеюсь, вы не становитесь религиозным? — оживился Хайдженс. — Кажется, прежде вы пользовались именно этим термином для определения самоуважения.

Семпер вскрикнул, так как Ситка подошел к огню и чуть не наступил на него. Медведь стал втягивать в себя ароматный запах мяса, но Доналд шикнул на него, и он уселся, не сводя глаз с куска мяса и все время облизываясь.

— Вы так и не дали мне закончить, — сердито сказал Бордман. — Я инспектор Колониальной Службы, и в мои обязанности входит проверка того, что сделано на планете до высадки основной партии колонистов. Первым делом я должен составить подробный отчет о колонии роботов, для инспекции которой я сюда прибыл... Но колония фактически уничтожена. И, как я теперь понимаю, это отнюдь не случайность. Все было запланировано неверно и не могло не кончиться этим кровавым кошмаром.

Хайдженс усмехнулся и перевернул вертел.

Надвигалась ночь.

— В случае необходимости колонисты имеют право обратиться за помощью к любому проходящему мимо кораблю. Естественно, что... Я всегда был честным человеком, и я напишу в отчете, что колония, созданная согласно намеченному плану, оказалась нежизнеспособной и была уничтожена. Все погибли, за исключением трех человек, которые спрятались и подавали сигналы бедствия. Ведь все именно так и было. Вы сами это знаете.

— Так-так-так, — заинтересованно проговорил Хайдженс.

Дэниэл неловко поерзал.

— И совершенно случайно... Совершенно случайно — заметьте это себе! — корабль, на борту которого находились вы, Ситка, Сурду, Фаро Нелл и, конечно, Наджет и Семпер, уловил сигналы. Вы приземлились, чтобы помочь колонистам. Так все и было. И ваше пребывание здесь, таким образом, вполне законно. Что вы на это скажете?

Хайдженс отвернулся и стал всматриваться в сгущающийся мрак.

— Что я скажу? Что я бы не поверил этой истории, если бы мне ее рассказали. А как вы думаете, в Колониальной Службе ей поверят?

— Они не дураки, — Бордман резко тряхнул головой, — и, конечно же, не поверят. Но когда они прочтут в моем отчете, что в результате самых невероятных событий есть реальная возможность заселения этой планеты, то они скорее всего посмотрят на это дело иначе. Я укажу в отчете, что колония роботов на Лорене — чистейшая ерунда и что только с помощью медведей люди смогут сделать данную планету пригодной для высадки колонистов. И когда это станет ясным даже самым тупым чиновникам Колониального Надзора...

— Таким же тупым, как вы? — перебил Хайдженс. — Помнится, вы не сразу согласились с очевидными фактами, оказавшись в самой гуще этих фактов, правда?

Бордман вздохнул, глядя на расположившихся вокруг костра медведей. Сидящий недалеко от костра Сурду с надеждой нюхал воздух. На яркий свет уже слетелись бесшерстные порхающие существа, которых медведи легко сбивали лапами на землю и потом с аппетитом съедали.

— Вы правы... Но в моем отчете будет слишком много заманчивых предложений, чтобы от него могли отмахнуться даже такие тупицы, как я. Организаторы колонии роботов вынуждены будут согласиться с моим предложением, так как иначе они прогорят. А ваши друзья, со своей стороны, окажут поддержку нашему... Вашему проекту.

Хайдженсом вдруг овладел приступ безудержного хохота.

— Вы низкий лжец, Бордман, — сквозь смех проговорил он. — А еще считаете себя честным человеком и бубните об этом снова и снова! Теперь вот собираетесь писать отчет, содержащий — наряду с разумными мыслями и очевидными фактами — самую грубую, беспардонную ложь! И очень неразумно и непредусмотрительно с вашей стороны ставить пятна на свою безупречную репутацию только ради того, чтобы выручить меня из беды.

Дэниэл густо покраснел.

— Но это единственный выход из создавшегося положения, и, по-моему, он вполне приемлем, — пробормотал он.

— Да. И я принимаю его, — улыбаясь, сказал Хайдженс, — принимаю с благодарностью, так как это даст возможность многим поколениям людей жить по-человечески на этой планете. Я принимаю его еще и потому, если хотите знать правду, что это спасет Сурду, Ситку, Нелл и Наджета, которых я незаконно привез сюда.

Что-то мягкое ткнулось в колени Бордмана. Медвежонок толкал его, чтобы поближе придвинуться к лакомому куску. Наконец ему удалось протиснуться к огню, но последний толчок был так силен, что Бордман покатился по земле. Наджет ничего не замечал, он упоенно вдыхал запах мяса.

— Шлепните его как следует, — посоветовал Хайдженс. — Он сразу отодвинется.

— Ни за что, — возмутился Бордман, поднимаясь на ноги и трепля жесткую шерсть медвежонка. — Ни за что! Он мой друг...

И, окончательно махнув рукой на свое официальное положение старшего офицера Колониального Надзора, Дэниэл на одном дыхании договорил:

— ...так же, как и вы, Доналд.

Пол Андерсон

Об авторе*

Пол Андерсон уже более пятидесяти лет является одним из столпов приключенческой научной фантастики и написал ее больше, чем любой другой автор, — да еще с качеством не просто хорошим, а крайне высоким. И если есть в послевоенном поколении автор, заслуживающий звания Отца современной космической оперы, то это Андерсон. Разве что Джек Вэнс написал достаточно много запоминающихся вещей, чтобы называться его соперником. И Андерсон, как и Вэнс, и в девяностых пишет превосходные произведения, восхищающие силой воображения и способные конкурировать с любыми работами современных молодых орлов. Например, написанный в 1995 году «Генезис» — это современная космическая опера, захватывающая читателя и отвечающая последнему слову науки не меньше, чем роман любого из писателей моложе Андерсона на десятилетия (их еще на свете не было, когда он начал писать). Такую работу можно бы, не задумываясь, включить в антологию, *следующую* за этой, — «Старая добрая фантастика. Новые имена».

Андерсон готовился стать ученым и получил диплом по физике в Университете штата Миннесота, но жизнь писателя оказалась более соблазнительной, и к своему первоначальному выбору он больше не возвращался. Он печатался все больше и больше и к концу пятидесятых — началу шестидесятых годов стал одним из самых плодо-

* Перевод. Буланов Н.И., 2001.

витых писателей жанра, а к середине шестидесятых — одним из самых уважаемых и почитаемых. В некоторый момент этого периода (он тогда еще занимался и другой работой и писал серии рассказов поменьше, такие как «Хока» совместно с Гордоном Р. Диксоном) Андерсон *одновременно* писал три серии научной фантастики: «История Технолиги», где описывались приключения хитрого торговца Николаса ван Рийна (сюда входят такие романы, как «Человек, умеющий считать», «В поисках бед», «Мир Сатаны», «Миркхейм», «Люди ветра», и сборники «Звездный торговец» и «Книга врат земных бурь»); невероятно популярная серия о приключениях галактического тайного агента Доминика Фландри — вероятно, наиболее успешная попытка скрестить НФ со шпионским романом, сравнимая с романами Джека Вэнса из серии «Принцесса демонов». Серию о Фландри составляют романы «Круг ада», «Восставшие миры», «День, когда они вернулись», «Фландри с Терры», «Рыцарь призраков и теней», «Камень в небе» и «Игра империи», а также такие сборники, как «Агент Терранской империи». А моя любимая серия ведет нас через приключения агентов патруля времени (сборники «Стражи времени», «Патрульный времени» и «Патруль времени»).

Трудно даже себе представить, насколько это поразительно, особенно в тогдашнем более узком мире научной фантастики. Как если бы сейчас оказалось, что все, входящее в список бестселлеров Б. Далтона — например, романы Азимова о роботах, романы об Эндере Орсона Скотта Карда и книги о Перне Энн Маккэффри, — написано одним человеком.

Эффект и без того потрясающий, а если еще добавить лучшие из внесерийных романов Андерсона — «Волна мысли», «Три сердца и три льва», «Ночное лицо», «Враждебные звезды» и «Крестовый поход в небесах», — которые публиковались *параллельно* с сериями, становится ясно, что Андерсон господствовал в конце пятидесятых и до новой волны шестидесятых так, что лишь Хайнлайн, Ази-

мов и Кларк могут быть названы его соперниками. Как и они, он оставался активной и доминантной фигурой в течение всех семидесятых и восьмидесятых годов и даже в конце девяностых все еще открывает списки бестселлеров.

Выбрать работу Андерсона для этой антологии было трудно: почти любой из его лучших рассказов любой серии вполне годился. Вначале фаворитом был один из рассказов серии «Патруль времени», и не хуже подошли бы приключения Доминика Фландри или Николаса ван Рийна или рассказы, не входящие в серии. Все-таки я выбрал ту большую, живую и сильную новеллу, которую вам предлагаю. Это рассказ, пробуждающий мысль, полный цвета и действия, но он, несмотря на все драки на мечах и захватывающие приключения, очень тонко и глубоко ставит вопрос: а что же такое все-таки цивилизация? И уверены ли вы, что узнаете ее, если увидите?

За пятьдесят один год работы Андерсон опубликовал более ста книг (в разных областях, потому что он писал не только НФ, но еще фэнтези, исторические романы и детективы), продал сотни коротких рассказов на всех возможных рынках, получил семь премий «Хьюго», три «Небьюлы» и мемориальную премию Толкина. В 1998 году он был удостоен почетного титула «Великий Мастер Небьюлы» за общие достижения в области НФ. Среди других книг Андерсона можно назвать «Время ноль», «Восход Ориона», «Сломанный меч», «Лодка в миллион лет» и «Звездная жатва». Его рассказы выходили в сборниках «Королева воздуха и тьмы и другие рассказы», «Книга врат земных бурь», «Фэнтези», «Торговец единорога» (совместно с Карен Андерсон), «Прошлые времена», «Патрульный времени» и «Исследования». Самыми последними книгами Андерсона являются романы «Звезды — тоже огонь» и «Звездный флот».

Пришельцы с небес*

1

Пиратская эскадра появилась прямо перед рассветом. С высоты пяти тысяч футов покрытая туманной дымкой Земля казалась голубовато-серой. Оросительные каналы искрились от первых солнечных лучей, будто их наполняла ртуть. На востоке слабо мерцал океан, ближе к горизонту эти отблески таяли в багрянце и свете немногих еще видимых звезд.

Локланн сунна Холбер перегнулся через поручни галереи, опоясывающей его флагманский корабль, и направил трубу телескопа на город. Первое, что он увидел, было нагромождение стен, плоские крыши и ровные прямоугольники сторожевых башен. Потом — чуть-чуть розоватые в свете восходящего солнца шпили собора. Заградительных аэростатов не было. Выходит, это правда, что Перио бросила отдаленные провинции на произвол судьбы. Значит, все ценное, что было в Мейко, в целях безопасности перевезли в С'Антон, и сюда стоит заглянуть. Локланн ухмыльнулся.

Помощник командира «Буйвола», Робра сунна Стам, сказал:

— Нам лучше опуститься до двух тысяч. Тогда будет ясно, по какую сторону стен находятся люди.

— Спускайтесь. — Стоявший рядом шкипер кивнул головой.

Здесь, где тишину нарушали лишь ветер и скрип оснастки, их голоса звучали громче обычного. Пиратов окружала казавшаяся бесконечной мгла, лишь на востоке она сменялась красными с золотом проблесками. Палуба, на которой они стояли, была мокрой от росы.

---

* Poul Anderson. «The Sky People». © Poul Anderson, 1987.
Перевод с английского Буланова Н.И. под редакцией Левина М.Б.

Неожиданно раздался сигнал. Странно, но звуки рога прозвучали в этой тишине совершенно естественно. Как естественны были и выкрикиваемые с других кораблей команды, и топот ног, и грохот лебедок, и звук компрессоров, приводимых в движение вручную. Все это было привычно обитателям неба.

Пять огромных кораблей медленно опустились. Первые солнечные лучи выхватили из предрассветных сумерек позолоченные фигуры, укрепленные на носу гондол, и ярко осветили причудливо украшенные баллоны с газом. Ночь подошла к концу, и рядом с уносящейся к западу дымкой ярко белели паруса.

— Смотри-ка, — сказал Локланн. — Что-то новенькое. — Он только что закончил рассматривать порт в подзорную трубу и передал ее Робре. — Что бы это могло быть?

Тот приложил трубу к единственному глазу.

Внизу были видны каменные причалы и склады, построенные не одну сотню лет назад, в период былого величия Перио. Теперь они едва ли заполнялись на четверть. В порту теснились рыбацкие лодки, небольшие суденышки, стояла на якоре единственная шхуна и... Октай Буревестник, что за чертовская штука? Ведь она больше кита! А мачты!

— Не знаю. — Помощник оторвался от подзорной трубы. — Иностранец? Но откуда? Может, с другого континента?

— Никогда не видел такой оснастки, — задумчиво сказал Локланн. — Прямые паруса на стеньгах, косые внизу.

Он почесал короткую бороду. Под солнечными лучами она пылала как литая медь. Такие голубоглазые и светловолосые люди редко попадались даже среди обитателей небес, а на земле о них и вовсе не слыхивали.

— Мы ведь не так уж и хорошо знаем эти водяные корабли, — добавил он. — Иногда они нам попадаются, но...

На его лице появилась презрительная улыбка: из моряков, конечно, всегда выходили неплохие рабы, но воинам

пристало передвигаться только по воздуху. Вдали от дома, разумеется, где оставались их кони.

— Наверное, торговец. Прихватим и его, — заключил он и, выкинув странное судно из головы, переключился на более важные проблемы.

Локланн никогда до этого не видел С'Антон, карты у него тоже не было. Дальше этих мест почти никто из обитателей неба не забирался: слишком несовершенные были раньше летательные корабли, и кроме того, с Перио тогда тягаться они не могли. План придется составлять на ходу, причем он должен быть как можно проще: ведь объясняться с экипажами остальных кораблей надо сигнальными флажками или через мегафон.

— Площадь, — бормотал он, пристально глядя на город, — здесь мы и высадимся. Так... люди с «Буревестника» подходят с восточной стороны сюда — это вроде бы дом наместника... вдоль северной стены казармы и плац, — ими займется «Койот». «Ведьма небес» захватит это странное судно, потом тоже атакует казармы... так, остаются еще северные ворота... там высаживается «Огненный лось». Часть людей сразу берет под контроль южные ворота... теперь вроде никто убежать не сможет. Как только захватим площадь, можно будет быстро перебросить солдат в любую точку. Все ясно?

Он надел защитные очки. Некоторые из тех великанов, что толпились около него, были одеты в кольчуги, но Локланн предпочитал крепкую кожаную кирасу, как у монгов, — такие почти не уступают кольчуге в прочности и значительно легче. За поясом у него висел пистолет, но он всегда больше полагался на секиру — она не раз спасала ему жизнь, кроме того, лук в умелых руках почти не уступает огнестрельному оружию в скорострельности, зато намного дешевле.

В теле ощущалась легкая дрожь, как когда-то в детстве, утром Срединного Дня Зимы пред грудой подарков. Октай только знает, какие сокровища он найдет сегодня: золото, одежду, рабов, инструменты, подвиги и вечную славу во-

ина. Может быть, смерть. Он не сомневался, что когда-нибудь умрет именно так — в бою: он отдал столько жертв богам, что они не должны были пожалеть для него такой судьбы. И нового рождения среди обитателей неба.

— Вперед!

Он забрался на поручни и спрыгнул вниз. Мир на мгновение завертелся волчком и остановился: Локланн дернул за вытяжной трос парашюта, и полет замедлился. Он глянул в сторону: воздух был алым от опускающихся парашютов. Прикинув силу ветра, он стал натягивать стропы, управляя спуском.

Дон Мивель Карабан, наместник С'Антон д'Инио, давал обед в честь прибытия посланцев народа маураев. И дело было даже не столько в историческом значении этого визита, означавшего возможный сдвиг в давно охладевших отношениях. Относясь к редкому типу людей практичных и в то же время умеющих читать, он хорошо понимал, что перевод гарнизона в Бразиль двадцать лет назад — вовсе не «временная мера». Войска уже никогда не вернутся — провинции полностью предоставлены самим себе. Но чужестранцев необходимо было убедить в том, что нация богата, культурно развита, а значит, торговля на мейканских берегах будет выгодна, а если все будет складываться хорошо, то неплохо было бы и заключить с ними военный союз против северных дикарей.

Банкет длился почти до полуночи. Несмотря на то что старые оросительные каналы давно были засорены и их никто никогда не прочищал, из-за чего на пустующих домах росли кактусы, а внутри в изобилии водились гремучие змеи, провинция Мейко по-прежнему оставалась плодородной. Пять лет назад, во время набега монгов — узкоглазых теккаских всадников, погибло бесчисленное количество пеонов — деревянные вилы и обсидиановые мотыги оказались бессильны против луков и сабель. Численность населения может восстановиться не раньше чем лет через десять, и уж тогда опять время от времени будет случаться голод,

ну а сейчас дон Мивель предложил гостям роскошное угощение: говядину, ветчину со специями, оливки, орехи, фрукты, вина, кофе, пробовать который они не стремились, хотя и его видели в первый раз, и много чего еще. Потом пирующих развлекали музыканты и фокусники, молодежь из местной аристократии затеяла турнир по фехтованию.

Разгорячившись, подвыпивший хирург «Дельфина» предложил показать островитянский танец. При виде игры смуглыми, покрытыми татуировками мышцами величавые доны поджали губы. Сам же дон Мивель подчеркнуто учтиво заметил: «Чем-то напоминает ритуалы плодородия наших пеонов», — давая капитану Руори Ранги Лоханназо понять, что у пеонов культура совсем другая и не слишком привлекательная.

Хирург, окончив танец, закинул за спину косичку и ухмыльнулся.

— Теперь самое время привести с корабля наших вахине и показать настоящую хулу, — сказал он на маурай-инглиссе.

— Нет, — ответил Руори. — Боюсь, мы и так их шокировали. Пословица гласит: попав на Соломоновы Острова, крась кожу в черный цвет.

— Скучный они какой-то народ, — пожаловался доктор.

— Но мы еще не знаем их табу, — ответил Руори. — Нам следует помалкивать, как делают эти люди с остроконечными бородками, и, пока мы на берегу, не смеяться и воздерживаться от любви.

— Но это же глупо! Пусть меня Зубастый Нан сожрет, если я собираюсь...

— Твоим предкам стыдно за тебя, — мягко произнес Руори.

Это был самый сильный упрек, который можно сделать человеку, с которым потом не собираешься драться, и хирург, как и следовало ожидать, сразу умолк, пробурчав какие-то извинения.

Руори повернулся к хозяину вечера.

— Я прошу простить нас, сенор, — сказал он. — Мои люди говорят по-спански еще хуже, чем я сам.

— Ну что вы, вам не за что просить прощения! — Худощавый, одетый во все черное дон Мивель слегка поклонился.

При этом висевший на его поясе меч задрался как хвост, и Руори краем уха услышал среди своих офицеров тихий смешок. Ну и что? — подумал он. Чем длинные брюки и кружевные рубахи хуже саронгов и татуировок? Или сандалий? Разные обычаи, вот и все. Чтобы понять, насколько велика и загадочна эта планета, надо было водить маурайские корабли от Авайев до Новозеллании, а оттуда на запад, к Млайе. Как это делал он.

— Вы блестяще владеете нашим языком, сенор, — сказала донита Треза Карабан, улыбаясь. — Может быть, лучше, чем мы сами, — нам ведь не довелось изучать старинные книги, а спанский с тех пор сильно изменился.

Руори улыбнулся ей в ответ. Дочь дона Мивеля этого стоила. Богатое черное платье, казалось, ласкало ее фигуру, и, хотя обитатели морей не придавали этому особенного значения, он обратил внимание на величественные и красивые очертания ее лица. Миндалевидный разрез глаз и прекрасные волосы, напоминавшие цвет волн полуночного океана, смягчали унаследованный от отца орлиный нос. И эти мейканцы предназначили ее для одного-единственного человека — ее будущего мужа. Какая нелепость. А ведь они могли бы взять каноэ и уплыть подальше без навешанного здесь на всех жемчуга и серебра — просто чтобы насладиться рассветом и быть вдвоем.

Но...

— В таком обществе, — сказал он приятным голосом, — мне тем более хотелось бы усвоить современный язык.

Она не стала кокетничать веером — у обитателей морей этот местный обычай вызывал раздражение, но ее длинные ресницы широко распахнулись, а в зеленых глазах мелькнули золотые искорки.

— Сенор, ваши успехи очевидны, — сказала она. — Вы ведете себя как настоящий кабальеро.

— Умоляю вас, не называйте наш язык современным, — вмешался ученого вида человек в длинной мантии. Руори узнал бископа дона Карлоса Эрмозильо, главного жреца того самого Эсу Карито, имя которого очень напоминало ему маурайского Лесу Харисти. — Наш язык испорчен, а не современен. Я тоже читал книги, написанные еще до Судной Войны. На настоящем языке говорили наши предки, а наше наречие так же искажено, как порочно все современное общество. — Он вздохнул. — Но чего же еще ожидать от нас, если даже из десяти благородных сеноров ни один не может написать своего имени!

— Во времена величия Перио была развита литература, — сказал дон Мивель. — Вам следовало приехать к нам на сотню лет раньше, сенор капитан. Тогда бы вы увидели, какими мы были в лучшие времена.

— Но чем была сама Перио, как не наследницей своих предшественников? — с горечью спросил бископ. — Она объединяла огромные пространства, давала им закон и порядок, но что она сделала нового? Она шла тем же скорбным путем, что и тысячи других королевств, и потому ее постигла та же участь.

Донита Треза перекрестилась. Даже Руори, имевший диплом не только навигатора, но и инженера, не удержавшись, воскликнул:

— Но ведь не атомная катастрофа?

— Простите, как? А, то древнее оружие, которое уничтожило старый мир. Нет, конечно. — Дон Карлос покачал головой. — Но мы по-своему были не менее глупы и грешны, чем наши легендарные предки, хотя и возможностей у нас было меньше, так что результаты вполне сопоставимы. Нас погубила человеческая жадность или Божья кара — по моему мнению, это одно и то же.

Руори внимательно посмотрел на жреца.

— Мне хотелось бы как-нибудь поговорить с вами, сенор, — произнес он, надеясь, что не нарушил обычая, обратясь к нему таким образом. — Люди, знающие подлинную историю, а не мифы, сейчас так редки.

— Разумеется, — ответил дон Карлос. — Я почту это за честь.

Тут их перебила донита Треза, нетерпеливо вскочив на легкие ноги:

— По обычаю полагается танцевать.

Ее отец засмеялся.

— О да, — произнес он. — Мы испытываем терпение юных дам. Думаю, сейчас самое время отложить деловые беседы на завтра, сенор капитан. Настал черед музыки.

Дон Мивель подал оркестру сигнал, и музыканты заиграли. Некоторые инструменты были очень похожи на маурайские, некоторые совсем не похожи. Незнакома гостям была и музыка, которую на них играли. Что-то похожее он встречал в Астралии, но... На его плечо легла чья-то рука. и Руори увидел Трезу.

— Поскольку вы не приглашаете меня танцевать, — сказала она, — не позволите ли мне быть столь нескромной, чтобы пригласить вас?

— Что значит «нескромной»? — спросил он в ответ.

Залившись румянцем, она попыталась объяснить, но безуспешно, и Руори решил, что «нескромно» — еще одно местное понятие, которое у его народа отсутствует.

К этому времени мейканские девушки вместе со своими кавалерами уже вошли в бальную залу. Некоторое время он наблюдал на ними и наконец сказал Трезе:

— Эти движения мне незнакомы, но думаю, что быстро научусь.

Она скользнула к нему, и их руки соединились. Это было приятно, хотя Руори и понимал, что из этого, конечно, ничего не выйдет.

— А у вас хорошо получается, — произнесла она через несколько минут. — Скажите, такое изящество присуще всему вашему народу?

Только потом он догадался, что это был комплимент, за который ее следовало бы поблагодарить, но Руори повел себя как настоящий житель Островов и прямо ответил на поставленный вопрос:

— Мы проводим большую часть времени на воде, а если матрос не умеет сохранять равновесие или не обладает чувством ритма, то он в любой момент может свалиться за борт.

Она сморщила нос:

— Ах, перестаньте! Вы серьезны как Сан-Осе в соборе.

Руори улыбнулся. Он был высоким молодым человеком, смуглым, как и вся его раса, но сероглазым, как все те, чьи предки были ингличанами. Будучи новозелланцем, он не был украшен татуировками так же щедро, как другие жители Федерации. Но в его косичку была вплетена отполированная китовая кость, саронг был разукрашен нарядной вышивкой. Сверху он надел кружевную рубашку. На этом фоне нож, без которого любой маурай чувствовал себя до неприличия беззащитным, выглядел старым и потертым, если не смотреть на лезвие.

— Мне нужно увидеть этого бога, Сан-Осе, — сказал он. — Вы покажете его мне? Хотя нет. Ведь это просто статуя. Пожалуй, не стоит.

— Сколько вы пробудете здесь? — спросила она.

— Как можно дольше. Наша задача — исследовать мейканское побережье. До сих пор маураи всего лишь один раз были на вашем континенте, во время путешествия с Авайев в Калифорни. Тогда они нашли лишь пустыню и горстку дикарей. Но оккайдские торговцы рассказывают, что леса тянутся и дальше к северу и что там живут желтые и белые люди, которые сражаются между собой. До нашей экспедиции мы ничего не знали о том, что лежит южнее Калифорни. Быть может, вы сможете рассказать нам что-нибудь о Южно-Мерике.

— Совсем немного, — вздохнула она. — Даже о Бразили. Сейчас мы мало что о них знаем.

— Да, но здесь, в Мейко, цветут такие восхитительные розы.

К доните Трезе вернулось ее обычное шутливое настроение.

— А в Новозеллании расцветает лесть, — засмеялась она.

— Отнюдь, — возразил Руори. — Мы славимся искренностью. Когда не сплетаем рассказы о своих путешествиях.

— А что вы расскажете дома о нас?

— Немного, а не то сюда примчится вся молодежь Федерации. Но я хочу пригласить вас на корабль, донита, и показать компас. Отныне он всегда будет указывать на С'Антон д'Инио. Вы станете, можно сказать, розой моего компаса*.

К некоторому его удивлению, она поняла и засмеялась, кружась в его руках на полу бального зала.

Ночь продолжалась. Они танцевали столько, сколько позволяли правила приличия, или даже чуть-чуть больше, дурачились, не замечая остальных. Оркестр перестал играть только перед рассветом, и гости, галантно скрывая зевоту, начали расходиться.

— Как это тоскливо, стоять здесь и со всеми по очереди прощаться, — прошептала Треза. — Пускай они думают, что я уже ушла спать.

Она взяла Руори за руку и скользнула за колонну, откуда они попали на балкон. Здесь, если не считать обязанной прислуживать забредшим сюда парочкам, но закутавшейся от холода в накидку и мирно спавшей старой служанки, никого не было, и они сидели вдвоем среди жасминов. Город окутал туман, где-то вдалеке была слышна «Тодос буэн» охраняющих городскую стену копьеносцев. Западный конец балкона утопал в темноте, и были еще видны последние догорающие звезды. Первые солнечные лучи осветили семь главных мачт «Дельфина», и они ярко сверкали.

Треза поежилась и встала совсем близко к Руори. Какое-то время они молчали.

— Не забывайте о нас, — сказала она наконец очень тихо. — Вы и ваши спутники, вы счастливее нас. Помните о нас, когда вернетесь домой.

— Разве вас можно забыть? — ответил он уже совершенно серьезно.

---

* Роза компаса — изображение картушки компаса на карте.

— Вы гораздо лучше нас, — задумчиво произнесла Треза. — Вы рассказали мне, что ваши корабли могут плыть невероятно быстро, почти как ветер, что сети ваших рыбаков всегда полны, вы рассказали, как собираете целые стада китов, так что от этого темнеет вода. Вы даже добываете из океана пищу и волокно и... — Она дотронулась пальцами до его светящейся рубашки. — Вы сказали, что это вещество ваши соотечественники добывают из рыбьих костей. В вашей стране у всех есть дома, большие дома и у всех, ну, почти, есть свои лодки, даже самые маленькие, и на самых дальних Островах умеют читать, печатают книги... никто не слышал об ужасных болезнях, от которых здесь умирают, никто не голодает, все свободны и делают что хотят — к вам милостлив сам Господь, не забывайте же нас!

Треза остановилась, смутившись. Руори видел, как высоко была поднята ее голова и как раздулись ее ноздри, будто негодуя на него. «Да, она из того рода, который столетиями оказывал благодеяния, а не принимал», — подумал он и поэтому ответил очень осторожно:

— Нам во многом повезло, донита. Собственно наших заслуг в этом мало. Мы меньше других пострадали во время Судной Войны и не голодали благодаря богатствам океана. И мы не возродили ни одно из чудесных умений наших предков — у них не было таких умений. Но мы возродили общий подход древних к жизни, их образ мышления — науку. И в этом все дело.

Треза перекрестилась.

— Атом! — выдохнула она и отвернулась.

— Да нет же, донита, — возразил он. — Очень многие народы, которые мы для себя открыли, считают, что наука была причиной гибели мира. Другие думают, что наука — это просто какие-то наборы формул, чтобы строить высокие здания или разговаривать на расстоянии. И то, и другое неверно. Научный метод — это только способ познания. Это как... как все время начинать все сначала. И поэтому вы, мейканцы, можете помочь нам, поэтому мы

нашли вас, поэтому еще не раз будем стучаться с надеждой в вашу дверь.

Она хмурилась, хотя что-то в ее лице начинало проясняться.

— Я не понимаю, — произнесла она.

Руори поискал глазами что-нибудь для примера. Наконец он показал на идущие подряд отверстия в балконных перилах.

— Что здесь было раньше? — спросил он.

— Здесь? Не знаю. Всегда так было.

— Кажется, я могу вам сказать. Я такие вещи видел повсюду. Это была кованая железная решетка. Но ее давно вытащили и разобрали на инструменты и оружие. Я прав?

— Да, наверное, — согласилась она. — Железо и медь стали очень редки. Нам приходится посылать караваны через весь материк, к развалинам Тамико, и бояться, чтобы их не захватили бандиты или варвары. А когда-то железные перила тянулись отсюда на километр. Мне говорил дон Карлос.

Он кивнул:

— Именно так. Древние истощили мир. Выбрали все руды, сожгли уголь и нефть, почвы смыло эрозией, и не осталось ничего. Я, конечно, преувеличиваю. Месторождения еще есть, но их недостаточно. Старая цивилизация, говоря образно, проела капитал. Правда, леса и земли уже опять достаточно, чтобы попытаться восстановить технологическую цивилизацию. Но минералов и топлива по-прежнему не хватает. Столетия подряд людям приходится разрушать древние предметы, если в них есть хоть сколько-нибудь железа. Знания предков, в сущности, не утрачены, просто не стало возможности их использовать, потому что мы гораздо беднее.

Он подался к ней, стараясь убедить.

— Но знания и открытия не зависят от богатства. Может быть, именно потому, что на наших Островах не было металла, мы и нашли другой путь. Научный метод применим к ветру, к солнцу, к живым существам не меньше, чем

к нефти, железу или урану. Занявшись генетикой, мы научились создавать нужные нам водоросли, планктон и рыб. Научный подход к лесоводству дал нам строительный лес, сырье для органического синтеза, кое-какое горючее. Солнце заливает нас энергией, и мы знаем, как ее собирать и использовать. А вместо металла часто можно использовать дерево, керамику, даже камень. С помощью принципов крыла, или закона Вентури, или трубы Хилша можно превратить в энергию ветер, получить тепло или холод, можно использовать энергию приливов. Параматематическая психология, даже в ее теперешнем зачаточном состоянии, позволяет контролировать прирост населения и... простите, я заговорил на своем инженерном языке. На самом деле я всего лишь хотел сказать, что если бы нам помогли другие жители Земли — вы, например, мы бы могли догнать наших предков и даже превзойти... не так, как это делали они, зачастую близоруко и расточительно. Мы могли бы найти свой путь...

Звуки его голоса повисли в воздухе. Она не слушала. Треза напряженно смотрела куда-то поверх его головы, и на ее лице был написан ужас.

На стенах заиграли трубачи, и раздались звуки колоколов собора.

— Девятеро чертей, да что еще... — Руори повернулся на каблуках и посмотрел вверх. Небо было уже почти синим, и в нем прямо над С'Антоном медленно плыли пять кораблей. Солнечные лучи освещали вырезанную на их бортах геральдику. Их размеры впечатляли: каждый около трехсот футов в длину.

В следующий момент оттуда выпорхнули пурпурные пятна и стали медленно опускаться на город.

— Пришельцы с небес! — произнесла она тихим сдавленным голосом. — Пресвятая Мария, не оставь нас!

2

Локланн приземлился на каменные плиты, перекатился и встал на ноги. Прямо перед ним над фонтаном возвышалась статуя всадника. На мгновение он остановился и с восхищением посмотрел на нее — всадник казался совершенно живым. Ничего подобного не было ни в одном из горных королевств: ни в Каньоне, ни в Зонне, ни в Корадо.

На площади было людно: крестьяне и ремесленники готовились к открытию рынка. При виде пришельцев толпа с паническими криками заметалась по площади. Но один крупный мужчина заревел, схватил каменный молот и бросился к Локланну. Он хотел дать убежать молодой женщине с ребенком на руках, наверное, своей жене. Несмотря на мешковатую одежду, Локланн отметил, что у нее была неплохая фигура. Работорговцу-монгу за нее можно будет заломить цену, когда он в следующий раз появится в Каньоне. Да и за ее мужа тоже, но на него не было времени — Локланн еще не успел снять парашют, и тот ему сильно мешал. Он выхватил пистолет и выстрелил. Мужчина рухнул на колени, с изумлением посмотрел на окровавленные, прижатые к животу руки и упал. Локланн освободился от парашюта и, стуча ногами по мостовой, ринулся вслед за убегающей женщиной. Когда он схватил ее за руку, она вскрикнула и попыталась вырваться, но ей мешал ребенок. Локланн толкнул пленницу к храму. На ступеньках уже стоял Робра.

— Поставь часового! — крикнул шкипер. — Будем здесь держать пленников, пока не займемся храмом.

К входной двери, шатаясь, шел человек в одежде священника. Будто пытаясь преградить захватчикам путь в храм, он выставил на вытянутых руках крестообразный мейканский талисман. Робра размозжил ему голову секирой и, отшвырнув тело в сторону, втолкнул женщину внутрь.

На площадь опускались вооруженные люди. Локланн собрал их сигналом рога. С минуты на минуту можно было ожидать, контратаки... вот, началось.

Показалась группа мейканских кавалеристов. Это были молодые и гордые бойцы в широких штанах, кожаных кирасах и украшенных перьями шлемах. На всех были развевающиеся плащи, в руках у каждого — деревянная, с обожженным наконечником, пика и стальная сабля — совсем как у желтых текаских кочевников, с которыми они сражались вот уже не одну сотню лет. Но и обитатели небес дрались с ними не меньше.

Локланн с трудом протиснулся в первые ряды своих солдат, где развевался поднятый знаменосцем Флаг Молний. Половина экипажа «Буйвола» выставила зазубренные керамические наконечники пик, уперев древки в землю, и ждала. Когда волна нападающих нахлынула на них, пики опустились. Кони кавалеристов налетали на пики, с визгом становились на дыбы. Копьеносцы сбивали всадников. Вперед выступила вторая линия оборонявшихся с мечами, секирами и ножами для подрезания коням подколенных жил. Несколько минут кипела бойня. Нападавшие дрогнули. Они не обратились в бегство, но отступили в беспорядке. И тогда защелкали каньонские луки.

Через несколько минут на площади остались только убитые и раненые. Локланн быстро обошел последних. Тех, кто был ранен не очень серьезно, утаскивали в храм — можно набрать сейчас побольше кандидатов в рабы, а отбраковкой заняться потом.

Где-то вдалеке раздался глухой удар.

— Пушка, — сказал подошедший Робра. — Это возле казарм.

— Да пускай веселятся. Скоро там будут наши ребята, — сардонически заметил Локланн.

— Да-да, конечно. — Робра заметно нервничал. — Но было бы недурно, если бы они дали нам об этом знать. А то мне что-то не по себе. Не нравится мне просто так тут стоять.

— Это ненадолго, — сказал Локланн.

Он оказался прав. К нему, шатаясь, подбежал человек.

— «Буревестник»... — прохрипел он. — Большое здание, куда ты нас послал... там полно солдат... они нас отбросили от двери...

— Да ну! Я-то думал, что это всего лишь дом наместника, — сказал Локланн и засмеялся. — Хотя у него, наверное, были гости. Пойдем, я сам взгляну. Робра, прими здесь командование.

Он показал пальцем, выбрав тридцать солдат, и они рысью побежали за ним по улицам, пустым и безмолвным, — слышался только стук подошв и лязг оружия. Жители сейчас наверняка забились по домам и дрожат от страха. Тем проще будет их согнать в кучу, когда начнется сбор добычи.

Послышался рев схватки. Локланн стремительно завернул за угол и прямо перед собой увидел дворец — старое, покрытое красной черепицей здание с обшарпанными стенами. Люди с «Буревестника» сражались у парадного входа. Убитые и раненные в последнем приступе густо устилали землю.

Локланн оценил ситуацию с первого взгляда.

— О других дверях эти тупицы, конечно, и не вспомнили, — вздохнул он. — Джонак, бери пятнадцать ребят, выбей любую боковую дверь и ударь сзади. А мы пока этих свяжем боем.

Локланн поднял над головой забрызганную кровью секиру и пронзительно закричал:

— Каньон!

— Каньон! Каньон! — подхватили его солдаты и вслед за ним бросились в битву.

Атакующие снова откатились назад, окровавленные и запыхавшиеся. В широком дверном проеме стояло с полдюжины мейканцев. Это были не простолюдины: мрачные, с острыми бородками и яростно встопорщенными усами, в парадной черной одежде, красные плащи намотаны на левую руку вместо щитов. В правой руке у каждого была длинная тонкая шпага. За ними стояли другие, готовые в любую минуту заменить находящихся в первом ряду.

— Каньон! — крикнул Локланн, подбежав к ним.

— Кель Дио Вела! — прокричал высокий седой дон. На его шее висела золотая цепь — знак власти. Рука, в которой он держал шпагу, скользнула вперед.

Локланн парировал удар. Дон оказался очень быстр и рипостом направил оружие в грудь противника, но острие не пробило шестислойную кожаную кирасу.

Люди Локланна рубились с обеих сторон, не обращая внимания на выпады. Локланн ударил по клинку седого дона и выбил оружие.

— Дон Мивель! — крикнул юноша рядом с кальде. Старик зарычал, выбросил вперед руки, сумел схватиться за секиру и с силой тролля вырвал ее из рук Локланна. В его глазах Локланн прочел свою смерть. Дон Мивель взмахнул секирой. Локланн выхватил пистолет и выстрелил в упор.

Дон Мивель рухнул. Локланн подхватил его, сорвал золотую цепь и набросил себе на шею. Выпрямляясь, он почувствовал сильный скользящий удар по шлему. Локланн подобрал секиру, уперся ногами и ударил.

Обороняющиеся сражались отчаянно.

Сзади раздались крики, Локланн обернулся и увидел за спинами своих солдат металлический блеск. Выругавшись, он понял, что во дворце были еще люди, кроме тех, что обороняли дверь. Остальные сделали вылазку и зашли ему в тыл!

Колющий удар в бедро. Не больнее, чем укус, но Локланн рассвирипел.

— Чтоб тебя мать снова такой же мразью родила! — проревел он. В ярости он пробился из свалки и оглядел битву.

Судя по ярким полосам на форме, пикам и мачете, появившиеся сзади солдаты были в основном дворцовыми охранниками. Но у них были союзники — с дюжину человек, каких Локланн никогда не видел и даже не слышал о таких. Темноволосые, с коричневой кожей, как у инцев, лицами больше похожие на белых людей, с замысловатыми голубыми узорами на коже, одетые только в набедренные повязки и с венками из цветов на головах. Они более чем умело орудовали ножами и дубинками.

Локланн разорвал штанину, чтобы посмотреть на рану. Так, пустяки. Но вот его люди ввязались в совсем нешуточный бой. Он увидел Морка сунна Бренна, взмахнувшего мечом над головой одного из темнокожих, рослого и надевшего поверх своей юбки богато выглядевшую блузу. Только дома, в законных схватках, Морк точно убил четырех. Скольких он убил в других местах, не знал никто. Темнокожий просто стоял на месте с ножом в зубах, свободно опустив руки. Когда лезвие опустилось на то место, где он только что стоял, его там просто не было. По-прежнему сжимая нож в зубах, непонятный воин ударил нападавшего ребром ладони по запястью. Локланн отчетливо услышал треск ломающейся кости. Морк закричал. Иностранец ударил его в кадык. Морк упал на колени, кашлянул кровью, осел и больше не двигался. Тут же налетел другой обитатель небес, держа над головой высоко поднятую секиру. Чужестранец снова уклонился от удара, поймал его на бедро и подтолкнул вперед. Солдат ударился головой о мостовую и затих.

Теперь Локланн заметил, что строй непонятных воинов образовывал кольцо. Внутри него тоже находились люди, но они не сражались. Женщины. Октай и Улагу-людоед, эти гады выводят из дворца женщин! Между тем битва остановилась: пираты отошли назад и занимались собственными ранами.

Локланн ринулся вперед:

— Каньон! Каньон!

— Руори Ранги Лоханназо, — вежливо сказал рослый мужчина и отдал своим воинам несколько приказов. Его группа начала отходить.

— За ними, подонки! — заорал Локланн. Его люди кое-как собрались вместе и двинулись следом. Арьергард отступавших выставил пики, и пираты отступили. Локланн побежал через пустую площадь.

Рослый мужчина заметил его. Серые глаза сузились, вглядываясь в золотую цепь кальде, и стали холоднее зимы.

— Значит, ты убил дона Мивеля, — произнес Руори по-испански. Локланн понял его. Он выучил спанский от пленников и наложниц в своих многочисленных налетах на юг, хотя никогда так далеко не забирался. — Ах ты, шелудивая тварь...

Локланн поднял пистолет. Рука Руори мелькнула в воздухе, и внезапно в правый бицепс пирата вонзился нож. Он выронил оружие.

— Я еще вернусь за ним! — крикнул Руори и приказал своим спутникам: — На корабль!

Локланн уставился на хлеставшую из раны кровь. Он услышал короткий шум схватки — беглецы прорвали строй уставших каньонцев. В пустых дверях дворца — их защитники ушли вместе с Руори — показались люди Джонака.

К Локланну, все еще глядевшему на свою рану, приблизился человек.

— Догнать их, шкипер?

— Нет, — сказал он.

— Да ведь они ведут сотню женщин, и молодых девок тоже!

Локланн, как выбежавший из холодной воды на берег пес, встряхнул головой.

— Нет. Надо найти лекаря и зашить мою рану. Да и потом, дел много. Этими пришельцами мы займемся позже, если представится случай. А сейчас надо чистить город.

3

По причалу были разбросаны трупы, некоторые из них обгорели. На фоне зданий складов они казались какими-то чересчур маленькими, все равно как разбросанные плачущим ребенком тряпичные куклы. Тянулся и щипал ноздри пушечный дым.

Помощник капитана Атель Хамид Серайо вместе с частью команды все это время оставался на «Дельфине» и вы-

шел навстречу Руори с группой матросов. Приветствие его по обычаю Островов было так небрежно, что даже в такой момент некоторых мейканцев это шокировало.

— Мы уже собрались за вами, капитан, — сказал Атель.

Руори посмотрел на спутавшуюся оснастку и спросил:

— Что здесь произошло?

— Шайка этих дьяволов приземлилась около батареи и заняла плацдарм, пока мы все еще никак не могли понять, что же происходит. Часть из них подалась в северный квартал, туда, где был тот шум. Наверное, там армейские казармы. Остальные напали на нас, но у нас пушечные порта на десять футов выше причала, и мы привыкли отбивать пиратов. В общем, им не очень повезло. Я их слегка подпалил.

Руори вздрогнул и отвернулся от почерневших трупов. Они, конечно, это заслужили, но сама мысль о том, что на живых людей насосом разбрызгивали горящую нефть, была ему неприятна.

— Жалко, что они подошли не с моря, — со вздохом добавил Атель. — У нас такая гарпунная пушка! Когда-то у меня уже была такая — возле Иньи я из нее долбанул по ситайскому буканьеру. Джонка прямо как кит застонала!

— Люди — не киты! — огрызнулся Руори.

— Ну хорошо, капитан, хорошо, хорошо. — Слегка испугавшись, Атель остыл. — Я ничего такого не имел в виду.

Руори взял себя в руки.

— Я проявил неоправданный гнев, — произнес он формальное извинение. — Я смеюсь над собой.

— Да ничего, капитан. Я-то всего-навсего говорил, что мы им задали жару и они в конце концов смотались. Но мне кажется, эти дьяволы еще вернутся. Что будем делать, капитан?

— Ну, вот этого-то я как раз и не знаю, — мрачно сказал Руори. Он повернулся к стоявшим позади с суровыми лицами мейканцам.

— Покорно прошу простить нас, доны и дониты, — произнес он по-спански. — Он всего лишь объяснял мне, что произошло.

— Не извиняйтесь, прошу вас, — сказала Треза Карабан, выйдя вперед мужчин. Некоторые из них были этим задеты, но все они были слишком ошеломлены, чтобы сделать ей выговор за подобную развязность. Руори же считал совершенно естественным, что женщины так же свободны, как и мужчины. — Вы спасли наши жизни, капитан. Больше, чем просто жизни.

Про себя он удивился, что же может быть хуже смерти, но потом кивнул. Рабство. Веревки, кнуты и подневольный труд в чужой стране. Он оглядел ее пристально: разметавшиеся по плечам волосы, порванное платье, усталое лицо и следы слез. Интересно, знает ли она, что ее отца убили? Держалась она прямо и глядела на него с каким-то странным вызовом.

— Мы не знаем, что нам делать, — сказал он неловко. — Нас только пятьдесят человек. Можем ли мы как-то помочь защитить город?

— Нет. Город пал, — сказал юноша-аристократ, шатающийся от усталости. — Все, что вы можете сделать, это увезти в безопасное место дам.

— Вы же еще не сдаетесь, сенор Донойю? — резко спросила Треза.

— Нет, донита. — Юноша вздохнул. — Но перед тем как вернуться в бой, я хотел бы исповедоваться. Я уже мертвец.

— Поднимитесь на борт, — коротко сказал Руори. — Он поднялся по трапу. Навстречу ему выбежала Лилиу, одна из пяти вахине на корабле, и кинулась ему на шею:

— Я боялась, тебя убили!

— Пока нет. — Руори постарался разнять ее руки как можно мягче. Краем глаза он заметил, что Треза стоит как вкопанная и как-то свирепо на них смотрит. В чем дело? Неужели эти мейканцы думали, что команда, отправляющаяся в плавание на несколько месяцев, не прихватит с

собой девочек? Может быть, одежда вахине слишком похожа на одежду мужчин, а это против местных нравов. Ладно, к Нану все эти дурацкие предрассудки. Но то, что Треза от него отдалилась, было очень неприятно.

Остальные мейканцы удивленно оглядывались — не все они побывали на корабле при его прибытии. В изумлении они смотрели на такелаж и рангоут, с высоты в несколько саженей смотрели на гарпунную пушку, кабестаны, бушприт и опять на самих моряков. Маураи одобрительно ухмылялись. Пока что приключение их веселило. Людей, которые ради развлечения ныряют в океан, чтобы поохотиться на акул, проплывают тысячи миль на каноэ с балансиром, чтобы повидать друзей, битвой не обескуражишь.

«Но они не говорили ни с мрачным доном Мивелем, ни с веселым доном Ваном, ни с таким умным и образованным бископом Эрмозильо, не видели тех мертвецов в бальном зале», — с горечью подумал Руори.

Мейканские женщины, и дамы, и служанки сбились в группу, чтобы вместе поплакать. Дворцовая охрана обступила их сплошным кольцом. Нобли и Треза поднялись за Руори на полуют.

— Давайте поговорим, — сказал он. — Кто эти бандиты?

— Пришельцы с небес, — ответила Треза.

— Вижу, что с небес. — Руори поднял глаза на повисшие в высоте корабли. Зловещая красота, как у стаи барракуд. Время от времени наверх к аэростатам поднимались струйки дыма. — Но кто это такие? Откуда они взялись?

— Они северо-мериканцы. — Треза говорила тихо и очень сухо, как будто боялась, что в ее голосе промелькнет хоть одна эмоциональная нотка. — Из диких гор вокруг реки Корадо, из прорытого ею Гранд-Каньона. Говорят, что когда-то давно монги согнали их с восточных равнин, но потом они окрепли и вернулись. Некоторые племена они уничтожили, а с остальными заключили перемирие. Последние сто лет они постоянно беспокоили нас на северных границах, но так далеко на юг еще не забирались. Мы никак не думали, что пришельцы с небес могут напасть на нас.

Наверное, у них есть лазутчики, и от них они узнали, что почти все наши солдаты сейчас на Рио-Гран, сражаются с повстанцами. Они прилетели с северо-запада, и вот... — Она вздрогнула.

— Небесные псы, — сплюнул молодой Донойю. — Они только и умеют, что грабить, жечь и убивать! — Он сник. — Что мы такого сделали, что Господь спустил их на нас?

Руори задумчиво потер подбородок.

— Нет, они не просто дикари, — пробормотал он. — Эти дирижабли лучше, чем все, что пыталась сделать наша Федерация. А материал... Синтетика, наверное, но с добавками. Иначе водород бы оттуда выходил. Там, конечно, не гелий. Но чтобы было столько водорода, нужна промышленность. Хорошие эмпирические знания химии. А может быть, они его электролизом добывают... Лесу Каристи!

Он вдруг спохватился, что говорит сам с собой и на своем языке.

— Прошу меня простить. Я думал, что же нам делать. На нашем судне нет летающих кораблей.

Он снова взглянул наверх. Атель подал ему бинокль, и Руори направил его на ближайший дирижабль. Огромный баллон с газом и гондола, все вместе размером с маурайский корабль, составляли совершенный аэродинамический аппарат. Гондола казалась очень легкой — плетеный тростник на деревянном каркасе, — но крепкой. На высоте примерно в три четверти от киля вокруг всего корпуса шла галерея. Экипаж мог ходить по ней и работать. Вдоль поручней через равные промежутки стояли какие-то механизмы с мускульным приводом. Некоторые, очевидно, буксирные и причальные, но остальные сильно напоминали катапульты. Видимо, северные вожди время от времени между собой воюют. Это может пригодиться. Политпсихологи Федерации хорошо играли в игру «разделяй и властвуй». Но сейчас...

Механизм приводился в движение очень интересно. Прямо из носа у гондолы, один над другим, футов на пятьде-

сят выпирали два поперечных бруса. На обоих концах к ним крепились две рамы на оси с прямыми парусами. Пара таких же брусьев была и на корме: всего восемь парусов. Поверхность газового баллона была покрыта сетью стабилизаторов, похожих на акульи плавники. Из-под гондолы выступали два наполовину убранных ветровых колеса, которые можно было повернуть под любым углом — они служили фальшкилями. Рули с парусами управлялись тросами, проведенными к лебедкам на галерее через блоки. Изменяя их положение, можно было даже менять курс корабля относительно ветра. И, разумеется, на разных уровнях воздух движется в различных направлениях. Дирижабль мог опускаться, откачивая водород из ячеек баллона в компрессионные танки. Подняться корабль мог, накачав газ обратно или сбросив балласт (хотя второй способ, конечно, предназначен для аварийной ситуации, вызванной утечкой газа). Такой корабль, оснащенный парусами и рулями, способный находить подходящий воздушный поток, мог пролететь несколько тысяч миль с полезной нагрузкой в несколько тонн. Отличный корабль!

Руори опустил бинокль.

— А Перио не строила воздушных кораблей, чтобы обороняться?

— Нет, — смущенно ответил один из мейканцев. — У нас никогда не было ничего подобного. Только воздушные шары. Мы не знаем, как сделать ткань, чтобы она долго удерживала газ, не знаем, как управлять таким судном... — Его голос оборвался.

— А так как ваша культура не основана на науке, то систематические исследования для освоения подобных умений не предпринимались.

Треза, смотревшая до этого на город, накинулась на него.

— Вам легко говорить! — воскликнула она. — Вы не сражались веками с монгами на севере и с роканийцами на юге! Вам не приходилось тратить двадцать лет и тысячи жизней на то, чтобы прорыть каналы и построить акведуки, и все для того, чтобы чуть-чуть меньше людей голодали! У вас нет

кучи пеонов, умеющих только работать, которые не могут даже сами о себе позаботиться, и никто никогда их этому не учил, потому что нашей земле их всех не прокормить! Вам легко плавать тут с вашими голыми шлюхами и смеяться над нами! Что бы вы сделали на нашем месте, сенор Могучий Капитан?

— Спокойнее! — упрекнул ее молодой Донойю. — Он спас нас.

— Да, спас! — плача, процедила она сквозь зубы. И маленькая ножка, обутая в бальную туфлю, топнула по палубе.

Какое-то время смущенный Руори пытался понять, что такое шлюха. Звучало не лучшим образом. Может, она имела в виду вахине? Но разве есть для женщины более почтенный способ заработать себе хорошее приданое, чем рисковать жизнью бок о бок с мужчинами своего народа, совершая открытия и неся с собой цивилизацию? Что собирается Треза рассказывать внукам дождливыми вечерами?

Потом он удивился, почему Треза так его волнует. Он уже заметил, что у мейканцев отношения между супругами бывали настолько глубокими и сильными, что это почти пугало, как будто муж или жена — это что-то больше, чем надежный друг и партнер. Но какие же еще бывают отношения? Психологи, быть может, это знают, но не Руори.

Он встряхнул головой, отгоняя ненужные мысли.

— Сейчас не время для неучтивости. — Ему пришлось употребить спанское слово с немного неподходящим оттенком. — Мы должны принять решение. Вы уверены, что нам не отогнать пиратов?

— Ну, если только С'Антон не явит чуда, — произнес убитым голосом Донойю. И, резко выпрямившись, сказал: — Вы можете сделать для нас только одно, сенор. Уехать сейчас, с женщинами. Среди них есть благородные дамы, которые ни за что не должны попасть в рабство. Отвезите их к югу, в Порт-Ванавато, и кальде позаботится о них.

— Я не люблю убегать, — сказал Руори, глядя на лежащие на пристани тела.

— Сеньор, это же *дамы!* Пожалейте их, ради эль Дио!

Руори посмотрел на напряженные бородатые лица. Он был обязан им гостеприимством и не видел другого способа выплатить этот долг.

— Если вы так хотите, — сказал он после паузы. — А что будет с вами?

Молодой человек поклонился ему, как если бы Руори был королем.

— Наша благодарность и молитвы пребудут с вами, мой сенор капитан. Мы, мужчины, разумеется, вернемся в бой. — Он выпрямился и рявкнул командирским голосом: — Стано-вись! Рав-няйсь!

На главной палубе застучали башмаки, и все быстро стихло: мейканцы спустились по трапу и теперь маршировали в город.

Руори стукнул кулаком по поручням.

— Если бы можно было что-нибудь сделать, — пробормотал он. — Если бы я только мог что-нибудь сделать! — И почти с надеждой спросил: — А как вы думаете, на нас бандиты не нападут?

— Только если вы останетесь здесь, — сказала Треза. — Ее глаза были кубиками зеленого льда. — Святая Мария, если бы вы только не дали обещания уплыть отсюда!

— Если они погонятся за нами в море...

— Не думаю. У вас на борту сотня женщин и почти ничего ценного. А в городе десять тысяч женщин, столько же мужчин и все сокровища. Гнаться за вами не стоит труда.

— Да... да...

— Плывите, — сказала она. — Вы же не посмеете мешкать.

Треза произнесла эти слова очень холодно, и для Руори это было как удар.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил он. — Что маураи — трусы?

Минуту она колебалась, но потом честно, хотя и неохотно, сказала:

— Нет.

— Тогда зачем вы издеваетесь надо мной?

— Ох, подите прочь! — Она обхватила голову руками и погрузилась в себя.

Руори оставил ее и начал отдавать приказы. Матросы полезли на мачты. Свернутую парусину расправили, и она захлопала под напором ветра. На пристань набегали голубые, местами с белой пеной, волны. В небе летали чайки. Но перед глазами Руори мелькали картины отступления из дворца.

Безоружный человек с раскроенным черепом. Девочка, ей, наверное, нет и двенадцати. Она кричит — двое тащат ее в аллею. Пожилой человек, мечущийся в панике зигзагами. В него целятся сразу четыре лучника. Вот он падает пронзенный, и они хохочут — он ползет на руках. Женщина в разорванной одежде. Она молча сидит на улице рядом со своим ребенком, у которого раскроен череп. Маленькая статуя в нише, обезглавленная чьим-то топором. У ее ног в тени лежит букетик фиалок. Горящий дом — оттуда доносятся крики.

Воздушный корабль там, наверху, почему-то уже совсем не был красивым. Достать их и выкинуть оттуда!

Руори замер. Вокруг него собралась взволнованная команда. Послышалась песня отхода — глубокие и сильные голоса свободных и сытых людей, но он воспринимал ее только краешком сознания.

— Поднимаем якорь, — сказал помощник.

— Нет! Стойте!

Руори кинулся к полуюту и взбежал по лестнице к Трезе. Она стояла с опущенной головой. Ее лицо было скрыто длинными волосами.

— Треза! — задыхаясь, сказал он. — Треза, я, кажется, знаю, что делать. У нас все же есть шанс ответить им.

Она подняла глаза и схватила его за руку так крепко, что ногти впились в кожу. Слова звучали сами по себе, независимо от него. Он сбивчиво и торопливо говорил:

— Это надо... надо их заманить... чтобы хотя бы пара кораблей погналась... за нами в море. Мне кажется... я еще

не продумал деталей, но... может быть, мы сможем драться... даже прогнать их...

Она все еще пристально смотрела на него. Он почувствовал неуверенность.

— Конечно, — сказал он, — мы можем и проиграть битву. А на борту женщины.

— Если вы проиграете, — спросила она чуть слышно, — мы погибнем или нас возьмут в плен?

— Я думаю, мы погибнем.

Она кивнула:

— Хорошо. Тогда деритесь.

— Но есть один вопрос, на который у меня пока нет ответа. Я не знаю, как заставить их погнаться за нами. — Он замялся. — Если кто-нибудь... даст себя схватить и скажет, что мы увозим огромные богатства, они поверят?

— Вполне. — Ее голос опять звучал вполне естественно, даже легко. — Например, тайник кальде. Его никогда не существовало, но они поверят, что у отца было полно золота.

— Тогда кому-то нужно пойти к ним. — Руори повернулся к ней спиной и скрестил пальцы. Решение было очень простым, но он боялся сказать его даже самому себе. — Но для этого годится не любой человек. Мужчину они сразу бросят к другим рабам. Я имею в виду, что его вообще слушать не станут.

— Вероятно. Из них мало кто знает спанский. К тому времени, как пираты разберут, что он там говорит про сокровища, они могут быть уже на полпути домой. — Треза нахмурилась. — И что нам делать?

Руори знал ответ, но заставить себя его выговорить не мог.

— Извините, — пробормотал он. — Кажется, это была неудачная идея. Отходим.

Девушка стремительно бросилась вперед и встала между ним и поручнями. Казалось, они снова танцевали вдвоем, так близко она стояла. Но ее голос был очень тверд.

— Вы знаете способ.

— Нет.

— За эту ночь я неплохо вас узнала. Врать вы не умеете. Говорите.

Он отвернулся и как-то сумел выговорить:

— Нужна женщина. Но не любая. Очень красивая женщина. Такую ведь должны сразу доставить к главарю, так?

Треза отошла от него. Она побледнела.

— Да, думаю, так и будет, — сказала она наконец.

— Но после этого могут убить, — проговорил Руори. — Для них это раз плюнуть. Я не могу рисковать жизнями тех, кого защищаю.

— Глупый язычник, — процедила она сквозь зубы. — Неужели ты думаешь, что я испугаюсь смерти?

— Ну а что еще может случиться? — удивленно спросил он. — А, ну да, если мы проиграем сражение, эта женщина попадет в рабство. Хотя, если она будет красивой, плохо обращаться с ней не будут.

— И вы не понимаете... — Треза замолчала. Он никогда не думал, что улыбка может выразить такое страдание, и ничего, кроме страдания. — Ну конечно. Я должна была понять. Вы думаете по-своему.

— О чем вы? — удивился он.

Она на мгновение сжала кулаки и сказала, обращаясь больше к самой себе:

— Они убили моего отца. Да, я видела его труп в дверях. В моем городе после них останутся одни мертвецы. — Она подняла голову. — Я пойду.

— Вы? — Он схватил ее за плечи. — Нет, только не вы. Любая другая...

— Как я могу послать вместо себя другую? Я — дочь кальде. — Она отстранилась от него и, не оглядываясь, быстрым шагом двинулась к трапу. До него долетели несколько слов: — Потом, если будет «потом», только монастырь.

Руори не понял. Он глядел ей вслед, пока она не исчезла из виду, и ненавидел себя. Потом он произнес:

— Отходим.

Корабль вышел в море.

4

Мейканцы сражались очень упорно, за каждую улицу, за каждый дом, но через пару часов оставшихся в живых солдат оттеснили в северо-восточную часть города. Сами они едва ли это понимали, но командиру пиратов сверху все было видно. Флагманский корабль был теперь причален к верхушке собора, на крышу спустили веревочную лестницу для людей, и по ней то и дело поднимались связные с рапортами.

— Нормально, — сказал Локланн. — Мы их там заперли всего четвертью наших сил. Вряд ли они решатся на вылазку. А мы пока тут разберемся. Нельзя давать этим тварям время спрятаться самим и спрятать серебро. В полдень, когда мы отдохнем, можно высадить парашютистов за спиной солдат, вытеснить на наши позиции и закончить с ними.

Он приказал «Буйволу» приземлиться, чтобы можно было уже сейчас погрузить самую ценную добычу. Парни все были грубоваты — хорошие ребята, но способны в спешке попортить одежду, или чашу, или инкрустированное драгоценностями распятие, а среди мейканских драгоценностей попадаются такие красивые, что даже дарить жалко, не то что продавать.

Флагман опустился так низко, как только мог. Теперь он висел на высоте тысячи футов — ручные помпы и цистерны из сплава алюминия не позволяли сильнее сжать водород. В холодном и более плотном воздухе он висел бы еще выше, но быстро собравшийся наземный экипаж держал его за спущенные канаты. Дома храповый кабестан был около каждого дома, и приземлить корабль могли бы даже четверо женщин. Выпускать газ никто не любит, ведь Хранители вряд ли дадут новый, хотя на их гидроэлектростанции теперь и есть новый блок, работающий от солнечного света. (По крайней мере так говорили сами Хранители, но, может быть, они просто создавали впечатление своей независимости, чтобы вздувать цены. Некоторые вожди,

включая и Локланна, уже пытались наладить собственное производство водорода, но постижение искусства, которое сами Хранители понимали едва ли наполовину, давалось очень медленно.)

Здесь технику заменяли мускулы. «Буйвол» привязали канатами на кафедральной площади. Корабль занял ее почти полностью. Локланн сам проверил каждый канат. Поврежденная нога болела, но ходить было можно. Больше беспокоила правая рука — швы на ней болели сильнее самой раны. Лекарь предупредил его, чтобы он обращался с ней полегче. То есть сражаться придется левой рукой — никогда никто не должен сказать, что Локланн сунна Холбер был в сражении простым наблюдателем. Но, разумеется, он сможет драться только вполсилы.

Он потрогал поразивший его нож. Что ж, по крайней мере за свою рану он получил отличный стальной клинок. И... разве его владелец не сказал, что еще вернется за своим оружием? В этих словах было предзнаменование. Было бы неплохо устроить этому Руори перерождение.

— Капитан! Шкипер!

Локланн оглянулся. Его окликали Юй Красная Секира и Аллан сунна Рикар, люди из его дома. Они держали за руки молодую женщину в черном бархатном платье и серебре. Вокруг толкалась и выкрикивала разнообразные непристойности вооруженная до зубов толпа.

— В чем дело? — отрывисто спросил Локланн. У него было еще много дел.

— Эта девка, сэр! Красавица! Мы ее в порту нашли!

— Ну так кидайте ее в церковь к остальным — о! — Локланн покачнулся на каблуках, прищурившись. Зеленые глаза женщины не опустились под его взглядом. Она была действительно красавицей.

— Она все время вопила «Шеф, рей, омбро гран». Ну и я потом понял, что она, наверное, говорит «вождь», — сказал Юй. — А когда она сказала «хан», я догадался, что она хочет видеть вас. Так что мы сами с ней не развлекались, — целомудренно заключил он.

— Аба ту спаньоль? — спросила девушка.

Локланн ухмыльнулся.

— Да, — ответил он на том же языке, с акцентом, но вполне отчетливо. — Достаточно хорошо, чтобы понять, что ты зовешь меня на «ты». — Ее красивые губы сжались в тонкую линию. — То есть ты считаешь меня ниже себя, или своим богом, или своим возлюбленным.

Она вспыхнула, откинула голову назад (на ее черных как уголь волосах сверкнуло солнце) и ответила:

— Скажи лучше этим чурбанам, чтобы они меня отпустили.

Локланн отдал приказ на инглисском. Юй и Аллан отпустили руки. На руках женщины остались следы их пальцев. Локланн почесал бороду.

— Ты хотела видеть меня?

— Если ты — их вождь, то да. Я — дочь кальде, донита Треза Карабан. — Ее голос дрогнул. — На тебе его имперская цепь. Я вернулась от имени его народа спросить о твоих условиях.

— Что? — сощурился Локланн. В толпе кто-то засмеялся.

«Непохоже на нее просить пощады», — подумал он.

Ее голос звучал так же резко:

— Учитывая ваши потери в случае войны до конца и возможное ответное нападение на вас в ваших же землях, я предлагаю вам отпустить пленных и прекратить разрушения в обмен на денежный выкуп и гарантии безопасности.

— Октай... — пробормотал Локланн. — Только баба могла подумать, будто мы... — Он остановился. — Ты сказала «вернулась»?

Она кивнула:

— Ради моего народа. У меня нет официального права заключать соглашение, но фактически...

— Хватит, — оборвал он. — Откуда ты вернулась?

— Это не имеет отношения... — как-то нерешительно начала она.

Вокруг них было слишком много народу. Локланн выкрикнул приказы начать грабеж. Потом он повернулся к ней.

— Пошли на корабль, — сказал он. — Обсудим это.

Она на мгновение закрыла глаза, и ее губы шевельнулись. Потом она посмотрела на него — в этот момент он вспомнил пуму, которую как-то поймал, — и сказала:

— Пошли. У меня есть и другие аргументы.

— У всех баб есть, — засмеялся он. — Но у тебя они получше, чем у многих.

— Нет! — вспыхнула она. — Я не это имела в виду... Мария, не оставь меня.

Локланн двинулся вперед, прокладывая себе путь среди солдат. Она двинулась за ним.

Они прошли мимо свернутых парусов и подошли к спущенной с галереи лестнице. Сквозь открытый люк был виден пустой трюм с кожаными ремнями для рабов. На палубе дежурили несколько часовых. Они стояли, опираясь на оружие, в шлемах, и обменивались шутками. Видно было, что они взмокли от пота. Увидев Локланна с девушкой, они проронили несколько добродушно-завистливых замечаний.

Он открыл дверь.

— Видела когда-нибудь наши корабли? — спросил он. Внутри был длинный пустой кубрик, где находились только койки со спальными мешками. Потом переборки, разгораживающие каюты, что-то вроде камбуза, и, наконец, на самой корме, помещение с картами, столами, навигационными инструментами и переговорными трубками. Его стены так наклонялись наружу, что, если бы корабль находился достаточно высоко, через застекленные окна открылась бы целая панорама. На полке, под сложенным оружием, стоял деревянный божок, четырехрукий и клыкастый. На полу был расстелен соломенный тюфяк.

— Капитанский мостик, — сказал Локланн. — И каюта тоже. — Он указал ей на один из четырех плетеных стульев и сам ввалился внутрь. — Усаживайся, донита. Хочешь чего-нибудь выпить?

Она села в кресло, но ничего не ответила. Пальцы ее рук были скрещены и лежали на коленях. Локланн налил себе виски и первым же глотком хватил половину.

— У-у-ух! Потом доставим для тебя ваше, местное вино. Стыд и позор, что вы его перегонять не умеете.

Ее глаза поднялись и отчаянно посмотрели на него.

— Сенор, — сказала она, — заклинаю вас самим Карито, именем вашей матери, пощадите мой народ.

— Вот бы моя мать посмеялась, если бы услышала это! — сказал он и наклонился к ней. — Давай не будем тратить слов. Ты уже сбежала, но вернулась опять. Куда ты сбежала?

— Я... Разве это имеет значение?

Отлично, подумал он. Она начинает раскалываться. И сказал:

— Имеет. Я знаю, что на рассвете ты была во дворце. Я знаю, что ты убежала вместе с этими темнокожими чужестранцами. Их корабль отплыл около часа назад. Ты должна была быть на борту. Но ты вернулась. Так?

— Да, — задрожала она.

Он хлебнул еще и рассудительно сказал:

— Ну а теперь, донита, что ты можешь предложить еще? Ты бы не стала надеяться на то, что мы откажемся от лучшей части добычи и рабов просто в обмен на гарантии безопасности. От нас отрекутся все Небесные королевства. Давай говори, что там у тебя, если хочешь купить нас.

— Нет... у меня ничего...

Он дал ей пощечину. Голова Трезы дернулась от удара, и она вся съежилась. Он заревел:

— У меня нет времени играть в игры! Говори! Что привело тебя обратно? Если не скажешь — полетишь в трюм! Когда торговцы в следующий раз приедут в Каньон, они дадут за тебя хорошую цену! И оргонский лесник купит тебя себе в хижину, и монгский хан с удовольствием возьмет такую красавицу в свою юрту, и далеко на востоке, в Чай-Ка-Го ты сгодишься в публичный дом! Говори, и ты всего этого избежишь!

Она посмотрела вниз и неуверенно произнесла:

— Корабль иностранцев нагружен золотом кальде. Мой отец давно хотел перевезти свои богатства в более безопасное место, но не рисковал отправлять через всю страну ка-

раваном. Между нами и Фортлез д'С'Эрнаном полно разбойников, а такая огромная добыча — соблазн и для самих охранников. Капитан чужеземцев Лоханназо согласился перевезти сокровища в Ванавато — это около Фортлез. Ему можно доверять, потому что у его правителя большие виды на торговлю с нами и он приехал официально. Сокровища были уже на корабле. А когда появились вы, они взяли на корабль и тех женщин, что были во дворце. Но вы отпустите их? На судне вы найдете столько золота, что просто не сможете увезти!

— Октай... — прошептал Локланн. Он отвернулся от нее, сделал шаг, остановился и уставился в окно. Он почти слышал, как в его голове скрипят шестеренки. Это было похоже на правду. Во дворце почти ничего не было. Ну да, дамасская сталь и серебро и всякая всячина, но сколько всего нашли в соборе! Либо кальде при всем своем могуществе был не так уж и богат, либо он все припрятал! Локланн собирался заняться кем-нибудь из слуг и выяснить это. Но теперь в этом не было необходимости.

И все-таки надо и слуг... нет. Нет времени. При попутном ветре корабль легко убежит от любого воздушного судна. И сейчас может быть уже слишком поздно. Но если нет... Гм. С десантом не выйдет. Парашютистов на эту штуку не высадишь — слишком маленькая, да еще на месте не стоит... Стоп! Храбрец всюду найдет дорогу. Если пойти на абордаж? Зацепиться за верхний рангоут? Если при этом порвется такелаж — еще лучше: трос с грузом — прямой путь на палубу. Если крючья удержатся, штурмовая группа высаживается на верхушки мачт. Моряки эти, конечно, тоже ловкие ребята, но разве случалось им плыть под парусом в мериканской грозе в миле над землей?

А остальное можно будет сообразить по ходу боя. По крайней мере интересно попытаться. Ну а если... за такой подвиг в следующей жизни он может родиться покорителем мира.

Он громко засмеялся и довольно произнес:

— Мы это сделаем!

Треза встала.

— Вы пощадите город? — шепнула она хрипло.

— Я ничего такого не обещал, — ответил Локланн. — Конечно, для большой добычи придется подразгрузить от людей и барахла. Хотя приз можно будет довести до Калифорни и там встретиться с нашими. Да, хорошая идея.

— Лжец и клятвопреступник, — с презрением сказала Треза.

— Все, что я обещал, это не продавать тебя. — Он оглядел ее с головы до ног. — И не продам.

Он шагнул к Трезе и сгреб ее в охапку. Она с проклятиями сопротивлялась. В какой-то момент ей удалось выхватить у него из-за пояса нож Руори, но кираса на нем оказалась слишком твердой.

Наконец он поднялся. Треза рыдала у его ног. Ее грудь была расцарапана отцовской цепью. Локланн произнес уже спокойнее:

— Нет, я не продам тебя. Оставлю себе.

5

— Дирижабль!

Одинокий крик впередсмотрящего завис на миг между ветром и водной ширью. Экипаж бросился по боевым постам.

Руори прищурился на восток. Под огромными облаками была видна голубоватая и неровная полоска земли. Он не сразу разглядел противника в широком небе, но потом выглянуло солнце и засверкало на корпусах. Руори поднес к глазам бинокль. Два раскрашенных кита-убийцы лениво плыли к его кораблю. Он вздохнул:

— Только два.

— И этого может мало не показаться, — сказал Атель Хамид. На его лбу выступил пот. Руори косо взглянул на него.

— Ты что, их боишься? Я бы сказал, что суеверия скорее свойственны им, чем нам.

— Нет, капитан. Мне известны принципы плавучести. Как и вам. Но эти ребята совсем не слабаки. И на этот раз они не лезут с причала, они в своей стихии.

— И мы тоже. — Руори похлопал его по спине. — Принимай командование. Один Танароа теперь знает, что будет дальше, но если меня проткнут, то ты за главного.

— Пустили бы вы меня в бой, — попросил Атель. — Не по душе мне отсиживаться. Кошки на душе скребут, что будет там, наверху.

— Не так уж здесь и безопасно. — Руори заставил себя улыбнуться. — И кому-то надо будет отвести эту лоханку домой и доложить об этих лапоньках в Центр Геоэтнических Исследований.

Он сбежал по трапу на главную палубу и бросился к вантам грот-мачты. Его встретил приветственный крик команды и блеск оружия. Два больших летучих паруса уже туго натянули и привязали к швартовной тумбе. Руори жалел, что не было времени натянуть еще несколько. Он и без того слишком замешкался, отплыв сначала подальше от берега и теперь возвращаясь, чтобы выиграть время на подготовку. (Кстати, и на составление плана боя. Когда Руори отпускал Трезу, у него было только убеждение, что битва возможна.) Если ему все же удалось заманить пиратов, то нельзя было рисковать, что они потеряют терпение и повернут назад. Теперь он вот уже битый час тащился под гротом, генуэзским стакселем и парой кливеров, надеясь, что пришельцы с небес окажутся достаточно неопытными моряками и не удивятся, что в такую хорошую погоду на корабле поднято так мало парусов.

Но вот они появились. Все. Конец волнениям и тяжелым мыслям об одной девушке. Такие чувства были вообще редкостью для островитянина, а то, что все они относились к одному-единственному (из миллионов обитателей Земли) человеку, было просто ужасно. Как будто убегая от чего-то, Руори полез на ванты.

Дирижабли все еще были очень высоко; их нес верховой бриз. Воздушный корабль не может идти по-настоящему острым курсом к ветру, поэтому он опустится там, где будет с наветренной стороны от «Дельфина» по отношению к ветру на уровне моря. И все равно, как отстраненно отметил про себя Руори, «Дельфин» легко мог бы уйти от такого неуклюжего нападения.

Но он не собирался уходить. Весь такелаж был уже усеян вооруженными моряками. Руори забрался на салинг гротмачты и сел на нем, свесив ноги. Корабль накренился под напором ветра, и Руори повис в зеленовато-голубой, расчерченной белыми полосками бесконечности. Автоматическим движением сохранив равновесие, он спросил Хити:

— Готов?

— Готов. — Огромный гарпунер, весь состоявший из мускулов и татуировок, кивнул бритой головой. К свайке, возле которой он сидел, была привязана гарпунная пушка. Гарпуном, который был в нее заряжен, можно было с одного выстрела убить кашалота. Рядом на стойках лежала еще пара таких же. За Хити стояли два его помощника и четыре матроса. У всех в руках были гарпуны поменьше — шестифутовые, какие бросают рукой прямо с лодки. Лини всех гарпунов свисали вниз, к носу.

— Ну, теперь пусть лезут. — На круглом лице Хити показалась ухмылка. — Сожри все сам Нан, но нам будет о чем танцевать, когда вернемся.

— Если вернемся, — сказал Руори.

Он дотронулся до заткнутого за набедренную повязку топора. Уходящий день казался совсем таким же, как дома, где под светом луны белеют огромные волны, веселятся танцующие и гостеприимная тень пальм ждет тех, кто хочет уединиться. Интересно, как бы это понравилось дочери мейканского кальде... если ей еще не перерезали горло.

— Что-то вы грустите, капитан, — сказал Хити.

— Погибнут люди, — ответил Руори.

— Ну и что? — Маленькие добрые глаза, казалось, изучали его. — Они охотно сделают это, если придется, ради песни, которую о них сложат. Нет, вас не смерть печалит.

— Не лезь в душу!

Гарпунер, казалось, обиделся, но замолчал. Дул ветер. Море блестело.

Дирижабли приближались с обоих бортов. Руори повесил на плечо мегафон. Теперь Атель Хамид вел «Дельфин».

На носу дирижабля, заходившего справа, виднелось изображение какого-то ухмыляющегося бога. Воздушный корабль прошел над верхушками мачт, чуть с подветренной стороны... Навстречу ему с нок-рей взвились несколько стрел, не причинивших вреда. Лучники были достаточно хладнокровны и больше стрелять не стали. Хити взялся за пушку.

— Стой, — сказал Руори. — Лучше посмотрим, что они будут делать.

Над галереей дирижабля показались головы в шлемах. Один, второй, третий... Они раскрутили тройные кошки и бросили их. Руори увидел, как одна ударила в фок-мачту, отскочила, зацепилась за кливер... Шкот натянулся и зазвенел, но не порвался. Кожаный... Кливер с треском лопнул, ударил моряка в живот и сбросил с реи... Человек успел выпрямиться и войти в воду руками вперед. Дай Лесу ему выжить... Кошка зацепилась за гафель косого паруса грот-мачты, заскрипело дерево... Тросы резко хлопали, натягиваясь, и корабль дрожал.

Он накренился, паруса заполоскали. Угрозы опрокидывания пока не было, но могло выдернуть мачту. Пираты съезжали с галереи по канату вниз, на корабль. Крича как мальчишки, они соскальзывали на мачты и хватались за первые попавшиеся снасти.

Один из них как обезьяна запрыгнул прямо под салинг грот-мачты, на гафель. Помощник гарпунера выругался, взмахнул гарпуном и пронзил пирата.

— Перестань! — крикнул Хити. — Нам нужны эти железки!

Руори мгновенно оценил ситуацию. Левый дирижабль все еще маневрировал около другого, сносимого к левому борту. Он поднес мегафон к губам, и усилитель, работавший от солнечной батареи, прокричал за него:

— Слушай мою команду! Слушай мою команду! Огонь по второму дирижаблю! Не дать ему идти на абордаж! Перерубите канаты между ними! Сбросьте тех, кто на борту!

— Мне стрелять? — крикнул Хити. — Прекрасная мишень!

— Да.

Гарпунер спустил курок. Звук выстрела был похож на раскат грома. Колючая сталь ударила снизу и сбоку в гондолу прицепившегося дирижабля, пробила ее насквозь и зацепилась с другой стороны.

— Заряжай! — заорал Хити. — Его руки были уже на заводной ручке. Два помощника каким-то образом умудрились примоститься рядом и помочь ему.

Руори скользнул вниз по вантам и запрыгнул на гафель. Там только что появился еще один пират, вслед за ним спускался следующий, выше виднелись еще два. Человек стоял на рее босиком, как заправский моряк. Он выхватил меч. Руори пригнулся, уклоняясь от удара, поймал веревочное кольцо и повис на нем, боевым топором рубя трос кошки. Пират пригнулся и бросился на него. Руори подумал о Трезе, ударил нападавшего секирой по лицу и сбросил на палубу. Потом опять рубанул трос. Кожа была прочна, но сталь остра, и трос лопнул. Гафель свободно закачался из стороны в сторону, так что Руори еле удержался. Второй пират опрокинулся вниз и ударился о крышу рубки. Спускавшиеся по тросу проскользили до конца, первый из них не смог остановиться и упал в воду.

Второго раскачивающийся канат с размаху приложил о стеньгу.

Руори забрался обратно на гафель и перевел дыхание. Вокруг него, на вантах и реях, и под ним, на палубе, кипела драка. Второй дирижабль подлетел еще ближе.

Корабль пошел навстречу ветру, и потоком воздуха подняло натянутый на корме парус. Атель выкрикнул команду, и кормчий резко вывернул руль. Даже груженный, «Дельфин» тут же повиновался — его строили люди, как следует разбирающиеся в гидродинамике. Пропитанный китовым жиром

парус на мгновение прилип к баллону с газом. Но мгновения оказалось достаточно, чтобы стоявшие наготове с горящими бумажными факелами матросы подожгли шкоты. Парус запылал.

Дирижабль отвернул, парус отвалился. Заложенный в нем маленький заряд пороха взорвался совершенно без всякого эффекта. Атель выругался и отдал новую команду. Корабль изменил галс. Второй парус, уже поднятый в воздух и подожженный, прилип к дирижаблю и взорвался.

Рванулся наружу водород. Гондолу охватило пламя, казавшееся бледным под яркими солнечными лучами. Кверху потянулся дымок — горели пластиковые перегородки между ячейками с газом. Дирижабль медленным болидом спланировал в воду.

Второму дирижаблю не оставалось ничего другого, как обрубить кошки и бросить абордажную команду на произвол судьбы. Его капитан не знал, что на «Дельфине» было всего два летучих паруса. Дирижабль мстительно плюнул несколькими стрелами катапульт и отцепился, быстро уходя за корму. Корабль маураев встал на ровный киль.

Обитатели небес могли теперь и убежать, и попытаться атаковать снова. Ни того, ни другого варианта Руори допускать не собирался. Он прокричал в мегафон:

— Выбирай линь! Тащи сюда этих подлецов! — И бросился вниз по вантам на палубу, где продолжалась схватка.

Потому что Хити и его ребята уже воткнули в гондолу три больших гарпуна и с полдюжины маленьких.

Напряженные лини прогнулись цепной линией от дирижабля к носовому кабестану. За их прочность можно было не опасаться. На «Дельфине», как и на любом маурайском корабле, людей кормило море, по которому они плавали. Кабестаны притягивали к борту китов, а дирижабль по сравнению с этим — просто ерунда. Надо было только успеть набрать достаточно ходу до того, как пираты опомнятся и найдут способ обрубить тросы.

— Тобиба, тобиба, итоки, итоки! — донеслась от кабестана старая моряцкая песня. Руори спрыгнул на палубу и

увидел маурая, сражающегося с каньонцем — меч против булавы. Ударом сзади Руори размозжил каньонцу голову, как раздавил бы червяка. (Потом он сам не понимал, как мог подумать так о человеке.)

Схватка окончилась быстро: у обитателей небес не было шансов. Но и человек шесть моряков были серьезно ранены. Оставшихся в живых пиратов поместили в лазарет, раненым морякам ввели антибиотки и обезболивающее и передали на руки заботливым донитам. А Руори быстро отдавал команды, готовясь к следующей фазе.

Дирижабль был притянут почти к самому бушприту и так накренился, что его катапульты стали бесполезны. Пираты собрались на боковой галерее, крича и потрясая оружием. Численностью они превосходили команду «Дельфина» раза в три или четыре. Одного из них Руори узнал — высокого золотоволосого мужчину, с которым дрался около дворца. Почему-то он вызывал у Руори мрачные чувства.

— Поджечь их? — спросил Атель. Руори сморщился:

— Похоже, придется. Постарайтесь не задеть гондолу. Она нам нужна.

В руках мускулистых островитян быстро задвигался балансир. Из керамического сопла ударила струя пламени. Гондола задымилась, оттуда потянуло горелым и послышались крики. Когда же Руори приказал прекратить огонь и дым рассеялся, приумолкли даже самые закаленные ветераны. Маураи не сентиментальны, но не любят причинять боль.

— Рукав, — хрипло сказал Руори.

Прохладным благословением хлынула вода, и загоревшееся плетение гондолы зашипело, превращаясь в тлеющие угли.

Вверх взлетели кошки. Двое юнг бросились на тросы впереди взрослых, чтобы первыми забраться на пиратский корабль. Обитатели небес не сопротивлялись. Уцелевшие пираты стояли оцепенело, лишившись боевого духа, сложив оружие у ног. К гондоле приставили трапы, по ним полезли матросы и начали собирать пленников.

Из двери выскочили несколько обитателей небес с оружием наготове, среди них был и тот, светловолосый. Он бросился к Руори, выхватив левой рукой тот самый кинжал. Правая рука его висела безжизненно.

— Каньон! Каньон! — крикнул он, но это было лишь слабое подобие боевого клича.

Руори шагнул в сторону и выставил ногу. Светловолосый споткнулся, и Руори ударил его по шее обухом топора. Мужчина упал, попытался подняться и снова рухнул, подергиваясь.

— Давай сюда мой нож.

Руори присел на корточки, снял с побежденного кожаный ремень и стал его им связывать. Пара голубых глаз бросила на него почти умоляющий взгляд:

— Ты разве не убьешь меня? — выговорил он по-испански.

— Лесу Харисти, нет! — удивленно ответил Руори. — Зачем?

Руори выпрямился. Сопротивление подавлено, дирижабль принадлежит ему. Он открыл перед собой дверь, полагая, что там должно находиться что-то вроде мостика.

И застыл неподвижно, не слыша ничего, кроме ветра и ударов собственного сердца.

Ему навстречу вышла Треза. Она держала руки перед собой как слепая и смотрела куда-то сквозь него.

— Это вы, — произнесла она совершенно безжизненным голосом.

— Донита, — запинаясь, ответил он и взял ее за руки. — Донита, если бы я знал, что вы здесь, я бы никогда не... не рискнул...

— Почему вы нас не сожгли и не потопили вместе со вторым дирижаблем? — спросила она. — Как мне теперь вернуться в город?

Она вывернулась из его рук и неверным шагом вышла на палубу. Дощатый настил был сильно накренен. Она оступилась, встала на ноги, прошла босиком, как была, на галерею и стала смотреть на океан. Ее волосы и порванное платье развевались на ветру.

6

Чтобы управлять воздушным кораблем, требовалось недюжинное умение. Руори понимал, что те тридцать человек, которым он это поручил, справлялись из рук вон плохо. Опытные обитатели небес — совсем другое дело. Они могли с одного взгляда на воду или на землю находить восходящие и нисходящие потоки, определять, на какой высоте дует нужный им ветер, плавно подниматься и опускаться, даже лавировать против ветра, хотя и, понятно, очень медленно из-за сильного дрейфа.

Тем не менее за час основные принципы управления дирижаблем стали понятны и морякам. Руори вернулся на мостик и стал отдавать приказы в переговорную трубу. Берег был уже близко. С гондолы был хорошо виден «Дельфин» с грузом военнопленных, плетущийся почти без парусов. Руори и остальным новоиспеченным аэронавтам придется выслушать немало шуток над их тихоходностью. Но Руори не улыбался, не радовался заранее этим шуткам и не обдумывал ответы, как было бы еще вчера. Сзади, не двигаясь, сидела Треза.

— Донита, вы знаете, как называется этот корабль? — спросил он, чтобы поговорить хоть о чем-то.

— Он называл его «Буйвол», — без всякого интереса в голосе ответила она.

— Что это?

— Такое дикое животное.

— Значит, он разговаривал с вами, пока нас искал. Он ничего интересного не говорил?

— Рассказывал о своих людях. Хвастался, что у них есть... много всяких вещей, которых у нас нет... механизмы, энергия, сплавы... как будто со всеми этими механизмами они не просто шайка мерзких бандитов.

В этот момент в ее голосе появилась хоть какая-то живая нотка. Он испугался, что она начала останавливать сердце, но потом вспомнил, что мейканцы в отличие от мауреев вроде бы так делать не умели.

— Он не оскорблял вас? — спросил Руори, не глядя на нее.

— Вы бы не назвали это оскорблением, — зло проговорила она. — А сейчас оставьте меня, ради всего святого! — Он услышал ее шаги — Треза открыла дверь и вышла.

«Ну, у нее все-таки убили отца», — подумал он. Это ранит кого угодно и где угодно. А ее, наверное, еще больше, чем его. Мейканцы росли исключительно под присмотром родителей и в отличие от маурайских детей не проводили половину времени за сном, едой и игрой со случайно попавшейся родней. Никак по-другому объяснить внезапное помрачнение Трезы Руори не мог.

Уже был виден город. Над ним висели неприятельские корабли. Три против одного... да, сегодняшние события могут стать легендарными. Если, конечно, у него получится. Он знал, что должен был чувствовать безрассудное удовольствие, как от серфинга, или драки с акулой, или плавания в тайфун — любой головоломной проделки, где успех означает славу и внимание девушек. Руори слышал, как развлекаются его люди: поют, выбивают ногами воинственные ритмы и хлопают. Но в его сердце было холоднее, чем в Антарктиде.

При подходе к ближайшему кораблю Руори приготовился к достойной встрече и нарядил команду дирижабля в одежду пленных пиратов. Безупречный вид и конвоируемый «Дельфин» лучше всего покажут, что они — самые настоящие каньонцы, возвращающиеся после трудно доставшейся победы. Руори сказал в переговорную трубу:

— Так держать! Стреляй, когда будем проходить на траверсе!

— Есть! — ответил Хити.

Через минуту капитан услышал грохот катапульты. В иллюминатор он увидел, как прямо в центр вражеской гондолы вонзился гарпун.

— Трави линь, — сказал он Хити. — Держим, чтобы метнуть в нее парус, а не загореться самим.

— Случалось мне ловить меч-рыбу, — ответил помощник. В его голосе проскальзывали насмешливые нотки.

Неприятельский дирижабль дернулся и отклонился от курса. Выстрелило несколько катапульт, одна стрела попала в цель, но от одной пробитой камеры дирижаблю ничего не сделается.

— Поворачивай! — заорал Руори. Подставляться под обстрел ему совсем не хотелось. Оба корабля стали медленно опускаться, паруса хлопали.

— Круто под ветер!

«Буйвол» превратился в якорь, лишая противника маневренности. Парус был уже готов. На этот раз к нему были приделаны рыболовные крючья. Он коснулся баллона с газом и ровно лег на нем.

— Поджигай! — прокричал Руори. По прикрепленной к парусу веревке побежал огонек. Через минуту пламя охватило весь корабль. Несколько парашютистов выбросились в море.

— Два осталось, — сказал Руори без капли того ликования, которое слышалось в криках его людей.

Пираты никак не были дураками. Оставшиеся дирижабли повернули назад к городу, совершенно не желая подставляться под огонь с воды. Один из них снизился, выбросил тросы, и стоявшие на земле быстро подтянули его к площади. В бинокль Руори увидел, как на нем забегали вооруженные люди. Другой, на котором, несомненно, была только сторожевая команда, маневрировал по направлению к «Буйволу».

— Кажется, эти парни хотят связать нас боем, — предупредил Хити. — А тот, внизу, пока загрузит пару сотен солдат и возьмет нас на абордаж.

— Знаю, — ответил Руори. — Вот и пойдем навстречу их пожеланиям.

Он взял курс точно на корабль с минимальным экипажем. Дирижабль не стал уклоняться от встречи, хотя и мог бы. Всей культуре обитателей небес была присуща храбрость — она-то и не дала это сделать. Вместо того чтобы отлететь в сторону, пираты постарались как можно быстрее сманеврировать так, чтобы можно было забросить кошки. Тогда у второго корабля

было бы время взять солдат и взлететь. Погрузка уже почти закончилась.

Теперь время их припугнуть, решил Руори.

— Давайте огненные стрелы, — сказал он. На палубе матросы засунули в небольшие цилиндры поршни из очень твердой породы дерева. На дне цилиндров был трут. Так поджигали пропитанные нефтью куски древесины. Как только дирижабль подлетел на достаточно близкое расстояние, лучники с «Буйвола» открыли огонь.

Если бы это не сработало, Руори бы отказался от дальнейших попыток и постарался поджечь неприятеля издалека, хотя по плану этот корабль и был ему нужен. Но пираты все еще находились под большим впечатлением от судьбы своих товарищей. Как только о борт гондолы ударились первые стрелы, совершенно не подготовленные к такому повороту событий северяне запаниковали и попрыгали вниз. Может быть, кто-то из них, опускаясь на парашюте, и заметил, что ни один лучник не целился в баллон с газом.

— Живо! — крикнул Руори. — Туда! Тушите огонь! — На дирижабль забросили кошки, корабли сблизились. Матросы начали перелезать на соседнюю галерею и выплескивать из ведер воду.

— Внимание! — сказал он. — Половину людей на приз. Доставайте спасательные тросы и поторапливайтесь.

Он опустил трубку. За ним скрипнула дверь. Он обернулся и увидел, что на мостике опять появилась Треза. Она была все еще бледна, но причесалась и высоко держала голову.

— Еще один! — сказала она почти радостно. — Теперь остался последний.

— Но на нем полно народу, — промолвил Руори. — Я сожалею, что согласился с вашим отказом уплыть на «Дельфине». Я не вполне представлял, что это значит. Слишком рискованно.

— Вы думаете, я придаю этому хоть какое-то значение? — спросила она. — Я — Карабан.

— Но я придаю этому значение, — ответил Руори.

В ней пропало всякое высокомерие. Она быстро коснулась его руки и залилась румянцем.

— Простите меня. Вы столько сделали для нас. Нам никогда не отблагодарить вас.

— Это в ваших силах, — сказал Руори.

— Как?

— Не останавливайте ваше сердце только потому, что ему больно.

Она посмотрела на него. Казалось, ее глаза светятся.

В ведущей на палубу двери появился боцман.

— Все готово, капитан. Мы держим ровно тысячу футов. На обоих летучках у каждого клапана стоит человек.

— У всех есть спасательные тросы?

— Да. — Боцман вышел.

— Вам тоже он нужен. Пойдемте.

Руори взял Трезу за руку и повел на галерею.

Почти со всех сторон их окружало небо. В лицо дул ветер, палуба под ногами ходила, будто была живой. Руори увидел, что к поручням было привязано множество легких канатов, взятых с «Дельфина».

— С парашютами прыгать нельзя. Слишком большой риск для необученных людей, — сказал он. — Но вам не приходилось спускаться по таким тросам. Я вам сделаю обвязку, чтобы подстраховать. Постепенно перебирайте трос руками и спускайтесь. Когда будете на земле, обрежьте веревки. — Руори отрезал ножом несколько кусков каната и связал их с моряцкой ловкостью. Когда он примерил его на Трезе, она вся напряглась.

— Но я же ваш друг, — пробормотал он.

Она расслабилась и даже улыбнулась. Руори отдал ей ее нож и вернулся на мостик.

Корабль пиратов уже поднялся с земли и приближался. Дирижабли Руори не двигались. Было видно, как солнце играет на гранях металла. Руори понимал, что пираты видели, как было захвачено последнее судно, и на этот крючок не попадутся. Если ничего другого им не удастся, пираты просто могут поджечь его и спрыгнуть с парашютом. Он не

отдавал лучникам приказа стрелять. Когда их разделяло уже всего несколько саженей, Руори крикнул:

— Открыть клапаны!

Из обоих мешков вылетел газ. Связанные между собой дирижабли стали падать.

— Огонь! — закричал он. Хити навел катапульту и выстрелил гарпуном в днище нападавшим. К снаряду был привязан якорный трос. — Поджигай и сматываемся!

Стоявшие на палубе разлили из бочек нефть и подожгли ее. Вспыхнули языки пламени.

Корабль каньонцев тянули вниз два привязанных к нему дирижабля, и он начал быстро падать. На высоте пятисот футов сброшенные спасательные тросы коснулись плоских крыш и потащились по улицам. Руори перепрыгнул через борт и чуть не сжег себе ладони, спускаясь.

И как раз вовремя. Загарпуненный дирижабль надул камеры газом из танков и взмыл вверх на тысячу футов, таща за собой свой груз. Наверное, никто еще не заметил, что этот груз горел. А от гарпунов Хити им будет очень непросто избавиться.

Руори поглядел вверх. Дыма от раздуваемого ветром пламени не было. Казалось, на дирижабле горит маленькое, но яркое солнце. Руори не рассчитывал, что огонь застанет пиратов врасплох. Он полагал, что они выпрыгнут с парашютами на землю, где их смогут атаковать мейканцы. Он даже почти хотел предупредить их.

Тем временем пламя добралось до баллонов с остатками газа. Казалось, что громко вздохнул какой-то невероятный великан. Дирижабль с пиратами превратился в гигантский летающий костер, и ветер отнес его за городские стены. Несколько фигурок величиной с муравья попытались выпрыгнуть вниз. У одной горел парашют.

— Пресвятая Мария, — прошептала стоявшая рядом Треза, бросилась к нему на шею и спрятала лицо у него на груди.

7

С наступлением темноты во дворце зажгли свечи. Правда, нельзя было скрыть уродства исполосованных стен и закопченных потолков. Стоявшие у трона часовые были все в лохмотьях и имели усталый вид. Не было заметно веселья и в городе. Слишком многие погибли.

Руори сидел на троне кальде. Справа от него находилась Треза, слева — Паоло Донойю. Последним предстояло выполнять функции власти, пока новая не будет официально утверждена. Вид у дона был строгий, и перевязанную голову он держал прямо. Треза широко раскрытыми глазами выглядывала из-под края окутывавшей ее мантии. Руори сидел свободно — после окончания сражения настроение у него несколько улучшилось, но лишь очень ненамного.

Это было трудное дело, даже после того, как воспрянувшие духом городские солдаты бросились на вылазку и погнали уцелевших врагов. Слишком многие из пиратов в плен не сдавались и дрались до тех пор, пока их не убивали. Несколько сот пленных, захваченных в основном еще в море, были опасным трофеем. Никто не знал, что с ними делать.

— Ну, по крайней мере покончено с их войском, — сказал Донойю. Руори в ответ покачал головой:

— Нет, сенор. Жаль, конечно, но конца пока не видно. Там, на севере, тысячи таких дирижаблей и толпы сильных и голодных людей. Они были здесь не в последний раз.

— Мы будем готовы к этому, капитан. И встретим их достойно. Увеличим гарнизон. Поставим заградительные аэростаты. Приготовим зажигательные паруса, пушки, которые могут стрелять вверх. Может, даже воздушный флот удастся сделать... научиться летать самим.

Треза пошевелилась. В ее голосе снова зазвучала жизнь, хотя это была жизнь, полная ненависти.

— В конце концов, мы сами придем к ним с войной. В Корадских горах ни одного не останется.

— Нет, — ответил Руори. — Этого быть не должно.

Треза резко повернулась к нему и пристально посмотрела из-под мантии. Наконец она сказала:

— Да, мы должны возлюбить наших врагов. Но к ним это не относится. Они не люди.

Руори обратился к пажу:

— Пошлите за главным пленником.

— Чтобы объявить ему наш приговор? — спросил Доной-ю. — Это надо сделать официально, при всем народе.

— Нет. Просто поговорим с ним.

— Я не понимаю вас, — сказала Треза. Она запиналась, и говорить презрительно не получалось. — После всего, что вы сделали, в вас неожиданно пропало мужество.

Руори не понял, почему его слова ее задели. Если бы это сказал кто-нибудь другой, ему было бы глубоко безразлично.

Вошел Локланн. Его сопровождали два охранника. Руки пирата были связаны за спиной, на лице — запекшаяся кровь, но он шел как победитель. Подойдя к трону, Локланн остановился, расставив ноги, и ухмыльнулся Трезе.

— Значит, — сказал он, — эти тебя не удовлетворяют и ты решила позвать меня?

Треза вскочила на ноги и закричала:

— Убить его!

— Нет! — крикнул Руори.

Стражники замялись, и мачете остались наполовину в ножнах. Руори встал и поймал Трезу за руку. Она вырывалась и шипела как кошка.

— Ну хорошо, не убивай его. — Она согласилась так быстро, что в это даже не верилось. — Не сразу. Медленно. Пусть его задушат, сожгут заживо, сбросят на копья...

Руори крепко держал ее до тех пор, пока она не успокоилась. Когда же он отпустил ее, она села и заплакала.

— Кажется, я понимаю, — раздался стальной голос Паоло Доной-ю. — Надо найти ему подходящее наказание.

Локланн плюнул на пол.

— Конечно, — сказал он. — С беспомощным человеком можно вытворять любые штуки.

— Стой спокойно, — произнес Руори. — Ты этим себе никак не поможешь. И мне тоже. — Он сел, положил ногу на ногу, скрестил на коленях пальцы и уставился перед собой, в окутанную темнотой часть зала. — Я знаю, что этот человек причинил вам боль, — осторожно произнес он наконец. — И возможно, что вы будете страдать от его сородичей и в будущем. Это молодая раса, неосторожная, как все дети. Такими были и ваши, и мои предки. Может быть, вы считаете, что Перио была создана мирным путем? Или, если я только правильно помню вашу историю, инейцы были рады приходу спанцев? А ингличане воцарились в Новозеллании без насилия и кровопролития? А маураи не были раньше людоедами? В эпоху героев должны быть и антигерои.

И ваше оружие против обитателей небес — не армия, которая просто обречена потеряться в непроходимых горах... Ваши священники, художники, купцы, ремесленники, воспитанность, мода, образование — если вы используете все это, то поставите их на колени.

Локланн вздрогнул.

— Ты дьявол, — прошептал он. — Ты на самом деле хочешь обратить нас в... бабскую веру и обречь на жизнь в этой городской клетке? — Он откинул назад рыжую гриву и проревел: — Нет!

— Это займет одно-два столетия, — сказал Руори.

Дон Паоло улыбнулся себе в усы.

— Очень утонченная месть, сенор капитан, — согласился он.

— Слишком утонченная! — Треза подняла заплаканное лицо, жадно глотнула воздух, подняла руку с длинными ногтями и скрюченными пальцами и резко опустила вниз, как будто впиваясь в глаза Локланна. — Даже если бы это было возможно, — огрызнулась она, — даже если бы у них была душа, что нам с ними делать или с их детьми и внуками... с ними, которые сейчас убивают наших малюток?! Да услышит Всемогущий Господь: я, последняя из рода Карабан, обращусь к народу, и мейканцы пойдут за мной! И я

говорю: только истребление для этих тварей! Мы можем сделать это, клянусь! Текканцы нам помогут за право грабежа. И я еще увижу, как горит твой дом, ты, свинья, и как псы пожирают твоих сыновей!

Она резко повернулась к Руори.

— И как еще мы можем защитить наши земли? Мы со всех сторон окружены врагами. И у нас нет выбора — если мы не уничтожим их, они уничтожат нас. А мы — последняя мериканская цивилизация!

Треза села на место и задрожала. Руори потянулся, чтобы взять ее за руку. Она была холодной. Треза на мгновение бессознательно напряглась и отдернула ее.

Он устало вздохнул.

— Я вынужден не согласиться, — сказал он. — Простите. Я понимаю ваши чувства.

— Ничего вы не понимаете, — сквозь зубы произнесла Треза. — И не можете понимать.

— Но все же, — сказал он, заставляя себя говорить сухо, — я не просто высказываю пожелания, которые у каждого человека свои. Я представляю свое правительство. Мне надо вернуться, чтобы рассказать о том, что здесь происходит. И я заранее знаю, что они на это скажут.

Они помогут вам противостоять нападениям. Ведь вы от этого не можете отказаться? Люди, которые будут стоять во главе Мейко, не отклонят наше предложение о союзе, только чтобы сохранить эту необоснованную независимость действий, как бы ни возражала горстка экстремистов. И требовать мы будем очень немногого. Основное требование будет состоять в том, чтобы, когда обитатели небес устанут от бесплодных попыток пробить нашу совместную оборону, вы начали завязывать с ними тесные мирные отношения.

— Как? — спросил Локланн. Его голос прозвучал в полной тишине. Белые глаза уставились из-под шлема прямо на Руори.

— А начнем мы с тебя, — сказал маурай. — Когда настанет время, тебя и твоих товарищей отправят домой. И

вашим выкупом будет как раз то, что вы согласитесь принять дипломатическую и торговую миссии.

— Нет, — сказала Треза так, как будто слова вызывали у нее боль в горле. — Только не его. Пошли остальных, но не этого, чтобы он там хвастался тем, что сделал здесь сегодня.

Локланн опять ухмыльнулся.

— Точно, — сказал он. — Я ведь буду.

В Руори вспыхнул гнев, но он сдержался и промолчал.

— Я не понимаю, — раздраженно произнес дон Паоло. — Почему вы так обращаетесь с этими скотами?

— Потому что они цивилизованнее вас.

— Что?! — Дворянин вскочил на ноги и схватился за меч, но с высокомерным видом сел опять. Его голос был холоден как лед. — Объяснитесь, сенор.

Руори не видел под капюшоном лица Трезы — она сидела обособленно в своем одиночестве, но чувствовал, как она отдаляется от него все дальше и дальше.

— Они изобрели летательный аппарат, — сказал он, тяжело опускаясь в кресло, усталый и без какого бы то ни было победного чувства... *О творец всего сущего, Танароа, подари мне этой ночью сон!*

— Но...

— Они сделали его, не просто скопировав древнюю технику, — объяснил Руори. — Обитатели небес были простыми беженцами, но создали прямо в пустыне цивилизацию, способную отправлять тысячи воинов в другие земли и при этом не нуждаться в толпе крестьян. Во время допроса я выяснил, что они собирают солнечную энергию, что у них есть гидроэлектростанции, что они развили синтетическую химию, навигацию и необходимую для нее математику, металлургию, аэродинамику, создали порох... Конечно, эта культура развивается неравномерно — просвещенные слои по сравнению с безграмотными массами очень невелики. Но даже эти массы должны уважать науку, иначе обитатели небес никогда бы не добились того, что имеют.

— Короче говоря, — вздохнул он, думая о том, удастся ему убедить ее или нет, — обитатели небес — технологическая цивилизация. Единственная, кроме нас, которую мы знаем. Поэтому они слишком ценны для всех нас, и их нельзя терять.

Вы культурнее, человечнее, у вас более развито искусство, шире кругозор, вам присущи традиционные добродетели. Но у вас нет науки. Все ваши знания добыты не вами — это заслуга древних. Старого топлива больше нет, и вам приходится использовать мускулы, и, как следствие, у вас полно чернорабочих. В шахтах нет железа и угля, и вы разбираете ради металла старые постройки. Я нигде здесь не видел, чтобы кто-то пытался использовать в качестве источника энергии воздух, солнечное тепло, химические элементы. Я уже не говорю о теоретической возможности синтеза гелия без уранового детонатора. Вы пытаетесь оросить пустыню, что в тысячу раз тяжелее, чем использование морских ферм, а усовершенствовать рыбную ловлю никогда и не пробовали. Никто из вас не разрабатывал алюминий, которого в глиноземе все еще полно, и не пытался составить из него стойкие сплавы, нет, ваши фермеры до сих пор используют инструменты из дерева или вулканического стекла.

Вы вовсе не невежественны и не суеверны. Средств к приобретению новых знаний — вот чего вам не хватает. Вы прекрасные люди, ваш мир добрее. И я люблю вас настолько, насколько ненавижу этих дьяволов. Но, друзья мои, если предоставить вас полностью самим себе, вы постепенно скатитесь обратно в каменный век.

Его голос снова окреп и звучал теперь на весь зал.

— Путь, на котором стоят обитатели небес, — это трудный путь наружу, путь к звездам. И в этом смысле, ради которого можно пренебречь остальным, нам они ближе, чем вы. Мы не можем позволить себе дать погибнуть цивилизации, столь похожей на нас.

Он закончил говорить и, провожаемый изумленным взглядом Донойю и ухмылками Локланна, сел на место. В зале

повисла тишина. Стражник переминался с ноги на ногу, его кожаная кираса слабо поскрипывала.

Наконец Треза произнесла из-под капюшона очень низким голосом:

— Это ваше последнее слово, сенор?

— Да, — ответил Руори.

Он повернулся к ней. Треза чуть подалась вперед, капюшон немного сдвинулся, и край ее лица осветился пламенем свечи. Взгляд зеленых глаз и полураскрытые губы отдали ему его победу.

Он улыбнулся.

— Я не думаю, что вы сразу все поняли и приняли. Мы не могли бы обсудить это еще раз, еще много раз? Когда вы увидите Острова, на что я надеюсь...

— Ты, *иностранишка!* — пронзительно крикнула она.

Раздался хлопок — ее ладонь ударила его по щеке. Треза вскочила, слетела по ступеням трона и выбежала из зала.

Гордон Р. Диксон

Об авторе*

Гордон Р. Диксон больше всего, вероятно, известен Дорсайским Циклом. Там говорится об истории расы межпланетных наемных солдат (дорсаев) и ее трудной судьбе в Будущей Истории воюющих планет и философий. Но за сорок восемь лет работы Диксон создал научно-фантастические произведения почти любого жанра, который только существует, — от фарсовых комедий до глубоких философских исследований, а также приличное количество произведений в жанре фэнтези. Дорсайский Цикл состоит из таких сложных произведений, как «Солдат, не спрашивай» (этот роман считается «ответом» на «Звездных солдат» Хайнлайна), «Человеку нет места», «Далекий вызов», «Тактика ошибки», «Дорсай!», «Дух дорсаев», «Юный Блейз», и недавно написанных «Абсолютная энциклопедия» и «Гильдия». Рассказы о дорсаях вошли в сборник «Пропавшие дорсаи». Он получил премию «Хьюго» в 1965 году за сокращенный вариант романа «Солдат, не спрашивай», «Небьюлу» в 1966 году за «Зовите его Господь» и еще две премии «Хьюго» в 1981 году за «Пропавшие дорсаи» и «Плащ и посох». Среди других его книг можно назвать такие, как «Высадка на Арктуре», «Путь инопланетян», «Мир лунатика», «Последний мастер», «Час орды», «Путь паломника», «Волк и железо», «Шторм времени», «Волчонок», «Месса Притчера», «Пловцы космоса», серию фэнтезийных

* © Перевод. Левин М.Б., 2001.

романов, в том числе «Дракон и Джордж», «Рыцарь дракона» и «Дракон на границе». Последний его роман — «Дракон и джинн». У Диксона выходили сборники рассказов «В железные годы», «Книга Гордона Р. Диксона», «Никто, кроме человека», «Любовь человеку не свойственна», «Начинающие», «Концы», «Захватчики!», «Простор разума», «Повелители Земли», «Вперед!», «Человек с Земли», «Стальной брат» и другие. Комические рассказы из длинной серии «Хока», написанные в соавторстве с Полом Андерсоном, вошли в сборники «Хока!» и «Бремя землянина». В серии «Хока» есть и роман «Звездный принц Чарли». Предлагаемый рассказ «Человек по почте» был впоследствии развернут в роман «Доставка с нарочным», у которого было продолжение «Космическая лапа».

Рассказы Диксона, хотя в них очень силен элемент физического действия, обычно содержат мысли и будят мысли, иногда довольно печальные, об изменениях философии, этических и общественных норм, необходимых для выживания человечества в сложных и быстро меняющихся социальных условиях, которые ждут нас в будущем.

Однако иногда (тут вспоминаются и рассказы серии «Хока», написанные с Андерсоном) он пишет рассказ чисто развлекательный. И мало есть рассказов, написанных тогда или теперь, которые могут сравниться по занимательности с быстро разворачивающейся смешной историей, которая начинается абзацем ниже. (Хотя если подумать, то все эти рассуждения о социальных нормах и наилучшем способе приспособить к ним свое поведение для манипуляции этим обществом никуда не делись — они только звучат слегка в другом ключе.) Это рассказ о злоключениях растяпистого землянина, который должен найти способ поладить с огромными, ребячливыми, мохнатыми и неуживчивыми дилбианами, найти, хоть сдохни — *в буквальном смысле*. Увы, этот исход кажется *слишком* вероятным.

Человек по почте*

Достопочтенный Джошуа Гай, чрезвычайный и полномочный посол на Дилбии, курил трубку. От этой-то трубки Джон Тарди и закашлялся, задыхаясь, — по крайней мере так могло показаться.

— Простите, как? — выдавил из себя Джон Тарди.

— Извините, — сказал Джошуа, выбивая трубку в пепельницу, где угли продолжали чадить лишь чуть менее злобно, чем в трубке. — Я думал, вы меня с первого раза расслышали. Я сказал, что мы, как только узнали о вашем назначении, естественно, пустили слух, что вы лично очень привязаны к этой девушке.

— К... — Джонни проглотил воздух. Они говорили по-дилбиански, чтобы Джонни совершенствовался в языке, который выучил под гипнозом на пути от звезд Пояса, и сейчас с его губ автоматически сорвалась кличка, которую дилбиане дали пропавшей женщине-социологу с Земли: — К Смазанной Роже?

— К мисс Тай Ламорк, — кивнул Джошуа, гладко переходя на бейсик и обратно на дилбианский. — К Смазанной Роже, если вам так больше нравится. Кстати, не принимайте эти дилбианские имена буквально. Два старых джентльмена, с которыми вам предстоит встретиться — Папаша Дрожащие Коленки и Два Ответа, — совсем не похожи на то, что можно подумать. Папаша Дрожащие Коленки получил свое прозвище, когда в аварийной ситуации держал тяжелое бревно — а через сорок пять минут кто-то заметил, что у него подкашиваются колени. А Два Ответа — так характеризуют дилбианина, который на каждую проблему умеет найти более одного ответа.

---

* Gordon R. Dickson. «The Man in the Mailbag». © Gordon R. Dickson, 1987.

© Перевод. Левин М.Б., 2001.

Чуть было не спросив Джошуа о его собственной кличке Мелкий Укус, Джон перешел к более безопасным темам:

— А этот Шлафф, который...

— Хайнер Шлафф, — перебил Джошуа, поморщившись, — допустил ошибку. Казалось бы, каждый знает, что нельзя терять голову, если дилбианин тебя поднимет. И после первого раза, когда его подняли, стоило старине Хайни показаться на улице, как его тут же кто-нибудь хватал в охапку, чтобы послушать, как он зовет на помощь. Его прозвали Визгливый Сифон, что весьма отрицательно сказалось на отношениях Земли и Дилбии. — Джошуа сурово поглядел на Джона. — От вас я ничего подобного не ожидаю.

Глаза посла оценили крупное тело и рыжую шевелюру Джона.

— Ни в коем случае, — поспешно согласился Джон.

— Золотая медаль по десятиборью на последней олимпиаде?

— Да, — подтвердил Джон. — Но на самом деле мне больше всего хочется попасть в исследовательскую группу на новой планете. У меня диплом по биохимии и...

— Я знаком с вашим личным делом. Что ж, — произнес Джошуа Гай. — Проявите себя у нас, а тогда — кто знает? — Он выглянул в окно, где виднелись просторные бревенчатые дома городка Хамрога в обрамлении хвойных лесов и горных пиков. — Но главное — это ваша физическая подготовка. Вы понимаете, *почему* должны идти в одиночку?

— На Земле мне рассказывали, но если вы можете что-нибудь добавить...

— Там, в центре, тонкие моменты ситуации не понимают, — сказал Джошуа почти радостно. — Грубо говоря, мы хотим подружиться с этими дилбианами. Они были бы отличными партнерами. К сожалению, мы на них не производим особого впечатления.

— Размеры? — спросил Джон Тарди.

— В общем, да, размеры — это, пожалуй, самый большой камень на дороге. Мы для них не больше комнатной

собачки. Но это еще усиливается несходством культур. На все наши механические штучки они плевать хотели — им главное личная честь и здоровая жизнь на природе. — Он посмотрел на Джона. — Вы, конечно, спросите: а почему не устроить демонстрацию силы?

— Я бы сказал... — начал Джон.

— Потому что мы хотим с ними не драться, а дружить. Давайте я вам приведу пример из земной жизни. Люди столетиями более или менее умели приручать мелких животных. Но большие оставались без применения, пока...

Би-ип! — прогудел сигнал на столе Джошуа.

— Ага, вот и они. — Джошуа Гай встал. — Пойдемте в приемную. И запомните, что Ну-И-Фигура-У-Нее — это дочь старика Дрожащие Коленки. Все дело в том, что Береговой Ужас хотел ее заполучить. С того и начался весь этот бардак, в результате которого Ужас похитил Тай Ламорк.

Он вышел в соседнюю комнату, Джон Тарди за ним. Несмотря на гипнообучение, у него голова все еще шла кругом от причудливых дилбианских имен — особенно Ну-И-Фигура-У-Нее. Перевод на бейсик передавал только бледную тень смысла. Не будучи ни в каком смысле застенчивым, Джон не очень себе представлял, как можно глядеть в глаза отцу и называть дочь его преклонных лет...

Размышления оборвались, когда он вошел в комнату.

— Привет, Мелкий Укус! — бухнул тот из двух мохнатых монстров, что был побольше. В нем было метра два с половиной. — Это и есть новичок? Два Ответа и я пришли его встречать. Смотри, какая у него яркая верхушка!

Джон Тарди опешил, но Джошуа ответил вполне нормальным голосом:

— У нас такой цвет бывает. Это Джон Тарди — Джон, познакомься с Дрожащими Коленками. А этот, тихий, — Два Ответа.

— Тихий! — Дилбианин разразился гаргантюанским смехом. — Это я-то тихий! Вот это да! — Он просто ревел от удовольствия.

Джон глядел во все глаза. Вопреки всему гипнообучению, он не мог не представлять себе эту пару в виде огромных медведей, вставших на задние лапы и изменивших диету. Они были стройнее медведей, хотя «стройность» — понятие относительное для существа, весящего тысячу фунтов, и ноги у них были длиннее. Носы более курносые, нижняя челюсть больше похожа на человеческую, чем на медвежью. Но густой черный меховой покров и медвежья прямота языка и действий просто не давали уйти от этого сравнения — хотя истинное биологическое сходство у них было с людьми.

— Ф-фух, не смеялся так уже с тех пор, как старый Стакан Рассола свалился в пивной чан! — фыркнул Два Ответа, постепенно взяв себя в руки. — Ладно, Яркая Макушка, что ты сам о себе скажешь? Что можешь справиться с Береговым Ужасом, даже если тебе одну руку привяжут за спину?

— Я приехал, — сказал Джон Тарди, — чтобы вернуть... э-э... Смазанную Рожу, и...

— Ужас ее не отдаст. Как ты думаешь, Коленки? — Два Ответа весело подтолкнул соседа массивным локтем.

— Этот мальчик? Ни в жизнь! — Дрожащие Коленки покачал головой. — Вот не надо было мне тебя слушать, Мелкий Укус, когда ты отговаривал меня от такого зятя. Крутой? Грубый? Хитрый? Моя девочка с таким жеребцом бы справилась.

— Я же только предложил, — возразил Джошуа, — чтобы ты им велел чуть подождать. Ну-И-Фигура-У-Нее еще молода...

— А ведь фигура у нее класс! — сказал Дрожащие Коленки с отцовской гордостью. — И все же трудно придумать, как теперь вывернуться. — Он вдруг пристально посмотрел на Джошуа. — Ты тут между лапами ничего не прячешь?

Джошуа Гай с оскорбленным видом развел руками.

— Я стал бы рисковать представителем своего народа? Даже двумя? И все для того, чтобы Ужас взбесился и украл Смазанную Рожу мне в отместку?

— Вряд ли, — признал Дрожащие Коленки. — Но вы, коротышки, изворотливые типы.

В его голосе звучало честное восхищение.

— Спасибо, вы тоже не хуже, — сказал Джошуа. — А насчет Ужаса...

— Он направился на запад через Холодные Горы, — сказал Два Ответа. — Его вчера видели за полдня пути к северу, по дороге на Кислый Брод и Лощины. Ночует, наверное, в гостинице «Острая скала».

— Это хорошо, — сказал Джошуа. — Надо будет найти проводника туда для моего друга.

— Проводника? Ха! — фыркнул Дрожащие Коленки. — Ты лучше посмотри, что *у нас* для тебя есть. — Он плечом вперед пропихнулся мимо Двух Ответов, открыл дверь и заревел:

— Обрывщик! Дуй сюда!

Почти сразу в дверь вошел дилбианин еще выше и стройнее Дрожащих Коленок, и в комнате тут же стало тесно.

— Вот, гляди, — гордо махнул лапой Дрожащие Коленки. — Чего тебе еще желать? Днем ходит, ночью по горам лазит, а утром после завтрака свеж как росинка. Мелкий Укус, познакомься с Горным Обрывщиком!

— Это я! — бухнул вошедший, потрясая голосом стены. — Может ли от меня уйти что-то на двух ногах? Только не на твердой земле или шатких скалах! Стоит мне посмотреть на холм, и он тут же понимает, что деваться ему некуда, и ложится мне под ноги!

— Очень хорошо, — сухо сказал Джошуа, — но я не знаю, сможет ли мой друг угнаться за вами при такой скорости.

— Угнаться? Ха! — воскликнул Дрожащие Коленки. — Да ты что, Мелкий Укус, не знаешь, кто такой Обрывщик? Он же почтальон. Мы эти Полпинты отправим Ужасу почтой. Единственный способ. Обойдется тебе в пять кило гвоздей.

— Почту никто остановить не имеет права, — вставил Горный Обрывщик.

— Гм, — задумчиво сказал Джошуа и посмотрел на Джона Тарди. — Неплохое предложение. Дело только в том, как вы его понесете.

— Кого, Полпинты? — бухнул Обрывщик, оглядывая Джона. — Да как недельного щенка. Оберну его хорошей мягкой соломой, суну на дно мешка и...

— Стоп, — прервал его Джошуа. — Вот этого я и боялся. Если хотите его нести, это надо делать по-человечески.

— Я этого не надену! — все еще орал Горный Обрывщик два часа спустя. Причина его расстройства, система ремней и подушек, связанных в виде первобытного седла, которое должно было находиться между лопатками, лежало на битом щебне главной улицы Хамрога. Собравшиеся невесть откуда зрители-дилбиане не скупились на басовые комментарии — не того сорта, которые могли бы подтолкнуть Горного Обрывщика к разумному решению.

— Слушай, ты, сопляк! — Дрожащие Коленки начал сам слегка разогреваться под мехом. — С тобой говорит двоюродный брат дяди твоей матери! Если ты хочешь, чтобы я обратился к Праотцам твоего клана...

— Ладно, ладно, ладно! — огрызнулся Горный Обрывщик. — Запрягайте меня в эту мерзость!

— Так-то лучше, — проворчал Дрожащие Коленки, остывая, а Джон Тарди и Джошуа Гай начали пристраивать седло. — Не то чтобы я тебя не понимал, но...

— А в общем, не так-то и плохо, — понуро произнес Обрывщик, пробуя повести плечами под упряжью.

— Ты еще увидишь, — сказал Джошуа, затягивая подпругу, — что это легче носить, чем твой обычный мешок.

— Да не в этом дело, — буркнул Обрывщик. — У почтальона есть достоинство. Он не должен носить всякое... — И вдруг он напустился на хихикающего зеваку: — Что тут смешного, ты? Весело тебе, да? Ты только скажи...

— Дай-ка я! — заревел Дрожащие Коленки, выкатываясь вперед. — Тебе чего тут надо, Разбитый Нос?

При вступлении в разговор старейшины Хамрога у дилбианина, которого назвали Разбитый Нос, ухмылка с лица будто стерлась тряпкой.

— Шел мимо, — огрызнулся он, отступая к толпе.

— Так иди себе, тебя никто не держит! — пророкотал Дрожащие Коленки. Наградой ему был общий смех. Разбитый Нос направился дальше по улице, и было совершенно ясно, что мохнатые уши у него пламенеют.

Джон воспользовался этой интермедией, чтобы влезть в седло. Обрывщик удивленно хмыкнул и обернулся.

— А ты легкий, — сказал он. — Как тебе там? Нормально?

— Отлично, — ответил ни о чем не подозревающий Джон.

— Тогда всем пока! — провозгласил Обрывщик и без предупреждения погнал по главной улице в сторону Северной Тропы, Холодных Гор и неуловимого, но опасного Берегового Ужаса.

Если бы не гипнообучение, Джон Тарди нипочем бы не распознал это быстрое и неожиданное начало дилбианской шутки. Но сейчас он сразу понял, что Горный Обрывщик, утратив весь энтузиазм при виде упряжи, придумал маленький планчик, как от нее избавиться. Прямо отказаться нести Джона было никак нельзя, но если Джон возразит против такой бесцеремонной доставки, Обрывщик будет в полном праве — по меркам дилбиан — вскинуть руки и отказаться доставлять почтовое отправление, которое настаивает на невозможных условиях. Джон стиснул зубы и молчал.

Все равно было чертовски неудобно. Джон собирался до отъезда выработать с Джошуа Гаем план действий. Ладно, есть же наручный телефон. Он позвонит Джошуа, как только представится возможность.

Пока что оказалось, что Горный Обрывщик не преувеличил свою способность покрывать расстояния. Только что они были на главной улице, и вот уже несутся по горной тропе, и хлещут на бегу ветви, похожие на сосновые, а Джон Тарди качается и цепляется за Горного Обрывщика как человек, сидящий на слоне. Времени для отвлеченных мыслей не было. Джон вцепился в упряжь, одолеваемый довольно горькими мыслями о своей спортивной одаренности, которая довела его вот до этого, когда по всем правилам ему бы надлежало быть в исследовательской группе на

одной из планет границы. Он для этого вполне годился, но вот из-за десятиборья попал...

Этим горестным мыслям он предавался добрый час, когда вдруг их ход перебило хмыканье Обрывщика и темп снизился. Выглянув из-за плеча почтальона, Джон увидел еще одного дилбианина, который вдруг появился перед ними из леса. Этот был очень уж космат. При нем был огромный треугольный топор, а через плечо переброшено какое-то местное травоядное, размером и формой похожее на мускусного быка.

— Привет, лесник! — сказал, останавливаясь, Обрывщик.

— Привет, почтальон! — Новый дилбианин ощерился в щербатой улыбке. — Есть мне почта?

— Тебе! — фыркнул Обрывщик.

— И ничего смешного. Мне вполне может быть почта, — буркнул лесник и заглянул через плечо Обрывщика. — Значит, Полпинты отправили почтой.

— Да? — сказал Обрывщик. — И от кого ты это слышал?

— От Королевы Кобликов, вот от кого! — ответил собеседник, вздернув правую половину верхней губы в местном эквиваленте подмигивания. Джон Тарди помнил, что коблики — это дилбианский эквивалент фей, домовых или еще кого, и уставился на лесника, пытаясь понять, шутит ли тот. И решил, что нет. Все равно это не снимало вопроса о том, как он узнал Джона.

Вспомнив, что лучшие манеры дилбиан — это дубовая прямота, он врубился в разговор:

— Как тебя зовут?

— Смотри-ка, оно еще и говорить умеет? — ухмыльнулся лесник. — Меня зовут Вальщиком Деревьев, Полпинты. Потому что я их срубаю, понимаешь.

— Кто тебе про меня сказал?

— Это долгая история, — осклабился Вальщик. — Ты лучше скажи, ты знаешь, за что его зовут Береговым Ужасом? За то, что он любит затеять драку на берегу реки, стащить того парня в воду и утопить.

— Знаю, — коротко ответил Джон.

— В самом деле? Да, будет на что посмотреть. Доброго пути тебе, Полпинты, и тебе, почтальон. А я домой.

Он свернул в подлесок и пропал. Горный Обрывщик двинулся вперед, не сказав ни слова.

— Твой друг? — спросил Джон, когда стало ясно, что Обрывщик комментировать встречу не собирается.

— Друг? — Обрывщик сердито фыркнул. — Я — лицо официальное!

— Я просто подумал... — начал Джон. — Кажется, он много чего знает.

— Бродяга лесной. Кто-то перед нами ему рассказал, — буркнул Обрывщик, но впал в непривычное для себя молчание и три часа ничего не говорил, пока они не пришли — выйдя из Хамрога в два часа пополудни — к дорожной гостинице «Острая скала», где собирались ночевать.

Первое, что сделал Джон Тарди, когда смог кое-как реанимировать ноги, — он выбрался из узкой скалистой лощины, где стояла гостиница («Острая скала» была широкой поляной в узкой долине, где пролегала дорога), и позвонил Джошуа Гаю с наручного телефона. Как только луч дошел до Джошуа, Джон с облегчением изложил причины своего звонка. Очевидно, они не дошли или дошли плохо.

— Инструкции? — донесся слегка удивленный голос посла. — Какие инструкции?

— Те, которые вы хотели мне дать. Перед тем, как я так внезапно отбыл...

— Но мне совершенно нечего вам сказать, — перебил Джошуа. — Вы прошли гипнообучение, и теперь все решать вам. Найдите Ужаса и верните девушку. Средства вам придется выбирать самому, мой дорогой.

— Но... — Джон застыл, беспомощно глядя на телефон.

— Так что удачи вам. Звоните завтра. Звоните в любое время.

— Спасибо.

— Не за что. Удачи. До свидания.

— До свидания.

Джон Тарди выключил телефон и мрачно поплелся в гостиницу. За массивной входной дверью располагался общий зал, заставленный столами и скамьями. Обрывщик, к общему удовольствию группы путешественников, ругался с дилбианкой в переднике.

— А откуда *мне* знать, прах побери, чем его кормят? — ревел Обрывщик. — Дай ему мяса там, пива — чего-нибудь!

— У тебя дети не таскали в дом столько зверушек, как у меня. Ты им только дай съесть, чего не надо, и они дохнут. И скулят при этом так, что сердце разрывается...

— Вы про меня? — встрял Джон Тарди.

— Ой! — ахнула дилбианка, глядя вниз и отступая на полшага. — Оно разговаривает!

— Разве я тебе не говорил? — спросил Обрывщик. — Полпинты, чем тебя кормить?

Джон ощупал четырехдюймовый тюбик концентрата на поясе. Дилбианская еда его бы не отравила, хотя можно было ожидать малой питательной ценности и приличного шанса на аллергическую реакцию от местных фруктов. Кроме концентрата, нужно было только что-нибудь для объема.

— Дай мне маленькую кружку пива, — сказал он.

Зал одобрительно загудел. Это созданьице не совсем уж чужое, раз пиво пьет. Дилбианка принесла деревянную кружку без ручки размером с корзину для мусора, и пахла эта кружка как сто лет заброшенная помойка деревенской пивоварни. Джон осторожно попробовал и нерешительно задержал во рту жидкость, горькую, кислую и безвкусную одновременно.

Потом мужественно проглотил. Компания приветствовала этот жест ревом одобрения и тут же отвлеклась на что-то другое. Оглядевшись, Джон увидел, что Обрывщик куда-то вышел. Тогда он, взобравшись на скамью, занялся своим пищевым концентратом.

Закончив с ним, Джон просидел еще почти час, но Обрывщик не возвращался. Осененный внезапной мыслью, Джон слез и направился в сторону кухни. Протолкнувшись

сквозь завесу из шкур, он оказался внутри. В длинном помещении с каменным очагом в середине с потолочных балок свисали туши, и с дюжину дилбиан обоего пола, оживленно споря, готовили еду и питье. Среди них была и женщина, которая принесла ему пиво.

Она направлялась в зал, держа в обеих руках по нескольку наполненных кружек.

— О-и-и-й! — произнесла она (или это был дилбианский эквивалент такого восклицания) и остановилась так резко, что пиво плеснуло из кружек на пол. — Это же наш коротышечка, — сказала она чуть дрожащим хрипловатым голосом. — Хороший коротышечка. А теперь отойди, не мешай.

— Ужас тут был вчера вечером? — спросил Джон.

— Он заходил поесть, но я его не видела, — ответила она. — Нет у меня времени на этих драчунов с холмов. А теперь брысь с дороги!

Джон Тарди послушался.

Но когда он возвращался к своей скамейке, его обхватили сзади и подняли. Обернувшись, он увидел здоровенного дилбианина с сумкой на плече. Этот индивидуум отнес Джона к столу, где сидели еще три дилбианина, и вывалил на столешницу. Джон Тарди инстинктивно вскочил на ноги.

— Смотри-ка ты, — сказал тот, что его принес. — Настоящий коротышка.

— Дай ему пива, — предложил один из сидящих, со шрамом на лице.

Ему дали пива. Джон осторожно отпил.

— Мало же в него входит, — отметил еще один из сидящих за столом, осмотрев кружку, которую поставил Джон после глотка, который для человека был весьма приличен. — Интересно, а они могут...

— С таким-то размером? — усомнился дилбианин с сумкой. — Хотя он ищет ту коротышку-женщину. Так что...

И шрамоносец выразил сожаление, что у них в распоряжении нет сейчас этой самой коротышки. По его мне-

нию, ее присутствие создало бы возможность для интересных и поучительных экспериментов.

— Иди к чертям! — сказал Джон на бейсике и сразу перевел на дилбианский с помощью наиболее энергичных известных ему выражений.

— Крутой парень! — восхитился владелец сумки, и все засмеялись. — Только со мной лучше крутым не быть.

И он несколько раз шутливо махнул рукой над головой Джона — каждый такой взмах мог бы расколоть череп. Снова всеобщий смех.

— Интересно, — сказал тот, что со шрамом. — Он штуки умеет выделывать?

— А как же, — охотно ответил Джон и взял все еще полную кружку пива. — Смотрите. Хватаюсь как следует, замахиваюсь...

И тут он вдруг резко повернулся, плеснув волной пива в уставленные на него глаза. В следующий момент он уже слетел со стола и пробирался к выходу между дилбианами и ножками столов. Остальные гости, рыча от смеха, не делали попыток его остановить, и он нырнул наружу, в темноту.

Пробираясь во мраке, он обошел гостиницу и упал на какую-то разбитую бочку. Здесь он и решил остаться, пока его не найдет Горный Обрывщик, но тут слева очень тихо открылась и закрылась кухонная дверь.

Джон соскользнул с бочки подальше в темноту. Он успел глянуть лишь краем глаза, но ему показалось, что в дверях стояла дилбианка. Не доносилось ни звука.

Джон пополз обратно. На этих широтах и в это время года единственная луна Дилбии не показывалась, а звезды светили очень слабо. Он неожиданно оступился на краю невидимого склона и застыл, вспомнив край пропасти возле гостиницы.

Ноздри Джона учуяли слабую струйку дилбианского запаха, и донесся звук, будто кто-то принюхивается. У дилбиан обоняние было не лучше человеческого, но каждый вид был очень чувствителен к запаху другого. Запах частич-

но определяется диетой, а частично — психологическим складом. То, что сейчас чуял Джон Тарди, наполовину состояло из запаха сосны, на вторую — из запаха мускуса.

Нюхающие звуки смолкли. Джон задержал дыхание, ожидая, что они послышатся опять. В груди нарастало давление, и в конце концов пришлось выдохнуть. Он медленно повертел головой.

Тихо.

Только в шее потрескивают сухожилия при повороте. Так! А там что такое? Джон пополз обратно по краю обрыва.

Вдруг впереди что-то бросилось из темноты, прямо перед Джоном выросла темная фигура. Он дернулся в сторону, почувствовал, что скользит по краю, и тут по голове что-то ударило как рухнувшая стена, и Джон, кувыркаясь, полетел в темноту, набитую искрами.

Он открыл глаза. Было яркое солнце.

Оно, поднявшись над горной цепью, било прямо в глаза. Джон заморгал и стал отворачиваться от его беспощадного света...

...И схватился, покрывшись холодным потом, за ствол карликового дерева, растущего прямо на обрыве.

Так он провисел секунду, обливаясь потом и глядя вниз. Насколько там глубоко? — сверлила мысль.

Глубины хватило бы.

Джон извернулся и поглядел на пару метров вверх, на край уступа, где стояла гостиница. Близко. Можно вскарабкаться.

Джон Тарди так и сделал.

Когда он появился перед входом в гостиницу, оказалось, что Обрывщик ораторствует перед импровизированным митингом, а четверо, от которых удрал Джон, стоят с виноватым видом между двумя стражниками с топорами перед пожилым дилбианином, сидящим на скамье с видом судьи.

— ...почту! — орал Обрывщик, размахивая руками. — Почта священна! Всякий, кто осмелится наложить лапу на доставляемую почту...

Появившийся Джон положил конец судебному процессу.

Потом, промыв порезы на голове и позавтракав концентратом с безвкусным пивом, Джон Тарди снова залез на спину Обрывщика, и они пустились в путь. Сегодня им предстояло пройти от «Острой скалы» до Кислого Брода и Лощин. Как узнал Джон, Лощины были землями родного клана Ужаса, и оставалось надеяться, что они настигнут Ужаса раньше, чем он туда доберется. Тропа вела через подвесные веревочные мосты и вдоль узких скальных карнизов, по которым Обрывщик шел не просто с привычной легкостью, а еще и в глубокой задумчивости.

— Эй! — сказал наконец Джон.

— А? Чего? — очнулся Обрывщик.

— Скажи мне одну вещь, — попросил Джон, ища любой способ заставить своего носильщика бодрствовать. — Как посол получил имя Мелкий Укус?

— А ты не знаешь? — воскликнул Горный Обрывщик. — Я думал, что это все вы, коротышки, знаете. Это из-за старика Кованой Ноги. — Обрывщик заржал. — Он напился и начал распространяться насчет коротышек. «Верну, — кричит, — старые добрые времена!» Ну, и решил он для примера начать с Мелкого Укуса — мы его тогда звали Коротыш. Идет он туда, распахивает дверь настежь — ага, не тут-то было. Коротыш ее тогда так наладил, чтобы открывалась только наполовину. Ну вот, значит, стоит это Кованая Нога у двери, шарит там одной рукой и орет: «Ага, Коротыш! Хрен теперь выйдешь! Я тебя, — кричит, — все равно...» А Коротыш тем временем берет что-то острое и раз его по пальцам, и еще раз! Кованая Нога, значит, заорал как резаный и руку выдернул. А дверь — хлоп!

Обрывщик довольно фыркнул.

— Значит, идет это Кованая Нога обратно в город, пальцы сосет. «Что стряслось?» — Его, значит, встречные и поперечные пытают. «Ничего», — говорит Кованая Нога. «Да нет, что-то стряслось, ты на свою руку посмотри», — говорят ему. «Я вам говорю, ничего! — орет Нога. — Он меня не впустил, чтоб я его не мог сцапать, я и вернулся.

А рука тут ни при чем, ерунда это с рукой. Так, — говорит, — мелкий укус».

Хохот Обрывщика покатился между скальными стенами громом.

— Старому Кованой Ноге с тех пор проходу не было. Только он с кем-нибудь заведется, тот ему и говорит: «Смотри, Кованая Нога, щас от меня мелкий укус получишь!»

Джон Тарди тоже не удержался от смеха. То ли из-за самого случая, то ли из-за места и времени рассказа, но он живо себе представил, как это было, и это было смешно.

— А знаешь, — сказал Обрывщик через мохнатое плечо, когда Джон отсмеялся, — ты для коротышки ничего.

Он замолчал, будто в нем шла какая-то внутренняя борьба, потом остановился и сел, выбрав удобное место на тропе.

— Слазь, — сказал он. — И обойди вокруг, поговорим.

Джон послушался. Он встал перед сидящим Обрывщиком, и их лица оказались на одном уровне. За мохнатым черным черепом высоко в небе плыли отдельные белые облачка.

— Понимаешь, — сказал Обрывщик, — у Берегового Ужаса пролилась кружка.

— Пролилась... — повторил Джон, но тут же вспомнил, что эта дилбианская идиома означает ущерб, нанесенный чести. — Из-за меня? Он же меня даже не видел.

— Из-за Мелкого Укуса, — сказал Обрывщик. — Но Мелкий Укус — он Гость в Хамроге и в Северной Стране. Ужас не может прямо призвать его к ответу за то, что отговаривал Дрожащие Коленки отдать Ужасу дочку, Ну-И-Фигура-У-Нее. А что-то он делать должен был и потому взял Смазанную Рожу.

— А, — сказал Джон.

— Так что если хочешь ее вернуть, тебе придется драться с Ужасом.

— *Драться?* — выдохнул Джон.

— У мужчины есть гордость, — сказал Обрывщик. — Вот почему я понять не могу, что тебе делать. В смысле, что ты для коротышки ничего себе. Не трус — вот как ты вчера

с этой пьянью обошелся. Но как ты будешь драться с Ужасом — не понимаю, — сказал Обрывщик очень сочувственным тоном.

Джон Тарди молчаливо согласился с почтальоном на все сто.

— Так что ты будешь делать, когда встретишься с Береговым?

— Ну, — сказал Джон, не проясняя ситуацию, — я точно не знаю...

— Ладно, — буркнул Обрывщик, — не мое это дело. Залезай. — Джон зашел за мохнатую спину. — Кстати, знаешь, кто тебя вчера хотел спихнуть с обрыва?

— Кто? — спросил Джон.

— Королева Кобликов. Ну-И-Фигура-У-Нее! — пояснил Обрывщик, когда Джон не понял. — Услыхала, значит, про тебя и как-то нас обогнала. — Голос Обрывщика снизился до бормотания. — Ну, если они думают баловаться с моей почтой...

Джон не обратил внимания. У него были свои проблемы, и, кажется, очень проблемные. Покачиваясь на огромной спине, он снова и снова обдумывал ситуацию. В центре ничего не говорили насчет того, что придется драться с бульдозером чужой расы — этаким гигантским Билли Кидом, имеющим приличный список жертв. Джошуа Гай тоже ничего об этом не сказал. Что тут вообще творится?

Отбросив к чертям правила безопасности, которые требовали «потайного» использования этого прибора, Джон поднял ко рту руку с телефоном.

— Джошу... — начал он и замолчал. По спине потекла струйка пота.

Телефона не было.

В распоряжении Джона было все утро и большая часть дня, чтобы обдумать этот новый поворот ситуации. Он мог бы обдумывать и дальше, если бы их путешествие вдруг не прервалось.

Они перешли уже неизвестно сколько висящих на паутинке мостов и сейчас подходили к очередному, несколько длиннее предыдущих. Если бы это была единственная разница, Джон, может быть, не очнулся бы от своих мыслей. Но она не была единственной.

Кто-то сделал так, чтобы по мосту нельзя было перейти.

Якоря ближнего конца моста были погружены в скалу где-то на семь-восемь метров выше. И надо было только, что очень просто, чуть подтянуть два несущих троса на дальнем конце. Прогиб пролета уменьшился, и край моста поднялся так, что его нельзя было достать.

Обрывщик наполнил пропасть ругательствами. Ни лебедка, ни лачужка на дальнем берегу на них не ответили.

— Что случилось? — спросил Джон Тарди.

— Не знаю, — неожиданно задумчиво ответил Обрывщик. — Его поднимают только по ночам, чтобы никто не вздумал проскочить, не уплатив сбора.

Он потянулся вверх чуть не до облаков, но все равно прилично не достал до края.

— Подними меня, — предложил Джон.

Они попробовали, и удерживаемый за лодыжки на вытянутых руках Обрывщика Джон был вознагражден видом Узловатой Реки внизу, от которого захватывало дух.

— Обход через Скользкий Перевал займет пять дней, — буркнул Обрывщик, опуская Джона на землю.

Джон подошел осмотреть скальную стенку и не обрадовался увиденному, хотя должен был бы. По ней можно было залезть. И Джон полез с бьющимся у горла сердцем.

— Эй, ты куда лезешь? — заревел Горный Обрывщик.

Джон не ответил — надо было поберечь дыхание, а куда он лезет, было очевидно. Техника лазания была у него неплохая — был кое-какой опыт, но реакция наступила, когда Джон сомкнул руки вокруг грубого шестидюймового каната. Дюйм за дюймом он залез наверх, обхватив трос руками и ногами, и начал ползти к концу моста, парящему в бездне впереди на вполне внушительной дистанции — учитывая обстоятельства.

Покрыв таким способом примерно треть расстояния, Джон понял, что настоящий герой должен был бы встать и нормально пройти по тросу, как канатоходец. Это бы не только произвело впечатление на Обрывщика, но и резко сократило время напряженного ожидания. Джон Тарди пришел к выводу, что он, очевидно, не герой, и пополз дальше.

Наконец он добрался до моста, сполз на него, полежал, тяжело дыша, потом встал и перешел по мосту. На дальнем конце он выбил запор лебедки тяжелым камнем, и мост с грохотом упал на место, подняв облако пыли.

И из этого облака показался целеустремленный и мрачный Горный Обрывщик. Он прошел мимо Джона и скрылся в хижине — откуда тут же донесся треск, удары и рев.

Джон оглянулся, куда бы спрятаться. Он никогда раньше не видел драки двух дилбиан, но слишком очевидно было, что именно она и происходит в хижине.

Но он все еще оглядывался, когда звуки внезапно прекратились и появился Горный Обрывщик, ощупывающий порванное ухо.

— Язык без костей, — буркнул он. — *Она* до него добралась.

— Кто? — спросил Джон.

— Ну-И-Фигура-У-Нее. Ладно, залезай, Полпинты. Кстати, отлично было сделано.

— Что?

— Как ты через мост лез. Смелость нужна. Ладно, поехали.

Джон залез в седло и задумался.

— Ты его не убил? — спросил он, когда они были уже в пути.

— Кого? Старого Лебедочного Троса? Нет, малость ума ему вложил. Должен же кто-то работать на мосту. Теперь держись. Отсюда все время под горку, а до брода мы и так доберемся только к сумеркам.

И действительно, были уже сумерки, когда они дошли до привала у Кислого Брода. Задремавший Джон Тарди резко очнулся и выпрямился в седле, моргая.

Уходящий свет озарял большую поляну с высокой травой, окруженную лесом с трех сторон. Прямо впереди стоял длинный низкий бревенчатый дом, а за ним плавно текла река, и ее дальний берег был скрыт тенью деревьев и наступающими сумерками.

— Слазь, — сказал Обрывщик.

Джон Тарди спрыгнул на онемевшие ноги, потопал, восстанавливая кровообращение, и вслед за Обрывщиком отодвинул висевшую в дверях шкуру и вошел в дом, освещенный масляными лампами.

Это была большая комната, похожая на зал в «Острой скале», но здесь было чище, просторнее, и постояльцы были здесь куда как тише и трезвее. Оглядываясь в поиске причины такого различия, Джон заметил по-настоящему огромного дилбианина, поседевшего от возраста и ожиревшего. Он сидел с видом патриарха в кресле за столом в дальнем углу помещения.

— Одиночка, — почтительно сказал Обрывщик, — вот это Полпинты. Его отправили по почте.

Джон Тарди заморгал. Вблизи Одиночка внушал еще больше уважения, чем на расстоянии. Он переполнял собой резное кресло, и седой мех на голове касался полированного посоха, лежащего на крючьях на стене в двух метрах от пола. Массивные предплечья и огромные лапы кистей лежали на столе буграми костей и мускулов. Но лицо было библейски безмятежным.

— Садись, — пророкотал он голосом глубоким, как далекий гул барабана в лесу. — Я хотел видеть коротышку. Ты мой Гость, Полпинты, и будешь им, сколько захочешь. Тебе кто-нибудь про меня говорил?

— Я прошу прощения... — начал Джон.

— Ерунда. — Огромная голова чуть кивнула. — Меня зовут Одиночка, Полпинты, потому что я однажды выполнил кровную месть самолично — я был сирота, а против меня был целый клан. Победил я. — Спокойные глаза рассматривали Джона. — Что считалось невозможным.

— Однажды они поймали его на тропе, — вставил Обрывщик. — Он убил всех троих.

— Это оказалось возможным, — произнес будто про себя Одиночка, все так же не отводя глаз от Джона. — Скажи мне, Полпинты, что вы, коротышки, вообще здесь делаете?

— Ну... — Джон моргнул. — Я ищу Смазанную Рожу...

— Я про всех про вас, — сказал Одиночка. — У вас наверняка есть какой-то план. Вас же никто сюда не звал, сам знаешь.

— Ну... — снова начал Джон довольно вяло и попытался пуститься в объяснения. Кажется, оно шло не очень — трудно было описать технологическую цивилизацию, пользуясь дилбийским языком.

Когда Джон Тарди закончил, Одиночка кивнул:

— Понимаю. Если так, почему вы думаете, что мы должны вас, коротышек, любить?

— Должны? — переспросил Джон, готовый на резкий ответ, потому что не зря же он носил рыжие волосы. — Ничего вы не должны. Вам решать.

Одиночка кивнул.

— Дайте мою палку, — сказал он.

Один из стоящих рядом дилбиан снял посох с крючьев и передал ему. Одиночка положил посох на стол — молодой ствол толщиной десять сантиметров — и ухватился за него, разведя руки на два метра.

— На это никто не способен, только я, — сказал он.

Не отрывая рук от стола, он развернул их в стороны. Посох напрягся в середине как лук и лопнул.

— Вот тебе на память, — сказал Одиночка, отдавая обломки Джону. — Доброй ночи.

Он закрыл глаза и отвалился к спинке, будто задремал. Обрывщик похлопал Джона по плечу и повел прочь к отведенному им ночлегу.

Но Джон, оказавшись в спальне, никак не мог заснуть. Изнуряющая усталость сменилась лихорадкой возбуждения, и все время крутился назойливой мухой и повторялся в голове эпизодик с Одиночкой.

В чем был смысл всего этого разговора и сломанного посоха?

Джон внезапно сел, стараясь не шуметь. Рядом с ним на груде мягких ветвей неподвижно спал Обрывщик, подобно остальным обитателям спальни. Вверху, подвешенная на кривом корне дерева, горела единственная лампа. При ее свете Джон достал и рассмотрел обломки дерева. У самой точки слома было видно какое-то уплотнение или узел. Мелочь, но...

Джон нахмурился. Всюду вокруг загадки. И чем он больше думал, тем больше был уверен, что Одиночка пытался ему так что-то сообщить. Что? И кстати, что вообще происходит между людьми и дилбианами и какое отношение его спасательная экспедиция за Смазанной Рожей имеет к заданию убедить упрямых дилбиан стать партнерами? А ведь в этом и есть его цель, как сказал Джошуа Гай.

Джон соскочил с кучи ветвей. Он решил, что Одиночка должен дать ему еще несколько ответов, и более ясных.

Он тихо прошел через всю спальню в общий зал гостиницы.

Дилбиан там было мало — у них в обычае ложиться рано. И Одиночки тоже нигде не было видно. В спальню он не уходил, Джон это знал. Значит, у него своя комната или он куда-то зачем-то вышел...

Джон Тарди прошел к двери и вышел наружу. Постоял, давая глазам привыкнуть к темноте, и пошел вдоль здания прочь от света, падавшего из окна. Постепенно ночные тени обрели форму, широкая поверхность реки засверкала серебром под звездами и обозначились контуры залитой мраком поляны.

Джон осторожно обошел гостиницу сзади. Здесь в отличие от «Острой скалы», на заднем дворе не было мусора, и двор плавно спускался к реке. Там стояли хижины и сараи. Темнота между ними была гуще, и приходилось нащупывать дорогу.

Передвигаясь ощупью, тихо, но все же издавая какие-то неизбежные шумы, Джон увидел тонкую полоску жел-

того света. Она падала из щели между двумя кожаными шторами в окне ближайшей хижины. Джон подобрался поближе и собирался заглянуть в щелку, когда из непроницаемой темноты около стены протянулась рука и взяла его за плечо.

— Вы что, *очень* хотите, чтобы вас убили? — прошипел чей-то голос.

Голос, конечно, был человеческий. И говорил, конечно, на бейсике.

Державший подтащил Джона в темноту и прочь от здания, рядом с которым они стояли. Они подошли к другой хижине с дверью, распахнутой во внутреннюю черноту, и Джона провели внутрь. Державшая рука его отпустила, дверь тихо закрылась. Послышалось какое-то царапанье, чирканье, и вспыхнула коптилка, заправленная животным жиром.

Джон прищурился от внезапной иллюминации. Когда зрение вернулось, оказалось, что он стоит лицом к лицу с молодой женщиной, такой красивой, какой он в жизни не видел.

Она была на добрых пятнадцать сантиметров пониже его, но на первый взгляд казалась выше из-за стройных очертаний фигуры в комбинезоне, сшитом на заказ. После двух дней с дилбианами она показалась Джону миниатюрной, хрупкой. Каштановые волосы лежали на плечах двумя крыльями. Зеленые глаза светились над высокими скулами скульптурного лица. Нос тонкий, губы скорее твердые, чем полные, а небольшой подбородок выдавал решительность и волю.

Джон заморгал:

— Кто...

— Я Тай Ламорк, — прошипела она. — Тише говорите!

— Тай Ламорк? *Вы?*

— Да, да! — нетерпеливо отмахнулась она. — Теперь...

— В-вы уверены? — спросил Джон, заикаясь. — То есть...

— А на кого вы еще ожидали здесь наткнуться... А, понимаю! — Она яростно воззрилась на него. — Из-за этого прозвища «Смазанная Рожа» вы ожидали увидеть что-то ужасное.

— Ни в коем случае, — твердо возразил Джон.

— Так вот, к вашему сведению, они как-то увидели, как я накладываю косметику. Вот откуда это прозвище.

— Да, естественно. Я же не думал, что...

— Еще бы! Ладно, сейчас это не важно. Главное в том, что *вы* здесь делаете? Вам что, хочется по голове получить?

— А кто... — Джон Тарди замер. — Ужас здесь?

— Да нет, — сказала она с досадой. — Ну-И-Фигура-У-Нее здесь.

— А! — Джон нахмурился. — Знаете, я все никак не могу этого понять. То есть причем здесь она.

— А она его любит, — ответила Тай Ламорк. — Вообще-то они по дилбийским меркам — идеальная пара. А сейчас дуйте в гостиницу, пока она вас не поймала. Туда она за вами не пойдет — вы Гость.

— Да нет, подождите. — Джон набрал побольше воздуху. — Это же глупо. Я сюда прибыл, чтобы найти вас. Так что давайте вернемся прямо сейчас. Не в Хамрог...

— Вы, — перебила она с чувством, — ни хрена в этом народе не понимаете, Полпинты... то есть Тарди.

— Джон.

— Джон, ты не понимаешь ситуации. Береговой Ужас оставил меня здесь с Ну-И-Фигура-У-Нее, потому что я мешала ему идти быстро. Твой этот Горный Обрывщик идет слишком для него быстро, и он хочет попасть на землю своего клана раньше, чем вы его настигнете — на случай... — ее голос чуть дрогнул, — если ваша встреча повлечет последствия. Это все дело чести, и в этом весь смысл. *Джон, ты — почтовое отправление.* Ты не понимаешь? Тут дело еще и в чести Горного Обрывщика.

— А! — сказал Джон и замолчал на пару минут. — Ты хочешь сказать, он настаивает на том, чтобы меня доставить?

— А ты как думал?

— Понимаю. — Джон снова замолчал. — Ладно, гори оно все огнем, — сказал он наконец. — Переберемся через мост, обрежем веревки — и с концами. Не можем же мы тебя здесь бросить.

Тай Ламорк ответила не сразу, а ответом было то, что она потрепала его по руке.

— Ты отличный парень, Джон, — сказала она тихо. — Я этого не забуду. Теперь дуй в гостиницу.

С этим словами она задула лампу, и послышались шаги — она ушла.

На следующее утро Одиночки по-прежнему нигде не было видно. И за полчаса, которые прошли до выхода, Джон Тарди не заметил также ни Тай, ни дилбианки, которая могла бы оказаться Ну-И-Фигура-У-Нее. Он снова залез на почтовый мешок Обрывщика, продолжая обдумывать ночные события, и эти мысли не отпускали его и в начале пути.

Путь вел вниз, хотя они все еще оставались в горной стране. Долины и хребты становились более пологими, появились новые породы деревьев.

Но у Джона не было времени это замечать. Уносимый вперед под прохладой утра, потом под жарой дня, он лихорадочно искал общее решение загадок, мучивших его разум, — Одиночка, похищение Тай Ламорк, и почему у него так подозрительно мало информации.

— А скажи мне, — спросил он в конце концов у Обрывщика, — действительно никто из дилбиан не может так сломать посох, как Одиночка?

— Никто не может, — ответил Обрывщик, огибая бугор и уходя в узкую рощу. — И не сможет никогда.

— Понимаешь, — сказал Джон, — там, откуда я родом, есть такой фокус с одной штукой, которая называется «телефонный справочник»...

Он остановился, потому что остановился и Обрывщик, и остановился так резко, что Джон чуть не слетел с почтового мешка. Выпрямившись, он выглянул из-за плеча дилбианина — и застыл, глазея.

Они вышли из лесу в долину, где стояла группа домов, бревенчатых, побуревших от непогод. Дома стояли без всякого порядка вдоль ручья, идущего через всю долину. За ними изогнутые скалы образовывали что-то вроде естественного амфитеатра, восходящего к лесу.

Но все это Джон заметил только потом. А сейчас перед ним стояла живая стена из пяти больших дилбиан с топорами.

— Вы кого останавливаете?! — зарычал Горный Обрывщик.

— Полный сбор клана Лощин, — ответил тот, что стоял в середине стены. — Праотцы хотят видеть вас обоих. Идемте.

Секироносцы обступили Обрывщика и Джона и повели вниз, через деревню, к амфитеатру, где кишели дилбиане всех возрастов. Их было несколько сот, и подходили все новые. Над ними на скальном уступе сидели шестеро древних дилбиан.

— Это почта! — заревел Обрывщик, подойдя ближе. — Слушайте, вы, клан Лощин...

— Успокойся, почтальон! — обрезал его старый дилбианин, крайний справа среди шести, сидящих лицом к Джону и Обрывщику. — Твоя честь под нашей защитой. Начинай сбор.

— Праотцы клана Лощин судят на горе чести! — прокричал юный дилбианин под уступом и повторил этот клич шесть раз.

По толпе прошло движение. Оглянувшись, Джон увидел Тай Ламорк. При ней стояла пухлая молодая дилбианка, вероятнее всего, Ну-И-Фигура-У-Нее. Сейчас она вела Тай к подножию уступа, и как только привела, заговорила.

— Я — Ну-И-Фигура-У-Нее, — объявила она.

— Мы тебя знаем, — сказал Праотец, сидевший справа.

— Я говорю здесь от имени Берегового Ужаса, который в Озерной Долине поджидает коротышку, известного под именем Полпинты-По-Почте. Этот коротышка здесь. Его кружка пролита — то есть кружка Ужаса. Коротышка принадлежит ему — то есть вот этот, мужчина. Это не значит, что коротышка-женщина ему не принадлежит. Он добыл ее честно и справедливо, и тут не о чем говорить. Ведь ни у кого нет больше чести, чем у Берегового Ужаса...

— Достаточно, — сказал судья. — Мы примем решение.

— Не могу не сказать, что вообще не надо было созывать сбор. В конце концов, тут все просто...

— *Достаточно,* я сказал! — зарычал судья. — Замолчи, женщина!

— Ну? — брюзгливо произнес другой судья. — Доводы выслушаны. Оба коротышки здесь. Чего же еще?

— Дозволено ли мне будет сказать? — зарокотал новый голос, и толпа раздалась, пропуская Одиночку к подножию уступа. Праотцы заметно оттаяли, как могут только великие мужи в обществе равных себе.

— Слово Одиночки всегда желанно, — произнес старик, не сказавший до того ни слова. Его голос с возрастом стал высоким, почти как баритон землянина.

— Благодарю, — сказал Одиночка. Он поднял руки, и с ними взметнулся его голос, без усилия накрывая все собрание. — Я прошу вас обдумать ваше решение. Это я только и хотел сказать. Обдумать глубоко — потому что решение клана Лощин свяжет нас всех надолго, и нас, и коротышек.

Он повел рукой в сторону судей и вернулся в толпу.

— Благодарим тебя, Одиночка, — сказал судья, сидящий справа. — Итак, выслушав всех, кто имел что сказать, мы говорим свое мнение. Это дело касается чести Берегового Ужаса...

— А моей? — заревел Горный Обрывщик. — Почта должна быть...

— Придержи язык! — оборвал его судья. — Как я говорил, кружка Ужаса была пролита Гостем в Хамроге. Ужас по всем правилам пролил кружку Гостя, украв одну из его домашних. Само по себе это было бы спором между двоими и не касалось бы клана Лощин. Но вот приходит коротышка и хочет биться с Ужасом за украденную коротышку. И вопрос вот в чем: может ли клан Лощин с честью разрешить Ужасу такую битву?

Он замолчал, давая время, чтобы до слушателей дошло.

— Дабы мы разрешили это с честью, — заговорил он снова, — упомянутая битва должна быть делом чести. И вот возникает вопрос: возможна ли честь между мужем и коротышкой? Мы, Праотцы клана, искали ответ всю ночь и в поисках его

спросили себя: «*Что* есть коротышка? Он таков, как мы, он способен иметь честь и страдать от ее потери?»

Он снова сделал паузу, и по заинтригованной аудитории пробежал шепоток.

— Трудный вопрос, — произнес оратор с оттенком довольства собой, — но ваши Праотцы решили его.

Толпа снова загудела, на этот раз с восхищением.

— Откуда берется честь? — риторически вопросил оратор. — Честь — это вопрос прав, нарушения прав и отстаивания прав. Имеют ли коротышки среди нас какие-нибудь права? Только права Гостя. Помимо этих, можно ли себе представить, что коротышка защищает и поддерживает свои права в нашем мире?

В толпе возникли смешки, поплыли, стали шириться — дилбиане представляли себе эту картину.

— Тихо! — рявкнул другой судья. — Тут вам не праздник возведения дома!

Толпа затихла.

— Ваше проявление плохих манер, — сурово сказал судья справа, — указывает на то же заключение, к которому пришли мы — только путем правильных рассуждений. Смешно даже полагать, что коротышка может быть в нашем мире равным нам и несущим обязательства чести. Оба коротышки будут возвращены целыми и невредимыми Гостю в Хамроге. Ужас не потерял ни капли чести. Вопрос закрыт.

Он встал, и остальные Праотцы встали вслед за ним.

— Сбор окончен, — сказал сидевший справа.

— Нет еще! — заревел Горный Обрывщик и вскочил на каменную скамью, волоча Джона Тарди за пиджак.

— Что вы все знаете про коротышек? — вопросил он. — Я видел вот этого в деле. Когда шайка пьяниц в «Острой скале» пыталась его заставить выделывать штуки, как дрессированного зверька, он оставил их в дураках и сумел уйти от них. Разве это не защита чести? Когда мы сюда шли, мост на Узловатой Щели был поднят так, что не достать. Этот вот рискнул шеей, забрался наверх и спустил мост,

рвясь побыстрее наложить лапы на Ужаса и не давая себя остановить. Это ли не воля защитить свои права? И я говорю, что этот коротышка не хуже нас бывает. Пусть он не больше двухлетнего младенца, — проревел Обрывщик, — но я пришел вам сказать, что он мужик железный!

Он обернулся к Джону.

— Что скажешь, коротышка? Хочешь ли ты, чтобы тебе отдали Смазанную Рожу как объедки с тарелки...

Наконец-то размышления Джона дали плоды. Они, да еще кое-что, увиденное на сборе клана, перебросили выключатель, который он пытался нашарить.

— Да где он там прячется, этот ваш Ужас! — крикнул он. — Подавайте его сюда!

Не успел он это выговорить, как его уже схватили и потащили. Ветер свистел в ушах. Подхватив Джона огромными ручищами, Горный Обрывщик бежал к дальнему лесу как регбист с мячом. За ним гнался рев голосов; Джон, обернувшись, увидел, что весь клан Лощин пустился в погоню.

Джон заморгал, прищурился. Его несли со скоростью около пятидесяти километров в час, и толпа догоняла примерно с той же скоростью. Или нет? Долгую секунду Джон приглядывался, потом разрешил себе признать неопровержимый факт. Ура почтальону — он их перегонял!

Возбуждение соревнования охватило и Джона. Пусть его и Горного Обрывщика разделяет биологическая пропасть, но видит небо, в том, что касается соревнования...

Внезапно вокруг сомкнулась лесная тень. Обрывщик побежал по опавшей хвое, сбавив темп до рысцы. Джон перелез через его плечо на почтовый мешок и уселся, вцепившись в упряжь.

В лесу приглушенно ревела погоня. Обрывщик спустился в неглубокую лощину и, поднимаясь по противоположному склону, перешел на свой обычный быстрый шаг. На следующем склоне он снова побежал и так двигался дальше, меняя шаг в зависимости от рельефа.

— Далеко еще до Ужаса? — спросил Джон.

— Он в Озерной Долине, — выдохнул Обрывщик и сообщил расстояние в дилбианских единицах, что было чуть меньше восьми земных километров.

Еще через десять минут они вышли на лесную опушку на краю чашеобразной долины. На ее дне находился луг, а по нему бежал ручеек, в середине луга разливавшийся озерцом. Оно было метров пятьдесят в диаметре и, судя по цвету, достаточно глубокое. У берега стоял дилбианин, поднявший глаза при их приближении.

Джон наклонился вперед и тихо сказал Обрывщику:

— Ссади меня в самую глубокую воду.

Опустив руки, он расстегнул пряжку ремня, пропущенного через петли на поясе штанов.

Горный Обрывщик утвердительно хмыкнул, продолжая спускаться. У края воды метрах в десяти от ждущего дилбианина он остановился.

— Привет, почтальон, — сказал дилбианин.

— Привет, Ужас, — ответил Обрывщик. — Почта.

Ужас с любопытством посмотрел на Джона, выглядывающего из-за головы Обрывщика.

— Так это и есть Полпинты-По-Почте? — спросил Ужас. — Они вас пропустили?

— Нет, мы сами прошли, — ответил Обрывщик.

Пока Ужас таращился на Джона Тарди, Джон рассматривал Ужаса. На первый взгляд дилбианин не оправдывал своей репутации. Он был крупный, но не имел ни роста Обрывщика, ни впечатляющей массивности Одиночки. Однако Джон глазами, умеющими оценивать физические возможности представителей своей расы, отметил необычайную ширококостность дилбианина, короткую толстую шею и, что было наиболее важным признаком, *готовность к действию*, заметную во всем теле Ужаса.

Бросив быстрый взгляд на озеро, Джон Тарди соскользнул со спины Обрывщика. Обрывщик отодвинулся, и Ужас, не делая никаких попыток обмена любезностями, бросился на него.

Джон повернулся и нырнул в озеро.

Он ожидал, что Ужас бросится за ним сразу, считая, что противник — слишком профессиональный боец, чтобы рисковать, даже имея дело с коротышкой. И правда, гидравлический удар от падения тяжелого тела заставил Джона представить себе лапы Ужаса, чуть не схватившего его за пятки. Джон отчаянно рванулся прочь и вглубь. Стратегический план у него был, но все зависело от времени и от пространства для маневра. Он изменил направление, рванулся к поверхности, вылетел, стряхнул воду с глаз, мотая головой, и огляделся.

Ужас возник из-под воды в четырех метрах от него, глядя в другую сторону.

Джон снова нырнул и под водой сбросил сапоги, штаны и куртку. На этот раз он выскочил из воды под самым носом у Ужаса и был вынужден снова нырнуть. Но на этот раз, уходя вглубь, он выпустил из руки один конец ремня, размахивая им, как стеблем водяного растения.

Вынырнув в третий раз на достаточно безопасном расстоянии, Джон увидел, что Ужас его заметил и плывет к нему. Джон про себя ухмыльнулся и нырнул, будто опять собрался прятаться. Но под водой он повернул в сторону противника и увидел над головой здоровенные руки и ноги, плывущие к нему, и это было последнее нужное ему доказательство. Он с самого начала предположил, что, каким бы ни был Ужас умелым бойцом в схватке с другим дилбианином, в воде он из-за самой своей величины будет действовать медленно и неуклюже по сравнению с человеком — кроме, быть может, в плавании по прямой.

Джон пропустил противника над головой, в последний момент схватил его за ногу и потянул.

Ужас инстинктивно дернулся вниз и нырнул. Джон метнулся к поверхности, отпустил противника и тоже нырнул — на этот раз сзади и сверху. Он увидел огромную спину, колотящие по воде руки, а когда Ужас снова повернул к поверхности, Джон пошел на сближение, охватил толстую шею ремнем и затянул.

Задыхающийся Ужас должен был всплыть, дав Джону возможность вдохнуть. Дилбианин так и сделал, Джон получил свой вдох — и потом бой пошел совсем не так, как Джон планировал.

Он просто не смог дать полную волю воображению. Он, вопреки самому себе, думал о дилбианине в человеческих категориях, как об очень большом человеке с огромной, но не невероятной силой. Не так уж невероятно задушить ремнем великана. Но насколько вероятно задушить ремнем медведя гризли?

Джон держался вне досягаемости, болтаясь на ремне, как минога на речной форели. Но время от времени массивная лапа Ужаса задевала его на взмахе. Только задевала, но каждый удар бросал Джона в воде как щепку. В голове звенело. Вода вокруг ревела. От одного удара онемело плечо, от второго затрещали ребра.

Сознание начало туманиться, и он затянул ремень из последних сил — тут либо убить, либо погибнуть. Если он не убьет Ужаса, то сомневаться не приходится — Ужас убьет его.

Задыхаясь и ловя ртом воздух, он обнаружил, что руки больше не держатся за ремень, а хватаются за траву у берега озера. Руки сами вытащили его на скользкий берег. Колени коснулись дна. Джон откашливал воду, и вдруг его безобразно стошнило. Потом он отключился.

Когда он пришел в себя, его голова лежала на чьих-то коленях. Он заморгал, и сквозь цветной туман над ним проступило лицо Тай Ламорк, очень белое, напряженное и заплаканное.

— Что? — прохрипел он.

— Да помолчи ты! — Она вытирала его мокрое лицо куском материи, которая уже была не суше.

— Да нет, — сумел он выговорить. — Что *ты* здесь делаешь? — Он попытался сесть.

— Лежи!

— Да ничего, я в порядке... мне кажется. — Он с трудом сел. Вся Озерная Долина кишела дилбианами. Непо-

далеку целая их толпа сгрудилась около чего-то на берегу озерца.

— Что... — начал он.

— Это Ужас, Полпинты, — сказал знакомый голос, и над Джоном нависла масса Обрывщика, под таким углом зрения напоминавшая гору. — Он все еще в отключке. Битва за тобой.

Он отошел, и слышно было, как он сообщает другим, что коротышка пришел в себя и разговаривает.

Джон Тарди посмотрел на Тай.

— Что произошло?

— Им пришлось его вытаскивать. Ты вылез на берег сам. — Она извлекла откуда-то носовой платок, промокнула глаза и энергично высморкалась. — Ты просто молодец!

— *Молодец?* — переспросил Джон, все еще с мутной головой. — Я просто идиот, что даже подумал в такое влезать! — Он осторожно ощупал ребра. — Надо бы мне вернуться в Хамрог и сделать рентген.

— У тебя ребра сломаны?

— Может быть, только ушиблены. Уау! — взвыл Джон, случайно попав на особо чувствительное место.

— Ой! — заплакала Тай. — Тебя же могли убить! Это все я виновата!

— Ты? — переспросил Джон. Тут он заметил массивную фигуру Одиночки, отошедшего от лежащего Ужаса и направляющегося к ним, и быстро прошипел: — Помоги мне встать. — Она помогла ему неуклюже подняться на ноги. — Скажи, что-нибудь нашли на шее Ужаса, когда его вытащили?

Она уставилась на него, вытирая глаза:

— Нет, а что? Что там могло быть?

— Ничего, — шепотом ответил Джон. — Ну, — сказал он, когда Одиночка появился перед ним. — Что *ты* об этом думаешь?

— Я думаю, Полпинты, — сказал Одиночка, — что все это очень интересно. Очень. Я думаю, что вы, коротыш-

ки, теперь найдете желающих отправиться к небесам и кое-чему научиться.

— Значит, ты так думаешь? А сам ты не хочешь?

— Не-ет, — протянул Одиночка. — Нет, я — вряд ли. Малость я староват, чтобы так бросаться на новое. Но среди молодых найдутся охотники. Ужас, например. Он, знаешь, парень способный. Теперь, конечно, когда ты почву вспахал, я могу кое-где бросить про вас доброе слово.

— Очень мило с твоей стороны, особенно сейчас, — желчно сказал Джон.

— Идут за победителем, Полпинты, — добродушно пророкотал Одиночка. — Вам, коротышкам, следовало бы это знать. На самом деле я удивлен, что вы так долго соображали. Если ты придешь в дом, сядешь за стол и скажешь, что ты из этой семьи, ты же не ждешь, что тебе поверят на слово? Я тебя, помнишь, спрашивал: кто вас вообще сюда звал? И с чего вы решили, что должны нам понравиться? Когда ты был мальчишкой, если бы в твою деревню приехал новичок ростом тебе по пояс, зато с кучей новых блестящих игрушек, которых у тебя нет? И вот он тебя хлопает по плечу и говорит: «Пошли, теперь будем играть в *мои* игры!» Ты бы как ответил?

Проницательные глаза с волосатого лица пристально смотрели на Джона.

— Понимаю, — ответил Джон, помолчав. — Зачем тогда ты мне помог?

— Я? Тебе? Я был абсолютно нейтрален. О чем ты это?

— Там, откуда я родом, есть такая штука — телефонный справочник. Это книга вроде тех руководств, что лежат у Мелкого Укуса в Хамроге. Вот такой толщины, — Джон показал пальцами, — и по виду можно сказать, что ни один коротышка ее пополам не разорвет. Но некоторые могут. — Он пристально поглядел на Одиночку. — Конечно, это фокус.

— Что ж, — рассудительно произнес Одиночка, — вполне могу поверить. Справочник, толстая палка или разбойник с гор — со всем этим без фокуса не справишься. Хотя в серьезном деле я бы на коротышку ни против кого из нас не поставил, даже и не думай.

Он огляделся. Береговому Ужасу уже помогли выбраться из реки, и почти вся толпа разошлась.

— Надо будет нам собраться и поговорить, Полпинты. Ладно, коротышки, до скорого.

Джон Тарди вытер мокрый нос рукой, глядя Одиночке вслед. Потом повернулся к Тай Ламорк.

— Ну? — сказал он. — Что значит, что это все ты виновата?

— Так и есть, — несчастным голосом сказала она. — Это была целиком моя идея. На Земле знали, что мы не можем достучаться до дилбиан, и потому послали меня. И я... — она всхлипнула, — и я посоветовала послать человека, как можно ближе по психологическому профилю подходящего к дилбианам, и впутать его в дилбианскую эмоциональную ситуацию. Чтобы они увидели, что мы совсем не такие чужие. Но у них тут очень необычная культура. Очень. Я даже думать не могла, что Ну-И-Фигура-У-Нее на тебя бросится и чуть не убьет, да еще и отберет телефон. Мы хотели, чтобы ты все время был в контакте с Джошуа Гаем и он мог бы в любой момент тебя выручить.

— Понимаю. А почему, — спросил Джон очень медленно и терпеливо, — вы решили не говорить *мне*, что именно происходит?

— Потому что, — всхлипнула она и разревелась, не удержавшись, — я думала, лучше будет, если у тебя будет реакция как у дилбианина — естественная, открытая и необдуманная-я-я-я!

— Понимаю, — повторил Джон.

Они стояли возле озера. Он приподнял ее — она была очень стройна и легка — и бросил в воду. Раздался визг, потом очень приятный на слух плеск. Джон повернулся и пошел прочь.

Пройдя шагов шесть, он притормозил, повернулся и возвратился. Тай цеплялась за берег.

— На! — буркнул он, протягивая руку.

— Спасибо бодшое, — приниженно произнесла она в полный воды нос, и он вытащил ее на берег.

Кордвайнер Смит

Об авторе*

Покойный Кордвайнер Смит — в «реальной» жизни д-р Пол М.А. Лайнбарджер, ученый, государственный деятель и автор основополагающей концепции «психологической войны», которой пользуются до сих пор, был писателем огромного таланта. За время с 1948 года и до своей безвременной кончины в 1966 году создал некоторые из лучших рассказов, известных в научной фантастике: «Бульвар Альфа-Ральфа», «Планета по имени Шеол», «На планете бурь», «Баллада об утерянном аромате», «Мертвая дама из города клоунов», «Игра крысы и дракона», «Пьяный корабль», «Леди, которая плавала на «Душе», «Под старой Землей», «Сканеры живут напрасно» — и множество других рассказов поменьше, но не менее захватывающих, сплетенных в широкий ковер невероятной роскоши и сложности. Смит создал гротескный мир, непревзойденный и в наши дни по охвату и изощренности: тысячелетия истории будущего, логически странной и изящно-причудливой, разыгрываются в живой, многоцветной, насыщенной мифами вселенной, где животные принимают форму людей, огромные гиперпространственные корабли перешептываются через многомерные пространства, гигантские больные овцы — самые ценные предметы во всей вселенной, бессмертие можно купить, а таинственные Повелители Приборов слишком долго правят несчастной Землей...

---

* © Перевод. Перцева Т.А., 2001.

Именно благодаря этому миру его книги остаются в девяностых такими же захватывающими и причудливыми, какими они были в шестидесятых — из-за самой широты охвата и взгляда, из-за того, что видно, каким разным и *странным* может быть будущее, он (этот мир) соперничает с современным представлением, созданным нынешними молодыми орлами вроде Брюса Стерлинга и Грега Бира, и я подозреваю, что это уже навсегда. Смит поднял ставки сложности для входа в игру в современных космических приключениях, как это сделал в начале пятидесятых Ван Вогт. После экзотических ландшафтов, обществ и людей Смита сценарии космических опер многих других писателей кажутся плоскими, скучными и рутинными.

В этой новелле Смит проводит нас отчаянным путем вора, стремящегося украсть вечную жизнь, и расплатой будут все деньги мира, а на его пути стоят лишь звучащие по-детски «кисоньки-пусеньки».

Среди книг Кордвайнера Смита — роман «Нострилия» и сборники «Повелители космоса» (один из определяющих сборников жанра), «Лучшее из Кордвайнера Смита», «Приключения в трех мирах», «Звездный мечтатель», «Ты никогда не будешь прежним» и «Помощь человечества». Им были написаны два романа мэйнстрима под именем Феликса С. Форреста — «Риа» и «Карола» — и триллер «Атомск» под псевдонимом Кармайкл Смит.

Последней его книгой был посмертный сборник «Переоткрытие человека: полный сборник научно-фантастических рассказов Кордвайнера Смита» — большая книга, куда вошли почти все его рассказы и которая, несомненно, является одним из лучших сборников десятилетия. Эта книга необходима в любом полном собрании научной фантастики.

Кисоньки-пусеньки Хиттон-мамусеньки*

Несовершенные средства связи создают помехи воровству;

Хорошие средства связи способствуют воровству;

Совершенные средства связи препятствуют воровству.

Ван Браам

1

Луна вращалась. Женщина бдила. У самого лунного экватора переливались и сверкали отполированные до невероятного блеска грани. Ровно двадцать одна. Обязанностью женщины было следить, чтобы они всегда находились во всеоружии. Звали ее матушка Хиттон. Матушка Хиттон, главнокомандующий всеми вооруженными силами Олд Норт Острелии. Краснощекая, жизнерадостная блондинка неопределенного возраста. Голубые глаза, необъятная грудь, мускулистые руки. Внешность истинной домохозяйки, верной жены и многодетной матери, хотя на самом деле единственный ее ребенок умер множество поколений назад. Теперь матушка Хиттон опекала целую планету: нортстрелианцы с полным правом могли спать безмятежно и видеть приятные сны, зная, что матушка Хиттон несет неусыпную вахту. Да и средства вооружения тоже мирно сопели в две дырки.

---

* Cordwainer Smith. «Mother Hitton's Littul Kittons». © Galaxy Publishing Corporation, 1961.

© Перевод. Перцева Т.А., 2001.

Этой ночью она в две тысячи второй раз взглянула на экран слежения, верный помощник, предупреждавший о появлении врага. Все спокойно. Ни одного тревожно подмигивающего индикатора опасности. Однако она чуяла, чуяла безошибочным нюхом ищейки, что где-то во вселенной притаился враг, враг, дожидавшийся удобного момента, чтобы нанести удар ей и ее миру, добраться до несметных богатств нортстрелианцев...

Матушка нетерпеливо фыркнула.

Ну же, поторопись, малыш, — думала она. *Спеши навстречу своей смерти. Не заставляй меня ждать.*

Она покачала головой и улыбнулась. Ну что за дурацкие мысли!

Она притаилась в засаде.

Она готова.

А он даже не подозревал об этом.

Он, грабитель, был абсолютно спокоен.

Еще бы!

Он — великий Бенджакомин Бозарт, и в искусстве спокойствия ему нет равных.

Никто в Санвейле, здесь на Триолле, не подозревал, что их паршивый городишко почтил своим присутствием сам первый старейшина Гильдии Воров, взращенный под сиянием лучисто-фиолетовой звезды. И ни у кого не нашлось бы достаточно острого чутья, чтобы унюхать исходивший от него запах Виолы Сидереи.

— Виола Сидерея, — говаривала леди Ру, — когда-то считалась самым прекрасным из миров, теперь же — самый мерзкий, разложившийся и продажный. Если так можно выразиться, от него воняет. Когда-то тамошние жители служили примером для всего человечества, теперь же это сплошь воры, лжецы и убийцы. Их души смердят так, что близко не подойдешь.

Леди Ру давно покоится в могиле. Уважаемая женщина, ничего не скажешь, но и самые почитаемые и мудрые дамы могут ошибаться. Как давно сказано, достаточно хорошо мыться, чтобы окружающие не могли распознать запах

преступления. Точно так же косяк трески не в силах учуять приближающуюся акулу. Жизнь заключается в искусстве выживания, вот и Бозарт, в силу своего воспитания, был натаскан на постоянную охоту. Загнать добычу, растерзать, насытиться: в этом и был весь смысл его существования.

Но разве у него был иной выход? Виола Сидерея полностью разорилась вот уже невесть сколько лет назад, когда из космоса исчезли фотонные корабли, а их место заняли гиперпространственные суда, бесшумно снующие от звезды к звезде. Богом забытым предкам Бозарта надлежало медленно умирать на покинутой планете, вдалеке от главных трасс. Но они умирать не стали. Экология Виолы разительно изменилась, а ее обитатели превратились в хищников. Хищников в людском обличье, генетически приспособленных к своей опасной, а зачастую и смертельно опасной деятельности. А он, грабитель Бозарт, считался первым среди равных. Самым искусным. Лучшим из лучших.

Он был Бенджакомином Бозартом. Разве этим не все сказано?

Он поклялся обворовать Олд Норт Острелию, добиться успеха или погибнуть.

Только погибать ему еще рано.

Значит, осталось одно — наложить лапу на сокровища планеты.

Пляж Санвейла был лучшим во всей вселенной, песок — мягким, ветерок — теплым. Триолле славилась своими гостеприимством, развлечениями, как всякая транзитная планета.

Оружием Бенджакомина были его удачливость и он сам. И он намеревался использовать и то и другое на все сто.

Нортстрелианцы обучены убивать.

Он тоже.

Но в этот момент и в этом месте Бозарт был всего лишь туристом на чудесном берегу. Где-то там, далеко и в другое время он превратится в ласку среди кроликов, в ястреба в стае голубок.

Бенджакомин Бозарт, вор и магистр Гильдии.

Он не знал, что кто-то уже поджидает его. Кто-то, даже не знающий его имени, готов пробудить смерть и послать навстречу ему.

Бозарт по-прежнему оставался безмятежным.

Зато матушка Хиттон была как на иголках. Она чувствовала недоброе, но пока не могла определить, в чем дело.

Одно из средств вооружения всхрапнуло.

Она перевернула его.

В тысяче звезд от Олд Норт Острелии Бенджакомин Бозарт с улыбкой устремился к пляжу.

2

Бенджакомин ощущал себя настоящим туристом. На загорелом лице — ни тени тревоги. Гордо сверкающие глаза под полуприкрытыми веками совершенно спокойны. Красиво очерченные губы даже без чарующей улыбки притягивали к себе женские взгляды. Ничего не скажешь, привлекательный мужчина. И выглядел он куда моложе, чем был на самом деле.

Упругой, быстрой, можно сказать, радостной походкой он шагал по берегу. На песок накатывали неутомимые волны прибоя, украшенные белым кружевом пены. Совсем как на Матери-Земле. Здешние обитатели гордились тем, что их мир так похож на Родной Дом Человечества. Весьма немногие воочию видели этот самый Родной Дом, зато все хоть немного да знали историю, а большинство даже испытывало мимолетное беспокойство при мысли о древнем правительстве, все еще державшем в руках власть, простирающуюся в глубины космоса. Людям не особенно нравилась земная Система Средств Воздействия на остальные миры, но они уважали такой порядок и побаивались его. Волны напоминали о приятных сторонах Земли, а о менее приятных вспоминать не хотелось.

Этот человек напоминал о приятных сторонах старой Земли. Скрывающаяся в нем сила не ощущалась. Санвейлцы рассеянно улыбались ему и спешили по своим делам.

Общая атмосфера была благостной. Все вокруг дышало покоем. Бенджакомин поднял лицо к солнцу и закрыл глаза, ощущая, как теплые лучи пробираются сквозь сомкнутые веки, наполняя его чем-то вроде счастья, неся утешение и радость.

Бенджакомин грезил о величайшем ограблении, которое когда-либо замышлял человек. Мечтал отломить гигантский кусок от чужого каравая. Похитить сокровище из самого богатого мира в истории человечества. И думал о том, что произойдет, когда он наконец доставит добычу на Виолу Сидерею, где рос и воспитывался.

Бозарт опустил голову и дремотно оглядел соседей по пляжу.

Ни одного норстрелианина. Пока. Их довольно легко распознать. Краснолицые великаны, прекрасные спортсмены, и все же по-своему наивны, молоды и очень упрямы. Он готовился к этому ограблению двести лет, и ради этой цели Гильдия Воров на Виоле Сидерее продлила его жизнь. Бозарт в глазах соотечественников стал чем-то вроде инструмента осуществления всеобщей мечты своей планеты, обедневшего уголка, когда-то огромного центра торговли и туризма на перекрестке звездных дорог, теперь — унылого захолустья, пристанища отребья всех мастей.

Бозарт заметил норстрелианку, выходившую из отеля. Женщина направилась к пляжу. Он выжидал, следил и мечтал. Сейчас главное — получить ответ на единственно важный вопрос, но ни один взрослый австралиец не мог ему помочь.

«Странно, — подумал он, — что я даже сейчас называю их австралийцами. Старое земное наименование: богатые, отважные, стойкие люди. Сражающиеся дети, занявшие полмира... а теперь ставшие тиранами всего человечества. Они захватили богатство. Только у них есть сантаклара, а жизнь и смерть всех остальных зависит от того, как идет торговля с

норстрелианцами. Но я с этим не смирюсь. И мой народ тоже. Мы волки, волки, готовые вырвать свой кусок».

Бенджакомин набрался терпения. Ничего, его час придет.

Загоревший под лучами множества солнц, он выглядел на сорок, несмотря на свои двести лет. И одевался, по стандартам отдыхающих, довольно просто. Всякий мог принять его за межпланетного торговца, профессионального игрока, помощника управляющего галактическим портом или даже детектива, работающего на торговых путях. Но он не был ни тем, ни другим, ни третьим. Бенджакомин был вором, настолько преуспевшим в своей профессии, что люди безоговорочно доверяли ему и сами отдавали деньги и имущество. Немалую роль играла его располагающая внешность — немногословный, сероглазый, обаятельный блондин.

Бенджакомин ждал. Женщина подозрительно покосилась на него, но, вероятно, успокоенная увиденным, прошла мимо.

— Скорее, Джонни, — окликнула она, — смотри, здесь можно поплавать!

На вершине песчаной дюны показался мальчишка лет девяти-десяти и побежал к матери.

Бенджакомин сжался, как кобра перед прыжком, и суженными глазами впился в парнишку.

Вот она, настоящая добыча! Не слишком молод, не слишком стар. Если жертва чересчур мала, она может не знать ответа, а после определенного возраста вообще не имеет смысла допрашивать. Норстрелианцы — прославленные воины; взрослые настолько сильны умственно и физически, что отразят любую атаку. Бенджакомину было известно, что всякий вор, приближавшийся к их планете, терял контакт со своим народом и погибал, неизвестно как, когда и отчего. Больше о таком смельчаке никто и ничего не слышал.

И все же сотни тысяч нортстрелианцев должны знать СЕКРЕТ. Недаром они сами часто подшучивают над этим. Он слышал немало анекдотов на тему Великой Тайны, но ни разу и близко не подошел к разгадке, несмотря на почтенный возраст. Жизнь — штука дорогая. Он уже начал

третий срок, а за каждый было честно заплачено звонкой монетой. Сколько искусных воров выкладывали украденные тяжким трудом денежки, чтобы купить лекарство, вот уже в который раз продлевавшее существование их предводителя.

Бенджакомин ненавидел насилие, но если только с его помощью можно осуществить величайшее ограбление всех времен и народов, значит, он к нему прибегнет.

Женщина снова взглянула на него. Злобная гримаса, на миг исказившая его лицо, сменилась благожелательной улыбкой. Он вовремя успел взять себя в руки и успокоиться. Теперь Бозарт не вызывал ничего, кроме симпатии и доверия. Таким он ей понравился.

Женщина улыбнулась и, немного помявшись, спросила с застенчивой нерешительностью, столь типичной для норстрелианцев:

— Не могли бы вы присмотреть за мальчиком, пока я искупаюсь? Кажется, мы виделись в отеле?

— Разумеется, — кивнул Бозарт. — Буду рад услужить, мэм. Иди ко мне, сынок.

Джонни направился по залитым солнцем дюнам навстречу смерти. Еще несколько шагов — и он оказался рядом с врагом матери.

Но мать уже отвернулась.

Натренированная лапа Бенджакомина Бозарта метнулась вперед и отработанным движением вцепилась ребенку в плечо. Он рванул мальчика к себе, заставил сесть и, прежде чем Джонни успел вскрикнуть, ввел ему сыворотку правды.

Джонни скорчился от боли. Голова словно раскололась изнутри от удара кувалдой: сильнейший наркотик уже начал действовать.

Бозарт посмотрел на воду. Мать рассекала волны энергичными гребками. Похоже, она смотрит на них, но, судя по виду, ничуть не тревожится. Да и с чего бы? На любой посторонний взгляд этот вежливый мужчина просто показывает что-то ее сыну, спокойно и без особой спешки.

— Ну, парень, — начал Бенджакомин, — какая у вас внешняя оборона?

Мальчик молчал.

— Какая у вас внешняя оборона, сынок? Какая у вас внешняя оборона? — твердил Бозарт, но парнишка не раскрывал рта. Что-то вроде озноба пробежало по спине Бенджакомина, озноба холодного ужаса при мысли о том, что он поставил на карту не только свою безопасность на этой планете, но и саму надежду на проникновение в тайну норстрелианцев.

Его атака остановлена самыми простыми, доступными средствами. Ребенка уже успели закалить. Подготовить к нападению. Любая попытка силой вырвать нужные сведения приводит к автоматическому включению рефлекса полной немоты. Мальчик просто не способен говорить.

Выжимая мокрые, блестящие на солнце волосы, мать снова обернулась и окликнула сына:

— Как ты, Джонни?

Бенджакомин жизнерадостно помахал ей.

— Я показываю ему свои картинки, мэм, — ответил он вместо Джонни. — Мы тут прекрасно проводим время, так что не торопитесь.

Мать, поколебавшись, медленно отплыла.

Джонни, превратившийся в куклу под действием наркотика, безвольно обмяк на коленях Бенджакомина.

— Джонни, сейчас ты умрешь и будешь страшно мучиться, если не расскажешь мне все, что я хочу знать, — предупредил Бозарт. — Какая у вас внешняя оборона? Какая у вас внешняя оборона?

Ребенок пошевелился, и Бенджакомин внезапно сообразил, что тот не сопротивляется, а пытается выполнить приказ. Он разжал руки, позволив Джонни соскользнуть вниз, и мальчик стал что-то писать пальцем на мокром песке. Одна за другой появлялись огромные неровные буквы.

Чья-то тень накрыла обоих.

Бенджакомин напрягся, готовый вскочить, убить или бежать, но, собрав волю, растянулся рядом с ребенком и громко заметил:

— Смешная загадка, но здорово интересная. А еще знаешь?

Подняв голову, он улыбнулся проходившему мимо мужчине. Незнакомец с любопытством оглядел его, но тут же равнодушно отвернулся при виде приятного на вид человека, мирно игравшего с мальчиком, вероятно, своим сыном.

Палец все еще продолжал выписывать букву за буквой.

КИСОНЬКИ-ПУСЕНЬКИ ХИТТОН-МАМУСЕНЬКИ.

Это еще что за ребус?

Женщина выходила из моря. Сейчас начнутся расспросы... Нужно успеть.

Бенджакомин легким движением извлек из рукава куртки второй шприц с быстро разлагающимся ядом, обнаружить который почти невозможно без длительных и сложных лабораторных анализов, и ввел его прямо в мозг мальчика, воткнув иглу под кожу, в то место, где начинается линия волос. Волосы скроют едва заметную точку укола.

Джонни умер мгновенно. Игла невероятной твердости и остроты прошла через кости черепа.

Сделано!

Бенджакомин небрежным жестом стер надпись.

Женщина была уже почти рядом.

— Мэм! — позвал он с неподдельным волнением. — Поторопитесь! По-моему, ваш сын упал в обморок из-за жары!

Он поднял тело и положил на руки матери. Женщина встревоженно нахмурилась. Лицо исказилось страхом и непониманием. Она явно не представляла, как такое могло случиться и как справиться с нежданной бедой.

И вдруг на некое мимолетное, но страшное мгновение глянула ему в глаза. Прямо в глаза.

Но двести лет тренировок сыграли свою роль. Она не увидела ничего. Убийца не выдал себя. Глаза по-прежнему оставались невинно-безмятежными. Волк успел напялить овечью шкуру. Отработанная маска скрыла черное сердце.

Уверившись в собственной неуязвимости, Бенджакомин позволил себе расслабиться, хотя на всякий случай готовился покончить и с мамашей. Правда, трудно сказать, сумеет ли он справиться со взрослой норстрелианкой.

— Оставайтесь с ним, — услужливо посоветовал он. — Я побегу в отель и позову на помощь. Не волнуйтесь, я быстро.

Повернувшись, он метнулся было прочь, но смотритель пляжа заметил, что происходит, и подбежал к нему.

— Мальчик заболел, — крикнул на ходу Бенджакомин, но подумал, что лучше ему вернуться. На этот раз он прочел на лице матери не только откровенный недоуменный ужас, но, что было еще хуже, сомнение.

— Он не болен, — с трудом выдохнула она. — Мертв.

— Не может быть! — воскликнул Бенджакомин голосом, исполненным сочувствия. Он действительно сочувствовал несчастной женщине. Буквально выжимал из себя сострадание: из каждой поры кожи, из всех лицевых мышц, из каждого жеста. — Не может быть! Всего минуту назад я с ним разговаривал. Мы чертили на песке головоломки.

— Он мертв, — повторила мать глухо, прерывисто, словно навеки утратила способность к нормальной человеческой речи. Совсем как безнадежно расстроенное пианино, издающее бессильный диссонанс фальши вместо стройных аккордов. Скорбь окутала ее траурным покрывалом растерянности и навсегда утраченной радости жизни. — Мертв. Вы видели, как он умирал, да и я, кажется, тоже. Не могу понять, что случилось. Малыш получал сантаклару с самого рождения. Ему предстояло прожить тысячу лет, но он умер. Как вас зовут?

— Элдон. Коммивояжер Элдон, мэм. Я часто здесь бываю и живу подолгу.

3

Кисоньки-пусеньки Хиттон-мамусеньки. Кисоньки-пусеньки Хиттон-мамусеньки.

Идиотская фраза сладеньким, назойливым, паточным припевом звучала в мозгу. Кто такая эта Хиттон? Чья она мамусенька? И что такое «кисоньки-пусеньки»? Котята? Кошки? Или что-то еще?

Неужели он убил дурачка лишь для того, чтобы мучиться над дурацким ответом? Сколько еще придется торчать тут, под недоверчивым взглядом убитой горем матери? А вдруг она на что-то решится? Сколько еще потребуется ждать и следить?

Ему хотелось поскорее вернуться на Виолу Сидерею, сообщить тайну, пусть и неразгаданную, своему народу. На его планете немало разумных людей. Пусть они поломают голову. Кто такая эта мамусенька?

Бенджакомин заставил себя выйти из номера и спуститься вниз.

Приятная жизнь на отдыхе отличалась, однако, некоторой монотонностью, поэтому другие постояльцы с нескрываемым интересом рассматривали человека, ставшего свидетелем смерти ребенка на пляже.

Постоянно заседавшие в вестибюле сплетники разделились на два лагеря. Одни убеждали себя и других, что это он убил ребенка. Другие горячо их опровергали, твердя, что они прекрасно знают Элдона. Коммивояжер, обычный человек, вполне респектабельный, и все это вздор и чушь.

За многие века люди почти не изменились, хотя между звездами курсировали корабли, ведомые отважными гоукапитанами, порхавшие, словно осенние листья на легком ветру, и честно перевозившие пассажиров от одной планеты к другой, если, разумеется, у последних находилось достаточно денег на оплату билетов в оба конца.

И теперь перед Бенджакомином стояла трагическая дилемма. Любая попытка разгадать головоломку приведет к неминуемому столкновению со средствами защиты, установленными норстрелианцами.

Олд Норт Острелия была невероятно богата. Этим она славилась по всей вселенной, на всех звездах, где щедро

покупала наемников, шпионов, тайных агентов и новейшие приборы обнаружения.

Даже Родной Дом Человечества, сама Мать-Земля, которую нельзя купить никакими деньгами, сдалась перед соблазном получить лекарство продления жизни. Унция зелья сантаклара, выпаренная, кристаллизованная и в таком виде называющаяся «струн», могла подарить от сорока до шестидесяти лет жизни. Струн продавался унциями и фунтами, но очищался на Норт Острелии тоннами. Имея такие сокровища, норстрелианцы поистине владели миром. Богатства их были неисчислимы. Они могли купить все, что угодно, потому что платили жизнями других людей. Сотнями лет они тайно покупали услуги иностранцев, честно стоявших на страже их безопасности.

А Бенджакомин растерянно стоял в коридоре, повторяя про себя:

— Кисоньки-пусеньки Хиттон-мамусеньки...

В этой чертовой фразе заключены вся мудрость и сокровища тысячи миров, но он не смел спросить даже намеком, что она означает.

И вдруг его осенило.

В эту минуту он был как человек, нашедший выигрыш партии в игре, приятное развлечение, как обжора, перед которым поставили новое вкусное блюдо, как любовник, дождавшийся заветного свидания. Счастливая мысль неожиданно пришла ему в голову.

Есть, есть единственный источник, которому в голову не придет проболтаться! Библиотека! Там можно проверить вещи очевидные, простые, отыскать все из уже напечатанного, что имеет отношение к тайне, которую он вырвал у погибшего ребенка.

Он не зря трудился. Жизнь Джонни погублена не напрасно, если он сможет отыскать четыре ключевых слова: «кисоньки, пусеньки, Хиттон, мамусенька». Еще не все потеряно. Он сумеет пощипать норстрелианцев.

Бозарт, торжествующе присвистнув, крутанулся на каблуке и легким шагом двинулся к бильярдной, за которой и

находилась библиотека. По мере приближения к заветной цели он уже не шел, а почти парил. Дверь открылась, и он вошел.

Отель был очень дорогим и ужасно старомодным. Тут еще сохранились книги, напечатанные на бумаге и в настоящих переплетах. Бенджакомин пересек комнату и сразу увидел, что здесь даже стояли все двести томов «Галактической энциклопедии». Он взял том «Хи — хи», открыл с конца, поискал имя «Хиттон». Есть!

«Хиттон, Бенджамен (10719—17213), пионер Олд Норт Острелии. Считается изобретателем части оборонной системы планеты».

Это все. Бенджакомин двинулся вдоль рядов книг. Но на этом удача кончилась. Никаких «кисонек» и «пусенек» не было не только в энциклопедии, но и в любом другом источнике, имевшемся в библиотеке. Вероятно, какая-то детская дурь.

Он вышел из комнаты, поднялся к себе и, хорошенько поразмыслив, решил рискнуть.

Мать, полуослепшая от тягостного недоумения и скорби, сидела на крыльце в жестком кресле и о чем-то говорила с незнакомой женщиной. Из разговора выяснилось, что муж несчастной матери вот-вот приедет. Бенджакомин приблизился к ней и попытался выразить соболезнование, но она не слушала.

— Я уезжаю, мэм, — попытался втолковать он. — Улетаю на соседнюю планету, но вернусь через две-три недели в реальном времени. Если срочно понадобится провести допрос, я оставлю в здешней полиции свой адрес.

С этими словами он покинул плачущую мать.

Выписался из отеля и получил право первоочередного вылета.

Добродушный начальник полиции Санвейла не воспротивился его требованию на срочное получение выездной визы. В конце концов, у него было солидное имя, немалые деньги, и не в правилах Санвейла было досаждать гостям. Бенджакомин поднялся на корабль, но едва направился

к каюте, где собирался отдохнуть несколько часов, к нему пристроился какой-то человек. Молодой коротышка, с аккуратным пробором посредине и серыми глазами.

Местный агент норстрелианской секретной полиции.

Несмотря на солидную подготовку и долгие годы тренировки, Бенджакомин не распознал в нем профессионала. Ему в голову не приходило, что библиотека была под постоянным наблюдением и слово «кисоньки» включало сигнал тревоги. Ищущего такое слово брали под наблюдение. Грабитель задел сигнальный провод.

Незнакомец приветственно кивнул. Бенджакомин ответил вежливым кивком.

— Я коммивояжер. Отдыхал здесь в ожидании следующей командировки. В прошлой не очень много заработал. А как у вас?

— Нормально. Я не коммерсант, а техник, живу на зарплату. Позвольте представиться: Ливерант.

Бенджакомин смерил его взглядом. Похоже, похоже. Кажется, все в порядке.

Они обменялись небрежным рукопожатием.

— Немного позже встретимся в баре, — пообещал Ливерант. — Я, пожалуй, сначала немного отдохну.

Оба прилегли и почти не разговаривали до той минуты, как через корабль прошла мгновенная вспышка планоформы. Пронизала пространство и исчезла. Из книг и школьных уроков они знали, что корабль метнулся вперед сразу через два измерения: каким-то образом ярость пространства, космические лиги пожирались компьютерами, которыми, в свою очередь, управлял гоу-капитан, командир судна.

Они знали все это, но не чувствовали ничего, кроме легкой боли. Все остальные ощущения подавлял транквилизатор, распыляемый через вентиляционную систему. От него ожидалось легкое опьянение.

Грабитель Бенджакомин Бозарт был приучен сопротивляться опьянению и действию лекарства. Любая угроза того, что какой-либо телепат попытается просканировать его мозг, была бы встречена свирепым, поистине животным сопро-

тивлением, внедренным в его подсознание в самом начале тренировки. Но Бозарт в жизни не предполагал, что какой-то техник способен водить его за нос. Гильдия Воров на Виоле Сидерее была так уверена в своих силах, что не сочла нужным оградить своих людей от обычных обманщиков. Ливерант уже связался с Норстрелией, Норстрелией, чья мощь и деньги достигали самых дальних звезд, Норстрелией, которая поднимала по тревоге тысячу миров при одном подозрении на вторжение.

— Жаль, что приходится летать, лишь куда меня посылают, — вздохнул Ливерант. — Хорошо бы побывать на Олимпии. Там все что хочешь можно купить.

— Я тоже это слышал, — поддакнул Бозарт. — Из тех смешных торговых планет, где настоящим бизнесменам делать нечего.

Ливерант рассмеялся, весело, с неподдельной искренностью.

— Торговых? Там ничем не торгуют. Только меняются. Берут весь товар, украденный с тысяч миров, продают снова, но прежде переделывают, перекрашивают и ставят свое клеймо. Вот и весь их бизнес. Там живут одни слепцы. Странный мир, но если что-то очень нужно, стоит всего лишь прилететь туда, и все получишь. Представляете, что можно сделать за год в таком месте! Все слепы, если не считать меня и пары туристов! Такое богатство! Грузы с разбитых кораблей, добыча с забытых колоний (их обычно обчищают до нитки), и все это попадает на Олимпию.

На самом деле Олимпия вовсе не была таким уж райским местечком, и Ливерант понятия не имел, почему должен направить убийцу именно туда. Знал только, что должен исполнить приказ — указать нарушителю направление.

За много лет до того, как родился каждый из собеседников, в справочниках, книгах, накладных и на упаковочных ящиках было помещено кодовое слово: «кисоньки-пусеньки». Условное название внешней луны норстрелианской обороны. Любое использование кодового слова приводило в действие приборы оповещения, и по нервам системы, го-

рячим и раскаленным, как светящаяся вольфрамовая нить, бежал, торопился, звенел сигнал тревоги.

К тому времени как они собрались выпить в баре, у Бенджакомина почти выветрилось из памяти, что именно новый знакомый предложил отправиться на Олимпию. Но сначала нужно заехать на Виолу Сидерею за кредитными карточками, а уж потом вновь пускаться в путь. Чтобы завладеть богатством. Чтобы стать победителем в мире Олимпии.

4

Дома, на родной планете, Бозарта встретили без особых торжеств, но с искренней любовью.

Старейшины Гильдии Воров сердечно его приветствовали и поздравляли.

— Кому еще удалось бы добиться такого, мальчик! Ты сделал первый ход в сложнейшей шахматной партии! Такого гамбита свет еще не видел! У нас есть название, название животного. Сейчас попробуем что-нибудь сделать!

Совет Воров поспешил раскрыть свою собственную энциклопедию. Они нашли имя «Хиттон» и ссылку «кисоньки-пусеньки». Никто не подозревал, что секретный агент в их мире уже успел поместить туда ложный след.

Этот самый агент был подкуплен давным-давно, совращен в самом расцвете своей карьеры, подвергнут допросу с применением сыворотки правды, а затем и прямому шантажу и отправлен домой. И все это время бедняга с ужасом ждал, пока о нем вспомнят и кто-то произнесет страшный пароль. Кто? Он и сам не ведал и понятия не имел, что он сам — часть разветвленной сети норстрелианской разведки. Но ему и во сне не снилось, что он так легко отделается, заплатив свой долг быстро и просто. Все, что от него требовалось, — добавить к энциклопедии одну страницу, доставленную на Виолу Сидерею. Он выполнил задание и вернулся домой, ослабев от усталости и облегчения. Годы

страха и ожидания сломили его. С того дня он пустился в запой, опасаясь, что иначе покончит с собой. А энциклопедия лежала на своем месте, никем не востребованная, все страницы на месте, плюс еще одна, вклеенная специально для его сотоварищей. Указание на внесенное изменение также имелось на месте, хотя вся статья была совершенно новой и абсолютно фальсифицированной.

«В следующий абзац внесены изменения, датированные двадцать четвертым годом от второго выпуска. Указанные «кисоньки-пусеньки» Норстрелии — не что иное, как использование органических средств для возбуждения болезни в земных овцах-мутантах, что, в свою очередь, порождает вирус, применяемый в создании лекарства сантаклара. Термин «кисоньки-пусеньки» относится как к самой болезни, так и ее разрушительной силе, вводимой в действие в случае атаки извне. Связан с именем Бенджамена Хиттона, одного из пионеров-освоителей Норстрелии».

После того как Совет Воров ознакомился с текстом, Председатель объявил:

— Я велел подготовить твои бумаги. Можешь приступать. Каким маршрутом отправишься? Через Ньюгамбург?

— Нет, — покачал головой Бенджакомин. — Я хотел попытать счастья в Олимпии.

— Тоже неплохо, — кивнул Председатель. — Ни о чем не волнуйся. Всего один шанс на тысячу, что дело сорвется. Но в таком случае платить придется всем нам.

Сухо улыбнувшись, он вручил Бенджакомину закладную на весь труд и всю собственность Виолы Сидереи.

— Нам придется нелегко, — то ли фыркнул, то ли усмехнулся он, — если ты назанимаешь на торговой планете столько, что нам всем придется стать честными людьми только для того, чтобы потерять все.

— Не бойся, — заверил Бенджакомин, — я вполне способен покрыть все расходы.

Существует немало миров, где все мечты вянут и умирают, но квадратно-облачная Олимпия не из таких. Глаза

мужчин и женщин Олимпии лучезарны, ибо они ничего не видят.

— Яркость была цветом боли, — изрек Нахтигаль, — когда мы могли видеть. Если глаз твой соблазняет тебя, избавься не от него, а от себя, ибо вина лежит не на нем, а на душе твоей.

Подобные речи можно было услышать довольно часто здесь, на Олимпии, где коренные обитатели ослепли невесть когда и теперь считали себя куда выше обычных зрячих людей. Они вживляли себе в мозги проводки радарных устройств и поэтому могли воспринимать излучение не хуже любых других живых существ. Изображения, получаемые ими, настолько четки, что они требуют такой же четкости и упорядоченности во всем. Их здания взмывают к небу под немыслимыми углами. Слепые дети распевают веселые песни, а в программируемом климате все растет и развивается по заранее заданной программе.

И тут на планете появляется незнакомец, некий Бозарт, отчего-то посчитавший, что тут, в царстве слепых, все его мечты сбудутся. Поэтому и не пожалел денег за информацию, которой до него не получал ни один из живущих на Матери-Земле.

Белооблачная и лазурно-небесная Олимпия плыла мимо, как чья-то чужая греза. Он не собирался задерживаться здесь, потому что спешил на свидание со смертью во влажном душном пространстве около Норстрелии.

Едва прибыв на Олимпию, Бенджакомин принялся за необходимые приготовления к атаке на Олд Норт Острелию. Уже на второй день пребывания здесь ему крупно повезло. Он встретил человека по имени Лавендер и, немного поразмыслив, понял, что уже слышал где-то раньше это имя. Нет, не член Гильдии Воров... просто дерзкий негодяй с сильно подпорченной на звездах репутацией.

Неудивительно, что он нашел Лавендера. Стоило лечь спать, и говорящая подушка принималась рассказывать его историю. Бозарт мог поклясться, что слышал ее не менее пятнадцати раз за последние две недели. Кроме того, не

успевал Бенджакомин сомкнуть глаза, как видел сны, внедренные в его сознание норстрелианской контрразведкой. Они сумели добраться до Олимпии раньше него и теперь готовились воздать вору по заслугам. Норстрелианская полиция вовсе не была жестокой, просто выполняла свой долг и защищала свой мир. И еще очень хотела отомстить за смерть ребенка.

Последний разговор с Лавендером перед заключением окончательной сделки был исполнен истинного драматизма. Лавендер долго ломался, прежде чем согласиться.

— Я не собираюсь никуда бросаться очертя голову. Не собираюсь ни на кого нападать. Не собираюсь ничего красть. Да, признаю, я не ангел, далеко не ангел. Но и в могилу мне еще ложиться рано, а именно так и случится, если свяжусь с тобой.

— Только подумай, что идет нам в руки! Богатство! Огромное богатство! Поверь, мы огребем столько денег, что девать будет некуда!

— Думаешь, я такого раньше не слышал? — рассмеялся Лавендер. — Ты мошенник, и я мошенник. И я не верю никаким посулам! Подавай мне наличную монету! Я ничего не желаю знать о твоих замыслах. Я наемник, а ты вор, и я не спрашиваю тебя, что ты задумал... но, как бы то ни было, сначала деньги на бочку!

— У меня их нет, — признался Бенджакомин.

Левандер встал.

— В таком случае нечего было отнимать у меня время, да еще и язык распускать. Теперь тебе придется заплатить за мое молчание в любом случае, наймешь ты меня или нет.

И тут они принялись жестоко торговаться.

Лавендер и в самом деле выглядел настоящим уродцем. Когда-то обычный, ничем не примечательный человек пустился во все тяжкие, чтобы стать воплощением зла. Грех — это тяжкий труд. Каждое усилие по его свершению оставляет след на лице человеческом.

Бозарт смотрел на него, беспечно улыбаясь, без малейшей тени презрения.

— Прикрой меня, пока я кое-что достану из кармана, — попросил Бозарт.

Лавендер словно не слышал его. Не достал оружия. Только большой палец левой руки медленно полз по ребру ладони правой. Бенджакомин распознал знак, но даже не поморщился.

— Посмотри, — велел он. — Планетарная кредитка.

— Я и не такое слышал, — недоверчиво ухмыльнулся Лавендер.

— Возьми, — коротко бросил Бозарт.

Авантюрист взял ламинированную карточку, и глаза его широко раскрылись.

— Настоящая, — выдохнул он. — Настоящая!!!

На этот раз его улыбка была почти искренней.

— В жизни ничего подобного не видел. Твои условия?

Мимо сновали ясноглазые энергичные олимпийцы в театрально контрастных, белых с черным, одеяниях, с самыми немыслимыми геометрическими узорами на шляпах и плащах. Но высокие договаривающиеся стороны не обращали внимания туземцев. Они были заняты своим делом.

Бенджакомин чувствовал себя в относительной безопасности. Он предложил в залог один год работы всего населения планеты Виола Сидерия в обмен на полный ассортимент услуг капитана Лавендера, бывшего офицера войск имперской морской пехоты в составе внутренней космической патрульной службы. Бозарт отдал закладную, с годовой гарантией. Даже на Олимпии были счетные машины, передававшие данные о каждой заключенной сделке на Землю: без этого договор считался недействительным. Теперь вся планета воров была обязана выполнять условия контракта.

«Ну вот, — подумал Лавендер, — первый шаг к возмездию сделан».

После исчезновения убийцы его народу придется расплачиваться возвращением к честной жизни.

Лавендер оглядел Бенджакомина со снисходительным, близким к клиническому сочувствием. Тот посчитал его

взгляд выражением дружелюбия и ответил медленной, чарующей, неотразимой улыбкой. Кажется, получилось!

С облегченным вздохом он решил скрепить сделку братским рукопожатием. Мужчины пожали друг другу руки. Бозарт так ничего и не заподозрил.

5

Серая, серая, серая земля. Серая, серая, серая трава. От небес до небес серый цвет, и никаких чудес. Ни речки, ни ручейка, ни водицы, ни озерка. Ни горки, ни пригорка, одни холмы, серости полны. Сверху глазки смотрят ясно, мигают, смеются, хотят сорваться, полететь вниз, оглянись, может, найдешь на земле звезду, да не одну...

Это Норстрелия.

Вся муть и тоска пропали без следа: труд, ожидание и боль...

Кудрявые овечки нежатся на травке и просят хлеба, не смотрят в небо, где бегут облака, глядя на них свысока, серый, серый, серый мира потолок...

Выбирай больных овечек, незнакомый человече, только, только, только тех, кто болен. Лишь чихни — планета новая, откуда ни возьмись, кашляни, и в вечность улечу на крыльях легких... Там, где ветерок гуляет, где живут одни лишь тролли, гномы да русалки. И тебе найдется место, слишком уж все ясно в мире том волшебном...

Вот так написано в книге, мальчик мой.

Если ты не видел Норстрелию, значит, не видел. Если бы видел, не поверил бы глазам.

В картах она обозначена как Олд Норт Острелия.

Здесь, в сердце мира, находится ферма, охраняющая этот мир. Называется она «дом Хиттона».

Башни окружают ее, а между башнями протянулись провода, некоторые безвольно обвисли, некоторые сверкают неестественным блеском, которого не давал ни один изве-

стный на Земле металл. Башни ограждают открытое пространство. В самой середине этого пространства находится двенадцать тысяч гектаров бетона. Радары тянут свои щупальца под миллиметровой кожицей бетона, пронизывая каждый дюйм окружающего пейзажа, создавая причудливую паутину, опутавшую все бывшие владения Хиттона.

Ферма жила, развивалась, действовала. В центре раскинулось скопление зданий. Именно здесь Кэтрин Хиттон денно и нощно трудилась над выполнением задачи, порученной некогда всей ее семье. Теперь на ее плечах лежала оборона этого мира.

Даже микроб не мог проскользнуть сюда, а тем более выбраться за пределы фермы. Еда доставлялась космическим передатчиком. Кроме Кэтрин, здесь жили только животные. Только от нее зависели их жизнь и благоденствие. На случай ее внезапной смерти от несчастного случая или нападения зверька у властей имелись полные ее записи, с помощью которых следовало немедленно начать обучение под глубоким гипнозом новых смотрителей и сторожей.

В этом месте серые ветры, удравшие с холмов, резвились на сером бетоне, свистели в окнах башен, мели серую пыль. А наверху неизменно висела плененная, отполированная, ограненная луна. Ветер настырно ударялся в стены зданий, серых, как серый бетон, молнией мчался между домами и со свистом улетал обратно в холмы.

Остальная долина не нуждалась в камуфляже. Потому что выглядела совсем как обычный норстрелианский пейзаж. Только сам бетон был чуть подтемнен, производя на посторонних впечатление бедной, истощенной природной почвы. Вот и вся ферма, управляемая одной-единственной женщиной. Вместе они составляли пояс внешней обороны самого богатого мира, когда-либо созданного человечеством.

Кэтрин Хиттон выглянула из окна и подумала, что всего сорок два дня осталось до того славного часа, когда она сможет отправиться на рынок и вдоволь послушать, как играет джигу ярмарочный оркестр.

Ах, прогуляться в день базарный,
Полюбоваться на товары,
Увидеть всех своих друзей,
Спеть песенку повеселей...

Она с наслаждением втянула в себя прохладный воздух. Кэтрин любила серые холмы, хотя в юности повидала немало других миров. Немного постояв, она вернулась в здание, к животным и к своей работе. Она была единственной на свете матушкой Хиттон, а эти создания были ее кисоньками.

Кэтрин медленно двинулась между рядами. Они с отцом вывели кисонек из земных норок, самых свирепых, крошечных, безумных норок, из тех, что доставили сюда с родной планеты. Те норки были обучены отпугивать других хищников, нападавших на овец, служивших источником струна. Но второй помет уже родился со сдвигом в мозгах. Последующие поколения были окончательными психами. Безнадежными. Жили лишь для того, чтобы умереть, и умирали, чтобы оставаться живыми. Таковы были кисоньки Норстрелии. Животные, в которых самым странным образом смешались страх и ярость, голод и похоть. Они жрали себя и друг друга, собственных детенышей и людей, любую органику. Они вопили от убийственного вожделения, считавшегося у них любовью. Они от рождения ненавидели самих себя убийственной, исступленной ненавистью и выживали только потому, что немногие моменты бодрствования проводили привязанными к лежанкам, каждая лапа по отдельности, чтобы не причинили вреда ни себе, ни другим. За весь их жизненный срок матушка Хиттон будила своих кисонек только на несколько минут, за которые они успевали спариться и убить. Да и то будила всего по две особи одновременно.

Весь день она переходила от клетки к клетке. Животные безмятежно спали. Питание поступало прямо в кровеносную систему, иногда они жили много лет, не просыпаясь. Она спаривала их, когда самцы находились на грани сна и яви, а самки — в таком состоянии, чтобы вынести ветеринарный осмотр. И своими руками отбирала детенышей у

спящих матерей сразу после рождения. Потом лично кормила их первые несколько счастливых недель детства, пока не начинала проявляться их истинная природа: глаза краснели от бешенства, а бурлившие эмоции выливались в резких, вселявших ужас коротких криках, разносившихся по всему зданию. Милые мохнатые мордочки искажались злобными гримасами, сверкавшие безумием глаза непрерывно вращались, а клыки с каждым днем становились острее.

На этот раз она никого не разбудила. Вместо этого потуже затянула стягивавшие их ремни. Перекрыла приток питательных веществ. Дала стимуляторы замедленного действия, которые в случае внезапного пробуждения мгновенно выведут их из ступора и побудят к действию.

Наконец сама выпила сильный транквилизатор, откинулась на спинку кресла и стала ждать, когда прозвучит сигнал. Когда враг приблизится и раздастся тревожный зов, она сделает то, что уже проделывала тысячи раз до этого.

Поднимет в лаборатории невыносимый шум.

И тогда пробудятся сотни норок-мутантов. А вместе с ними — и алчный голод, ненависть, ярость и вожделение. Тогда они начнут рваться, натягивая ремни, стараясь разделаться друг с другом, разорвать малышей и ее, свою матушку. Драться со всеми и вся, везде и всегда, делать все, чтобы так продолжалось вечно.

И она это знала.

В самом центре комнаты находился тюнер. Довольно несложное реле, способное улавливать простейший ряд телепатических передач. Именно в этот тюнер поступали плотно сконцентрированные эмоции кисонек-пусенек матушки Хиттон.

Ярость, ненависть, голод, похоть разносились далеко за пределы выносимого и возможного, с невероятным усилением. А потом волновая частота, на которой распространялись эти телепатические сигналы, транслировалась с высоких башен, усеявших холмы вокруг долины, в которой находилась лаборатория. А луна матушки Хиттон, непрерывно вращаясь на своей оси, равномерно распространяла их на многие-мно-

гие мили. С этой граненой луны они попадали на спутники, целых шестнадцать спутников, очевидно, часть общей системы управления погодой. Они охватывали не только космос, но и близлежащее подпространство. Норстрелианцы предусмотрели все.

Короткие всполохи тревожной сигнализации появились на экране оповещения матушки Хиттон.

Вот оно! Пришло.

Большой палец матушки Хиттон застыл на кнопке.

Невыносимый шум наполнил комнату дикими воплями.

Норки проснулись.

И в вой сирены включились писк, шуршание, шипение, рычание и ворчание.

И перекрывая все, раздался еще один звук, резкий, противный, похожий на перестук градин по льду замерзшего озера. Царапанье лап сотен норок, пытавшихся пробиться сквозь металлические панели.

Матушка Хиттон услышала клекот. Одной норке удалось освободить лапу. Очевидно, в это момент она пыталась перехватить собственную глотку: матушка распознала треск рвущегося меха, журчание льющейся из вен крови. Она попыталась уловить, когда смолкнет именно этот, отдельный голос, но не сумела. Остальные слишком шумели. Что же, одной норкой меньше.

И хотя то место, где она сидела, было частично защищено от телепатического реле, матушка, несмотря на возраст, поеживалась. Ей было не по себе от безумных грез, текущих сквозь нее широкой рекой. Восхитительная дрожь ненависти пронизывала матушку при мысли о существах, подвергавшихся утонченной пытке, где-то там, за границами Норстрелии, не защищенных встроенными в коммуникационные системы оборонительными устройствами.

Она ощутила давно забытую пульсацию вожделения.

Она жаждала вновь получить то, о чем давно забыла.

Корчилась в судорогах страха, испытанного всеми животными одновременно.

И где-то в самом отдаленном уголке мозга билась одна-единственная мысль:

— Сколько еще я способна вынести? Сколько еще? Господи Боже, будь милостив к своим людям в этом мире. Господи Боже, будь милостив ко мне, бедняжке.

Включился зеленый свет.

Матушка нажала кнопку на другой ручке кресла, и в лабораторию стал поступать газ. Впадая в бессознательное состояние, она смутно сознавала, что ее кисоньки-пусеньки тоже вот-вот отключатся.

Но она проснется раньше их и снова начнет круг привычных обязанностей: проверять, как чувствуют себя живые, убирать тех, кто сдох от сердечного приступа, укладывать поудобнее, перевязывать раны, ухаживать за живыми и спящими, спящими и счастливыми, совокупляющимися и живущими во сне... пока не прозвучит следующий сигнал, призывающий норок оборонять сокровище, ставшее проклятием и благословением ее родины.

6

Все шло по плану. Лавендер нашел нелегальный гиперпространственный корабль: немалое достижение, почти подвиг, поскольку все такие суда строго лицензировались и отыскать нелегала было поистине невозможной задачей, во имя которой целая планета мошенников была готова честно трудиться целый жизненный срок.

Лавендер был с головы до ног осыпан деньгами, деньгами Бенджакомина.

Честное богатство планеты воров оплачивало подделки, огромные долги, фальшивые операции и сделки, данные о которых шли в компьютеры, данные о судах, грузах и пассажирах, почти незаметно вливающиеся в огромный поток коммерции десяти тысяч миров.

— Пусть платит за все, — заметил Лавендер одному из своих сообщников, явному уголовнику и заодно норстрелианскому агенту. — Пусть платит хорошие деньги за плохие дела. Трать побольше.

Как раз перед отлетом Бенджакомина Лавендер передал дополнительное послание, непосредственно через гоу-капитана, которые такие поручения, как правило, не выполняли. Но этот гоу-капитан был сменным пилотом норстрелианского космического флота, хотя, в полном соответствии с приказом, совершенно не походил на военного.

В послании говорилось о лицензии на планоформ: еще двадцать с лишним таблеток струна, стоимость которых окончательно поработит Виолу Сидерею на сотни, сотен лет.

— Можно даже не передавать этого. Ответ «да», — бросил капитан.

В рубку управления вошел Бенджакомин. Это противоречило правилам, но он на то и нанял этот корабль, чтобы нарушать правила. Капитан резко вскинул голову:

— Вы пассажир! Немедленно проваливайте отсюда!

— Но у вас на борту моя маленькая яхта, — возразил Бенджакомин. — Я здесь единственный посторонний.

— Убирайтесь. Если вас застанут здесь, придется платить штраф.

— Не важно, — отмахнулся Бенджакомин. — Я кредитоспособен.

— Неужели? — иронически осведомился капитан. — Даже настолько, чтобы расплатиться двадцатью таблетками струна? Навряд ли! Ни у кого не найдется столько струна!

Бенджакомин рассмеялся, представив горы таблеток, которые у него скоро появятся. Все, что для этого нужно: покинуть планоформный корабль, нанести удар, проскользнуть мимо кисонек и вернуться. Его сила и уверенность проистекали из того факта, что теперь он твердо знал, как добыть богатство. Выписать закладную на планету в обмен на двадцать таблеток струна — сущие пустяки, если прибыль составит много тысяч к одному.

— Глупости, — буркнул капитан. — Так рисковать, и ради чего?! А вот если я расскажу вам, как пробраться в норстрелианскую коммуникационную систему... это, пожалуй, обойдется вам в двадцать семь таблеток.

Бенджакомин насторожился.

На какой-то момент ему показалось, что сейчас разорвется сердце. Все труды, годы тренировки, мертвый мальчик на пляже, игра на кредит, и теперь это неожиданное заявление!

Бозарт решил пойти ва-банк.

— Что вам известно? — прямо выпалил он.

— Ничего, — пожал плечами капитан.

— Вы сказали «Норстрелия».

— Ну да. И что?

— Откуда вы догадались? Или знали? Кто вам сказал?

— Но куда еще может кинуться человек в поисках несметных богатств? Если, конечно, сумеете унести ноги. Двадцать таблеток для такого человека, как вы, — ерунда.

— Это двести лет труда трехсот тысяч человек, — мрачно возразил Бенджакомин.

— Если вам такое сойдет с рук, у вас окажется куда больше двадцати таблеток, а ваш народ будет по уши ими завален.

И перед глазами Бенджакомина вдруг замелькали таблетки, тысячи, миллионы, миллиарды таблеток...

— Знаю.

— Ну а если ничего не выйдет, у вас еще есть карточка.

— И это верно. Так и быть. Валяйте. Объясните, как попасть в систему, и получите двадцать семь таблеток.

— Дайте мне карточку.

Бенджакомин упрямо мотнул головой. Он, опытный вор, знал все приемы своих собратьев.

Но, подумав, понял, что настал решающий момент. Тот момент, когда приходится вступить в рискованную игру. Или — или. Придется в буквальном смысле поставить все на карту.

— Я отмечу ее и немедленно верну, — пообещал капитан.

В пылу возбуждения Бенджакомин не заметил, что карточка вложена в дупликатор, что операция была зафиксирована, что сообщение вернулось назад в Олимпийский центр и что закладная на планету Виола Сидерея будет зачитываться в определенных коммерческих агентствах на Земле последующие три сотни лет.

Бенджакомин получил карточку обратно и облегченно вздохнул. В эту минуту он ощущал себя честным грабителем.

Если он погибнет, карточка сгорит вместе с ним, и его народу не придется платить. Если же выиграет, отсыплет капитану немного из своего кармана.

Бенджакомин сел. Гоу-капитан дал сигнал своим пинлайтерам. Корабль рванулся вперед.

Они двигались не больше получаса в реальном времени. Капитан надел на голову космический шлем, позволяющий чувствовать, осязать, предполагать верный путь от одной вехи до другой. Корабль уверенным курсом шел домой. Но нужно притворяться, что он ощупью находит дорогу, иначе Бенджакомин поймет, что попал в руки двойных агентов.

Но капитан был настоящим профи. Не хуже Бенджакомина.

Агенты и воры, два сапога пара.

Они планоформировались в коммуникационную сеть. Бенджакомин пожал руки всей команде.

— Вы должны материализоваться по моему сигналу.

— Удачи, сэр, — пожелал капитан.

— Удачи мне, — отозвался Бенджакомин, поднимаясь в космическую яхту. Меньше чем через секунду в реальном пространстве показалась серая протяженность Норстрелии. Корабль, издали походивший на обычный склад, исчез в планоформе, и яхта осталась одна.

Все шло по плану. И вдруг яхта куда-то провалилась.

И в это же мгновение Бенджакомина охватили нерассуждающий ужас и безумное смятение.

Он так и не узнал, что находившаяся далеко внизу женщина чувствовала каждое движение врага с той самой минуты, как на него обрушился гнев разбушевавшихся

кисонек, усиленный десятками передающих устройств. Целостность сознания Бенджакомина дрогнула под сокрушительным ударом. Беспощадная пытка продолжалась не больше одной-двух секунд, показавшихся веками. Больное одурманенное мышление отказывалось повиноваться. Бенджакомина Бозарта захлестнуло приливной волной его же индивидуальности. Все дурные черты его характера, усиленные тысячекратно, обратились против своего хозяина. Передающая луна столкнула разум норок с его собственным. Синапсы нервных клеток мозга мгновенно преобразовались, создавая фантастические картины, наполняя сознание невыразимо ужасными образами, какие никогда не доводилось лицезреть нормальному человеку. И бедное сознание не выдержало. Распалось под невыносимым давлением. Стерлось. Превратилось в «белый лист».

Подсознание протянуло чуть дольше.

Тело сопротивлялось несколько минут. Обезумевшее от голода и вожделения, оно судорожно выгнулось в кресле пилота. Зубы впились в правую руку. Левая, подгоняемая похотью, разрывала лицо, добралась до глаза, выдрала студенистое яблоко. Бенджакомин визжал от животной страсти, стараясь уничтожить себя... и небезуспешно.

Норки-мутанты проснулись окончательно.

Спутники-передатчики отравили все окружающее Бенджакомина пространство безумием, в котором были зачаты и рождены норки.

Судьба отпустила ему еще несколько минут. Ровно столько, чтобы разорванные артерии выплеснули последнюю кровь. Голова бессильно свесилась на грудь, яхта беспомощно падала на склады, которые намеревался ограбить Бозарт. Норстрелианская полиция вовремя перехватила ее.

При виде изуродованного трупа полицейским стало плохо. Всем до единого. Некоторых рвало, остальные были белее снега. Беднягам пришлось пройти за край норковой обороны, пересечь телепатическую зону в самом слабом и тонком месте. Но этого оказалось достаточно, чтобы причинить им невыразимые страдания.

Они ничего не желали знать.

Они хотели одного: забыть.

Один из младших полисменов оглядел мертвеца и прошептал:

— Господи, что способно сотворить такое с человеком?!

— Он выбрал себе плохое занятие, — пояснил капитан.

— А что значит «плохое занятие»?

— Пытался ограбить нас, парень. Но у нас надежная защита, хотя не стоит спрашивать, в чем она состоит. В таких делах излишние знания вредны.

Молодой полисмен, униженный небрежным тоном, готовый вспыхнуть и нагрубить начальству, тем не менее поспешно отвел глаза от трупа Бенджакомина Бозарта.

— Ничего, мальчик, ничего, — заверил капитан. — Он недолго мучился, и, кроме того, этот самый тип убил того мальчика, Джонни.

— Так это он? И так скоро попался?

— Мы заманили его сюда, навстречу смерти. Таков наш закон. Нелегкая у нас жизнь, верно?

Лопасти вентиляторов шуршали мягко, почти неслышно. Животные мирно спали. Струя воздуха овевала матушку Хиттон. Телепатическое реле все еще было включено, и матушка остро ощущала как себя, так и окружающее: клетки со зверьками, граненую луну, крохотные спутники. И никаких признаков грабителя.

Она с тяжелым вздохом поднялась, одернула влажное от пота одеяние. Нужно принять душ и переодеться...

А тем временем далеко, на Родине Человечества, устройство Сети Коммерческого Кредита пронзительно взвыло, призывая оператора. Младший помощник заведующего Средствами Воздействия подошел к аппарату и протянул руку.

На ладонь упала карточка.

Он взглянул на прямоугольник ламинированной бумаги.

— Дебет — Виола Сидерия, кредит — Земной Фонд Непредвиденных Расходов, субкредит — норстрелианский счет: четыреста миллионов человеческих мегалет.

Хотя, кроме молодого человека, в комнате никого не было, он все же, не удержавшись, присвистнул:

— Ничего себе! Да к тому времени никого из нас в живых не останется, хоть объешься этим самым струном! Им вовек не расплатиться, сколько ни старайся!

И он, удивленно покачивая головой, вышел, чтобы рассказать друзьям об этой странной вести.

Аппарат, не получив карточки обратно, выплюнул еще одну — точную копию первой.

Брайан Олдисс

Об авторе*

Во многих отношениях Брайан У. Олдисс был *enfant terrible* конца пятидесятых годов. Он ворвался в мир научной фантастики и встряхнул его и неистовой яркостью слога, и блистательным стилем рассказов вроде «Бедный маленький воин», «Извне», «Новый Дед Мороз», «Кто заменит человека?», «Почти искусство», «Старая одна сотая», и мрачной красотой и тревожным поэтическим видением — видением мира, где, что примечательно, род человеческий *не* завоевал вселенную, как требовала кэмпбелловская догма того времени в классических романах «Звездный корабль» и «Долгий день Земли» (в Великобритании — «Без остановки» и «Теплица» соответственно). Все это сделало его одним из самых спорных писателей того времени... а несколько лет спустя он стал также и одной из самых спорных фигур эпохи Новой Волны, еще более решительно и драматически встряхнув мир НФ середины шестидесятых невыносимо джойсовскими рассказами о «войнах ЛСД», собранными в подборку «Босиком в голове», издевательским романом «Криптозой!» и сюрреалистическим антироманом «Доклад о вероятности А».

Но Олдисс никогда не любил долго работать на одной делянке. К 1976 году он написал два спорных бестселлера британского мэйнстрима — «Мальчик с домашним воспитанием» и «Стойкий солдат», странный вариант готического романа «Франкенштейн освобожденный» — и

---

* Перевод с английского Клигман И.М. под редакцией Левина М.Б.

продолжил созданием лирического шедевра научной фантастики «Маласийский гобелен», одной из лучших его книг и, конечно, одного из лучших романов семидесятых. А впереди, в восьмидесятые годы, ждала еще монументальная трилогия о Геликонии: «Весна Геликонии», «Лето Геликонии» и «Зима Геликонии». К концу десятилетия только самые сердитые из реакционных критиков могли отрицать, что Олдисс — один из истинных гигантов в своей области, воплощение художественной сложности и удивительной мощи — в девяностые годы так же остается на переднем крае, как был в пятидесятые.

Хотя его работа — беспокойная, устремленная к славе, постоянно раскрывающая и требующая раскрытия новых горизонтов, прокладывающая новые пути — часто уводила его за рамки стандартной приключенческой НФ, Олдисс неизменно сохранял любовь к космической опере в ее исконном, легкомысленнейшем виде. В качестве издателя он выпустил несколько ключевых ретроспективных антологий, включая «Космическую оперу», «Космические одиссеи», «Злые Земли», «Все о Венере» и двухтомник «Галактические империи». Такая работа Олдисса-писателя, как монументальный «Долгий день Земли», хотя и лежит несколько в стороне от главной магистрали развития космической оперы, остается одним из классических видений далекого будущего Земли и, конечно, краеугольным камнем жанра научной фэнтези, родственного космической опере, — иногда эти жанры сближаются настолько, что различие их можно ощутить лишь на уровне подсознания. Немногим писателям НФ когда-либо хватало воображения, поэтического дара и размаха, чтобы убедительно писать о *действительно* далеком будущем — упоминание Олафа Стэплдона, Кларка Эштона Смита, Джека Вэнса, Джина Вулфа, Кордвайнера Смита, Майкла Муркока и М. Джона Гаррисона почти истощает список авторов, чья трактовка этой темы хоть как-то запомнились, — но Олдисс в этой области, можно сказать, эксперт. Он раскрывает тему с изяществом и богатством поэтического

воображения не только в трилогии о Геликонии, но и в таких произведениях, как «Старая одна сотая», «Летающий червь» и «Ясный день». (С подобным же мастерством раскрывается родственная тема в «Маласийском гобелене».)

Как ни странно, очень мощное воздействие на жанр космических приключений оказал нижеследующий изысканный и запоминающийся рассказ. Роджер Желязны упоминал его как прямой толчок к написанию «Двери лица его, пламенники пасти его», но влияние этого рассказа и десятилетия спустя обнаруживается в таких работах, как «Белые выдры детства» Майкла Бишопа и «Станции прилива» Майкла Суэнвика, и, несомненно, во многих других, где его еще не заметили...

Брайан У. Олдисс публиковал научную фантастику почти сорок лет, и на его счету более двух дюжин книг. «Долгий день Земли» завоевал «Хьюго» в 1962 году, «Слюнное дерево» — «Небьюлу» в 1965-м, а роман «Звездный корабль» — приз Жюля Верна в 1977-м. Еще одну премию «Хьюго» он получил в 1987 году за критическое исследование научной фантастики «Пирушка на триллион лет», написанное вместе с Дэвидом Уингроу. Среди его других книг — «Остров Моро», «Седобородый», «Враги Системы», «Неприятное пробуждение», «Жизнь на западе», «Забытая жизнь», «День поминовения», «Дракула освобожденный» и воспоминания «Похороните мое сердце возле У. Г. Смита». Рассказы Олдисса выходили сборниками «Пространство, время и Натаниель», «Кто заменит человека?», «Новые поступления», «Старые столкновения», «Галактики как песчинки», «Времена в полете» и «Туполев слишком далеко». Антологии Олдисса включают «Пингвиновские научно-фантастические сборники» и, совместно с Гарри Гаррисоном, «Десятилетие: 1940-е», «Десятилетие: 1950-е» и «Десятилетие: 1960-е». Среди его последних книг — роман «Где-то к востоку от жизни» и сборник «Просто прах: 20 разрозненных рассказов». Скоро должны появиться его воспоминания «В мгновение ока».

Почти искусство*

1

Если бы из фьорда, из узкой серой полосы воды, встал великан и заглянул поверх короны отвесных скал, перед ним предстал бы Эндехаавен, раскинувшийся на самом краю острова.

Дерек Флеймифью Энде стоял у высокого окна, откуда Эндехаавен был виден как на ладони. Растущее беспокойство, предчувствие ссоры сообщало зрению какую-то особенную ясность — так обретает фотографическую резкость пейзаж перед бурей. Кожа лица воспринимала мир тепловидением, но задумчивые глаза оглядывали поместье.

Все в Эндехаавене было голо и опрятно: следить за этим — моя работа. В садах — только вечнозеленая трава и кусты без цветов; таков был каприз Владычицы: строгость под стать морщинистому челу побережья. Мрачный Эндехаавен, здание высокое и длинное, без излишеств, в прежние века было бы невозможным, ибо тысячи встроенных парагравитационных секций обеспечивали опору каменной кладке, давящая тяжесть которой была почти полностью иллюзорной.

Между домом и фьордом, где сад постепенно переходил в площадь, находились лаборатория и зверинец Владычицы — а сейчас и сама Владычица возилась там с мини-нутриями и агутинами. Я стоял наготове: чистил клетки, подавал инструменты, помешивал в резервуарах — делал все, что говорила она. Глаза Дерека Энде смотрели на нас — нет, только на нее.

Наклонившись над чашей рецептора, Дерек Флеймифью Энде читал послание от Звезды-1, и невидимые волны скользили по лицу и боскисам лба. Его глаза видели до боли знако-

---

* Brian W. Aldiss. «A Kind of Artistry». © Brian W. Aldiss, 1962. Перевод с английского Клигман И.М. под редакцией Левина М.Б.

мую сцену за окном, но тепловидение четко передавало сообщение. Закончив прием, Дерек переключил рецептор на передачу, прижался к нему лицом и послал ответ:

— Я исполню ваше задание, Звезда-1. Немедленно отправлюсь на Фести-XV в туманности Вуаль и установлю связь с существом, которое вы называете Утес. Если удастся, я также выполню приказ привезти образец его вещества на Пирилин. Спасибо за приветствие; отвечаю на него всей душой. До свидания.

Дерек выпрямился и помассировал лицо: тепловидение на расстоянии многих световых лет всегда утомляло, словно сенситивные мускулы лица знали, что передают крошечные электростатические заряды через парсеки вакуума, и были от этого в ужасе. Его боскисы медленно расслабились, и также медленно он собрал одежду. Путь до Вуали долог, а поставленная перед ним задача устрашила бы и отважнейшее сердце на Земле; однако для промедления была и другая причина: он не мог уехать, не простившись с Владычицей.

Растянув дверь, он уверенно — ноги знали дорогу со времен далекого детства — прошел по коридору и ступил в парагравитационную шахту. Через несколько мгновений он уже выходил из холла туда, где бегали по дорожкам грызуны Владычицы и вершины Ватна-Йокулл серели у нее за спиной.

— Пойди в дом, Холс, и принеси ящик с именными кольцами, — сказала мне Владычица; я поспешил исполнить повеление и по пути встретил Господина, идущего к ней. На меня он не обратил внимания — партенов никто не замечает.

Когда я вернулся, она так и стояла спиной к Дереку, хотя он что-то горячо говорил ей.

— Ты знаешь, что я должен исполнить свой долг, Госпожа, — услышал я его слова. — Такое дело можно поручить только истинному землянину.

— Подумаешь, дело! Галактика неистощима на подобные дела! Предлог для прогулки всегда найдется.

— Ну, нельзя же так говорить! — взмолился он, обращаясь к ее отчужденной спине. — Ты знаешь о природе Утеса — я рассказывал тебе о нем. Ты знаешь, что это не прогулка: потребуется все мое мужество. И ты знаешь, что такое мужество почему-то есть только у землян... Ведь ты же знаешь, Госпожа?

Хотя я подошел к ним, раболепно пробравшись между клеткой и резервуаром, они не заметили меня — даже не понизили голосов. Владычица пристально смотрела на горы, и лицо ее было грозным, как они.

— А ты вот такой сильный и храбрый? — Один ее боскис подергивался.

Зная силу симпатической магии, она не произносила его имени, когда сердилась, — словно желала ему исчезнуть.

— Не в этом дело, — сказал он смиренно. — Пожалуйста, Госпожа, будь разумна. Ты знаешь, что я должен ехать; мужчина не может вечно сидеть дома. Не сердись.

И тут она наконец обернулась к нему.

Ее лицо было серьезным и суровым; в нем не было сочувствия, но была не поддающаяся описанию пугающая красота, если можно назвать таким словом соединение усталости от жизни и знания. Глаза ее были серыми, далекими, как покрытый снегом вулкан у нее за спиной. О Владычица! Она была на столетие старше Дерека, хотя разница проявлялась не во внешности — кожа-то останется свежей еще тысячу лет, — а в авторитете.

— Я не сержусь. Но мне больно. Ты умеешь причинить мне боль.

— Госпожа... — Он шагнул к ней.

— Не прикасайся ко мне, — сказала она. — Иди, если должен, но не устраивай комедию расставания.

Он взял ее за локоть. Она крепче прижала к себе мининутрию, сидевшую у нее на сгибе руки (животные всегда льнули к ней).

— Я не хочу обидеть тебя, Госпожа. Ты знаешь, что мы должны быть верны Звезде-1; я обязан работать на них — как

еще нам сохранить это поместье? Хоть раз простись со мной с любовью.

— С любовью! Ты уезжаешь, оставляешь меня одну с кучкой партенов и говоришь о любви! Не притворяйся, будто не рад сбежать от меня. Я тебе надоела, да?

Он сказал обреченно, словно ничего другого не приходило в голову:

— Дело не в этом...

— Вот видишь! Ты даже не пытаешься казаться искренним. Иди, почему бы и нет? Какая разница, что будет со мной?

— Если бы ты только слышала, как тебе жалко себя.

Теперь по ледяному склону ее щеки поползла слеза. Она повернулась так, чтобы он заметил.

— А кто еще меня жалеет? Только не ты, иначе не уезжал бы от меня. Если этот Утес тебя убьет, что будет со мной?

— Я вернусь, Госпожа, — сказал Дерек. — Не беспокойся.

— Легко сказать. Почему тебе не хватает мужества признаться, что ты просто счастлив покинуть меня?

— Потому что не хочу ссориться.

— Фу, ты снова говоришь, как ребенок. Ты ведь не ответишь, верно? Просто сбежишь, уклоняясь от ответственности.

— Я не сбегаю!

— Конечно, сбегаешь, чем бы ни отговаривался. Ты просто незрелый мальчишка.

— Нет, не мальчишка! И я не сбегаю! Для того, что я собираюсь сделать, нужно настоящее мужество.

— Какого ты о себе хорошего мнения!

Тут он отвернулся — раздраженно, забыв о достоинстве, — и направился к посадочной платформе. Потом побежал.

— Дерек! — крикнула она.

Он не ответил.

Она схватила сжавшуюся мини-нутрию за шкирку и сердито швырнула в ближайший резервуар с водой. Та превратилась в рыбу и уплыла в глубину.

2

Дерек отправился на своем верном светолете к туманности Вуаль. Одиноко плыл по космосу солнечный парус — огромный изогнутый лук, покрытый протоновыми камерами, высасывающими движущую силу из густой и пыльной пустоты космоса. В середине поддерживающей дуги находилась капсула, где Дерек провел без сознания большую часть пути.

Он проснулся в медицинской койке, воскрешенный для очередного дня, который не был днем, ласковые руки машины массировали затекшие мускулы. В реторте булькал суп, поднимаясь к соске всего в двух дюймах от его рта. Он выпил. Снова уснул, утомленный долгой бездеятельностью.

Проснувшись опять, Дерек медленно слез с койки и минут пятнадцать делал зарядку. Мой друг Йон ждал.

— Как там дела?

— Все в порядке, Господин, — ответил Йон. — Выходим на орбиту Фести-XV. — Он сообщил координаты и ушел есть. У Йона была самая одинокая работа, какая только выпадает партену. Мы выведены в соответствии со строго контролируемыми формулами, без врожденных структур ДНК, которые обеспечивают истинным землянам их потрясающе долгую жизнь; еще пять длинных рейсов, и Йон состарится и будет годен только для преобразователя.

Дерек сел к пульту. Виделось ли ему поверх лица Фести лицо, которое он любил и которого боялся? Думаю, да. Самые бешеные тучи планеты не могли скрыть от него тучи, омрачающие ее чело.

Что бы ему ни виделось, а он вывел светолет на низкую орбиту вокруг необитаемой планеты. С расстояния около восьмисот миллионов миль солнце Фести казалось всего лишь яркой точкой. Светолет пошел вниз, и оно закачалось над бурным морем туч, как якорный огонь корабля.

Долгое время Дерек, опустив лицо в чашу рецептора, изучал поверхность планеты. Тепловидеть поверхность пла-

неты при температурах, близких к абсолютному нулю, непросто, но когда Утес оказался прямо внизу, ошибиться было невозможно: Дерек ощущал его так же четко, как если бы видел на экране радара.

— Вот он! — воскликнул Дерек.

Йон снова занялся делом. Он ввел временные координаты в мозг светолета, подождал и прочел вслух время, когда Утес снова окажется под кораблем.

Кивнув, Дерек начал готовиться к прыжку. Не спеша, проверяя каждую деталь, надел скафандр: открывал парагравы, пока не всплыл, потом снова закрыл их, защелкнул все кнопки — и, наконец, был полностью готов.

— 395 секунд до следующего зенита, Господин, — сказал Йон.

— Ты хорошо помнишь, как забрать меня?

— Да, сэр.

— Я не включу радиомаяк, пока не вернусь на орбиту.

— Понимаю, сэр.

— Хорошо. Я пошел.

Заключенный в движущуюся тюрьму Дерек с трудом протиснулся в воздушный шлюз.

За три минуты до следующего прохождения над Утесом он открыл внешний люк и нырнул в море туч. Короткий рывок реактивных двигателей скафандра увел его с орбиты светолета. Тучи поглотили его, как смерть.

Двадцать мрачных планет, вращавшихся вокруг Фести, хранили только бесконечно малую частицу тайн галактики. У каждого небесного тела во вселенной свое тайное предназначение. На некоторых планетах, как на Земле, рождались существа, начинавшие дальше формировать себя сами, а затем вырывавшиеся на космические трассы и потихоньку приспосабливавшиеся к цивилизованной внеземной среде. Предназначение других оставалось неясным; только земляне с их причудливым сплетением неодолимого порыва и собственной воли бросали вызов этим чуждым сущностям, чтобы вырвать у них новые знания и добавить в копилку старых.

Любые знания имеют последствия. За тысячелетия, прошедшие с начала регулярных межзвездных полетов, собственные открытия незаметно изменяли род человеческий; вместе с потерянной невинностью в галактическое окно вылетела и генетическая стабильность. Люди сыпались на другие планеты, как дождь, и их племя теряло первоначальный наследственный облик: каждый центр цивилизации порождал новые виды мыслей, ощущений, форм — жизни. Только на старой Земле человек еще как-то походил на людей дозвездной эпохи.

Вот почему именно землянин бросился очертя голову навстречу существу, названному Утесом.

Немногие звездолеты и светолеты, рискнувшие сесть на планету Утеса, были им уничтожены. После долгого изучения этого существа с безопасной орбиты ученые Звезды-1 разработали теорию, что он уничтожает значительные источники энергии, как человек прихлопывает надоедливую муху. Дереку Энде, единственным двигателем которого были моторы скафандра, ничего не угрожает — так, во всяком случае, гласила теория.

Опускаясь на парагравах, Дерек все медленнее и медленнее проваливался в ночь планеты. Ушла вверх нижняя граница облачности, и сильный ветер гудел и свистел в силовых ребрах скафандра. Внизу показалась земля. Чтобы не промахнуться, Дерек увеличил скорость падения, и в следующий миг во весь рост растянулся на Фести-XV. Полежал, чтобы отдохнуть и дать остыть скафандру.

Темнота не была полной. Хотя солнечный свет почти не доходил до континента, зеленые огни, вырывающиеся из недр планеты, освещали его пустынный рельеф. Чтобы глаза приспособились к темноте, Дерек не стал включать фонари — ни на голове, ни на плече, ни на животе, ни на руке.

Слева текло что-то вроде огненной реки. Свет ее, слабый и мутный, смешивался с тенями, и клочья дыма, разорванного четырьмя «же» планеты, казалось, катились по течению, как горящие шары перекати-поля. Вдали бил

огненный фонтан — скорее всего горела смесь этана и метана, шипя как бифштекс на сковородке и выстреливая вверх с такой силой, что язык синего пламени лизал низко проносящиеся тучи. В другом месте сверкающий на холме гейзер пламени временами окутывал густой бурый дым, тянущийся вверх медленно, как овсяная каша. Справа от Дерека высился неподвижный столб белого огня — прекрасный, как меч на алтаре.

Дерек одобрительно кивнул. Спуск прошел успешно. Это Огненный Край, где живет Утес.

Лежать было довольно удобно, смотреть на картину, еще никем не виденную вблизи, довольно приятно — пока он не понял, что обширная часть пейзажа не излучает ни малейших проблесков света. Он вгляделся острым тепловзглядом и обнаружил Утес.

Огромное существо заслоняло все огни, а вершина цепляла тучи.

При одном виде его главное и вспомогательное сердца Дерека заколотились, он затрепетал. Растянувшись на земле — параграви поддерживали уровень 1 «же», — он пригляделся; сглотнул, чтобы прочистить горло; снова напряг зрение, пытаясь рассмотреть Утес.

Ясно было одно: он громаден. Дерек выругался, ибо, хотя фотосисторы позволяли ему пользоваться теплозрением для объектов вне скафандра, восприятие искажалось непрестанным фейерверком огней. Потом помехи на миг исчезли, и он смог определиться: до Утеса было три четверти мили! А с первого взгляда показалось, что не больше сотни ярдов.

Теперь он знал, как велик Утес. Чудовищно огромен!

На мгновение ему стало смешно. Единственный вид задач, которые имеет смысл ставить, — задачи невыполнимые. Астрофизики Звезды-1 держались мнения, что Утес обладает чем-то вроде сознания, а потому просили Дерека привезти им фунт его плоти. Ну как вырезать кусок из существа размером с небольшую луну?

Все время, пока он лежал, ветер сотрясал силовые ребра скафандра. Постепенно до Дерека дошло, что ощущаемая им постоянная вибрация изменилась. В ней появились новая нота и новая сила. Он огляделся и оперся о землю рукой в перчатке.

Дело было не в ветре. Дрожала земля, содрогалась сама Фести. Утес двигался!

Снова поглядев и глазами, и теплозрением, Дерек увидел, куда тот направляется. Утес с грохотом несся на него.

— Если он разумен, то решит — если засек меня, — что такая мелюзга не представляет для него угрозы. Потому и сам не тронет меня, и нечего его бояться, — сказал себе Дерек. Логика не успокаивала.

Абсорбирующая псевдоподия, приведенная в действие датчиком влажности на лобной части шлема, скользнула по лбу, стирая выступивший пот.

Перед глазами плыло, как после удара по голове. Медленное движение Утеса Дерек по-прежнему скорее ощущал, чем видел. Теперь пелена туч заслоняла вершину существа, как оно само затмевало фонтаны огня. На грохот отзывался даже костный мозг Дерека.

И не только он.

Ноги скафандра начали двигаться сами по себе. Зашевелились руки. Задергалось тело.

Озадаченный Дерек напряг ноги. Колени скафандра непреодолимо согнулись, заставляя согнуться и колени человека. И не только колени: руки тоже, хоть он и уперся в землю перед собой, неуклюже пытались согнуться по прихоти скафандра. Он не мог сопротивляться, не поломав кости.

Страшно встревоженный, он нелепо изгибался, стараясь не отставать от скафандра, повторяя его идиотские движения.

Внезапно скафандр двинулся вперед. Он тащился по земле; внутри Дерек поневоле ковылял вместе с ним.

Ему пришла в голову ироническая мысль. Не только гора шла к Магомету; Магомет волей-неволей шел к горе...

3

Он никак не мог воспрепятствовать движению: он больше не был хозяином своего тела; воля была бесполезна. С пониманием пришло чувство облегчения. Госпожа вряд ли сможет винить его в том, что произойдет.

Узник движущейся тюрьмы, Дерек полз в темноте на четвереньках по направлению к надвигающемуся Утесу.

Единственной конструктивной мыслью, пришедшей ему в голову, было, что скафандр каким-то образом оказался подвластным этому Утесу. Как — Дерек не знал и не пытался гадать. Он полз. Теперь он почти успокоился, позволив рукам и ногам вяло двигаться вместе с движениями скафандра.

Вокруг заклубился дым. Прекращение вибрации сказало ему, что Утес снова неподвижен. Подняв голову, он увидел только дым — вызванный, возможно, оседанием массы Утеса на землю. Когда туман рассеялся, перед глазами было черно. Эта штука была прямо перед ним!

Он пополз дальше. Потом, резко изменив направление движения, полез вверх, вынужденно подражая движениям скафандра.

Под ним было рыхлое, хотя и упругое, вещество. Скафандр тяжело лез вверх под углом около шестидесяти пяти градусов; жесткие прокладки скрипели, парагравы содрогались. Он совершал восхождение на Утес.

К тому времени у Дерека не было сомнений, что эта штука обладает тем, что можно бы назвать волей, если не сознанием. Еще она обладала властью, которой ни один человек похвастаться не может: она умела сообщать эту волю неодушевленному предмету вроде его скафандра. Оставаясь беспомощным, он продолжал рассуждать. Эта власть навязывать волю, пожалуй, имела ограниченную сферу; иначе Утес, конечно же, вообще не потрудился бы двигать свою гигантскую массу, а вынудил бы скафандр преодолеть все

расстояние между ними. Если это рассуждение верно, светолет на орбите был в безопасности.

Его отвлекло движение рук. Скафандр начал зарываться в глубь Утеса. Никак не помогая ему, Дерек лег и позволил рукам делать плавательные движения. Если скафандр лез в Утес, Дерек мог только заключить, что его собираются переварить; однако он подавил порыв к сопротивлению, понимая, что это бесполезно.

Тыкаясь в рыхлое вещество, скафандр зарылся в него, немного поворочался, устраиваясь, и затих, оставив Дерека полностью замурованным.

Чтобы защититься от усиливающейся клаустрофобии, Дерек попытался включить головной фонарь; рукава скафандра оставались такими жесткими, что он так и не смог дотянуться до рычага. Он мог только беспомощно лежать в своей раковине и таращиться в безликую темноту Утеса.

Но темнота была не совсем безликой. Уши уловили постоянное «шарк-шарк» по внешним поверхностям скафандра. Теплозрение различило бессмысленный узор за шлемом. Как он ни фокусировал боскисы, понять узор не удавалось: для него здесь не было ни симметрии, ни смысла...

Однако для его тела смысл, казалось, был. Дерек чувствовал, как дрожат руки и ноги, ощущал незнакомые прежде импульсы и призрачные впечатления. Он понял, что контактирует с силами, о которых даже не имеет понятия, — и, наоборот, с ним контактирует что-то, что не имеет понятия о его возможностях.

Безмерная тяжесть навалилась на Дерека. Жизненные силы бурлили в нем. Он яснее, чем раньше, ощущал огромную массу Утеса. Пусть она терялась на фоне массы Фести-XV, Утес был величиной с большой астероид... Дерек вообразил себе астероид, образованный взрывом газа на поверхности солнца Фести. Наполовину твердый, наполовину расплавленный, он вращался вокруг родителя по эксцентричной орбите. Охлаждаясь, подвергаясь причудливой игре давлений, его нутро выкристаллизовалось в уникальное образование. Таким, с полупластичной поверхностью,

Утес существовал много миллионов лет, постепенно накапливая электростатический заряд, который готовился... и ждал... и варил в кристаллическом сердце аминокислоты жизни.

Система Фести была стабильной, но раз в много тысяч миллионов лет первые три гигантские планеты входили в перигелий одновременно и при этом сближались. Однажды астероиду случилось оказаться совсем близко; сорвавшись с орбиты, он пролетел мимо трех выстроившихся в ряд планет. Высвободились огромные электрические и гравитационные силы. Астероид раскалился — и обрел сознание. Не жизнь зародилась на нем; он сам родился к жизни в катаклизме сближения планет!

Астероид еще только молчаливо переваривал печально-остро-сладкое ощущение самосознания, как пришла беда. Отброшенный от солнца в новом направлении, он оказался в гравитационной ловушке планеты с силой тяжести четыре «же», Фести-XV. Он не знал иных формирующих сил, кроме гравитации; гравитация была для него тем же, чем кислород для клеточной жизни Земли. Астероид не желал менять полет на неволю, но был слишком слаб, чтобы сопротивляться. Впервые астероид понял, что от сознания есть польза: он мог в какой-то степени контролировать окружающую среду. Не желая развалиться на орбите Фести, он понесся вниз, замедлил падение, впервые совершив волевой поступок, — и упал, ослабленный, но целый, на поверхность планеты.

Безмерно долго астероид — но теперь он уже был Утесом — лежал в неглубоком кратере, образованном столкновением, размышляя без мыслей. Он не знал ничего, кроме неорганического мира вокруг, и не мог представить себе ничего другого, но свое окружение он знал хорошо. Постепенно он завязал какие-то отношения с окружающим миром. Созданный гравитацией, он пользовался ею, не задумываясь, как человек дыханием; он начал двигать другие предметы и двигаться сам.

Что он, возможно, не одинок во вселенной, Утес не догадывался. Теперь он знал, что другая жизнь существует, и принял этот факт. Другая жизнь не была похожа на него; он это принял. У другой жизни были другие условия; он принял и это. Вопросов, сомнений он не ведал. У него были потребности; у другой жизни тоже; им обоим придется приспособиться, ибо приспособление — это выравнивание давлений, а такую реакцию он понимал.

Скафандр Дерека Энде снова зашевелился под воздействием внешней воли, осторожно полез назад, вышел из Утеса и замер.

Замер и Дерек. Сознание едва теплилось.

Все еще ошеломленный, он пытался понять, что сейчас произошло.

Утес установил с ним контакт; если он и сомневался в этом, доказательство было зажато в сгибе левой руки.

— Но ведь он не... он не мог общаться со мной! — пробормотал Дерек. Но Утес с ним общался. Разум отказывался это принимать.

У Утеса не было ничего похожего на мозг. Он не «распознал» мозг Дерека. Вместо этого Утес обратился к той части его организма, которую смог узнать: напрямую к клеткам тела, в частности к структурам цитоплазмы, митохондриям*, источникам энергии клеток. Клетки приняли предложенную информацию, минуя мозг.

Дерек сознавал, как ослаб. Утес выкачал из него силу. Но даже он не смог выкачать ощущение триумфа. Ибо Утес не только дал информацию, но и принял ее. Он узнал, что другая жизнь существует и в других частях вселенной.

Без колебаний Утес отдал кусок самого себя — для передачи в эти другие части вселенной. Миссия Дерека была выполнена.

В поступке Утеса Дерек увидел одно из сильнейших побуждений живых существ: стремление произвести впечатле-

* Митохондрии — органоиды животных и растительных клеток, где протекают окислительно-восстановительные реакции, обеспечивающие клетки энергией.

ние на другое живое существо. Иронически улыбнувшись, он с трудом поднялся.

Он был один в Огненном Краю. Редкие скорбные огни еще противостояли тьме, но Утес исчез; Дерек пролежал без сознания дольше, чем ему казалось. Он посмотрел на хронометр. Уже давно пора было двигаться к точке рандеву со светолетом. Усилив обогрев скафандра для защиты от начавшего пробирать до костей холода, он увеличил обороты парагравов и взлетел. Мерзкие тучи приблизились и поглотили его; Фести исчезла из виду. Вскоре он вышел за пределы туч и атмосферы.

Управляемый Йоном космический корабль вышел на радиомаяк Дерека. Через несколько трудных минут они сравняли скорости, и Дерек поднялся на борт.

— Как вы себя чувствуете? — спросил партен, когда хозяин рухнул в полетное кресло.

— Превосходно, просто ослабел. Расскажу тебе все, когда буду наговаривать на катушку рапорт для Пирилина. Они будут нами довольны.

Он достал желтовато-серый комок вещества, увеличившийся до размеров большого индюка, и отдал Йону.

— Не дотрагивайся голыми руками. Положи в морозильную камеру при четырех «же». Маленький сувенир с Фести-XV.

4

В Яркоок в Пиннати, одну из столиц Пирилина, приезжают, чтобы насладиться всевозможными излишествами. Туда-то хозяева и отвезли Дерека Энде — в сопровождении верного Йона.

Они возлежали на удобных ложах, которые медленно вращались по кругу, давая возможность разглядывать танцующих или беседующих людей. Само помещение двигалось, скользя по огромному металлическому каркасу Яркоока, и

сквозь прозрачные стены можно было любоваться постоянно меняющимися пейзажами. Сначала зал плыл по внешней стороне, и яркие ночные огни Пиннати подмигивали, словно участвовали в этом удовольствии вместе с людьми. Потом он скользнул внутрь по покатой округлости здания и оказался в окружении комнат радости, полных участников этого вечного празднества.

Но Дерека на его ложе не отпускало напряжение. Ему виделось лицо Госпожи; он представлял, как бы она отнеслась ко всем этим безобидным развлечениям: с холодным презрением. И его собственное удовольствие сгорало в пепел.

— Полагаю, вы как можно скорее вернетесь на Землю?

— Что? — пробормотал Дерек.

— Я спросил: вы, наверное, скоро соберетесь домой? — Это произнес Беликс Икс Саппоуз, Главный администратор Отдела исследований высокой гравитации на Звезде-1; сегодня Дерек был его гостем и потому лежал рядом.

— Простите, Беликс, да... я скоро должен возвращаться.

— Никаких «должен». Вы обнаружили совершенно новую форму жизни; мы теперь попытаемся связаться с объектом на Фести-XV, и кто знает, насколько это расширит наши знания. Правительство легко может отблагодарить вас, наградив каким-нибудь постом здесь — только назовите: я, как вы знаете, имею в этом отношении некоторое влияние. Не представляю, чтобы Земля в ее дряхлеющем состоянии могла многое предложить человеку вашего масштаба.

Дерек подумал о том, что может предложить Земля. Он любил ее. Эти испорченные люди не понимали, что такое любовь.

— Ну, что скажете, Энде? Я не бросаюсь словами. — Беликс Икс Саппоуз нетерпеливо барабанил пальцами по собственным пантам.

— Э-э... Да, от Утеса удастся узнать многое. Меня это не касается. Моя часть работы завершена. Я не интеллектуал — просто полевой исследователь.

— Вы не ответили на мое предложение.

Дерек посмотрел на собеседника с некоторой досадой. Беликс принадлежал к племени неглаатов, столько сделавшему для установления мира в галактике. Его позвоночник разветвлялся на сложную систему отростков-пантов, с которых шесть темных, как сливы, глаз изучали Дерека со стойким раздражением. Прочие участники вечеринки, включая Джапки, женщину Беликса, также смотрели на него.

— Я должен поскорее вернуться на Землю, — сказал Дерек.

Что там говорил Беликс? Предлагал какой-то пост? Он беспокойно заерзал на ложе, чувствуя себя, как всегда, неуютно в окружении плохо знакомых людей.

— Вам скучно, господин Энде?

— Вовсе нет, уверяю вас. Извините меня, Беликс, я просто потрясен роскошью Яркоока. Увлекся обнаженными танцовщицами.

— Я боюсь, что вы скучаете.

— Совсем нет, уверяю вас.

— Позволите предложить вам женщину?

— Нет, спасибо.

— Может быть, мальчика?

— Нет, спасибо.

— Вы когда-нибудь пробовали цветущих асексуалов с Кфидса?

— Спасибо, как-нибудь в другой раз.

— Тогда, надеюсь, вы извините, если мы с Джапки снимем одежды и присоединимся к танцам, — холодно сказал Беликс.

Когда они уходили навстречу поющим трубам, Джапки сказала что-то, из чего Дерек разобрал только «высокомерный землянин». Он встретился глазами с Йоном и понял, что партен тоже это слышал.

Дерек инстинктивно отмахнулся рукой, подавляя обиду, потом встал и заходил по комнате. Он часто проталкивался через группы обнаженных танцоров, не обращая внимания на их недовольство.

Мимо одной из дверей проплывала лестница. Он шагнул на нее, чтобы вырваться из толпы.

По лестнице спускались четыре женщины. На них были яркие платья с пульсирующими звон-камнями. Они смеялись и болтали, и лица их были озарены светом юности. Дерек остановился и посмотрел на них. Одну из них он узнал и непроизвольно окликнул:

— Ева!

Она уже увидела его. Махнув спутницам, она подошла к нему танцующей походкой.

— Итак, отважный землянин вновь поднимается по золотым ступеням Пиннати! Что ж, Дерек Энде, твои глаза темны, как всегда, а чело серьезно.

Он смотрел на нее, и поющие трубы впервые за вечер звучали для него согласно, а к горлу подкатил восторг.

— Ева!.. Твои глаза ярки, как всегда... И с тобой нет мужчины.

— Стечение обстоятельств работает на тебя. — Она засмеялась — да, он помнил этот звук! — а потом сказала серьезнее: — Я услышала, что ты здесь с Беликсом Саппоузом и его женщиной, и совершила страшную глупость, придя увидеть тебя. Ты же помнишь, как я люблю делать глупости.

— Глупости?

— Наверное, да. Ты, Дерек Энде, изменился меньше, чем ядро Пирилина. Предположить иное было глупостью; знать, что ты не изменился, и все же встретиться с тобой — двойной глупостью.

Он взял ее за руку и повел вверх по лестнице; скользящие с обеих сторон комнаты расплывались перед глазами.

— Тебе обязательно вспоминать старые обиды, Ева?

— Мне не надо вспоминать: это стоит между нами. Я боюсь твоей неизменности, потому что я — как бабочка рядом с твоим серым замком.

— Ты прекрасна, Ева, так прекрасна! И разве бабочка не может спокойно отдохнуть на стене замка? — Он с трудом приспособился к ее иносказательной речи.

— Стены! Я ненавижу твои стены, Дерек! Разве я бульдозер, чтобы пытаться проломить стену? И есть ли они, нет ли их — ты все равно останешься узником.

— Давай не будем ссориться, пока не согласимся хоть в чем-то, — сказал он. — Вот звезды. Разве мы не можем сойтись во мнениях о них?

— Можем, поскольку мы оба к ним равнодушны. — Ева огляделась и бесстыдно прижалась к нему. Лестница достигла высшей точки и медленно двинулась вдоль верхнего края Яркоока. Они стояли на верхней ступени, и ночь окружала их вспышками зеркальных отражений.

Ева Колл-Кеннерли была человеком, но не из семьи землян. Она происходила из племени велюров из Y-образного скопления густонаселенного Третьего Рукава галактики, и кожа у нее, как у всех ее соплеменников, была покрыта густой коричневой шерсткой. Блестящие способности Евы нашли себе применение в том же исследовательском отделе, что и более скромные таланты Беликса Саппоуза. Дерек познакомился с ней в прошлый раз, когда был на Пирилине. Их любовь была постоянной войной.

Теперь он смотрел на нее, касался ее и не мог сказать ни слова. Под взглядом ее живых глаз он попытался улыбнуться.

— Поскольку меня, как стрелку компаса, тянет к сильным мужчинам, мое щедрое предложение все еще остается в силе. Разве это не достаточная приманка?

— Я не считаю тебя ловушкой, Ева.

— Тогда сколько еще столетий ты намерен замораживать себя на Земле? Ты по-прежнему верен, если я припоминаю твой эвфемизм для рабства, своей Госпоже, ее холодным губам и запертому сердцу?

— У меня нет выбора!

— Ах да, на этом пункте я потерпела поражение — и не раз. Она все еще продолжает исследования трансмутации видов?

— Да, конечно. Средневековая идея о возможности превращения одного вида в другой была глупой в Средние века;

теперь же, с постепенным накоплением на планетах космической радиации, она стала в определенной степени верной. Госпожа стремится показать, что клеточные связи можно...

— Да-да, и этот серьезный разговор — оскорбление для Яркоока! Ты сидишь взаперти, Дерек, совершаешь подвиги книжного героизма и никогда не выходишь в реальный мир. Если ты воображаешь, что можешь пожить с ней еще, а потом вернуться ко мне, то ошибаешься. Твои стены будут из века в век становиться все выше, пока я уже не смогу... не смогу... нет, это неправильная метафора!.. не смогу взобраться к тебе.

Даже в душевной муке этого разговора тепловзгляд на ее мех был приятен. Дерек беспомощно замотал головой, пытаясь избавиться от жала ее речей.

— Посмотри, какой ты даже сейчас большой, храбрый и молчаливый! Ты такой высокомерный, — сказала она и добавила почти тем же тоном: — Поскольку я все еще люблю частичку тебя, запертую в стенах замка, я снова делаю тебе свое серьезное и пустяковое предложение.

— Ева, прошу тебя, не надо!..

— Надо! Забудь эту скучную зависимость от Земли, забудь этот ужасный матриархат, живи здесь со мной. Ты не нужен мне навеки. Ты знаешь, что я эвдемонистка* и живу ради удовольствия — наша связь нужна лишь на пару столетий. За это время я не откажу тебе ни в чем, что ты захочешь испытать.

— Ева!

— После этого наши запросы будут удовлетворены. Тогда ты сможешь вернуться к Матери Эндехаавена — мне наплевать.

— Ева, ты же знаешь, как я презираю эту веру, этот эвдемонизм.

---

* Эвдемонизм — направление в этике, признающее критерием нравственности и основой поведения человека стремление к счастью. — *Примеч. пер.*

— Забудь свои убеждения! Я не прошу ничего трудного. Кто ты такой, что торгуешься? Разве я рыба, чтобы меня покупать на килограммы: этот кусочек выберем, а этот выбросим?

Он молчал.

— На самом деле я тебе не нужен, — сказал он наконец. — У тебя уже есть все: красота, ум, чувства, теплота, душевное равновесие, комфорт. У *нее* нет ничего. Она ограниченная, затравленная, холодная... я нужен ей, Ева...

— Ты извиняешься за себя, а не за нее.

Она уже повернулась гибким велюрским движением и бежала по лестнице вниз. Освещенные комнаты всплывали вокруг, как пузырьки.

Его вымученная попытка объяснить свои чувства сменилась озлоблением. Дерек побежал за ней, схватил за руку.

— Да послушай же меня, черт возьми!

— Никто на Пирилине не станет слушать такую мазохистскую чепуху! Ты высокомерный дурак, Дерек, а я слабовольная дура. А теперь отпусти меня!

Снизу подплыла следующая комната, Ева запрыгнула в дверь и исчезла в толпе.

5

Не все плавающие комнаты Яркоока были освещены. Некоторые наслаждения в темноте восхитительнее, и эти наслаждения доступны в потайных залах, где свет лишь чуть-чуть рябит на потолке, а мрак сладострастно благоухает иланг-илангом. Здесь Дерек смог выплакаться.

Сцены его жизни скользили перед ним, словно подгоняемые теми же механизмами, что приводили в движение Яркоок. И всегда рядом была Она.

Он сердито напомнил себе, как всю жизнь тщательно старался ей угодить — во всем, во всем старался удовлетворить ее! И когда она бывала довольна, то признаки этого

будто прорывались вопреки ее воле, как, бывает, просачивается вода через трещины в скале. И для него, несомненно, было удовлетворением пить из этого прохладного ключа... но разве это радость, если она требует такой напряженной дисциплины и покорности?

Госпожа, я люблю и ненавижу твои требования!

А дисциплина была такой... и так долго... что теперь, когда можно бы наслаждаться вдали от нее, он едва может высечь струйку из своей собственной скалы. Он уже бывал здесь, в этом городе, где правят гедонисты и эвдемонисты, гулял среди ароматов наслаждения, среди доступных женщин, прекрасных гостей и прославленных красот, вдали от Госпожи — и чувствовал, что она воздействует даже на выражение его лица. Люди заговаривали с ним; он что-то отвечал. Они веселились; он старался не отставать. Они открывались ему; он пытался откликнуться. И все время надеялся, что они поймут: за его высокомерием скрывается только застенчивость... или надеялся, что застенчивость скроет высокомерие? Он не знал.

Да и кто мог знать? В одном качестве так много от другого. И одно другому не уступает.

Он очнулся от размышлений, осознав, что Ева Колл-Кеннерли снова где-то недалеко. Значит, она не ушла из Яркоока! Она ищет его!

Дерек привстал в завешенном алькове. Он не понимал, как она смогла его разыскать. При входе в Яркоок посетителям давали звон-камни, по которым их можно было отыскать в комнатах; но решив, что его никто не захочет разыскивать, Дерек выключил камень еще до того, как ушел с вечеринки Беликса Саппоуза.

Он услышал голос Евы, его ясные обертоны — не близко, не далеко...

— Ты находишь самые укромные уголки, чтобы спрятать свой огонь под...

Больше Дерек ничего не разобрал. Она опустилась среди гобеленов с каким-то человеком. Так она совсем не иска-

ла его! Его захлестнула волна облегчения и сожаления... а когда он прислушался снова, она произносила его имя.

Стыдясь самого себя, он подался вперед, чтобы подслушать — как волк, подбирающийся к костру. И сразу теплозрение открыло ему, с кем Ева разговаривает. Он узнал рисунок отростков-пантов: Беликс, а рядом на какой-то замысловатой постели раскинулась Джапки.

— ...попытки бесполезны. Дерек слишком замкнут в себе, — сказала Ева.

— Скорее замкнут в своих психологических установках, — сказал Беликс. — Мы обнаружили то же самое. Это психологические установки, моя дорогая.

— Какой бы ни была причина, я все еще достаточно восхищаюсь им, чтобы желать понять его. — Голос Евы звучал чуть напряженнее обычного.

— Смотри на это с точки зрения науки, — произнес Беликс весомо, как человек, высказывающий окончательную и очевидную истину. — Земля — последний оплот обанкротившейся культуры. Землян сейчас меньше пары миллионов. Они пренебрегают общественной жизнью, им служат партеногенетически* выведенные рабы, все созданные по одной и той же контролируемой генетической формуле. Все земляне состоят в кровном родстве. Поэтому они стали практически отдельным видом. Все это можно увидеть в нашем друге Энде. Как я уже сказал, он замкнут в своих психологических установках. Трагично, Ева, но ты должна смотреть правде в глаза.

— Наверное, ты прав, непогрешимый зануда-проповедник, — лениво протянула Джапки. — Кто, кроме землянина, сделал бы то, что Дерек совершил на Фести?

— Нет-нет! — воскликнула Ева. — Дереком правит женщина, а не психологические установки. Он...

— В случае Энде это одно и то же, дорогая, поверь мне. Подумай о социальной организации Земли. Рабы-партены заменили всех, кроме горстки истинных землян. Эта гор-

* Партеногенез — размножение без оплодотворения. — *Примеч. пер.*

стка разделила Землю на большие поместья, где правит пагубный матриархат.

— Да, я знаю, но Дерек...

— Дерек в тисках системы. Земляне впали в беспрецедентную модель спаривания. Сыновья женятся на матерях, не только чтобы сохранить свой род, но и потому, что способные к деторождению женщины на Земле сейчас редки и сама Земля дряхлеет. Такова семья Энде; таков и сам Дерек Энде. Эта «госпожа» ему и жена, и мать. А если учитывать еще и фактор долголетия... в общем, естественно, создается крепчайшая эмоциональная броня, которую почти невозможно взломать. Даже тебе, моя пушистая Ева!

— Сегодня вечером он едва не сломался!

— Сомневаюсь, — сказал Беликс. — Энде, возможно, и хочет вырваться из своего клаустрофобного дома, но те же силы, что тянут его прочь, в конечном счете затянут его обратно.

— Говорю тебе, он едва не сломался — только я сломалась первая.

— Ну, как говорил мне много веков назад Тиэ Рач, только тот, кто ненавидит наслаждения, сумеет и других заставить возненавидеть их. По-моему, тебе повезло, что он не сломался: ты бы просто осталась с ребенком на руках.

Ее смех прозвучал фальшиво.

— Значит, с ребенком, вероятно, останется Владычица Эндехаавена. Я больше пробовать не стану... хотя он, кажется, он такого давления долго не выдержит. Это же просто безнравственно! Он заслуживает лучшего!

— Ева, ты судишь о нравственности? — изумленно вскрикнула Джапки из благоухающей темноты.

— Прими мой совет, Ева: забудь бедолагу. Не говоря обо всем прочем, он едва умеет выражать свои мысли — и потому ты с ним больше сезона не выдержишь.

Невидимый слушатель не стерпел. На него накатил внезапный гнев — не только на них — за то, что говорили, но и на себя — за то, что слушал. Рассвирепев, Дерек дернул

ложе, на котором устроились Беликс и Джапки, собираясь вывалить их на пол.

Слишком поздно теплозрение предупредило его о том, что это за ложе. Оно не опрокинулось, а повернулось на шарнирах, окатив его волной жидкости. Двое неглаатов лежали в теплой ванне, благоухающей иланг-илангом.

Джапки взвизгнула от испуга и гнева. Брыкаясь, она попала Дереку копытом по подбородку; он поскользнулся на маслянистой жидкости и упал. Беликс, лишенный теплозрения, выскочил из ванны, споткнулся о ноги Дерека и тоже свалился.

Ева громко требовала зажечь свет. Прочие обитатели зала кричали, что темнота должна господствовать любой ценой.

Поднявшись — и потеряв только чувство собственного достоинства, — Дерек побежал к выходу, предоставив остальным разбираться самим.

Мокрый, горя стыдом и отвращением, он выбрался из Яркоока. Торопливые шаги Йона сопровождали его, как эхо, до самого взлетного поля.

Скоро он вернется в Эндехаавен. Пусть ему не везет в отношениях с другими людьми, там он по крайней мере знает каждый дюйм своего унылого надела.

Заключение

Даже будь Эндехаавен заколдован, там не могло бы быть тише, когда Господин Дерек Энде прибыл домой.

Я сообщил Владычице о мгновении, когда его светолет вышел на орбиту. В чаше рецептора я наблюдал, как они с Йоном возвращаются домой, пересекая в северо-западном направлении чахлые леса Европы, Данию, Шетландские и Фарерские острова и море, и приземляются на самом краю острова, у безмолвных вод фьорда.

И все это время ветра не было, словно на него наложили проклятие, и наши высокие деревья не шевелились.

— Где Госпожа, Холс? — спросил меня Дерек, когда я подошел приветствовать его и помочь снять скафандр.

— Она просила передать тебе, что не выходит из своих покоев и не может принять тебя, Господин.

Он посмотрел мне в глаза, что бывало так редко.

— Она больна?

— Нет.

Даже не сняв скафандр, он поспешил в дом.

Следующие два дня его почти не было видно: он предпочитал сидеть в своей комнате. Как-то я увидел, как он бродит возле экспериментальных резервуаров и клеток. Он поймал рыбу и подбросил ее в воздух, наблюдая, как она с усилием превращается в птицу и улетает, исчезая в кучевых облаках; но было очевидно, что загадки трансмутации видов под воздействием стресса интересуют его меньше, чем символизм полета карпа.

Обычно он сидел, разбирая катушки, на которых была записана история его жизни. Одна стена была целиком увешана полками с этими катушками — остановленными мгновениями прошлых веков. С более поздних катушек я тайком составил эту запись; несмотря на невысказанную жалость к себе, он никогда не был привержен болезненному самокопанию.

Нам, партенам, никогда не понять роскошь разделенного разума. Наверное, страдание, как и счастье, — почти искусство?

В день, когда он получил от Звезды-1 призыв отправиться в новый поход, Дерек встретил в Голубом коридоре Владычицу.

— Рад видеть, что ты снова выходишь, Госпожа, — сказал он, целуя ее в щеку.

Она погладила его по волосам. На тонкой руке блестело кольцо с янтарем.

— Я очень расстроилась, что ты ушел от меня. Земля умирает, Дерек, и я боюсь одиночества. Ты оставил меня слишком надолго. Но я поправилась и рада видеть, что ты вернулся.

— И я так рад видеть тебя. Улыбнись мне, и пойдем на свежий воздух. Сияет солнце.

— Его так давно не было. Помнишь, как ярко оно сияло когда-то? Я больше не вынесу ссор. Возьми меня за руку и будь ласков со мной.

— Госпожа, я только этого и желаю. И мне столько надо обсудить с тобой. Ты захочешь услышать о том, что я делал, и... — Рука Владычицы крепче стиснула его плечо.

— Ты больше не оставишь меня? — Она говорила очень громко.

— Об этом я тоже хотел бы поговорить — позже, — сказал он. — Сначала позволь мне рассказать тебе об удивительной форме жизни, с которой я вступил в контакт на Фести.

Они вышли из коридора и спустились в парагравитационную шахту.

— По-видимому, это вежливый способ сказать мне, как тебе надоело здесь, — устало произнесла Госпожа.

Они летели вниз. Дерек крепко сжал ее руки, потом отпустил их и взял в ладони ее лицо.

— Пойми же, Госпожа моя, я люблю тебя и хочу служить тебе. Ты у меня в крови; куда бы я ни отправился, я никогда не могу забыть тебя. Мое заветное желание — сделать тебя счастливой; ты должна это знать. Но, равным образом, ты должна знать, что у меня есть и свои потребности.

Она сердито отстранилась.

— О, я это прекрасно знаю. И знаю, что эти потребности всегда будут для тебя на первом месте. Что бы ты ни говорил или изображал, тебе наплевать на меня. Ты выразил это совершенно четко.

Она отстранилась от него, стряхнув его руку с плеча. Перед ним встало видение: он бежит вниз по золотой лестнице и протягивает эту же руку, пытаясь задержать другую девушку. Унижение повторять самого себя — из века в век.

— Ты лжешь! Ты притворяешься! Ты жестока! — крикнул он.

Она обернулась.

— Я? Тогда ответь мне: разве ты не собираешься уже скоро покинуть меня и Эндехаавен?

Он ударил себя по лбу.

— Послушай, — пробормотал он, — надо постараться прекратить эти взаимные упреки. Да, да, я действительно думаю... Но я должен... упрекнуть себя. Я мог бы быть добрее. Но ты заперлась, когда я вернулся, не встретила меня...

— В этом ты весь: ищешь оправдания, вместо того чтобы честно оценить свой характер, — бросила она презрительно и быстро пошла в сад. Янтарь, оливковое с темно-коричневым платье и смоляные волосы — четкий силуэт в зимнем воздухе; она шла по тропинке, и ему казалось, что она не уменьшается в перспективе.

Несколько минут Дерек стоял на пороге, парализованный противоречивыми эмоциями.

В конце концов он бросился в солнечный свет.

На своем любимом месте у фьорда она кормила из рук старого барсука. Только возросшее внимание к барсуку намекало, что она услышала его шаги.

— Если ты простишь избитую фразу, я приношу тебе свои извинения. — Его боскисы подергивались.

— Мне все равно, что ты делаешь.

Расхаживая у нее за спиной, он сказал:

— Перед отъездом я слышал один разговор. На Пирилине. Эти люди обсуждали нравы нашей матримониальной системы.

— Это их не касается.

— Возможно. Но их слова дали моим мыслям новое направление.

Она молча посадила старого барсука в клетку.

— Ты слушаешь, Госпожа?

— Продолжай.

— Постарайся выслушать благожелательно. Вспомни всю историю исследований галактики... или даже раньше... вспомни исследователей Земли в докосмическую эпоху вроде

Шеклтона* и других. Это были, конечно, храбрые люди, но не странно ли, что большинство их отправлялись на край света только потому, что не выдерживали семейных неурядиц?

Дерек умолк. Она обернулась; ее яростный взгляд стер с его лица улыбку.

— Хочешь сказать, что считаешь себя мучеником? Дерек, как же ты, наверное, ненавидишь меня! Ты не только уходишь; за свой уход ты тайно винишь меня. Не важно, что я тысячи раз говорила тебе, что хочу, чтобы ты остался, — нет, все это моя вина! Я гоню тебя прочь! Так вот что ты говоришь своим милым друзьям на Пирилине, верно? О, как же ты, наверное, ненавидишь меня!

Он грубо стиснул ее запястья. Владычица сопротивлялась и звала меня на помощь. Я подошел, но остановился, как обычно, изображая бессилие. Он ругал ее, орал, чтобы она заткнулась, а она кричала все громче, дрожа от ярости в его объятиях.

Дерек ударил ее по лицу.

Неожиданно она затихла. Ее глаза закрылись — казалось, почти в экстазе. Она вся словно открылась, предлагая себя.

— Ну, бей! Бей еще, тебе же этого хочется! — прошептала она.

Эти слова, эта поза привели его в себя. Словно постигнув впервые в жизни ее истинную природу, он опустил сжатые кулаки и отступил, уставившись на нее с открытым ртом. Его ноги не встретили опоры. Внезапно он изогнулся, вскинув руки словно для полета, — и упал с обрыва.

Вдогонку ему летел ее крик.

Едва ударившись о воду фьорда, его тело начало изменяться. Бурлящая пена указывала на какую-то борьбу под водой. Потом из воды показался тюлень, нырнул под следующую волну — и поплыл в открытое море, над которым уже крепчал ветер.

---

* Шеклтон, Эрнст Генри (1874—1922) — английский исследователь Антарктиды. — *Примеч. пер.*

Бим Пайпер

Об авторе*

Покойный Г. Бим Пайпер, бывший детектив Пенсильванской железной дороги, опубликовал свой первый рассказ в 1947 году в «Эстаундинг» и вскоре стал заметной фигурой быстро развивающейся НФ пятидесятых годов. В следующие годы он сделался одним из основных авторов «Эстаундинг». С этим журналом он был тесно связан, и там появилось большинство его лучших работ (таких как классический рассказ «Универсальный язык», но он публиковался и в других журналах того времени — «Amazing», «Future», «Weird Tales» и «Fantastic Universe». К концу пятидесятых, когда рынок романов НФ резко вырос, он писал в основном романы — как в развитие своих опубликованных рассказов, так и оригинальные.

Работы Пайпера написаны вполне в приключенческих традициях того времени, хотя более в традиции «Эстаундинг», где приключения всегда тесно переплетались с рассуждениями на общественно-политические темы, чем в традициях легковесных и головокружительных планетных авантюр «Planet Stories» или «Thrilling Wonder Stories»; и только одна или две из его последних книг ушли несколько в сторону от этого направления. Две его главные серии состояли из книг о «людях Терры» — в них описываются взлет и падение межзвездных империй, политические игры в сложном сценарии

* © Перевод. Левин М.Б., 2001.

будущего, напоминающие «Основание» Азимова, хотя интонация, пожалуй, ближе к тому, что мы бы сегодня назвали «либертарианскими» взглядами и философией; с большим, чем у Азимова, вниманием к политике, экономике и военным кампаниям. Их можно сравнить с написанными тогда же сериями Пола Андерсона из цикла «Техническая история» с наиболее красочными и непринужденными книгами о «Полиции паравремени». Обе серии были продолжены после смерти Пайпера другими писателями, хотя и без той убедительности, которой удавалось достичь основателю.

Почти все романы Пайпера о людях Терры, такие как «Викинг космоса», «Четырехдневная планета» и «Космический компьютер», — вполне профессиональные, но довольно рутинные космические оперы, как и первые два его романа, написанные совместно с Р. Мак-Гайром, — «Кризис 2140» и «Планета для техасцев» (впоследствии переизданный под названием «Планета одинокой звезды». Оставаясь формально в пределах серии «люди Терры», Пайпер отошел от жанра чистой космической оперы и открыл заманчивые новые земли своими двумя лучшими романами «Маленький пушистик» и «Пушистик разумный» (впоследствии переиздан в однотомном сборнике под названием «Документы пушистика», за которыми намного позже последовал надолго забытый и напечатанный посмертно третий роман той же серии, «Пушистики и другие». В нем действие разворачивается на фоне судебных баталий (и типичных для «Эстаундинг» закулисных политических интриг и грязных приемов). Целью судебных разбирательств является доказательство, что туземцы-пушистики, населяющие колонизированную терранами планету, разумны и заслуживают тех же прав, что и люди, в том числе защиту от эксплуатации и разрушения их природных обиталищ и образа жизни, которыми угрожает жадная добывающая компания. В 1962 году такие взгляды были весьма радикальными —

тогда научная фантастика была скорее на стороне кавалерии и героических белых поселенцев, а не затаившихся в засаде коварных индейцев; на стороне киплинговских колониальных администраторов, а не темных местных сипаев, которыми первые мудро правят. Сегодня это еще более актуально, и потому романы Пайпера о пушистиках сегодня оказываются неожиданно современны. (Если пушистики покажутся вам знакомыми с первого взгляда, то это, быть может, потому, что они почти наверняка послужили источником вдохновения — или хотя бы одним из источников — некоего знаменитого НФ блокбастера восьмидесятых, где есть маленькое, пушистое, симпатичное — но воинственное — племя. Однако, говоря о влиянии, не забудем, что это племя пришло в кино от Пайпера, а не к Пайперу из кино.)

Уже одни романы о пушистиках заставили бы меня задуматься, какие бы книги писал Пайпер в семидесятых и восьмидесятых годах, если бы дожил. К сожалению, этого не произошло. В 1964 году, задавленный долгами и мыслями, что его писательская карьера не удалась, Пайпер взял пистолет (он был страстным собирателем оружия) и застрелился — точно так, как Элис Шелдон под влиянием совсем других дьяволов через двадцать с лишним лет. Горькая последняя ирония заключалась в том, что в конце семидесятых и в начале восьмидесятых резко стал расти интерес к книгам Пайпера, все они были переизданы и имели больший успех у читателей, чем книги о пушистиках и вообще о людях Терры, написанные продолжателями. Но Пайпер был уже давно мертв и не мог обрадоваться возрождению из пепла своей карьеры, которую он посчитал законченной в шестьдесят четвертом.

Может быть, лучшая книга Пайпера — это «Маленький пушистик», но наиболее увлекательным и наиболее для меня любимым является роман в духе альтернатив-

ной истории «Властелин Калвин из иного Когда», связанный с предлагаемым рассказом «Бог пороха», плюс два сиквела, напечатанных на страницах «Эстаундинг» в шестьдесят пятом, уже после смерти Пайпера. И здесь снова Пайпер опередил время, опубликовав роман из альтернативной истории задолго до того, как этот жанр вошел в моду. Хотя это не был первый роман альтернативной истории (ему предшествовали, в частности, книги Спрэг де Кампа «Да не опустится тьма» и Уорда Мура «Принесите праздник»), он остается среди них одним из лучших и, как можно заметить, повлиял впоследствии на работу таких писателей, как Р. Гарсия-и-Робертсон и Г. Дэвид Нордли, а также на книги Гарри Тертлдава в жанре альтернативной истории. Я думаю, он вполне выдерживает сравнение с любым другим, напечатанным в современном мини-буме альтернативной истории, а если его переиздать, будет вполне популярен у современных читателей — издатели, внимание!

Предлагаемый рассказ «Бог пороха» — первая и вполне самостоятельная из историй о властелине Калвине. Его характеризует насыщенность сюжета и живость повествования; автор прекрасно знает историю и понимает возможные социальные последствия отдельных технологических прорывов, — а потому «Бог пороха» и сейчас кажется современным и актуальным.

При жизни Пайпера не вышел ни один сборник его рассказов, но в начале восьмидесятых появились сборники «Паравремя», «Основание», «Империя» и «Миры Г. Бима Пайпера». Среди его других работ — однотомник «Четырехдневная планета/Планета одинокой звезды» и детективный роман «Убийство в оружейной».

Бог пороха*

Торта Карф, начальник Полиции Паравремени, велел себе перестать дергаться. Осталось всего сто с чем-то дней до Дня Конца Года, и тогда, ровно в полночь, он встанет со своего кресла, уступив его Веркану Валлу, а потом можно будет предаться выращиванию винограда и лимонов и воевать с кроликами острова Сицилия, который принадлежит ему в одной из необитаемых линий времени Пятого Уровня. Интересно, когда Валлу надоест кресло начальника, как ему сейчас.

А Валлу оно уже заранее надоело. Он никогда не хотел быть начальником. Престиж, авторитет — все это для него мало значило, а свобода значила много. Но кто-то эту работу должен делать, и его обучали для этой работы, так что Валл ее на себя примет и будет делать, как подозревал Карф, лучше, чем он сам. За поддержание порядка в почти бесконечном числе разных миров, каждый из которых был одной и той же планетой, Землей, можно будет не волноваться, когда за это возьмется Валл.

Двенадцать тысяч лет назад, перед угрозой уничтожения истощенной планеты, раса Первого Уровня открыла существование второй, побочной размерности времени и способ физического путешествия между мирами альтернативной вероятности и собственным миром. И пошли незаметно транспортеры, доставляя несметные богатства на родную Линию Времени Первого Уровня — кусочек оттуда, кусочек отсюда, понемногу, чтобы не заметили.

И этим всем надо было управлять. Иногда паравременники позволяли себе злоупотребления по отношению к вневременникам — он бы ушел на покой пять лет назад, но была раскрыта массовая паратемпоральная работорговля, и только недавно удалось ее прихлопнуть. Чаще же случалось,

---

* H. Beam Piper. «Gunpowder God». © Ace Books, 1965.
© Перевод. Левин М.Б., 2001.

что из-за чьего-нибудь невезения или предательства оказывался под угрозой секрет Паравремени, и его раскрытие надо было предотвратить любой ценой. Не только средства паратемпорального перемещения — тут и вопросов нет, — но и само существование расы, которая ими владеет. Даже не говоря о других причинах — а их много, — было бы крайне безнравственно заставить вневременных людей жить, зная, что среди них есть чужаки, неотличимые от них самих, и они наблюдают за ними и используют их. Для того и существовала Полиция Паравремени.

Второй Уровень. Здесь цивилизация существовала почти так же долго, как и на Первом, но случались долгие интерлюдии Темных веков. Второй уровень был почти равен Первому, только в нем не знали паратемпорального перемещения. Цивилизация Третьего Уровня была более молодой, но все же вполне респектабельного возраста. Четвертый Уровень начал поздно и продвигался медленно; там некоторый гений открыл земледелие, когда на Третьем Уровне уже устарела паровая машина на угле. На Пятом Уровне — на некоторых временных линиях — человекообразные звери, не знающие ни речи, ни огня, кололи камнями орехи и собственные черепа; а почти на всех прочих линиях даже человекообразных не появилось.

Четвертый Уровень был велик. Остальные ответвлялись при маловероятных генетических изменениях; Четвертый имел максимальную вероятность. Он был разделен на множество секторов и подсекторов, в большинстве которых цивилизация впервые возникла в долинах Нила и междуречье Тигра и Евфрата, а впоследствии — на Инде и Янцзы. Евро-Американский сектор — оттуда можно вообще уйти, это уж пусть решает Веркан. Слишком много термоядерного оружия и национальных суверенитетов — это комбинация, чреватая катастрофой. Такое уже случилось на всем Третьем Уровне на памяти Основной Линии Времени. Александрийско-римский мир имел хороший стартовый задел в виде греческой фундаментальной науки и римской развитой инженерии, и тогда, тысячу лет назад, две полу-

забытые религии вытащили из старого чулана, и их поборники стали друг друга истреблять. Они и сейчас этим занимались, только уже с копьями и фитильными ружьями, не умея сделать ничего получше. Евро-Американский сектор тоже к этому придет, если не обуздать политических сектантов. В Китайско-Хиндском секторе была не цивилизация, а тяжелый случай культурного паралича. Индо-Туранский — точная копия Евро-Американского тысячу лет назад.

И еще Арийско-Восточный; миграция ариев три тысячи лет назад пошла на восток, а не на запад, как в большинстве секторов, и докатилась до Китая.

А вот Арийско-Тихоокеанский — этот был под наблюдением. Он отпочковался от Арийско-Восточного; завоеватели Японии проплыли на северо-восток вдоль Курильских и Алеутских островов и распространились по всей Северной Америке, привезя с собой лошадей, скот и умение обрабатывать железо, истребили индейцев и разделились на множество народов и культур. На побережье Тихого океана была цивилизация, а кочевники на равнинах пасли бизонов и скрещивали их с азиатским скотом. Еще одна цивилизация существовала в долине Миссисипи и другая — у Великих Озер. Совсем новая цивилизация возникла всего четыреста лет назад на Атлантическом побережье и в Аппалачах.

Уровень развития техники был как в средневековой Европе, в некоторых подсекторах — чуть повыше. Но цивилизации развивались. Карф полагал, что скоро события в Арийско-Тихоокеанском секторе созреют.

Ладно, это уже забота Веркана.

Она попыталась не слышать окружающих голосов и всмотрелась в карту между двумя свечами на столе. Тарр-Хостигос стоял над расщелиной, тоненькой блесткой золота на пергаменте, но она видела все это в уме — стены, внешний двор, цитадель и бастион с уставленной в небо сторожевой башней. Внизу поблескивала Дарро, устремляясь на север, чтобы влиться в Листру и вместе с ней — в широкий Атан к

северо-востоку. Город Хостигос, белые стены и черепичные крыши, забитые улицы, шахматная доска лесов и полей.

Один из голосов, громче и резче других, вернул ее к настоящему:

— Он ничего не собирается делать? Зачем вообще нужен Великий Царь, если не затем, чтобы хранить мир?

Она оглядела сидящих вокруг стола, одного за другим. Голос крестьян в конце стола, чувствующий себя неудобно в праздничной одежде и не в своей тарелке среди высших — голосов ремесленников и купцов, горожан, младших сыновей родов, ленников. Чартифон, начальник стражи, с белокурой бородой, где сверкали седые волоски, разделенной пополам, как крылья его позолоченного нагрудника, положивший перед собой на стол длинный меч. Старый Ксентос, сдвинувший назад клобук своего облачения, белоснежная голова, обеспокоенные синие глаза. И ее отец, князь Птосфес Хостигский, рядом с которым она сидела во главе стола, плотно поджавший губы между остроконечными усами и острой бородкой. Как давно она уже не видела улыбки на отцовских губах!

Ксентос жестом отрицания провел рукой перед лицом.

— Великий Царь, Каифранос, сказал, что долг каждого князя — оберегать свои владения, и отгонять разбойников от Хостигоса — дело князя Птосфеса.

— О великий Дралм, неужто ты ему не сказал, что они не просто бандиты? — бухнул новый голос. — Это же носторские солдаты, это же война! Гормот Носторский хочет захватить Хостигос, как захватил долину Семи Холмов его дед, когда предатель, имени которого мы не называем, продал ему Тарр-Домбру!

Это была часть карты, которой избегал ее взгляд. Котловина к востоку, где расселина Домбры делила горы пополам. И оттуда приходили разбойники Ностора.

— А можем ли мы надеяться на помощь Дома Стифона? — спросил ее отец. Он знал ответ, но хотел, чтобы они услышали его своими ушами.

— С ними говорил Чартифон, — ответил Ксентос. — У жрецов Стифона нет речей для жрецов других богов.

— Первосвященник не стал со мной говорить, — доложил Чартифон. — Это был один из высших жрецов. Он принял наши подношения и сказал, что будет молить Стифона за нас. Когда я попросил огненной пыли, он мне ее не дал.

— Совсем не дал? — вскрикнул кто-то. — Значит, нас отлучили!

Отец пристукнул по столу рукоятью жезла.

— Вы слышали худшее, — сказал он. — И что нам теперь делать? Говори первым, Фосг.

Представитель крестьян неуклюже поднялся, прокашлялся.

— Господин, моя хижина так же дорога мне, как этот замок тебе. Я буду сражаться за свое, как ты за свое.

Вдоль стола зазвучал легкий ропот одобрения. Остальные стали выступать по очереди, некоторые пытались произнести речь. Чартифон только и сказал:

— Сражаться. Что же еще?

— Сдаться силам зла — тягчайший из всех грехов, — произнес Ксентос. — Я — жрец Дралма, и Дралм — бог мира, но я скажу: биться, и благословение Дралма на нас.

— Рилла? — обратился к ней отец.

— Лучше умереть в доспехах, чем жить в цепях. Когда наступит время, я облачусь в доспехи вместе с вами.

Отец кивнул:

— Я не ожидал от вас другого. — Он встал, все встали вместе с ним. — Благодарю вас всех. На закате — совместная трапеза, а если проголодаетесь до этого, приказывайте слугам. Теперь, если не трудно, прошу оставить меня с моей дочерью. Ксентос и Чартифон, будьте добры задержаться.

Раздался скрип кресел, шарканье ног, бормотание голосов, и дверь закрылась. Чартифон стал набивать объемистую трубку.

— Сарраск Саккский нам, конечно, помогать не станет, — сказал отец.

— Сарраск Саккский — дурак, — коротко бросил Чартифон. — Должен бы понимать, что когда Гормот завоюет Хостигос, настанет его очередь.

— Он это знает, — спокойно ответил Ксентос. — И попытается ударить раньше Гормота. Но даже если бы хотел, он не стал бы нам помогать. Сам Царь Каифранос не решится подать помощь тем, кого решили уничтожить жрецы Стифона.

— Им нужна земля в Волчьей долине, под храмовую ферму, — медленно произнесла она. — Я знаю, что это плохо, но...

— Поздно, — ответил Ксентос. — Дом Стифона настроен нас извести под корень в назидание другим. — Он повернулся к князю. — Это по моему совету, господин, ты им отказал.

— Я бы им отказал и вопреки твоему совету. Я давно поклялся, что Дом Стифона не войдет в Хостигос, пока я жив, и, видит Дралм, так оно и будет! Они приходят в княжество, строят храм, при храме — ферму, а крестьян обращают в рабство. С князя они берут налоги и заставляют его брать налоги с народа, пока не высосут досуха. Посмотрите на эту храмовую ферму в долине Семи Холмов.

— Да, в это трудно поверить, — сказал Чартифон. — Они заставляют крестьян телегами свозить к себе навоз, так что тем не хватает на собственные поля. Дралм один знает, что они с ним делают. — Капитан пустил клуб дыма. — Интересно, зачем им Волчья долина?

— Там есть что-то такое, что придает водам ключей мерзкий вкус и запах, — заметила Рилла.

— Сера, — подтвердил Ксентос. — Но зачем им сера?

Капрал Кэлвин Моррисон, полиция штата Пенсильвания, затаился в кустах на краю старого поля и смотрел из-за ручья на стоящее в двухстах ярдах облезлое желтое здание фермы с ободранной крышей веранды. Стайка белых ку-

риц безразлично копалась в дворовой грязи, и других признаков жизни не было, но Моррисон знал, что внутри сидит человек. Человек с винтовкой, которую готов пустить в ход; он уже убил однажды, сбежал из тюрьмы и не задумается убить снова.

Моррисон посмотрел на часы: минутная стрелка стояла точно на девяти. Джек Френч и Стив Ковач начнут с дороги, где оставили машину. Он приподнялся, расстегивая кобуру.

— Выхожу. Следи за средним окном сверху.

— Слежу, — заверил голос сзади. Щелкнул затвор винтовки, досылая патрон в зарядную камеру. — Удачи.

Моррисон бросился бежать по заросшему бурьяном полю. Он боялся, как боялся в самый первый раз, в пятьдесят втором, в Корее, но с этим уже ничего не поделаешь. Он просто велел ногам двигаться, зная, что через несколько мгновений бояться будет уже некогда. Моррисон почти уже добрался до ручейка и поднес руку к рукояти кольта, когда это случилось.

Полыхнула ослепительная вспышка, потом на миг упала тьма. Он подумал, что в него попали, и чисто рефлекторно револьвер оказался у него в руке. И тут вокруг засияла многоцветная радуга, четкой полусферой тридцать футов в диаметре и пятнадцать в высоту, а перед ним оказался овальный письменный стол или комод, на нем — приборная панель, а за ним — вращающееся кресло, с которого вставал, поворачиваясь, какой-то человек. Молодой, хорошо сложенный, в свободных зеленых штанах, черных ботинках до щиколоток и бледно-зеленой рубашке. Под левой рукой у него висела наплечная кобура, а в руке было оружие.

Моррисон не сомневался, что это оружие, хотя с виду оно было больше похоже на электропаяльник с двумя тонкими металлическими стержнями там, где полагалось быть стволу. Спереди стержни соединялись синей керамической нашлепкой. По сравнению с этим оружием его табельный пистолет был почти наверняка детской пистонной пукалкой, и оно очень быстро наводилось на цель.

Моррисон выстрелил, придержал курок, чтобы боек остался на стреляной гильзе, и бросился на пол; услышал, как что-то с грохотом упало, приземлился на левую руку и левое бедро, перекатился, переливчатый купол вокруг исчез, и Моррисон обо что-то стукнулся. Секунду он пролежал неподвижно, потом встал, отпустив курок кольта.

Влетел он в дерево. Этого не могло быть, потому что здесь не должно было быть деревьев, только кустарник. А это дерево... нет, все деревья вокруг были мощными колоннами, придерживающими зеленую крышу, через которую пробивались лишь редкие блики солнца. Эти деревья наверняка росли здесь еще тогда, когда Колумб уговаривал Изабеллу заложить свои драгоценности. Если подумать, то такие рощи он видел в лесу Алана Сигера. Может быть, туда он сейчас и попал.

И подумал, как будет это объяснять.

— При попытке подхода к дому, — начал он официальным тоном, — я был перехвачен летающим блюдцем, пилот которого угрожал мне лучевым пистолетом. Я в целях самозащиты применил оружие и произвел один выстрел...

Нет. Так не пойдет.

Он вытолкнул барабан кольта, выбросил стреляную гильзу и вставил новый патрон. Потом огляделся и направился, перепрыгнув по дороге ручей, туда, где должна была находиться ферма.

Веркан Валл видел, как замигал ландшафт за пределами почти невидимого мерцания поля перемещения. Горы остались на месте, но какие деревья где растут — это при перемещении от одной линии времени к другой было во многом делом случайным. Иногда мелькали открытые поля, здания и сооружения — базы Пятого Уровня, созданные его подчиненными. Красный свет наверху подмигивал, и каждый раз, когда он гас, гудел зуммер. Купол транспортера превратился в непроницаемую радугу, потом стал холодной неподвижной металлической сеткой. Красный свет зажегся и уже не гас. Валл взял со стола сигма-лучевой пистолет

и сунул в кобуру, когда дверь скользнула в сторону и заглянул лейтенант Полиции Паравремени.

— Здравствуйте, помощник командующего. Что-нибудь не так?

Теоретически рассуждая, Галдроно-Хесторово поле перемещения не допускает проникновения снаружи, но практически, особенно когда два транспортера, идущие в противоположных паратемпоральных направлениях, проникают одновременно, поле слабеет, и туда могут вторгнуться различные предметы — иногда живые и враждебные. Вот почему полицейские Паравремени держат оружие под рукой, а транспортеры в нештатной ситуации срочно проверяются; и вот почему некоторые паравременники иногда не возвращаются домой.

— На этот раз все нормально. Готова моя ракета?

— Да, сэр. Небольшая задержка аэрокара в ракетопорт. — Лейтенант шагнул в комнату в сопровождении патрульного, который стал вытаскивать из ящика магнитную ленту и фотопленку. — Как только он появится, вам тут же доложат.

Валл с лейтенантом неспешно вышли в игру звуков и цветов ротонды транспортера. Валл взял себе сигарету и предложил лейтенанту, лейтенант щелкнул зажигалкой. Они сделали только пару затяжек, как рядом в пустом пространстве материализовался другой транспортер. Дверь открылась, два паракопа медленно подошли, держа излучатели наготове. Один заглянул в дверь, тут же сунул оружие в кобуру и схватил с пояса радиотелефон. Второй осторожно вошел внутрь. Валл, отбросив сигарету, решительным шагом двинулся к прибывшему транспорту. Лейтенант за ним.

Кресло было перевернуто, на полу лежал паракоп без гимнастерки и с расстегнутым воротом, вытянутая рука не доставала до излучателя. Бледно-зеленая рубашка потемнела от крови. Лейтенант, не дотрагиваясь, внимательно его осмотрел.

— Жив еще, — сказал он. — Пуля или меч?

— Пуля, слышен запах кордита. — Тут Валл заметил лежащую на полу шляпу и обошел раненого вокруг. Уже входили два санитара с антигравитационными носилками, они с патрульными погрузили раненого. — Вот сюда посмотрите, лейтенант.

Лейтенант поглядел на шляпу. Это был серый фетр, с широкими полями, на верхушке четыре зазубрины.

— Четвертый Уровень, — сказал Валл. — Евро-Американский сектор.

Он поднял шляпу и заглянул внутрь. На ленте было золотыми буквами написано: «КОМПАНИЯ ДЖОН Б. СТЕТСОН. ФИЛАДЕЛЬФИЯ, ШТАТ ПЕНСИЛЬВАНИЯ». И чернилами от руки: «Капрал Кэлвин Моррисон, Пенн., полиция штата». И какой-то номер.

— Знаю я этих ребят, — сказал лейтенант. — Отличные парни, ничуть не хуже наших.

— Один из них оказался на долю секунды лучше одного из наших. — Валл достал портсигар. — Лейтенант, это дело может обернуться очень плохо. Пропавшего хватятся, и люди, которые его хватятся, служат в полиции, входящей в мировую десятку лучших в своей линии времени. Тут не пройдут объяснения для слабоумных, которые обычно сходят в Евро-Американском секторе. Этим людям нужны факты и вещественные доказательства. И нам придется найти, где он вышел из транспортера. Человек, который умеет вытащить оружие быстрее паракопа, не пропадет бесследно ни в какой линии времени. Он там поднимет волну, которую нам придется успокаивать.

— Надеюсь только, он не вылезет в ближайшей линии времени и не явится в дубликат собственного участка, где как раз дежурит его дубликат с одинаковым пальцевым узором, — предположил лейтенант. — Вот тут бы и пошла волна.

— И в самом деле. — Валл подошел к ящику и вытащил регистрирующую ленту и фотопленку. — Ракету пока придержите, она мне потом понадобится. А этой историей я сам займусь. Беру под личный контроль.

* * *

Кэлвин Моррисон сидел на краю низкого обрыва, болтая сапогами, и жалел, что потерял шляпу. Где он находится, он знал точно: на обрывчике над дорогой, где они оставили машину, но под этим обрывом сейчас дороги не было, и никогда раньше не было. Здоровенный гемлок четырех футов у основания рос там, где должен был стоять фермерский дом, и не было ни следа каменного фундамента или сарая. Но приметы по-настоящему неизменные, вроде Болд-Иглз на севере или горы Ниттани на юге, были точно там, где должны были быть.

Вспышку и затемнение можно счесть субъективными и отнести в графу недоказанного. Он был уверен, что причудливой красоты мерцающий купол был на самом деле, как и овальный стол с приборной панелью и человек со странным оружием. И уж точно ничего субъективного не было в этом девственном лесу, где должны были быть поля фермы.

Ни на минуту Моррисон не усомнился в собственных ощущениях или в здравом рассудке; также не позволил он себе ругательств вроде «невероятно» или «невозможно». Необычайно — да, это точное слово. Он был вполне уверен, что с ним случилось нечто необычайное. Это необычайное делилось на две части. Первое: купол жемчужного света и то, что случилось внутри, и Второе: возникновение его в этом том же самом, но совершенно другом месте.

И в том, и в другом присутствовало нечто неправильное — анахронизм, и эти анахронизмы друг другу противоречили. Ничто из Первого не могло иметь места в 1964 году, а также, как подозревал Моррисон, еще несколько ближайших столетий. Ничто из Второго не могло иметь места в 1964 году, а также еще несколько предыдущих столетий. Трубка погасла, и какое-то время Моррисон забыл, что ее надо разжечь, вертя оба эти факта так и сяк. Потом он достал зажигалку, щелкнул колесиком, сунул зажигалку в карман, а карман застегнул.

Несмотря на то — нет, благодаря тому, что по настоянию отца он учился на пресвитерианского священника, Моррисон был агностиком. Агностицизм для него означал отказ воспринимать или отвергать что бы то ни было без доказательств. Кстати, неплохая философия для копа. Итак, он не собирался отвергать возможность машины времени, особенно когда его зашанхаили из своего времени в какое-то еще с помощью такой штуки. Где бы он ни был, а это не было двадцатое столетие, и вряд ли он в него когда-нибудь вернется. Это он принял сразу и окончательно.

Слезши с обрыва, он подошел к ручейку и пошел вниз по течению до слияния с потоком побольше — как он и знал, оно было недалеко. Сороки поднимали шум при его приближении. Дорогу перебежали два оленя. Небольшой черный медведь подозрительно посмотрел в его сторону и заспешил прочь. Если еще удастся найти индейцев, которые не будут швыряться томагавками до вопросов...

К броду у ручья спускалась дорога. На миг, и он это признал, у него захватило дыхание. Настоящая дорога, с колеями! И на ней — конские яблоки; самая красивая вещь, которую увидел он с момента попадания в это «здесь и сейчас». Это значит, что он все же не опередил Колумба. Будет, конечно, трудно представиться, но хотя бы можно будет сделать это по-английски. Может, он даже еще успеет поучаствовать в Гражданской войне. Перебредя ручей, Моррисон пошел по дороге на запад, туда, где должен был располагаться Беллефонте.

Солнце перед ним клонилось к закату. Массивные гемлоки здесь уже были вырублены, и на их месте росла вполне приемлемая вторичная флора, в основном темнохвойная. Наконец, уже в сумерках, Моррисон услышал рядом с дорогой запах вспаханной земли. Огонек впереди он увидел уже в полной темноте.

Дом был видел неясным силуэтом, а свет выходил из узкого горизонтального окошка под крышей. За домом мож-

но было разглядеть конюшни и, если доверять обонянию, свинарники. На дорогу выбежали, заливаясь лаем, два пса.

— Эй, есть кто живой? — крикнул Моррисон.

Из открытых окон послышались голоса: мужской, женский, еще один мужской. Он снова позвал, заскрипел засов, и дверь распахнулась. Крупная женщина в темном платье посторонилась, приглашая его войти.

Это была одна большая комната, освещенная одной свечой на столе, другой на каминной полке и огнем из очага. У одной стены — двухъярусные кровати, посреди — заставленный едой стол. В комнате были трое мужчин и еще одна женщина, кроме той, что его впустила, и из-за двери, которая вела вроде бы в пристроенный сарайчик, выглядывали детские глаза. Один из мужчин, светлобородый, крупный, стоял спиной к огню и держал в руках что-то вроде короткого ружья. Но это было не ружье — арбалет с наложенной стрелой, натянутый.

Остальные двое мужчин были моложе — может быть, сыновья арбалетчика, у них тоже были бороды, хотя у одного — только пушок. На каждом была кожаная безрукавка и кожаные чулки. У одного из молодых людей была алебарда, у второго — топор. Старшая женщина что-то шепнула молодой, и та ушла за дверь, прогнав туда детей.

Моррисон миролюбивым жестом протянул руки.

— Я — друг, — сказал он. — Я иду в Беллефонте, это далеко?

Мужчина с арбалетом что-то сказал, молодой с алебардой что-то добавил. Женщина ответила, молодой с топором что-то сказал, и все засмеялись.

— Меня зовут Кэлвин Моррисон. Капрал полиции штата Пенсильвания. — Ага, этим не отличить полицию штата от швейцарских гвардейцев. — Это дорога в Беллефонте?

Еще какой-то обмен словами. Это не был голландский, на котором говорят в Пенсильвании, Моррисон был в этом уверен. Польский, может быть? Нет, он его достаточно слышал, чтобы узнать, если не понимать. Он огляделся, пока они спорили, и увидел в дальнем углу слева от очага

три иконы на полке. Моррисон хотел подойти посмотреть. Иконы есть у римских католиков и у греко-католиков, и он знал разницу.

Человек с арбалетом опустил оружие, но не разрядил его, и заговорил медленно и отчетливо. Этого языка Моррисон в жизни не слышал ни разу. Он так же отчетливо ответил по-английски. Остальные переглянулись, озадаченно разводя руками. Потом его знаками пригласили сесть и поесть и впустили детей — всех шестерых.

К столу подали жареную ветчину, картошку и кукурузу. Столовыми приборами служили ножи и несколько двузубых вилок; мужчины пользовались кинжалами, висящими на поясе. Моррисон вытащил пружинный нож, отобранный при одном аресте. Нож произвел фурор, и пришлось несколько раз показать действие пружины. Еще подали ягодное вино, крепкое, но не особенно изысканное. После еды женщин оставили убирать со стола, а мужчины набили себе трубки табаком из кувшина на полке, предложив и Кэлвину. Моррисон набил трубку и зажег, как и все остальные, горящей головней из очага. Шагнув назад, он смог рассмотреть иконы.

Центральной фигурой был старик в белой мантии с синей восьмиконечной звездой на груди. С одной стороны от него находилась сидящая женщина с преувеличенными признаками беременности, коронованная венцом из колосьев и с кукурузным початком в руке, с другой стороны — мужественная фигура в кольчуге и с шипастой палицей. Единственное, что в нем было необычного, — голова у него была волчья. Бог-отец, богиня плодородия, бог войны — нет, эти ребята не католики. Ни греко-, ни римо-, ни как-нибудь еще. Моррисон склонил голову перед центральной фигурой, коснувшись лба, и повторил этот жест перед двумя другими. За спиной раздался одобрительный шепот: все увидели, что он не язычник какой-нибудь. Кэлвин сел на стул у стены.

Дверь не стали снова запирать на засов. После еды детей загнали обратно в пристройку. Никто не разговаривал, все прислушивались. Он вспомнил, что за столом осталось пустое место. Одного из молодых послали с сообщением. Докурив трубку, Моррисон сунул ее в карман и как бы невзначай расстегнул кобуру. Прошло около получаса, когда послышался стук копыт по дороге. Он притворился, что не слышит, и остальные поступили так же. Старик передвинулся поближе к своему арбалету, старший поднял алебарду и взял тряпку, будто полируя рукоять. Стук копыт замер снаружи, зазвякали доспехи. Собаки яростно залаяли. Моррисон достал револьвер и взвел курок.

Молодой подошел к двери, но не успел ее коснуться, как она распахнулась, отбросив его назад, и ворвался человек — борода под высоким шлемом, стальной нагрудник, черный с оранжевым шарф, — размахивая длинным мечом. Все, кто были в комнате, закричали в тревоге — это было не то, чего они ждали. Совсем не то. Из-за спины первого ворвавшегося напирал второй, и высунулось дуло короткого мушкета. Снаружи бухнул выстрел, и раздался собачий визг.

Подняв револьвер на уровень груди, Моррисон выстрелил в меченосца. Доведя наполовину взведенный после выстрела курок, он застрелил того, у которого был мушкет. Оружие пальнуло в потолок. Стоявший за меченосцем получил арбалетную стрелу в лоб и свалился на первых двух, уронив пистолет, из которого так и не выстрелил.

Перебросив кольт в левую руку, Моррисон схватил меч, оброненный первым вошедшим. Он был легче, чем казался с виду, и отлично сбалансирован. Перепрыгнув через трупы в двери, Моррисон оказался лицом к лицу с еще одним меченосцем. Несколько секунд они наносили удары и отбивали их, потом Моррисон вогнал острие в незащищенное лицо противника и выдернул клинок. Противник рухнул. Мальчик, сбитый в начале схватки с ног, подобрал пистолет и выстрелил, попав в человека, который держал на дороге лошадей. Старший сын выскочил с алебардой и тоже кого-то зарубил. Отец поднял с пола мушкет и загонял в него заряд.

Вогнав меч в землю, Моррисон сунул кольт в кобуру. Мимо пролетала лошадь без всадника; он схватил ее за поводья, остановил и вспрыгнул в седло. Нагнувшись, он подобрал меч, от души благодаря полицию штата, которая даже в моторизованный век обучала своих сотрудников умению ездить верхом. Схватка закончилась — здесь по крайней мере. Шестеро нападавших лежали на земле, очевидно убитые. Еще двое галопом мчались прочь. Вокруг носились пять вырвавшихся лошадей, и двое сыновей старика стали их ловить. Сам старик, подсыпая порох на полку мушкета, вышел из дому и огляделся.

Но это была только стычка местного значения. Основные события разворачивались в полумиле отсюда по дороге, откуда слышались выстрелы, вопли и стоны, и вдруг в ночь полыхнуло оранжевое пламя. Моррисон как раз думал, во что же он влетел, когда на дороге показались беженцы. Нетрудно было понять, что это именно беженцы; он достаточно повидал их в Корее. Рядом с первым пожаром вспыхнул еще один.

Кое у кого из беженцев было оружие: копья и секиры, несколько луков, мелькнул один большой мушкет. Бородатый хозяин что-то им крикнул, и толпа остановилась.

— Что там происходит? — требовательно и громко спросил Моррисон.

Ему ответил беспорядочный гул голосов. Кто-то попытался проскользнуть мимо него; он остановил их ударом плашмя, энергично выругав. Его слова были им непонятны, но тон не оставлял сомнений. В Корее это тоже помогало. Все остановились, сбившись в кучу, некоторые издали возгласы одобрения. Много женщин и детей, мужчины тоже не все вооружены. Примерно двадцать активных бойцов. С тел на дороге быстро сняли оружие; краем глаза Моррисон видел, как хозяйки что-то выносят из дому. Пять лошадей без всадников удалось поймать, на них уже сидели люди. Подходили новые беженцы и, увидев происходящее, присоединялись.

— Вот так! — рявкнул Моррисон. — Вы что, вечно жить собрались? — Он взмахнул мечом, обведя всех собравшихся, и ткнул им вдоль дороги. — А ну, вперед!

Общий одобрительный вой. Моррисон тронул коня, и толпа полилась за ним, оглашая воздух криком. Встречные беженцы, видя эту импровизированную контратаку — если это слово сюда подходит, — поворачивали назад. Свет пожара стал ярче, наверное, горело уже с полдюжины домов, но стрельба прекратилась. Очевидно, уже не в кого стрелять, решил Моррисон.

И тут, на полпути к горящей деревне, раздался залп сорока или пятидесяти выстрелов за время меньше десяти секунд, и снова вопли — в основном панические. Еще выстрелы, и на дорогу вылетели всадники в беспорядочном бегстве. По ним стали стрелять все, у кого были ружья или луки. Упала лошадь, у другой опустело седло. Если вспомнить, сколько выстрелов требовалось на одного убитого в Корее, результат неплохой. Моррисон привстал на стременах, которые были для него на дюйм коротковаты, и заорал: «В атаку, ур-ра!» — как Тедди в «Мышьяке и старом кружеве».

Скакавший навстречу человек нацелил рубящий удар ему в голову. Он отпарировал и нанес колющий удар, скользнувший по нагруднику, и противник не успел натянуть поводья, как лошадь вынесла его под удары копий и вил позади. Моррисон уже обменивался ударами с другим всадником, успев подумать, почему никто из этих дебилов не слышал, что у меча есть не только лезвие, но и острие. К этому моменту дорога на сто ярдов и открытое поле слева превратились в водоворот лошадей и людей, рубящих и стреляющих друг друга.

Моррисон всадил острие меча под мышку противника, меч чуть не вывернуло из руки, и тут он увидел летящего на него всадника, без брони, в широкополой шляпе и плаще, и пистолет был длиной почти с державшую его руку. Моррисон бросил коня вперед, замахиваясь для удара по оружию, и уже знал, что не успевает. *Что ж, Кэл, везение кончилось.* На полке пистолета полыхнул огонь, дуло из-

рыгнуло пламя, и что-то ударило Моррисона кувалдой в грудь.

Он еще успел до того, как потерять сознание, сбросить с ног стремена. И в этот последний момент он понял, что стрелявший всадник — это была девчонка.

Веркан Валл положил зажигалку на стол и вытащил изо рта сигарету. Торта Карф откинулся в кресле, в которое слишком скоро предстояло сесть Валлу.

— Но нам с самого начала повезло в одном. В эту линию времени мы уже проникали. Один из наших людей в редакции одной филадельфийской газеты — в ближайшем большом городе — сообщил об исчезновении. В прессу это тоже попало — здесь мы ничего не можем сделать.

— Ладно, так что конкретно произошло в исходной линии времени?

— Этот капрал Моррисон и еще трое из полиции штата приближались к дому, где прятался разыскиваемый преступник. Моррисон и его напарник шли спереди, остальные двое заходили сзади. Моррисон пошел вперед, напарник прикрывал его с винтовкой. Он и оказался ближайшим свидетелем, хотя в основном наблюдал за домом, а на Моррисона почти не смотрел. Он слышал, как двое других полицейских ломятся в заднюю дверь и требуют сдаваться, и тут преступник, которого они искали, выбежал из передней двери с винтовкой в руках. Напарник Моррисона крикнул ему стоять, тот поднял винтовку, и полицейский выстрелил первым, убив его на месте.

По его словам, только здесь он обратил внимание, что Моррисона нигде не видно. Он позвал его, но ответа не получил. Поскольку человек, за которым они приехали, был мертв и никуда не убежал бы, они стали все втроем искать Моррисона и затратили на это полчаса. Потом они повезли тело в центр округа и там выполнили множество формальностей, так что к себе на подстанцию попали только к вечеру. В это время там оказался репортер местной газеты. Он узнал всю историю, включая пропажу Моррисона,

передал ее по телефону в редакцию, а оттуда ее уже получили информационные агентства. В настоящий момент полиция штата отказывается обсуждать исчезновение и даже пытается его отрицать.

— Они считают, что их сотрудник сдрейфил, сбежал, а теперь от стыда боится показаться, — сказал Торта Карф. — Естественно, полиция не хочет, чтобы такая вещь просочилась. Вы как-то будете использовать эту версию?

Валл кивнул:

— Шляпа, которую он потерял в транспортере. Ее положат в миле от места происшествия, у ручья. Потом один из наших людей поймает местного жителя, лучше всего мальчишку, и под гипнозом заставит его найти шляпу и отнести в полицию штата. Газетчик, сделавший первый репортаж, будет извещен анонимным телефонным звонком. А потом будут распущены обычные слухи, что Моррисона видели в самых разных местах.

— А родственники?

— Здесь нам тоже повезло. Холост, родители умерли, с немногочисленными дальними родственниками контакта нет.

— Это хорошо. А что вы знаете насчет места выхода?

— Знаем приблизительно, что это Арийско-Тихоокеанский район. Даже сектора мы наверняка не знаем, поскольку ослабление поля перехода наблюдалось на нескольких тысячах паралет, и трудно определить точку, где он вывалился из транспортера. Есть одна вещь, которую точно следует там искать.

— Стреляная гильза, — кивнул начальник.

— Да. Он стрелял из револьвера, где нет автоматической эжекции. Как только он оказался снаружи, вне непосредственной угрозы, наверняка открыл барабан, выбросил стреляную гильзу и вставил новый патрон. В этом я уверен так, будто видел своими глазами. Может быть, мы ее не найдем, но если найдем, это будет верный знак.

Он проснулся в кровати под мягким одеялом и несколько секунд еще лежал с закрытыми глазами. Рядом слыша-

лось металлическое щелканье, вдали — звон молота по наковальне, и еще — кто-то кричал. Моррисон открыл глаза. Он лежал в просторной комнате, с деревянными панелями по стенам и расписным потолком, с одной стороны два окна, оба открыты, и в каждом видно только синее небо. Под одним сидела крепко сбитая седая женщина и вязала. Ботинки Моррисона стояли рядом с комодом у дальней стены, а на комоде лежала сложенной его одежда и револьвер. Рядом с ботинками к стене был прислонен длинный меч с широкой гардой и бронзовым наконечником рукоятки. Все тело болело и саднило, а верхняя половина туловища была замотана бинтами.

Когда он зашевелился, женщина быстро подняла глаза, отложила вязанье, встала, подошла к столу и налила Моррисону воды. Кувшин и чаша были серебряные, с тонкой затейливой резьбой. Он принял чашу, выпил воду и отдал чашу, поблагодарив. Женщина поставила чашу на стол и вышла.

Он не пленник — об этом свидетельствуют меч и револьвер. Толпа, налетевшая врасплох на разбойников в деревне. Ему во всем этом деле сильно повезло. Моррисон провел рукой по подбородку и оценил щетину как трехдневную. Ногти тоже отросли достаточно, чтобы это подтвердить. В груди дырка, наверное, сломано ребро.

Женщина вернулась в сопровождении мужчины, одетого в синюю мантию с капюшоном и восьмиконечной звездой на груди. Цвета, обратные тем, что были на иконе в доме крестьянина; жрец, заодно и врач. Человек положил Моррисону руку на лоб, пощупал пульс и заговорил жизнерадостно и оптимистично. Кажется, манеры у врачей являются общемировой константой. Вместе с женщиной он переменил повязку и смазал рану мазью. Женщина унесла грязные бинты и вернулась с дымящейся миской. Бульон из индейки с мелко накрошенным мясом. Когда Моррисон доел, вошли еще двое посетителей.

Один был одет как врач, только с откинутым назад капюшоном. У него были седые волосы и открытое, прият-

ное лицо. С ним была девушка, светловолосая, постриженная, как говорили в двадцатом столетии, «под мальчика». У нее были синие глаза и красные губы, а также нахальный курносый носик, усыпанный золотистыми веснушками. На ней была безрукавка из чего-то вроде коричневой замши, сшитая золотой нитью, желтая рубашка с длинными рукавами и высоким воротником, вязаные чулки и сапоги до бедер. Вокруг шеи была золотая цепь, а на поясе — кинжал с золоченой рукоятью. Увидев ее, Моррисон стал смеяться — они уже встречались.

— Ты меня застрелила! — обвинил он ее, навел воображаемый пистолет, сказал «бух!» и показал себе на грудь.

Она что-то сказала старшему жрецу, тот ответил, и она обратилась к Моррисону, изображая пантомимой стыд и скорбь: закрыла лицо рукой и подмигнула из-под этой руки Моррисону. Когда он рассмеялся, она рассмеялась вместе с ним. Двое жрецов пустились в длинный разговор, и молодой принес Моррисону четыре унции чего-то в высоком стакане. Вкус был алкоголя и какой-то лекарственной горечи. Ему знаками показали, что надо спать, и вышли, оставив его с седой женщиной, которая вернулась к вязанью. Моррисон задремал.

Он проснулся вечером. Снаружи кто-то занимался муштрой. Ноги отбивали шаги, голоса выкрикивали команды: долгие, растянутые подготовительные, потом резкие исполнительные; лязгало снаряжение. Еще одна общемировая константа. Он улыбнулся: в этом «здесь-и-сейчас» ему нетрудно будет найти работу.

Это не прошлое. В колонии Пенсильвания никогда ничего подобного не было. Больше похоже на Европу шестнадцатого столетия, но нет: попадись в те времена кавалерист, настолько не умеющий работать мечом, он бы и первой пары казенных сапог не успел сносить. А два года в колледже и множество прочитанных книг дали Моррисону знания о богах в его истории, хоть и поверхностные. Там не было ни одного, включая египетских и шумерских, хоть сколько-нибудь похожих на иконы в крестьянском доме.

Значит, это будущее. Далекое будущее, может быть, через тысячу лет после 1964 года от Рождества Христова. Мир, опустошенный атомными войнами, отброшенный в каменный век и потом развившийся до чего-то вроде Средневековья. Но это, впрочем, не важно. Сюда он заброшен, и здесь он застрял.

Так воспользуйся тем, что есть, Кэл. Ты — солдат, и ты снова на службе.

Он опять погрузился в сон.

На следующее утро, после завтрака, он знаками попросил приглядывающую за ним женщину принести его гимнастерку и достал из карманов трубку, табак и зажигалку. Она принесла ему табуретку и поставила возле кровати, чтобы было куда сложить вещи. Нагрудная табличка была искорежена и покрыта потеками свинца — вот почему он остался жив.

Через час пришли старый жрец и девушка. На этот раз на ней было серое с красным вязаное платье, которое вполне могло бы красоваться в витрине у Берфорда Гудмена с ярлычком двухсотдолларовой цены, но висящий на поясе кинжал не слишком соответствовал Пятой авеню. Они поздоровались, подсели к его кровати и занялись делом.

Сначала его научили словам, означающим «ты» и «я», «он» и «она», и назвали свои имена. Девушку звали Рилла, старика — Ксентос. Младшего жреца, пришедшего осмотреть пациента, звали Митрон. Имя «Кэлвин Моррисон» их озадачило — очевидно, в этом «здесь-и-сейчас» не было фамилий. Договорились на том, что его будут звать «Калван». У пришедших были с собой белые доски и угольные палочки, чтобы рисовать картинки. Рилла курила трубку с небольшой каменной чашечкой и тростниковым мундштуком — трубка висела на поясе рядом с кинжалом. Девушку заинтересовала зажигалка, и она показала ему свою. Это было огниво, где кремень прижимался к полукруглому кресалу пружинкой. Другая пружинка возвращала кресало на место после удара, как в ружейном замке. К полудню они

уже смогли ему объяснить, что он — их друг, а он смог сказать Рилле, что не винит ее за то, что выстрелила в него в неразберихе на дороге.

После полудня они вернулись, приведя с собой джентльмена с седыми усами и эспаньолкой, одетого в убор, похожий на купальный халат с меховым воротником, перехваченный перевязью с мечом. У джентльмена на шее была большая золотая цепь. Его звали Птосфес, и после долгой пантомимы и многочисленных рисунков выяснилось, что он отец Риллы и князь в этом дворце, который называется Хостигос. Мать Риллы умерла. Налетчики, с которыми он бился, пришли из области, называемой Нестор, к северо-востоку, где правит князь Гормот. Этот Гормот не пользовался в Хостигосе популярностью.

На следующий день Моррисон уже сидел в кресле, и ему дали твердую пищу и вино. Вино было великолепно, как и табак, который ему тоже дали. Моррисон решил, что это «здесь-и-сейчас» ему, пожалуй, нравится. Рилла заходила не реже двух раз в день, иногда одна, иногда с Ксентосом, а иногда ее сопровождал крупный мужчина с седой бородой, Чартифон, который, кажется, был главным солдатом у Птосфеса. Он всегда приходил с мечом, а часто и в украшенных, но зазубренных стальных доспехах. Иногда он приходил и один, а бывало, что и в компании с молодым офицером, кавалеристом по имени Хармакрос. Этот офицер участвовал в стычке у деревни, но командовала тогда Рилла.

— Боги, — объяснил Хармакрос, — не дали сына князю Птосфесу. У князя должен быть сын, чтобы оставить ему княжество, и потому княжна Рилла должна стать ему сыном.

Он подумал, что богам следует снабдить Птосфеса приемным сыном, то есть зятем, по имени Кэлвин Моррисон — нет, Калван. И решил, что богам надо будет в этом помочь.

Чартифон показал ему карту, тщательно вырисованную на пергаменте. Хостигос занимал Центральные и Соединенные Графства, захватив юг от того места, где должен

быть Клинтон, запад от Лок-Хейвена, юго-восток от Лайкаминга, восток от Уэст-Бранч, который здесь назывался Атан, и юг Болд-Иглз, то есть гор Хостигос. Нострор находился в долине Уэст-Бранч над Лок-Хейвеном от разветвления реки и выдавался с юга в Хостигос через расщелину Анте, расщелину Домбра, захватывая Ниппеноз в долине Семи Холмов. К востоку, занимая весь округ Блэр и часть Хантингтона и Бедфорда, располагалось Княжество Сасское, где правил князь Сарраск. Сарраск не был другом, Гормот был явным врагом.

На карте побольше было видно, что Пенсильвания, Мэриленд, Делавэр и южная половина Нью-Джерси составляли Великое Царство Хос-Харфакское со столицей в городе Харфакс в устье Саскуэханны, и правил там царь Каифранос. Птосфес, Гормот, Сарраск и дюжина еще других князей номинально считались его вассалами. Судя по той ночи, когда он прибыл в это «здесь-и-сейчас», власть Каифраноса простиралась на расстояние дня пути пехоты от столицы, и не дальше.

У него возникло подозрение, что Хостигос сильно зажат между Ностором и Саском. Что-то этих людей грызло. Слишком часто, смеясь вместе с ним (она его учила читать и писать, и это было весело), Рилла вспоминала что-то, что ей явно хотелось забыть, и тогда смех становился напряженным. Чартифон всегда думал о чем-то своем, иногда он даже забывал, о чем говорит. И никогда Моррисон не видел, чтобы Птосфес улыбнулся.

Ксентос показал ему карту мира. Мир был не круглый, а плоский, как блин. Бухта Гудзон находилась в его центре, Северная Америка была по очертаниям больше похожа на Индию, Флорида выдавалась прямо на восток, а Куба тянулась на север и на юг. Острова Вест-Индии были случайно разбросанными точками, будто составитель карты о них от кого-то что-то слышал. Азия соединялась с Северной Америкой, но была белым пятном. По периметру карты стелился бесконечный океан. Европы, Африки и Южной Америки попросту не было. Ксентос хотел, чтобы Моррисон показал,

из какой страны явился. Моррисон ткнул пальцем примерно в центральную часть Пенсильвании. Ксентос решил, что его не поняли.

— Нет, Калван, это теперь твой дом, и мы хотим, чтобы ты остался с нами, но из какой страны ты пришел?

— Из этой, — настаивал он. — Но из другого времени, за тысячу лет от сегодня. У меня был враг, злой волшебник. Другой волшебник, мой друг, наложил на меня защиту, и меня нельзя было убить чернокнижием, и потому мой враг вывернул время вокруг меня и закинул меня в такое далекое прошлое, когда мой самый первый известный предок еще не родился. Теперь я здесь, и здесь должен остаться.

Рука Ксентоса быстро описала круг около белой звезды у него на груди, и он что-то быстро забормотал. Еще одна общемировая константа.

— Какая страшная судьба!

— Да. Я не люблю об этом говорить, но вы имеете право знать. Можешь сказать князю Птосфесу, княжне Рилле и Чартифону, но попроси их со мной об этом не говорить. Я должен забыть старую жизнь и построить новую в этом времени. А другим скажи, что я из далекой страны. Вот из этой. — Он показал туда, где примерно находилась бы Корея. — Я там был однажды, бился на великой войне.

— Да, я знал, что ты наверняка был воином. — Ксентос поколебался, но все же спросил: — Ты владеешь чернокнижием?

— Нет. Мой отец был жрецом, как и ты, и он хотел, чтобы я тоже стал жрецом, а наши жрецы ненавидят чернокнижие. Но я знал, что из меня не выйдет хорошего жреца, и когда пришла эта война, я оставил учение и ушел сражаться. Потом я был воином в собственной стране, поддерживая в ней мир.

Ксентос кивнул:

— Человек, который не может быть хорошим жрецом, вообще не может быть жрецом, а быть хорошим воином —

это почти что не хуже. Скажи мне, каких богов чтит твой народ?

— О, многих. И Конформизм, и Авторитет, и Общественное Мнение. И еще — Статус, символов коего множество, и он ездит на колеснице по имени Кадиллак, которая и сама почти бог. И есть еще Атомная Бомба, Ужас Разрушения, и когда-нибудь она положит конец миру. Что до меня, я не поклонялся ни одному из них. Расскажи мне о своих богах, Ксентос.

Он набил трубку и зажег ее огнивом, которым научился пользоваться вместо «зиппо», у которой вышел бензин. Дальше ему не пришлось говорить — он слушал Ксентоса, который рассказывал о своем боге, Дралме, и о Йиртте, Матери Всего, и о Галзаре с волчьей головой, боге войны, и о хромом боге ремесел Транте (забавно, что все боги ремесел хромые), и обо всех остальных.

— И еще — Стифон, — добавил он угрюмо. — Стифон — бог зла, и служат ему люди зла, и даны им богатство и власть непомерные.

После этого разговора он заметил легкую перемену в отношении к себе. Пару раз он ловил на себе любопытно-жалостливый взгляд Риллы. Чартифон только крепко сжал ему руку и сказал: «Тебе у нас понравится, Калван». Князь Птосфес мекал, бекал, потом высказался: «Ксентос мне сказал, что есть вещи, о которых ты не хочешь говорить, Калван. И никто тебе не будет об этом напоминать. Мы рады, что ты с нами. Оставайся, пусть здесь будет твой дом».

Все прочие относились к нему с глубоким уважением. Им было сказано, что он князь из далеких земель, свергнутый с трона предательством. Ему дали одежду — столько одежды у него никогда не было, и оружие. Рилла подарила ему пару собственных пистолетов, один из которых и ранил его в схватке. Они были длиной два фута, но легче, чем его кольт, — стволы к дулу истончались как бумага. Замки работали на том же принципе, что и огниво, и на

рукоятях было выгравировано имя Риллы. Ему отвели другую комнату, побольше, и личного слугу.

Как только Моррисон смог передвигаться без посторонней помощи, он пошел смотреть, как обучают войска. Формы не было, если не считать шарфов и кушаков с цветами Птосфеса — красным и синим. Пехота была одета в брезент с нашивками в виде металлических пластин и в шлемы, несколько напоминавшие каску, которую он носил в Корее. Кто был вооружен пиками, кто алебардами, кто охотничьими копьями, а кто и косами на восьмифутовых шестах. Движения ног были примитивными, отделение — понятием неизвестным, и маневры выполнялись взводами по сорок или пятьдесят человек.

Из огнестрельного оружия было несколько пятнадцатифунтовых мушкетов, стрелявших с подставок. В основном же были более легкие аркебузы, пищали и различные охотничьи ружья. На каждый взвод с копьями и косами было два или три мушкетера и с дюжину аркебузиров. Кроме того, были еще лучники и арбалетчики. Кавалерия была хороша. Солдаты были одеты в кирасы и шлемы с гребнями, а вооружены они были мечами и пистолетами и либо копьями, либо короткими мушкетонами. Артиллерия — курам на смех: кованые пушки от шести до двенадцати фунтов, вручную заваренные трубы, стянутые обручами, без лафетов, поставленные на четырехколесные тележки. Он отметил, что надо будет с этим что-то делать.

Еще он отметил, что лучники и арбалетчики все время тренируются, но ни одного учебного выстрела из огнестрельного оружия сделано не было.

Свой меч он отнес к дворцовому кузнецу и попросил отковать из него рапиру. Кузнец принял его за сумасшедшего. Тогда Моррисон позвал кавалерийского лейтенанта и показал на паре тренировочных деревянных мечей. Лейтенант тут же тоже захотел рапиру. Кузнец пообещал. К вечеру следующего дня рапира Моррисона была готова.

— У вас противник с двух сторон, Нестор и Саск, а это плохо, — сказал он как-то вечером, когда он, Птосфес,

Рилла, Ксентос и Чартифон сидели за бутылкой в кабинете князя. — Вы меня приняли как своего. Теперь скажите мне, чем я могу помочь.

— Об этом, Калван, — ответил Птосфес, — ты можешь судить лучше нас. Ты знаешь много такого, чего не знаем мы. Колющий меч, — он любовно взглянул на собственную рапиру, — и то, что ты сказал Чартифону о креплении пушек. Что ты еще можешь нам дать, чтобы сражаться с врагами?

— Ну, я мог бы научить вас делать оружие вроде этой моей шестизарядки, и патроны для него. — Он попытался как можно проще рассказать о машинной индустрии и массовом производстве; они же только смотрели, не понимая и дивясь. — Я могу показать вам вещи, которых вы не знаете, но можете сделать с помощью своих инструментов. Например, у нас в стволах оружия делается винтовая нарезка, чтобы пуля вращалась. У нарезного оружия больше убойная сила и дальность прицельного огня, чем у гладкоствольного. Я могу показать вашим оружейникам, как сделать это с тем оружием, что у вас уже есть. И еще одно. — Он сказал, что ни разу не видел учебных стрельб. — У вас очень мало пороха, который вы зовете огненной пылью. Это так?

— У нас в Хостигосе его не хватит, чтобы выстрелить по разу из каждой пушки, — сказал Чартифон. — И нам его не достать. Жрецы Стифона нам его не дают, а в Ностор отправляют подводами.

— То есть вы получаете порох от жрецов Стифона? А нельзя купить у кого-нибудь другого или сделать самим?

Все посмотрели на него, пораженные, что он таких простых вещей не знает.

— Только Дом Стифона делает огненную пыль, и только с помощью Стифона, — сказал Ксентос. — Вот почему я говорил, что Стифон дает своим слугам великое богатство и власть, превосходящую власть Великих Царей.

Он относился с Дому Стифона с мрачным уважением, как любой коп к по-настоящему умному жулику. Неудивительно, что эта страна — змеиное гнездо сражающихся кня-

зей и баронов. Так хочет Дом Стифона — торговля порохом процветает. Моррисон поставил кубок на стол и расхохотался.

— И вы думаете, никто не умеет делать огненную пыль, кроме Дома Стифона? — спросил он. — Знаете, в мое время это умели даже дети. — Ну, скажем, дети, освоившие школьную химию. Его самого однажды чуть из школы не выперли. — Я могу сделать огненную пыль прямо на этом столе!

Птосфес откинул голову назад и захохотал. Чуть истерично, но впервые Моррисон услышал, как князь смеется. Чартифон ударил кулаком по столу и завопил:

— Ага, Гормот! Скоро твоя голова будет торчать на твоем же воротном столбе!

И никаких глупостей насчет военных преступлений. Рилла обхватила его руками:

— Калван! Ты и в самом деле можешь?

— Но ведь только мощью Стифона... — начал Ксентос.

— Стифон — мыльный пузырь, а его жрецы — шайка бессовестных мошенников. Хочешь посмотреть, как я сделаю огненную пыль? Позовите Митрона, у него есть все, что мне нужно. Сера — она у него есть, селитра — тоже есть. — Митрон использовал серу с медом для лечения простуд, а селитра, считалось, охлаждает кровь. — И еще мне нужен древесный уголь, пара медных ступ с пестами, сито для муки и аптекарские весы.

— Быстро! — крикнул Птосфес. — Принести все, что он скажет!

Ксентос вышел. Моррисон попросил пистолет, и Птосфес достал один из ящика за спиной. Открыв полку, Моррисон высыпал заряд на кусочек пергамента и поджег от горящей щепки. Пергамент обуглился, чего не должно было быть, и осталось слишком много черного остатка. Стифон не был особенно честным производителем пороха; он удешевлял товар, кладя угля больше, а селитры меньше, чем надо было.

Вернулся Ксентос с Митроном. Жрецы принесли кувшины, ведро угля и все прочее. Ксентос явно недоумевал, Митрон боялся, но старался этого не показывать.

Моррисон поручил Митрону размалывать уголья в одной ступке, а Ксентосу — уголь в другой. Сера и без того была в порошке. Просеяв порошки через сито, он смешал их в сухом кубке в пропорции: селитра — 0,75, уголь — 0,15 и сера — 0,10. Ему пришлось чуть задуматься, чтобы вспомнить.

— Но это же просто пыль! — возразил Чартифон.

— Да. Эту смесь еще надо увлажнить, смешать в пасту, спрессовать в лепешки, высушить, а потом растереть и просеять. Все это можно сейчас сделать, но вспышку даст и так. Смотрите!

Он насыпал на полку щепоть порошка, нацелился в полусгоревшее полено в очаге и нажал курок. Пистолет рявкнул с дикой отдачей. Птосфес не признавал уменьшенных зарядов, это точно. Снаружи закричали, затопали, и двери распахнулись. Заглянул охранник с алебардой.

— Благородный Калван показывает нам свое искусство стрельбы, — объяснил ему Птосфес. — Будут и еще выстрелы, волноваться не нужно.

— Отлично, — сказал Моррисон, когда охранник вышел. — Теперь посмотрим, как оно стреляет. — Он насыпал в пистолет примерно сорок гран, зарядил тряпичным пыжом, насыпал на полку порох и протянул оружие Рилле. — Стреляй ты. Великий миг в истории Хостигоса!

Она взвела курок, нацелилась в камин и выстрелила. Грохот был не такой мощный, но пистолет стрелял. Попробовали его зарядить пулей, которая ушла в полено на полдюйма. Моррисон положил пистолет на стол. Комната была полна дыма, все кашляли, но никто не обращал на это внимания. Чартифон подошел к двери и заорал в холл, чтобы принесли еще вина.

— Но ты же не произнес ни одной молитвы! — ужаснулся Митрон. — Ты просто сделал огненную пыль, как суп сварил!

— Именно так. А скоро ее кто угодно будет делать.

И когда наступит этот день, жрецы Стифона будут просить милостыню на тротуарах. Чартифон хотел сразу же знать, когда можно будет идти походом на Нострор.

— Нужно будет больше огненной пыли, чем может сделать Калван на этом столе, — сказал ему Птосфес. — Нам будет нужна селитра, и сера, и уголь. Надо будет научить людей их добывать, измельчать и смешивать. Нам понадобятся вещи, которых у нас нет, и инструменты, чтобы их сделать. Все это знает только Калван, а он у нас всего один.

Ну, слава создателю, Птосфес что-то понял из лекций о производстве.

— Митрон, я думаю, тоже кое-что знает. Где ты взял серу и селитру? — спросил он доктора-жреца.

Митрон осушил первый кубок вина одним глотком, на второй у него ушло три секунды, а сейчас он тщательно работал над третьим и потихоньку выходил из оцепенения. Все оказалось так, как думал Моррисон. Селитру находили в виде кусков под большими кучами навоза и очищали, серу добывали выпариванием воды серных источников в Сахарной долине — Волчьей долине в «здесь-и-сейчас». Почему-то упоминание об этом привело в ярость Птосфеса и Чартифона. Он знал, как добывать оба эти вещества в небольших масштабах. Узнав, сколько их нужно будет на военные цели, он был несколько смущен.

— Но на это потребуется время, — указывал Чартифон. — А как только Гормот об этом прослышит, он ударит раньше, чем мы сколько-нибудь сделаем.

— А пусть не прослышит. Установите карантин секретности. — Это пришлось объяснить. — Конные патрули на всех тропах и дорогах Хостигоса. Всех впускать, никого не выпускать. И еще одно. Мне придется отдавать приказы, и они людям не понравятся. Мне будут повиноваться?

— Все, кто хочет сохранить голову на плечах, — ответил Птосфес. — Ты будешь говорить моим голосом.

— И моим, благородный Калван! — Чартифон вскочил на ноги, протягивая меч рукоятью вперед. — Ты командуешь, я повинуюсь.

Ему отвели комнату в главных воротах цитадели, напротив кордегардии — большой дом с плиточным полом и неопределимым, но совершенно четким духом полицейского участка. Стены — белая штукатурка, на ней можно было писать и рисовать углем. Бумаги в «здесь-и-сейчас» не знали. Он подумал, что после войны надо будет этим заняться. Непонятно, как эти люди без бумаги дошли до такого уровня развития. Рилла сама себя приставила к нему адъютантом. Он сам привлек Митрона и главного жреца Транта, всех мастеров искусств из Тарр-Хостигоса и из города Хостигоса, пару офицеров Чартифона и несколько солдат для связи.

С углем было просто, его было всюду достаточно. Для выпаривания серы нужны были большие кастрюли и листовое железо побольше, чем нагрудник или кухонная кастрюля, — ничего этого не было в наличии. Были рудники болотного железа в Болд-Иглз, в долине Листра, и были кузницы, но не было прокатных станов. Железные листы надо было ковать вручную двухфутовыми квадратами и сваривать, как лоскутный килт. Селитру можно было набирать повсюду. Навозные кучи, не менее одной на каждой ферме, — это был наилучший источник, а еще конюшни, погреба, подземные дренажные канавы. Он создал селитряную комиссию, которую возглавил один из офицеров Чартифона. Комиссия имела власть заходить куда угодно, вешать любого, кто злоупотребит этой властью, и точно так же поступать со всяким, кто ей воспротивится.

Мобильные отряды — запряженные быками телеги, нагруженные тиглями, трубами, инструментами и прочим снаряжением, ездили от фермы к фермы. Крестьянок привлекали к работе и учили выщелачивать селитряные почвы и очищать нитраты.

Мельницы для размола ингредиентов. Водяная энергия была в избытке, и водяное колесо тоже было известно в «здесь-и-сейчас». Мельницы можно было переоборудовать, специальные жернова — сконструировать. Сита для просеивания, ткань. Смесители, большие баки с вращающимися навстречу друг другу лопастями. Прессы для пасты. Мельницы для размола спрессованного пороха. Много времени пришлось затратить на разработку правил, чтобы кто-нибудь случайно не высек искру где-нибудь рядом, и подкрепить эти правила угрозой смерти.

Утром он размолол брикет, сделанный накануне, и прогнал через два сита для нужной тонкости. Стограновый заряд такого пороха в большом мушкете загнал двухунциевое ядро на дюйм глубже такого же заряда стифоновского пороха, а вони произвел намного меньше.

К полудню Моррисон был уже почти уверен, что все члены его Военно-Промышленного Совета поняли почти все, что он им говорил. Во второй половине дня он собрал во внешнем дворе замка столько людей, работающих в проекте «Огненная пыль», сколько удалось найти. Ксентос воззвал к Дралму. Птосфес произнес речь, особенно подчеркнув тот факт, что благородный Калван получает полную власть, подкрепленную, в случае необходимости, рукой палача. Чартифон описал картину опустошения, которое останется там, где был Ностор. Сам Моррисон тоже произнес речь, напирая на то, что в природе огненной пыли ничего нет сверхъестественного. Собравшихся разбили на мелкие группы, и каждому объяснили его работу. Моррисон бегал от группы к группе, объясняя тем, кто объяснял.

Вечером устроили пир. К тому времени они с Риллой набросали углем на белой стене его комнаты примерную схему работ.

В следующие четыре дня он четырнадцать часов в сутки торчал в этой комнате, разговаривая с пятью-шестью сотнями людей. Ремесленники, организованные в гильдию, не хотели допускать к своим ремеслам крестьян. Мастера жаловались, что ученики и молодые подмастерья отбива-

ются от рук — то есть начинают думать сами. Крестьяне возражали, что их кучи навоза срывают и под них копают, и еще — что их самих ставят на непривычные работы. Землевладельцы возражали, что крестьян забирают с полей, и предсказывали гибель урожая.

— Насчет этого не волнуйтесь, — объяснил им Моррисон. — Если мы победим, съедим урожай Гормота. Если нет, то мертвым еда не нужна.

И пал Железный Занавес. Бродячие торговцы стали скапливаться в Хостигосе, застряв неизвестно насколько. Рано или поздно Гормот и Сарраск заинтересуются, почему никто из Хостигоса не выходит, и станут засылать шпионов по лесным тропам. Организовать контрразведку, заслать несколько своих шпионов к ним.

На пятый день вступил в строй завод по выпариванию серы, и началось производство селитры — поначалу всего несколько фунтов, но выход быстро увеличивался. Моррисон оставил Митрона в конторе старшим и отправился посмотреть на строительство мельниц. К этому времени он начал надевать доспехи, не менее шести, а то и восьми часов в день — на подшлемнике шлем с кольчужной лентой тонкой работы вокруг шеи и под подбородком, стальной панцирь на грудь и спину с кольчужными рукавами, кольчужная юбка на бедрах, кожаные поножи. Вся броня весила фунтов сорок, и жизнь Моррисона зависела от того, привыкнет ли он ее носить.

Веркан Валл глядел, как Торта Карф вертит пустую гильзу на крышке стола. Очень была ценная гильза: она стоила более десяти тысяч человекочасов ползания на четвереньках и раскапывания среди мертвых стеблей болиголова — это не считая времени переходов.

— Великолепно, что вы ее нашли, Валл. Арийско-Тихоокеанский?

— Да, конечно. Мы с самого начала не сомневались. Подсектор Дома Стифона. — Он дал цифровое обозначение точной временной линии.

— Дом Стифона. Это пороховая теократия?

Это она и была. Когда-то Стифон был мелким божком исцеления и почти во всем Арийско-Тихоокеанском секторе им и остался. Но триста лет назад на одной из временных линий один жрец Стифона, составляя новую микстуру для чего-то, смешал серу, селитру и уголь — и поставил на огонь. Пятьдесят лет после того смесь оставалась храмовым чудом, потом открыли ее метательные свойства, и Стифон от медицинской практики перешел к изготовлению боеприпасов. Жрецы-исследователи улучшали порошок, было создано оружие для его применения. Ни один царь или князь, не имеющий пороха, не мог устоять против конкурента, у которого порох был. Кто бы ни сидел на троне, хозяином его был Дом Стифона, потому что мог сбросить любого монарха по собственному капризу.

— Интересно, умеет ли этот Моррисон делать порох, — произнес Торта Карф.

— Я это выясню. Я сам туда собираюсь.

— Вы сами знаете, что не обязаны. У вас есть сотня людей, для которых это работа.

Валл упрямо качнул головой.

— Наступит день конца года, и я буду прикован к этому вашему креслу. А до тех пор я собираюсь работать во внешнем времени сколько смогу. — Он наклонился над картоэкраном и заиграл селектором, пока не вывел Великое Царство Хос-Харфакса. — Я вот сюда направлюсь, — сказал он. — Отправлюсь как коробейник — их всюду пропускают без вопросов. У меня будет верховая лошадь и три вьючные с товарами. Вот соседнее княжество Саск. Я поеду медленно, чтобы вести шли впереди меня. Может, услышу про этого Моррисона раньше, чем доберусь до Хостигоса.

— А что вы будете делать, когда его найдете?

Валл пожал плечами:

— Будет зависеть от того, что он там делает, в особенности — как он смог себя поставить. Мне не хочется, потому что он же полицейский, как мы, но, боюсь, придется его убить. Он слишком много знает.

— А что он знает, Валл?

— Во-первых, он побывал внутри транспортера. Он знает, что это нечто совершенно чуждое его технологии и его культуре. Далее, он знает, что перенесен во времени, потому что его не переносили в другое место, и он сообразит, что транспортер и был средством такого переноса. Из этого он сделает заключение о наличии расы путешественников по времени.

Он обладает достаточными знаниями истории своей временной линии, чтобы сообразить, что не перенесен в прошлое. Также он поймет, что не перенесен в будущее. И что вся известняковая страна, где его взяли и где сбросили, в его собственной временной линии интенсивно разрабатывалась. Следы работ должны сохраняться десятки тысяч лет, а он их не обнаружит. Итак, что ему остается?

— Предположить боковой сдвиг и людей, которые перемещаются по времени в сторону, — сказал начальник. — Да, это и есть Тайна Паравремени.

Этим вечером в Тарр-Хостигосе ожидался пир. Все утро тащили и забивали мычащих и хрюкающих быков и свиней. Кололи дрова для ям-жаровен, из погребов доставали кувшины вина. Хорошо бы пороховые мельницы так же интенсивно работали, как кухни и пекарни замка. Целый рабочий день простóя! Это он и сказал Рилле.

— Калван, но они же так счастливы! — Ее тоже сильно радовала перспектива пира. — И они так усердно работали.

Это он должен был признать, и, быть может, повышение боевого духа компенсирует потерю целого рабочего дня. И сейчас уже есть целых сто фунтов огненной пыли, на пятьдесят процентов превосходящей «Лучшую Стифонскую», и половина этого количества сделана за последние два дня.

— Так давно уже не было причин радоваться. Когда бывал пир, каждый старался как можно быстрее напиться, чтобы не думать о том, что грядет. А теперь, может быть, ничего такого и не грядет.

Теперь все пьяны от ста фунтов черного пороха. Не меньше пяти тысяч выстрелов аркебуз. Но надо поднять выработку выше двадцати пяти фунтов в день, не меньше, чем до ста. Узким местом оставались смешивание, брикетирование и размол — это значит, надо еще больше мельниц, а слишком мало есть людей, способных их строить. Значит, придется остановить работы над нарезальными машинами и над повозками и лафетами.

Чтобы создать армию, которую он хочет, нужно не меньше года, а Гормот Носторский нападет не позже чем через два месяца.

Он поднимал сегодня этот вопрос на заседании Генерального Штаба. Как и нарезка орудий и лафеты, как использование острия меча, это были новые понятия в «здесь-и-сейчас». Тут просто загребали кучу крестьян и вооружали — вот и вся Структура Вооруженных Сил. Выбирали маршрут — вот и вся Стратегия. Выстраивали людей в ряд и приказывали им стрелять и колоть тех, кто перед ними стоит, — это Тактика. А Разведка — это были несколько конных лазутчиков, если они вообще были, пущенные дозором за милю вперед. Радовала только мысль, что у Гормота было то же самое представление об Искусстве Войны. Да какой-нибудь Густав-Адольф, или герцог Пармский, или Гонзало де Кордова с десятком тысяч человек прошел бы насквозь пять таких Великих Княжеств, как нож сквозь масло.

Птосфес и Рилла присутствовали ex officio как Князь и его Престолонаследница. Благородный Калван был Главнокомандующим. Чартифон — Фельдмаршалом и Начальником Штаба. Хармакрос был Разведотделом Генштаба, а пожилой пехотный капитан был инструктором по строю, казначеем, квартирмейстером, генеральным инспектором и начальником мобилизационного управления. Штатский купец, который на этом не проигрывал, отвечал за снабжение. Ксентос, который был у Птосфеса канцлером, как и первосвященником, занимался политическими вопросами, а также деятельностью пятой колонны — еще одна блестящая новая идея благородного Калвана. Последнее было

поручено ему потому, что он держал связь с жрецами Дралма в Носторе и Саске, а эти жрецы ненавидели Дом Стифона так, что словами не передать.

Он был рад заметить, что первый огонь оптимизма начал угасать. Чартифон ворчал:

— У нас не больше трех тысяч, а у Гормота десять тысяч: шесть тысяч наемников и четыре тысячи своих людей. Огненная пыль собственного производства дает нам шанс, которого раньше не было, но это и все.

— Своих людей у него две тысячи, — возразил кто-то. — Он не будет брать крестьян с полей.

— Тогда он нападет раньше, — сказал Птосфес. — Пока наши крестьяне собирают урожай.

Моррисон посмотрел на рисованную карту на стене. Гормот может вторгнуться в долине Листра, но это даст ему только половину Хостигоса — даже меньше. Вся линия гор Хостигоса была защищена у каждой расщелины, кроме одной. Расщелина Домбра, защищенная крепостью Тарр-Домбра, утраченной из-за предательства сто лет назад, а за ней — долина Семи Холмов.

— Мы должны захватить Тарр-Домбру и очистить долину Семи Холмов, — сказал он.

Все уставились на него. Первым обрел голос Чартифон.

— Да ты что! Ты никогда не видел Тарр-Домбру, иначе бы ты такого не говорил. Она меньше Тарр-Хостигоса, но укреплена еще сильнее.

— Так оно и есть, — подтвердил призванный из запаса капитан, который был у Моррисона отделом личного состава штаба и отчасти — отделом тыла.

— А носторцы тоже считают, что ее нельзя взять? — спросил Калван. — Значит, будет можно. Князь, есть у тебя планы этой крепости?

— О да. На большом свитке в одном из моих сундуков. Он принадлежал моему деду, и дед всегда надеялся...

— Я хотел бы их видеть. Позже. Кто-нибудь знает, были ли там изменения?

Внешних по крайней мере не было. Он спросил о гарнизоне. Хармакрос оценил его в пятьсот человек. Сотня регулярной пехоты Гормота и четыре сотни кавалерии для патрулирования долины Семи Холмов. Это наемники, которые часто совершают налеты на Хостигос.

— Тогда перестаньте убивать налетчиков, которых можно взять живыми. Пленников можно заставить говорить. — Женевская конвенция тоже была бы новым понятием в «здесь-и-сейчас». Он повернулся к Ксентосу: — В долине Семи Холмов есть жрец Дралма? Можешь ли ты с ним связаться и поможет ли он нам? Объясни ему, что это война против Дома Стифона.

— Он это знает и, чем сможет, поможет нам. Но он не может проникнуть в Тарр-Домбру. Там есть жрец Галзара для наемников и жрец Стифона для коменданта замка. Среди носторцев Дралм — всего лишь бог крестьян.

Это было удачно. Да, жрецы Дралма будут помогать.

— Ладно, но он же может говорить с людьми, которые попадают внутрь? И может посылать донесения и организовать шпионскую сеть среди крестьян. Я хочу знать все, что можно узнать, вплоть до самых обыденных вещей. В частности, хочу знать, как охраняется замок и как он снабжается. Я хочу, чтобы за ним все время следили. Хармакрос, найди для этого людей. Я понимаю, что идти на штурм мы не можем, иначе вы бы давно это сделали. Значит, надо захватить замок неожиданной хитростью.

Торговец Веркан ехал по дороге; его лошадка трусила ленивой рысцой, вьючные тянулись сзади. Под стальной броней было жарко и липко, из-под шлема на недавно отращенную бороду тек пот, но никто и никогда не видал безоружного торговца, а потому приходилось терпеть. Доспехи были местного производства — из соседней временной линии, и такой же была одежда, меч, карабин в чехле у седла, сбруя лошади и груз товаров — все, кроме металлического сундучка поверх одного из вьюков.

Достигнув вершины холма, он начал спуск, и тут заметил суету перед стоявшей неподалеку обветшалой фермой. Люди садились на лошадей, блестели доспехи, мелькали хостигские цвета — белый с красным. Кавалерийский дозор; уже третий после границы Саска. Первые два не обратили на него внимания, но эти люди собирались его остановить. У двоих пики, у третьего мушкетон, а четвертый — судя по виду, сержант — расстегнул обе кобуры и держал правую руку на шее лошади.

Веркан натянул поводья. Обученные вьючные лошади тоже сразу остановились.

— Доброй радости вам, солдаты! — произнес он.

— Доброй радости и тебе, торговец, — ответил человек, держащий руку возле рукояти пистолета. — Из Саска?

— Сейчас — оттуда. Вышел из Ультора, родом из Грефф-тшарра. — Ультор был озерным портом на северо-западе, Грефф-тшарр — царством около Великих Озер. — Иду в город Агрис.

Один из солдат засмеялся, сержант спросил:

— Огненная пыль есть?

— Примерно двадцать зарядов. — Он коснулся фляги на поясе. — Пытался купить в Саске, но жрецы Стифона узнали, что я иду через Хостигос, и не продали.

— Знаю, мы тут под отлучение попали. — Казалось, это его не очень огорчает. — Только, боюсь, ты в Агрис попадешь не скоро. У нас тут вот-вот война с Ностором будет, и благородный Калван хочет, чтобы слухи не разносились. Вот он и приказал, чтобы из Хостигоса никто не вышел.

Торговец выругался — этого от него и ждали.

— Я бы тоже на твоем месте чувствовал, что меня обули, — понял его сержант. — Но когда принцы и знать приказывают, мы, простолюдины, повинуемся. Может, еще все не так будет и плохо. В Хостигосе или в Тарр-Хостигосе тебе могут дать хорошие цены, а если знаешь какое ремесло, можешь неплохо заработать. Или встать под наше знамя. Ты вооружен и с конями, благородный Калван таких принимает охотно.

— Благородный Калван? Я думал, в Хостигосе княжит Птосфес.

— Он и княжит, храни его Дралм, но войной командует благородный Калван, храни Дралм и его. Говорят, он и сам князь из далеких земель. Еще говорят, он чародей, но в этом я сомневаюсь.

Ага, неизвестный князь издалека. Среди этих людей капрал Кэлвин Моррисон — он сразу же одернул себя, чтобы даже мысленно называть этого человека «благородный Калван» — будет немедленно заподозрен в чародействе. Валл вел непринужденную болтовню с сержантом и его людьми, расспрашивая о гостиницах, о ценах на то и на это — вопросы, которые и должен задавать странствующий торговец, потом пожелал всем удачи и поехал дальше. По дороге попадались и другие фермы. Почти на всех шла работа: мужчины ворошили навозные кучи и копали под ними, горели костры, над ними кипели котлы, пуская пар. Так. А сержант очень легкомысленно отозвался о наложенном на них Домом Стифона отлучении.

Кажется, у Стифона появился конкурент.

Город Хостигос раскинулся у низкого холма возле родника размером с небольшое озеро, лицом к горам, которые в Евро-Американском секторе обрывались неприступными утесами. Этот благородный Калван наверняка это заметил. Над расселиной стоял укрепленный замок, очевидно, Тарр-Хостигос. «Тарр» — это и значит замок или крепость. Улицы были забиты телегами и фургонами, квартал ремесленников грохотал молотами кузнецов и лудильщиков. Торговец нашел «Знак красной алебарды» — гостиницу, которую советовал сержант. Он поставил лошадей в конюшню и надежно устроил вьюки — все, кроме личных вещей, карабина и металлического сундука. Багаж и карабин взял трактирный слуга, сундук он вскинул на плечо и направился вслед за слугой в отведенную ему комнату.

Оставшись один, он поставил сундук на пол. Это был почти сплошной кусок бронзы, без видимых петель и замка — только два стальных овала на крышке. Прижав к ним

пальцы, торговец услышал щелчок — фотоэлектрический замок опознал рисунок. Крышка открылась. Внутри находились четыре шара из светящейся медной сетки, несколько приборчиков с рукоятками и циферблатами, сигма-лучевой пистолет дамской модели, настолько маленький, что помещался в ладони, но не менее смертоносный, чем большой, который Валл обычно носил с собой. Он был беззвучен и убивал, не оставляя следов, которые можно было бы обнаружить на вскрытии.

Еще в сундуке было встроенное антигравитационное устройство возле дна. Оно было включено, о чем свидетельствовал красный огонечек. Валл его выключил, и половицы под сундуком скрипнули. Окованный сжатым металлом сундук весил больше полутонны. Валл закрыл крышку, которая открывалась лишь его пальцевыми узорами, и услышал, как щелкнул замок.

В общем зале на первом этаже было людно и шумно. Торговец нашел свободное место за одним из длинных столов и сел. Сидящий напротив лысый человек с пробивающейся бородкой дружелюбно усмехнулся.

— Новая рыбка в нашем садке? — спросил он. — Добро пожаловать. Откуда к нам?

— Из Ультора, товар на трех вьючных лошадях. Веркан меня зовут.

— А я — Скранга.

Лысый оказался из Агриса.

— Они у меня взяли все пятьдесят, — рассказал он. — Заплатили меньше, чем я просил, но больше, чем я рассчитывал, так что цена вполне приличная. Со мной были четверо тригатийских табунщиков, они сейчас все в кавалерии. А я работаю на мельнице, где огненную пыль размалывают.

— Чего? — Веркан не стал скрывать недоверия. — Ты хочешь сказать, эти люди сами делают огненную пыль? Но ведь это же умеют только жрецы Стифона!

Скранга засмеялся.

— Я тоже так думал, пока сюда не попал. Это каждый может. Не труднее, чем суп сварить. Понимаешь, берешь селитру из-под навозных куч...

Он описал процесс шаг за шагом. Его визави поддержал разговор, он даже понимал теорию, хотя и смутно. Уголь — это то, что горит, сера — то, что поджигает, а селитра дает воздух, который раздувает пламя и выдувает пулю из ствола. И никакой тайны здесь нет, для жителей Хостигоса уж точно. Главное, чтобы не дошло до Ностора, пока у нас не хватит огненной пыли на войну, а на остальное благородному Калвану плевать.

— Благодарю Дралма, что он меня сюда привел, — сказал торговец лошадьми. — Когда отсюда начнут выпускать, я осяду где-нибудь и сам стану делать огненную пыль. За пару лет смогу разбогатеть. Да и ты тоже.

Он доел, сказал, что должен вернуться на работу, и ушел. Офицер-кавалерист, сидевший через несколько стульев от него, взял свой стакан и бутылку и занял освободившееся место.

— Только приехал? — спросил он. — Из Ностора?

— Нет, из Саска. — Кажется, этот ответ кавалериста разочаровал, и пришлось повторить историю насчет Ультора и Грефтшарра. — А сколько еще нас тут продержат?

— Пока не начнется война и мы не разобьем носторцев. Чего там в Саске думают, что мы тут делаем?

— Там думают, что вы ждете, пока вам глотки перережут. Они же не знают, что вы сами делаете огненную пыль.

— Ха! — рассмеялся офицер. — Как бы им самим не пришлось глотки подставлять, если Сарраск не поостережется. Ты говорил, у тебя три вьючные лошади с товаром из Грефтшарра. Оружие есть?

— Мечей немного есть, кинжалов. С дюжину ружейных замков, три отличные кольчуги, литье для пуль. Ну и там медь, украшения — это уж обязательно.

— Тогда вот что: тащи свой товар в Тарр-Хостигос. Там на внешнем дворе каждый вечер вроде ярмарки, и сможешь продать все, что захочешь. Приходи пораньше. Назовешь мое

имя, — кавалерист назвал себя, — и спросишь капитана Хармакроса. Он с удовольствием выслушает все твои новости.

Веркан, закончив еду, навьючил лошадей и повел их вверх по дороге, к возвышавшемуся над расселиной замку. Вдоль стены внешнего двора, уже за воротами, было полно мастерских, и все они работали. Веркан заметил, как собирают лафет для легкой полевой пушки — не тележку, а два больших колеса и хобот. Сама пушка была четырехфунтовиком, для этого сектора обычным, но у нее была цапфа, что обычным уже не было. Опять благородный Калван.

У капитана Хармакроса была аккуратная бородка по моде местной знати. Доспехи у него были богатые, но как следует иззубренные, а вот длинная рапира на поясе — это было ново. Он задал несколько вопросов, внимательно выслушал подробный рассказ купца Веркана о том, что он видел и слышал в Саске; о ротах наемников, которые набрал Сарраск, имена командиров, силу и вооружение новых частей.

— Ты держал глаза открытыми и ушки на макушке, — отметил он. — Жаль, что ты шел не через Ностор. Ты был когда-нибудь солдатом?

— Все торговцы — солдаты на службе у самих себя.

— Ладно, когда продашь свои товары, рады будем видеть тебя у нас на службе. Вьючных лошадей тоже продаешь? Мы тебе дадим за них твою цену.

— Продаю, если смогу продать весь товар.

— Это ты сделаешь без труда. Оставайся здесь, столоваться будешь с офицерами. Мы найдем для тебя службу.

У него были с собой инструменты для работы по металлу и по дереву, и он их распродал ремесленникам за хорошую цену серебром и еще лучшую — информацией. Помимо полевых пушек с цапфами, Калван еще придумал нарезку в стрелковом оружии. Никто не знал, откуда Калван родом, знали только, что очень издалека.

Офицеры, с которыми он обедал, заинтересованно слушали, что он рассказывал о своих наблюдениях в Саске.

Сначала Нестор, потом Саск — очевидно, таков был план. При упоминании благородного Калвана самым сдержанным чувством было глубокое уважение с примесью поклонения герою. Но никто не знал о нем ничего до той ночи, когда он появился в крестьянской усадьбе и возглавил карательную экспедицию против напавших на деревню разбойников.

Кольчуги, мечи и ружейные замки Веркан продал оптом одному офицеру, остальное раздал подарками обитателям замка. Он видел благородного Калвана, как тот идет через толпу в доспехах, с рапирой и кольтом тридцать восьмого калибра на поясе. Он отрастил бороду, которой не было на фотографии, взятой Полицией Паравремени из Евро-Американского сектора. На его руке висела красивая блондинка в кольчужных доспехах для верховой езды — Веркану сказали, что это дочь князя Птосфеса, Рилла. Он уже слышал историю, как она по ошибке подстрелила Калвана в стычке и велела доставить его в Тарр-Хостигос, чтобы выхаживать самой. Выражение счастливой собственницы, с которым она держала Калвана за руку, и нежность, с которой он на нее глядел, заставили Веркана улыбнуться. Улыбка застыла на губах и погасла в глазах, когда он подумал, что мог Калван ей рассказать по секрету.

Вернувшись в «Красную алебарду», он потратил некоторое количество времени и денег в распивочной. Насколько он узнал, все были довольны появлением Калвана, по божественному повелению или без него. Потом Веркан ушел к себе.

Приложив пальцы к овалам, он открыл сундук и вытащил один сверкающий шар из медной сетки. От нажатия на незаметный рычажок шар раскрылся; Веркан вытащил проводок с микрофоном и довольно долго в него говорил.

— В настоящий момент, — заключил он, — ничто не указывает на какие-либо паранормальные мысли об этом человеке у кого бы то ни было. Пока что я не нашел никого, общение с кем убедило бы меня в обратном. Мне была предложена возможность служить в его войсках разведчиком, и я собираюсь это сделать. В этой работе мне может быть

оказана некоторая помощь. Я найду место для посылки транспортера, где-нибудь в лесу возле Хостигоса. Тогда я пошлю шар. Веркан Валл, конец связи.

Веркан поставил таймер генератора поля перехода и включил антиграв. Потом, поднеся шар к окну, выпустил его из рук. Шар быстро поднялся в ночь, и там, среди множества ярких звезд, полыхнула вспышка. Быть может, метеор.

Калван сидел под деревом на камне, жалея, что нельзя курить, и понимая, что начинает бояться. Он выругался про себя. Страх ничего не значил, потому что, как только начнется, времени бояться не останется, но так бывало всегда, и Калван этого не любил. Здесь, на вершине горы, все было тихо, хотя рядом с ним сидели, лежали и полулежали двести человек, и еще пятьсот под командованием Чартифона и князя Птосфеса расположились в пятистах ярдах позади. И еще пятьдесят на сто ярдов дальше — цепь стрелков, вооруженных винтовками.

Это тоже было новое слово в военном лексиконе «здесь-и-сейчас». Первые стрелки на поле битвы за всю местную историю. Несколько винтовок были большими пятнадцати- или двадцатифутовыми мушкетами, калибра от восьми до шести, а в основном — аркебузы калибра шестнадцать и двадцать, размером и весом с мушкет времен Гражданской войны. Ими командовал этот грефтшаррский торговец, Веркан. Высказывались сомнения, можно ли такой ответственный пост доверять неизвестному иностранцу. Сомневающимся он сухо напомнил, что сам недавно был неизвестным иностранцем.

Впереди цепи Веркана, там, где защитники Тарр-Домбры полагали нейтральную территорию, спрятались пятнадцать снайперов. У всех у них были крупнокалиберные мушкеты, с нарезкой, снабженные диоптрическим прицелом, пристрелянные именно на нужное расстояние. Вот это состояние якобы нейтральной зоны подхода было наиболее многообещающим моментом всей операции. Деревья свели и пни выкорчевали, но носторцы считали, что Тарр-Домбру взять

невозможно и никто не попытается этого сделать, а потому несколько распустились. На поле выросли кусты в половину человеческого роста, а за некоторыми можно было спрятаться даже стоя.

Но людей Калвана было бы трудно заметить даже на открытом месте. Шлемы были тщательно покрыты ржавчиной, как и доспехи, и каждый ствол, и каждое копье. Все были одеты только в зеленое и коричневое, и многие замаскировали шлемы и одежду зелеными ветками. Вся операция, в которой участвовали тысяча двести человек, была десятки раз отрепетирована, и на каждой репетиции некоторых выводили из строя, пока численность не падала до восьмисот.

Рядом послышался шум, как будто в кустах пасется дикая индейка, и голос произнес:

— Благородный Калван!

Это был Веркан, грефтшаррец. У него в руке была винтовка, и он был одет в серо-зеленый балахон с капюшоном, меч и пояс были замотаны коричневыми и зелеными тряпками.

— Я тебя не видел, пока ты не заговорил.

— Фургоны подходят. Они уже на вершине последнего перевала.

Он кивнул:

— Тогда начнем. — У него пересохло во рту. Как там в «По ком звонит колокол» насчет сплюнуть, чтобы показать, что ты не боишься? Этого он сейчас сделать бы не смог.

Калван кивнул сидевшему рядом мальчишке. Мальчик подобрал аркебузу и направился назад, где стояли главные силы Птосфеса и Чартифона.

А еще Рилла! Калван энергично выругался по-английски: упоминание имени Дралма всуе или богохульство в адрес Стифона не приносили того удовлетворения. Рилла объявила, что участвует в операции. Он ей сказал, что она ничего подобного не сделает, и его слова подтвердили и ее отец, и Чартифон. Она устроила дикий скандал, и не один.

Кончилось тем, что она в операции участвует. Когда они поженятся, с ней будет очень непросто управиться.

— Ладно, — произнес Калван. — Давайте отрабатывать свое жалованье.

По обеим сторонам от него поднялись солдаты, по два копья или косы на каждую аркебузу, хотя у некоторых копейщиков были на поясе пистолеты. Калван и Веркан пошли вперед, остановившись на опушке, где заняли позицию за кустами стрелки, и увидели в четырехстах ярдах Тарр-Домбру, крепость, которую нельзя взять. Белокаменные стены поднимались над пропастью, обрывавшейся прямо от вершины горы. Подъемный мост был спущен, ворота подняты. В воротах слонялись солдаты в черных с оранжевым шарфах — старые цвета его колледжа, не стрелять бы в них. Еще несколько стояли на наблюдательных постах на стенах.

Чартифон и Птосфес подвели своих людей, по одной пике на каждые три аркебузы, поднимая страшный треск и грохот, от которого у Калвана волосы под шлемом встали дыбом, но в замке, кажется, никто не услышал. Чартифон накинул поверх кирасы мешок с дырами для головы и рук, а шлем обернул чем-то вроде старого посудного полотенца. Птосфес был одет в коричневое, и броня окрашена в коричневый цвет, как и у Риллы. Все поглядели налево, где по склону горы к вершине поднималась дорога.

На ней появились четыре всадника в черных с оранжевым шарфами и вымпелами на пиках. Это были поддельные принстонцы, даст бог, они не забудут сорвать эти цвета, пока другие хостигцы их случайно не пристрелят. За ними шел длинный фургон, запряженный быками, нагруженный сеном, под которым сидели восемь хостигских пехотинцев, за фургоном — еще двое всадников в цветах Нострa, еще один фургон и еще шесть всадников. За ними — еще два фургона.

Первые четыре всадника въехали на мост и заговорили со стражниками, потом проехали внутрь. За ними проехали два фургона. Третий загрохотал по мосту и остановился точно под подъемными воротами. Погонщик, очевидно,

перерезал упряжь, и фургон застрял. Четвертый фургон, нагруженный доверху камнем, остановился на дальнем конце моста, придавив его. За воротами хлопнул пистолетный выстрел, еще один, послышались крики «Хостигос! Хостигос!». Сено в первых фургонах будто взорвалось, когда из него полезли люди.

Калван дунул в полицейский свисток, и рявкнули полдюжины слоновых мушкетов оттуда, где — можно было бы присягнуть — никого вообще не было. Взвод стрелков Веркана открыл огонь, послышались резкие хлопки, которых никогда не бывает у гладкоствольного оружия. Оставалось надеяться, что стрелки не забудут заделывать пули — это для них была вещь новая. Калван дважды дунул в свисток и бросился вперед.

Показавшиеся на стенах люди уже все исчезли — снайперы сняли их всех. Калван пробежал мимо человека с рыбьей сетью на голове; он забивал заряд в мушкет. В воротах висел серый пороховой дым, слышались крики «Хостигос!», «Ностор!», выстрелы и лязг клинков изнутри. Калван приостановился и обернулся — его двести человек летели за ним, держа нужную дистанцию друг от друга, аркебузиры пока не стреляли. Огонь велся оттуда, где Чартифон и Рилла — как он надеялся — расположили бойцов цепью на расстоянии двухсот ярдов от стен и поливали бастионы, успевая только перезаряжать. Когда Калван был уже на мосту, сверху бухнула пушка, и опускные ворота запоздало рухнули вниз, остановившись в семи футах от земли, упершись в деревянную раму, скрытую сеном третьего фургона.

Все шестеро быков последнего фургона были мертвы — для этой цели погонщикам были выданы короткие топоры. Быков фургона, застрявшего под воротами, тоже убили. Ворота башен с обеих сторон уже были взяты. Черные с оранжевым шарфы валялись там, где их сбросили, а больше всего их было на трупах. Но из цитадели раздались выстрелы, и из ее ворот на внешний двор выплеснулась толпа носторцев. Калван подумал, что самое время потратить несколько патронов кольта.

* * *

Расставив ноги и держа левую руку на бедре, он навел кольт и расстрелял весь барабан, убив шесть человек шестью выстрелами, уложившись во временной норматив. В тире выступал не хуже, и здесь было то же самое.

Он свалил шесть в первой шеренге, остальные на миг остановились, и тут из-за его спины повалили солдаты Хостигоса, заговорили аркебузы, бросились вперед копьеносцы. Калван сунул в кобуру пустой кольт — у него осталось только восемь патронов, и выхватил рапиру. На внешней стене опять бухнула пушка — оставалось только надеяться, что Рилла и Чартифон не оказались перед ней. И Калван стал прокладывать себе путь через ворота цитадели.

Позади к крикам «Ностор!» и «Хостигос!» стали примешиваться иные слова. А именно:

— Пощады, друг! Пощады, я сдаюсь!

Чем дальше, тем больше было этих выкриков. Еще до полудня носторский гарнизон либо получил пощаду, либо в ней уже не нуждался. Было всего два пушечных выстрела, хотя между ними хостигцы тоже потеряли пятьдесят человек убитыми и ранеными. Не было на свете сумасшедших, способных атаковать Тарр-Домбру, и потому пушки не были заряжены, а времени хватило только на то, чтобы зарядить и выстрелить из двух. Вряд ли удастся второй раз подловить Гормота на этот трюк.

Самый упорный бой шел внутри цитадели. Там Калван увидел Риллу, Чартифон пытался от нее не отставать. На коричневом шлеме была яркая царапина, меч блестел кровью. Она смеялась счастливым смехом. Калван ожидал, что арсенал придется брать еще большей кровью, но как только цитадель оказалась в руках нападавших, арсенал сдался. К тому времени патронов для кольта у него больше не осталось.

Черный флаг Гормота с оранжевой лилией сорвали и подняли синюю алебарду Птосфеса на красном фоне. Трофеями взяли четыре бомбарды, метавшие стофунтовые каменные ядра, воротом развернули их в сторону городка

Дисса возле устья ручья Пайн-Крик (река Красивая в «здесь-и-сейчас») и дали по выстрелу из каждой — пусть все знают, что у Тарр-Домбры новые хозяева. Замковых поваров поставили разделывать и готовить туши быков из двух задних фургонов. Потом занялись пленниками, согнанными во внутренний двор.

Сначала разобрались с наемниками. Они поступали на службу к Птосфесу, хотя их нельзя было посылать против Нострора, пока не кончится срок договора, заключенного с Гормотом их капитанами. Придется их направить на границу Саска. Потом пошли собственные войска Гормота. Их вообще нельзя было использовать для войны, но можно было поставить на работу, если платить им как солдатам и обращаться как с солдатами. Потом наступил черед коменданта замка, графа Феблона, двоюродного брата князя Гормота, и его свиты. Они будут отпущены под клятвенное обещание прислать в Хостигос свой выкуп серебром. Жрец Галзара решил сопровождать свою паству в Хостигос.

Что касается жреца Стифона, Чартифон хотел допросить его под пыткой, а Птосфес считал, что ему надо просто отрубить голову на месте.

— Пошлите его в Нострор с Феблоном, — предложил Калван. — Дать ему письмо для его епископа — нет, для Первосвященника, для Голоса Стифона. Сообщим Голосу Стифона, что мы сами делаем огненную пыль, что мы научим делать ее всех, кто захочет, и не остановимся, пока окончательно не уничтожим Дом Стифона.

Все, даже те, кто только что предлагал новые и интересные способы умерщвления жреца, разразились криками восторга.

— А копию письма отправить Гормоту вместе с другим письмом, где предложить ему мир и дружбу. Скажем ему, что готовы научить его солдат делать огненную пыль, и они будут ее делать, когда вернутся в Нострор.

— Калван! — чуть не взвыл Птосфес. — Какой черный бог спутал твой разум? Гормот — наш враг!

— Каждый, кто умеет делать порох, не будет нам врагом, потому что Дом Стифона станет врагом ему. Если Гормот сейчас этого не понимает, то очень скоро поймет.

Веркан из Греффтшарра командовал отрядом, летящим галопом в Хостигос с добрыми вестями — Тарр-Домбра взята, захвачены двести пленников, сто пятьдесят лошадей, четыре тонны огненной пыли, двадцать пушек. И долина Семи Холмов снова принадлежит Хостигосу. Хармакрос разгромил роту кавалерии наемников, убив двадцать человек и взяв в плен остальных, а еще он захватил храмовую ферму Стифона — отлично работающий селитряный завод, освободил рабов и перебил жрецов и охрану. А ранее гонимый жрец Дралма собрал крестьян на благодарственную молитву и объяснил им, что хостигцы пришли не завоевателями, а освободителями.

Похожие речи Веркан слышал не раз во множестве временных линий, в том числе в родной линии Моррисона.

Еще он вез копии писем, написанных князем Птосфесом, а вероятнее, написанных Калваном и подписанных Птосфесом, Первосвященнику Стифона и князю Гормоту. Оставив несколько солдат в городе распространять добрую весть, Веркан поскакал в замок и доложил Ксентосу. Пересказ всей истории занял много времени, учитывая перерывы, когда жрец-канцлер пересказывал ее Дралму. Когда он вышел от Ксентоса, его тут же затащили в офицерский зал, где уже вставили кран в винную бочку. Когда Веркан добрался до «Красной алебарды», было уже темно, все были пьяны до последней степени, а кто-то вытащил двухфутновку на улицу и садил в воздух, растрачивая огненную пыль, которую можно было бы использовать получше для войны с солдатами Гормота. Колокол на городской башне, начавший звонить, когда Веркан въезжал в ворота замка, не перестал до сих пор.

Поднявшись к себе, Веркан открыл сундук и достал еще один медный шар, спрятав его под плащ. Отъехав на милю от города, он привязал лошадь в кустах и пробрался туда, где

над раскидистым дубом поднималось высокое дерево. Там он достал сигареты и сел полчаса подождать, пока шар-посланец не доберется до линии времени полицейского участка Пятого Уровня, и еще полчаса, пока прибудет мобильный траспортер-антиграв.

Слуга приносил вещи одну за другой, и благородный Калван раскладывал их на столе, застеленном белой простыней. Штаны плащевой ткани, в кармане остался бумажник. Валюту Соединенных Штатов здесь не потратить, а удостоверение принадлежит другому человеку, который «здесь-и-сейчас» не существует. Рубашка, рваная и измазанная кровью, гимнастерка с погнутой табличкой, которая спасла ему жизнь. Черные ботинки, по одному на каждой стороне стола; здесь обувь делают легче и удобнее. Полицейский пояс с кобурой и пустым патронташем, с наручниками в чехле. «Здесь-и-сейчас» каждого, кто заслужил бы наручников, приходится стрелять или бить по голове. Табельный полицейский кольт; с ним он расставаться не хотел, пусть даже для него нет патронов, но все остальное без него теряет смысл. Калван сунул кольт в кобуру и бросил поверх кучи полицейскую дубинку.

Слуга свернул простыню в узел и унес. Вечная память Кэлвину Моррисону, многая лета благородному Калвану Хостигскому. Завтра, после благодарственной службы, эти вещи будут переданы по обету в храм Дралма. Идея принадлежала Ксентосу, и Калван тут же согласился. Ему приходится быть не только генералом, военным инженером и промышленником, но и политиком, а политики не могут пренебрегать религией своего электората.

Калван наполнил кубок из бутыли и сел, вытянув ноги. Неохлажденное белое вино — преступление против природы, надо будет создать холодильную технику — после войны, конечно.

Но это может быть достаточно скоро. Границы уже были открыты, и проезжающие, которым пришлось здесь задержаться, после пира могут уезжать. Они разнесут вести, что огненную пыль может делать каждый, и многие из них знают

как. Тот друг, у которого купили тригатских лошадей; Калван с ним перемолвился парой слов, и этот человек направляется в Нострор. Так же поступят и с полдюжины агентов, пятая колонна Ксентоса. Гормот начнет делать собственную огненную пыль, и это поставит его под отлучение Дома Стифона.

Но Гормот об этом не подумает. Единственное, чего он хочет, — завоевать Хостигос, а без помощи Дома Стифона он этого не может. И с его помощью тоже не может, потому что потерял маршрут вторжения. Через два дня после взятия Тарр-Домбры он послал две тысячи человек к устью Красивой и потерял при переправе через Атан не менее трехсот под артиллерийским огнем, пока его капитаны-наемники не взбунтовались, а на следующую ночь Хармакрос сделал вылазку в северный Нострор, поджигая фермы и деревни и угоняя лошадей и скот, опустошая все до конца долины Листры.

Может быть, Гормот теперь отброшен до зимы. Это значит — до следующей весны. «Здесь-и-сейчас» войн зимой не ведут — это против правил союза наемников. А к тому времени у него будет настоящая армия, обученная тактике, которую Калван извлек из своих воспоминаний об истории шестнадцатого и семнадцатого столетий. Четыре или пять батарей четырехфунтовок, каждая пушка на колесном лафете под четверку лошадей, и мобильность не хуже, чем у кавалерии. И достаточное число винтовок, и люди, обученные из них стрелять. И избавиться от этих медвежьих копий и кос на шестах, заменив их настоящими восемнадцатифутовыми швейцарскими пиками, тогда пехота сможет сдержать кавалерию.

Настоящий враг — это Дом Стифона. Гормота один раз как следует побить, он так битым и останется, а Сарраск из Саска — это как Муссолини рядом с Гитлером-Гормотом. А Дом Стифона огромен; он раскинулся по всем пяти Великим Царствам, от устья реки Св. Лаврентия до Мексиканского залива.

Большой, но уязвимый, и Калван знал его ахиллесову пяту. Стифон не был почитаемым богом, как, скажем, Драм; вот почему пятая колонна Ксентоса набирала в Носторе силу. Дом Стифона презирал простолюдинов и даже знать, он правил, давя на Великих Царей и их князей-вассалов, а как только они научатся сами делать порох, они повернутся против Дома Стифона, и народы их поддержат. Это не религиозная война, как были в шестнадцатом и семнадцатом столетии его бывшей истории. Это избавление от рэкета.

Он поставил кубок, встал, сбросив легкий халат, и стал одеваться к обеду. На миг подумалось, кто выиграет в этом году выборы, демократы или республиканцы — он был уверен, что в другом измерении времени именно этот год, — и как там холодная война и гонка в космосе.

Веркан Валл, закончив рассказ, откинулся в кресле. На террасе не было прямого света, только зарево на небе от городских огней, настолько тусклое, что ясно были видны огоньки сигарет. Их было четверо: начальник Полиции Паравремени, глава Комитета Паравремени, председатель Совета Паратемпоральной Торговли и помощник начальника Веркан Валл, который через сотню дней станет начальником.

— И вы не предприняли действий против него? — спросил глава Комитета.

— Никаких. Этот человек не представляет угрозы Секрету Паравремени. Он знает, что он не в собственном прошлом, и по признакам, которых он должен был ожидать, но не нашел, знает, что и не в будущем. Поэтому он знает, что присутствует в ином измерении времени, и знает, что некто способен путешествовать по времени вбок. Это я признаю. Но он держит это знание про себя. Как говорит идиома его собственной временной линии, он отлично устроился в Арийско-Тихоокеанском. И у него нет желания менять ситуацию.

Вот смотрите, что у него есть, чего он никогда бы не имел в Евро-Американском секторе. Он — из знатнейших дворян, а само это понятие вышло из моды в Евро-Амери-

канском секторе, где идеалом стал Простой Человек. Он собирается жениться на красавице принцессе, а это уже даже в детских волшебных сказках не встречается. Он — солдат удачи со шпагой, которые в нашем мире ядерного оружия давно исчезли. Он командует отличной армией, и собирается сделать ее еще лучше, и ему есть за что сражаться. Все отвлеченные рассуждения о пространственно-временном континууме он надежно запер у себя в черепе.

Обратите внимание на его легенду. Он рассказал Ксентосу, что был заброшен из далекого будущего злым волшебником. Чернокнижие в этой временной линии — вполне научное объяснение чего угодно. Ксентос, с его согласия, передал эту историю Птосфесу, Рилле и Чартифону под клятвенное обещание хранить тайну. Официально было объявлено, что он — князь-изгнанник из страны за пределами географических знаний. Эшелонированная оборона вокруг истинной тайны, и каждый получил приемлемое объяснение.

— А как вы об этом узнали? — спросил председатель Совета.

— От Ксентоса, на пиру. Я втравил его в теологический спор и подсыпал ему в вино немножко порошка правды. Он не помнит, что мне рассказал.

— Да, действительно, никто на той линии времени правды не знает и знать не будет, — согласился глава Комитета. — Но не рисковали ли вы, забирая из храма вещи Моррисона? Это действительно было необходимо?

— Ничуть не рисковал. Мы подогнали туда транспортер в ночь пира, когда в храме никого не было. Наутро жрецы в один голос завопили: «Чудо! Дралм принял пожертвование!» Я там был и сам это видел. Моррисон в это не верит; он думает, что их украли коробейники, ушедшие из Хостигоса наутро. Я знаю, что кавалеристы Хармакроса останавливали народ и обыскивали вьюки и фургоны. Официально, конечно, Моррисон тоже верит в чудо.

А необходимо ли было? Да. Вещи найдут в линии времени Моррисона, сначала одежду, потом бляху на гим-

настерке, а затем, в связи с каким-нибудь преступлением, которое мы для этой цели организуем, и револьвер. Это ничего не объяснит, даже добавит таинственности, но таинственность эта будет обычного рода, из тех, что воспринимается как возможное.

— Что ж, это все очень интересно, — сказал председатель Совета Торговли, — но какое я к этому имею отношение — официально?

— Трент, вы меня удивляете, — ответил глава Комитета. — Рэкет Дома Стифона — превосходное средство для проникновения в этот подсектор, а туда лет через двести будет стоить проникнуть. Мы просто войдем в Дом Стифона и захватим в нем власть, как сделали в храмах Ят-Зара в секторе Халгана. Получим тотальный контроль над политикой и экономикой.

— Только вам придется держаться подальше от линии времени Моррисона, — сказал Торта Карф.

— Абсолютно верно! — подхватил Веркан Валл. — Мы эту линию времени превратим в университет для изучения и объявим абсолютный карантин для всех остальных. И пять соседних линий времени для контрольного опыта. Вы понимаете, с чем мы имеем дело? — У него глаза засверкали энтузиазмом. — Это же начало совершенно нового подсектора, и точка ветвления определена абсолютно точно — впервые мы можем выделить ее из истории. Здесь, сейчас, я уже представил себя этим людям как Веркан, торговец из Грефтшарра. Я вернусь через время, правдоподобное для возвращения верхом, и построю торговый склад. Здание, в котором вполне сможет поместиться траспортер...

Торта Карф засмеялся.

— Я знал! — сказал он. — Знал, что ты что-нибудь придумаешь.

— У всех у нас есть свое хобби. У вас — фруктовый сад и охота на кроликов на Сицилии Пятого Уровня. У меня это будет подсектор Калвана, Четвертый Уровень, Арийско-Тихоокеанский сектор. Мне сейчас всего сто двадцать, и через пару столетий, когда я буду готов выйти в отставку...

Урсула К. Ле Гуин

Об авторе*

Урсула К. Ле Гуин настолько признана как писатель и настолько почитается как один из самых глубоких мыслителей и тонких художников научной фантастики, что иногда забываются ранние дни, когда она впервые вышла на эту сцену. Тогда чаще всего ее сравнивали с Ли Брэкет — даже не раз называли «новой Ли Брэкет». И еще часто забывают, что ее первые книги — «Мир Роканнона», очень ван-вогтовская вещь «Город иллюзий» и лучшая из ее ранних работ, недооцененная и до сих пор мало замечаемая даже поклонниками Ле Гуин «Планета изгнания» — выходили в «Эйс» как космические оперы для массового чтения, причем самого расхожего сорта, с кричащими обложками и огненно-красными аннотациями вроде «Куда бы он ни попадал, его сверхнаучная мощь превращала его в легенду!» или «Это человек-метеор или бомба времени со звезд?» (Точно так же первые книги Сэмюэла Р. Дилэни впервые публиковались как массовая космическая опера, причем тем же издательством и примерно в то же время.)

Как оказалось, Ле Гуин ждала судьба получше, чем просто звание новой Королевы Космических Дорог. И все же, хотя она стала куда более значительной фигурой и невероятно расширила территории литературы

* © Перевод. Левин М.Б., 2001.

за пределы космической оперы, где-то в ней все еще прячется новая Ли Брэкет как жизненно важная часть ее натуры художника. Ее недавнее возвращение к раскинувшейся меж звезд вселенной, известной как Экумена (вымышленный мир, где разворачиваются события ранних романов), в таких повестях, как «День прощения», «Освобождение женщин» и «Другая история», показывает, что автор по-прежнему умеет закрутить сюжет Межпланетных Приключений и Интриг, придав ему такой темп, что невозможно оторваться, и такие вещи читаются не хуже, чем написанные кем бы то ни было и когда бы то ни было... но при этом исследуются политика и сексуальность, конкурирующие модели общества и модели цивилизаций, фундаментальные проблемы жизни и смерти, моральной ответственности, и, быть может, полнее, чем было бы позволено ранней Ле Гуин популярным издательством «Эйс». Но главным, что есть общего у нее с Брэкет и что прежде всего и заставляло критиков их сравнивать, так это то, что Ле Гуин никогда (или почти никогда) не забывает о Повествовании, а также о том, что бьющееся сердце любого Повествования создают люди, которые в нем живут. Это она поняла в самом начале своего писательского пути, как хорошо показывает жутковатая и захватывающая история, которую вы сейчас прочтете, одна из первых опубликованных работ писательницы.

Урсула К. Ле Гуин, наверное, один из наиболее известных в мире писателей. Знаменитый роман «Левая рука тьмы» оказал колоссальное влияние на всю научную фантастику своего десятилетия и не мог не стать одним из долговечных классических произведений жанра, и даже если не говорить о других произведениях Ле Гуин, воздействие одного этого романа на последующую научную фантастику как жанр и на авторов этого жанра невозможно переоценить. (А написанный в 1968 году фэнтезийный роман «Волшебник Земноморья» оказал

почти такое же влияние на авторов Высокой Фэнтези.) «Левая рука тьмы» получила и «Хьюго», и «Небьюлу», как и написанный через несколько лет роман Ле Гуин «Обездоленный». Еще одну премию «Небьюла» принес ей роман «Техану», написанный в 1990 году, и три «Хьюго» с двумя «Небьюлами» она получила за рассказы. Кроме того, Ле Гуин была удостоена Национальной книжной премии по детской литературе за роман «Самый далекий берег», входящий в трилогию Земноморья. Другие ее романы — «Оселок Небес», «Место начала», «Волшебник Земноморья», «Гробницы Атуана», «Техану», «Морская дорога» и мультимедийный роман с противоречивой репутацией «Всегда возвращаясь домой». У нее вышло шесть сборников: «Двенадцать румбов ветра», «Орсинийские рассказы», «Роза ветров», «Девушки-буйволы и другие звериные сущности», «Рыбак внутреннего моря» и самая последняя ее книга — «Четыре пути к прощению».

Ожерелье*

Где быль, а где небыль в этих мирах, затерявшихся в безднах пространства? На безымянных планетах, называемых своими обитателями просто «мир», где нет истории, а прошлое живет только в мифе и где исследователь, вернувшись через несколько лет, которые отнимает субсветовой полет, обнаруживает, что буйно разросшиеся в сумерках невежества искажения и недомолвки превратили за эти годы дела его собственных рук в деяния божества.

* Ursula K. Le Guin. «Semley's Necklace». © Ursula K. Le Guin, 1975. © Перевод. Науменко Н.А., 1992

Тот, кто пытается рассказать историю обыкновенного человека, ученого Лиги, который не так уж давно отправился на такую вот малоизученную и безымянную планету, ощущает себя археологом среди тысячелетних развалин; за сплетением листьев, цветов, веток и лиан ему внезапно открывается геометрическая правильность колеса и гладкая поверхность углового камня, а за обыкновенным дверным проемом, освещенным солнцем, его поджидает тьма, а в ней — неожиданное мерцание пламени, блеск драгоценного камня, взмах женской руки.

Где небыль, а где быль, где одна истина и где другая?

История Роканнона — это история возвращения синего драгоценного камня, сверканием которого она пронизана. С него и начнем:

«Восьмая галактическая зона, № 62, Фомальгаут II

Высокоразумные существа (ВРС) — контакт установлен со следующими видами:

Вид I

А) Гдемиа (ед. ч. гдем, тж. гдема): высокоразумны, полностью человекоподобны, образ жизни — подземный (пещерный), ночной; рост 120—135 см, кожа светлая, волосы темные. К моменту контакта проживали сообществами городского типа, с четким расслоением, система правления — олигархическая; частичная телепатия в пределах района обитания. Культура ранней стали, ориентированная на технический прогресс. В 252—254 гг. миссия Лиги повысила уровень технологии до С-промышленного. В 254 г. правителям побережья Кириенского моря подарен космический корабль-автомат (запрограммирован на полеты к Новой Южной Джорджии и обратно). Статус — С'.

В) Фииа (ед. ч. фиан, тж. фиа): высокоразумны, полностью человекоподобны, образ жизни — дневной; средний рост — 130 см, у наблюдавшихся индивидов кожа и волосы светлые. При кратковременных контактах обнаружены оседлые сельские и кочевые общины; частичная телепатия в пределах района обитания, имеются некоторые свидетельства

телекинеза на небольших расстояниях. По-видимому, атехнологичны, контактов избегают, проявления культуры — минимальны и неопределенны. В настоящее время налогообложение невозможно. Статус — Е?.

Вид II

Лиуа (ед. ч. лиу): высокоразумны, полностью человекоподобны, образ жизни — дневной; средний рост превышает 170 см, тип поселения деревня/крепость, общество — клановo-иерархическое, техническое развитие заторможено (уровень эпохи бронзы). Следует отметить социальное расслоение на две псевдорасы: a) ольгъо (Средние) — светлокожие и темноволосые; b) ангья, «повелители», — очень высокие, с темной кожей и светлыми волосами.

— Это из них, — сказал Роканнон, переводя взгляд со страницы «Краткого карманного указателя ВРС» на очень высокую темнокожую и золотоволосую женщину, стоявшую посреди длинного зала. В сверкающей короне из волос та застыла перед музейной витриной, рассматривая какой-то экспонат, а вокруг нее переминались с ноги на ногу четыре непривлекательных карлика.

— А я и не знал, что на Фомальгауте II, помимо этих троглей, живет еще столько разных народов, — сказал Кето, хранитель музея.

— Я тоже. А в указателе, в разделе «неподтвержденные данные», перечислены еще несколько видов, с которыми контакт не установлен. Думаю, там нужны более основательные исследования. Ладно, теперь мы хоть знаем, откуда она.

— А мне хотелось бы как-нибудь узнать и кто она...

Она принадлежала к древнему роду, восходившему к первым королям ангья, но от своих обедневших предков в наследство не получила иного золота, кроме чистого и нетускнеющего золота волос. Когда она, еще босоногой девчонкой, бегала по полям, буйные ветры Кириена превра-

щали пламя ее волос в сверкающую комету, и маленькие фиа при встрече склонялись перед ней.

Она была еще совсем юной, когда Дурхал из Халлана увидел ее, полюбил ее, а потом и увез от разрушающихся башен и продуваемых сквозняками залов ее детства в свой высокий замок. Башни Халлана-На-Склоне-Горы вздымались по-прежнему гордо, но и в нем не было уюта — незастекленные окна, голые каменные полы. В Холодные Времена, проснувшись, можно было обнаружить под каждым окном наметенные за ночь длинные снежные дорожки. Новобрачная вставала босиком прямо на этот снег, заплетала в косы свою огненную гриву и смеялась над юным супругом, глядя на его отражение в серебряном зеркале, висевшем в их комнате. Это зеркало, да еще подвенечное платье его матери, расшитое тысячью крохотных блесток, были всем его богатством. Здесь, в Халлане, некоторые его сородичи, даже менее знатные, имели куда больше: целые шкафы парчовых одеяний, украшенную золотом мебель, серебряную сбрую для крылатых коней, доспехи и мечи с серебряной насечкой, драгоценные камни и украшения — на них молодая жена Дурхала смотрела с особенной завистью, оглядываясь на диадему с самоцветами или на золотую брошь даже тогда, когда хозяйка украшения, почитая ее происхождение и замужество, сторонилась, уступая ей дорогу.

Четвертыми от Престола Халлана сидели во время пиров Дурхал и его жена Семли — так близко к старому Повелителю Халлана, что тот зачастую собственноручно наливал Семли вино и разговаривал об охоте с Дурхалом, своим племянником и наследником, глядя на юную пару с горькой и безнадежной любовью. У ангья Халлана и всех Западных Земель теперь не было будущего: пришли Повелители Звезд — в своих домах, взлетающих на столбах огня, со своим ужасным оружием, сметающим холмы, — и теперь нельзя было идти дорогами предков и продолжать их войны. Повелители Звезд подвергли ангья жестокому унижению, заставив платить пусть и небольшую, но дань — для своей войны, которую они собирались вести с каким-то

непонятным врагом где-то в межзвездных безднах, у самого конца времен. «Это будет и ваша война», — говорили они, но уже целое поколение ни один ангья не обнажал свои два меча, не возвращался с геройской добычей; в постыдной праздности сидят они в своих пиршественных залах и смотрят, как их мечи ржавеют, как их сыновья вырастают, не нанеся ни единого удара в бою, как их дочери выходят замуж за бедняков, а то и за Средних, потому что для знатного жениха нет приданого.

Лицо Повелителя Халлана омрачалось, когда он смотрел на золотоволосую чету и слышал, как, выпив горького вина, они подшучивают друг над другом и смеются посреди холода и разрушения, воцарившихся в величественной твердыне ангья.

А у Семли лицо каменело, когда она смотрела в зал и видела сверкание драгоценных камней на сидевших куда ниже ее, даже на полукровках и Средних, на их белой коже и в их черных волосах. Сама она ничего не получила в приданое, даже серебряной заколки для волос. Платье с тысячью блесток она спрятала в сундук — если у нее родится дочь, то до дня ее свадьбы.

Дочь и родилась, и они назвали ее Хальдре, а когда пушок на ее маленькой коричневой головке подрос, он засиял тем же самым неподвластным времени золотом, наследием властительных поколений — единственным золотом, которым ей суждено владеть...

Семли не говорила мужу о том, что ее гнетет. Как ни добр был с нею Дурхал, но в своей королевской гордости он презирал зависть и суетные желания, и она страшилась его презрения. Но с Дуроссой, сестрой Дурхала, она однажды заговорила.

— Когда-то моя семья владела великим сокровищем, — сказала она. — Это было ожерелье, все из золота, а посередине — синий драгоценный камень — сеп... Сапфир?

Дуросса, улыбаясь, покачала головой — она тоже не знала правильного названия. Подходили к концу Теплые Времена — так у ангья Севера называлось лето

восьмисотдневного года, открывающее после каждого равноденствия новый круг Времен года; Семли такой счет месяцев казался нелепой выдумкой Средних. Да, ее род угасал, но это был действительно старинный и знатный род, а здесь, в Северо-Западном Пограничье, ангья слишком вольно смешивали свою кровь с кровью ольгьо... Они сидели на освещенной солнцем каменной скамье под окном в комнате Дуроссы, высоко в Главной Башне. Рано овдовевшую и бездетную Дуроссу выдали второй раз замуж за Повелителя Халлана, брата ее отца. Поскольку это был кровнородственный брак и притом второй с обеих сторон, она не получила титула Повелительницы Халлана, который, наверное, будет носить Семли; но она сидела вместе со старым Повелителем на Престоле Халлана и правила вместе с ним его владениями. Она была старше своего брата Дурхала, обожала его юную жену и души не чаяла в золотоволосой крошке Хальдре.

— За него отдали, — продолжала Семли, — все сокровища, которые мой предок Лейнен захватил, покорив Южные Феоды, — подумать только, богатства целого королевства всего за один драгоценный камень! О, он, конечно, затмил бы здесь, в Халлане, все — даже эти камни размером с яйцо птицы кооб, которые носит твоя кузина Иссар. Ожерелье было так прекрасно, что ему дали собственное имя; его нарекли «Глаз Моря». Его носила моя прабабушка.

— И ты никогда его не видела? — спросила Дуросса, глядя вниз на зеленые склоны гор, где посланцы долгого лета — горячие и беспокойные ветры — блуждали среди лесов, а потом вихрями уносились по белым дорогам к далекому берегу моря.

— Оно исчезло еще до моего рождения.

— Может, его вместе с данью забрали Повелители Звезд?

— Нет, мой отец говорил, что его украли еще до того, как Повелители Звезд пришли в наши края. Он не любил рассказывать о нем, но одна старая женщина из Средних, знавшая множество историй, всегда говорила мне, что про ожерелье можно узнать у фиа.

— Фиа! Как мне хотелось бы их увидеть! — воскликнула Дуросса. — Столько песен и сказаний сложено про них. А почему они никогда не появляются в Западных Землях?

— Наверное, здесь слишком высоко для них и слишком холодно зимой. Они любят солнечный свет долин юга.

— Похожи они на Земляных?

— Земляных я никогда не видела; там, на юге, они избегают нас. Я слышала, что они светлокожие, как Средние, и безобразны на вид... А фиа белокуры и выглядят как дети, только они худые и мудры не по-детски. Ах, если бы они знали, где сейчас ожерелье, кто украл его и где прячет! Представь, Дуросса, — я вхожу в Пиршественный Зал Халлана и сажусь рядом с мужем, а на моей шее — богатство целого королевства, и я затмеваю других женщин, как он затмевает всех мужчин!

Дуросса наклонилась над малышкой, которая сидела между матерью и теткой на меховой подстилке, изучая коричневые пальчики своих ног.

— Семли глупая, — заговорила Дуросса нараспев. — Семли, которая сверкает, как падающая звезда, Семли, для мужа которой в мире нет иного золота, кроме золота ее волос...

Но Семли, смотревшая куда-то вдаль — за зеленые летние склоны, в сторону моря, — ничего не ответила.

Миновали еще одни Холодные Времена, и Повелители Звезд снова пришли собирать свою дань для войны против конца света (на этот раз переводчиками при них были два карлика из Земляного Народа; и от этого оскорбления ангья едва не восстали); и еще одни Теплые Времена прошли, Хальдре подросла, и эту милую щебетунью Семли принесла однажды утром в залитую солнцем комнату Дуроссы в башне. На Семли был старый синий плащ с капюшоном, закрывавшим ее волосы.

— Присмотри за Хальдре эти несколько дней, Дуросса, — быстро, но спокойно попросила она. — Я собираюсь на юг, в Кириен.

— Повидаться с отцом?

— За моим наследством. Твои родичи из Харгетского Феода уже смеются над Дурхалом. Даже этот полукровка Парна позволяет себе насмехаться над ним — ведь у его жены есть и атласное покрывало для кровати, и серьга с алмазом, и три платья — у этой белолицей и черноволосой неряхи! — а жена Дурхала должна свое платье штопать...

— Что важнее Дурхалу — его жена или то, что на ней надето?

Но Семли уже было не остановить.

— Повелители Халлана беднее всех в своем дворце! Я собираюсь принести своему господину приданое, как и подобает женщине моего происхождения.

— Семли! А Дурхал знает?..

— Мое возвращение будет счастливым — передай ему только это, — сказала, весело рассмеявшись, Семли; она наклонилась и поцеловала дочь, повернулась — Дуросса не успела даже рта открыть — и, словно быстрый ветерок, унеслась по залитому солнцем каменному полу.

Замужние женщины ангья никогда не ездили верхом для развлечения, и Семли после свадьбы еще не покидала Халлана; поэтому теперь, вскочив в высокое седло, она снова почувствовала себя той буйной девчонкой, которая на полудиких крылатых конях носилась наперегонки с северным ветром над полями Кириена. Чистокровный крылатый, уносивший сейчас ее прочь от высоких холмов Халлана, был не чета тем: лоснящаяся полосатая шкура плотно обтягивала объемистые полые кости, зеленые глаза щурились от встречного ветра, могучие крылья мерно вздымались и опускались с обеих сторон от Семли, то открывая, то закрывая облака вверху и холмы внизу.

На третье утро она добралась до Кириена и снова ступила на камни полуразрушенного двора. Ее отец опять пил всю ночь, и теперь, как и раньше, от солнечного света, который пробивался сквозь обвалившуюся местами кровлю, у него болели глаза, а появление дочери только усилило его раздражение.

— Зачем ты вернулась? — буркнул он, мельком взглянув на нее опухшими глазами. Огонь его волос, пылавший в молодости, погас, осталась зола — спутанные седые пряди. — Что, этот юнец из Халлана не женился на тебе и ты теперь тайком вернулась домой?

— Я жена Дурхала. Я пришла за своим приданым, отец.

Пьяница раздраженно пробормотал что-то, но она так ласково засмеялась над ним, что он, морщась, снова посмотрел на нее.

— Правда ли, отец, что ожерелье «Глаз Моря» украли фиия?

— Откуда я знаю? Давняя история. Оно пропало, кажется, еще до моего рождения. Жаль, что я вообще родился. Если тебе нужно, то у фиия и спрашивай. Иди к ним или возвращайся к своему мужу. Оставь меня в покое. В Кириене нет места для девушек, золота и всего такого прочего. Здесь все кончено — место разорено, дом пуст. Все сыновья Лейнена мертвы, все их сокровища пропали. Ступай отсюда, девочка.

Серый и опухший, похожий на паутинника, живущего в развалинах, он повернулся и побрел, покачиваясь, к подвалам, где прятался от дневного света.

Ведя за собой полосатого халланского коня, Семли покинула свой родной дом и, спустившись по крутому склону холма, мимо селения Средних, которые отчужденно, но почтительно приветствовали ее, двинулась через поля, где разгуливали большие полудикие хэрилоры с подрезанными крыльями, к ярко-зеленой, как разрисованная чаша, долине, залитой до краев солнечным светом. На дне долины лежало селение фиия; она еще спускалась со своим крылатым, а навстречу ей уже выбегали из хижин и садов маленькие хрупкие человечки, смеясь и выкрикивая приветствия тонкими голосками:

— Привет тебе, обвенчанная с Халланом, Госпожа из Кириена, Оседлавшая Ветер, Семли Прекрасная!

Они называли ее красивыми прозвищами, и ей было приятно их слушать, а смех совсем не раздражал ее — ведь

они смеялись всему, что говорили. Она и сама была такой же: ни слова без смеха. Высокая, в своем длинном синем плаще, она стояла посреди водоворота приветствий.

— Привет и вам, Светлые, Любящие Солнце, фиа, друзья людей!

Они повели ее в селение, к одному из своих воздушных домиков, а следом бежали их крошки дети. У взрослого фиа ничто не указывало на его возраст, ничто не отличало его от других, и когда они, как мотыльки около пламени, быстро сновали вокруг, Семли не могла понять, один и тот же у нее собеседник или нет. Но ей все же казалось, что только один из них говорил с ней все это время, а остальные угощали и гладили ее коня, несли ей воды и блюда фруктов с маленьких деревьев из их садов.

— Нет, не фиа украли ожерелье Повелителей Кириена! — воскликнул маленький человечек. — Зачем фиа золото, госпожа? В Теплые Времена у нас есть солнечный свет, а в Холодные — воспоминания о солнечном свете; еще — желтые плоды, а когда Тепло уходит — желтые листья, и еще золото волос госпожи из Кириена, другого золота у нас нет.

— Тогда, быть может, его украл кто-то из Средних?

Долго звенел вокруг нее тихий смех.

— Как Средний может решиться на такое? О Повелительница Кириена, про то, как было украдено это великое сокровище, не знают ни Высокие, ни Средние, ни Светлые, никто из Семи Народов. Только память мертвых может рассказать о том, как оно исчезло тогда, много лет назад, когда Кирелей Гордый — твой прадед, Семли, — гулял в одиночестве у пещер на морском берегу. Но, быть может, оно отыщется у Ненавидящих Солнце.

— У Земляных?

Снова зазвенел смех, только громче и напряженнее.

— Посиди с нами, Семли, Солнцеволосая, с севера к нам вернувшаяся.

И она сидела за их столом, и они радовались любезности гостьи, а она — приветливости хозяев. Но когда она снова

повторила, что если ожерелье было у Земляных, то к ним она и отправится, фиа, окружавшие ее, перестали смеяться и один за другим почти все исчезли. В конце концов с ней остался только один фиа — может быть, именно тот, который говорил с ней перед трапезой.

— Не ходи к Земляным, Семли, — сказал он, и ее сердце на мгновение упало.

Фиа медленно прикрыл рукой глаза, и все вокруг потемнело. На блюде лежали пепельно-серые плоды, чаши с чистой водой опустели.

— В горах далекой земли разошлись пути фиа и гдемиа. Давным-давно это было, — тихо сказал хрупкий человечек. — А еще раньше мы были одно целое. То, чего нет у нас, есть у них. Того, что у нас есть, у них нет. Подумай, Семли, о солнечном свете, и траве, и деревьях, приносящих плоды; подумай о том, что не все дороги, ведущие вниз, можно пройти в обратную сторону.

— Моя дорога ведет меня не вверх и не вниз, любезный хозяин, но только вперед — к моему наследству. Я пойду туда, где оно находится, и вернусь с ним.

Фиа поклонился, его смех зазвенел и тут же смолк.

За околицей, ответив на слова прощания, она снова села на своего полосатого коня и, поймав послеполуденный ветер, полетела на юго-запад, к пещерам у скалистых берегов Кириенского моря.

Семли пугало, что тех, кто ей нужен, придется разыскивать во тьме подземных ходов — ведь говорят, что Земляные никогда не выходят из своих пещер днем и не переносят даже света Большой Звезды и лун. Лететь было далеко, поэтому она сделала остановку и отпустила крылатого поохотиться на древесных крыс; сама она тем временем съела немного черствого хлеба из седельной сумки. Хлеб сильно отдавал кожей, но все равно он напомнил ей о Халлане, и ее мысли унеслись далеко-далеко от уединенной поляны в глубине южного леса. Ей послышался тихий голос мужа, и она как наяву увидела обращенное к ней его суровое и ясное лицо, освещенное свечами. Семли представила, как

она возвращается домой, а на ее плечах лежит сокровище целого королевства; вот она приходит к Дурхалу и говорит: «Я принесла дар, достойный моего мужа, о Повелитель!..»

Она помчалась дальше, но до берега добралась уже в темноте: солнце зашло, Большая Звезда опускалась следом за ним. С запада начал задувать ветер, его порывы налетали то с одной стороны, то с другой, и крылатый конь стал выбиваться из сил. Тогда она позволила ему опуститься прямо на песок. Конь сразу же сложил крылья и, мурлыкая, подобрал под себя толстые легкие лапы. Запахнув поплотнее плащ, Семли осталась возле него, почесывая ему шею; довольный, тот прянул ушами и снова замурлыкал. От шерсти в ее руку шло приятное тепло, а вокруг, насколько хватало глаз, никого не было — только серое небо в кляксах облаков, серое море и темный песок. Но вот по песку пробежал кто-то невысокий и темный, потом еще один, и еще несколько; присядут, перебегут, остановятся...

Семли громко окликнула их. Казалось, до этого они ее не замечали, но прошло мгновение — и они уже рядом. Они держались подальше от крылатого коня; тот перестал мурлыкать, а его шерсть под рукой Семли слегка поднялась. Она подобрала поводья, радуясь, что у нее есть защитник, и опасаясь, как бы он не показал свой вспыльчивый нрав. Странные существа молча разглядывали ее, их толстые босые ноги тонули в песке. Не было никаких сомнений в том, кто они: одного роста с фиия, во всем остальном они были тенью, темным отражением этого смеющегося народа. Голые, приземистые, неподвижные, волосы черные и прямые, кожа серая, на вид слегка влажная, как у личинок, а глаза — как камни.

— Вы и есть Земляные?

— Мы — гдемиа, народ Повелителей Царства Ночи.

Голос оказался неожиданно громким, он торжественно прозвучал в продуваемой соленым ветром темноте, но опять, как и с фиия, Семли не могла понять, кто с ней говорит.

— Приветствую вас, Ночные Владыки. Я Семли из Кириена, жена Дурхала из Халлана. Я пришла к вам в поис-

ках своего наследства, ожерелья, названного «Глаз Моря» и потерянного много лет назад.

— Почему ты ищешь его здесь, ангья? Здесь только песок, соль и ночь.

— Потому что под землей ведут счет всем потерям, — Семли была готова к словесному состязанию, — а золото, пришедшее из земли, в землю и уходит. А еще говорят, что вещь иногда возвращается к тому, кто ее сделал.

Она сказала это наугад и попала в цель.

— Да, мы знаем про ожерелье по имени «Глаз Моря». Его сделали в наших пещерах много лет назад и продали потом ангья. А синий камень для него добыли в землях наших сородичей на Востоке. Но это очень давняя история, ангья.

— А могу я услышать ее там, где ее рассказывают?

На какое-то время карлики умолкли, словно сомневаясь. Серый ветер задувал над песками, темнеющими по мере того, как заходила Большая Звезда; шум моря то усиливался, то ослабевал.

Снова раздался глубокий голос:

— Да, госпожа ангья. Ты можешь войти в Чертоги Глубин. Пойдем с нами.

Новая нотка прозвучала в этом голосе, что-то затаенное, но Семли не пожелала прислушаться к ней. Она пошла по песку следом за Земляными, ведя на коротком поводке своего когтистого коня.

У входа в пещеру, у зияющей беззубой пасти, из которой дохнуло вонючим теплом, один из Земляных сказал:

— Воздушному зверю сюда входить нельзя.

— Можно.

— Нет, — сказали карлики.

— Можно. Я не оставлю его здесь, он не мой. Пока я держу поводья, он вас не тронет.

— Нет, — повторили глубокие голоса, но их прервали другие: — Как пожелаешь. — И, поколебавшись, Земляные двинулись дальше. Казалось, что позади них захлопнулась

каменная пасть — так темно стало вокруг. Они шли по одному, Семли — последней.

В темноте забрезжил свет; вскоре они добрались до его источника — свисающего с потолка шарика неяркого белого огня. Дальше в туннеле виднелся еще один и еще... Между ними тянулись выходившие прямо из камня гирлянды длинных черных червяков. Чем дальше они уходили, тем короче становилось расстояние между этими огненными шарами, и теперь весь туннель был залит холодным ярким светом.

Спутники Семли остановились: дальше туннель разделялся на три коридора, входы в которые закрывали двери, сделанные, по-видимому, из железа.

— Здесь мы должны подождать, ангья, — сказали карлики; восемь остались с ней, а трое других отперли одну дверь и прошли внутрь. Дверь с лязгом захлопнулась за ними.

Прямая и неподвижная стояла дочь ангья под белым светом ламп, а рядом припал к полу ее крылатый конь: кончик полосатого хвоста подергивался, сложенные огромные крылья вздрагивали, как будто конь порывался взлететь. Восемь Земляных уселись на корточки в туннеле позади Семли и принялись бормотать о чем-то на своем языке.

Лязгнув, распахнулась средняя дверь.

— Пусть ангья вступит в Царство Ночи! — надменно выкрикнул незнакомый голос. — Войди и взгляни на чудеса наших владений, на удивительные дела наших рук — на все, созданное Владыками Ночи!

В дверном проеме стоял Земляной, широкое серое тело которого прикрывала какая-то одежда, и делал приглашающие жесты.

Семли дернула поводья и, нагнувшись, чтобы не задеть головой рассчитанную на карликов притолоку, молча последовала за ним. За дверью начинался другой, тоже ярко освещенный белым светом туннель, влажные стены которого ослепительно сверкали, но дороги дальше не было: вместо нее вдаль, насколько хватал глаз, тянулись два бруска из отшлифованного железа. На этих брусках стояло что-то

вроде телеги с металлическими колесами. Подчиняясь указаниям своего нового проводника, Семли без малейших колебаний села в эту телегу и уложила крылатого коня рядом с собой. Земляной человек устроился впереди нее и завозился с какими-то палками и колесами. Раздалось громкое гудение, заскрежетал металл, и стены туннеля поползли им навстречу. Они двигались все быстрее и быстрее, пока огненные шары вверху не слились в сплошную светлую полосу, а застоявшийся воздух не превратился во встречный ветер, срывающий капюшон с ее волос.

Телега остановилась. Семли поднялась вслед за своим проводником по базальтовым ступенькам в просторное помещение, а потом в еще больший зал, вырытый в скалах древними подземными реками, а может быть, вырубленный самими Земляными; это мрачное место, никогда не знавшее солнца, было залито жутким холодным светом огненных шаров. За решетками, вставленными в стены, поворачивались и поворачивались огромные клинки, перемешивая застоявшийся воздух. Все здесь жужжало и гудело: гигантское замкнутое пространство наполняли скрежет и визг, громкие голоса Земляных, дрожь от вращающихся клинков и колес — и эхо от этих звуков, многократно отражавшееся от стен. Хотя находившиеся здесь Земляные прикрывали свои коренастые тела одеждами, подражая Повелителям Звезд — раздвоенное одеяние вокруг ног, мягкие башмаки, накидки с капюшонами, — на тех немногих женщинах, которых заметила Семли, суетливых подобострастных карлицах, не было ничего. Многие из мужчин были воинами, на боку они носили предметы, похожие на ужасные светострелы Повелителей Звезд, но даже Семли смогла понять, что это просто железные палки. Не глядя по сторонам, она пошла туда, куда ей показывали. Когда она оказалась перед группой Земляных, черные волосы которых были стянуты железными обручами, ее проводник остановился, поклонился и выкрикнул:

— Высокие Повелители гдемиа!

Их было семеро, и все они смотрели на нее снизу вверх, но при этом бугристые серые лица выражали такое высокомерие, что она едва не рассмеялась.

— О Повелители Царства Мрака, я разыскиваю пропавшее сокровище моей семьи, — сказала она, согнав с лица улыбку. — Я ищу добычу Лейнена — «Глаз Моря».

Ее голос тонул в гуле, наполнявшем гигантское подземелье.

— Наши слуги уже сказали нам об этом, Повелительница Семли.

На этот раз она смогла определить, кто с ней говорит; он был ниже остальных, едва ей по грудь, с властным и каким-то особенно неприятным белым лицом.

— У нас нет той вещи, которую ты ищешь.

— Говорят, что она когда-то была у вас.

— Там, наверху, где солнце слепит глаза, говорят очень многое.

— И ветры разносят слова повсюду. Мой вопрос не о том, как ожерелье ушло от нас и как вернулось к вам, когда-то сделавшим его. Все это было давным-давно, и все обиды уже забыты. Я только хочу отыскать его. Пусть у вас его сейчас нет, но, быть может, вы знаете, где оно?

— Здесь его нет.

— Тогда где-то оно есть.

— Оно там, куда тебе никогда не попасть. Никогда — если мы тебе не поможем.

— Тогда помогите мне. Я прошу об этом как ваша гостья.

— Говорят так: «Ангья берут, фиия дают, гдемиа дают и берут». Если мы сделаем это для тебя, что ты дашь нам?

— Мою благодарность, Владыка Ночи.

Высокая и светлая стояла она среди них и улыбалась. А они разглядывали ее с недобрым удивлением и с какой-то затаенной тоской.

— Послушай, ангья, ты просишь нас о небывалой услуге. Ты и сама не знаешь, сколь она велика. Тебе этого не понять. И народу твоему этого никогда не понять, ведь вам только и надо, что гоняться за ветром, растить урожаи,

сражаться и кричать. Но кто делает вам острые стальные мечи? Мы, гдемиа! Ваши повелители приходят к нам — и здесь, и в других местах, — покупают свои мечи и уходят, ничего не увидев и не поняв. Но вот ты здесь, так посмотри вокруг, и ты увидишь малую долю наших бесчисленных чудес: огни, которые горят и не гаснут, телегу, которая едет сама собой, машины, которые делают наши одежды, и готовят нам еду, и освежают нам воздух, и служат нам во всем. Знай, что все это превыше твоего разумения. И знай еще вот что: мы, гдемиа, — друзья тех, кого вы называете Повелителями Звезд! Мы приходили с ними в Халлан, в Реохан, в Хул-Оррен — во все ваши замки, помогая им говорить с вами. Владыки, которым вы, гордые ангья, платите дань, — наши друзья. Они оказывают услуги нам, мы оказываем услуги им! А теперь скажи, что значит для нас твоя благодарность?

— На твой вопрос тебе и отвечать, — сказала Семли. — Свой вопрос я задала раньше. Ответь на него, Повелитель.

Некоторое время семеро переговаривались, то вслух, то не открывая рта. Они бросали на нее быстрые взгляды и тут же отводили глаза в сторону, бормотали и снова замолкали. Вокруг них безмолвно росла толпа, постепенно заполнившая всю громадную гудящую пещеру за исключением маленького пятачка в центре; Семли и не заметила, как оказалась окруженной сотнями взлохмаченных черных голов. Ее конь слишком долго сдерживал страх и раздражение, и теперь его била мелкая дрожь, а его широко раскрытые глаза потускнели, как это бывает у крылатых, которых заставляют летать ночью. Она стала поглаживать его теплую мохнатую морду, тихонько приговаривая:

— Ну не надо, ну успокойся... ты у меня смелый, ты у меня сильный... настоящий владыка ветра...

— Ангья, мы отвезем тебя туда, где лежит сокровище. — К ней снова повернулся тот самый белолицый Земляной в железной короне. — Большее не в наших силах. Тебе придется отправиться с нами туда, где лежит ожерелье, и самой

потребовать его назад у тех, кто его сторожит. Воздушный зверь должен остаться здесь. Ты отправишься без него.

— Далеко ли нужно ехать, Повелитель?

Его губы растянулись в подобие улыбки.

— Нужно ехать очень далеко, Повелительница. Но дорога займет только ночь — одну долгую ночь.

— Благодарю вас за вашу любезность. Хорошо ли будут смотреть за моим конем в эту ночь? С ним ничего не должно случиться.

— Он будет спать, пока ты не вернешься. Куда больший крылатый конь будет носить тебя, прежде чем ты снова увидишь своего зверя! Ты не хочешь спросить, куда мы тебя отвезем?

— А можно ли выехать поскорее? Я не хотела бы надолго отлучаться из моего дома.

— Поскорее? Можно.

И снова, когда он поднял на нее взгляд, его серые губы широко растянулись.

Семли вряд ли смогла бы потом пересказать все, что происходило в следующие несколько часов, — она ничего не понимала в этой спешке и суете. Вот она держит голову своего коня, пока какой-то Земляной колет его длинной иглой в полосатое бедро. Она едва не закричала, но крылатый только дернулся и тут же уснул. Его унесли несколько Земляных — похоже, им потребовалась вся их храбрость, чтобы прикоснуться к теплой шерсти коня. А вот она видит, как игла вонзается уже в ее руку — возможно, чтобы проверить ее храбрость, подумалось ей; в сон ее вроде бы не клонило, но и в этом потом она сомневалась. Ей снова приходилось садиться в телеги, движущиеся по металлическим брускам, и ехать сквозь все новые и новые железные двери и сводчатые пещеры, а один раз телега пересекла гигантскую пещеру, границы которой терялись во мраке, и весь этот мрак кишел бесчисленными стадами хэрилоров. До нее доносилось их воркование и хриплые крики, а передние огни телеги выхватывали из темноты все новых и новых; потом, когда ее глаза привыкли к резкому свету, она

разглядела, что все они бескрылые и слепые. И тогда она зажмурилась. Потом были другие туннели и другие пещеры, новые серые фигуры, каменные лица и громкие надменные голоса, и внезапно все кончилось — ее вывели наружу. Стояла глубокая ночь; Семли с облегчением взглянула на звезды и на единственную луну — маленькую Хелики, восходившую на западе. Но вокруг по-прежнему были Земляные, теперь они повели ее куда-то вверх — в какую-то другую телегу или в пещеру, она так и не поняла куда. Помещение это оказалось совсем небольшим; вокруг, словно зажженные свечи, перемигивались многочисленные огоньки; после простора сырых пещер и пронизанной светом звезд ночи здесь было очень тесно и светло... И вот ее снова колют иглой и говорят, что ей нужно лечь в странное плоское кресло и что ее к нему привяжут — голову, руки и ноги.

— Я не позволю, — сказала Семли.

Но когда она увидела, что четверо Земляных, которые должны были ее сопровождать, дали себя привязать, то согласилась тоже. Потом все остальные ушли. Раздался громкий рев и тут же смолк; что-то невыносимо тяжелое и в то же время невидимое навалилось на Семли. А потом тяжести не стало, не стало звуков — не стало ничего.

— Я умерла? — спросила Семли.

— О нет, Повелительница, — произнес чей-то голос, и он ей не понравился.

Открыв глаза, она увидела склонившееся к ней белое лицо, широкие губы и глаза как камешки. Оков, которые держали ее, больше не было, и она вскочила на ноги. У нее не было тела, не было веса — от нее остался только страх, уносимый куда-то ветром.

— Мы не причиним тебе вреда, — угрюмо сказал кто-то. — Только позволь нам коснуться тебя, Повелительница. Нам хотелось бы коснуться твоих волос. Позволь нам потрогать твои волосы...

Круглая телега, в которой они находились, немного подрагивала. За ее единственным окном стояла темная ночь, а может быть, туман, а может быть — ничто? Одна долгая

ночь, сказали они. Очень долгая. Она сидела неподвижно и терпела, пока тяжелые серые руки трогали ее волосы. Потом они стали трогать ее ладони, ноги и руки, и кто-то коснулся ее шеи; она сжала зубы и поднялась, и они отступили.

— Мы ведь не сделали тебе больно, Повелительница, — сказали они.

Она покачала головой.

Потом они попросили ее лечь, и она опустилась в кресло, которое само связало ее; а когда за окном вспыхнул золотой свет, она обязательно разрыдалась бы — если бы не потеряла сознания.

— Ладно, — сказал Роканнон. — Теперь мы хоть знаем, откуда она.

— А мне хотелось бы как-нибудь узнать, кто она, — пробормотал хранитель. — Значит, если я правильно понял этих троглей, она хочет получить что-то находящееся здесь, в Музее?

— Не надо называть их троглями, — одернул его Роканнон; как специалист-этнолог по врасу — Высоко-Разумным Существам — он считал недопустимым употребление подобных словечек. — Они, конечно, не красавцы, но они — Союзники со статусом С. Интересно, почему Комиссия для развития избрала именно их? Даже не установив контакта со всеми видами врасу? Держу пари, что обследование проводила экспедиция из системы Центавра — центаврийцы всегда предпочитают тех, кто ведет ночной образ жизни и обитает в пещерах. Я бы, наверное, выбрал таких, как она, — вид II.

— Кажется, троглодиты ее побаиваются?

— А ты сам?

Кето снова посмотрел на высокую женщину, покраснел и рассмеялся:

— Есть немного. Я никогда не встречал такого красивого типа среди врасу — за все восемнадцать лет, что я провел здесь, на Новой Южной Джорджии. Я вообще никогда

и нигде не встречал такой красивой женщины. Она словно богиня.

Краска залила всю его лысую голову — до самой макушки, потому что он был обычным хранителем Музея, застенчивым и несклонным к высокому стилю. Роканнон, соглашаясь, задумчиво кивнул.

— Мне так хотелось бы поговорить с ней без переводчиков, без этих трог... гдемиа. Но тут уж ничего не поделаешь.

Роканнон подошел к их гостье и, когда она повернула к нему свое прекрасное лицо, низко поклонился ей: он опустился перед ней на одно колено и, закрыв глаза, склонил перед ней голову. Все это он называл своим «многоцелевым интеркультурным реверансом» и проделывал довольно изящно. Когда он снова выпрямился, красавица улыбнулась и что-то сказала.

— Она говорят: привет тебе, Повелитель Звезд, — пробормотал кто-то из ее малорослой свиты на пиджин-галакте.

— Привет тебе, Повелительница ангья, — ответил Роканнон. — Чем мы здесь, в Музее, можем служить госпоже?

Ее голос, словно серебристый ветерок, прорвался сквозь бормотание троглодитов.

— Она говорят: пожалуйста, дать ей ожерелье, который сокровище ее родственники-предки, давно-давно.

— Какое ожерелье? — спросил Роканнон, и, поняв его, она указала на центральный экспонат в витрине, расположенной перед ним, на великолепную вещь: цепь из чистого золота, массивную, но очень тонкой работы, в которую посередине был вделан большой ярко-синий сапфир. Брови Роканнона поползли вверх, а Кето за его плечом пробормотал:

— У нее хороший вкус. Это Фомальгаутское Ожерелье — знаменитая вещь.

Она улыбнулась двум мужчинам и снова заговорила с ними через головы троглодитов.

— Она говорят: о Повелители Звезд, Старший и Младший Жители Дома Сокровищ, это сокровище ее есть. Давно-давно. Спасибо.

— Как мы получили эту вещь, Кето?

— Подожди, сейчас поищу в каталоге. Вот. Оно поступило от этих троглей или троллей — как их там, гдемиа. Так... Склонны к заключению торговых сделок; в связи с этим им разрешено купить корабль-автомат КА-4 — ну, тот, на котором они прибыли. Ожерелье — часть того, что они заплатили. Изготовлено ими самими.

— Держу пари, что сейчас, после того как их подтянули к Промышленному Уровню, такой вещи им уже не сделать.

— Но они, похоже, считают, что вещь принадлежит ей, а не им или нам. Это должно быть очень важно, Роканнон, иначе они не стали бы тратить столько времени, чтобы доставить ее сюда. Ведь объективного времени при полетах от Фомальгаута до Кергелена они теряют довольно много.

— Конечно, несколько лет, — сказал специалист по врасу, которому уже приходилось совершать прыжки от звезды к звезде. — Но это не так уж далеко... Ладно, ни в «Справочнике», ни в «Указателе» нет достаточной информации, чтобы можно было с уверенностью что-либо утверждать. Очевидно, что эти виды не изучены как следует. Может быть, малыши оказывают ей простую любезность. А может, из-за этого проклятого сапфира вот-вот разгорится межвидовая война. Может быть, они исполняют ее желание, потому что считают себя стоящими ниже ее. Или мы просто заблуждаемся и она — их пленница, просто приманка. Как нам судить об этом?.. Кето, ты можешь отдать ей эту вещь?

— Конечно. Вся эта экзотика формально считается только экспонируемой, а не принадлежащей Музею, потому что подобные казусы время от времени случаются. Мы отказываем редко. Мир превыше всего — пока не пришла Война...

— Тогда я сказал бы — отдай его ей.

Кето улыбнулся.

— Это высокая честь, — ответил он.

Отперев витрину, он вынул золотую цепь; потом, смутившись, протянул ее Роканнону, пробормотав:

— Отдай ты.

Так, в первый раз и всего на мгновение, синий драгоценный камень лег на ладонь Роканнона.

Но тогда он не придал этому значения: с пригоршней синего пламени он повернулся к инопланетной красавице. Она не протянула руки, чтобы взять ожерелье, а просто наклонила голову, и украшение, скользнув по ее волосам, оказалось на ней. Словно горящий фитиль, оно разбрызгивало искры с золотисто-коричневой шеи. Когда женщина снова подняла глаза, ее лицо выражало столько гордости, восторга и благодарности, что Роканнон застыл, потеряв дар речи, а маленький хранитель торопливо забормотал на своем языке:

— Рады были вам помочь, очень рады...

Она величаво раскланялась с ними, потом, повернувшись, кивнула своим малорослым спутникам (или тюремщикам?) и, закутавшись в потертый синий плащ, вышла из длинного зала и скрылась из виду. Кето и Роканнон остались на месте, глядя ей вслед.

— У меня такое чувство... — начал было Роканнон.

— Что? — после долгой паузы переспросил Кето охрипшим голосом.

— У меня такое чувство... иногда мне кажется, будто я... когда встречаю этих людей — из миров, о которых мы знаем так мало, иногда... Будто я случайно коснулся краешка легенды, а может быть, трагического мифа, которого сам не понимаю...

— Да-да, — сказал, хранитель и откашлялся. — Интересно... Интересно, а как ее зовут...

Семли Прекрасная, Семли Золотая, Семли-с-Ожерельем. Перед ее волей склонились и Земляные, и даже сами Повелители Звезд в том ужасном месте, куда Земляные ее перенесли, в городе на краю ночи. Они поклонились ей и вернули ее сокровище, лежавшее среди их собственных, вернули с радостью.

Но она все еще не могла отделаться от тягостного чувства, охватившего ее в пещерах, где каменные своды давят

на голову, где не понимаешь, кто с тобой говорит и что с тобой делают, где стоит гул голосов, а серые руки тянутся к тебе... Нет, хватит! Она заплатила за ожерелье — и все. Теперь оно принадлежит ей. Цена уплачена, все позади.

Ее крылатый конь выполз из какого-то ящика, его глаза все еще слипались, бока заиндевели, и когда они покинули подземелья гдемиа, он поначалу никак не мог взлететь. Но теперь, похоже, он пришел в себя и, поймав попутный южный ветер, мчался по ясному небу к Халлану.

— Скорее, скорее, — подгоняла она его; с каждым порывом ветра тьма, затопившая ее память, отступала, и она смеялась все громче. — Хочу увидеть Дурхала. Скорее, скорее...

Смеркалось, когда к вечеру второго дня их стремительный полет завершился в Халлане. Крылатый пронесся над лестницей в тысячу ступеней, миновал Мост-Над-Бездной, под которым лесистый склон обрывался на тысячу футов вниз, и теперь подземелья гдемиа казались ей прошлогодним ночным кошмаром. В золотистом вечернем свете она слезла с коня во Дворе Полетов и поднялась по последним ступеням лестницы — между высеченными из камня фигурами героев и двумя стражниками, которые поклонились ей, не отводя глаз от прекрасной вещи, сверкающей на ее шее.

Сразу у входа в Зал она остановила проходившую мимо девушку, очень красивую и похожую на Дурхала — возможно, близкую родственницу, хотя ее имени вспомнить Семли так и не смогла.

— Ты знаешь меня, девушка? Я Семли, жена Дурхала. Не могла бы ты сказать Повелительнице Дуроссе, что я вернулась?

Она боялась идти дальше — боялась встретиться с Дурхалом наедине и поэтому хотела заручиться поддержкой Дуроссы.

Девушка с изумленным лицом пристально посмотрела на нее, потом прошептала: «Да, Повелительница» — и бросилась в сторону Башни.

Семли осталась ждать в зале с осыпающейся позолотой. Никто не приходил — быть может, они все сейчас сидят за

столом? Тишина стала ее тревожить. Подождав еще, Семли направилась было к лестнице, ведущей в Башню. Но по каменному полу уже спешила навстречу ей какая-то старуха и, рыдая, протягивала к ней руки:

— О, Семли, Семли!

Она никогда раньше не видела этой седой женщины и испуганно отпрянула:

— Повелительница, кто вы?

— Я Дуросса, Семли.

Она словно оцепенела, а Дуросса обнимала ее, плакала и спрашивала: правда ли, что ее схватили и заколдовали Земляные и все эти долгие годы она провела у них, или это сделали фиа своим волшебством? Потом Дуросса перестала плакать и слегка отступила назад.

— Ты такая же юная, Семли. Такая же, как в тот день, когда ушла. А на шее у тебя ожерелье...

— Я принесла его в дар моему мужу Дурхалу. Где он?

— Дурхал мертв.

Семли застыла.

— Твой муж, мой брат, Дурхал, Повелитель Халлана, был убит в бою семь лет назад. К тому времени тебя не было уже девять лет. Повелители Звезд больше не приходили. Восточные властители, ангья Лога и Хул-Оррена, пошли на нас войной. Дурхал воевал, и его сразило копье какого-то Среднего, потому что мало доспехов прикрывало его тело, а душу совсем ничего. Он похоронен в полях возле Орренских Болот.

Семли отвернулась.

— Тогда я пойду к нему, — сказала она, кладя руку на золотую цепь, которая вдруг сдавила ее шею. — Я отдам ему мой дар.

— Постой, Семли! Дочь Дурхала, твоя дочь — посмотри на нее, вот она, Хальдре Прекрасная!

Это была та девушка, с которой она заговорила и которую послала к Дуроссе, лет девятнадцати или около того, с темно-синими, как у Дурхала, глазами. Она стояла рядом с Дуроссой и, не отводя этих, таких знакомых, глаз,

пристально смотрела на женщину, которая была ее матерью и ровесницей, — на Семли. Все было одинаковым — возраст, золото волос, красота. Только Семли была немного выше и на ее груди сиял синий камень.

— Возьми его, возьми. Для Дурхала и Хальдре принесла я его с самого края долгой ночи! — громко выкрикнула Семли и, дернув головой, сорвала с шеи тяжелую цепь; с холодным всплеском, точно в воду, ожерелье упало на каменные плиты.

— Возьми его, Хальдре! — снова крикнула она и, громко рыдая, повернулась и побежала прочь из Халлана — через мост и вниз, по длинной широкой лестнице; а потом, словно затравленный дикий зверь, бросилась на восток, в чащу на склоне горы, и пропала навсегда.

Фриц Лейбер

Об авторе*

Покойный Фриц Лейбер, чья писательская карьера включает полстолетия — от «Золотого века» «Невероятного» в сороковых и до начала девяностых, — является важнейшей фигурой в развитии современной научной фантастики, фэнтези и хоррора. Невозможно представить, чем были бы без него эти жанры сегодня — можно лишь сказать, что без Лейбера они обеднели бы. Вероятно, нет другого писателя (за исключением, возможно, де Кампа), который бы работал в столь различных жанрах и сделал так много для развития каждого. Лейбер был одним из родоначальников современной «героической фэнтези», и его длинная вереница историй о Фафхрде и Сером Мышелове остается одной из наиболее сложных и интеллектуальных работ в жанре «меча и магии» (термин, который сам Лейбер обычно недолюбливал). После Лавкрафта и По Лейбер — один из лучших (если не лучший) автор рассказов о сверхъестественном, написавший обновленные «современные» или «городские» рассказы ужасов (такие, как «Дымный призрак» и классический «Моя жена — ведьма») намного раньше, чем начался порожденный Стивеном Кингом Большой Бум Ужаса середины семидесятых, и обеспечил внимание публики к этому жанру.

В научной фантастике Лейбер тоже фигура немаловажная; в сороковые годы он был одним из основных авторов кэмпбелловского «Невероятного» (там печатались

---

* © Перевод. Россинский К.Е., 2001.

такие его работы, как «Скопление» и «Темнота») и «Галактики» Голда в пятидесятые. В «Галактике» было напечатано классическое «Растущее притяжение» и роман «Большое время», который до сих пор считается одним из лучших фантастических произведений. В шестидесятых, семидесятых и восьмидесятых годах Лейбер постоянно снабжал журналы и антологии такой первосортной литературой, как «Странник» и «Богородица Тьмы». Роман «Большое время» заслуженно получил в 1959 году премию «Хьюго», а всего Лейбер является лауреатом шести «Хьюго» и четырех «Небьюл», не считая трех мировых премий в области фантастики — в том числе престижной премии за достижения всей жизни и премии Гроссмейстера Фэнтези.

Отношения Лейбера с жанрами космической оперы или космических приключений были сложными и противоречивыми. В получившем «Хьюго» романе «Странник» — где привлекательные, соблазнительные (и довольно жестокие) женщины-тигрицы в своем космическом корабле размером с планету прилетают в Солнечную систему, чтобы использовать нашу Луну в качестве источника топлива; последствия для Земли, разумеется, бедственные — видна неподдельная нежность и ностальгия по форме... но в то же время Лейбер ловко использовал жанровые клише космической оперы для достижения острого сатирического эффекта в произведениях вроде «Тайных песен». В этом романе молодому супругу, сидящему на наркотиках, представляется, будто он по ночам участвует в приключениях, типичных для космической оперы, и все это — некие «испытания», проводимые его «наставником», мудрым Старым Крокодилом, живущим где-то за Магеллановым Облаком, — и от этого складывается впечатление, что Лейбера сильно утомили межпланетные приключения и условности, связанные с этим жанром (среди тех современников Лейбера, кто был поумнее, такой взгляд на вещи был довольно распространен, как и среди нынешних авторов, которые стараются не слишком увлекаться космическими при-

ключениями). Но Лейбер, когда баловался этим жанром, по крайней мере пытался привнести в него какую-то новизну — и часто довольно причудливую, — как, например, в «Ведре воздуха» или сюрреалистическом «Великом переселении». Так что не следует удивляться, что Луна, куда Лейбер приглашает нас в хитроумной и напряженной истории, предлагаемой ниже, не совсем похожа на Луну в изображении других авторов, и что приключение, которое переживает герой, является необычным и удивительным, а простые действия влекут за собой неожиданные последствия...

Среди других книг Фрица Лейбера можно назвать «Зеленое тысячелетие», «Призрак бродит по Техасу», «Большой двигатель», «Серебряные яйцеглавы», а также сборники «Лучшее Фрица Лейбера», «Сочинения Фрица Лейбера», «Война перемен», «Темные агенты Ночи», «Герои и ужасы», «Паук разума», «Свет призрака» и семь томов романов о Фафхрде и Сером Мышелове. Многое уже вышло, а книги о Фафхрде и Мышелове сейчас переиздаются издательством «Уайт Вулф Борелис».

Лунная дуэль*

Первым сигналом, что нас засек крузо, было слабое «тюк»; я почувствовал его через скафандр. Тюкнуло в мини-радар, который мы с Питом весело устанавливали в рабочее положение на восточной стороне кратера Гиоджа, чтобы поискать, нет ли здесь обломков кораблей, металлического мусора или даже рудных почек.

---

* Fritz Leiber. «Moon Duel». © Galaxy Publishing Corporation, 1965.
© Перевод. Россинский К.Е., 2001.

Потом послышалось «ш-шух», и в то же мгновение рука Пита потеряла контакт с приземистым мини-радаром. Его перчатка, серебристая в слабом свете полярного солнца, очень медленно уходила от кожуха, будто Питу вдруг стала противна эта работа. Я еще только поворачивал к нему глаза, когда затылок его шлема лопнул, выбросив облако тошнотворной смеси из ошметков мозга и крови, которая в ледяном вакууме сразу же превратилась в хлопья чудесного алого снега.

Громкий удар ужалил меня через перчатку: это вторая пуля крузо поразила мини-радар. Я быстро посмотрел туда, куда было обращено лицо Пита, когда он поймал свою смерть, и успел заметить зеленую, тонкую, словно игла, молнию, мелькнувшую в темной нише низкой стены Гиоджи, где облитая черной тенью скала смыкалась с россыпью звезд над зубчатым гребнем. Я сдернул с плеча свифт*, сделал длинный прыжок в сторону и выстрелил три раза подряд. Первые две гранаты, видимо, прошли слишком высоко, зато третья зажгла красивый фиолетовый шар в основании ниши. В свете его я не увидел врага, невредимого или раненого, серебристого цвета или любого другого, в нише или на гребне, но некоторые крузо способны мимикрировать, как хамелеоны, и почти все двигаются очень стремительно.

Скафандр Пита продолжал падать, медленно, но неуклонно ускоряясь. В трех десятках ярдов за ним была довольно широкая черная расщелина; впрочем, сказать точно, насколько она широка, я бы не смог, потому что противоположный край терялся в тени стены кратера. Я метнулся туда, как крыса в нору. На третьем прыжке я подхватил Пита за пояс для инструментов и кислородный шланг. Лицевая сторона его шлема не успела коснуться покрытой пылью пемзы, и я потащил Пита с собой. Какая-то самая

* Универсальная винтовка 22-го калибра для стрельбы в вакууме. Уже в 1940 году производилась «Винчестером», «Ремингтоном» и «Норма»; начальная скорость пули — 4,140 футов (почти миля) в секунду. — *Примеч. авт.*

тупая или самая вымуштрованная часть моего мозга отказывалась признать, что он мертв.

Я быстро скользил в нескольких дюймах от лунной поверхности, отталкиваясь от камешков, торчащих из пыли, — как рыба, которая плывет, едва шевеля плавниками. Крузо не ждал от меня такого фокуса, и мне хотя бы отчасти удалось обмануть слабое лунное притяжение, ограничивающее скорость передвижения на Луне, не превратившись в удобную мишень. За моей спиной сверкнула зеленая вспышка, и пыльное облако слегка хлопнуло меня по заднице. Не рассчитал упреждение. А я теперь знаю, что у него есть не только пули, но и гранаты.

Я нырнул в расщелину через три секунды после того, как ботинки Пита царапнули о последнее на пути скальное обнажение. Самая тупая или самая вымуштрованная часть моего мозга упорно не хотела сдаваться; я держал его труп словно в тисках, и от толчка мы с ним развернулись. Но даже в этом мне повезло: в пяти ярдах впереди вырос яркий шар диаметром ярда в два; он был похож на гигантского светлячка, только отнюдь не такой дружелюбный, ибо невидимая взрывная волна разреженных газов толкнула меня достаточно сильно, чтобы мой скафандр раздулся, предохраняя хозяина от удара. Не будь между нами серебристой гробницы Пита, дело бы кончилось плохо. Итак, у него есть снаряды с дистанционными взрывателями, реагирующими на металл, — вероятно, у них на планете эти штучки весьма эффективны.

Хвост бледно-зеленой вспышки осветил мне дно расщелины в сотне ярдов внизу. Он было почти целиком покрыто пылью; молись Богу, чтобы пыль оказалась глубокой. Я прыгнул. Мне хватило времени прижать большим пальцем кнопку «Критическая ситуация»; корабль должен был автоматически передать сигнал в Циркумлуну. Потом край расщелины отрезал меня от корабля, и я лениво упал из яркого света в благословенную черноту. Подсветка на приборной доске моего шлема давно уже была отключена — даже она могла дать крузо достаточно света, чтобы прицелиться, —

а приборную доску Пита погасила пуля. Десять, двенадцать секунд падения, а зубчатая стена кратера по-прежнему торчала над краем расщелины. Я чувствовал, как оружие Крузо опускается, следя за мной, — он тоже знал ускорение свободного падения на Луне, медленные пять футов на секунду в квадрате. Я чувствовал, как его щупальце, палец или коготь напрягается на спусковом крючке, кнопке или что у них там. Со всей силой, на какую я был способен, я пихнул Пита вдоль стенки расщелины. Еще три секунды, четыре — и мой скафандр снова распух, и я ощутил удар: еще одна зеленая вспышка высветила гладкое дно, начавшее подниматься мне навстречу немного быстрее. Эта вспышка была полусферой, не шаром: снаряд попал в стену, но осколки, если они и были, благополучно меня миновали. И он ударил точно посередине между мною и серебристым гробом Пита. Крузо знал свое оружие и свою Луну — я искренне им восхищался, несмотря на то что мой трюк с Питом, рассчитанный на действие и противодействие, заставил его промахнуться. Наконец стена кратера скрылась за краем расщелины, и я, перезарядив свифт, приготовился приземлиться, как трехногий краб, на обе ноги, обутые в сапоги для лунного грунта, и свободную руку.

Падать одиннадцать секунд на Луне — все равно что две на Земле, но и того, и другого достаточно, чтобы набрать скорость больше пятидесяти футов в секунду. Я довольно чувствительно ударился о слой пыли, но, слава богу, камней в этом месте не оказалось. Я наполовину утонул в пыли, и подсветка приборной доски снова зажглась — но лишь для того, чтобы в тусклом свете продемонстрировать мне толстый слой серой мелкой муки.

И как мука, пыль сопротивлялась, когда я отстегнул сапоги. Используя их в качестве точки опоры, я освободил от пыли вторую руку и переднюю часть шлема. Даже сквозь серую завесу пыли звезды выглядели неплохо. Держась за сапоги обеими руками, я вытянул ноги из пыли и, балансируя на предательской скользкой поверхности, снова обул-

ся. Потом поднялся и включил прожектор на шлеме. Я не был в восторге от того, что приходится это делать. С такой же охотой преследуемое животное будет трещать кустами или застынет на фоне неба, но я понимал, что у меня ровно столько же времени на то, чтобы найти укрытие, сколько его понадобится крузо, чтобы добежать от ниши в стене до края расщелины. В большинстве своем они бегают очень быстро и жаждут убивать.

Ладно, ведь мы первые начали убивать, — напомнил я себе. *А сейчас я в роли дичи.*

Прожектор высветил блестящий саркофаг Пита, распластанный на поверхности; наполовину погруженный в пыль, он был похож на человека, плывущего на спине. Я обвел лучом всю расщелину. Стена напротив была гладкой, за исключением нескольких выступов и трещин, и я не заметил даже какого-нибудь навеса, который мог бы дать мне укрытие от крузо наверху.

Зато часть стены на моей стороне, меньше чем в полусотне ярдов, была вся изрыта дырами и пузырями там, где когда-то пенилась и бурлила первобытная лава в слабом поле лунного тяготения. Я нацелил себя в центр этого участка и начал движение. Прожектор я выключил и шел, ориентируясь по полосе звезд.

Сапоги для лунного грунта похожи на снегоступы, и ходят в них почти так же. Для меня в этом есть что-то ностальгическое, но у зверя, на которого идет охота, нет времени предаваться сладостным воспоминаниям.

Внезапно над моей головой загорелось сияние более яркое и более алого оттенка, чем звездный свет. Узкая лента скалы наверху противоположной стены купалась в оранжевом пламени, а зубцы на гребне стены слабо мерцали, словно тлеющие вулканы. Свет разгорался; он спрыгнул вниз, в мою расселину, и заметался между стенами, вновь осветив мне дыры, к которым я шел.

Крузо поджарил наш корабль. Оба бака, стоящие вплотную друг к другу, взорвались и вспыхнули сотней факелов. Пока я добирался до дыр, оксианилин все горел. Я влез в

самую крупную, и в свете гаснущего пламени увидел лавовый пузырь футов двенадцать в диаметре и с еще одной дырой в дальней стене. Скала была черной, на ощупь грубой и твердой, как алмаз. Я рискнул остановиться и бросить взгляд назад.

В багровом облаке вырисовывался скелет нашего корабля. Сверкнула зеленая молния — крошечный ядовитый кинжал, — и в следующее мгновение там, где лежал Пит, мигнул огромный бледно-зеленый светлячок. Пит спас меня в четвертый раз.

Я едва успел убраться в сторону, когда другой светлячок, на сей раз ослепительно яркий, вспыхнул у самого входа в мою дыру, и я почувствовал мягкий удар взрывной волны. Через скалу я слышал, как звякают о камень ошметки скафандра Пита, но, может быть, это у меня просто звенело в ушах от близкого взрыва.

Я пролез в заднюю дверь и оказался в другом пузыре, похожем на первый всем, даже наличием черного хода. Миновав этот третий проход, я развернулся и положил ствол свифта на неровный порог. Крузо здесь дома, и куда бы я ни забрался, он будет знать местность лучше меня. Какой смысл отступать дальше и потеряться в этих норах? Часы на приборной доске показывали, что с того момента, как Пит поймал пулю, прошло около полутора минут. Герметизация скафандра не нарушена, кислорода и запаса тепла хватит мне еще на четыре часа — Циркумлуна может прислать спасателей в течение половины этого срока, если мой сигнал получен и если крузо не перестреляет и их. Внезапно я с дрожью вспомнил, что подсветка может меня выдать, и погасил ее. Я хотел переменить позицию, но боялся, что крузо вычислит мое местоположение по звуковым колебаниям в камне. Я замер и сам начал прислушиваться к *нему.*

Ни света, ни звука, призрачная гравитация — будто тебя испытывают в сурдокамере. Почти сразу же началось головокружение и ложные ощущения, зрительные, слуховые и осязательные, и даже ожидание крузо не могло их остановить. — Наверное, подсознательно я хотел, чтобы они по-

явились. Напряженно пытаясь уловить признаки приближения крузо, я вынужден был наконец начать думать о нем.

Странно, что люди тысячелетиями глядели на Луну и даже не могли предположить, что на самом деле она такое: бледное мраморное кладбище для живых мертвецов, высохшая космическая Тортуга, место, куда миллионы миров свозили на серебристых кораблях своих мятежников, еретиков, преступников, сумасшедших. Не на плодородную, теплую, укрытую одеялом атмосферы Землю с ее диковинной юной расой, которой эти изгои могли бы причинить вред, а на огромную серебристую скалу спутника Земли; и они влачили здесь свое одинокое, наполненное одной лишь яростью существование, каждый в личном скафандре, с личным оружием и личной одинокой хижиной или норой. Они жили, перерабатывая собственные отходы — а также ожесточение, ненависть и заблуждения, которые привели их сюда. Их было не меньше тысячи — достаточно, чтобы превратить Луну в источник пищи и топлива, еще раз победить природу и, быть может, даже стать хозяевами Земли. Правда, для этого им нужно было сотрудничать; но именно их отказ от сотрудничества послужил причиной изгнания, а кроме того, здесь были представители почти пятисот различных галактических рас. И поэтому, хотя они располагали каким-то видом электронной, психонической, черт-знает-какой-еще связи — по крайней мере о том, что случалось с одним изгнанником, сразу становилось известно другим, — каждый из них оставался одиноким Робинзоном без Пятницы; отсюда и их название.

Я рискнул включить подсветку и взглянуть на часы. Прошло только тридцать секунд. Этак за те два часа, через которые я могу ждать помощи — и то, *если* мой сигнал был получен, — минует целая вечность, а тем временем крузо... Мои чувства напряглись, зато мысли вновь побежали куда-то далеко.

Люди пристрелили первого же крузо, которого встретили: они так испугались, что забыли все, чему их учили. С тех пор крузо всегда первыми открывали огонь — по край-

ней мере старались, — игнорируя наши запоздалые усилия установить контакт.

Мне казалось, что мои размышления об извечной проблеме универсального галактического кодекса были недолгими, но, когда я снова взглянул на часы, семьдесят минут исчезли невесть куда.

Я застыл, будто меня заморозили. За это время охотник десять раз мог найти меня и убить — он даже успел бы сбегать домой за своими собаками! И органы чувств не спасли бы меня, поскольку мой разум витал далеко. Ведь даже сейчас, напрягая их в страхе, я слышу лишь стук собственного сердца, шум собственной крови в ушах и, кажется, даже движение молекул воздуха внутри моего шлема.

Чего я не сделал, сказал я себе, так это попытки подумать о крузо логично и методически.

У него есть оружие, подобное моему, и по крайней мере три вида зарядов.

Он мог приволочь его от своей ниши до кромки расщелины секунд за сорок, а то и меньше: он наверняка быстрый бегун, сколько бы у него ни было ног; и с большой вероятностью можно предположить, что у него есть реактивный ранец.

И он стрелял в мини-радар. Думал, что это коммуникатор? Оружие? *Или какой-то робот, столь же опасный, как человек?..*

Постепенно мое сердце перестало бешено колотиться, рев крови в ушах поутих, и в ту же минуту я услышал тихое цоканье — звуки передавал каменный грунт.

Цок-цок, цок-цок, цок, цок, цок — и с каждым разом немного громче.

Я щелкнул прожектором и увидел, что по полу предыдущего пузыря по направлению к моему шагает серебристый паук, похожий на широкое блюдо с зеленой каемкой и четырьмя опалесцирующими глазами. Его висячие жвала были похожи на зазубренные и загнутые внутрь лезвия ножниц.

Я выстрелил машинально, одновременно упав на спину. Пузырь паука заполнился ярким фиолетовым светом, к которому тут же добавился зеленый. Две взрывные волны одна за другой обрушились на меня и опрокинули навзничь.

Но это задержало меня меньше чем на секунду. Вспышки осветили отверстие в потолке моего пузыря, и как только я вскочил на ноги, сразу же прыгнул к нему.

Я не забыл, что прыгать надо не резко. Ухватившись правой рукой за черную кромку отверстия, я втянул себя в пузырь, который был над моим. Здесь в потолке дыры не наблюдалось, зато по бокам были две, и я прошел в ту, что была больше.

Так я и двигался от пузыря к пузырю. Все они были похожи друг на друга, и везде я выбирал самый высокий проход: рано или поздно я окажусь внутри пузыря без второго выхода и буду вынужден возвращаться. Хотя бы осмотрюсь здесь сначала. Прожектор я не выключал.

Я прошел семь, а может, семнадцать пузырей прежде, чем смог успокоиться и начать думать о том, что же произошло.

Тот паук почти наверняка не был моим крузо — таких понадобился бы целый отряд, чтобы тащить всю его артиллерию. И, разумеется, он не был неизвестным науке и теоретически невозможным членистоногим, способным жить в вакууме. Будь это так, экзобиологи были бы крайне удивлены, а я имел бы полное право уписаться от восторга. Нет, наиболее вероятно, что это был робот, действующий по программе «найти и уничтожить». Восемь ног — оптимальное количество, как и восемь рук. А его челюсти — способны ли они продырявить броню скафандра? Возможно, этот робот был просто своего рода собачкой для одинокого изгнанника. Ко мне, Паучище!

А второй взрыв? Либо это крузо стрелял в пузырь с другой стороны, либо паук нес бомбу, чтобы взорвать ее при контакте со мной. Отличное применение домашней собач-

ке! Я нервно хихикнул. Наверное, все-таки проще будет думать, что это был «только» робот.

И на этой мысли — я был тогда в девятом или девятнадцатом по счету пузыре — стекло шлема с внутренний стороны неожиданно запотело. Я задыхался и обливался потом, влагопоглотитель скафандра работал на пределе. Казалось, я очутился в самом сердце густого тумана. Даже черная стена позади меня была еле видна. Я включил подсветку. Прошло семьдесят две минуты. Я погасил подсветку и сделал одну вещь, на первый взгляд довольно странную.

Я осторожно попятился, прижался к стене настолько, насколько позволил скафандр, и прикладом свифта размеренно ударил о камень — десять раз. И замер, прислушиваясь.

Десять ударов подразумевали, что мы используем десятичную систему. Конечно, могли быть и другие варианты, но...

Я услышал шесть глухих ударов — в том же ритме, что и мои.

В какой постоянной у нас первая цифра — шесть? Если бы он начал с трех, я ответил бы единицей, и так далее, через разряд: Пи. А если бы с одного, я в ответ простучал бы четыре — и принялся вспоминать третью и четвертую цифры в квадратном корне из двух. Я мог бы принять его сигнал за продолжение ряда с интервалом минус четыре и стукнуть в ответ два раза — но как, скажите на милость, он простучал бы мне минус два? Ну почему я не начал сразу выстукивать простые числа? Конечно, квадратные корни всех целых, да и всех действительных чисел от тридцать семи до сорока одного начинаются с шестерки, но как угадать, какое из них?..

Внезапно я услышал цоканье...

Мой прожектор снова ярко светил, туман под шлемом рассеялся. Я огляделся. Пузырь был пуст.

Все равно я удрал из него и двинулся дальше, по-прежнему стараясь лезть вверх, где это было возможно. Но теперь расположение проходов не слишком этому способствовало. На

каждый ведущий вверх приходилось два ведущих вниз, и лабиринт пузырей становился все запутаннее. Я хотел уже возвращаться, но тут мне снова почудилось цоканье. Пузыри уменьшались в размерах, и мне уже стало казаться, будто я плыву в твердой черной пене. Я утратил всякое понятие о направлении и поймал себя на том, что уже плохо представляю себе, что значит «вниз». Что для психа лунная гравитация? Он ее и не почувствует. Я не выключал прожектор, хотя у меня давно уже было ощущение, что его луч пляшет за десять пузырей отсюда. Прежде чем вступить в следующий, с дырой в самом центре, я внимательно осмотрелся: мне то и дело слышалось, будто кто-то твердит: «Шесть!» Шесть? Шесть! Очень похоже; а затем очень быстро — «семь-восемь-девять-пять-четыре-три-два-один-ноль. Как бы вы простучали «ноль» в десятичной системе? Вот и я так решил: вы простучали бы «десять».

Наконец я попал в пузырь с дырой фута четыре в диаметре, обрамленной по краю алмазами. Очень миленько. Не будуар ли это паучиной принцессы? Вверху тоже было отверстие, но меня оно не заботило, потому что ничем украшено не было. Я выключил прожектор и заглянул в алмазную дыру, стараясь не слишком высовываться. Алмазы — это на самом деле были звезды. Присмотревшись, я понял, что вижу противоположный край той расщелины, куда я сначала спорхнул, только сейчас он был надо мной всего лишь в сотне футов. Стена кратера за ней показалась мне неопределенно знакомой, хотя я не был уверен, что узнаю место. Сверившись с часами на приборной доске, я выяснил, что прошло сто восемнадцать минут. Почти самое время начинать надеяться на спасение. О, черт! Корабль спасателей будет отличной мишенью для крузо, так что лучше мне не надеяться. Я же не передал ни словечка, только сигнал о критической ситуации.

Я уселся в окне, свесив одну ногу наружу и держа свифт под левой рукой. Правой я снял с пояса осветительную гранату, дернул чеку и бросил гранату через расщелину, почти к противоположной стене.

Потом посмотрел вниз, и ствол свифта опустился, следуя движению моего взгляда.

Расщелина осветилась, словно бульвар в праздник. Прямо передо мной задумчиво опускалась осветительная граната, но я туда не смотрел. Зато подо мной, в двух сотнях футов, я увидел прозрачный шлем с зеленым шарообразным предметом внутри, увенчанным гребнем, а под шлемом — плечи.

В это мгновение я снова услышал цоканье, совсем близко.

Я выстрелил сразу. Фиолетовый взрыв поднял фонтан пыли в двадцати футах от крузо. Я нырнул назад в пузырь и врубил прожектор. Еще один паук спешил ко мне от входа в пузырь, ноги его стремительно мелькали. Я подпрыгнул и ухватился одной рукой за край верхней дыры. Я мог бы бросить свифт, если бы мне понадобилась вторая рука, но удалось обойтись и одной. Подтянувшись, я забрался в дыру, посмотрел вниз и увидел прямо под собой паука. Он стоял, уставившись на меня своими опалесцирующими глазами и подогнув лапы. Потом он внезапно их распрямил и прыгнул ко мне — не очень резко, как раз с нужным усилием, чтобы очутиться со мной в одном пузыре. Я понимал, что если он коснется меня или я задену его, это конец. Я поспешно начал менять гранату в своем оружии на обычную пулю, но тут вдруг паучье туловище с зеленым ободком внезапно вспухло: в окне нижнего пузыря сверкнула зеленая вспышка, и взрывная волна, заставив мой скафандр слегка раздуться, вышвырнула паука прочь. Однако, похоже, он не взорвался, как первый; во всяком случае, второй зеленой вспышки не было.

В моем новом пузыре тоже была дыра в потолке, и я полез в нее. Следующие пять пузырей были такие же, и я все лез и лез вверх. Я говорил себе, что похож на ловкого акробата — только кто будет устраивать цирковые представления внутри этой черной горы? Разве что боги, те самые, которые посылают нам сны. Застывшая лава наверняка прозрачна, и стены кратера должны быть в восхищении.

Одновременно я думал о том, что если форма гуманоида подходит для существ среднего размера, на какой бы планете они ни жили, так почему же форма паука, подходящая для всех крошечных существ, не могла быть скопирована в роботе?

В верхнем отверстии шестого пузыря маячили звезды, а одна сторона его кромки была залита белым солнечным светом.

Задыхаясь, я лег на пол, глядя в дыру. Прожектор я выключил. Цоканья больше не слышалось.

Звезды. Звезды — это энергия. Они бы наполнили вселенную светом, если бы не черные дыры и тени повсюду.

Внезапно я уловил число. Прикладом я простучал «пять». Никакого ответа. Цоканья тоже не было слышно. Я выстучал «пять» снова.

И тогда мне ответили, очень тихо. До меня донеслись пять ударов.

Шесть, пять, пять — постоянная Планка, инвариантный квант энергии. Конечно, в минус 29-й степени, но я не мог придумать, как простучать степень, а кроме того, сейчас имели значение только базовые целые числа.

Цоканье...

Я вскочил, высунулся наружу, увидел стену кратера, залитую солнечным светом... и замер.

В сотне футов передо мной — должно быть, он выбрался через другое отверстие в конце лестницы пузырей — торчал мой зеленый крузо с гребнем на голове. На том месте, где у человека располагается нос, у него был третий глаз, который в сочетании с гребнем делал его похожим на какое-то существо из мифов. И он, и я держали винтовки стволами вверх.

Мы напоминали двух проклятых, торчащих по пояс из своих дыр в полу дантового ада.

Очень медленно я вылез из отверстия, по-прежнему держа свифт стволом вверх. То же самое сделал и он.

Мгновение мы стояли не шевелясь. Потом своим ружьем он выстучал «десять». Я мог и видеть это, и слышать через скалу.

Я простучал «три». Затем, словно черный мир пузыря был одним уровнем существования, а поверхность — другим, я спросил себя: к чему вообще вся эта болтовня? Каждый из нас знал, что у другого есть оружие и скафандр (и одинокая нора?), так что понятно, что мы обладаем разумом и математика нам знакома. Почему же наше перестукивание имеет такую ценность?

Он поднял свое оружие — я думаю, хотел ударить «один», чтобы продолжить число «Пи». Но этого мне уже никогда не узнать, потому что в этот момент у стены расщелины, совсем рядом с ним, сверкнули две фиолетовые вспышки.

Он начал поворачивать ствол своего ружья на меня. По крайней мере мне так показалось. Он знал, что фиолетовый — это цвет разрывов моих гранат. Я помню, что подумал, что стреляет кто-то с моей стороны. Еще я, должно быть, решил, что он хочет пальнуть в меня — потому что фиолетовый кинжал прыгнул из моего свифта, я почувствовал сильную отдачу, а в следующее мгновение на том месте, где стоял крузо, вырос фиолетовый шар. В мою грудь игриво и иронично ударился обломок его скафандра; удар был совсем легким.

Крузо разметало в пыль со всеми его постоянными, включая — я в этом уверен — и постоянную Планка.

Через полчаса приземлился спасательный корабль из Циркумлуны. Я провел это время, глядя на Землю, висящую низко над горизонтом, и высматривая паука — но так и не увидел. Спасатели тоже его не нашли, хотя устроили настоящую облаву — я тоже в ней принял участие, сперва подзарядив батареи и пополнив запас кислорода. То ли у паука со смертью хозяина иссякла энергия, то ли, что более вероятно, программа предписывала ему в таком случае «замереть» или перейти на «скрытный» образец поведения. Наверное, он до сих пор таится где-нибудь там, поджидая неосторожных землян, как гремучая змея в пустыне или в заброшенной старой шахте.

Кроме того, ожидая спасателей, я кое-что подсчитал. Единственное объяснение, которое я могу дать — хотя вы скажете, что более беспардонной лжи мир еще не слышал — тем двум фиолетовым вспышкам, что положили конец моей короткой математической дружбы с крузо, вот каково. Это были те первые две гранаты, которые я в него выпустил, — те, что пролетели выше. Начальной скорости им хватало, чтобы выйти на окололунную орбиту, и время, за которое они должны были облететь Луну — два часа пять минут, — как раз совпадает.

О последствия наших прошлых поступков!

Роджер Желязны

Об авторе*

Как и многие другие писатели, Роджер Желязны начал публиковаться в 1962 году на страницах «Amazing» Сила Голдсмита. Это был так называемый «класс-62», среди «выпускников» которого числятся также Томас М. Диш, Кит Лаумер и Урсула Ле Гуин. Все «ученики» этого «класса» достигли известности, но некоторые этого добились раньше других, и последующий взлет Желязны — один из самых молниеносных в истории НФ. Первой вещью Желязны, привлекшей широкое внимание, был рассказ «Роза для Экклезиаста», напечатанный в 1963 году (впоследствии SFWA назвала его среди лучших научно-фантастических рассказов всех времен). К концу шестидесятых он уже получил две «Небьюлы» и две премии «Хьюго» и считался одним из двух основных авторов НФ в Америке (другим был Сэмюэл Р. Дилэйни). Его знаменитый роман «Владыка света» стал, возможно, самым популярным и широко признанным романом этого периода, оказавшим сильное влияние на авторов той эпохи. К концу семидесятых его репутация крупного научно-фантастического писателя несколько поблекла, но длинная серия романов о фантастической стране Амбер — начатая «Девятью принцами Амбера» — вывела его в первые ряды авторов фэнтези и создала по всему миру его фэн-клубы.

---

* © Перевод. Левин М.Б., 2001.

Ранние романы Желязны, такие как «Этот бессмертный» или «Хозяин снов», были в целом приняты хорошо, но репутацию классика жанра заработали ему короткие и мастерские работы, опубликованные в таких журналах, как «S&SF», «Amazing», «Worlds of if», в середине шестидесятых. Это рассказы «Этот миг бури», «Кладбищенское сердце», «Тот, кто лепит форму», «Ключи от декабря», «Я медлю вдохнуть» и «Эта смертная гора». Они по-прежнему восхищают своей изобретательностью, изяществом и живостью, добродушной дерзостью и легкостью изображения, потому что Желязны умеет быть красноречив и не фальшив, в одном абзаце он непринужденно переходит от философской псевдоспенсерианской речи к едкому сленгу в стиле Чандлера, а от него — к поэтической прозе хемингуэевской простоты, и это у него выглядит так легко и естественно, как танец у Фреда Астера.

У Желязны в отличие от его коллег тяга к писанию приключенческих книг не исчезла — может быть, еще и поэтому потускнела его репутация у критиков семидесятых. Он тогда продолжал выдавать вещи, которые критика, требуя от писателей «серьезных» и «глубоких» работ, небрежно отметала в сторону как «рутинные космические авантюры». Но произведения Желязны никогда не были «рутинными». Пусть некоторые его вещи того периода и были слабы, если сравнивать с шедеврами того же автора, но даже в самых слабых была изобретательность, яркость, размах, крепко закрученный сюжет, своеобразие персонажей... не говоря уже о действии.

Следующий знаменитый рассказ, как и еще более знаменитый «Роза для Экклезиаста», явно вдохновлен ностальгией по временам, когда повсеместно считалось, что массовый приключенческий рассказ кончается как жанр. Когда Желязны его писал, уже точно было известно, что Венера почти наверняка не землеподобная планета с морями, где кишат звери, похожие на динозавров;

и на Марсе нет ни каналов, ни вырождающихся древних и мудрых рас. Эти рассказы, где описаны все те же романтические образы планет, взятые из массовой фантастики, можно было бы считать данью последнего уважения, даром ностальгической любви этим уходящим мирам, и написаны они были в последний миг перед тем, как вернейшее из доказательств, *посещение* планет зондами, до которого осталось всего несколько лет, положит конец кричащим, мелодраматичным, аляповатым представлениям о Марсе и Венере, объявив их полностью не соответствующими действительности. После этого долго считалось невозможным писать приключенческие книги, у которых действие происходит на планетах Солнечной системы, ибо оказалось, что это безжизненные, бесплодные каменные шары (тем более когда полет «Викинга» показал, что в почве Марса нет и следов жизни) и романтики или интереса на них не больше, чем на пустой автостоянке. На этих планетах могло разворачиваться действие разве что боевиков в стиле Джона Картера; и действительно, в последующие десять лет планеты Солнечной системы (кроме, конечно, Земли) не выбирались местом действия литературных произведений. Только к концу семидесятых и началу восьмидесятых появилось новое поколение писателей, которых Солнечная система привлекла *как она есть*, и снова приключенческие истории стали разворачиваться и даже процветать на Марсе и Венере. Так что хотя Желязны почти наверняка хотел сделать «Лица его, пламенники пасти его» Прощанием с Венерой Фантастики (парафраз названия антологии Олдисса), он поторопился: еще через десять лет писатели снова стали исследовать Венеру. Благодаря понятию терраформинга даже моря Венеры снова заплескались в книгах, хотя чудовищные и гороподобные Инки остались пока что только в предлагаемом рассказе.

Желязны получил еще по одной премии «Хьюго» и «Небьюла» в 1976 году за повесть «Вернулся домой повешенный», еще одну «Хьюго» в 1986 году за «24 вида горы Фудзи работы Хокусаи» и последнюю «Хьюго» за рассказ «Вечная мерзлота» в 1987 году. Среди других книг можно назвать, кроме многотомной истории Амбера, романы «Этот бессмертный», «Хозяин снов», «Остров мертвых», «Джек из тени», «Глаз кошки», «Двери в песке», «Сегодня мы выбираем лица», «Мост из пепла», «Умереть в Италбаре» и «Дорожные знаки». Сборники рассказов — «Четыре для завтра», «Лица его, пламенники его пасти и другие рассказы», «Последний защитник Камелота», «Мороз и огонь». Есть у него несколько совместно написанных романов; с Робертом Шекли, с Джеральдом Гаусманом и другие. Он был редактором двух антологий: «Колесо Фортуны» и «Воины крови и мечты» и других. Желязны безвременно ушел в 1995 году.

Недавно были опубликованы его совместная книга с Джейн Линсколд «Доннерджек» и еще одна совместная книга. Только что вышел из печати дописанный Желязны неоконченный роман Альфреда Бестера, названный «Психолавка».

Лица его, пламенники пасти его*

Я — наживляльщик, а если разобраться, так и попросту — наживка. Прирожденных наживляльщиков не бывает — кроме как в одном французском романе, где все герои такие. (Если память мне не изменяет, этот роман называется «Все мы — наживка». Тьфу.) Как дошел я до жизни такой — история малоинтересная, но Дни Зверя вполне заслуживают нескольких слов; почитайте, если не лень.

Венерианская Низменность расположена между большим и указательным пальцами континента, именуемого Ладонь. Когда эта рука швыряет навстречу снижающемуся кораблю черно-серебристый кегельный шар Облачной котловины, любой пассажир огнехвостой кегли невольно дергается и зажмуривается. Слава еще богу, что привязные ремни не позволяют этому пассажиру — мне, тебе, ему — выставить себя совсем уж полным идиотом. Усмехайся потом сколько угодно, но сперва ты дернешься. Всенепременно.

И тут же перед тобой раскрывается Ладонь — нормальная человеческая ладонь, пять пальцев, все как полагается. Потом, по мере приближения, иллюзия слабеет, унизанные кольцами средний и безымянный превращаются в удлиненные архипелаги, а остальные — в три зеленовато-серых полуострова, причем ты видишь, что большой палец слишком уж короток и загибается на манер то ли человеческого зародыша, то ли Огненной Земли.

Ты набираешь полную грудь чистого кислорода, может быть, вздыхаешь — спуск обещает быть долгим.

Ладонь ловит корабль, как высоко поданный мяч, и ты оказываешься на посадочной площадке Линии Жизни — городок назван таким необычным образом из-за своей бли-

---

* Roger Zelazny. «The Doors of His Face, the Lamps of His Mouth». © Mercury Press, Inc., 1965.
© Перевод. Пелинцев А.М., 1995.

зости к стекающей по Низменности реке, которая здесь, перед впадением в Восточный залив, разливается широкой дельтой.

С минуту кажется, что мячик проскользнет между пальцев и тебе предстоит незавидная роль куска мяса в утонувшей консервной банке, но потом — оставив надоевшую метафору — корабль садится на опаленный бетон, ты вытаскиваешь свои документы и предъявляешь этот средних размеров телефонный справочник коротенькому толстому человеку в серой фуражке. Бумаги показывают, что ты не подвержен никакой таинственной нутряной гнили и т.п. Тогда человек одаривает тебя коротенькой толстой серой улыбкой и направляет к автобусу, идущему в Карантин, где ты и проводишь три дня, доказывая, что и впрямь не подвержен никакой таинственной нутряной гнили и т.п.

Однако скука — она ведь тоже гниль, да еще почище любой другой. По истечении трех дней ты неизбежно бросаешься на штурм злачных заведений Линии Жизни — поступок несколько опрометчивый ввиду подавляющего превосходства противника. Действие алкоголя в нестандартных атмосферных условиях досконально описано в трудах многочисленных знатоков, а посему я ограничусь замечанием, что запой — предмет весьма серьезный, даже самое предварительное с ним знакомство требует не меньше недели, а на глубокое проникновение может уйти вся жизнь.

Я был весьма многообещающим исследователем (но никак не законченным специалистом), занимался этим благородным делом два уже года подряд, а тут откуда ни возьмись — «Безграничный простор», он пробил мраморный потолок венерианских облаков и вывалил в наш городишко целую орду пассажиров.

Пауза. Альманах Миров о Линии Жизни: «Портовый город на восточном берегу Ладони. Примерно 85% из 100 000 населения (перепись 2010 года) составляют служащие Агентства внеземных исследований. Вторая по численности группа жителей — персонал нескольких промышленных корпораций, занятых фундаментальными исследованиями. Небольшое

количество независимых морских биологов, богатых любителей рыбалки и припортовых предпринимателей».

Я повернулся к Майку Дабису, коллеге по портовому предпринимательству, и прокомментировал хреновое состояние фундаментальных исследований.

— Но если знать известное немногим...

Тут Майк смолк и продолжил медленный глотательный процесс, рассчитанный на привлечение моего интереса — и нескольких ругательств с моей стороны.

— Карл, — разродился он наконец с совершенно бесстрастной физиономией, — а ведь Стадион готовят на выход.

Я мог бы врезать по этой самой физиономии. Я мог бы налить ему в стакан серной кислоты и с наслаждением смотреть, как чернеют и трескаются его губы. Но я только неопределенно хмыкнул.

— И кто же это сдурел настолько, чтобы выкладывать пятьдесят кусков в день? АВИ?

— Джин Лухарич, девушка с фиолетовыми контактными линзами и пятью, а то и шестью десятками великолепных зубов. Вообще-то глаза у нее карие.

— Ей что, приелась торговля косметикой?

— Без паблисити дело глохнет, — пожал плечами Майк. — Когда она завоевала Кубок Солнца, акции «Лухарич энтерпрайзис» подскочили на шестнадцать пунктов. Ты когда-нибудь играл в гольф на Меркурии?

Играл я, играл, но сейчас это к делу не относилось.

— Так значит, она едет сюда с чековой книжкой и рыболовным крючком?

— На «Безграничном просторе», сегодня, — кивнул он. — Уже, наверное, приземлились. Туча репортеров. Ей, видите ли, нужен Ихти. Позарез.

— Хм, — хмыкнул я. — И насколько позарез?

— Контракт на шестьдесят дней, Стадион. Пункт о возможном продлении срока. Депозит в полтора миллиона, — четко отрапортовал Майк.

— Больно уж много ты знаешь.

— Я — отдел кадров. Ребята из «Лухарич энтерпрайзис» вышли на меня в прошлом месяце. Очень полезно пить в нужных местах.

— Или содержать их, — ухмыльнулся он по размышлении.

Самое время вспомнить о пиве. Я переварил новости и задал Майку давно ожидаемый им вопрос — за что и был вознагражден очередной лекцией о вреде коньяка и пользе молока.

— Мне поручено завербовать и тебя, — добавил он. — Когда ты в последний раз выходил в море?

— Полтора месяца назад, на «Корнинге».

— Тоже мне экспедиция, — фыркнул этот тип. — А когда ты в последний раз был под водой?

— Довольно давно.

— Больше года назад, да? Это когда тебя порезало винтом, под «Дельфином»?

— На прошлой неделе, — оскорбленно вскинулся я, — я плавал в реке, у Энглфорда, где сильное течение. Кое на что я еще способен.

— Пока трезвый, — заметил он.

— А мне и придется быть трезвым, — рассудительно объяснил я, — если возьмусь за такую работу.

Майк с сомнением кивнул.

— Стандартная профсоюзная ставка. Коэффициент три за особо трудные условия, — сообщил он (поборов, по-видимому, свои сомнения). — Явка в шестнадцатый ангар в пятницу, в пять утра. И со своим оборудованием. Выходим в субботу, на рассвете.

— Ты что, тоже пойдешь?

— Пойду.

— Как это тебя?

— Деньги.

— Не вешай мне лапшу.

— Бар не шибко процветает, а моей девице нужна новая шуба.

— Повторяю...

— А я хочу убраться от крошки, возобновить контакт с первоосновами — подышать свежим воздухом, размять мышцы, подзаработать...

— Ладно, ладно, извини, что приставал.

Я налил ему стакан, концентрируясь на серной кислоте, но трансмутации не произошло. Наконец я упоил его в сосиску и вышел на улицу, в ночь, погулять и все обдумать.

За последние пять лет было сделано около дюжины покушений на жизнь Ихти, в научных кругах известного как Ichtyform Leviosaurus Levianthus. Сперва к нему применяли обычную китобойную технику, с результатами хорошо еще если нулевыми, а зачастую и катастрофическими; нужно было придумывать что-то другое. Богатый спортсмен Майкл Джент построил Стадион, на что ушло все его состояние.

После года, проведенного в Восточном океане, он вернулся и заявил о банкротстве. Затем на горизонте появляется некий Карлтон Дэйвитс, плейбой, а по совместительству — рыболов-любитель. Он перекупил эту махину и смело пустился в путь, к тем местам, где, по слухам, хорошо ловится Ихти. На девятнадцатый день рыбка клюнула, но затем сорвалась, унося с собой на полтораста тысяч новехонького, толком еще не опробованного оборудования. Еще через двенадцать дней с помощью тройных лесок Дэйвитс подсек-таки своего зверя, накачал его наркотиками и начал вытаскивать на палубу. Но тут он проснулся, разломал башню управления, убил шесть человек и изуродовал пять квадратных секций Стадиона. Все достижения Карлтона свелись к частичному одностороннему параличу и банкротству. Несостоявшийся герой растворился в припортовой атмосфере, а Стадион еще четырежды менял хозяев, с результатами, может быть, и не столь драматичными, но неизменно разорительными.

Наконец этот огромный плот, построенный с одной-единственной целью, был выставлен на аукцион, где его и купило АВИ, для «морских исследований». Изредка находились богатенькие люди, готовые выложить пятьдесят тысяч в день за право рассказывать сказки о ловле Левиафана. Вот, пожалуй, и все морские исследования, для которых

использовался Стадион. Да, забыл сказать. Ллойд его не страхует.

В трех таких путешествиях наживляльщиком был я — и дважды оказывался в достаточной близости от Ихти, чтобы сосчитать клыки этой твари. Мне хотелось бы иметь один такой клык — буду показывать внукам в целях воспитательных и назидательных.

Я встал лицом к посадочной площадке и твердо принял решение.

— Тебе, подруга, я нужен для местного колорита. Это будет замечательно смотреться в разделе светских новостей, и все такое прочее. Но заруби себе на носу — если кто и добудет тебе Ихти, так только я. Как бог свят.

Я стоял на пустынной площади. Верхушки зданий Линии Жизни кутались в облака.

За два-три последних геологических периода океан заметно обмелел. Прежняя береговая линия, проходившая у подножия невысокого хребта, отделяющего нас от Высокогорья, расположена теперь на высоте нескольких тысяч футов и милях в сорока от залива, а то, что было морским дном, превратилось в ровный, покатый склон. В четырех милях в глубь материка и в пятистах футах над Линией Жизни находятся почти все взлетно-посадочные полосы и личные ангары. В шестнадцатом ангаре обосновались «Вертолеты Вэла по Вызову», занимающиеся доставкой с берега на корабль и наоборот. Мне не нравится Вэл, но, когда я выбрался из автобуса и помахал механику, этого типа поблизости не было.

На бетоне нетерпеливо подпрыгивали две вертушки, осененные гудящими нимбами. Машина, с которой работал Стив, рыгнула и страдальчески содрогнулась.

— Живот болит? — поинтересовался я.

— Да, газы и изжога.

После небольшой регулировки утробные звуки сменились ровным подвыванием, и Стив повернулся ко мне:

— На прогулку собрался?

— Да, — кивнул я. — Стадион. Косметика. Чудовища. И прочие такие забавы.

— Лухарич, — пробормотал он. — Так значит, это ты. Там тебя желают видеть.

— И по какому же это случаю?

— Камеры. Микрофоны. И прочие такие забавы.

— Я лучше закину свое хозяйство. Который тут будет мой?

Он указал отверткой на второй вертолет:

— Вон тот. Кстати сказать, тебя уже снимают. Появление на сцене.

Он повернулся к ангару, затем снова ко мне:

— Скажи «и-и-и...». Крупный план они снимут потом.

Я сказал, но совсем не «и-и-и». Должно быть, они использовали телеобъектив и умели читать по губам, так как эту часть пленки никогда и нигде не показывали.

Я закинул свое барахло в багажник, забрался на сиденье для пассажира и закурил. Через пять минут из конторы появился Вэл собственной своей наглой персоной. Он подошел и стукнул по обшивке вертолета, а затем указал на ангар.

— Тебя там хотят видеть! — крикнул он, сложив руки в рупор. — Интервью!

— Концерт окончен! — проорал в ответ я. — Или пусть ищут себе другого наживляльщика.

Ржаво-коричневые глаза сузились, белесые брови нахмурились, он метнул в меня ненавидящий взгляд — и молча убрался. Интересно, сколько они ему заплатили, чтобы вселиться в этот ангар и подключиться к его генератору?

Зная Вэла, думаю, что очень и очень прилично. Да и черт с ним со всем, мне этот парень никогда не нравился.

Венера ночью — сплошь густо-черная вода. Стоя на берегу, никогда не различить, где кончается море и где начинается небо. Рассвет похож на молоко, вливаемое в чернильницу. Вначале появляются отдельные сгустки белого, потом — целые полосы. Разбавьте содержимое бутылки до получения ровного серого цвета, а затем наблюдайте, как оно белеет.

Через некоторое время вы получите день. Теперь начните все это нагревать.

Пока мы летели над заливом, мне пришлось скинуть куртку. Сзади линия горизонта рябила и колыхалась в потоках горячего воздуха, словно веревка в неспокойной воде. Вертолет берет четверых (пятерых, если нарушить правила и занизить объявленный вес), а если с обычным для наживляльщика багажом — то троих. Однако я был единственным пассажиром, а пилот очень походил на свою машину. Он что-то гудел и не издавал посторонних звуков. Линия Жизни перекувырнулась и испарилась в зеркале заднего обзора примерно в то же время, когда впереди на горизонте появился Стадион. Пилот перестал гудеть и потряс головой.

Я наклонился вперед. Все во мне переворачивалось вверх дном. Я знал каждый треклятый дюйм треклятой посудины, но любые чувства меняются, когда их источник оказывается вне досягаемости. Правду говоря, я уже начинал сомневаться, окажусь ли я еще раз на борту этого плотика. Но теперь я почти верил в судьбу. Вот же он!

Не корабль, а целое футбольное поле. Футбольное поле на атомном ходу. Плоское, что твой блин, только несколько прозрачных куполов посередине да четыре мощные башни по углам.

Любые две соседние «Ладьи» — а как еще прикажете их называть? — могут приводить в действие «тянитолкаев», каковых тоже имеется четыре, по одному на каждом борту. Действуя в режиме «тяни», тянитолкай может поднять к поверхности воды буквально любой мыслимый груз; правда, конструкторы этого механизма имели в виду только один, и весьма специфический, груз, чем и объясняется не очень обычный захват — нечто вроде исполинской остроги. Чтобы тянитолкай мог перейти в режим «толкай», необходимо поднять груз на шесть — восемь футов над водой; эта задача возлагается на Вагон.

Вагон — это стальной ящик размером с небольшой дом; он может передвигаться вдоль любого из многочисленных

желобков, которыми изрезана поверхность палубы, и залипать — при помощи электромагнита — на том ее краю, где клюнула рыбка. Установленные в нем лебедки могли бы вытащить из воды броненосец (где ж его, правда, возьмешь), и скорее уж весь Стадион завалится набок, чем Вагон оторвется от палубы — так уж крепко он к ней прилипает.

По сути своей Вагон — всего лишь спиннинговая катушка, но только самая большая и сложная за всю историю рыбалки. Он получает энергию от установленного рядом с центральным куполом генератора (безо всяких, естественно, кабелей), а кроме того, имеет радиосвязь с сонарным постом, отслеживающим все движения и поползновения намеченной жертвы.

В результате удильщик имеет возможность водить свою рыбину на леске много часов, даже суток, кряду — и ни разу ее не увидеть, полностью полагаясь на экран сонара и приборы. И только когда зверь уже подтянут к поверхности, а расположенный двенадцатью футами ниже ватерлинии «совок» выдвигается и начинает помогать лебедке, только тогда непомерно огромная, чем-то похожая на падшего ангела добыча предстает глазам рыболова. И, как выяснил на собственном опыте Дэйвитс, заглянуть ей в глаза — все равно что заглянуть в бездну. А заглядываться тут особенно некогда, нужно действовать. Дэйвитс замешкался, и стометровая, невообразимого веса тварь, уже отходящая от наркоза и обезумевшая от боли, оборвала леску, переломила тянитолкая и малость прогулялась по палубе Стадиона.

Вертолет немного покружил, затем автоматический семафор заметил нас и разрешил посадку. Мы опустились рядом с люком для экипажа, я побросал свои пожитки на палубу и выпрыгнул сам.

— Ни пуха! — крикнул пилот через закрывающуюся уже дверь. Машина взлетела, и семафор снова упал.

Вскинув вещи на плечо, я пошел вниз.

Докладывая о прибытии Малверну, фактическому капитану, я узнал, что остальные прибудут часов через восемь.

Намечалось, что у Вэла я останусь один на один с бандой репортеров, которые спокойно, не торопясь, изготовят хроникальную ленту в духе кинематографа двадцатого века.

Заставка: посадочная полоса, темно. Механик возится с норовистым вертолетом. Медленно подъезжает автобус. Укутанный наживляльщик выходит, оглядывается, ковыляет через поле. Крупный план: ухмыляющаяся морда наживляльщика. В кадре появляется репортер. Вопрос: «Вы считаете, что настало время? Что на этот раз его действительно поймают?» Замешательство, молчание, пожатие плечами. Убрать и вставить что-нибудь. «Понятно. А почему вы считаете, что у мисс Лухарич больше шансов, чем у других? Потому что она лучше снарядилась? (Ухмылка.) Потому что теперь больше известно о повадках этого чудовища? Или из-за ее стремления к победе? Вы считаете, что причина в чем-нибудь одном? А может быть — во всем сразу?» Ответ: «Да, во всем сразу». Вопрос: «Именно потому вы и заключили с ней контракт? Потому что предчувствие говорит вам: «На этот раз — обязательно». Так?» Ответ: «Она платит профсоюзную ставку. К тому же самому мне эту хреновину не арендовать, а добраться до зверя хочется». Стереть. Вставить что-нибудь другое. Наживляльщик идет к вертолету, затемнение. И так далее.

— И-и-и, — сказал я, или что-то в этом роде, и пошел осматривать Стадион.

Я взобрался на каждую Ладью, проверяя управление и подводные видеокамеры. Потом я вызвал главный лифт и поехал вниз.

Малверн не возражал, что я хочу перепроверить все лично, он даже был доволен. Мы уже плавали с ним вместе, однажды наши роли были даже противоположными по сравнению с теперешними. Так что я не удивился, встретив его в хопкинсовском холодильнике. Следующие десять минут мы молча обследовали это обширное помещение со стенами из медных трубок, которые создадут здесь арктический холод.

Наконец он ударил по стене.

— Ну что, заполним мы эту морозилку или нет?

Я покачал головой:

— Хотелось бы, но сомневаюсь. Мне глубоко начхать, кому там достанется честь поимки, лишь бы я в той поимке участвовал. Только ничего мы не поймаем. Эта девица — эгоманьяк. Она захочет управлять Вагоном сама — и не справится.

— Ты что, встречался с ней?

— Да.

— И давно?

— Года четыре тому назад.

— Она тогда была ребенком. Откуда ты знаешь, на что эта юная особа способна сейчас?

— Знаю уж. Она, наверное, выучила каждый переключатель и индикатор. Всю теорию знает назубок. А помнишь, как мы с тобой вместе были в правой Ладье, еще когда Ихти выскочил из воды, словно резвый дельфиненок?

— Такое не забудешь.

— Ну и что скажешь?

Он потер свой щетинистый подбородок.

— Как знать, Карл, может, она и справится. Ведь эта девица гоняла на факельных кораблях, ныряла с аквалангом в очень опасных местах. А кроме того, — он бросил взгляд в сторону затянутой облаками Ладони, — охотилась в горах. Вот возьмет да и вытащит эту плотвичку, и глазом не моргнет.

— После чего, — добавил он, — Джон Хопкинс оплатит все расходы да еще отстегнет за мороженую рыбину семизначную сумму. А это — деньги, даже для Лухарич.

— Может, ты и прав, — заявил я, высунув голову из люка, — только во время нашего с ней знакомства она была не такой уж бедной. — А затем ехидно добавил: — И блондинкой она тоже не была.

— Ладно, — зевнул капитан. — Пошли завтракать.

Что мы и сделали.

В молодости мне казалось, что нет лучшей судьбы, чем родиться морской тварью. Я вырос на побережье Тихого

океана, а лето проводил обычно на Средиземноморье либо на Мексиканском заливе. Месяцами я общался с кораллами, фотографировал обитателей морских глубин, играл в пятнашки с дельфинами. Я ловил рыбу везде, где только есть рыба, глубоко возмущаясь, что существуют места, доступные рыбам, но недоступные мне. Повзрослев, я стал мечтать о по-настоящему крупной рыбе, что естественным образом привело меня к Ихти — ведь он больше всех известных науке живых существ, за исключением разве что секвойи.

Я взял про запас пару булочек, сунул их в бумажный пакет, налил в термос кофе, а затем покинул камбуз и направился к логову Вагона. Тут все было в точности как прежде. Я щелкнул парой тумблеров, и передатчик ожил.

— Это ты, Карл?

— Он самый, Майк. Подключи сюда питание, жулик ты несчастный.

Майк обдумал мое предложение, затем генераторы включились, и плот задрожал. Я налил третью чашку кофе и нашел сигарету.

— Ну и почему же это, интересно, я жулик, да еще и несчастный? — снова раздался голос Майка.

— Ты знал о телевизионщиках в шестнадцатом ангаре?

— Да.

— Тогда жулик ты несчастный, и больше никто. Меньше всего мне сейчас нужна популярность. «Битому неймется». Прямо перед глазами стоит заголовок.

— Ошибаешься. Главная роль в кино всего одна, а Джин малость посимпатичнее тебя.

Ответа он не услышал — в этот момент я включил подъемник, и над головой оглушительно, как две огромные мухобойки, хлопнули створки люка. Когда Вагон оказался вровень с настилом, я убрал поперечный полоз и двинулся по колее вперед. Посередине палубы, на перекрестке, я остановился, опустил поперечный полоз, а продольный убрал. Затем я скользнул к правому борту, остановился между Ладьями и включил магнитный захват.

За все это время из чашки не пролилось ни капли кофе.

— Картинку, пожалуйста.

Экран засветился. Я подкрутил настройку и увидел рельеф дна.

— Порядок.

Я щелкнул тумблером второй готовности, Майк сделал то же самое. Вспыхнул свет. Разблокировалась лебедка. Я прицелился, выдвинул «руку» и забросил удочку.

— Чисто сделано, — прокомментировал Майк.

— Первая готовность. Сейчас подсекаю. — Я щелкнул тумблером.

— Первая готовность.

Как раз здесь-то на сцену и выходит наживляльщик, чья задача — сделать крючок соблазнительным.

Крючок этот не совсем обычен. В трос вплетены трубки, по которым подается столько дури, что хватило бы на целую дивизию наркоманов; Ихти заглатывает дистанционно управляемую наживку, дергающуюся перед ним, рыбак подсекает, и концы крючка впиваются в глотку.

Последняя подстройка, теперь что там на индикаторе уровня? Пусто, наркотик еще не заливали. Вот и хорошо. Я нажал копку «инъекция».

— Теперь уж точно не уйдет, — пробормотал Майк.

Я освободил тросы и стал водить воображаемого зверя. Я отпускал его, время от времени придерживал, чтобы сильнее вымотать.

Несмотря на наличествующий кондиционер и отсутствующую рубашку, становилось жарко, откуда следовал вывод, что утро превратилось в день. Я смутно отмечал прилетающие и тут же убывающие вертушки. В тени оставшихся открытыми створок сидели какие-то личности; они с интересом наблюдали за моими действиями. Прибытие Джин я проворонил, иначе закончил бы и опустил Вагон на место.

Она нарушила мою сосредоточенность, хлопнув дверью с такой силой, что я испугался — не сорвется ли Вагон с захвата.

— Вас не затруднит сообщить мне, — процедила она, — с чьего это разрешения Вагон оказался на палубе?

— Ни с чьего, — ответствовал я. — Я его сейчас уберу.

— Не утруждайте себя, только отодвиньтесь куда-нибудь.

Так я и сделал. Эта зараза заняла мое место. На ней были широкие коричневые брюки и свободная рубаха, волосы увязаны на затылке, чтобы не мешали. Щеки у нее горели, и вряд ли от жары. Джин набросилась на пульт с комичным — и пугающим — энтузиазмом.

— Вторая готовность, — рявкнула она, ломая о кнопку фиолетовый ноготок.

Я изобразил зевок и начал неторопливо застегивать рубашку. Она зыркнула на меня искоса, проверила приборы и забросила крючок.

Я следил по экрану за леской. На секунду Джин повернулась ко мне.

— Первая готовность, — ровно сказала она.

Я утвердительно кивнул.

Она потянула лебедкой вбок, чтобы продемонстрировать, что знает, как это делается. Я не сомневался, что она знает, как это делается, и она не сомневалась, что я не сомневаюсь, но все-таки...

— Если вы еще вдруг не поняли, — сказала она, — вас тут и близко не будет. Вас наняли наживляльщиком, понятно? Вы никакой не оператор Вагона! Вы — наживляльщик! В ваши обязанности входит сплавать и накрыть нашему общему другу стол. Это опасно, но вам и платят соответственно. Вопросы?

Она нажала кнопку «инъекция» с такой силой, что я невольно потер горло.

— Да нет, — улыбнулся я, — но я умею пользоваться этой штуковиной. И если что — свистните. По профсоюзным ставкам.

— Мистер Дэйвитс, — сказала она, — я не хочу, чтобы за этим пультом сидел неудачник.

— Мисс Лухарич, в эту игру еще никто не выигрывал.

Она начала выбирать трос и тут же вырубила магнитное сцепление; крючок со всеми своими причиндалами вернулся на место, Вагон содрогнулся и отскочил на пару футов назад. Поперечный поднят, полный газ назад, слегка притормозила, сменила полозья, стоп. С грохотом и лязгом. Теперь — направо; моряки, сидевшие в тени створки, бросились врассыпную, а мы въехали на платформу подъемника.

— В будущем, мистер Дэйвитс, — сказала она мне, — не входите сюда без приказа.

— Не волнуйтесь, — ответил я. — Я не войду даже и по приказу. Если вы еще не забыли, я нанимался наживляльщиком. Так что, если вам потребуется моя помощь, придется вежливо попросить.

— Этот день войдет в историю, — улыбнулась она.

Я согласился, над нами закрылись створки люка. Когда Вагон вернулся на место, мы закончили разговор и разошлись в разные стороны. Все же она сказала, в ответ на мой смешок, «до свидания», что свидетельствовало как о хорошем воспитании, так и о хорошем самообладании.

Позже, вечером, мы с Майком набили трубки в каюте Малверна. Ветер гнал волну, а дождь и град колотили по палубе, будто по жестяной крыше.

— Погода — дрянь, — сообщил мне Малверн.

Я согласно кивнул. После двух стаканов бурбона комната стала родной и уютной: мебель из красного дерева (давным-давно я по какой-то блажи доставил ее с Земли), обветренное лицо Малверна, постоянно удивленная физиономия Дабиса между двумя тенями от спинок стульев, все это освещено крохотным ночником и видно как бы сквозь бурое стекло, гадательно*.

— Хорошо, что я здесь.

— А как оно в такую ночь там, внизу?

---

* Намеренное искажение новозаветного текста: «...как бы сквозь тусклое стекло, гадательно». Первое послание к Коринфянам, гл. 13, ст. 12.

Я выпустил клуб дыма, представляя, как луч фонаря прорезает внутренности слегка подрагивающего черного алмаза. На мгновение я увидел молниеносный бросок случайно освещенной рыбы, мерное колыхание странных, наподобие папоротников, водорослей — сперва они в тени, потом вспыхивают яркой зеленью, исчезают... Думаю, именно так себя чувствует, если он способен что-то чувствовать, космический корабль, летящий между мирами — и тишина, сверхъестественная, жуткая тишина, и спокойствие, будто во сне.

— Темно, — сказал я. — И уже на глубине в несколько метров волна почти не чувствуется.

— Отчаливаем через восемь часов, — заметил Майк.

— А через десять — двенадцать дней будем на месте, — добавил Малверн.

— Как вы думаете, что сейчас делает Ихти?

— Спит на дне морском с миссис Ихти — если у него, конечно, есть хоть капля мозгов.

— Нету. Я видел реконструкцию его скелета, сделанную АВИ по собранным на берегу костям.

— А кто ж ее не видел?

— Так он же будет больше сотни метров длиной. Верно, Карл?

Я согласился.

— А черепная коробка совсем крохотная, при такой-то туше.

— Он достаточно умен, чтобы не попадаться в наш холодильник.

Смешки — ведь, кроме этой комнаты, по-настоящему не существует ничего. Окружающий мир — это пустая палуба, по которой колотит дождь пополам со снегом. А мы сидим себе, развалясь, и выпускаем клубы дыма.

— Наша командирша не одобряет несанкционированную рыбную ловлю.

— Наша командирша может идти куда подальше.

— Чего она там тебе наговорила?

— Она сказала, что мое место — на дне, вместе с рыбьим дерьмом.

— Ты не управляешь Вагоном?

— Я наживляю.

— Посмотрим.

— Ничего другого я не делаю. Если ей потребуется оператор Вагона, она должна будет попросить, и очень вежливо.

— Думаешь, попросит?

— Думаю, попросит.

— А если она попросит, ты-то сумеешь?

— Резонный вопрос, — я выпустил клуб дыма, — ответа на каковой я не знаю.

Я согласен акционировать свою душу и отдать сорок процентов выпущенных акций за ответ на этот вопрос. Я согласен отдать за этот ответ два года жизни. Только что-то мои соблазнительные предложения не встречают отклика у темных сил. Видимо, темные силы и сами не знают. Ну, скажем, нам повезет и мы найдем Ихти. Более того, мы подцепим его на крючок. Ну и что? Если мы подтянем его к кораблю, выдержит ли Джин или сломается? Что, если она прочнее Дэйвитса, охотившегося на акул с пневматическим пистолетом и отравленными стрелами? Что, если она и вправду поймает Ихти, а Дэйвитс так и будет стоять рядом, словно пень?

Хуже того, если, скажем, она попросит Дэйвитса, а тот все равно будет стоять, словно тот самый пень или, лучше сказать, как конек бздюловатый?

Это случилось, когда я приподнял Ихти выше уровня палубы и посмотрел на его тело, косо уходящее вдаль и вдали теряющееся из виду, словно зеленая горная гряда. А еще огромная голова. Маленькая для такой туши, но все равно огромная. Широкая, пупырчатая, и эти выпученные, лишенные век рулетки, крутившие свое красное-черное еще тогда, когда мои предки только собрались осваивать Новый Континент. И голова эта качалась — туда-сюда, туда-сюда...

Подсоединили новые баки с наркотиком. Ему требовалась еще одна доза, и побыстрее. Но меня парализовало.

Он издал звук, ну словно сам Господь ударил по клавишам синтезатора.

И посмотрел на меня!

Не знаю, так же видят его глаза, как наши, или нет. Сомневаюсь. Может, я представлялся серым расплывчатым пятном за черной скалой, а отраженное от пластика небо слепило их до боли. Но только они остановились на мне. Возможно, змея на самом деле не парализует кролика — может, это просто кролики трусливы по природе. Но только Ихти начал сопротивляться, а я смотрел на него как завороженный.

Завороженный этой мощью, этими глазами... Таким вот и нашли меня пятнадцать минут спустя. Голова моя и плечи оказались несколько покуроченными, а кнопка «инъекция» — ненажатой.

Я вижу эти глаза во сне. Я хочу еще раз взглянуть в них, даже если поиски продлятся до скончания века. Я должен узнать, есть ли во мне нечто, отличающее человека от кролика, от жестко заданного набора рефлексов и инстинктов, разваливающегося, стоит только дернуть за нужную веревочку.

Я посмотрел вниз и увидел, что руки мои трясутся. Я взглянул вверх и увидел, что никто этого не увидел.

Тогда я допил стакан и выбил трубку. Было уже поздно, и птички певчие своих не пели песен.

Я сидел, свесив ноги с кормы, и строгал деревяшку, щепки кувыркались в кильватерной струе. Три дня плавания. Никаких действий.

— Эй!

— Я?

— Да, ты.

Волосы — золото, зубы — жемчуг, глаза такого оттенка, которого и на свете не бывает.

— Привет.

— В правилах техники безопасности есть специальный пункт, запрещающий то, чем ты сейчас занимаешься.

— Знаю. Уже все утро на этот счет мучаюсь.

Тонкий завиток забрался по моему ножу, улетел, приземлился в пену, покрутился, затем его утащило вглубь. Я смотрел на отражение девушки в лезвии и тайно наслаждался тем, как оно корежится.

— Измываешься?

Я повернулся на ее смех.

— Кто, я?

— Я могу тебя отсюда столкнуть, очень свободно.

— Я догоню корабль.

— А потом какой-нибудь темной ночью столкнешь меня?

— Тут все ночи темные, мисс Лухарич. Нет, я лучше подарю вам эту вот штуку, которую вырезаю.

Она села рядом со мной; закрытый купальник и белые шорты; нездешний загар, который всегда казался мне таким привлекательным. Я почти ощутил вину за то, что спланировал всю эту сцену заранее, но моя правая рука все еще скрывала деревянную зверюшку от ее глаз.

— Ладно, глотаю наживку. Что это у тебя?

— Секундочку, сейчас закончу.

Я церемонно вручил ей деревянного ослика. Я чувствовал себя виноватым и немного по-ослиному, но остановиться уже не мог. Со мной всегда так. Рот расплылся, ну еще немного — и в правду заржу. И уши торчком.

Джин не улыбнулась, не нахмурилась, а просто взяла мой шедевр и начала его рассматривать.

— Хорошо получилось, — сказала она наконец, — как и почти все, что ты делаешь. И, возможно, соответствует ситуации.

— Отдай, — протянул я руку.

Она вернула мне осла, а я швырнул его в воду. Ни в чем не повинное животное не попало в пену и некоторое время держалось на поверхности, словно карликовый морской конек.

— Зачем ты его выкинул?

— Плохая шутка. Извини.

— Может, ты и прав. Может, на этот раз я откусила столько, что не прожевать.

— Тогда почему не заняться чем-нибудь более безопасным, — фыркнул я, — вроде космических гонок?

— Нет, — помотала она тем самым своим золотом. — Мне нужен Ихти.

— Зачем?

— А зачем он был нужен тебе? Ты же угробил на него целое состояние.

— Много разных причин. — Я пожал плечами. — Некий психоаналитик, лишенный диплома и незаконно практикующий в подвальной конуре, сказал мне однажды следующее: «Мистер Дэйвитс, вам необходимо укрепить образ своей мужественности, поймав по рыбине каждого из существующих видов». Рыбы — очень древний символ мужественности. Вот я и взялся за дело. Осталась всего одна рыбина. А вот ты-то, чего ради ты захотела укрепить свою мужественность?

— Захотела? — ответила она. — Да ничего я не хочу укреплять, кроме «Лухарич энтерпрайзис». Мой главный статистик однажды сказал: «Мисс Лухарич, когда ваше имя будет на каждой баночке кольдкрема и коробке пудры, продаваемой в Солнечной системе, вы станете счастливой девушкой. И богатой». И он оказался прав. Я — тому доказательство. Я имею возможность выглядеть так, как я выгляжу, и делать все, что мне заблагорассудится, и я продаю почти всю губную помаду и пудру в Солнечной системе — но я хочу иметь силы делать все, что мне заблагорассудится.

— А что, — заметил я, — видок у тебя вполне деловой и холодный. Какие тебе еще силы?

— Не знаю насчет холодного вида, — сказала она, поднимаясь, — но сейчас мне жарко. Давай искупаемся.

— Могу я заметить вашему величеству, что мы идем с довольно приличной скоростью?

— Можете, если желаете сообщить очевидное. Ты вроде говорил, что сумеешь догнать плот без посторонней помощи. Еще не передумал?

— Нет.

— Тогда достань пару аквалангов, и устроим соревнование, кто быстрее проплывет под Стадионом. И выиграю, конечно же, я, — добавила она.

Я встал и посмотрел на нее сверху вниз; это обычно дает мне чувство превосходства над женщинами.

— Дочь Лира, в чьих глазах Пикассо, — сказал я, — будет тебе гонка. Встречаемся у правой передней Ладьи через десять минут.

— Через десять минут, — согласилась она.

Десять минут на все и потребовалось. В том числе две, чтобы добежать со всем этим барахлом от центрального купола до Ладьи. Мои сандалии раскалились, так что я был счастлив добраться до сравнительно прохладного угла и сменить их на ласты.

Мы нацепили снаряжение и подогнали ремни. Сейчас на Джин был цельный зеленый купальник, да такой, что мне пришлось прикрыть глаза и посмотреть в сторону. А потом обратно.

Я прикрепил веревочную лестницу и скинул ее за борт, а потом постучал по стене Ладьи.

— Что такое?

— Вы связались с левой кормовой Ладьей?

— Все устроено, — пришел ответ. — По всей корме вывешены лестницы и тросы.

— Вы уверены в благоразумности такого поступка? — спросил у Джин ее агент по связям с общественностью — плюгавый, докрасна обгоревший на солнце хмырь по прозванию мистер Андерсон. Он сидел в шезлонге рядом с Ладьей и сосал через соломинку лимонад. — Это может быть опасным, — запавшим ртом прошамкал хмырь (его зубы лежали рядом, в другом стакане).

— Верно, — улыбнулась Джин. — Это действительно будет опасно. Хотя и не очень.

— Тогда почему вы запретили съемку? Пленки через час оказались бы в Линии Жизни, а к вечеру — в Нью-Йорке. Хороший сюжет.

— Нет, — сказала она и отвернулась от нас.

И подняла руки к глазам.

— Вот, пусть пока у вас полежат.

Хмырь получил коробочку, а глаза Джин вернули себе прежний, карий цвет.

— Готов?

— Нет, — строго сказал я. — Слушай внимательно, Джин. В этой игре есть несколько правил. Во-первых, — загнул я палец, — мы окажемся прямо под плотом, значит, надо стартовать на глубине и не переставать двигаться. Если стукнуться о днище, можно повредить баллон.

Она начала было возмущаться, что уж это-то любой идиот понимает, но я ее перебил:

— Во-вторых, там будет темно, поэтому мы должны держаться рядом и оба возьмем фонари.

Ее влажные глаза сверкнули.

— Я вытащила тебя из Говино без... — Она замолчала и отвернулась, а потом взяла фонарь. — Хорошо. Фонари так фонари. Извини.

— И берегись винтов, — закончил я. — Уже метрах в пятидесяти от них тянет будь здоров.

Она снова вытерла глаза и подогнала маску.

— Ладно, двинули.

И мы двинули.

Я настоял, чтобы она плыла первой. У поверхности вода была теплая, на глубине трех метров — прохладная, а на десяти — холодная и — после жары на палубе — очень приятная. На глубине пятнадцати метров мы отпустили лестницу и рванули. Стадион плыл вперед, а мы — перпендикулярно ему, каждые десять секунд задевая его днище желтым пятном света.

Днище оставалось там, где ему и положено, а мы неслись, словно два спутника, обходящие планету с ночной ее стороны. Я периодически щекотал лягушачьи лапы Джин лучом света и отслеживал ее усики из пузырьков. Дистанция — пять метров, как раз то, что надо. Я легко обойду эту красотку на финишной прямой, но пока что пусть идет впереди, так оно вернее.

А внизу — тьма. Непроглядная. Бездонная. Здешний, венерианский Минданао. Возможно, именно сюда направляются души умерших наслаждаться вечным покоем в горо-

дах никем еще не виданных, никак не названных рыб. Я повернул голову и провел щупальцем света по днищу плота и понял, что пройдена уже четверть дистанции.

Неожиданно Джин прибавила темп и оторвалась на лишнюю пару метров; я тоже стал грести чаще и восстановил прежнюю дистанцию. Она поплыла еще быстрее — я тоже. Я нащупал ее своим фонариком.

Джин повернулась, и луч света ударил ей в прикрытое маской лицо. Не знаю уж, улыбалась она или нет. Скорее всего. Она подняла два пальца в победном знаке и на полной скорости рванула вперед.

Мне следовало знать. Я должен был почувствовать, что так и случится. Для нее же это — просто гонка, еще одно соревнование, которое можно выиграть и наплевать на опасности.

Я поплыл изо всех сил. Я не дрожу в воде. Или, если дрожу, не замечаю. Я начал снова сокращать дистанцию.

Она посмотрела назад, прибавила, снова посмотрела назад. Каждый раз, когда она оборачивалась, я оказывался ближе, пока не сократил разрыв до изначальных пяти метров.

И тут она врубила движки. Вот этого я и боялся. Мы были на полпути под плотом, и ей не следовало этого делать. Струи сжатого воздуха запросто могли бросить ее вверх, ударить о днище или что-нибудь оторвать, если она неверно повернет корпус. Основное их предназначение — вырываться из зарослей водорослей или бороться с сильными течениями. Я взял их для безопасности, из-за этих здоровенных ветряных мельниц, что на корме.

Она помчалась вперед, что твоя ракета, а я, хотите — верьте, хотите — нет, почувствовал, как покрываюсь холодным потом.

Я пустился вдогонку, не используя своих боеприпасов, и она утроила, учетверила разрыв.

Движки наконец заглохли, а Джин так и продолжала чесать вперед. Ладно, я — старый ворчун. Но ведь могла же она сделать что-нибудь не так и рвануть вверх.

Я рассекал воду и начал снова сокращать дистанцию, по футу за гребок. Теперь я не смогу догнать или обогнать ее, но хотя бы успею ухватиться за трос до того, как она ступит на палубу.

Но вот вращающиеся магниты взялись за дело, и она дрогнула. Даже на таком расстоянии тяга была очень сильной. Манящий зов мясорубки.

Такой вот штукой поцарапало меня однажды под «Дельфином», рыболовным судном среднего класса. Да, я пил, но сказалась и штормовая погода, и то, что винты запустили слишком рано. К счастью, остановили их вовремя, а корабельный живодер быстренько привел все в полный порядок. Все, за исключением записи в вахтенном журнале, особо отметившей мое непотребное состояние. И ни слова о том, что это было во внеурочные часы и я имел право делать все, что угодно.

Она двигалась раза в два медленнее, чем прежде, но все равно еще наискось, к левому кормовому углу нашего плотика. Теперь я и сам почувствовал течение и тоже уменьшил скорость. От главного винта Джин, похоже, увернется, но слишком уж сильно снесло ее к корме. Под водой трудно оценивать расстояние, но с каждым ударом пульса я все больше убеждался в своей правоте. Главный винт ей не грозил, но вот малый левый, расположенный восьмьюдесятью метрами дальше... Она же попадет под этот винт как пить дать.

Она развернулась ногами к винту и начала отчаянно грести. Нас разделяло двадцать метров. Она словно зависла на одном месте. Пятнадцать.

Джин начала медленно дрейфовать назад. Я включил движки, целясь на два метра за ней и на двадцать перед лопастями. Прямо вперед!

Слава богу! Поймал, мягкое, кастетом по плечу, ГРЕБИ СО ВСЕХ СИЛ! Маска треснула, хорошо, не разбилась, ТЕПЕРЬ ВВЕРХ!

Мы схватились за трос, а потом я помню бренди.

И в колыбель, вечно баюкавшую*, я сплюнул, приблизившись к борту. Сегодня у меня бессонница, и левое пле-

* Отсыл к строке У. Уитмена «Из колыбели, вечно баюкавшей...».

чо снова ноет, так что пусть меня поливает дождь — ревматизм лечить умеют. Дикая глупость. Так я и сказал. Завернувшись в одеяло и дрожа. Она: «Карл, я не могу выразить...» Я: «Тогда считайте, мисс Лухарич, что мы квиты за тот вечер в Говино. Идет?» Она: ничего. Я: «Бренди еще остался?» Она: «И мне налей». Я: заглатывающее хлюпанье. Это продолжалось всего три месяца. Никаких алиментов. У обеих сторон много долларов. Не уверен, были ли они счастливы. Темное, как вино, Эгейское море. Отличная рыбалка. Может, ему следовало проводить на берегу больше времени. Или ей — поменьше. А плавает хорошо. Он тогда захлебнулся, и она доволокла его до самого Видо. И вытряхнула воду из легких. Молодые. Оба. Сильные. Оба. Богатые и вконец испорченные. Аналогично. Корфу должен был сблизить их. Не вышло. Душевная черствость и ловля форели. Он хотел в Канаду. Она: «Да хоть к черту!» Он: «Так ты поедешь со мной?» Она: «Нет». А все-таки поехала. Скандалов — не счесть. Он потерял чудовище-другое, она унаследовала пару. Сегодня вечером много молний. Дикая глупость. Вежливость — гробница для обманутых душ. Кто ж это сказал? Я ненавижу тебя, Андерсон, с твоим стаканом, полным твоих зубов и ее новых глаз. Не можешь держать трубку зажженной — соси табак. Сплюнь еще раз!

Через семь дней после отплытия на экране появился Ихти.

Загремел авральный сигнал, застучали ноги, какой-то оптимист включил термостат в хопкинсовском холодильнике. Малверн сказал мне сидеть спокойно, но я увешался снаряжением и начал ждать, что будет. С виду синяк был страшноватый, а так — ничего. Я делал зарядку каждый день, и плечо двигалось отлично. Он плыл перпендикулярно нам, в километре по курсу и на глубине шестидесяти метров. На поверхности все было тихо.

— Мы будем его преследовать? — спросил какой-то торопыга из матросиков.

— Нет. Ну разве что, — пожал я плечами, — ей очень уж захочется истратить побольше горючего.

Вскоре экраны опустели, да такими и остались. Мы держали курс и сохраняли готовность.

После последнего нашего совместного утопания мы не перебросились с командиршей и дюжиной слов, так что теперь было самое время увеличить счет.

— День добрый, — начал я, — что новенького?

— Уходит на северо-северо-восток. Этого придется отпустить. Еще через несколько дней мы сможем себе позволить погоню, но не сейчас.

Блеск волос...

— Верно, — кивнул я. — Куда он направляется — совершенно непонятно.

— Как твое плечо?

— Нормально. А как ты?

Дочь Лира...

— Хорошо. Кстати, тебе полагается приличная премия.

В твоих глазах погибель!

— Какие пустяки!

Позже вечером разразилась подобающая случаю гроза. (Я предпочитаю говорить «разразилась», а не «началась». Это слово создает более точный образ тропических бурь на Венере и экономит массу других слов.) Помните ту чернильницу, о которой я говорил раньше? Зажмите ее между большим и указательным пальцами. Сделали? А теперь шарахните по ней молотком. Осторожно! Не обрызгайтесь и не порежьтесь...

Сухо, а ровно через секунду — сплошная вода. Удар молотка, и небо покрывается миллионом ослепительных трещин. И это слышно — как оно разлетается вдребезги.

— Все внизу? — вопросили у суетящейся команды громкоговорители.

А где был я? А кто же это, по-вашему, громко говорил?

Когда по палубе начала разгуливать вода, все незакрепленное улетело за борт, но людей к тому времени на ней уже не было. Первым ушел вниз Вагон, а затем — кабины больших пассажирских лифтов.

При первых же — хорошо мне знакомых — признаках начинающегося светопреставления я заорал во всю глотку и бросился к ближайшей Ладье. Там я врубил динамики, а затем прочитал палубной команде коротенькую, секунд на тридцать, лекцию.

Майк мне сообщил по радио, что ничего серьезного не случилось, так, мелкие царапины. Я же на время шторма оказался в одиночной камере. Из Ладьи никуда не попасть, эти штуки слишком далеко отстоят от корпуса, чтобы в них был люк вниз, не говоря уж о том, что под каждой из них смонтирован тот самый «совок».

Так что отцепил я баллоны, висевшие на мне последние несколько часов, скрестил ласты на столе и откинулся в кресле, созерцая ураган. Сверху стояла такая же непроглядная тьма, как и внизу, а мы, посередке, слегка освещены по причине огромной блестящей поверхности плота. Дождь не капал, а сплошной стеной падал вниз.

Надежные Ладьи уже неоднократно выносили подобное ненастье, плохо лишь, что из-за крайнего своего расположения они проходили наибольшие дуги, когда Стадион, будто качалка излишне нервной бабули, прыгал по волнам. Ремнями из снаряжения я привязался к прикрученному к полу креслу, а потом благодарственными молитвами скостил несколько лет чистилища душе, забывшей в столе сигареты.

Я смотрел, как вода превращается в вигвамы, горы, руки и деревья, пока не начал видеть лица и людей. Тогда я позвонил Майку.

— Что ты там поделываешь, внизу?

— Размышляю, что ты поделываешь там, наверху, — ответил он. — На что это похоже?

— Ты ведь со Среднего Запада, верно?

— Да.

— Бывают у вас там сильные грозы?

— Местами.

— Вспомни худшую, в которую ты попадал. Есть у тебя под рукой логарифмическая линейка?

— Прямо здесь.

— Тогда поставь под грозой единицу, представь себе, что за ней следует пара нулей, и перемножь.

— Мне не представить нули.

— Тогда оставайся с исходным сомножителем.

— Так что же ты там делаешь?

— Я привязался к креслу и смотрю, как по полу катаются разные вещи.

Я снова посмотрел вверх и наружу и заметил в лесу темную тень.

— Ты молишься или ругаешься?

— А черт его знает! Если бы это был Вагон — если бы только это был Вагон!

— Он там?

Я кивнул, забыв, что Майк меня не видит.

Огромный, каким я его и помнил. Он лишь на несколько секунд высунулся над поверхностью — хотел, наверное, осмотреться. Нет на земле подобного ему: он сотворен бесстрашным*. Я выронил сигарету. Все как и раньше. Паралич и нерожденный крик.

— Карл, ты там жив?

Он снова на меня посмотрел. А может, мне показалось. Может, это безмозглое чудище полтысячи лет поджидало случая поломать жизнь представителю самой развитой...

— Ты в порядке?

Или, возможно, она уже была сломана задолго до того и встреча эта — лишь стычка зверей, сильный отпихивает слабого, тело против души...

— Карл, ты что там, ошалел? Скажи что-нибудь!

Он снова всплыл, на этот раз ближе. Вы когда-нибудь видели столб смерча? Он кажется живым, двигаясь в темноте. Ничто не имеет право быть таким большим, таким сильным и двигаться. От этого голова кругом идет.

— Пожалуйста, ответь мне.

---

* Книга Иова, гл. 41, ст. 25.

Он ушел и больше в тот день не приходил. Я наконец выдавил из себя что-то для Майка, какую-то шуточку, но теперь мне приходилось держать сигарету в правой руке.

Следующие семьдесят или восемьдесят тысяч волн прокатились мимо нас с монотонным однообразием. Пять дней, во время которых все это происходило, тоже не сильно различались. Однако утром тринадцатого дня удача, казалось, улыбнулась нам. Колокола громкого боя вдребезги разбили нашу вымоченную в кофе летаргию, мы бросились из камбуза, так и не дослушав лучший анекдот Майка.

— Сзади по курсу! — крикнул кто-то. — Пятьсот метров!

Я прицепил баллоны и начал застегивать ремни. Мое барахло всегда валяется где-нибудь рядом.

Я прошлепал по палубе, обматываясь сдутым дергунчиком.

— Пятьсот метров, глубина сорок метров! — прогремело из динамика.

Выдвинулись телескопические вышки, и Вагон поднялся во весь рост, с миледи за пультом управления. Он прогрохотал мимо меня и встал на якорь у передней кромки Стадиона. Поднялась, а затем вытянулась единственная его рука.

В тот самый момент, когда я поравнялся с Вагоном, динамики сообщили:

— Четыреста восемьдесят, двадцать!

— Первая готовность!

Звук — словно хлопнула огромная бутылка шампанского, и над водой взметнулась леска.

— Четыреста восемьдесят, сорок, — повторил голос Малверна. — Наживляльщику приготовиться!

Я приладил маску и слез в воду, цепляясь руками за спущенный с борта веревочный трап. Тепло, затем холод, и — вперед.

Безграничность, зелень, вниз. Быстро. Сейчас я — тот же самый дергунчик. Если некоему большому существу взбредет в его маленькую голову, что наживляльщик-то выглядит пособлазнительней своего груза... вытекающие

отсюда (а точнее — из наживляльщика) последствия очевидны.

Ну вот, нашлись наконец. Теперь я поплыл, следуя за уходящими вниз тросами. Зеленый, темно-зеленый, потом — полная тьма. Далеко она забросила, даже слишком далеко. Мне не приходилось еще заплывать с наживкой так глубоко. И я не хотел зажигать фонарь.

Пришлось, никуда не денешься.

Плохо! Спускаться еще долго. Я стиснул зубы и надел на свое воображение воображаемую смирительную рубашку.

В конце концов леска подошла к концу.

Я обхватил дергунчика рукой, а затем отцепил его от себя и прицепил к крючку; делалось это со всей возможной скоростью. Теперь подключить маленькие изолированные разъемы. Хрупкость проводов и разъемов — единственная причина, по которой дергунчика не выстреливают вместе со всем остальным хозяйством. Конечно же, Ихти может их сломать, но тогда это уже не будет иметь значения.

Наживив своего механического угря на крючок, я вытащил затычки и стал смотреть, как он раздувается. За время этой полуторaминутной процедуры меня затащило еще глубже, и я оказался близко — слишком уж близко — от того места, где никогда не хотел быть.

Раньше мне было страшно включать фонарь, но теперь я не мог его выключить. Я боялся остаться в темноте; охваченный паникой, я намертво вцепился в трос, а дергунчик тем временем вспыхнул неярким розовым светом и начал извиваться. Он был в два раза больше и в двадцать раз привлекательнее меня — во всяком случае, в глазах пожирателя розовых дергунчиков. Я повторял себе это, пока наконец не поверил, потом выключил свет и поплыл вверх.

Мое сердце имело четкую инструкцию: если я уткнусь во что-нибудь огромное со стальной шкурой, немедленно остановиться и отпустить мою душу, чтобы та потом вечно моталась в аду, оглашая его бессвязными бормотаниями.

Избежав метаний и бормотаний, я добрался до зеленой воды и бросился к родному гнезду.

Как только меня втащили на борт, я стянул маску на шею, сделал из ладони козырек и стал высматривать водовороты на поверхности. Естественно, первым же моим вопросом было: «Ну и где он?»

— Нигде, — ответил матросик, — как только ты нырнул, мы его потеряли да так с той поры и не видели. Ушел, наверное.

— Жаль.

Дергунчика оставили внизу принимать ванну. На какое-то время моя работа кончилась, и я пошел пить кофе с ромом.

Шепот за спиной: «А вот ты — ты смог бы так смеяться после такого?»

Вдумчивый ответ: «А это смотря над чем он смеется».

Я, все еще посмеиваясь, с двумя чашками кофе прошел в центральный купол.

— Ну как, ни слуху ни духу?

Майк кивнул. Его большие руки тряслись, а мои, когда я ставил чашки, оставались спокойными, как у хирурга.

Когда я сбросил баллоны и начал искать скамейку, он взвился.

— Не капай на эту панель! Ты что, хочешь и себя угробить, и пережечь предохранители? Они же денег стоят!

Я вытерся полотенцем, сел перед пустым экраном и блаженно потянулся. Плечо чувствовало себя как новенькое.

Эта маленькая штуковина, через которую люди переговариваются, что-то захотела сказать. Майк щелкнул переключателем и предложил ей дерзать.

— Карл там, мистер Дабис?

— Да, мэм.

— Дайте мне с ним поговорить.

— Говори, — сказал я.

— Ты в порядке?

— Да, спасибо. А ты что, сомневалась?

— Долгое погружение. Думаю... думаю, я закинула слишком далеко.

— Я только рад, у меня же коэффициент три. Я же загребаю на этом пункте об опасной работе уйму денег.

— В следующий раз я буду осторожнее. — Голос Джин звучал виновато. — Наверное, это — от излишнего рвения. Извини. — Фраза так и повисла незаконченной, связь прекратилась, а я остался с пригоршней специально заготовленных ответов.

Я вытащил у Майка из-за уха сигарету и прикурил от бычка, оставшегося в пепельнице.

— Карл, она вела себя очень прилично, — сообщил он мне, отвернувшись от своего пульта.

— Знаю, — сказал я ему. — А я — нет.

— Хочу сказать, она — очень милое существо. Упрямая — это точно. Но тебе-то она что сделала?

— За последнее время? — уточнил я.

Он посмотрел на меня и уткнулся взглядом в чашку.

— Я знаю, это не мое де... — начал он.

— Сахару и сливок?

Ни в тот день, ни ночью Ихти не вернулся. Линия Жизни передавала какой-то диксиленд, мы с Майком устроили на лужайке детский смех, а бдительная Джин повелела тем временем подать ей ужин прямо в Вагон. Потом она попросила принести туда же раскладушку. Любимый свой «Дип Уотер Блюз» я врубил по наружным динамикам, чтобы послушали все, кто на палубе, и начал ждать, когда же Джин позвонит и начнет ругаться. И не дождался — уснула уже, наверное.

Я соблазнил Майка сыграть в шахматы, чем мы и занимались до рассвета. Разговор тем самым ограничился несколькими «шахами», одним «матом» и одним «чтоб тебя!». Майк не умеет проигрывать, так что дальнейшая беседа тоже не состоялась, и меня это вполне устраивало. Я позавтракал бифштексом с жареной картошкой и завалился спать.

Десять часов спустя кто-то начал меня толкать; я приподнялся на локте, однако от открывания глаз воздержался.

— В чем дело?

— Извините, что разбудил вас, — сказал один из молодых матросов, — но мисс Лухарич хочет, чтобы вы отсоединили дергунчика, чтобы можно было плыть дальше.

Я продрал один глаз, все еще решая, удивляться или нет.

— Подтяните его к борту. Там его кто хочешь отцепит.

— Он уже у борта, сэр. Но она сказала, что это — ваша работа и лучше все делать по правилам.

— Очень заботливо с ее стороны. Уверен, мой профсоюз оценит ее память.

— Э-э... а еще она просила передать вам, чтобы вы переодели трусы, причесались и побрились. Мистер Андерсон собирается снимать.

— Ладно. Идите передайте ей, что я уже иду, — и спросите, не найдется ли у нее лака для ногтей.

Подробности опущу. Все заняло три минуты, я верно сыграл свою роль, даже извинился, поскользнувшись и уткнувшись в белый тропический костюм Андерсона мокрым дергунчиком. Он улыбнулся и отряхнулся; она улыбнулась, хотя даже Лухарич комплектаколор не мог полностью скрыть темные круги под ее глазами; я тоже улыбнулся и помахал рукой всем нашим болельщикам, глядящим в телевизор. «Мисс Вселенная, вы тоже можете стать похожей на охотницу за чудовищами. Пользуйтесь кремом для лица производства «Лухарич энтерпрайзис» — всего-то и делов».

Я спустился вниз и сделал себе бутерброд с тунцом и майонезом.

Два похожих на айсберги дня — тусклые, белесые, полурастаявшие, зябкие, по большей части незаметные и определенно угрожающие состоянию рассудка — проплыли мимо, и я был рад о них забыть. Чего-то ради вернулось ощущение вины за прошлые поступки, начали сниться неприятные, тревожные сны. Для поддержания бодрости я связался с Линией Жизни и проверил состояние своего счета.

— Собрался по магазинам? — спросил соединивший меня Майк.

— Домой собрался, — ответил я.

— Чего?

— Майк, после этого раза я завязываю. Черт с ним, с Ихти! Черт с ними, с Венерой и «Лухарич энтерпрайзис»! И черт с тобой!

Вздернутые брови.

— Чего это ты вдруг?

— Я ждал такого случая больше года, а вот теперь, оказавшись здесь, понял, что дерьмо все это собачье.

— Ты знал, на что идешь, подписывая контракт. Что бы ты ни делал, работая на продавцов крема для лица, ты продаешь крем для лица.

— Да нет, не в этом дело. Конечно же, коммерческий аспект меня раздражает, но Стадион всегда использовался для рекламы, с самого первого своего плавания.

— А чего же тогда?

— Пять или шесть причин. Главное — мне теперь все равно. Когда-то самым важным для меня было поймать эту тварюгу, а теперь — нет. Сперва это было так, мелкая блажь, но затем я вылетел на этой блажи в трубу и взалкал крови. Ну а теперь я понимаю, что эта кровь близко. И — ты будешь смеяться — мне жалко Ихти.

— И теперь он тебе не нужен?

— Я возьму его, если он достанется нам тихо и спокойно, но рисковать своей задницей, заставляя его залезть в хопкинсовский холодильник, мне не хочется.

— Я склонен думать, что это — одна из оставшихся четырех-пяти вышеупомянутых причин.

— Как то?

Он внимательно изучал потолок.

— Ладно, — промычал я. — Только не думай, что я вот так возьму и все тебе расскажу, чтобы ты мог порадоваться своей догадливости.

— Последнее время видок у нее еще тот, — ухмыльнулся Майк. — И это — не только из-за Ихти.

— Ничего хорошего из этого не выйдет. — Для убедительности я покачал головой. — Мы оба взрывоопасны по натуре. Нельзя приделывать к ракете сопла с обеих сторон, на такой технике никуда не улетишь — они просто сплющат все, что посередке.

— Так было раньше. Это, конечно, не мое дело...

— Еще раз это повторишь — останешься без своих зубов.

— Ой, как страшно. Да в любой день и в любом месте...

— Продолжай! Скажи же!

— Да в гробу она видала этого крокодила, ей просто захотелось вернуть тебя, вот и все.

— Пять лет — слишком долгий срок.

— Под твоей носорожьей шкурой есть что-то такое, что нравится людям, — пробормотал он, — или я бы этого не говорил. Может, ты напоминаешь нам, людям, о какой-нибудь паршивой уродливой собачонке, которую мы жалели, когда были детьми. Так или иначе, кое-кто хочет забрать тебя домой и заняться твоим воспитанием. Кроме того, голь перекатная не должна быть чересчур переборчивой.

— А ты знаешь, приятель, — хмыкнул я, — что я сделаю по прибытии в Линию Жизни?

— Да уж представляю.

— Ошибаешься. Я лечу на Марс, а оттуда — домой. И первым, заметьте, классом. Венерианские законы о банкротстве не касаются марсианских трастовых фондов, так что у меня есть еще заначка в таком месте, где ее не тронут моль и плесень. Я собираюсь купить большой старый дом на Заливе. Потребуется работа — приезжай, будешь открывать мне бутылки.

— Что, слаб в коленках? — поинтересовался Майк.

— Есть немного, — признал я, — но ведь и ей так будет лучше.

— Я про вас наслышан, — сказал Майк. — Значит, ты — разгильдяй и подонок, а она — стерва. В наши дни это называют психологической совместимостью. Бога ради, наживляльщик, хоть раз в жизни попробуй сохранить свой улов.

Я отвернулся.

— Понадобится та работа — заходи.

Я тихо запер за собой дверь и ушел, а Майк так и сидел в ожидании, когда же она с треском захлопнется.

День Зверя начинался вполне обыкновенно. Через двое суток после моего трусливого побега от пустого места я снова отправился наживлять трос. На экране — ничего, я просто подготавливал все для очередной попытки.

Проходя мимо Вагона, я бросил «доброе утро», получил изнутри ответ и стартовал. За это время я успел наново, без всякого шума и тем более ярости, обдумать сказанное Майком. Мнения своего я менять не стал, но решил, однако, держаться с Джин в рамках вежливости.

Вниз, вглубь, вдаль. На этот раз удочка заброшена поскромнее, примерно на двести девяносто метров. Черные тросы змеились где-то слева, и я следовал за их колебаниями из желто-зеленой воды в темные глубины.

Глухая, мокрая ночь, я плыл сквозь нее, как сдуревшая, с ярким хвостом впереди, комета.

Я поймал гладкий блестящий трос и начал приделывать к нему наживку. И вдруг по мне, от ног к голове, прокатилась волна ледяной воды, шквал, будто кто-то открыл подо мной огромную дверь. Меня сносило вниз, но не так же быстро!

Из всего этого следовало, что из глубин поднимается нечто, вытесняющее уйму воды. Я все еще не думал об Ихти. Так, странненькое течение, но не Ихти же, в конце концов!

Я закончил присоединять провода и как раз вытащил первую затычку, когда подо мной вырос огромный, неровный черный остров...

Я посветил фонариком вниз. И увидел открытую пасть.

Я превратился в кролика.

По всему моему телу, от макушки к ногам, прокатилась волна смертельного страха. У меня сжался желудок и закружилась голова.

Еще одно дело, только одно. Осталось сделать. Наконец-то. Я выдернул остальные затычки.

К этому времени я уже мог сосчитать чешуйчатые выступы, окружающие его глаза.

Дергунчик раздулся, засветился розовым... задергался!

Теперь мой фонарь. Нужно его выключить, чтобы перед Ихти осталась только наживка.

Я мельком глянул назад и врубил движки.

Он был так близко, что дергунчик отражался у него на зубах и в глазах. Четыре метра, не больше; уходя вверх, я задел его блестящие челюсти струями двигателей. Я не знал, остался он на месте или пустился вдогонку. Ежесекундно ожидая быть съеденным, я начал терять сознание.

Воздух в движках кончился, и я вяло зашевелил ластами.

Слишком быстрый подъем — я почувствовал надвигающуюся судорогу. Лишь разок махнуть фонариком, кричал кролик. Только на секунду, чтобы узнать...

Или все закончить, ответил я. Нет, кролик ты мой драгоценный, мы не будем выбегать на охотника. Посидим в темноте.

Ну вот, зеленая вода. Потом желто-зеленая, наконец поверхность.

Я изо всех сил рванул к Стадиону. Мощная, словно от взрыва, волна бросила меня вперед. Мир схлопнулся, где-то вдалеке раздался голос:

— Он жив!

Гигантская тень и такая же гигантская волна. Леска ожила. Страна Счастливой Рыбалки. Может, я что-то сделал не так?

Где-то была сжата Ладонь. Что есть наживка?

Пара миллионов лет. Я помню себя одноклеточным организмом, болезненное превращение в амфибию, затем в воздуходышащее. Откуда-то с вершины дерева я услышал голос:

— Он приходит в себя.

Мое развитие достигло стадии хомо сапиенса, а затем я продвинулся на следующую эволюционную ступень — хомо сапиенса с крутого бодуна.

— Не пытайся вставать.

— Поймали? — невнятно пробормотал я.

— Он все еще сопротивляется, но уже на крючке. Мы уж было решили, что он прихватил тебя на закуску.

— Я тоже так решил.

— Подыши этим и замолчи.

Воронка на лице. Хорошо. Поднимите кубки и пейте.

— Он был очень глубоко. За пределом сонара. Мы засекли его, только когда он начал подниматься. А тогда было слишком поздно.

Я начал зевать.

— Сейчас мы отнесем тебя внутрь.

Я сумел извлечь привязанный к лодыжке нож.

— Только попробуй, останешься без пальца.

— Тебе нужно отдохнуть.

— Тогда принеси еще пару одеял. Я остаюсь.

Я снова лег и закрыл глаза.

Кто-то тряс меня. Холод и полумрак. Палуба залита желтым светом прожекторов. Я лежал на сооруженной рядом с центральным куполом койке и дрожал, несмотря на шерстяные одеяла.

— Прошло уже одиннадцать часов. Сейчас ты ничего не увидишь.

Во рту привкус крови.

— Выпей это.

Вода. Я хотел сказать пару ласковых слов на этот счет, но не мог пошевелить языком.

— Только не надо спрашивать, как я себя чувствую, — прохрипел я. — Сейчас полагается задать этот вопрос, но не надо. Ладно?

— Ладно. Хочешь пойти вниз?

— Нет, просто дай мне мою куртку.

— Держи.

— Что он делает?

— Ничего. Он на большой глубине. Накачан наркотиками, но всплывать пока не хочет.

— Когда он в последний раз показывался?

— Часа два назад.

— Джин?

— Сидит в Вагоне, никого к себе не пускает. Слушай, тебя зовет Майк. Он прямо за тобой, в рубке.

Я сел и развернулся. Майк смотрел на меня. Он махнул рукой, я помахал ему в ответ.

Я скинул ноги на палубу и пару раз глубоко вдохнул. Болит желудок. Я встал на ноги и кое-как доковылял до рубки.

— Как насчет выпить?

Я посмотрел на экран. Пусто. Ихти слишком глубоко.

— За счет заведения?

— Да, кофе.

— Только не кофе.

— Ты болен. К тому же здесь ничего, кроме кофе, пить не разрешается.

— По определению, кофе — это коричневатая жидкость, согревающая желудок. У тебя есть такая в нижнем ящике.

— Чашек нет. Придется из стакана.

— Тяжелая жизнь.

Он налил.

— Хорошо получается. Тренировался для той работы?

— Какой работы?

— Ну, что я тебе предлагал.

На экране что-то появилось!

— Он поднимается, мэм, поднимается! — заорал Майк в микрофон.

— Спасибо, Майк, у меня тоже есть сигнал.

— Джин!

— Заткнись! Она занята!

— Это Карл?

— Да, — отозвался я. — Потом поговорим. — И прервал связь. Зачем я это сделал?

— Зачем ты это сделал?

Не знаю.

— Не знаю.

Ну какой смысл с ним разговаривать? Все равно что с самим собой. Я встал и вышел наружу. Ничего нет.

Что-то есть?

Стадион закачался! Должно быть, он увидел корабль и снова пошел на погружение. Слева закипела вода. Океан с ревом заглатывал бесконечную макаронину троса.

Я постоял немного, затем вернулся к Майку.

Два часа. Тошнота, все тело ноет. Четыре. Теперь вроде получше.

— Наркотик его пронимает.

— Похоже.

— Что насчет мисс Лухарич?

— А что?

— Она должна быть полумертвой.

— Возможно.

— И как ты с этим собираешься бороться?

— Сама напросилась. Она знала, как это бывает.

— Думаю, ты сумел бы его вытащить.

— Я тоже так думаю.

— И она тоже.

— Вот пусть и попросит.

Ихти сонно дрейфовал на глубине в шестьдесят метров.

Я еще раз вышел прогуляться и совершенно случайно оказался рядом с Вагоном. Она не смотрела в мою сторону.

— Карл, иди сюда!

Пикассовые глазки, и больше ничего. И злодейский умысел усадить меня за пульт Вагона.

— Это приказ?

— Да. Нет! Пожалуйста.

Я бросился внутрь и осмотрел приборы. Он поднимался.

— Тянуть или отпускать?

Я включил лебедку. Ихти поднимался послушно, как котенок.

— Теперь решай сама.

На двадцати метрах он уперся.

— Отпустить немного?

— Нет!

Она поднимала его — десять метров, восемь...

На четырех Джин выдвинула совки, и они подхватили зверя. Теперь тянитолкай. Снаружи — торжествующие вопли, вспышки блицев.

Команда увидела Ихти.

Он начал сопротивляться. Джин держала тросы натянутыми, тянитолкай поднимался все дальше.

Вверх.

Еще два фута, и тянитолкай начал толкать.

Крики, быстрый топот.

Гигантский стебель, раскачивающийся на ветру, его шея. Зелеными холмами поднимаются из воды плечи.

— Карл, он очень большой! — закричала Джин.

А он становился все больше и больше... и беспокойнее.

— Давай!

Он посмотрел вниз.

Он посмотрел вниз, словно бог наших самых древних предков.

В моей голове мешались страх, стыд, издевательский смех.

А в ее голове?

— Давай же!

Она смотрела вверх, на зарождающееся землетрясение.

— Не могу!

Сейчас, когда кролик умер, все будет так просто. Я протянул руку.

И остановился.

— Нажми сама.

— Не могу. Давай ты. Вытащи его, Карл!

— Нет. Если это сделаю я, ты потом всю жизнь будешь мучиться, а могла ли это сделать ты. Ты душу продашь, пытаясь это узнать. Поверь мне, мы похожи, а со мной все было именно так. Выясни сейчас!

Она тупо пялилась.

Я схватил ее за плечи.

— Представь себе, что вытащили меня, — предложил я. — Я — зеленый морской змей, полное ненависти чудовище, собирающееся тебя уничтожить. Я никому не подчиняюсь. Нажми «инъекцию».

Ее рука потянулась к кнопке, но вдруг дернулась обратно.

— Ну же!

Она нажала кнопку.

Я аккуратно положил ее на пол и закончил с Ихти.

Прошло добрых семь часов, прежде чем я проснулся под ровный гул винтов Стадиона.

— Ты болен, — сообщил мне Майк.

— Как Джин?

— Аналогично.

— Где зверь?

— Здесь.

— Хорошо. — Я перекатился. — На сей раз не ушел.

Вот так все оно и было. По-моему, никто не рождается наживляльщиком, но кольца Сатурна поют свадебную песнь дару, оставленному морским чудовищем.

Джеймс Типтри-младший

Об авторе*

Как вы все уже вероятно знаете, многократный лауреат премий «Хьюго» и «Небьюла» Джеймс Типтри-младший — одно время фигура, настолько загадочная, чтобы считаться Б. Трейвеном научной фантастики, — на самом деле псевдоним покойной доктора Элис Брэдли Шелдон, вышедшей на пенсию психолога-экспериментатора, которая также публиковалась иногда под псеводонимом Ракуна Шелдон. Трагическая смерть доктора Шелдон в 1987 году оборвала карьеры «обоих» авторов, но прежде она успела написать произведения, удостоенные двух премий «Небьюла» и двух премий «Хьюго» (под псевдонимом Типтри) и еще одной премии «Небьюла» (под псеводнимом Ракуна Шелдон), а также завоевать, не важно, под каким именем, славу одного из лучших писателей в жанре научной фантастики.

Хотя «Типтри» опубликовал два сравнительно неплохо принятых публикой романа — «Вверх по стенам мира» и «Яркость падает с неба», — ей, как и Деймону Найту и Теодору Старджону (двум писателям, которым она была более всего близка эстетически), больше других импонировал и лучше удавался рассказ. Несколько ее рассказов стоят в ряду лучших из всех, написанных в семидесятые годы: «Лет отверткой», «Девочка, которая подключалась», «Женщины, которых мужчины не видят», «Отправь нас лучом домой», «И я проснулась и обнаружила себя на склоне

* © Перевод. Комаринец А.А., 2001.

Холодных гор», «Я слишком большой, но люблю играть», «Человек, что шел домой пешком», «Медленная музыка», «Дым ее поднимался вечно». И уже сейчас ясно, что эти рассказы будут читать еще долго. Они — и десятки других, ничуть их не хуже — показывают, что Элис Шелдон была просто одной из лучших авторов нашего времени, работавших в жанре научно-фантастического рассказа. На деле ее высокий темп подачи материала и развития сюжета, забота об интересах общества, ее страсть ко всему новому и неожиданному, любовь к исследованию, интерес экспериментатора к реакциям людей на сверхнормальные стимулы и эксцентричные ситуации, пристрастие к катастрофам и пестрым драматическим сюжетам, ее поглощенность мутациями времени и бескрайностью космоса сделали Элис Шелдон прирожденным автором фантастики. Сомневаюсь, что какой-либо иной жанр позволил бы ей с той же полнотой реализовать свои особые таланты, впрочем, идея сменить жанр как будто вовсе ее не интересовала. В то время когда множество других писателей-фантастов с тем же или даже с большим удовольствием писали «мэйнстрим» и посмеивались над художественными и финансовыми ограничениями жанра НФ, *она* желала *быть автором научной фантастики*; это была *ее* мечта и ее страсть.

Шелдон явно любила космические одиссеи и звездные оперы, даже самые примитивные, расхожие и дешевые — из разряда того, что поглощаешь со смешанным с чувством вины удовольствием, зная, что тебе это Вредно, что это, вероятно, засоряет артерии, — и включала вариации разгульных космических одиссей во многие свои рассказы и в оба романа, хотя зачастую эти мотивы обыгрывались в диссонирующем, темном — и нередко монотонно мрачном — минорном ключе со множеством любопытных перепевов флейты и эксцентричных аппликатур. (В восьмидесятые годы, под конец жизни она сознательно предприняла попытку писать в стиле «ретро»,

создать Ностальгическую звездную оперу — в таких рассказах, как «Единственно, что можно сделать аккуратно» и «Столкновение», которые впоследствии вошли в сборник «Звездный разлом». Хотя эти рассказы сами по себе очень неплохи, тон их был, пожалуй, слишком скованным, чтобы они могли стать в ряд с ее ранними, не столь манерными и более наивными и искренними — пусть даже временами более шероховатыми и топорными — экспериментами в жанре рассказа.) Существенное влияние Типтри на последующие поколения писателей-фантастов наиболее явно сказалось на киберпанках — которые сами причисляют рассказ «Девочка, которая подключалась» к своим прямым предшественникам, — но, на мой взгляд, она оказала также значительное влияние на будущую эволюцию космической одиссеи. Взять для примера рассказ «Последняя из могикан, или Небо в алмазах»: хотя это не самый известный рассказ Типтри и упоминания о нем крайне редко встречаются в критических статьях, следы его видны во множестве последующих произведений — от текстов Джона Варли, вышедших несколько лет спустя, до ранних рассказов Брюса Стерлинга, таких как «Рой», и до современной барочной звездной оперы девяностых годов.

Сам рассказ «Последняя из могикан, или Небо в алмазах» трудно назвать элегантным: он настолько нашпигован новыми идеями и вывертами сюжета, что вызывает ощущение почти что клаустрофобии. Это потное, плотное, выматывающее чтение, в жестоком темпе, здесь нет ни перемен настроения, ни «спокойных мест», чтобы перевести дух, такое построение много лучше подошло бы для повести (как говорят, в письме, в котором он отказывался взять рассказ на публикацию, Джон У. Кэмбелл назвал его «сжатой повестью» — в чем он, во всяком случае, был прав). Но взгляните на процесс *мышления*, какой происходит на заднем плане рассказа: Шелдон с начала и до конца заново выдумывает цивилизацию

Пояса астероидов, уже описанную в фантастике прошлых лет, заменяя ее притягательным и причудливым социумом собственного изобретения. Здесь появляются рабы киборгов, которыми те управляют посредством радио и проводов, биологически измененные люди, адаптированные к жизни в космосе. Здесь существуют космические корабли и поселения, представляющие собой мономолекулярные пузыри «квазиживой цитоплазмы». И что главное, здесь в ходу совершенно иные психологические установки, радикально отличные от наших собственных и от тех, какие были свойственны обитателям Пояса астероидов, какими их описывала научная фантастика прошлых времен. Вы еще увидите, что эти тропы вновь и вновь возникают в фантастике восьмидесятых и девяностых годов, как будет все чаще проявляться на страницах произведений научной фантастики мысль о том, что люди, которые будут жить в будущем, будут отличаться и от вас, и от меня, что у них будут иные виды на будущее, иные цели и иная мораль, сформированные технологией и социальными переменами, вызванными той самой технологией, и новой средой обитания. В безжалостно ужатом тексте менее чем из 10 000 слов этот небольшой рассказ таит в себе споры растений, которые расцветут, взаимно оплодотворят друг друга, мутируют и, наконец, дадут богатый урожай Рассказа будущих лет...

Под псевдонимом Джеймс Типтри-младший Элис Шелдон опубликовала девять сборников рассказов: «Десять тысяч световых лет от дома», «Миры теплые и не очень», «Звездная песнь о древнем примате», «Из Отовсюду», «Повести Кинтаны Ру», «Байт прекрасный», «Звездный разлом», посмертно были опубликованы сборник «Корона из звезд» и недавний итоговый сборник «Дым ее поднимался вечно».

Последняя из могикан, или Небо в алмазах*

— Поступил сигнал, инспектор.

Оператор «Корониса» показала розовый кончик языка безобразному мужчине, ожидающему в патрульном катере Пояса астероидов. Катер завис в полумиле от базы «Коронис». «Весь щетиной зарос, — подумала оператор. — Брр...» И, спрятав язычок, мило прощебетала:

— Это с... ага... с Франшизы Двенадцать.

Лицо человека на патрульном катере сложилось в еще более безобразную гримасу. Звали его инспектор космической безопасности Голлем, и у него болел живот.

Известие о том, что инспектора Компании мучают боли, порадовало бы всех до одного пузыресквотеров от Деймоса до Колец Сатурна. Разве что они бы, пожалуй, удивились, что у инспектора вообще имеется желудок, а не бобина магнитной ленты с записью контактов. Голлем, говорите? Да, всех друзей Голлема хватило б, чтобы основать колонию на мезоне, и сам он прекрасно это знал.

Впрочем, его желудок к этому привык. Желудок начал даже привыкать к работе на «Взаимный фонд Коронис», а его хозяин еще не оставлял надежды, что ему удастся пережить своего босса по имени Квайн.

Убивала его вовсе не желудочная колика, нет, дюйм за дюймом его снедало то, что он спрятал за Франшизой Четырнадцать, на самом краю сектора «Коронис».

Голлем, хмурясь, смотрел на экран, куда девица Квайна как раз вносила беды его следующего обхода. Считалось, что живая девица за консолью коммутатора повысит боевой дух служащих. Но при виде ее настроение у Голлема не

---

* James Tiptree, Jr. «Mother in the Sky with Diamonds». © Galaxy Publishing Corporation, 1971.

© Перевод. Комаринец А.А., 2001.

улучшалось. Он знал, как выглядит, и нутром чуял, что это за вспышка была у Двенадцатой.

Когда набитые девицей данные вышли к нему на экран, он сразу понял, что это и впрямь жалоба на «барабашку». Призрачные сигналы в линиях.

О боже, нет. Только не это.

Он ведь только что все исправил и замел следы.

Франшизу Двенадцать держала «Уэст Хем Химикаты», жутковатая компания, которой заправляли киборги. Если он не доберется туда в ближайшее время, они пошлют следопыта. Но как ему туда попасть? Он только что оттуда, и к тому же по расписанию он должен двигаться вверх во Франшизу Один.

— Развернуть обход, — буркнул он в микрофон терминала. — Начать с Франшизы Четырнадцать. Цель: внеплановая проверка наращивания конгломерата на Одиннадцатой плюс экстренный ответ на вызов с «Уэст Хем». Выделить два дополнительных блока питания.

Девица занесла все в журнал базы; ей решительно не было дела до того, что инспектору взбрело в голову начать свой обход с космоклоаки.

Обрубив связь, Голлем ввел код нового курса, пытаясь не думать о том, как будет объяснять Квайну, на что пошли излишки питания. Если хоть кто-нибудь залезет в его терминал и найдет в бортжурнале фиктивные записи, грузить Голлему до конца жизни руду, да еще с электродами за ушами.

Он набрал с клавиатуры код инъекции «Вэйгиз», чтобы снять боль в желудке, и поймал ошибку в коде, какую исправил без особой радости. Большинство «поясников» (так звали жителей Пояса астероидов) приняли переход на реактор, работающий от накопителя гравитации, с распростертыми объятиями. Голлем терпеть его не мог: какая радость висеть, качаясь вверх-вниз задницей, вместо того чтобы самому *гнать* жестянку, куда пожелаешь. Как по старинке, по-настоящему.

Я последний фанат машин, думал он. Богом забытый динозавр в космосе...

Но у динозавра хватило бы ума не связываться с мертвой девчонкой.

И с «Рагнарёком».

Стрелка на индикаторе суммарного давления атмосфер качнулась и подпрыгнула, и патрульный катер ввинтился в нод искривления поля — Голлем, во всяком случае, надеялся, что так это произошло. Он отпихнул щупальце нового биомонитора, какой ему запихнули в корабль, и стал смотреть на звездную россыпь на обзорных экранах, пока искривление пространства не превратило эти звезды в кашу. В Поясе всегда есть на что поглядеть. На сей раз это была буря из мелких полумесяцев, хвостом тащившихся за его кораблем и поблескивающих, когда кувыркались камешки.

«Небо в алмазах...»

Из больших иллюминаторов «Рагнарёка» видно голое и пустое пространство космоса. Вот как когда-то умели летать. Его Железная Бабочка. Он поскреб в бороде, подсчитывая: заглянуть к сквотерам на Четырнадцатой, а потом пять часов до «Рагнарёка».

Пискнул сигнал сводки погоды, указывая на то, что с тех пор, как он вводил курс, изменилась скорость перемещения завихрений поля. Он покрутил тюнер, настраиваясь на волну сводки и спрашивая себя, каково бы жить при погоде, сплошь состоящей из вихрей ветров газа и жидкой воды. Сам он воспитывался на Луне.

Вспышка, о которой бубнила сводка погоды, оказалась парой беглых астероидов, на всех парах несущихся прочь с орбиты Большого Юпа. Старик Юпитер еще мог время от времени разразиться парой-другой астероидов-камней. Эта парочка напоминала беглых троянцев, и направлялись они, похоже, в дальний от «Коронис» нод, в сектор Темис. Сектор, по сути, пустовал, там не было ничего сколько-нибудь значительного, кроме какой-то новой медбазы. Впрочем, это дело не его, а инспектора с Цереса, придурковатого малого по имени Хара. Хара, вероятно, слишком занят сейчас

тем, что толкает мутировавший бактериофаг, чтобы заметить, как они пролетели. А жаль — троянцы богаты газами.

Время кормежки. Голлем вскрыл пакет «овипафф» и врубил музыку. *Свою* музыку. Старый хеви-метал времен фронтира. Эти бьющие на подсознание новые биостоны не для него. Чумовые электронные децибелы вдарили по переборкам. Большими бесполезными зубами Голлем жевал пасту, кабина сотрясалась.

«Не найти мне удоВЛЕТВОРЕНЬЯ!»

Биомонитор поджал все свои ложноножки. Поделом тебе. Никто не звал тебя на Голлемов корабль, симбиот сосущий.

Хеви-метал сделал свое дело. Голлем занялся упражнениями зарядкой. Нельзя запускать себя, полагаясь на волю невесомости, как Хара. Как все они теперь. Изящество движений в невесомости? Дерьмо собачье. Немодное тело Голлема сгибалось и распрямлялось.

Горилла. Ничего удивительного, что собственной его матери хватило одного взгляда на него, чтобы броситься наутек. *«За две тысячи световых лет от дома...»* А где у Голлема дом? Спросите у Квайна, спросите у Компании. Космос давно поделили Компании с большой буквы.

Пора тормозить в Четырнадцатую.

Франшиза Четырнадцать радовала своей неизменностью: беспорядочный и беззаконный муравейник налепленных одна на другую икринок и переходов меж ними. Когда разрешение стало лучше, икринки превратились в скопление пузырей-хабитатов с мономолекулярной оболочкой. Конгломерат астероидов, к какому они крепились, был синхродеформирован задолго до того, как Голлем начал обходы. Первые колонисты делали это с помощью реактивных двигателей. Круто. Теперь любой ребенок с сумматором гравитации как хочешь выправит тебе орбиту.

Пузырей на Четырнадцатой становилось все больше — и все больше детишек. Пузыри со всех сторон облепили астероид. Резервуары для выращивания тканей, продукция которых оплачивала франшизу, пока оставались нетронуты-

ми, но во всех остальных местах пузыри лепились один на другой, причем самые новые из них закреплены были довольно хлипко. У ребятишек скоро кончится камень, на котором работает их метаболит. Всякий раз проходя через Четырнадцатую, Голлем занудно напоминал им об этом.

— Где ваши толкалки для камня? — спросил он и теперь, когда на экране у него возникло лицо старшего сквота.

— Скоро, скоро, инспектор Голлем, — ответил худой скинхед с прилепленным к уху биотюнером.

— Компания расторгнет ваш контракт, Джуки. «Фонд Коронис» вычеркнет вас из списка держателей страхового полиса, если вы не будете поддерживать подлежащую страхованию систему жизнеобеспечения.

Джуки улыбнулся, помял зеленый ком за ухом. Да уж, они оставляют камни, поднимаются на высшую ступень эволюции, уходят в мир симбиотической косможизни. За спиной Джуки маячила пара боссов постарше.

— Вы не можете позволить себе, чтобы вас отрезали от сервиса, какой предоставляет Компания, — сердито сказал им он. Никто лучше Голлема не знал, сколь ничтожен этот сервис, но без него, что тогда? — Достаньте себе еще камня.

Он не мог больше тратить здесь время.

Выходя на малой скорости из Четырнадцатой, он заметил, что один из незакрепленных пузырей подернулся болезненно пурпурной пленкой. Не его забота, да и времени у него нет.

Чертыхнувшись, он подошел поближе и осторожно ввел зонды стыковочного устройства в мономолекулярную кожу пузыря. Когда зонды вскрыли замок, в кабину катера повалила вонь. Натянув дыхательное устройство, Голлем двинулся в загнивший пузырь, в ярости сжимая зубами сосок подачи кислорода. Посреди хабитата плавали, сбившись в невесомости в кучу, шесть или семь тел — словно моток желтой проволоки.

Он выдернул одно, плеснул мальцу в лицо струйку кислорода. Это оказался «сумковый малец», рожденный в невесомо-

сти и никогда не ведавший, что такое гравитация. Когда веки его медленно разошлись, Голлем толкнул его к гниющей сердцевине метаболита.

— Вы кормили его фагом. — Он отвесил мальчишке затрещину. — Думали, фаг станет самовоспроизводиться, да? Вы его отравили.

Глаза парнишки сошлись у переносицы, потом кое-как выправились. Вероятно, он ни слова не понял из фразы Голлема: диалект Четырнадцатой быстро мутировал. Может, кое-кто из них и впрямь начал общаться без слов, посредством своих симбиотов. Телепаты-овощи.

Толкнув мальчишку назад в груду тел, Голлем пинком выбросил мертвый метаболит в мусоросборник. Изголодавшийся молли-пузырь был испещрен пятнами некроза, вообще держался лишь чудом. Окатив его CO_2 из своего баллона, Голлем пополз к себе на корабль за запасным ядром метаболита. Когда он вернулся, квазиживая цитоплазма пленки пузыря уже начала прочищаться. Она регенерирует, если детишки снова не отравят ее каким-нибудь мутафагом, связывающим CO_2. Вот так теперь человечество строит себе космические дома — из мягких гетерокаталитических пленок, которые питаются светом звезд, дышат отходами жизнедеятельности человека.

Голлем порылся в куче слабо шевелящихся тел, пока не нашел мешок с фагом, зажатый между женщиной и ее младенцем. Она захныкала, когда он выдернул наркотик. Голлем унес его к себе на катер и осторожно отчалил, выпустив облачко питательного геля, чтобы заплавить дыру от зонда. Молли-пузырь сам себя исцелит.

Наконец он волен держать путь на «Рагнарёк».

Он ввел курс на Двенадцатую, потом ловко вставил в код «заплатку» обходного лога и ввел истинную свою траекторию. В журнал пойдет что-нибудь из тайной библиотеки дубликатов, такие дубликаты были против всех планов Компании, и лучше бы никто их не нашел. Потом он ввел в журнал запись о только что израсходованных запасных

материалах и, как всегда, слегка преувеличил их количество. Приписки, растраты. В животе у него забурчало.

Голлем врубил бурю рока, чтобы утихомирить желудок. Была одна старая песня о парне, который ходил, привязав себе на шею мертвую птицу. Воистину у него, Голлема, есть своя мертвая птица. Все, что было хорошего, мертво. Все, что было свободного, буйного, человеческого, — все мертво. Он и сам чувствовал себя призраком, уж поверьте. Дохлым призраком, случайно затесавшимся сюда из тех времен, когда люди сами вели свои машины к звездам, а водоросли оставались в кюветах. До того, как ученые напридумывали все эти метаболизирующие марсианские макромолекулы, которые, цитирую, укротили космос, конец цитаты. И есть теперь укрощенные мужчины, женщины и дети, которые с помощью этих молекул дышат и прокладывают дороги в пространство, ими питаются и творят музыку ими... Быть может, с ними совокупляются или спариваются!

Степной волк зарычал, оскалив зубы, подергал из стороны в сторону щупальце биомонитора. Пискнул радар.

«Рагнарёк!»

Время съежилось, и на экранах его вспыхнуло прошлое. Он позволил себе один быстрый взгляд.

Огромный, одетый в золото корабль парил в свете звезд, и крохотное солнце за ним подернуло его алмазной пылью. Последний «Арго», самая одинокая из всех «Контестога». «Рагнарёк». Необъятная, гордая, громоздкая звездная машина, словно гербами, украшенная знаками примитивных технологий, забросивших человека в космос. «Рагнарёк», открывший путь к Сатурну и тому, что лежало за ним. Кулак человека в лицо богам. Остов, дрейфующий в море, которое он покорил. Потерянный и забытый всеми, кроме затхлой тени, призрака-инспектора Голлема.

«Рагнарёк!»

Нет сейчас времени натягивать скафандр и бродить по нему внутри и снаружи, разбирать, протирать, возиться с его архаичной арматурой. Его реактор давно уж умер и ос-

тыл. Голлем не решался даже запустить его: тронься он с места, и забьются в истерике все радары зоны. Украденное у Квайна электричество — вот и все, что теперь согревало корабль.

А внутри него — мертвая птица.

Голлем легко скользнул к главному шлюзу, который давно уже переоборудовал под свое стыковочное устройство. И в этот самый момент, ему показалось, он заметил, как в грозди подсобных пузырей, какие он повесил на грузовой шлюз «Рагнарёка», вспучивается новая «ягода». Что еще задумала Топанга?

Стыковочный фал вошел в шлюз с умиротворяющим душу щелчком, и, ожидая, пока откроется внутренний люк, Голлем стоял нос к носу с двумя старыми чудовищных размеров скафандрами, какие висели в шлюзе «Рагнарёка». Просто невероятно, насколько они громоздкие и обременительные. Как в те времена вообще могли в них двигаться? Он оттолкнулся от переборки в сторону полутьмы на мостике.

На одно мгновение его девочка была там.

Широкие иллюминаторы — сплошь вращающийся лабиринт звездного света и усеянных огнями теней. Она сидит, откинувшись в кресле пилота, смотрит в космические глубины. Он видит ее чистый, энергичный профиль, силуэт девичьего тела среди теней. Глаза, голодные до звезд.

Потом ее взгляд сместился, зажегся свет. Его звездная девочка исчезла в то самое, что убило ее.

Время.

Топанга, больная, выжившая из ума старуха на заброшенном корабле.

Лицо — словно обломки кораблекрушения, и улыбка спасшего.

— Голли? Я вспоминала...

Что за удивительный инструмент человеческий голос, этот хрипловатый юный голос из недр звездной дымки! Какие сказки складывал он за прошедшие годы! Она не всегда была такой. Когда он только-только нашел ее —

больную на бесцельно дрейфующем корабле, тогда еще она была Топанга. Последняя оставшаяся.

— Ты пользовалась устройством вызова. Я предупреждал тебя, они слишком близко. А теперь они поймали твой сигнал.

— Я ничего не посылала, Голли. — Странно голубые, широко открытые старческие глаза напомнили ему о месте, которого он никогда не видел.

Он начал проверять контрольные устройства и индикаторы, какие из предосторожности повесил на блоки ее консоли. Трудно поверить, но эти древние приборы еще функционировали. Корабль — целиком и полностью неорганический, тонна увесистых микросхем. Топанга утверждала, что не может активировать радио и радары, но когда с ней случился первый ее припадок безумия, Голлем убедился, что это не так. Он тогда прятал «Рагнарёк» во Франшизе Четыре, на большой космосвалке. Тогда Топанга начала забивать все частоты сигналом разрешения стыковки, обращенным к людям, умершим более двадцати лет назад. Команда по сбору трофейного имущества Компании едва не взорвала ее тогда, прежде чем поспел на место Голлем: ему пришлось тогда даже подделать столкновение кораблей, чтобы как-то объяснить произошедшее Квайну.

Контроллер и радио были теплыми на ощупь.

— Топанга. Послушай меня. «Уэст Хем Химикаты» собираются послать за тобой следопыта. Ты забивала частоты их роботов-рудокопов. Знаешь, что они с тобой сделают? В лучшем случае — в самом лучшем случае — ты попадешь в гериатрическую клинику. Иголки, Топанга, трубки. Врачи, указывающие, что тебе делать, обращающиеся с тобой как с вещью. Они захватят «Рагнарёк» как космический трофей. Если только не взорвут тебя сперва.

Ее лицо собралось безумными морщинами.

— Я сама могу о себе позаботиться. Я сожгу их лазерами.

— Ты их даже не увидишь. — Он свирепо уставился на непокорного призрака. Он может делать здесь что пожела-

ет, что его может остановить? — Топанга, я собираюсь разбить устройство вызова. Это для твоего же блага.

Она выставила искалеченный временем подбородок, качнулись волоски на нем.

— Я их не боюсь.

— А надо бы бояться лечебницы с ночными горшками. Ты что, хочешь кончить как клубок трубок? Под наркотиками? Я его разберу.

— Нет, Голли, нет! — Руки-палочки панически забарабанили по подлокотникам, из стороны в сторону замотались складки кожи. — Я и пальцем его не трону, я не забуду. Не оставляй меня беспомощной. Ну пожалуйста, не надо.

Ее голос сломался, и желудок его тоже. Он не мог выносить этого, не мог видеть существо, которое пожрало его девочку. Топанга ведь где-то там внутри. Молит о свободе, об опасности. Безопасность, беспомощность с кляпом во рту? Нет.

— Если я вытолкну корабль из зоны «Уэст Хем», ты окажешься на территории трех других Компаний. Топанга, детка, я не могу снова и снова спасать тебя «в последний раз».

Теперь она обмякла, погрузившись, словно в саван, в складки марсианского кислородного одеяла, какое он ей привез. Он уловил синий отсвет среди теней, и желудок послал ему в горло струйку желчи. Отпусти, ведьма. Умри прежде, чем утащишь и меня за собой.

Он начал вводить код в сумматор гравитации, который установил на мостике. Для массы «Рагнарёка» сумматор никак не годился, но ради толчка его можно было и перегрузить. Он стабилизирует корабль при следующем обходе, если только сможет найти его, не истратив слишком много горючего.

За спиной у него раздался хрипловатый шепот:

— Так странно быть старой... — Призрак сочного девичьего смеха. — Я тебе когда-нибудь рассказывала о том, как сдвинулось поле? Это было на Тетис...

— Рассказывала.

«Рагнарёк» пробуждался.

— Звезды, — мечтательно сказала она. — Харт Крейн был первым поэтом космоса. Слушай. «*Звезды нацарапают морозные саги в твоих глазах, блестящие песни космоса необоримого. О серебряная жила...*»

Голлем услышал, как что-то гулко лязгнуло об обшивку.

Кто-то пытался тайком выскользнуть с «Рагнарёка».

Оттолкнувшись от консоли, он нырнул вниз по шахте в грузовой отсек, увидел, как закрывается люк шлюза, и рывком дернулся вверх, чтобы через главный шлюз добраться до своего корабля. Слишком поздно. Когда он влетел в кабину, экраны показывали, как из-за нового пузыря отчаливает странная шлюпка.

Болван, тупица...

В главном шлюзе он поспешно натянул скафандр и, выбравшись наружу, побрел, спотыкаясь, по внешней обшивке «Рагнарёка». Новый пузырь был еще мягким и состоял по большей части из питательного геля. Пытаясь рассмотреть, что там внутри, Голлем уткнулся лицом в пленку и расколол дыхательное устройство.

К Топанге он вернулся, почерневший от ярости.

— Ты позволяешь причаливать к «Рагнарёку» торговцу фагом.

— А, так это был Лео? — неопределенно рассмеялась она. — Он курьер из соседней зоны. Темис, так она называется? Он иногда заскакивает. Он был ко мне так чудно добр, Голли.

— Он вонючий торговец фагом, и ты это знаешь. Ты покрываешь наркодельцов. — Голлема подташнивало. Топанга былых времен вышвырнула бы Лео из мусоросборника. — Никакого фага. Никакого фага в дополнение ко всему остальному.

Древние веки опустились.

— Брось, Голли. Я столько времени провожу одна, — прошептала она. — Ты так надолго оставляешь меня одну.

Ее усохшая лапка потянулась отыскать его руку. В старческих коричневых пятнах, расчерченная пронзительными

венами лапка. Наросты, жилы. И это руки той девчонки, что удержала лагерь на Тетисе?

Он поднял взгляд на строй голограмм над иллюминатором и увидел эту девочку. Камера уловила ее усмешку, устремленный в черную бесконечность и бешеный свет сатурновых колец, отраженных в ее золотисто-рыжих волосах...

— Топанга, матушка, — мучительно выдавил он.

— И не зови меня матушка, ты, пластиковый космосвинья! — взорвалась она. Возмущенный вопль выбросил ее из кресла пилота, и ему пришлось упаковать ее назад, хотя ему мучительно не хотелось касаться ее. Одной четвертой гравитации хватит, чтобы сломать эти палочки. — Мне следовало умереть, — пробормотала она. — Не долго осталось ждать. Ты скоро избавишься от меня.

«Рагнарёк» был запущен, он мог идти.

— Марсианка, космопроходец, держись, — сердечно сказал он. Желудок знал, что ждет впереди. И ничто в ближайшем будущем не предвещало ничего хорошего.

Уходя, он слышал, как она весело говорит «Джимбол, проверка» своему мертвому компьютеру.

Нагоняя упущенное, он двинул к Франшизе Двенадцать и «Уэст Хем». Как раз тогда, когда он вносил изменения в бортжурнал, чтобы привязать его к реальному времени, загудел приемник. Экран остался пустым.

— Идентифицируй.

— Ждал тебя, Голлем, — раздался невнятный тенор.

Борода Голлема дернулась.

— Охренненый корабль, — хмыкнул голос. — Большая шишка в «Ко'онис» еще как на него клюнет.

— Хочешь остаться на свободе, держись подальше от «Рагнарёка», — сказал торговцу фагом Голлем.

— Мои предки сто пудов по мне поплачут, инспектор, — снова захихикал голос.

Послышался щелчок, и Голлем услышал собственный голос, говорящий: «Топанга, детка, я не могу снова и снова спасать тебя «в последний раз».

— Мировая, инспектор, мировая. Зачем нам война?

— Плевать мне на твои поганые пленки, — устало отозвался Голлем. — Ты не сможешь вертеть мной, как вертишь Хара.

— Топанга, — раздумчиво произнес Лео. — Трехнутая, крутая старая лиса. Она тебе рассказала, как я выправил ей провода-шмувода?

Голлем оборвал связь.

Толкач, наверное, сам пережег провода, чтобы, починив их, завоевать ее доверие. Желудок Голлема сочился кислотой. Такая ранимая. Старый больной орел в мертвой зоне, и крысы отыскали ее...

И ведь они не отстанут. На «Рагнарёке» есть воздух, вода, питание. Передатчики. Возможно, это они пользовались устройством вызова, возможно, она говорила правду. Они могут захватить корабль. Выбросить ее из шлюза...

Рука Голлема зависла над консолью.

Если он повернет сейчас, его бортжурнал все покажет. Перелет скрыть тогда не удастся. И чего ради? Нет, решил он. Они подождут, они сперва все вокруг разнюхают. Они захотят и меня заодно прижать к ногтю. Они захотят проверить, что из меня можно выжать. Молись, чтобы они этого не узнали.

Надо раздобыть где-то блоки питания, чтобы хватило на скачок для «Рагнарёка». Как, как? Это все равно что пытаться спрятать Большой Юп.

Тут он заметил, что скомкал биомонитор в тошнотворного вида желтый ком, и зашвырнул его через всю кабину. Сколько еще ему удастся водить за нос «Коронис»?

И словно услышав его мысли, заблеяла горячая линия связи с базой Компании:

— Вы почему не во Франшизе Два, Голлем?

Горлодер Квайн собственной персоной. Сделав глубокий вдох, Голлем повторил свой план обратного курса обхода, глядя, как морщится рыльце Квайна.

— С сего дня будете сперва спрашивать у меня разрешения. А теперь слушайте сюда, Голлем. — Квайн откинулся рыхлой тушкой на спинку биофлекса. «Коронис» не признавала

неблагоприятных условий труда на головной базе. — Не знаю, что вы там затеяли во Франшизе Три, но я хочу, чтобы этому был положен конец. Шахтеры подняли крик, и наша Компания такого не потерпит.

Голлем потряс косматой головой, словно оглушенный бык. Франшиза Три? Ах да, предприятие по добыче тяжелых металлов.

— Они перегружают свои лучевые тягачи на высокоскоростной выемке. Это есть в моем отчете, — объяснил он Квайну. — Если они и дальше будут так гнать выработку, то перекроют все лимиты по контракту, то есть придется говорить о его переформулировке. А страховка этого не покрывает, поскольку в приложении к их контракту лимиты ясно оговорены.

Брыли Квайна зловеще дернулись.

— Голлем, я снова вас предупреждаю: не ваше место толковать контракт держателю страховки. Если шахтеры намерены добывать свою руду быстрее за счет аннулирования контракта, это их дело. Ваша задача заявить о нарушении контракта, а не надоедать им формальностями. В настоящий момент они злятся на вас, ни на кого другого. И надеюсь, вы не думаете, что наша, — почтительная пауза, — Компания одобряет вашу инициативу?

Голлем неопределенно заклокотал. Давно бы следовало к такому привыкнуть. «Коронис» желает получить свою долю быстро, и притом не платить компенсацию, когда все взлетит на воздух. Шахтерам платят за каждый шаттл с грузом, и большинство из работяг не в состоянии отличить приложение к контракту от потайной заслонки. К тому времени, когда они обнаружат, в чем различие, они будут мертвы.

— И еще одно. — Квайн внимательно наблюдал за ним. — До вас, возможно, доходит шум из сектора Темис. Они, похоже, все там из себя выходят из-за какого-то камня.

— Вы имеете в виду тех троянцев? — озадаченно спросил Голлем. — А в чем дело?

— Вы связывались с Темис?

— Нет.

— Прекрасно. Вы не станете отклоняться, повторяю, не станете отклоняться от курса обхода. Вы сами висите на волоске, Голлем. Если в вашем бортжурнале окажется хоть что-нибудь, связанное с Темис, вас вышибут из Компании и можете рассчитывать на арест имущества за превышение кредита по будущей пенсии. И никаких прав на бесплатный проезд тоже не ждите. Вам все ясно?

Голлем оборвал связь. Когда он наконец совладал с дрожью в руках, то набрал код «Погоды», чтобы получить новую сводку по орбитам беглых камней. Оба астероида полным ходом шли в сектор Темис, но пока еще были довольно далеко от самой планеты. Он нахмурился. Кому до этого дело? В астрономических таблицах единственным сколько-нибудь значимым объектом значилась только новая медбаза, и возле ее названия стоял значок «Независимая» — и никаких подробностей. К тому же они, похоже, чисты. Если этот грязный Хара...

Голлем хмыкнул. Теперь он понял. Квайн надеялся, что какая-нибудь заварушка в Темис поможет уговорить Церес-центральную передать часть этого сектора в его, Квайна, ведение. А медбаза Компании не принадлежит, так что ею вполне можно пожертвовать. Ловко придумано, размышлял Голлем. Вот уж Квайн разживется, если эта затея сработает.

Он входил в зону «Уэст Хем Химикаты». Не успел он отправить сигнал, как по радио к нему прорвался поток ругательств босса предприятия. Голлем поспешил отклониться от курса, чтобы свести к минимуму свое вмешательство в их линии передач, и главный киборг остыл настолько, чтобы дать ему отчитаться о том, что он разобрался с их «барабашкой».

— Это был радар, на который кто-то повесил определитель поля, — солгал Голлем, соображая про себя, смогли ли киборги опознать «Рагнарёк» и не выведут ли они его на чистую воду.

— Ладно, катитесь. Освободите зону.

Старому киборгу было плевать. Череп у него был изрыт входами электродов, а из костяшек пальцев пробивались порослью провода. Как бы Голлем ни любил металл, это было уж слишком. Из Двенадцатой он выбрался как мог осторожно. Здесь ведь живут не люди, а создания, проводами подсоединенные к консолям роботизированных перерабатывающих заводов на всех астероидах вокруг, а он создает помехи по всей их нейронной сети. Ничего удивительного, если когда-нибудь они откроют по нему огонь.

Его следующей остановкой была новая франшиза по накоплению массы под будущую колонию на Одиннадцатой. Пока это была только станция на медленной орбите на самом ободе Провала Кирквуда — довольно рискованный участок для работы. Если они начнут терять астероиды, то хаос может воцариться во всему сектору «Коронис».

Период накопления массы означал блоки питания, множество блоков питания. Голлем начал рассчитывать параметры «Рагнарёка». Кишечник отозвался на это спазмами: взявшее в аренду Одиннадцатую предприятие строило большие планы по созданию самостоятельной колонии на малом бюджете. Им нужны эти блоки, чтобы притащить богатые газом астероиды.

Войдя в зону Одиннадцатой, Голлем понял, что у колонистов есть и другие проблемы.

— Мы сделали расчеты на случай аварийной ситуации два-сигма, — устало повторил начальник Одиннадцатой.

Голлем стоял рядом с ним у голографического дисплея, показывавшего в трехмерной проекции траектории астероидов, какие намеревались взорвать колонисты.

— Расчет недостаточно точный, — сказал ему Голлем. — Точка конвергенции размазана ко всем чертям. Вы потеряете больший камень, и он уйдет прямиком в Десятую.

— Но ведь Десятая никем не занята, — запротестовал начальник Одиннадцатой.

— Никакой разницы. Как, по-вашему, почему вы получили эту франшизу по дешевке? Компания просто счастлива, что вы наращиваете конгломерат у этой жилы, они

только и ждут, что вы потеряете хотя бы один камень, тогда они смогут аннулировать контракт и перепродать вашу франшизу. Я не могу сертифицировать операцию, если вы не сделаете перерасчет.

— Но это же означает, что нам придется покупать компьютерное время на Церес-центральной! — завопил начальник. — Не можем мы этого себе позволить!

— Вам следовало бы учесть факторы нестабильности прежде, чем подписывать контракт, — деревянным голосом отозвался Голлем. Ему втайне хотелось, чтобы у старшего было поменьше волос; прижимать так скинхеда намного проще.

— Позвольте хотя бы привезти камни, какие мы уже оборудовали зарядами, — молил начальник.

— Сколько у вас тут блоков питания? — указал Голлем.

— Двадцать один.

— Я заберу из них шесть и дам вам свидетельство. Это дешевле, чем полный перерасчет.

Челюсть начальника отвисла, потом, сжав кулаки, он зарычал:

— Ах ты, грязный ублюдок!

Внезапно за спиной у них что-то взвыло, и оператор связи сорвал с головы наушники. Потянувшись, начальник Одиннадцатой щелкнул тумблером динамика, и хабитат наполнился ревом на всех частотах. С минуту Голлему казалось, что это фронтальная вспышка на Солнце, потом он разобрал в этом вое человеческий крик:

— СОС! НА ПОМОЩЬ! ГО-О-О-ОЛЛИ-И-И...

О нет! О Господи Иисусе, нет! Он хлопнул ладонью по тумблеру динамика, чувствуя, как по всему телу у него выступает пот.

— Да что во всем космосе... — начал начальник станции.

— Старый маяк в Провале. — Голлем распихал операторов, прорываясь к шлюзу. — Нужно пойти прикончить его.

Он ворвался в корабль и врубил инжекторный ускоритель. Нет теперь времени на блоки питания. Вопль означал, что Топанга действительно в опасности — она звала не мертвецов.

Если он подключит запасной инжектор, то сможет отменить заранее заданные шаблоны поля и взять более короткий, прямой курс. Что, разумеется, строго воспрещено правилами Компании. Он так и сделал, а потом открыл все каналы связи. Топанги в эфире не было.

Пожар? Столкновение? Скорее Лео и его дружки сделали свой ход.

Он несся в искривлениях поля, зря расходовал горючее, пальцы его механически щелкали настройками радара в надежде поймать сигнал какого-нибудь фагера, толкача, хоть кого-нибудь. Он поймал только болтовню шахтеров в дальнем далеке и разговор пары операторов складских баз, спрашивающих друг у друга, что это за тревога. Кто-то из сектора Темис монотонно вызывал инспектора Хару. Как водится, Хара не отвечал, Темис-центральной шло лишь автоматическое «ждите ответа». Голлем непредвзято обругал их всех, пытаясь выдавить из мозгов хоть какой-нибудь план.

Зачем бы толкачам так быстро захватывать «Рагнарёк»? Конфронтация не в их стиле.

Может, они сочли, что риска тут никакого? Кулак Голлема крушил тюнер, выбивая тяжелый ритм хеви-метлла. «Выкрась черным...» Но им придется оставить ее в живых до тех пор, пока я туда не доберусь. Им нужен я.

Что делать? Купятся они на угрозу вызвать Церес-центральную? Не стоит трудиться отвечать. Они не хуже тебя знают, что налет Компании приведет к тому, что Топанга окажется в больнице для престарелых, «Рагнарёк» в парке трофеев Квайна, а Голлем в трудбригаде зомби... Как вырвать Топангу из их лап? Если я попытаюсь блефовать, первое, что они сделают, это вкатят нам обоим дозу фага. Подсаживающую дозу. *Почему, ну почему я оставил ее одну?*

Мысли его завершали уже энный виток по такой вот мученической орбите, когда он заметил, что голос Темиса форсировал усилитель и пытается теперь докричаться до «Коронис», его родной базы. Поправка: родной базы Квайна. Никакого ответа.

Вопреки совету желудка он настроился на их волну.

— Медбаза Темис вызывает Коронис-центральную, у нас чрезвычайная ситуация. Коронис, пожалуйста, ответьте. Медбаза Темис вызывает Коронис-центральную, аварийная ситуация, пожалуйста...

Женщина, явно диспетчер связи.

Наконец девица Квайна отозвалась:

— Медбаза Темис, вы нарушаете наши информационные потоки. Пожалуйста, приглушите сигнал.

— Коронис, у нас аварийная ситуация. Нам нужна помощь... В нас вот-вот врежется астероид!

— Медбаза Темис, свяжитесь с офицером безопасности, патрулирующим ваш сектор, у нас нет полномочий действовать за пределами сектора Компании. Вы нарушаете наши информационные потоки.

— Наша база не отвечает! Нам нужна помощь, у нас жертвы...

— Коронис, — ворвался мужской голос, — немедленно свяжите меня с вашим начальством. Это врачебная необходимость.

— Медбаза Темис, руководитель сектора Квайн в настоящее время находится за пределами базы. У нас идет монтаж грузового шаттла под трансмарсианское окно, пожалуйста, ждите, пока не будет произведен запуск.

— Но...

— Коронис, конец связи.

Голлем скривился, пытаясь вообразить себе, как Квайн выходит за пределы станции.

И вернулся к ломанию головы над собственной проблемой. Женщина с Темис продолжала вызывать:

— Мы на траектории столкновения, нам необходимы блоки питания, чтобы сойти с нее. Если кто-то может нам помочь, пожалуйста, отзовитесь. Медбаза Темис...

Он ее отрубил.

Одного «Рагнарёка» вполне достаточно, и его «Рагнарёк» лежал прямо перед ним.

Оставалась еще смутная вероятность, что толкачи не ждут его так скоро. Голлем сбросил скорость и стал медленно

дрейфовать к древнему кораблю. Когда экраны его прояснились, он увидел, что в пузырях позади грузового шлюза помаргивают, перемещаясь, огни.

Его единственный шанс, если они не успели еще перетащить фаг на борт.

Вцепившись в рычаг демонтажного лазера, Голлем бросил патрульный катер прямо на главный шлюз «Рагнарёка». Лазерный луч веером прошелся по пузырям, срезав два основательных ломтя, прежде чем Голлему пришлось затормозить. Ударная волна от столкновения бросила его на панели управления. Стыковочные устройства сопрягались, и Голлем головой вперед рванулся в шлюз «Рагнарёка». Когда за ним начал закрываться внешний, он ударил по кнопке аварийного открытия внутренней камеры, отчего по всему кораблю завыли аварийные огни. Вот он уже внутри и, отталкиваясь от стен, несется вверх по шахте. Поверх воя сирен слышался еще и металлический лязг: фагеры бегом выбегали из грузового люка, чтобы спасти свои пузыри. Если он сможет добраться до мостика первым, внутрь их он уже не впустит.

Он извернулся, оттолкнувшись обеими ногами от труб, и пулей влетел на мостик, рука его тянулась к рычагу аварийного закрытия шлюзовых затворов. Им не пользовались десятилетия — Голлем едва не сломал запястье, дернув за рычаг и одновременно преодолевая силу инерции своего прыжка, и в награду услышал, как далеко внизу сладко заскрежетали рычаги и люки шлюзов.

Затем он повернулся к креслу пилота, где должна была сидеть Топанга, и увидел, что опоздал.

Да, в кресле-то она была, но обеим руками сжимала себе горло, и глаза у нее закатились. Позади кресла маячила худая безволосая фигура: фагер расслабленно облокотился о спинку кресла, а в кулаке у него была зажата скрученная из провода удавка, надетая на шею Топанге.

— Вот уж поистине героизм, инспектор, — ухмыльнулся толкач.

Долю секунды Голлем размышлял, неужто Лео не заметил нацеленного на него ручного лазера, но потом увидел, что Лео вдавил в бок Топанге сварочную горелку.

Чека безопасности была снята.

— Мировая, мальчик Голли? Клади пушку.

Не выйдет.

Минуту спустя Голлем послал лазер дрейфовать мимо руки локтя Лео. Фагер на это не купился.

— Открывай, — дернул в сторону рычага шлюза подбородком фагер, и Топанга издала клокочущее хныканье.

Стоит Голлему открыть шлюз, и игра закончена, раз и навсегда. Он застыл в невесомости, его напружиненное тело искало позади себя хоть что-то, от чего можно оттолкнуться.

Фагер толкач дернул за провод. Руки Топанги задергались вверх-вниз. Один ужасающий глаз уставился на Голлема. Искорка в нем. Топанга словно пыталась сказать «НЕТ».

— Ты ее убиваешь. А когда ее не станет, я оторву голову и выброшу тебя в мусоросборник.

— И чегой-то тебя так тянет убивать? — Фагер захихикал.

Внезапно дернув за провод, он перевернул Топангу вниз головой, так что ее ноги поплыли в сторону Голлема. Старая женщина немощно брыкалась. Безумие какое-то, но ее босые ноги были совсем девичьими.

— Открывай.

Когда Голлем не двинулся с места, рука фагера поднялась по грациозной дуге, распустились когтями пальцы. Арка пламени прорезала, прошла назад, прорезала снова, когда Топанга конвульсивно выгнулась. Одна девичья стопа отделилась и поплыла в сторону, таща за собой хвост капель. Голлем увидел указывающую прямо на него из почерневшей культи белую палочку. Топанга затихла.

— Еще много осталось, — хмыкнул толкач. — Вот уж действительно крутая старушка. Открывай.

— Отпусти ее. Отпусти ее. Я открою.

— Открывай давай. — Снова дернулась горелка.

Внезапно Топанга изогнулась, слабо скребя пах Лео. Голова фагера на мгновение качнулась вниз.

Голлем нырнул ему под руку, выворачивая против инерции собственного движения руку толкача. Горелка, вырвавшись, понеслась по кабине, в то время как Голлем и фагер барахтались, ослепленные длинным балахоном Топанги. Фагер вытащил откуда-то нож, но не мог найти точку опоры. Голлем почувствовал, как сцепились у него на талии ноги толкача, и воспользовался этим, чтобы оттолкнуть подальше Топангу. Когда перед глазами у него прояснилось, он сдавил, прижимая к себе, фагера и начал решительно взимать проценты со стольких часов физзарядки.

Как раз в тот момент, когда он ощупью искал провод, чтобы связать им неподвижное уже тело, что-то врезало ему по затылку сразу за ухом, и свет погас.

Очнулся он под крики Топанги:

— Вал! Вал! Я их держу!

Она разве что не волосами цеплялась за консоль, а обеими руками наставила на него древнюю «молнию». Из дула сантиметрах в тридцати от его головы вился дымок.

— Топанга, это я... Голли. Очнись, астронавт, дай мне его связать.

— Где ты, Вал! — смеясь, прокричал девичий голос. — Я с'час прикончу этих гадских засранцев. Вал!

Валентин Орлов, ее муж, уже тридцать лет лежал в снегах Ганимеда.

— Вал занят, Топанга, — мягко произнес Голлем. Звуки, доносившиеся с обшивки, вовсе ему не нравились. — Вал послал меня помочь тебе. Положи пушку, космодевочка. Помоги мне связать этого подонка. Они пытаются украсть мой катер.

Теперь он вспомнил, что в спешке забыл закрыть шлюз.

Топанга смотрела на него в упор.

— *И почему так часто встречаю я здесь твою рожу?* — прокаркала она. — *Зенки цвета немытой посуды...*

Тут она потеряла сознание, и Голлем бросился в шахту, стремясь попасть в шлюз.

Его патрульный катер отчаливал. За ним на тросе плыла шлюпка торговцев фагом.

Он сел на мель на «Рагнарёке».

Ярость взметнула его назад на мостик. Он умудрился послать вслед толкачам слабую струйку лазерных лучей, но те стремительно набирали скорость. Бесполезно. Тогда он подтянул голову фагера так, чтобы она оказалась прямо над его коленом, потом с силой выбросил колено вверх и лишь затем взялся оснащать Топангу иглами внутривенного вливания, с трудом попадая в паутину старческих вен. Как, черт побери, эти клешни удержали пушку? Скрипя зубами, чтобы утишить восстание в желудке, он наложил покрывающий гель на ее ожоги. Уборку он завершил тем, что отбуксировал фагера и отрезанную стопу к шлюзу мусоросборника.

Держа одну руку на кнопке «пуск», он вдруг, хмурясь, замер. Не помешало бы выбить из Лео кое-какие сведения. Что это они затеяли в его секторе?

Тут в голове его прояснилось, и кулак вдавил «выбросить». *Его* сектор?

Если он попадет в руки Компании, то остаток жизни проведет с проводками в мозгах, отрабатывая этот патрульный катер. Это если ему повезет.

Не выйдет, бежать некуда. Космос принадлежит Компаниям. Он и впрямь теперь в двух тысячах световых лет от дома — на мертвом корабле.

Мертвом?

Голлем отбросил со лба жидкие волосы и усмехнулся. У «Рагнарёка» здоровая экосистема, уж об этом он позаботился. Никто, кроме фагеров, не знает о том, что корабль здесь, а уж против них он какое-то время тут продержится. Возможно, достаточно долго, чтобы проверить, можно ли извлечь какое-то горючее из этого дома с привидениями, не взбудоражив при этом весь сектор. Внезапно он от души и вслух рассмеялся. С его внутреннего взора глаз спал ржавый ставень, открывая доступ славе.

— Человек, человек! — пробормотал он и засунул голову в камеру регенерации, чтобы проверить, как обстоят дела

на длинных рядах кювет с культурами, уходящих вдаль в свете вечногорящих ламп.

Минута ушла у него на то, чтобы понять, в чем дело.

Неудивительно, что торговцы фагом явились так быстро. Неудивительно, что он хохочет как последний дурак. Они всю камеру засеяли культурой фага. Не корабль, а фабрика. Первые кюветы созрели и вот-вот уже дадут споры, сам воздух был тягучим. Голлем вытащил кюветы, глотнув при этом чистейшего фага, и отправил созревшие кюветы в шлюз мусоросборника.

Потом заполз назад на поиски новых. На всех стадиях фотосинтезирующая водоросль начинала сбиваться в комья, сворачиваться в лишайникоподобный симбиот, называемый фагом. Ни одной чистой кюветы.

Еще несколько часов, и на «Рагнарёке» не останется воздуха.

Но им с Топангой будет уже все равно. Они к тому времени давно уже будут парить в просторах космоса, подохнув от передозняка.

Вот теперь его действительно прижало.

Залив в систему вентиляции немного жидкого кислорода, Голлем поднялся на мостик. Добудь чистый метаболит или умри.

Но кто даст им воздух? Даже если ему удастся сдвинуть с места «Рагнарёк», склады и франшизы, неминуемо компании об этом узнают и будут настороже. С тем же успехом можно послать сигнал на «Коронис» и сдаться. Может, Квайн не станет утруждать себя тем, чтобы добраться до них с Топангой вовремя. Может, так будет лучше. Лечебницы. Провода.

Топанга застонала. Голлем пощупал ей виски. Горячие, как плазма: старым дамам с укороченной ногой не следует играть в войну. Он выискал биогены, восхищаясь пузырьками, ампулами, таблетками, ингаляторами, спреями, забрасывающими в организм невесть что, но помогающими выжить. Контрабанда, какую они с Валом взяли на борт

в былые дни свободы. Сокровищницы Топанги хватило бы, чтобы укомплектовать...

Погодите минутку.

Медбаза Темис.

Он настроил приемник «Рагнарёка».

Женщина с Темиса еще звала — тихо и хрипло. Он вывернул антенну так, чтобы она давала насколько возможно узкий луч.

— Медбаза Темис, слышите меня?

— Кто вы? Кто тут? — Удивление вырвало ее из повторения заученных из учебника фраз.

— Это миссия траления космоса. У меня на борту пострадавший.

— Где...

Тут ворвался мужской голос:

— Говорит главврач Кранц, пилот. Привозите своего раненого, но на нас движется беглый астероид в гравиевом облаке. Если в течение ближайших тридцати часов мы не добудем горючего, чтобы увести базу, нас продырявят. Можете нам помочь?

— Всем, чем могу. Проверьте координаты.

Женщина остолбенела от десятичных знаков. Какой смысл говорить им, что «Рагнарёк» им без пользы. Блок сумматора гравитации не сможет увести базу и до появления кометы Галлея. А ядерный реактор «Рагнарёка»... Если он заработает, это будет все равно что вытирать глаза реактивным двигателем.

Но их воздух может спасти *их с Топангой.*

Реактор. Отталкиваясь от переборок, Голлем буквально попрыгал в машинное отделение, зная, что живостью в членах он отчасти обязан фагу. Лишь отчасти. Тысячи раз ходил он этим коридором, тысячи раз с трудом отрывал себя от искушения. Теперь, ликуя, он начал проверять платы, схемы которых сотни раз прослеживал пальцами, перепроверял и вворачивал заново давно выдернутые кем-то плавкие предохранители. Тут имелся пакет запаянного в пластик самовоспламеняющегося резерва топлива для запала. Потрясающий

процесс конверсии, настоящий кошмар паяльщика, нагромождение теплообменников и контуров переменного тока. Безумно, расточительно, опасно. Микросхем здесь хватит, чтобы опутать ими весь Пояс. Невероятно трудно поверить, что эта махина довезла человека на Сатурн, еще труднее поверить в то, что она заработает сегодня.

Он постучал друг о друга стержнями реактора, издавшими при этом тупой лязг, потом щелкнул тумблерами, опускающими эти стержни в реактор. Никто не может сказать, что там выкристаллизовалось. Каналы подвода топлива в конвертер задребезжали от собравшейся там за тридцать лет пыли. Запальный резерв спроектирован был, вероятно, лишь ради одного аварийного пуска. Сможет ли он запалить его снова, чтобы затормозить?

Учись по ходу дела.

Одно известно наверняка, что когда проснется этот достопочтенный металлический вулкан, все до одного радары отсюда до Коронис засветятся как новогодние елки.

Вернувшись на капитанский мостик, он услышал шепот Топанги:

— *Мы покинули гавань, зависшую среди тьмы — о стальное знанье, чей скачок свяжет тебя...*

— Молись, чтобы он совершил скачок, — сказал ей Голлем и начал вводить курс, по два раза перепроверяя все, потому что в тени сновали фагомыши. Потом плотнее укутал Топангу в антигравитационную сеть.

Один за другим ожили огни на панели управления реактора.

Инфразвуковой гул, нарастающий в недрах «Рагнарёка», наполнил сердце Голлема ужасом и радостью. Он бросился на соседнюю с креслом пилота антигравитационную кушетку, пожалев, что у него нет ничего при себе, что он даже не начал обратный отсчет. Старт. *Поехали.* Гул расцвел, превратился в грохот дробилки руды. Гравитация обрушилась на него внезапно. Все на мостике полетело на палубу. Антигравитационная кушетка покосилась на сторо-

ну, рев взвился до визга, который словно прорезал ему мозг, а потом затих.

Когда он вновь с трудом добрался до радара, то обнаружил, что поджиг реактивного двигателя сработал верно. «Рагнарёк» несся к Темис. Тут он увидел, что глаза Топанги открылись.

— Куда мы направляемся? — спросила она будничным как мыло голосом.

— Я увожу твой корабль в соседний сектор, в Темис. Нам нужен метаболит, кислород. Фагеры попортили твои регенераторы.

— В Темис?

— Там есть медбаза. Они дадут нам метаболит.

Ошибка.

— О нет... нет! — Она забилась в ремнях, села. — Нет, Голли! Я не хочу в больницу! Не дай им забрать меня!

— Никто и не говорит о больнице, Топанга. Ты останешься вот тут на корабле, а я пойду к ним за метаболитом. О тебе они даже знать не будут. Мы не пробудем там и пяти минут.

Бесполезно.

— Да проклянет тебя Господь, Голлем. — Она предприняла попытку сплюнуть. — Ты пытаешься заманить меня в ловушку. Я тебя знаю! Ты никогда не дашь мне свободы. Ты меня тут не похоронишь, Голлем. Можешь гнить себе в Лунодоме со своим мерзким детенышем, а я лечу к Валу!

— Остынь, космоходец, ты уже зеваешь.

Он наконец вогнал в нее немного транквилизаторов и вернулся к изучению «Рагнарёка». Фаг теперь становился все сильнее. Когда Голлем поднял взгляд на голограммы, они наблюдали за тем, как он ведет их корабль. Герои звезд былых времен. Вал Орлов, Фитц, Ганнес, Мьюра — все великие. Временами лишь усмешка за омытым золотом иллюминатором шлема, только имя на скафандре подле какого-нибудь сумасшедшего механизма. За ними — затерянная в космосе пустыня, неизведанная земля под светом неведомых лун. Все живы, все так молоды. Вот

Топанга, обнимает за плечи еще одну космодевочку, смуглую русскую, которая до сих пор крутится на орбите Ио. Обе улыбались до ушей, глядя куда-то мимо него, счастливые, яркие и живые.

Когда они начнут говорить, это и будет приход...

Он установил гироскопы, чтобы развернуть реактор «Рагнарёка» в положение, как он полагал, необходимое для запала. Если он может доверять циферблатам, запала хватит на торможение и на последний поджиг, чтобы убраться из Темис. Но куда он полетит с медбазы? В небо в алмазах...

Он услышал, что мурлычет себе под нос какой-то мотивчик, и решил перевести «Рагнарёк» на автопилот. Не важно, в каком состоянии компьютер, он все равно не столь безумен, как Голлем сейчас.

Ты видел маму, дружок, видел, как она стоит в тени?

Когда в голове у него запели «Стоунз», он спустился вниз и вышвырнул в мусоросборник половину кювет. То, что на корабле осталось всего три баллона с кислородом, показалось ему смешным до колик. Он вскрыл один.

Глоток кислорода отрезвил его настолько, что он вспомнил о том, что надо проверить сводку погоды. Женщина с медбазы все еще пыталась вызвать Темис-центральную. Голлем подавил порыв просветить ее относительно Компаний и сосредоточился на обновленных орбитах беглых троянцев. Теперь он понял, что так всполошило медбазу. Головной беглец промахнется мимо нее на несколько мегамиль, но при этом он достаточно массивен, чтобы поднять целое цунами гравия. Меньший беглец позади него замыкал хвост. Второй астероид тоже пойдет мимо, но гравиевое облако между этой парочкой способно разорвать мономолекулярные пузыри в клочья.

Он должен успеть попасть на базу и убраться с нее, и сделать это нужно быстро.

Он дохнул еще кислороду и рассчитал орбиты беглецов в наихудшем варианте аварийной ситуации. Выглядело неплохо — для него. Желудок у него дрогнул; даже под фагом Голлем без особого труда мог вообразить себе, каково это

будет, когда медики обнаружат, что он и Топанга на наркотиках.

Тут Голлем заметил, что Топанга усмехается. От фага пользы ей было много больше, чем от транков.

— Не беспокойся, звездная девочка. Голли не даст им тебя зацапать.

— Воздух. — Она пыталась указать на систему жизнеобеспечения, индикатор которой давно уже горел красным.

— Знаю, космоходец. Воздух мы получим на медбазе.

Она наградила его странной, совсем не свойственной ей улыбкой.

— Как скажешь, маленький Голли, — хрипло прошептала она. — Я знаю... ты был чудесен... прекрасен...

Ее рука протянулась — раскаленная. Этого он уж точно не мог принять. Жаль, что от кислорода рок в голове пропал.

— Почитай нам стихи в дорогу, звездная девочка.

Но она была слишком слаба.

— Почитай мне...

Ее сканер был полон стихов.

— *Нефтью промытыми кольцами слепого экстаза.* — Трудно врубаться в текст, но вдруг пульсирующие буквы обратились в музыку в его глотке. — *Человек слышит себя как мотор в облаках!* — распевал Голлем, и ему подпевали призраки.

— *Прекрасны марафонцы среди звезд!.. Душа, оперившаяся из нафталина в новые просторы, уже познает близкие объятия Марса...*

Как выяснилось впоследствии, ему посчастливилось, что он поставил корабль на автопилот и остался в скафандре.

Первое впечатление от медбазы: большие карие глаза шимпанзе внимательно всматриваются в него, а надо всем этим мерно качается смотровая лампа. Голлем отдернулся и обнаружил, что его выковыряли из скафандра и привязали ремнями к смотровому столу. Забавное ощущение оказалось смоделированной гравитацией, а шимпанзе — коренастым типом в белом врачебном комбинезоне. Медик как раз развязывал ремни.

— Я же говорила тебе, что он не фагер, — раздался женский голос, когда Голлем с трудом натягивал на себя свой комбинезон.

— Корабль был брошен за негодностью, — объяснил им он. — Его использовали торговцы фагом. Мой товарищ по команде под кайфом. Все, что ему нужно, это воздух.

— Блоки питания, — сказал на это Кранц. — Я помогу вам перенести их сюда.

— Вам нет нужды идти на корабль... они у меня уже готовы. Просто дайте мне пару ядер метаболитов, чтобы запустить систему очистки воздуха на корабле.

Ни о чем не подозревая, Кранц махнул женщине, чтобы та показала дорогу на их склад. Голлем увидел, что вся их база состоит из одного большого дешевого пузыря, закрепленного на контрольный модуль с жесткими стенами. Под покрывающей пленкой пузырь даже не был запаян по швам; пара камешков базу просто прикончат. В палате было двадцать с чем-то пациентов с ожогами, все в лечебных коконах. На Темис лечением ожогов не утруждались.

Прибрел нетвердой походкой старик — космокрыса, лишившаяся большей части своего исходного снаряжения — и открыл ему склад. Голлем набрал метаболитов, сколько мог унести, и двинулся к шлюзу. У самого люка женщина схватила его за локоть.

— Вы ведь нам поможете? — Глаза у нее были темно-зеленые. Голлем сосредоточился на ее срезанном подбородке.

— Сразу вернусь. — Шагнув в шлюз, он нажал на кнопку закрытия люка.

«Рагнарёк» был пристыкован к базе и покачивался на фале — Голлем не помнил, чтобы он его закреплял. Перебравшись, он нашел конец, запутавшийся в рычагах шлюза. Один кувырок или неудачное падение — и прощай Голлем.

Войдя на корабль, он услышал голос Топанги. Голлем поспешно протолкался наверх.

И вновь он пришел слишком поздно.

Пока он был на складе, ни о чем не подозревающий, невинный главный врач Кранц натянул скафандр и первым поднялся на борт «Рагнарёка».

— Это тяжелобольная старая женщина, космоходец, — проинформировал он Голлема.

— Юридический владелец этого покинутого корабля, доктор. Я везу ее на базу «Коронис».

— Я немедленно забираю ее на базу. У нас есть все необходимое оборудование. Доставьте блоки питания.

Голлем видел, что глаза Топанги закрыты.

— Она не хочет, чтобы ее госпитализировали.

— Она не в состоянии это решать, — отрезал Кранц.

Метаболит уже на борту. По всему выходило, что доктор Шимпанзе Кранц сам выбрал себя в члены экспедиции в никуда. Голлем начал дрейфовать вдоль панели запала, расположенной возле антигравитационной сетки Топанги.

— Думаю, вы правы, сэр. Я помогу вам ее подготовить, и мы ее перенесем.

Но в ручке Кранца возник шокер.

— Блоки питания, космоходец. — Он махнул Голлему, приказывая спускаться в шахту.

Не было никаких блоков питания.

Голлем отступал, пока не уперся спиной в метаболит, наблюдая за шокером и надеясь, что державшая его рука дрогнет. Та не дрогнула. Оставался только один шанс, если можно было назвать это шансом.

— Топанга, этот добрый доктор намерен забрать тебя в свою больницу, — громко произнес он. — Он хочет перенести тебя в свою палату, где ему будет удобнее заботиться о тебе.

Веко Топанги сморщилось, приоткрываясь, потом опало вновь. Старая разбитая женщина. Никакого шанса.

— Вы с ней справитесь, доктор?

— Питание, сейчас же. — Кранц щелчком снял предохранитель.

Голлем кисло кивнул и, как мог, медленно начал сползать вниз. Кранц подошел поближе, к самому краю шахты, чтобы удобнее было следить за ним, но оставался далеко за пределами досягаемости.

Что теперь?

Отсюда Голлем не смог бы добраться до электросхем запала, даже если б знал, как их закоротить.

И как раз тогда, когда он обернулся, чтобы поискать чего-нибудь, что можно было бы выдать за блок питания, все и случилось.

Шлепок словно от взорвавшегося пузыря. По шахте прокатилась ударная волна, и главврач Кранц кувырком полетел вниз.

— Молодец, девочка! — крикнул Голлем. — Ты ему задала!

Вырвав шокер из обмякшей ручки Кранца, он взмыл вверх по шахте. Когда его голова поднялась над полом мостика, он обнаружил, что смотрит прямо в дуло пушки Топанги.

— Убирайся с моего корабля, — проскрипела она. — Лживая гнида. И своего четырехглазого игловтыкателя с собой забирай!

— Топанга, это же я. Это Голли...

— Я знаю, кто ты, — холодно отозвалась она. — Тебе никогда меня не поймать.

— Топанга! — выкрикнул он.

Мимо его уха просвистела «молния», Голлем встряхнуло ударной волной.

— Вон! — Она перегнулась через край шахты, нажимая на спусковую клавишу.

Голлем медленно отполз вниз к шлюзу, подобрав по дороге Кранца. С ведьмовской фигуры над ним летели вниз биопластыри и повязки, волосы, сиявшие некогда рыжиной, стояли дыбом точно нимб белого огня. Она, наверное, дышит чистым фагом, подумалось ему.

Долго ей так не продержаться. Все, что от меня сейчас требуется, это двигаться медленно.

— Вон! — выкрикнула она.

Тут он заметил, что одним локтем она прижимает к себе кислородную трубку Кранца. Похоже, сегодня он только и делает, что недооценивает людей.

— Топанга, — взмолился он и лишь чудом увернулся от еще одной «молнии».

Выстрел прошел мимо цели, но ведь не может же Топанга промазывать вечно. Голлем решил, что вытащит Кранца и вернется обходным путем через аварийный шлюз. Вроде на стойке с инструментами в шлюзе медбазы он видел сварочный аппарат.

Он протолкал Кранца через фал и назад в шлюз медбазы. Женщина ждала за дверьми. Когда открылся люк, он толкнул на нее тело главврача, а сам схватил сварочный агрегат. Чудо-баба без подбородка все схватывала на лету — не теряя времени на Кранца, она бросилась на агрегат и принялась вырывать его у Голлема. Под ее комбинезоном скрывались совсем не женские мускулы, Голлем врезал кулаком туда, где полагалось быть челюсти, и рванулся назад в шлюз.

Когда шлюз начал закрываться, он сообразил, что, задержав его, женщина, вероятно, спасла ему жизнь.

Во внешнем шлюзе имелся иллюминатор, через который ему были видны сопла «Рагнарёка». Звездное небо за ними растворялось.

Он издал неопределенный стон и вывернул рулевое колесо люка назад, чтобы открыть себе проход назад на медбазу. Как только открылся люк, он стремглав выскочил из него, сбив на пол медиков. Позади него люк вспыхнул словно вспышка на солнце.

И Голлем, и медики, словно зачарованные, смотрели, как изливается из «Рагнарёка» беззвучная лавина пламени. Вот он уже двигается, быстрее, еще быстрее. Реактивная струя качнулась, и иллюминатор почернел.

— Горит! Давайте пену!

Кранц схватил канистру уплотнителя, и они с Голлемом со всех ног понеслись к краю контрольного модуля, где выхлоп «Рагнарёка» опалил пузырь. К тому времени, когда прожоги были залатаны, от корабля остался лишь огненный, но уже тускнеющий в звездной россыпи хвост.

— Топанга не любит больниц, — безжизненно объяснил Голлем.

— Блоки питания! — настаивал на своем Кранц. — Позовите ее назад!

Медики толкали Голлема к панели коммутатора связи.

— Невозможно. Она только что сожгла последний запал. Куда она сейчас направляется, туда она и попадет.

— Что вы имеете в виду? На «Коронис»?

— Ни в коей мере. — Голлем почесал косматую голову. — Я... я точно не помню. Марс, может быть, Солнце.

— С блоками питания, которые могли бы спасти этих людей. — На лице Кранца возникло такое выражение, какое, наверное, бывало, когда главврач глядел на гангрену. — Благодаря вам. Я предлагаю вам удалиться с моих глаз до истечения нашего совместного здесь существования.

— Не было никаких блоков питания, — сказал, собираясь уже было выходить, Голлем. — Торговцы фагом украли мой патрульный катер, а сами видели, какой на этом корабле реактор. Ускорение разнесло б вас на части.

Женщина последовала за ним.

— Кто она, космоходец?

— Топанга Орлова, — с мукой выдавил Голлем. — Жена Вала Орлова. Они были в первой экспедиции на Сатурн. Это их корабль, «Рагнарёк». Она пряталась от мира в моем секторе.

— Вам просто нужен был воздух.

Голлем кивнул.

Они стояли как раз у базы голопроектора. Компьютер прогонял обновленную проекцию в реальном времени траекторий приближающихся троянцев. Зеленым выбросом сигнала была обозначена медбаза, красным с пятном — меньший из троянцев и его свита из гравия. Голлем присмотрелся к векторам. Никаких сомнений.

Стоял темный период, иными словами, время сна. Завтрак обитателям медбазы, возможно, съесть удастся, но, сказать по правде, ленча им не видать. К полудню или около того медбаза превратится в органическое удобрение в рое космического льда.

А с ней и бывший инспектор Голлем.

Оба медика ушли в палаты к больным, а Кранц смягчился настолько, чтобы принять предложение Голлема сесть за радар и устройство вызова. Дрожа и пошатываясь, прибрел понаблюдать за ним старый космоходец — вид стартующего «Рагнарёка» разжег в нем былой задор.

Голлем записал на пленку шаблон «аварийный вызов» и, запустив его, начал искать по частотам. Старик бормотал что-то о звездных кораблях.

Никто не отвечал, никто не ответит.

Однажды Голлему показалось, он слышит эхо голоса Топанги, а может, ему только почудилось. Кислород у нее давно уже, наверное, закончился, подумал он. Безумный старый фагопризрак в последнем своем трипе. Куда он рассчитал ей путь? Он вроде помнил что-то, связанное с Марсом. Как бы то ни было, она и ее корабль не окончат свои дни в личном музее охотника за трофеями.

— Знаете, кто у них там в коконах? Сквоттеры. — Старик прищурил здоровый глаз, чтобы посмотреть, как Голлем это воспримет. — Скинхеды. Хиппи и придурки. Даже фагеры. Этим медикам все нипочем. — Вздохнув, он почесал культей полузаживший ожог. — Это ж наземники, привыкшие жить на поверхности. Они тут долго не продержатся.

— Вот именно, — согласился Голлем. — До завтра, не дольше.

Старику эта «шутка» пришлась, похоже, по вкусу.

Ближе к полуночи на вахту заступил Кранц. Женщина принесла подогретый томатный сок с самогоном. Голлем начал было отказываться, но сообразил, что желудок у него больше не болит. Не о чем теперь волноваться. Он отхлебнул возбуждающего. Женщина смотрела на экран сканера.

— «Рагнарёк» прекрасен, — пробормотала она.

— Брось, Анна, — оборвал ее Кранц.

Она продолжала просматривать чертежи, карты и бегущий текст, потом вдруг затаила дыхание.

— Ваше имя Голлем, ведь так?

Голлем кивнул и подошел поближе, чтобы взглянуть на проекцию.

Некоторое время спустя женщина по имени Анна подошла вслед за ним и тоже стала смотреть на проекцию. Старый космоходец спал в углу.

— Топанга была когда-то замужем за неким Джорджем Голлемом, — негромко произнесла Анна. — У них родился сын. На Луне.

Голлем забрал у нее из рук картридж сканера и швырнул его в шахту мусоросборника. Анна не сказала ничего больше. Оба они некоторое время смотрели на проекцию. Голлем заметил, что глаза у нее настолько хороши, что вполне возмещают отсутствие подбородка. Она на него не смотрела. В проекции ничего не менялось.

Около четырех часов утра она вернулась к приборам и приняла вахту у Кранца. Мужчины устроились ждать.

— Вызывает медбаза Темис, пожалуйста, ответьте. Вызывает медбаза Темис, — монотонно шептала женщина в микрофон.

Кранц вышел.

Голлему думалось, что даже дышать теперь слишком большой труд.

Внезапно Кранц щелкнул пальцами из соседней комнаты. Голлем пошел на звук.

— Смотрите.

Они склонились над проектором. Красное пятно подошло ближе к зеленой точке. А между ними теперь мигала желтая искорка.

— Что это?

Голлем пожал плечами.

— Астероид.

— Невозможно. Мы десятки раз сканировали этот участок.

— Никакой массы. — Голлем нахмурился. — Это призрак в проекции.

Кранц принялся один за другим проверять и выравнивать контрольные устройства ввода данных компьютера. Оста-

вив приборную доску радио и радаров, женщина подошла и тоже склонилась над проектором. Голлем наблюдал за всем происходящим рассеянно, в мозгу его складывались искаженные фагом воспоминания. Что-то, связанное с компьютером.

Повинуясь какому-то порыву, он вернулся к коммуникационному радару и выкрутил приемник на предельную мощность. Все, чего он добился, был взрыв визгов и свистов, фронт давления надвигающихся астероидов.

— В чем дело? — Глаза Анны фосфоресцировали в темноте.

— Ни в чем.

Кранц покончил с проверкой. Желтый призрак остался на месте, только теперь он скользил к красному пятну. Если это астероид, массы у него было в сто раз больше, чем следовало бы, ровно столько, сколько могло бы изменить траекторию гравиевого роя. Могло, но не изменило.

Голлем бездумно играл радаром. Старый космоходец храпел. Минуты закоченели. Встряхнувшись, Кранц увел Анну обходить больных. Вернувшись, они остановились у проектора.

Неизвестный объект не исчез, а держал курс на троянцев.

В какое-то мгновение предрассветных часов Голлем поймал слова, подрагивающие на волне космического шума:

— Есть контакт, Вал! Я иду...

Все столпились вокруг него, а он терпеливо улещивал тюнеры, но — пусто. Вскоре из соседней комнаты раздалась рябь отключающихся реле, и все бросились туда. Проектор был мертв; компьютер предохранил себя от индукционной перегрузки.

Они так никогда и не узнали, что в точности произошло.

— Такое возможно, — признался им Голлем. Это было уже далеко за полдень, когда они решили наконец поесть.

— Я знаю, что по дороге сюда, еще до того, как я совсем отлетел на фаге, я рассчитывал траекторию троянцев до базы и скорость их продвижения. Может, я случайно ввел

в компьютер координаты мостика «Рагнарёка», а возможно, они и так уже были в памяти. Предположим, Топанга стартовала без заранее установленного курса. Такие старые механизмы запрограммированы на поиск уже просчитанных вариантов. Волне возможно, что компьютер изменил соотношения координат и протолкнул на место курса ту самую траекторию до камня.

— Но у вашего корабля не было массы, — возразил Кранц.

— Эта штука была космочерпалкой, питающей громаднейший реактор. Амортизаторы у нее как сыр. Понимаете, она все равно что ложка с дырками. «Рагнарёк» мог почерпать себя прямо через гравиевое облако и взорваться, столкнувшись с троянцем. У вас теперь, возможно, появится карманное солнце.

В темный период они вернулись к этому разговору. И еще раз на следующее утро. И снова, когда он и Анна просто так глазели из иллюминаторов.

Много дней спустя он показал Анне рукописный текст, какой закрепил на стене медбазы «Свободный Анклав»:

Запущенные в глубоководные купола космоса
К бесконечным терминам, в Пасхи ускоряющегося света —
Бескрайние моторы, с грацией серафимов входящие в виражи,
На зовущих призывно цилиндрах исчезают из виду.

Содержание

Предисловие 7
А.Е. Ван Вогт. Рулл 22
Джеймс Шмиц. Вторая ночь лета 58
Л. Спрэг де Камп. Свисток Гальтона 92
Джек Вэнс. Новый Премьер 126
С.М. Корнблат. Та доля славы 162
Ли Брэкет. Последние дни Шандакора 206
Мюррей Лейнстер. Колониальная служба 247
Пол Андерсон. Пришельцы с небес 313
Гордон Р. Диксон. Человек по почте 372
Кордвайнер Смит. Кисоньки-пусеньки
Хиттон-мамусеньки 408
Брайан Олдисс. Почти искусство 442
Бим Пайпер. Бог пороха 473
Урсула К. Ле Гуин. Ожерелье 534
Фриц Лейбер. Лунная дуэль 562
Роджер Желязны. Лица его, пламенники пасти его 579
Джеймс Типтри-младший. Последняя из могикан,
или Небо в алмазах 625

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

Век Дракона

СЕРИЯ "ВЕК ДРАКОНА"

В серии готовятся к выпуску произведения признанных мастеров жанра фэнтези — Анджея Сапковского, Роберта Джордана, Лоуренса Уотт-Эванса, Кристофера Сташефа, Глена Кука, Терри Гудкайнда, Дэйва Дункана, а также талантливых молодых авторов: Мэгги Фьюри, Марты Уэллс, Грегори Киза и других.
"Век Дракона" — это мастера мечей и волшебства, войны с кровожадными чудовищами и ошеломляющие поединки, великие герои и отважные воительницы, невообразимые страны и невероятные приключения...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ –"Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

Вы — поклонник «черной литературы» —
мистики, ужасов, «темных фэнтези»?

Тогда не пропустите книги новой серии
«Темный город»!

В этой серии вышли:

Антология **«Темная любовь»** — двадцать две истории страсти-Одержимости, страсти-Кошмара. Двадцать две истории Безумия, Боли, Безнадеги, которые дарят вам лучшие мастера современной литературы ужасов, от неподражаемого Стивена Кинга до элитарной Кейт Коджа и обжигающего Джона Пейтона Кука.

Антология **«Холод страха»**, которую составляют рассказы, представляющие собой всевозможные направления «литературы ужасов» — от классической ее формы до психологического саспенса, изящного «вампирского декаданса» и черного юмора, от ранее никогда не публиковавшейся в России новеллы Стивена Кинга — до ироничного ужастика Мервина Пика.

«Запретный плод» и **«Смеющийся труп»** Лорел К. Гамильтон — первые две книги одного из самых культовых «вампирских» сериалов мира, стильные, пряные и эффектные хроники бытия «тех, кто охотится в ночи», и тех, кто посвятил свою жизнь изысканному и опасному искусству охоты на «ночных хищников».

«Дом» — первый роман блистательного Бентли Литтла, любимца Стивена Кинга. История страха, крови, смерти. История людей, вырвавшихся из ада — и по собственной воле в ад вернувшихся.

«Кровавая купель» Саймона Кларка — роман, который потрясает не только воображение, но и душу. Воскресным утром мир рухнул. Апокалипсис наступил. И выживут только юные. Только прошедшие очищение в кровавой купели войны и убийства.

Следите за серией «Темный город»!

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

107140, Москва, а/я 140 АСТ — «Книги по почте»

Поклонники Орсона Скотта Карда, это для Вас!

Новые встречи с любимыми героями, новые приключения в бесконечных просторах космоса ждут Вас в серии «Новые координаты чудес».

Читайте роман ***«Дети разума»*** — продолжение саги о легендарном полководце Эндрю Виггине!

Читайте роман ***«Тень Эндера»*** — и вы сможете по-новому взглянуть на первую книгу знаменитой эпопеи!

Читайте ***«Сагу о Вортинге»*** — и вы встретите нового героя, бросающего вызов глубинам космоса во имя спасения человечества!

Все это — в серии

«НОВЫЕ КООРДИНАТЫ ЧУДЕС»!

И еще одна встреча с Орсоном Скоттом Кардом и его героем — Эндрю Виггином: читайте ***«Советника по инвестициям»*** в антологии ***«Далекие горизонты»***, составленной знаменитым писателем Робертом Силвербергом — в серии

«ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ»!

Книги издательства АСТ
можно заказать по адресу:
107140, Москва а/я 140
АСТ — «Книги по почте»

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 10 000 названий книг** самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

В Москве:

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 299-66-01, 299-65-84
- ул. Арбат, д. 12, тел. 291-61-01
- ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- проспект Андропова, д. 13/32, тел. 117-62-00
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

В Санкт-Петербурге:

- проспект Просвещения, д. 76, тел. (812) 591-16-81 (магазин «Книжный дом»)

Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.
Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

ПРИШЕЛЬЦЫ С НЕБЕС
Старая добрая фантастика

Сборник

Художественный редактор О. Адаскина
Компьютерный дизайн: А. Сергеев
Технический редактор О. Панкрашина
Младший редактор А. Рычкова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»
Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Перед вами — сборник, составленный Гарднером Дозуа — самым признанным знатоком англоязычной научной фантастики, главным редактором журнала «Asimov's SF» и составителем авторитетнейших антологий «Лучшая фантастика года».

Перед вами — ЛУЧШИЕ ИЗ ЛУЧШИХ повести за всю историю американской приключенческой фантастики. Произведения, выдержавшие проверку временем и доказавшие свою неподвластность старению!

Поклонники фантастики!

Возможно, какие-то из этих повестей вы уже читали в каких-то сборниках?

Но — как насчет того, чтобы ВСЕ ЭТО было собрано в ОДНОЙ КНИГЕ?!

Не пропустите!

ISBN 5-17-005709-1

9 785170 057092